

В книге представлены 100 наиболее известных мифов и легенд народов мира: это древние мифы шумеров и аккадцев, египтян и индейцев, греков и римлян, представлены индийская, китайская и японская мифология, библейские сказания и легенды средневековой Европы, а также былины, предания и сказания древней Руси. Кроме краткого пересказа их содержания, который по своей стилистике приближен к оригиналам, прослеживается процесс возникновения и развития, история изучения мифов и сказаний; а также их отражение в литературе и искусстве.

100 Великих мифов и легенд

Татьяна Муравьева
100 Великих мифов и легенд
ПРЕДИСЛОВИЕ

Мифы и сказания разных народов мира на протяжении многих веков передавались из поколения в поколение, развивались, усложнялись, совершенствовались, вбирая в себя коллективный опыт человечества и отражая его представления о миропорядке, нравственности и красоте.

Слово «миф» греческого происхождения, оно означает «повествование». Мифами принято называть фантастические повествования, основанные на религиозных верованиях, в которых рассказывается о богах, сотворении мира, «начале всех вещей».

Отличительное свойство мифов, по мнению большинства исследователей, заключается в том, что они создавались и бытовали в то время, когда все рассказанное в них воспринималось как безусловная истина.

Среди ученых единого мнения относительно возникновения и сущности мифов нет. Существует множество теорий, в которых мифы истолковываются как символическое изображение природных явлений, как воспоминание об исторических событиях, как магические тексты, сопровождающие обряды, как отражение процессов, происходящих в человеческой психике.

Как бы там ни было, но сила эмоционального воздействия мифов на человека бесспорна. Уже многие века мифологические образы влияют на развитие культуры и искусства разных стран, являются одним из источников вдохновения поэтов, художников, композиторов.

Действие в мифах происходит в давние — «изначальные» — времена. Это не просто отдаленная эпоха, а особое «правремя», не поддающееся обычному хронологическому определению.

Что касается сюжетов, которые относятся к реальному, обозримому, хотя и давно прошедшему времени, то они становятся объектом уже не мифов, а сказаний. (Впрочем, отзвуки мифологических образов и представлений довольно часто встречаются и в сказаниях.) Сказания обычно подразделяют на эпос, легенды и предания. К эпосу относятся сказания преимущественно героического характера; в легендах обязательно присутствуют фантастические, сверхъестественные мотивы; предания — более реалистичны и часто основаны на действительных событиях. Однако деление это достаточно условно, поскольку эпос может включать в себя фантастический элемент, предание — быть героическим, а легенда — иметь под собой реальную основу.

В мифах и сказаниях разных народов часто встречаются схожие сюжеты, образы, ситуации — «бродячие», как определяют их литературоведы сравнительно- исторического направления. О причине этого явления среди ученых существуют разные мнения: одни объясняют это взаимопроникновением культур и заимствованиями, другие — общностью происхождения и параллельностью развития всех народовмира.

Сюжеты многих народных сказаний и мифов называют «вечными». Они созвучны любой эпохе, интересны людям разного возраста, социального положения, образования. Каждый находит в них что-то важное для себя. Они удовлетворяют и детскую любознательность, и юношескую жажду романтического и чудесного, и стремление зрелого человека приобщиться к общечеловеческой мудрости.

Лучшие мифы и сказания заключают в себе глубокий философский смысл, хранят историческую память народа, обладают занимательностью сюжета, красотой и поэтичностью образов, то есть являются источником познания, дают пищу для размышлений, будят воображение и дарят эстетическое наслаждение.

Мифы и сказания разных народов ярко отражают национальные особенности, характер, быт и нравы, но главная их суть-стремление к добру и справедливости, общее для всего человечества.

ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Долина между реками Тигр и Евфрат в истории известна под греческим названием Месопотамия, что значит Междуречье. Здесь возникла цивилизация, которую большинство ученых считают самой древней на Земле.

В конце IV тысячелетия до н. э. в южной части Междуречья поселились племена шумеров. Они построили города, основали государственную систему и создали высокоразвитую культуру. Крупный английский ученый-археолог XX века Чарльз Вулли писал: «Если судить о заслугах людей только по достигнутым ими результатам, то шумерам по праву должно здесь принадлежать почетное, а может быть, и выдающееся место. Если же учитывать и воздействие, которое они оказали на последующее развитие истории, то этот народ вполне заслуживает еще более высокой оценки».

Шумерам принадлежат многие открытия в области астрономии, математики, медицины, сельского хозяйства, инженерного дела, которыми до сих пор пользуется человечество. Им же приписывается одно из величайших достижении цивилизации — изобретение письменности.

Шумеры писали на глиняных табличках. По сырой глине при помощи квадратной или треугольной в сечении палочки выдавливали различные сочетания линий в виде клиньев — клинописные знаки, а затем глиняные таблички обжигали на огне. Таким образом написанное запечатлевалось навеки.

Наиболее древние записи шумерских мифов и сказаний датируются III тысячелетием до н. э.

К тому же времени относится древнейший систематический перечень шумерских богов.

Во главе пантеона названы верховные боги: Ан, Энлиль, Инанна, Энки, Наннаи, Уту.

Ан — «отец всех богов», владыка неба. Его имя пишется при помощи знака, обозначающего понятие «бог» вообще. Хотя Ан во всех перечнях богов стоит на первом месте, в мифах его роль достаточно пассивна. Он, прежде всего, является символом высшей власти, к нему боги обращаются за советом и в поисках справедливости в различных сложных ситуациях.

Бог Энлиль первоначально был покровителем города Ниппура, древнейшего центра шумерского племенного союза, но очень рано стал общешумерским богом. Его постоянный эпитет — «высокая гора». Возможно, здесь присутствует воспоминание о прародине шумеров — восточной горной стране, из которой они пришли в Междуречье и где обожествлялись горы.

Энлиль — одно из божеств плодородия и жизненных сил. Когда боги делили между собой Вселенную, то Энлилю досталась Земля. От имени Энлиля в шумерском языке образовалось слово, означающее «власть», «господство». В мифах Энлиль часто выступает как «воитель», жестокий и себялюбивый бог.

На третьем месте в перечне богов названа Инанна — главное женское божество шумерской мифологии. Инанна — богиня производительных сил природы, плотской любви. Одновременно она является богиней распри, и в некоторых мифах выступает в роли коварной искусительницы, сеющей рознь. Одним из ее символов была «звезда утреннего восхода» — планета Венера.

Энки — бог мировых пресных вод, среди которых покоится Земля. Позже Энки становится богом мудрости и владыкой человеческих судеб. Как правило, он благожелателен к людям, выступает их защитником перед другими богами. В некоторых мифах Энки приписывается изобретение плуга, мотыги, формы для изготовления кирпича. Он покровитель садоводства и огородничества, выращивания льна и разведения лекарственных трав.

Нанна — сын Энлиля, бог Луны. Культ Луны был очень развит у шумеров, они считали Луну первичной по отношению к Солнцу. Ночью Нанна плывет на лодке по небу, днем — по подземному царству. Иногда Нанну представляли в виде быка, рога которого образуют полумесяц. Один из его эпитетов — «бык с лазуритовой бородой». Сохранились золотые изображения бычьих голов с бородами и рогами из лазурита, относящиеся к XXVI веку до н. э.

Уту — бог Солнца, сын Наины. Его имя означает «светлый», «сияющий». Каждое утро Уту выходит из-за высоких гор и поднимается на небо, а ночью нисходит в подземное царство, неся обитающим там душам умерших свет, еду и питье. Уту — всевидящий бог, хранитель истины и справедливости.

Наряду с шестью верховными божествами у шумеров пользовались почитанием и другие боги: Нинту — «повитуха богов»,покровительница рожениц, Адад — бог дождя и грома, Думузи — покровитель скотоводства и весеннего возрождения природы.

Особое место в шумерском пантеоне занимала богиня «Страны без возврата» — подземного царства мертвых Эрешкигаль и ее супруг — бог Нергал. Царство мертвых в представлении шумеров — мрачная подземная страна, где томятся души умерших. Их хлеб горек, вода солона, одеты они, «как птицы, одеждою крыльев». В шумерской мифологии нет понятия загробного суда и зависимости посмертного существования от поступков, совершенных при жизни. На том свете чистая питьевая вода и покой обеспечены только тем, по ком был совершен правильный погребальный обряд, а также погибшим в бою и еще — многодетным.

Почти одновременно с шумерами в северной части Междуречья поселились племена аккадцев. Во второй половине III тысячелетия до н. э. аккадский правитель Саргон завоевал крупнейшие шумерские города и создал единое шумеро-аккадское государство Аккадцы издревле находились под сильным влиянием шумерской культуры. Почти все аккадские боги произошли от шумерских или полностью с ними отождествляются. Так, аккадский бог Ану соответствует шумерскому Ану, Эйа-Энки, Эллиль — Энлилю, Иштар — Инанне, Син — Нанне, Шамаш — Уту. Часто в аккадскую эпоху один и тот же бог в пределах одного сказания назывался то шумерским, то аккадским именем.

В первой половине II тысячелетия до н. э. столицей шумеро-аккадского государства становится город Вавилон и возникает так называемое Древневавилонское царство. Покровителем Вавилона был местночтимый бог Мардук. Постепенно он превращается в главного, общегосударственного бога. На него переносятся функции многих других богов, Мардук становится богом справедливости, мудрости, водной стихии, растительности. Его называют «отцом богов» и «владыкой мира».

Культ Мардука отличался чрезвычайной пышностью. В Вавилоне для торжественных процессий, посвященных Мардуку, была сооружена «Священная дорога», вымощенная каменными узорными плитами метровой величины. В Междуречье не было своего камня, его с большими трудностями привозили из чужих краев. С внутренней стороны каждой плиты по приказу вавилонского царя Навуходонасора была выбита надпись: «Вавилонскую улицу замостил я каменными плитами из Шаду для шествия великого господина Мардука».

Поклонение богу Луны Сину Шамаш, бог Солнца В древневавилонскую эпоху на основе старинных шумерских сказаний был создан монументальный «Эпос о Гильгамеше», героем которого является не бог, а человек.

Хотя и сюжеты, и персонажи аккадской мифологии в основном были заимствованы у шумеров, именно аккадцы придали древним сказаниям художественную законченность, композиционную стройность и драматизм, наполнили их выразительными деталями и философскими размышлениями, доведя до уровня литературных произведений, имеющих мировое значение С течением времени одним из сильнейших государств на Древнем Востоке становится воинственная Ассирийская держава. В XVI — начале XV века до н. э. ассирийцы подчинили своему влиянию Вавилонское царство, но сами восприняли многие черты шумеро-аккадской культуры, в том числе основные религиозные и мифологические представления. Ассирийцы, также как и вавилоняне, почитали Энлиля, Иштар, Мардука.

В столице Ассирии городе Ниневии царь Ашурбанипал, живший в VII веке до н. э., собрал огромную библиотеку, в которой хранилось множество глиняных табличек с записями шумерских и аккадских текстов религиозного, научного и мифологического характера.

Библиотека Ашурбанипала, найденная археологами в середине XIX века, является одним из основных источников современных знаний о шумеро-аккадской мифологии.

1. СКАЗАНИЕ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Ассиро-вавилонское сказание о сотворении мира по традиции называется «Энумаэлиш». Это — первые слова сказания, и означают они «когда вверху»: Когда вверху не названо небо, А суша внизу была безымянна (Перевод В. Афанасьевой) Эти строки отражают представление о том, что если небо и суша еще не были названы, то они реально и не существовали Мир представлял собой первобытный хаос в виде двух стихийных сил — праматери Тиамат и «первородного всесотворителя» Апсу Ассиро-вавилоняне, как и большинство древних народов, представляли себе хаос как водную стихию. «Тиамат» значит «море», а «Апсу» — «бездна». Именем Апсу также называли бескрайний пресноводный океан, который, по мнению жителей Месопотамии, окружал землю. Возникновению такого образа, вероятно, способствовала местная природа — из-под земли выступали пресные воды, окружающие равнинные плодородные участки.

Тиамат и Апсу «воды свои воедино мешали» — и в глубине этих вод зародилась первая божественная пара — Лахмуи Лахаму. Эти первые бог и богиня были огромного роста и чудовищного обличил. Их детьми стали бог Аншар и богиня Кишар — «Круг неба» и «Круг Земли». Скорее всего, они олицетворяли горизонт — две неразрывно связанные линии, разделяющие небо и землю. Аншар и Кишар породили многих богов, которые, в свою очередь, произвели обширное потомство. В конце концов боги так расплодились, что своей суетой стали досаждать Тиамат и Апсу.

Тиамат, будучи снисходительной матерью, терпела, хотя были «тягостны ей их повадки». Апсу же оказался не столь терпелив. Он объявил Тиамат: «Мне днем нет отдыха, покоя — ночью! Их погублю я, дела их разрушу!» Тиамат «взъярилась, накинулась на супруга: Как?! Порожденье свое уничтожим? Пусть дурны их пути — дружелюбно помедлим.»

Но советник Апсу по имени Мумму поддержал его жестокое намерение: «Уничтожь, отец мой, их злые повадки! Будут дни твои мирны, будут ночи покойны» Младшие боги, узнав о грозящей им опасности, в страхе «заметались», а потом «затихли, безмолвно сидели» А Эйа, бог мудрости, решил спасти своих братьев. С помощью заклинаний он наслал на Апсу непробудный сон, оковал его — и предал смерти.

Над поверженным Апсу Эйа воздвиг для себя храм, в котором вступил в священный брак с богиней Дамкиной и породил сына — великого бога Мардука.

Божественная сущность Мардука проявилась сразу: Его лик был прекрасен, сверкали взгляды! Изначально властна, царственна поступь!

У Мардука было четыре всевидящих глаза и четыре всеслышащих уха, изо рта извергалось пламя, а тело окружали пятьдесят сияний.

Бог неба Ану в подарок новорожденному создал четыре ветра (Розу ветров), вихри и ураганы.

От этих вихрей и ураганов не стало покоя Тиамат и ее старшим детям — древним богам. Возроптали боги, стали упрекать Тиамат в том, что она «не пришла на помощь, сидела молча», когда был убит Апсу, а теперь равнодушно смотрит на страдания своих старших детей.

«Нас, что так маются, нас ты не любишь!.. Сразись, отомсти за Апсу…» И Тиамат стала готовиться к сражению. Она создала страшных змеев и исполинских чудовищ с острыми клыками и ядовитой кровью. Увидевший их — падает без силы! Если в битву пойдут, то уже не отступят!

Свои грозные создания Тиамат окружила сиянием, приравняв их к богам, а во главе войска поставила бога Кингу, объявив его своим супругом и вручив ему «таблицы судеб», определяющие миропорядок.

Боги, против которых Тиамат собирала свое страшное войско, тоже готовились к сражению. Они думали, что Эйа, уничтоживший могучего Апсу, без труда усмирит ярость Тиамат. Бог Ану отправился на разведку и для переговоров с Тиамат. Но увидев ее в окружении несметного числа свирепых чудовищ, Ану был так устрашен, что не посмел даже приблизиться к ней.

Долго размышляли и советовались младшие боги, как противостоять им грозной силе и, наконец, вспомнили о юном Мардуке.

Мардук предстал перед Советом богов. Он согласился выйти на бой с Тиамат, но потребовал, чтобы его причислили к высшим богам:

«Если я мстителем за вас стану(…)
Соберите Совет, взвесьте мой жребий(…)
Мое слово, как ваше, да решает судьбы!»

Боги наделили Мардука великой силой. Чтобы он мог убедиться в обретенном могуществе, они положили между собой звезду и сказали Мардуку:

«Промолви же слово, — звезда да исчезнет.
«Вернись!» — прикажи — и появится снова!»

И Мардук это совершил.

Затем он стал готовиться к бою. Он сам сделал тугой лук и острые стрелы, сплел прочную сеть, чтобы уловить в нее Тиамат. «Ужасом, словно плащом, он покрылся» и на колеснице, запряженной вихрями, «к Тиамат яростный путь свой направил».

Тиамат исполнилась страхом и злобой, «взревела, вверх взвилась». Поскольку Тиамат — персонифицированная стихийная сила, битва с ней достигла масштабов космического катаклизма. Мардуку удалось опутать Тиамат сетью. Она в ярости разинула пасть, и Мардук вогнал ей в чрево один из ураганов. Тело Тиамат раздулось, Мардук «нутро ее взрезал, завладел ее сердцем. Ее он осилил, ей жизнь оборвал он».

Войско Тиамат разбежалось, а тех, кто не успел убежать, Мардук захватил в плен. Среди пленников оказался и предводитель войска-супруг Тиамат Кингу. Мардук заключил Кингу в оковы и приставил к нему сторожем Демона Смерти.

Таким образом Первоначальный Хаос был окончательно побежден, и Мардук стал творить Мир.

Строительным материалом ему послужило тело Тиамат. Он разрубил его пополам, «словно ракушку», из одной половины сделал небо, из другой — землю. Череп Тиамат стал горой, а из ее глазниц потекли две

великие реки — Тигр и Евфрат. (В одном из древних списков поэмы к этому месту сделано примечание: «Тигр — ее правое око, Евфрат — левое око»). На небе Мардук создал планеты и звезды, и каждую посвятил какому-нибудь богу. Планетой самого Мардука стал Юпитер. Вавилоняне считали, что Юпитер держит перекрестье неба и земли и является центром Вселенной.

Мардук определил ход Луны и Солнца, разделил год на двенадцать частей и на небе «начертил рисунок», то есть создал зодиакальные созвездия.

Увидев устроенный таким образом Мир, все боги стали славить Мардука. Но он еще не закончил творенье. Мардук «в сердце задумал, в уме замыслил: Кровь соберу я, скреплю костями, Создам существо, назову человеком».

По решению Совета богов пленный Кингу был казнен, и на его крови созданы люди.

Мардук назначил человеческому роду служить богам, «чтоб те отдохнули». Довольные боги преисполнились благодарности к Мардуку: «Ныне, владыка ты наш, как вольности нам ты назначил, Благодарностью нашей тебе что еще будет?» Они решили воздвигнуть для Мардука на небе храм небывалых размеров и красоты. Целый год лепили боги кирпичи для строительства, еще год строили. Храм нарекли «Вавилон», что значит «Божьи врата». Свою столицу вавилоняне считали земным отражением этого небесного храма.

Мардук устроил для всех богов торжественный пир, и боги признали его верховным владыкой:

Поклялись водой и елеем, горла коснувшись:
Над всеми богами ему дали даренье.

А людям повелели почитать богов, строить для них храмы и приносить жертвы.

Заканчивается поэма пространным прославлением Мардука. Боги называют его пятьюдесятью хвалебными именами, разъясняя значение каждого: Лугальдимеранки — Советник богов, Асаллухинамтила — Хранитель жизни и т. д.

Предположительное время создания мифа о сотворении мира — середина II тысячелетия до н. э., но большинство сохранившихся записей его вариантов относится к более позднему времени — не ранее I тысячелетия до н. э. Сказание в значительной степени посвящено истории возвышения Мардука над остальными богами.

Как уже говорилось, первоначально Мардук был местночтимым богом города Вавилона. Когда же Вавилон стал столицей могущественного государства, Мардук, естественно, оказался во главе официального пантеона.

Таким образом, сказание о сотворении мира имело политическое значение. Жрец ежегодно оглашал его «от начала до конца» в храме Мардука перед его статуей в четвертый день Нового года.

2. СКАЗАНИЕ ОБ АТРАХАСИСЕ

В мифах почти всех народов мира встречается рассказ о Великом потопе, посланном разгневанными богами на землю, чтобы уничтожить человеческий род. В этом рассказе отразились реальные воспоминания о наводнениях и разливах рек, происходивших в разные времена и всегда приносивших людям неисчислимые бедствия.

Одно из наиболее ранних сказаний о Великом потопе содержится в древневавилонском «Сказании об Атрахасисе», известном в нескольких записях II и I тысячелетий до н. э.

Начинается сказание конфликтом между богами, предшествовавшем сотворению человека.

Шумеро-аккадские боги разделились на две группы: Игигов и Ануннаков. Суть этого разделения нигде четко не объяснена, в разных мифах одни и те же боги причисляются то к Игигам, то к Ануннакам.

Однако в «Сказании об Атрахасисе» Игиги и Ануннаки резко противопоставлены друг другу: Ануннаки занимают господствующее положение, а Игиги находятся у них в подчинении.

В незапамятные времена великие боги Ануннаки бросили жребий и поделили мир между собой. Ану, отец всех богов, стал владыкой небес, Энки — хозяином водных глубин, Энлиль получил в свое владение землю.

А богам-Игигам они приказали трудиться. Стали Игиги копать каналы и реки, прорыли русла Тигра и Ефрата, построили жилища для великих богов.

Долгие годы тяжко трудились Игиги в болотах и топях, не зная отдыха ни днем, ни ночью, а когда наконец «годы труда они подсчитали», оказалось, что работают они уже две с половиной тысячи лет.

И возмутились Игиги.
Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах…

(Перевод В. Афанасьевой)

Игиги решили идти к самому Энлилю и требовать, чтобы он освободил их от непосильного труда. Среди Игигов нашелся предводитель, который стал призывать к более решительным мерам:

«Неправедно был назначен Энлиль!
Его отменим, другого назначим!(…)
Пойдем, разыщем его жилище!»

Боги сожгли свои орудия труда — корзины и лопаты — и грозной толпой направились к жилищу Энлиля. Недовольство превратилось в восстание.

Энлиль, завидев восставших, запер на засов ворота, вооружил слуг и послал за подмогой к отцу всех богов, великому Ану.

Ану вместе с Энки явился к Энлилю, и три великих бога стали совещаться. Энлиль предложил выслать навстречу восставшим вооруженную силу:

«Не должен ли я устроить сраженье?…
Подошла битва к моим воротам!»

Но Ану посоветовал не торопиться, а отправить кого-нибудь к Игигам для переговоров, чтобы узнать, чего они хотят. Игиги ответили посланцу Энлиля:

«Все, как один, войну объявили!
Непосильное бремя нас убивает
Тяжек труд, велики невзгоды!
Идем к Энлилю, несем наше слово!»

Получив такой ответ, Энлиль потребовал, чтобы Ану «показал свою силу», отыскал зачинщика восстания и предал его смерти. Но Ану проникся жалостью к восставшим: «За что мы к ним питаем злобу? Их труд тяжел, велики невзгоды» И тогда Ану решил, что следует создать людей и переложить на них тяжкое бремя труда, угнетающее богов. Позвали Великую Мать — повитуху богов Нинту, чтобы она слепила из глины первых людей.

Процесс создания человека изображен в «Сказании об Атрахасисе» очень образно, но содержит много не всегда понятных ассоциаций и может иметь различные толкования.

Нинту сказала, что ей нужна особая глина, в которой объединилось бы божье и человеческое начала.

Боги убили некоего Ве-Ила и на его крови замесили глину. «Ве-Ила» означает «разум бога». Скорее всего, это символический образ. В представлении древних вавилонян понятие «разум», «кровь» и «душа» были тесно взаимосвязаны. Душа воспринималась ими как материальная субстанция, находящаяся в крови, и обозначалась тем же словом, что и разум. Таким образом, глина, замешанная на крови «разума бога», обретала божественную душу.

Впрочем, существует и другое, более конкретное толкование этого эпизода «Сказания». Некоторые исследователи считают, что Ве-Ила был одним из Игигов, зачинщиков восстания, а его убийство носило характер наказания и искупительной жертвы.

Комментируя процесс создания человека, Нинту особо оговаривает «стуки сердца». Возможно, именно стучащее сердце было признаком, отличающим человека от бога. В оригинале стихотворный ритм этой части «Сказания» совпадает с ритмом биения сердца.

Нинту разделила глину на четырнадцать частей и сделала семерых мужчин и семь женщин. Она сказала богам:

«Вы приказали — Я совершила,
Я вас избавила от работы,
Ваши корзины дала человеку».

Так появились люди — и стали работать на земле.

Загрубели руки от тяжелой работы.
Киркой и лопатой строили храмы,
Сооружали большие каналы

Прошло двенадцать столетий, и «страна разрослась, расплодились люди» Их стало так много, что производимый ими шум достиг неба и стал мешать отдыху богов.

Энлиль, дороживший своим покоем, решил уменьшить количество людей и наслал на них «мор и болезни, чуму и язву».

В те времена мудрейшим среди людей был человек по имени Атрахасис, что означает «весьма премудрый».

В городе, где он жил, все поклонялись воинственному Энлилю, Атрахасис же превыше всех богов чтил доброго Энки. И Энки благоволил к Атрахасису, нередко беседовал с ним и давал наставления.

Когда насланный Энлилем мор стал губить людей, Атрахасис обратился к Энки:

«Господин мой, человечество стонет!
Доколе, владыка, беда продлится?
Неужто болезни даны нам навеки?»

Энки, бог воды посоветовал собрать старейшин города и всем вместе принести жертву из печеных хлебов и отборного кунжута богу смерти Намтару, который в таком случае «устыдится пред даром, удержит руку».

Атрахасис послушался совета и, довольный жертвой Намтар, отвел от людей чуму и язву.

Прошло еще двенадцать столетий, и Энлилю снова стал досаждать шум, доносившийся с земли, Энлиль решил устроить на земле небывалую засуху:

«Да выйдет ветер, иссушит почву,
Нальются тучи, да не прольются ливнем.
Черные нивы да будут белы,
Пусть просторное поле соль рождает!»

Последняя угроза была хорошо понятна вавилонянам: засоление почвы было распространенным бедствием, уничтожавшим во II тысячелетии до н. э. плодородие целых областей.

Остальные боги поддержали намерение Энлиля уменьшить количество людей при помощи засухи и голода. Они заперли дожди на небе, перекрыли подземные воды, а бога Энки приставили сторожить «врата океана», взяв с него клятву, что он не допустит на землю ни капли воды.

Черты людей исказил голод.

Узкими стали их широкие плечи,
Вдоль улиц брели они согнувшись.

Так прошло три года, и еще три, а засуха все не кончалась. «Людям недоставало жизни», они начали пожирать друг друга.

Мудрый Атрахасис каждый день приходил к храму Энки, «перед храмом сидел и плакал» и молил о каком-нибудь знамении. Энки, связанный клятвой, долго не откликался на мольбы, но в конце концов явился Атрахасису во сне и посоветовал принести жертву богу дождя и грома Ададу.

Жертва была принесена — и засуха прекратилась.
Дождь в ночи незаметно закапал,
В полях, как в тайне, зерно зародилось…

Разгневанный Энлиль стал упрекать Энки в нарушении клятвы:

Ты допустил процветанье людское.
Дал им дышать на земле под солнцем.

Но Энки сказал, что во всем виноваты рыбы и разные морские твари; они сломали замок на вратах океана — и допустили воду на землю.

Собственная шутка рассмешила Энки:

Смех одолел его среди Совета.
Энки колики охватили в собранье.

Энлиль впал в страшный гнев и поклялся, что, несмотря на противодействие Энки, истребит род людской до последнего человека, устроив на земле Великий потоп. Боги взялись помогать ему, один Энки отказался:

«Зачем вы хотите связать меня клятвой?
Положу ли я руку на моих человеков?»

Не имея возможности спасти все человечество, он решил спасти хотя бы одного Атрахасиса. Энки приказал Атрахасису: «Разрушь свой дом, корабль выстрой! Презри богатство, спасай душу!» Растерянный Атрахасис ответил, что никогда не строил кораблей и не знает, как это делается. Тогда Энки начертил на земле чертеж корабля, и Атрахасис принялся за дело.

Соседям он сказал, что собирается покинуть город, поскольку не разделяет общепринятого поклонения Энлилю, а предпочитает ему Энки.

Соседи помогли Атрахасису в его работе, и вскоре постройка корабля была завершена.

День, назначенный богами для начала потопа, приближался. Энки дал Атрахасису последние указания:

«Возьми зерна и добра, что имеешь,
Жену, семью, родню, рабочих.
Тварей степных, травоядных и диких,
Я пошлю к тебе, к твоим воротам».

Атрахасис устроил прощальный пир. Гости веселились, ели яства и пили напитки, не ведая, что их ожидает скорая гибель. Знал об этом лишь Атрахасис.

Сесть не мог он, и лечь не мог он.
Разрывалось сердце…

Пир еще не закончился, когда «день начал менять лики». Небо потемнело, загремел гром. Атрахасис поднял на борт корабля свою семью и работников, зверей и птиц, которых Энки, как и обещал, прислал к его воротам, закрыл все входы на корабль и замазал щели смолой.

И тут с неба обрушились водяные потоки. Ветры взвились и столкнулись с вихрями. Взвыли бури и ураганы. Бог дождя и грома Адад носился по небу на своей грохочущей колеснице. Нинурта — бог войны — шел, разрушая плотины и выпуская воды, Львиноголовый орел Анзуд разодрал небо своими когтями.

Потемнели воды, и потоп вышел.
Его мощь прошла по людям, как битва.

Человечество погибло в бушующих волнах, и лишь корабль Атрахасиса держался на плаву среди ревущих волн.

Сами боги испугались сотворенного ими. Растеряв все свое величие, они сгрудились вместе, подобно овцам, и, в страхе заливаясь слезами, смотрели на гибнущий мир.

Повитуха богов, Великая Мать Нинту, в отчаянии ломала руки:

«Да померкнет день тот,
Во мрак да вернется!
Как могла я вместе со всеми богами
В Совете решиться на гибель мира?»

Семь дней и ночей бушевал потоп. Когда схлынули волны, лик земли был пуст и мертв.

Там, где прошел потоп войною,
Все уничтожил, превратил в глину.

Окончание «Сказания об Атрахасисе» сохранилось лишь фрагментарно. Но из отдельных строк можно понять, что Атрахасису с семьей удалось спастись, и человечество возродилось вновь.

В шумеро-аккадской мифологии кроме «Сказания об Атрахасисе» существует еще несколько рассказов о Великом потопе. В одном из вариантов герой носит имя Зисурда, что значит «нашедший жизнь долгих

дней». Уцелев во время потопа, он получил от богов бессмертие и поселился со своей женой на острове блаженныхТильмун.

В «Сказании и Гильгамеше» история о Великом потопе присутствует в качестве вставного эпизода. Спасшегося героя зовут Утнапишти, что является переводом на аккадский язык имени Зисурда.

Шумеро-аккадские мифы о Великом потопе в значительной степени послужили основой для соответствующего библейского сказания.

3. СКАЗАНИЕ ОБ ЭРЕШКИГАЛЬ И НЕРГАЛЕ

Вселенная, в представлении древних, делилась на три части: верхнюю — небо, где обитали боги и небесные светила, среднюю — землю, населенную людьми, и нижнюю — подземное царство, мир смерти и темных сил.

В шумеро-аккадской мифологии владыками подземного царства были богиня Эрешкигаль и ее супруг Нергал.

Существует несколько записей мифа о том, как Нергал стал мужем Эрешкигаль. Наиболее ранняя датируется XIV веком до н. э. Она была найдена в египетском архиве в Телль-эль-Амарне и представляет собой учебный текст, по которому египетские писцы обучались аккадскому языку. То, что миф использовался в качестве учебного материала, говорит о его давнем бытовании и широкой известности.

Эрешкигаль — дочь верховного бога Ану. Ее имя означает «Хозяйка Большой Земли». «Большой Землей» в данном случае называется царство мертвых.

Однажды небесные боги устроили пир. Эрешкигаль не могла принять в нем участия, поскольку по незыблемому закону Вселенной верхний и нижний миры не должны проникать один в другой. Все же боги хотели, чтобы Эрешкигаль отведала пиршественного угощения. Они сказали ей:

«Нам к тебе не опуститься,
И тебе к нам не подняться,
Пришли — пусть возьмут твою долю»

(Перевод В. Афанасьевой)

За долей Эрешкигаль отправился ее верный посланец Намтар, который обычно являлся за душами умирающих, чтобы увести их в «Страну без возврата».

Когда Намтар вошел в небесный чертог, где пировали боги, все почтительно встали перед ним, и лишь бог Нергал остался сидеть. Нергал, хотя и обитал на небе, был олицетворением злых сил — палящего, губительного солнца, чумы и лихорадки.

Сохранилась запись молитвы некоего Шамашшумукина, в которой он обращается к Нергалу с просьбой об исцелении:

«Пусть потоки рыданий моих к тебе устремятся,
Ярое сердце твое да успокоят!»

Намтар, вернувшись в подземное царство, рассказал о проявленном к нему неуважении, и Эрешкигаль, обидевшись за своего посланца, потребовала, чтобы боги выдали ей Нергала:

«Бога, что пред послом моим не поднялся,
Ко мне пришлите — я предам его смерти»
Отец Нергала, бог Эйа, горько пенял сыну:
«Отчего ты пред ним не поднялся?
Глаза мои не тебе ли мигали?
А ты отвернулся, как бы не зная,
На меня не взглянул, уставился в землю».

Нергал стал собираться в Страну без возврата, где души умерших «света не видят, живут во мраке». Эйа, напутствуя сына, сказал ему, чтобы он не ел хлеба и не пил вина в стране мертвых, не омывался тамошней водой и не прельщался мрачной красотой Эрешкигаль.

Представ перед владычицей подземного царства, Нергал скрыл свое настоящее имя и назвался Эррой. Это объясняется древним представлением о магической связи человека с его именем. Скрыв свое настоящее имя, Нергал надеялся отвести от себя опасность. Следуя наказу отца, он отказался от еды, питья, воды для омовения, но когда Эрешкигаль предстала пред ним в прозрачных одеждах, «как муж жены возжелал ее сердцем».

Шесть дней и ночей провел Нергал с Эрешкигаль, а на седьмое утро, когда богиня еще спала, покинул ее.

Намтар попытался задержать его у выхода из царства мертвых, но Нергал сказал, что Эрешкигаль посылает его с поручением к своему отцу Ану — и Намтар открыл ворота.

По высокой лестнице поднялся Нергал на небо.

Эйа был счастлив увидеть сына, которого считал погибшим. Опасаясь преследования Эрешкигаль, Эйа прибегнул к колдовству: окропил Нергала волшебной водой, отчего красавец Нергал неузнаваемо изменился — стал косоглазым, хромым и плешивым.

Эрешкигаль, проснувшись и не найдя подле себя Нергала, принялась рыдать и рвать на себе волосы:

«О, Эрра, сладостный супруг мой!
Я не насытилась его лаской — ушел он!»
Верный Намтар вызвался помочь своей горюющей госпоже:
«Я пойду и этого бога схвачу я!
К тебе да вернется, тебя да обнимет!»

Он поднялся на небо, заглянул в лицо каждому богу, но в хромом и плешивом уроде не узнал Нергала и ни с чем вернулся к Эрешкигаль. Тогда Эрешкигаль обратилась к своему отцу Ану:

«Этого бога пошли мне в супруги,

Со мной да проводит он ночи.
Если же ты бога того мне не вышлешь, (…)
Я выпущу мертвых, что живых поедают,
Мертвецы умножатся над живыми».

Страшная угроза нарушить равновесие между миром живых и миром мертвых напугала великого Ану. Он повелел Нергалу вернуться к Эрешкигаль:

«Отныне нет ему доли в мире верхнем.
Отныне доля его — в мире нижнем».

Местом культа Нергала как бога преисподней был город Кугу (современный Телль- Ибрагим), расположенный между Тигром и Евфратом. Иногда Кугу называют саму преисподнюю.

4. СОШЕСТВИЕ ИШТАР В ПРЕИСПОДНЮЮ

Жизнь и смерть противопоставлены друг другу, но в то же время неразрывно связаны между собой.

В ассиро-вавилонской мифологии Иштар-богиня плотской любви и производительных сил всего живого — является родной сестрой повелительницы царства мертвых Эрешкигаль. Имя «Иштар» восходит к нарицательному обозначению богини вообще. Вероятно, в ее образе соединилось представление о многих богинях.

Один из основных мифов об Иштар — история ее сошествия в царство мертвых.

Запись мифа сохранилась лишь фрагментарно, но недостающие части сюжета могут быть восполнены на основе шумерского мифа о богине Инанне, которая обычно отождествляется с Иштар.

Иштар (или Инанна) «к стране безысходной (…) свой дух склонила». Для чего ей понадобилось спускаться в преисподнюю, миф не объясняет, но причины, вероятно, были достаточно вескими, поскольку богиня осознает опасность своего путешествия и принимает меры предосторожности — просит богов прийти к ней на помощь, если она не вернется в течение трех дней.

Спустившись под землю, Иштар громко постучала в ворота преисподней и стала звать сторожа:

«Сторож, сторож, открой ворота…
Открой ворота, дай мне войти,
Если ты не откроешь ворот, не дашь мне войти,
Разломаю я дверь, замок разобью».

(Перевод В. Шилейко)

Сторож почтительно попросил Иштар подождать снаружи и побежал к своей госпоже владычице преисподней Эрешкигаль доложить, что у ворот стоит ее сестра.

Эрешкигаль, «словно срубленный дуб лицом пожелтела, как побитый тростник, почернели ее губы». Ее испуг объясняется тем, что Иштар, богиня жизни, вторгаясь в царство мертвых, могла нарушить всю гармонию Вселенной.

Тем не менее Эрешкигаль приказала сторожу впустить гостью и поступить с ней «согласно древним законам».

Сторож распахнул ворота перед Иштар:

«Входи, госпожа! Ликует Кугу!
Дворец преисподней о тебе веселится!»

Но чтобы попасть к Эрешкигаль, Иштар пришлось пройти не через одни ворота, а через целых семь, и у каждых ворот привратник просил ее отдать что-нибудь из ее украшений или одежд, потому что в царстве мертвых «такие законы».

Иштар отдала венец с головы, подвески из ушей, ожерелье, запястья с рук и ног, «щиты с грудей», пояс, набедренную повязку. Все эти вещи обладали магической силой. Расставшись с ними, Иштар, нагая и беззащитная, предстала пред своей грозной сестрой.

Эрешкигаль наслала на Иштар шестьдесят болезней — «на всю на нее, на все ее тело», и заточила богиню в подземном дворце. Меж тем на земле без Иштар все живое лишилось своей производительной силы: Бык на корову больше не скачет. Осел ослицы больше не кроет…

Спит супруг в своей спальне, спит жена у себя.

Боги решили, что пора вызволять Иштар. Они создали уродливого карлика Аснамира и отправили его в царство мертвых. Аснамир при помощи заклинаний исцелил Иштар и освободил ее из заточения.

Но царство мертвых — это «страна без возврата». Попавший туда, будь он человек или бог, может вернуться назад, только оставив кого-нибудь вместо себя.

Иштар избрала таким заместителем своего возлюбленного — бога Таммуза (в мифе об Инанне он назван Думузи).

Таммуз — бог весеннего цветения — изображается в виде пастуха со свирелью в руках. В одном из мифов рассказывается о том, что любви Иштар одновременно добивались бог-пастух Таммуз и бог-земледелец Энкимду — и Иштар предпочла Таммуза. В этом мифе, вероятно, отразилось противопоставление земледелия скотоводству, характерное для древних цивилизаций.

Узнав, что должен безвременно сойти в царство мертвых, Таммуз пытается избегнуть такой участи. Он бежит в чужие края, превращается то в газель, то в ящерицу. Но посланцы Иштар настигают его.

Тогда сестра Таммуза, богиня виноградной лозы Гештиманна, вызывается сойти в преисподнюю вместо брата. Иштар решает: «полгода — Таммуз, полгода — его сестра».

Таким образом, Таммуз становится так называемым «умирающим и воскрешающим богом», уход которого в царство мертвых и возвращение на землю знаменует смену времен года.

Во время священного праздника — начала нового года — в Месопотамии вплоть до X века нашей эры разыгрывалась мистерия,

изображающая историю Иштар и Таммуза. Возможно, сохранившийся текст мифа о сошествии Иштар в преисподнюю является записью такой мистерии. Запись заканчивается радостной песней участников праздника:

«В дни Таммуза играйте на лазоревой флейте,
На порфирном тимпане с ним мне играйте,
С ним мне играйте, певцы и певицы…»

5. СКАЗАНИЕ О ГИЛЬГАМЕШЕ

Глиняные таблички, на которых были сделаны наиболее ранние записи народных сказаний о Гильгамеше, относятся к середине III тысячелетия до н. э.

Есть основания предполагать, что Гильгамеш был реальной исторической личностью. Его имя сохранилось в списке древнейших царей Шумера. Реальный Гильгамеш правил в городе Уруке в конце XXVII — начале XXVI века до н. э. Сказания называют Гильгамеша сыном урукского царя Лугальбанды и богини Нинсун. Это утверждение не так фантастично, как может показаться, поскольку в древнем Шумере существовал обычай вступления царя в «священный брак» со жрицей, считавшейся живым воплощением богини, которой она служила.

Имя «Гильгамеш» предположительно означает «предок-герой». Существует несколько вариантов записи эпоса о Гильгамеше. Наиболее полной и интересной является так называемая «ниневийская версия», написанная ассирийской клинописью на аккадском языке для ниневийской библиотеки царя Ашурбанипала. Эта запись была сделана в VII веке до н. э… но, по утверждению переписчика, представляет собой точную копию с более древнего оригинала. По традиции, автором этого оригинала считают урукского заклинателя Синликеуннинни, жившего в конце II тысячелетия до н. э.

Ниневийская версия поэмы о Гильгамеше носит название «О все видавшем». Это одно из самых замечательных произведений древневосточной литературы. Разрозненные легенды и сказания приведены здесь к стройному сюжетному единству, характеры героев даны в психологическом развитии, и все повествование проникнуто философскими размышлениями о жизни, смерти и смысле человеческого существования.

В начале поэмы Гильгамеш — юный и легкомысленный правитель. Не зная, куда девать свою силу, он жестоко угнетает подданных, а сам предается разгулу.

Доведенные до отчаяния жители Урука обратились с мольбой к богам, чтобы они создали Гильгамешу достойного противника.

Богиня Аруру слепила из глины могучего получеловека-полузверя по имени Энкиду. Энкиду был наделен звериной быстротой и ловкостью, у него были длинные волосы, а тело покрыто шерстью.

До поры до времени Энкиду ничего не знал о мире людей, жил в лесу, питаясь травой, и дикие звери считали его своим.

Однажды Гильгамешу приснился сон, будто с неба упал тяжелый камень, которому поклонились все жители Урука, а сам Гильгамеш полюбил его, словно живое существо, и принес своей матери.

Мать Гильгамеша, мудрая богиня Нинсун, так истолковала сон: Гильгамеш обретет могучего друга, которого будет любить, как родного брата.

Вскоре к Гильгамешу пришел охотник с жалобой, что в лесу появился дикий человек, который пугает охотников и уводит у них добычу, засыпает ловчие ямы и освобождает зверей из силков.

Гильгамеш посоветовал охотнику выманить дикого человека из леса с помощью женщины.

Охотник нанял в городе красивую блудницу по имени Шамхат и отправился с нею в лес.

Блудница соблазнила Энкиду и увела его в Урук. Там он отведал человеческой пищи — хлеба и вина — и тем самым приобщился к миру людей, утратив свою звериную сущность.

Смирился Энкиду, — ему, как прежде, не бегать!
Но стал он умней, разуменьем глубже.

(Перевод И. Дьяконова)

Через некоторое время Энкиду встретил Гильгамеша. Между ними произошла схватка, но ни один не смог одолеть другого. Они признали, что силы их равны — и побратались. Гильгамеш отвел Энкиду к своей матери Нинсун, и та благословила обоих как своих сыновей.

Несмотря на столь благоприятный поворот своей судьбы, Энкиду «огорчился, сел и заплакал». А когда Гильгамеш спросил его о причине такой печали, ответил:

«Вопли, друг мой, разрывают мне горло:
Без дела сижу, пропадает сила».

Тогда Гильгамеш предложил вдвоем отправиться в Ливанские горы, покрытые кедровым лесом, и уничтожить обитающее там чудовище Хумбабу.

Энкиду испугался. В своей прежней, лесной, жизни он подходил к жилищу Хумбабы и знал, что «ураган — его голос, уста его — пламя, смерть-дыханье». Кроме того, бог Энлиль наделил Хумбабу способностью, по своему желанию, любого лишить храбрости.

Энкиду стал отговаривать друга от безнадежного предприятия. К нему присоединились мудрецы Урука. Они говорили Гильгамешу: «Зачем пожелал ты свершить такое? Неравен бой в жилище Хумбабы!» А мать Гильгамеша, мудрая Нинсун, воскликнула, обращаясь к богу солнца:

«Зачем ты мне дал в сыновья Гильгамеша
И вложил ему в грудь беспокойное сердце?»
Но Гильгамеш уже принял решение. Он сказал Энкиду:
«Я пойду перед тобою, а ты кричи мне:

«Иди, не бойся!» Если паду я — оставлю имя;
Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!»

Тогда Энкиду поклялся, что будет сражаться вместе с Гильгамешем, и побратимы отправились в путь. Затри дня они проделали путь шести недель и достигли леса, где обитал Хумбаба.

Чудовище явилось перед ними в окружении «семи сияний», и эти магические сияния вселили в героев неодолимый страх. Но тут сам бог солнца Шамаш пришел на помощь Гильгамешу и Энкиду. Мужество вернулось к героям, они одолели Хумбабу, сразили семь сияний, вырубили волшебные кедры, в которых заключались остатки злой силы, и выкорчевали пни.

После тяжелой работы Гильгамеш искупался в ручье, с «грязным он разлучился, чистым он облачился», и его красоту заметила богиня Иштар. Она спустилась с неба и предложила Гильгамешу себя в жены. Но он отказался ввиду скверной репутации богини.

«Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!»

Некоторые историки видят в конфликте Гильгамеша и Иштар отражение реально существовавшего конфликта царской и жреческой власти.

Оскорбленная богиня попросила своего отца, бога Ану, создать исполинского быка, который уничтожил бы дерзкого Гильгамеша. Бык появился. Но Гильгамеш с помощью Энкиду победил и это чудовище, и герои со славой возвратились в Урук.

Ночью Энкиду увидел во сне Совет богов. Боги гневались зато, что Гильгамеш и Энкиду убили Хумбабу, находившегося под покровительством Энлиля, и быка, созданного Ану, и спорили о том, должны ли понести наказание оба героя или только один из них. В конце концов боги решили.

«Пусть умрет Энкиду, Но Гильгамеш умереть не должен».

Энкиду рассказал свой сон Гильгамешу — и оба они опечалились. Гильгамеш попытался умилостивить богов жертвами, пообещал украсить золотом их кумиры, но боги ответили: «Не трать, о царь, на кумиры злата, Слова, что сказано, бог не изменит…» По воле богов Энкиду заболел и умер. Гильгамеш горько оплакивал друга:

«Я об Энкиду, своем друге, плачу,
Словно плакальщица, горько рыдаю.
Друг мой любимый стал землею!
Энкиду, друг мой любимый, стал землею!»

Со всей страны созвал Гильгамеш лучших мастеров и приказал им сделать статую Энкиду: тело — из золота, лицо — из алебастра, волосы — из лазурита.

С почестями похоронив Энкиду, Гильгамеш облачился в рубище и бежал в пустыню. Его терзала не только печаль по умершему другу, но и мысль о собственной смертности, которую он только теперь осознал: «И я

не так ли умру, как Энкиду? Тоска в утробу мою проникла, Смерти страшусь и бегу в пустыню…» Гильгамеш решил разыскать мудрого Утнапишти, единственного бессмертного среди людей, и узнать у него тайну бессмертия.

Много дней шел Гильгамеш и наконец дошел до высоких гор, вершины которых подпирали небо, а основания уходили в преисподнюю. Здесь кончался мир людей и начинался неведомый путь, по которому солнце на рассвете всходило на небо, а на закате уходило во тьму.

Этот путь охраняли люди-скорпионы. Они попытались задержать Гильгамеша:

«Никогда, Гильгамеш, не бывало дороги,
Не ходил никто еще ходом горным…
Темнота густа, не видно света».
Но Гильгамеш ответил:
«Ив жару и в стужу, в темноте и во мраке,
Во вздохах и плаче — вперед пойду я!»

Он устремился во тьму и, пройдя через нее, вышел к свету иного мира. Он увидел чудесный сад, где листья на деревьях были из лазурита, а плоды — из сердолика. За садом простиралось бескрайнее море — море Смерти, а на его берегу, на крутом обрыве жила хозяйка богов Сидури.

Узнав, что Гильгамеш хочет найти бессмертие, Сидури не одобрила его намерения:

«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты.
Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку».

Далее она пытается убедить Гильгамеша, что он должен радоваться жизни, пока жив:

«Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно…
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу-
Только в этом дело человека».

Но Гильгамеш отказался вернуться в мир людей и продолжал свой путь. Переплыв через темные воды, он предстал перед бессмертным Утнапишти, обитавшим на другом берегу моря Смерти.

Утнапишти также, как и Сидури, говорит Гильгамешу, что боги определили человеку жизнь и смерть и повелели «жить живому». Мудрый старец упрекает Гильгамеша за то, что он пренебрег долгом правителя и покинул свой народ: «Обрати лицо свое, Гильгамеш, к твоим людям. Почему их правитель рубище носит?» Затем следует вставной эпизод: Утнапишти рассказываете том, что во время Великого потопа именно он построил ковчег, спас свою семью и по паре всех зверей и птиц, не дав угаснуть

жизни на земле. За это боги наградили его бессмертием.

Сказание о Великом потопе не связано с эпосом о Гильгамеше и было включено в повествование лишь затем, чтобы подчеркнуть мысль о том, что только за исключительный, небывалый в прошлом и невозможный в будущем подвиг человек смог обрести бессмертие, что это — единственный случай.

Гильгамеш впадает в отчаяние:

«Что же делать, Унапишти, куда пойду я?…
В моих покоях смерть обитает,
И куда взор я ни брошу — смерть повсюду!»

Желая утешить Гильгамеша, Утнапишти рассказал ему, что на дне моря Смерти растет цветок, возвращающий молодость. Добывший его хоть и не обретет бессмертия, но все же удлинит свою жизнь.

Гильгамеш привязал к ногам два тяжелых камня, нырнул на дно моря и сорвал чудесный цветок. С драгоценной добычей Гильгамеш благополучно достиг мира людей.

Он остановился у озера, чтобы омыться земной водой, но тут из норы выползла змея и похитила чудесный цветок. Змея сбросила старую кожу и обрела новую молодость, а Гильгамеш ни с чем вернулся в родной город.

Но когда он увидел могучие стены Урука, возведенные некогда по его приказанию, душа его преисполнилась гордости.

Конец поэмы с трудом поддается толкованию, но большинство исследователей склонны видеть здесь оптимистическую мысль о том, что истинное бессмертие человека — в его делах, совершенных в течение жизни.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. фараон Мина объединил под своей властью египетские земли и создал Египетское государство — одно из древнейших государств в мире. Но египетская мифология возникла гораздо раньше.

Люди поселились на берегах Нила еще в каменном веке. Плодородную нильскую долину окружали высокие горы, а за ними лежали бескрайние, мертвые пустыни. Как и все древние народы, египтяне обожествляли силы природы, и одним из самых почитаемых египетских богов был сам Нил, орошающий землю и дающий жизнь. Его называлиХапи.

Слава тебе, Хапи!
Ты пришел в эту землю,
Явился, чтобы оживить Египет.
Нет таких житниц, чтоб вместили твои дары,
Никому не дано повелевать твоим сердцем.

Так пели египтяне в одном из своих гимнов. Египет делился на области — номы, и первоначально каждый ном имел собственных богов-покровителей. Так в Фивах поклонялись богу солнца Амону, его жене — богине неба Мутиих сыну — богу луны Хонсу. В Мемфисе почитали бога

Пта — создателя мира, богиню войны Сохмет и их сына-бога растительности Нефертума.

Когда Египет стал единым государством, начал складываться общеегипетский пантеон. Местные бога со сходными функциями превратились в разные ипостаси одного и того же бога. Поэтому многие египетские боги имеют несколько воплощений и имен.

Во главе пантеона встал солнечный богХепри-Атум-Ра. «Хепри» — означает «возникающий сам собой». С ним отождествляется юное, утреннее солнце. Символ Хепри — жук-скарабей. Египтяне считали, что скарабей размножается сам по себе, то есть наделен божественной созидательной силой. Хепри часто изображали со скарабеем вместо головы. Ра — зрелый муж — символизировал солнце полуденное, а старец Атум, что значит «совершенный» — солнце вечернее.

Постепенно главным солнечным божеством становится Ра. Его начинают почитать как создателя мира, источник тепла и света, покровителя людей.

Каждый день Ра плывет по небу в золотой лодке, на носу которой стоит его дочь, богиня справедливости Маат. Со своей лодки Ра видит все, что происходит на земле, разбирает жалобы, отдает распоряжения через своего секретаря — мудрого бога Тота. Вечером он пересаживается в другую лодку и ночью плывет по мрачной подземной реке, сражаясь с обитающими там силами зла и тьмы, чтобы утром вновь взошло на небе солнце.

Небесная река — не единственный образ неба в египетской мифологии. Небо представляли также в виде небесной коровы Хатор, брюхо которой усеяно звездами. В некоторых мифах Хатор называют матерью Ра и изображают в виде женщины с коровьими ушами и рогами. Хатор была также богиней красоты, любви, веселья. Греки считали ее египетской Афродитой.

Еще одно воплощение неба в египетской мифологии — богиня Нут. В «Текстах пирамид» — магических надписях на стенах гробниц фараонов — о Нут говорится так: «Могуче сердце твое, о Великая, ставшая небом! Наполняешь ты всякое место своею красотою. Земля вся лежит пред тобою. Окружила ты и землю, и все вещи своими руками». Часто встречается изображение Нут, изогнувшейся дугою над землей и опирающейся на пальцы рук и ног.

Супругом Нут был бог земли Геб, а их детьми — Осирис, Сет, Исидаи Нефтида, ставшие героями наиболее значительного из египетских мифов.

Очень почитаем был бог Тот — бог мудрости, знаний, покровитель писцов. Его изображали с головой священной птицы ибис и с палеткой писца в руке.

Многие египетские боги были наделены зооморфными чертами. Бог мертвых Анубис изображался в образе шакала или человека с шакальей головой, богиня Таурт — покровительница женщин и детей, помогающая при родах — в образе беременной самки гиппопотама, бог водной пучины Себек — с головой крокодила и т. д.

Культ животных — самый древний на земле, он предшествовал всем прочим культам. Особенность верований египтян в том, что у них поклонение животным сохранялось и в более позднее время, наряду с

поклонением новым, антропоморфным богам.

Наиболее почитаемым животным в Египте был священный бык Апис. Его реальным воплощением считался черный бык, наделенный двадцатью девятью особыми признаками, которые были известны только жрецам. Рождение нового Аписа становилось общенародным праздником, его поселяли в посвященном ему храме и на протяжении всей жизни окружали божескими почестями. Один раз в год, при начале сельскохозяйственных работ, Аписа запрягали в плуг, и сам фараон вспахивал на нем первую борозду. Когда Апис, состарившись, умирал, тело его бальзамировали и торжественно погребали. Археологами было найдено кладбище, на котором были похоронены шестьдесят четыре священных Аписа.

Почиталась также богиня Бастет в образе кошки. Каждая кошка считалась воплощением божества, внушая почтение и страх. Во время пожара в доме прежде всего спасали кошку. Когда кошка умирала, хозяева погружались в траур, а убийство кошки, даже невольное, каралось смертью. Очевидец рассказывал, что уже на закате египетской цивилизации, когда Египет находился под властью Рима, один римлянин убил кошку, и сбежалась толпа к дому виновного, но ни посланные царем для уговоров власти, ни общий страх, внушаемый Римом, не могли освободить от мести человека, хотя он и совершил это нечаянно». В египетских захоронениях нередко встречаются мумии кошек. Огромное место в египетской мифологии принадлежит представлениям о загробном мире.

Египтяне верили, что загробная жизнь — это прямое продолжение и подобие жизни земной, что умершие, как и живые, нуждаются в пище, одежде, внимании со стороны близких. В одном из заупокойных гимнов сын обращается к умершему отцу: «Отец мой, подымись со своего левого бока и повернись на правый к этой свежей воде, к этому теплому хлебу, которые я тебе принес».

В отличие от многих народов, у древних египтян не было культа предков: они не поклонялись своим умершим родственникам, а по-родственному заботились о них.

Важнейшим условием для благополучной жизни за гробом было сохранение тела умершего. Уже в глубокой древности египтяне научились бальзамировать покойников. Изобретателем способа бальзамирования они считали бога Анубиса.

По представлениям древних египтян, человек кроме тела — Сах, обладал еще душой — Ба, жизненной силой — Ка, духом — Ах, тенью — Шуит и именем — Рен. Все эти проявления человеческой сущности могли иметь достаточно самостоятельные функции. Так, в одном из памятников древнеегипетской литературы, человек, разочаровавшийся в жизни и решивший покончить с собой, спорит со своим духом, не желающим отправляться в царство мертвых.

Чтобы умерший достиг блаженной страны, которая называется «Сехетиару», что значит — «поле камыша», и жил там в довольстве и безмятежности, его живые родственники должны были совершать определенные магические обряды. Стены египетских гробниц покрывали росписями, на которых умерший был изображен среди повседневной

жизни: на рыбной ловле, в кругу семьи, наблюдающим за сооружением кровати с балдахином и т. д. Благодаря магическим текстам все это должно было превратиться в загробном мире в реальность и создать для человека привычную обстановку.

Чудесное «поле камыша» давало небывалые урожаи, но, как и реальное поле, нуждалось в обработке. Чтобы умершему не пришлось самому заниматься сельскохозяйственными работами, в гробницу ему клали «ушебти» — небольшие статуэтки, над которыми произносили заклинание: «Если причислят умершего к работающим в загробном мире, чтобы обходил он берега, насыпал поля, перевозил песок, — «Вот мы!», — скажете вы вместо него. Возьмите себе кирки и мотыги ваши, коромысла и ведра ваши, подобно тому, как делает это человек для господина своего».

Но прежде, чем обрести вечную жизнь, умерший должен был пройти суровое испытание — предстать перед судом небесного судьи Осириса и сорока двух богов, заседающих в Чертоге Истины. «Обозревают они всю жизнь человека, как один час, складываются его поступки рядом с ним, как его имущество», — говорится в одном из древнеегипетских текстов.

В свою защиту человек должен был произнести пространную речь, в которой он клялся, что не совершил поступков, неугодных богам. Эта речь сообщает и о моральных нормах египтян — «Я не совершал несправедливостей против людей; я не был жесток к животным, я не был равнодушен, видя зло; я никого не заставлял рыдать»; и о религиозных предписаниях — «Я не богохульствовал, я не гасил горящего на алтаре огня»; и о правилах общежития — «Я не вредил слуге в глазах его хозяина, я не увеличивал веса гири и не обманывал на весах, я не устанавливал заслонов для отведения воды».

Выслушав умершего, боги клали на одну чащу весов его сердце, а на другую — птичье перо, символ богини истины Маат. В этот драматический момент человек мог говорить со своим сердцем: «Сердце мое, которое я получил от своей матери, не обращайся против меня! не свидетельствуй против меня, как враг! не разлучайся со мной».

Боги Тот и Анубис беспристрастно записывали результат взвешивания. Правдивое и чистое сердце было легче пера, злое и лживое — тяжелее камня. Праведник обретал вечную жизнь, а грешник умирал навсегда, и сердце его пожирало чудовище с телом льва и головой крокодила.

Особенностью древнеегипетских религиозных представлений был культ фараона. Первыми фараонами египтяне считали бога Осириса и его сына Гора, а всех последующих фараонов — их живыми воплощениями.

Фараон воспринимался как магическое средоточение сил природы. Перед разливом Нила он бросал в воду свиток с приказом о начале разлива, весной — засевал первую борозду, осенью — сжинал первыйсноп.

После смерти фараон сливался со своей божественной сущностью. «Он улетает от вас, люди, ибо он не принадлежит земле, он принадлежит небу».

Зримыми символами божественности фараонов служили их гробницы — пирамиды. «Глаз не в состоянии охватить их, мысль отказывается воспринять», — писал французский египтолог Э.Ф. Жомар Магические тексты на стенах гробниц фараонов — основной источник

наших знаний о верованиях, обрядах и мифологии египтян.

6. СОТВОРЕНИЕ МИРА

«Вода поднялась и достигла утесов пустыни, как при сотворении мира», — говорится в одном из древнеегипетских текстов, описывающих разлив Нила.

Первобытный хаос — Нун, представлялся египтянам бескрайним водным пространством, погруженным во тьму.

И вот из хаоса возник солнечный бог Хепри-Атум-Ра, и лучи его глаз рассеяли первобытную тьму. Затем он создал холм, такой высокий, что вершина его поднялась над водой. Так появилась первая суша. Из дыхания бога возник его сын Шу — воздух, а из слюны — дочь Тефнут — влага. Шу и Тефнут породили бога земли Геба и богиню неба Нут. Геб и Нут сочетались браком и произвели на свет Осириса и Исиду, Сета и Нефтиду.

Такой вариант мифа о сотворении мира возник в египетском городе Иуну, что значит «Город столбов». (Греки называли его по-другому: Гелиополь-«Город Солнца».) Священный столб-обелиск был принадлежностью солнечного культа. Каждое утро первые солнечные лучи озаряли вершину обелиска, и начинался новый день. В городе Иуну обелиск пользовался особым почитанием, как символ первозданного холма, созданного солнечным богом.

В Мемфисе существовал свой вариант мифа о сотворении мира. В этом мифе бог- творец Пта создает все сущее силою мысли и словом: «Умиротворился Пта, создав все вещи и божественные слова. Он породил богов, создал города, поместил богов в их святилища. Возникли всякие работы, всякие искусства, движение рук и ног, согласно приказу, задуманному сердцем и выраженному языком, создавшим сущность всех вещей».

Главные боги, созданные Пта, были его собственными воплощениями. В одном из воплощений он является отцом солнечного бога Атума, таким образом гелиопольский и мемфисский варианты мифа объединяются.

Еще одна версия мифа о сотворении мира возникла в городе Шмуну, что значит «Город Восьми» (греки называли его Гермополь). По этой версии прародителями всего сущего стали восемь богов и богинь — Нун и Нуанет, Хух и Хуахет, Кук и Куакет, Амон и Амаунет. Мужские божества имели головы лягушек, женские — змей. Они жили в водах первобытного хаоса и сотворили там изначальное яйцо, еще невидимое во тьме.

Из этого яйца вышло солнечное божество в образе птицы, и мир наполнился светом. «Я — душа, возникшая из хаоса, мое гнездо невидимо, мое яйцо не разбито».

В период Нового царства (XVI–XI вв. до н. э.) политической столицей Египта становится город Фивы Главное фиванское божество — богсолнца Амон стал главным божеством всего Египта. В «Большом гимне Амону» говорится.

Отец отцов и всех богов,
Поднявший небо и утвердивший землю,
Вышли люди из его глаз, стали боги из его уст

Царь, да живет он, да здравствует,
Да будет благополучен, глава всех богов.

В мифе об Амоне объединились ранее существовавшие версии мифа о сотворении мира. В нем рассказывается, что в начале начал существовал бог Амон в образе змея. Он создал восемь великих богов, которые в Гелиополе породили Ра и Атума, а в Мемфисе — Пта. Затем они вернулись в Фивы и там умерли.

О сотворении богами человека в египетской мифологии почти не говорится. По одной версии, люди возникли из слез бога Ра (объясняется это сходным звучанием египетских слов «слезы» и «люди», по другой (очень поздней) — людей слепил из глины на гончарном круге бог Хнум.

Тем не менее, египтяне верили, что люди — это «паства бога» и что бог создал мир для людей. «Он создал для них небо и землю. Он уничтожил всепоглощающую тьму воды и создал воздух, чтобы они могли дышать. Он сияет в небе ради них. Он создал для них растения, скот, птиц и рыб, дабы их питать».

7. ОСИРИС И ИСИДА

Миф об Осирисе и Исиде — один из наиболее интересных и сюжетно разработанных в египетской мифологии. Известный русский востоковед Б. А. Тураев назвал его «главным мифом египетской религии, занимающим центральное место во всей культуре египтян».

Образ Осириса чрезвычайно сложен и многогранен. Это отмечали сами древние гиптяне. В одном из древнеегипетских гимнов, посвященных Осирису, говорится: «Природа твоя, о Осирис, темнее, чем у других богов». Сын бога земли Геба и богини неба Нут Осирис стал первым царем Египта. Он научил египтян обрабатывать землю и печь хлеб, выращивать виноград и делать вино, добывать из-под земли руду, строить города, лечить болезни, играть на музыкальных инструментах, поклоняться богам.

Брат Осириса, злой и коварный Сет, решил его погубить. Тайком он измерил рост Осириса и приказал сделать по мерке короб с красивой отделкой. Потом он пригласил Осириса к себе на пир. Гости на этом пиру были сообщниками Сета. По его наущению они стали восхищаться коробом, и Сет сказал, что подарит его тому, кому он придется по росту. Все по очереди начали ложиться в короб, но никому он не был впору. Когда пришел черед Осириса и он лег в короб, сделанный по его мерке, Сет захлопнул крышку, запер замок, а его сообщники отнесли короб к Нилу и бросили в воду.

Женой Осириса была его сестра Исида, они полюбили друг друга еще во чреве матери. В Древнем Египте брак между кровными родственниками не был редкостью, и египтяне почитали Исиду как воплощение верной, самоотверженной жены.

Узнав о гибели мужа, Исида отправилась на поиски его тела, чтобы похоронить достойным образом.

Волны вынесли короб с телом Осириса на берег возле города Библ. Над ним выросло могучее дерево, скрыв короб внутри своего ствола. Местный царь приказал срубить дерево и сделать из него для своего дворца колонну.

Исида достигла города Библ, извлекла из колонны тело Осириса и увезла его на лодке в Дельту Нила. Там в уединении, среди болот, стала она оплакивать мужа. Плач Исиды по Осирису перевела Анна Ахматова:

«…Тьма вокруг нас, хотя Ра в небесах,
Небо смешалось с землей, тень легла на землю.
Сердце мое горит от злой разлуки.
Сердце мое горит, потому что стеною
Отгородился ты от меня…»

По одному из египетских поверий, разлив Нила происходит оттого, что его переполняют слезы Исиды.

Ночью, когда Исида уснула, злобный Сет выехал поохотиться при лунном свете, И случилось так, что на пустынном берегу он увидел тело своего ненавистного брата. Сет рассек тело Осириса на четырнадцать частей и разбросал по всему свету.

Горестная Исида снова отправилась на поиски тела своего мужа. В ее странствиях ей помогали люди и звери, змеи и птицы, и даже крокодилы не причинили ей вреда, когда плыла она по болотам на папирусной лодке. Египтяне верили, что в память о великой богине крокодилы никогда не тронут того, кто плывет на лодке, сделанной из папируса.

В одном варианте мифа Исида похоронила найденные части тела Осириса в разных местах. Этим объясняется то, что в Египте было несколько гробниц Осириса. В другом — она собрала его тело воедино и сказала:

«О, светлый Осирис! Собраны твои кости, собрано твое тело, отдано сердце твое телу твоему!»

Бог Анубис набальзамировал тело Осириса и сделал первую в мире мумию. С тех пор у египтян появился обычай мумифицировать умерших, причем жрец, наблюдавший за процессом бальзамирования, должен был быть в маске Анубиса — пса или шакала.

Исида чудесным образом зачала от умершего Осириса сына — Гора. Возмужав, Гор отомстил за своего отца, победил Сета и стал царем Египта.

А Осирис сделался владыкой загробного мира и небесным судьей.

Осирис — это прежде всего бог-царь, покровитель и защитник людей. Но, кроме того, он считался богом растительности, производительных сил природы. В храмах, посвященных Осирису, устанавливали деревянную раму, повторяющую контуры его тела, засыпали плодородной землей и засевали зерном. Весной «тело Осириса» прорастало молодыми всходами.

Функции бога-царя и бога растительности не противоречат друг другу. По представлениям древних народов, вождь или царь племени был магически связан с земным плодородием. Этим объясняется обычай, по которому царь должен был принимать участие в земледельческих работах при начале и окончании годового цикла.

Сложной для понимания является роль Осириса как владыки загробного мира. Египтяне верили, что каждый умерший, воскресший за гробом, не просто уподобляется Осирису, а как бы превращается в него. В заупокойных текстах перед именем покойного ставится имя Осириса —

«Осирис имярек».

Сказание об Осирисе и Исиде возникло, вероятно, в период Древнего царства (III тыс. до н. э.). Различные его варианты содержатся в магических надписях на стенах пирамид и саркофагов. Наиболее полное и законченное его изложение было сделано в начале нашей эры греческим писателем Плутархом.

8. БОРЬБА ГОРА И СЕТА

Продолжением мифа об Осирисе и Исиде является миф о борьбе Гора и Сета, известный в нескольких вариантах.

После смерти Осириса власть над Египтом захватил Сет. Исида бежала от его злобы в Дельту Нила и там, среди болот, в уединении и тайне стала воспитывать своего сына Гора.

Гор — один из солнечных богов, имя его означает «высота», «небо». Гора изображали с головой сокола, а его символом было солнце с распростертыми крыльями.

Когда Гор достаточно возмужал, чтобы вступить в борьбу с Сетом за престол своего отца, к нему из царства мертвых явился сам Осирис, чтобы научить его сражаться.

Осирис спросил Гора, какой поступок он считает самым достойным, и Гор ответил: помочь отцу и матери, безвинно пострадавшим. Тогда Осирис спросил, кто полезней в сражении — боевой лев или конь. Гор назвал коня, объяснив свой выбор тем, что лев нужен для защиты, а конь — для преследования врага.

Осирис остался доволен ответами сына и благословил его на борьбу с Сетом.

Сет для египтян олицетворял зло. Он был покровителем враждебно настроенных чужеземцев, богом грозы и испепеляющей все живое пустыни. Изображали его в образе человека с головой осла.

В одном из поздних вариантов мифа рассказывается, что Гора и Сета примирил бог земли Геб, поделив между ними власть и сделав Сета царем Верхнего Египта, а Гора — Нижнего. Таким образом, объяснялось существование двух исторически сложившихся областей.

Но в большинстве сказаний о Горе и Сете они ведут тяжелую и непримиримую борьбу, окончившуюся полной победой Гора.

В первом поединке Гор потерпел поражение — Сет вырвал ему глаз. «Око Гора» — один из важнейших символов в египетской мифологии — средоточие божественной силы.

После долгой борьбы Гор вернул свое Око и с его помощью оживил Осириса. Но Осирис предпочел остаться владыкой царства мертвых, с тем, чтобы царем живых стал Гор.

Сет не пожелал освободить престол, и соперники обратились к суду великих богов.

В одной из записей мифа, сделанных в период Нового царства, содержится подробный и обстоятельный рассказ о том, как судились Гор и Сет. Вероятно, этот рассказ был не только изложением древнего сказания, но и сатирой на современное судопроизводство.

Хотя почти все боги были согласны, что по закону Гор должен занять престол своего отца, они никак не могли вынести окончательного решения, и суд затянулся на восемьдесят лет.

Вышедшая из терпения Исида обратилась к богам с гневной речью. Тогда Сет сказал: «Я больше не появлюсь в зале суда, когда там будет Исида», и боги переносят судебное заседание на остров, приказав лодочнику «не перевозить никакой женщины, похожей на Исиду».

Исида хитростью проникает на остров и, приняв облик обычной женщины, рассказывает, что она была женой пастуха, что муж ее умер, и теперь некий человек хочет отобрать у ее сына стадо отца. Сет, не заметив ловушки, сказал: «Нельзя отдавать стадо чужому, когда есть сын хозяина».

В египетском языке слова «стадо» и «сан, престол» звучат одинаково. Таким образом Сет определенно вынес приговор самому себе.

Исида превратилась в коршуна, взлетела на верхушку акации и крикнула оттуда: «Твой собственный разум тебя осудил, твои уста произнесли это. Что же еще надо?»

Однако боги опять не приняли никакого решения и, покинув остров, стали заседать на горе. Тут уж возмутился сам Ра:

«Что вы делаете, сидя здесь? Ведь вы заставите тяжущихся окончить свою жизнь в суде?»

Некоторые варианты мифа заканчиваются тем, что по велению Ра Гор становится царем Египта, а Сета Ра забирает с собой на небо и делает повелителем грозы. В других вариантах сюжет развивается дальше: Сет предлагает Гору различные испытания — превратившись в гиппопотамов, три месяца просидеть под водой, проплыть по реке на каменных ладьях, пытается опорочить Гора перед богами, поссорить его с Исидой и т. д.

Наконец, между ними происходит решительный бой, Гор побеждает Сета и повергает его к ногам Осириса. Светлый Осирис торжествует над темным Сетом.

9. ИСИДА СИЛЬНАЯ ЧАРАМИ

Древний Египет в представлении окрестных народов был таинственной страной магов и колдунов.

Жизнь египтянина была полна веры в чудесное, магия играла огромную роль и в религиозном культе, и в повседневной жизни. Служение богам сопровождалось сложными магическими ритуалами, магические формулы обеспечивали умершим благополучное существование за гробом, амулеты и заговоры помогали в конкретных житейских ситуациях.

Покровительницей египетской магии была Исида. Один из ее эпитетов — «Сильная чарами».

Исида — не только жена Осириса и мать Гора, но и самостоятельное, очень сильное божество. Ее почитали как богиню плодородия, ветра и воды, покровительницу мореплавания.

В одном из мифов рассказывается, как Исида «задумала стать подобной Ра в его могуществе, завладев тайным его именем».

Египтяне считали, что имя человека является такой же важной и неотъемлемой частью его личности, как душа и тело. Паломники, записывавшие свои имена на стенах храмов, употребляли особую формулу, дабы обезопасить себя от вреда, который можно им причинить, причинив вред их имени:

«Что до того, кто сотрет это имя, да будет Пта его врагом, и да будет Сохмет преследовать его жен, а Таурт — его детей».

Часто настоящее имя хранилось в тайне, а в обиходе использовалось прозвище.

И вот Исида, чтобы обрести власть над великим Ра, решила узнать его тайное, истинное имя.

Из земли она вылепила змея с ядовитыми зубами и положила его на пути Ра. Поскольку змей был сотворен силою чар, Ра не увидел его, а только почувствовал, как вонзились в его тело ядовитые зубы. «И яд охватил его тело, подобно тому, как Нил заливает всю страну во время разлива».

Ра закричал сопровождавшим его богам:

«Подойдите ко мне, ибо хочу я поведать о том, что случилось со мной. Меня ужалило нечто смертоносное, о чем знает мое сердце, но чего не видят мои глаза, и не может ухватить моя рука. Сердце мое полно пылающего огня, тело мое разрывает боль. Пусть придут ко мне мои дети — боги, владеющие чародейными речами и умеющие произносить их».

Боги приблизились к великому Ра и стали творить заклинания, но боль не отпускала бога.

Наконец, появилась Исида, и «было в устах ее дыхание жизни, ибо слова, реченные ею, уничтожают болезнь».

Исида сказала: «О, мой божественный отец! Назови мне свое имя, и ты будешь жив».

Ра начинает перечислять свои иносказательные имена:

«Я — создатель неба и земли. Я — создатель вод. Я — отверзающий свои очи и создающий свет. Я — закрывающий свои очи и сотворяющий мрак. Я — Хепри утром, Ра в полдень, Атум вечером».

Но боль по-прежнему терзала великого бога, и Исида сказала:

«Среди слов, которые ты говорил мне, не было твоего имени. Открой мне его, и яд выйдет из твоего тела, ибо будет жить тот, чье имя произнесено».

Тогда Ра назвал свое тайное имя (в записи мифа оно, конечно, не приводится), и Исида произнесла заклинание:

«Уходи яд, выйди из Ра. Я делаю так, чтобы яд упал на землю, ибо он побежден. Великий бог отдал свое имя. Да будет жить Ра, и да погибнет яд! Пусть погибнет яд, и будет жить Ра!»

Ра исцелился, а Исида, завладев его истинным именем, обрела великую силу и власть.

Этот миф известен по записи на папирусе времен Нового царства. Причем запись была сделана в чисто утилитарных целях: заклинание, произнесенное Исидой, рекомендовалось использовать от укусов змей и скорпионов. Заключительная приписка содержит конкретные указания: заклинание следует произнести вслух или написать на куске льняного полотна и повесить на шею, а можно запись, сделанную краской, растворить в воде и дать выпить укушенному.

Египтяне верили в действенность этого заклинания, поскольку Исида считалась повелительницей змей и скорпионов. Известны изображения богини со скорпионом на голове, а в одном из текстов, написанных от лица самой Исиды, так описывается ее выход:

«И вышла я в вечернюю пору. И вышли вслед за мною семь скорпионов, дабы защитить меня своими жалами: Тефен и Бефен были позади меня, Местет и Местетеф — под моими носилками, Петет, Четет и Матет освобождали мне путь».

Происхождение мифа об Исиде, сильной чарами, вероятно, очень древнее, поскольку Исида в нем еще не обрела своего классического облика кроткой жены и матери, а выступает в роли опасного и коварного божества, стремящегося к власти над миром.

10. МИФ ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ ЛЮДЕЙ

Значительное место в египетской мифологии занимают солярные мифы, то есть мифы о солнечных богах, объясняющие явления природы, смену времен года.

Солнце- источник жизни, оно дарует тепло и свет, но в засушливые месяцы становится опасным и способно принести смерть. Египтяне объясняли периоды жестокого зноя гневом Ра на человечество.

На стенах гробниц фараонов Сети I и Рамзеса II, а также на втором футляре саркофага Тутанхамона был записан «Миф об истреблении людей».

В этом мифе рассказывается о тех временах, когда бог Ра еще жил на земле. С годами он состарился и одряхлел: «Кости его стали серебряными, тело — золотым, волосы — из чистого лазурита». Люди перестали почитать старого бога и «задумали недоброе против него».

Ра созвал совет богов и спросил, как ему следует покаратьмятежников.

Боги сказали: «Пошли твое Око, да победит оно для тебя замышляющих против тебя зло».

«Оком Ра» называли его любимую дочь, известную в трех ипостасях: богинь Тефнут, Сохмет и Хатор. В мифе об истреблении людей она выступает в образе жестокой Сохмет, богини войны.

Приняв облик львицы, Сохмет стала убивать и пожирать людей. За один день она истребила столько народу, что Ра ужаснулся и стал просить ее пощадить оставшихся в живых. Но кровожадная богиня уже не могла остановиться. «Я побеждаю людей, и сладостно в сердце моем», — сказала она.

Тогда Ра послал гонцов на остров Элефантину за минералом «диди» кроваво- красного цвета, приказал сварить семь тысяч кувшинов пива и смешать пиво с диди, чтобы оно стало похожим на кровь.

Еще до рассвета слуги Ра разлили пиво по земле. Утром Сохмет увидела кроваво- красные потоки, и «лик ее засиял от радости». Она выпила все семь тысяч кувшинов пива, опьянела и уснула. А проснулась уже в умиротворенном настроении.

Ра сказал ей: «Иди с миром, любимая!» После чего Ра удалился на небо, а власть на земле вверил Осирису.

11. МИФ О СОЛНЕЧНОМ ОКЕ

В другом солярном мифе Око Ра, любимая дочь солнечного бога, выступает в образе Тефнут, благодетельной богини влаги. Этот миф объясняет ежегодный приход весны, когда прекращаются знойные ветры пустыни, несущие засуху, и природа оживает.

Поссорившись с отцом, Тефнут бежала в Нубию. Без нее в Египте наступила засуха, и Ра послал мудрого бога Тота в образе павиана, чтобы

он уговорил беглянку вернуться.

Тот отыскал Тефнут в пустыне, где она охотилась, приняв облик дикой нубийской кошки.

Мудрый Тот повел речь так, чтобы строптивая богиня сама захотела вернуться. Он сказал: «Из всего, что существует на свете ничто не любят больше родной страны, то есть места, где ты родился». Он угостил Тефнут едой, которую готовят только в Египте. Тефнут отведала угощения, и «лицо ее посветлело, взгляд стал радостным».

Тот стал рассказывать, как плохо всем без нее: «Стар и млад ждут твоего совета, вельможи надели траур по тебе, хаос царит с тех пор, как ты бежала из Египта».

Польщенная и растроганная богиня соглашается вернуться. «Засмеялась нубийская кошка, возрадовалось сердце ее словам маленького павиана. И обратила она свой лик к Египту».

Всеобщее ликование встретило Тефнут на родине. «Ра, узнав о возвращении дочери, пустился в пляс, и сердце его возрадовалось необычайно. Он почувствовал себя заново рожденным».

Весенний праздник Возвращения Солнечного Ока в египетском календаре назывался «днем виноградной лозы и полноты Нила». В праздничном гимне (Тефнут в нем называется именем Хатор) поется:

Весь Египет радуется,
Идет Хатор к своему дому,
О, как сладостно,
Когда она приходит!

Этот миф очень древний, но наиболее полная его запись содержится в так называемом «Лейденском папирусе», датируемом II–III веками н. э.

12. СКАЗКА О ДВУХ БРАТЬЯХ

Наряду с мифами о богах в Древнем Египте бытовали сказки, героями которых являются люди.

Одна из них — «Сказка о двух братьях» — была обнаружена в середине XIX века и получила всемирную известность, как древнейшее в мире литературное произведение.

Она была записана на девятнадцати листах папируса писцом Эннаной в XIII веке до н. э., то есть за несколько веков до создания гомеровского эпоса.

Свой труд Эннана закончил словами: «Для того, кто станет хулить это писание, да будет бог Тот врагом».

Хотя впоследствии были найдены еще более древние произведения египетской литературы, «Сказка о двух братьях» по-прежнему интересна и своей связью с египетской мифологией, и своими литературными достоинствами.

Герои сказки — братья Анупу и Бата, зажиточные крестьяне. Анупу был старшим и «имел дом и жену», а младший Бата «был им как сын».

Однажды, когда братья работали в поле, им не хватило зерна для посева, и Анупу послал Бату за ним домой.

Жена Анупу, увидев, как Бата поднял зараз пять мешков зерна, «восхитилась его силой и мощью» и сказала: «Пойдем, проведем вместе часок. Тебе от этого будет польза, ибо я сошью тебе красивую одежду».

Бата рассердился «как пантера Юга» и ответил суровой отповедью, впрочем, пообещав ничего не говорить брату.

Но жена Анупу не поверила обещанию и, намазавшись черным жиром, чтобы казалось, будто вся она в синяках, рассказала вернувшемуся домой мужу, что Бата пытался ее соблазнить, а когда она отвергла его домогательства, жестоко ее избил.

Анупу страшно разгневался и решил убить Бату, но тот обратился с молитвой к Ра, и по велению бога между братьями пролегла река, кишащая крокодилами.

Бата крикнул с другого берега: «Почему ты хотел убить меня, даже не выслушав, что я скажу? Я ведь твой младший брат, и ты мне как отец». Он рассказал, что произошло в действительности, и, отказавшись, несмотря на уговоры брата, вернуться домой, удалился в таинственную «Долину Акаций» на берегу моря. Там он поместил свое сердце на вершине самой высокой акации и стад жить, охотясь на диких зверей.

Боги узнали, что Бата живет в полном одиночестве и «были сердца их сильно опечалены из-за него». Они создали для Баты жену, красотой превосходящую всех женщин.

Бата горячо полюбил красавицу и неосторожно сообщил ей, что его сердце хранится на вершине акации, и всякий, завладевший им, завладеет и его жизнью.

Однажды жена Баты, гуляя по берегу моря среди деревьев, зацепилась волосами за ветку, и морские волны отнесли прядь ее волос к берегам Египта, где прачечники фараона (в некоторых странах востока стирка белья является мужской профессией) стирали его одежды.

Прядь волос красавицы источала такое благоухание, что оно пропитало одежды фараона. Фараон заинтересовался этим явлением, призвал мудрецов и гадальщиков и повелел им выяснить, откуда взялась благоуханная прядь.

Узнав, что в Долине Акаций живет со своим мужем женщина несравненной красоты, фараон решил захватить ее силой и послал в Долину Акаций войско, но Бата его полностью уничтожил. Тогда фараон подослал к жене Баты женщину с драгоценными нарядами и украшениями, и легкомысленная красавица, прельстившись подарками, покинула мужа и стала наложницей фараона.

Фараон был очарован ее красотой и исполнял все ее желания. Опасаясь мести покинутого Баты, его неверная жена попросила фараона послать людей срубить акацию, на которой было спрятано его сердце.

Как только сердце упало на землю, Бата умер.

Анупу чудесным образом узнал о беде, постигшей брата, «надел он свои сандалии и одежду, взял посох и оружие и отправился в Долину Акаций».

После многолетних скитаний он нашел сердце Баты и, опустив его в свежую воду, оживил брата.

Бата решил отомстить коварной жене. Он превратился в великолепного быка, и Анупу продал его фараону.

Наложница фараона, узнав в быке Бату, приказала его зарезать, но там, где упали капли его крови, выросли два дерева. Красавица приказала их срубить, и сама пришла посмотреть, как будет исполнено ее повеление. Отлетевшая щепка попала ей в рот, она забеременела, и Бата родился вновь в образе ребенка.

Фараон, считая его своим сыном, завещал ему престол. Через некоторое время Бата стал фараоном, казнил неверную жену, призвал к себе Анупу и благополучно правил Египтом тридцать лет до самой своей смерти.

Исследователи «Сказки о двух братьях» называли ее рассказом, повестью и даже романом, хотя жанр ее, конечно, чисто сказочный.

В ней ясно видна мифологическая основа, ее герои носят имена богов. Анупу — это одна из форм имени Анубис, Бата — имя египетского бога, почитавшегося в образе быка. В некоторых мифах Анубис и Бата также, как и в сказке — братья.

Но в отличие от мифа, герои сказки не боги, а люди, хотя они и наделены чудесными способностями. Их деятельность направлена не на обустройство мира, а на заботу о своей личной судьбе.

В «Сказке о двух братьях» присутствуют многие сюжеты и мотивы, которые позже встречаются в сказках народов всего мира, в том числе и русских. Некоторые исследователи считают Древний Египет родиной сказки как жанра.

13. ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

В1881 году известный русский египтолог В.С. Голенищев нашел еще один папирус, содержащий литературное произведение. Это была сказка, названная «Потерпевший кораблекрушение». Она была записана в XX веке до н. э., то есть на семьсот лет раньше, чем «Сказкаодвух братьях». Сейчас «Потерпевший кораблекрушение» является самым древним из сохранившихся до нашего времени литературных произведений.

Повествование ведется от лица чиновника фараона, плывшего по его поручению к рудникам и попавшего в морскую бурю. Описание бури полно драматизма и экспрессии: «Вихрь налетел и поднял волну высотой до восьми локтей. Мачта обрушилась и сбила сильным ударом гребень волны. Корабль затонул, а с ним все, кто на нем находился. Только меня вынесли волны Великого Зеленого моря на остров».

Остров оказался благодатным краем, изобильным земными плодами и пресной водой, полным птиц, нехищных животных и рыб. Но потерпевший кораблекрушение был одинок: «лишь сердце мое было моим товарищем».

Через три дня перед героем рассказа появился хозяин острова — исполинский змей «длиной в тридцать локтей и с бородой длиною в два локтя. Кольца тела его были покрыты золотом, брови его были из чистого лазурита. Он шел ко мне, и тело его извивалось».

Испуганный человек простерся перед змеем «на животе своем», но змей сказал:

«Не бойся, ничтожный, не бойся! Теперь, когда ты со мной, незачем тебе бледнеть от страха. Видно сам бог пожелал, чтобы ты остался в живых, ибо это он направил тебя к этому острову Духа, на котором такое множество превосходных вещей и нет недостатка ни в чем. Здесь, на этом

острове, будешь ты жить месяц за месяцем, пока не завершится четвертый месяц. И тогда придет корабль из страны твоей, и будут на нем корабельщики, которых ты знаешь. Ты вернешься с ними на родину и умрешь в своем городе. И будешь ты счастлив, когда станешь рассказывать о том, что случилось с тобой, когда все тяжелое останется позади».

Герой рассказа преисполнился благодарности к змею и пообещал, что, вернувшись на родину, станет прославлять его как бога «благосклонного к людям в этой далекой стране, о которой они не ведают», и пришлет ему корабли, полные благовоний и всего, «что есть наилучшего в Египте». Но змей рассмеялся в ответ и сказал, что ему и так принадлежат все благовония мира. А потом добавил: «Покинув мой остров, ты уже не найдешь его, ибо место это скроется под волнами».

Через некоторое время, как и предсказывал змей, к острову причалил корабль, и потерпевший кораблекрушение смог вернуться на родину. На прощание змей подарил ему без счету благовония, слоновую кость, охотничьих собак, мартышек, бабуинов и много других прекрасных и экзотических вещей.

«Затем я спустился на берег к кораблю и окликнул людей, которые были на нем. Стоя на берегу, я возблагодарил владыку этого острова, и те, кто были на корабле, сделали тоже самое. А потом мы поплыли на север».

Как и «Сказка о двух братьях», «Потерпевший кораблекрушение» восходит к древним мифологическим представлениям. Могущественный и мудрый змей — это воплощение какого-то египетского божества.

Но в то же время «Потерпевший кораблекрушение», небольшое по объему произведение, положило начало одному из самых популярных литературных жанров — приключенческому роману.

Змей говорит герою: «Если ты мужествен, овладей собой! Будь смел, и ты обнимешь своих детей, ты поцелуешь свою жену, ты снова увидишь свой дом — а что может быть лучше этого?» Отважный и удачливый герой, рассказ от первого лица, вызывающий у читателя особое чувство сопереживания, динамичный сюжет, красочность и занимательность описаний — все это живо напоминает самые знаменитые приключенческие романы, написанные тысячи лет спустя: «Путешествия Гулливера» Д. Свифта, «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Остров сокровищ» Р.-Л. Стивенсона.

И еще один замечательный образ, нашедший потом отражение в творчестве многих писателей и поэтов, был создан неизвестным автором «Потерпевшего кораблекрушение» — образ благодатного острова, на который невозможно вернуться, символ прекрасной, недостижимой мечты, стремление к которой волнует человека в наши дни также, как и тысячи лет назад.

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ

Библия — собрание священных книг иудаизма и христианства. Она состоит из двух частей — Ветхого и Нового Заветов. Слово «завет» в Библии употребляется в значении «союз», «договор» «Библейская энциклопедия», составленная в 1891 году архимандритом Никифором, так определяет это понятие. «Завет Ветхий и Новый — иначе сказать, древний союз Бога с человеками и новый союз Бога с человеками Ветхий Завет состоял в том, что Бог обещал людям Божественного Спасителя (…) и

приготовлял их к принятию Его. Новый же Завет состоял в том, что Бог действительно даровал людям Божественного Спасителя Единородного Сына Своего, Господа Иисуса Христа».

Библейскими сказаниями обычно называют сказания Ветхого Завета, повествующие о событиях, происходивших до рождения Иисуса Христа. Ветхий Завет складывался на протяжении длительного времени с XII по II век до н. э. Он состоит из тридцати девяти книг и включает в себя тексты самого разного характера: мифы древних иудеев и соседствующих с ними народов (финикийцев, вавилонян и др.), исторические предания, фрагменты хроник, законодательные предписания, религиозно-философские сочинения, ритуальные и народные песни.

Известный русский философ С.Н. Булгаков писал: «Неисчерпаемость Библии коренится для нас одновременно и в божественном ее содержании, и в этой ее пестроте и многообразии».

Книги Ветхого Завета принято разделять на несколько групп: «Пятикнижие», повествующее о сотворении мира и человека, жизни первых поколений людей на земле и о заповедях, данных Богом пророку Моисею, «Исторические книги», рассказывающие о возникновении Израильско-Иудейского государства и его правителях; «Учительские книги», содержащие наставления в благочестии, и «Пророческие книги», посвященные предсказанию пришествия Иисуса Христа.

Разновременность и разнохарактерность библейских текстов обусловили неоднократно встречающиеся в Библии противоречия. Так, «Пятикнижие», как считают многие исследователи, было создано на основе двух источников, получивших условные названия «Яхвист» и «Элохист», поскольку в первом из них, близком к народным сказаниям, Бог назван Яхве, а во втором, созданном учеными жрецами — Элохим. В русском переводе Библии это различие сохранено и передается соответственно как Господь и Бог. Каждый из этих источников представляет собой последовательное и цельное повествование, но соединенные вместе, наложившись один на другой, они иногда заметно противоречат друг другу.

Изучением Библии занимаются как ученые-материалисты, так и ученые-богословы В большинстве вопросов их мнения кардинально расходятся, в том числе в «вопросе о происхождении Библии. Согласно религиозному вероучению, Библия является «богодухновенной» книгой, то есть написана Духом Божиим при посредстве избранных Им для этого людей.

Однако в настоящее время некоторые ученые богословы стали признавать формирование Библии на основе разных источников.

Первоначальный текст Ветхого Завета был написан на древнееврейском и отчасти арамейском языках. В III веке до н. э. он был переведен на греческий. По преданию, перевод был сделан семьюдесятью двумя благочестивыми старцами, которые работали порознь, независимо друг от друга, однако, когда переводы были завершены, они полностью совпали, что было расценено как знак особого благоволения Бога.

В IV веке новой эры блаженный Иероним, христианский философ, перевел Библию на латинский язык, в IX веке просветители славян, создатели славянской азбуки Кирилл и Мефодий, сделали перевод на

старославянский, в XVI веке М. Лютер, реформатор германской церкви, — на немецкий, позже Библия была переведена на английский, французский и многие другие языки.

Перевод Библии на современный русский язык был осуществлен в 1860–1868 годах специальным Комитетом в составе М.А. Голубева, Д А. Хвольсона, И.Е. Ловягина. Этот перевод, так называемый Синодальный, одобрен русской православной церковью и является официально признанным русским текстом Библии. Отсюда взяты все приводимые ниже библейские цитаты; архаичность их языка наглядно передает своеобразие художественного стиля древних текстов.

Библия — одна из наиболее популярных книг в мире, ее ежегодные тиражи достигают нескольких миллионов экземпляров.

Библия обладает выдающимися достоинствами и как литературное произведение. Известный польский писатель и ученый Зенон Косидовский в предисловии к своей книге «Библейские сказания» пишет: «Она является одним из шедевров мировой литературы, произведением реалистическим, в котором бурлит и хлещет через край настоящая жизнь».

Библейские сюжеты послужили основой множества живописных, скульптурных, литературных, музыкальных и драматических произведений разных времен и народов.

14. СОТВОРЕНИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

Замечательный английский ученый Дж. Дж. Фрезер в своей книге «Фольклор в Ветхом Завете» писал: «Для внимательного читателя Библии едва ли останется незамеченным резкое противоречие между двумя рассказами о сотворении человека, которые изложены в первой и второй главах книги «Бытие».

Один вариант рассказа — более поздний. Он был создан учеными жрецами в VI веке до н. э. и носит весьма отвлеченный, умозрительный характер. В этом варианте Бог творит мир из ничего, одним своим словом.

«Вначале сотворил Бог небо и землю». Понятия «небо» и «земля», как считают толкователи Библии, в данном случае не следует воспринимать буквально. «Небом» здесь названы «силы небесные», то есть ангелы — светлые духи, исполняющие Божью волю «Ангел»-значит «вестник» А словом «земля» обозначено некое абстрактное пространство. Эта «земля» была «безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» Бог сказал: «Да будет свет» — и явился свет. Бог отделил его от тьмы и назвал свет днем, а тьму — ночью. «И был вечер, и было утро, день один».

Во второй день Бог создал «твердь», которую назвал небом, то есть уже собственно небесный свод, «и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью». Так появились воды земные и воды небесные, проливающиеся на землю в виде осадков. В третий день Бог сказал «Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша». Сушу Он назвал землею, а «собрание вод» — морями. «И увидел Бог, что это хорошо».

Затем Он сказал: «Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле».

В четвертый день Бог создал солнце, луну и звезды «для освещения земли, и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов».

В пятый день были созданы птицы, рыбы, пресмыкающиеся и животные. Бог благословил их и повелел им «плодиться и размножаться».

В шестой день Бог сказал. «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» — и сотворил мужчину и женщину. Утверждение, что человек был создан по образу и подобию Божию, богословы толкуют не как наличие внешнего сходства, а как присутствие «образа Божия» в душе человека.

Бог благословил первых людей и сказал им: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею».

В седьмой день Бог «почил от всех дел Своих». Этот день был назван «суббота», что значит «покой», и установлен в качестве праздника — для отдыха и служения Богу.

Другой вариант библейского рассказа о сотворении мира — более древний. Он уходит корнями в народные сказания и содержит больше ярких, конкретных деталей.

В этом варианте Бог прежде всего создает небо и землю в прямом значении этих слов. Но на земле ничего не росло, поскольку ее не орошали дожди и некому было ее обрабатывать. Тогда Бог создал человека, слепив его «из праха земного», то есть из глины, и «вдунул в лицо его дыханье жизни, и стал человек душою живою». Имя первого человека было Адам, что по-древнееврейски значит «человек», но иногда это имя переводят как «слепленный из красной глины».

В стране Эдем Бог насадил прекрасный сад (в русском переводе его называют «рай») и поселил там Адама, чтобы он возделывал и хранил его.

Затем Бог сказал: «Не хорошо быть человеку одному. Сотворим ему помощника, соответствующего ему». Он создал зверей и птиц — и привел их к Адаму. Адам дал им всем имена. Но среди птиц и животных «для человека не нашлось помощника, подобного ему».

Тогда Бог погрузил Адама в глубокий сон, и пока тот спал, вынул у него одно ребро — и сотворил из ребра женщину. Впоследствии она получила имя — Ева, но поначалу Адам назвал ее просто женою, сказав: «Вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей, она будет называться женою: ибо взята от мужа своего».

Вариант рассказа о создании первых людей, в котором Адам был сотворен из глины, а Ева — из адамова ребра, как более красочный, получил большее распространение в искусстве (фрески Микельанджело, картина П. Веронезе и другие).

15. ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Первые люди жили в райском саду, в стране Эдем. В Библии говорится, что Эдем находится «на востоке» и через него протекает река, разделяющаяся затем на четыре реки, носящих название Фисон, Тихон, Тигр и Евфрат. Упоминание двух реально существующих рек (Тигр и Евфрат) и двух фантастических способствовало возникновению различных мнений относительно местоположения Эдема.

Высказывались предположения, что он находится в Африке, другие предполагали, что в Сирии, в Месопотамии, на Кавказе или на острове Цейлон. «Но все это лишь догадки» — говорится в «Библейской энциклопедии». В народном сознании, как правило, Эдем не ассоциируется ни с какой реальной местностью, а представляется раем — небесной обителью Бога.

Посреди Эдемского сада росло древо познания добра и зла, Бог сказал Адаму: «От всякого дерева в саду ты будешь есть; а от древа познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь».

Адам и его жена жили в Эдемском саду счастливо и безмятежно, не зная ни болезней, ни душевных страданий. Злой дух позавидовал им и решил нарушить их блаженное существование. Он принял облик змея и, явившись перед женщиной, спросил: «Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» Женщина ответила, что Бог разрешил есть плоды со всех деревьев, кроме древа познания добра и зла, иначе они с Адамом умрут.

Коварный змей заверил ее, что плоды древа познания добра и зла вовсе не смертельны, и сказал: «Знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло».

Женщина увидела, «что древо хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание, и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел». В Библии не говорится, что за плоды росли на древе познания добра и зла, но по традиции считается, что это были яблоки.

Так первые люди ослушались Бога и совершили так называемый «первородный грех», исказивший истинную, богоподобную природу человека. По христианскому учению, первородный грех тяготеет над всеми людьми, и освободиться от него можно, лишь приняв крещение.

Вкусив запретного плода, Адам и его жена стали различать добро и зло. До сих пор они ходили нагими, не задумываясь о том, хорошо это или плохо, но теперь поняли, что нехорошо, и сделали себе «опоясания» из листьев смоковницы.

Вскоре Бог пришел погулять в Эдемском саду «во время прохлады дня». Адам и его жена, не желая попадаться ему на глаза, спрятались среди деревьев.

Бог окликнул Адама: «Адам, где ты?» Адам ответил из-за деревьев: «Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся».

Тогда Бог спросил: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты с древа, с которого Я запретил тебе есть?» Адам, вместо того чтобы покаяться, попытался переложить вину на жену: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел».

А женщина сказала: «Змей обольстил меня, и я ела».

Бог разгневался и на змея, и на женщину, и на Адама — и назначил им всем суровое наказание: змею повелел отныне ползать на брюхе, женщине — в муках рожать детей и покоряться мужу, Адаму — в поте лица добывать свой хлеб.

Бог изгнал Адама и его жену из рая, а у врат Эдемского сада поставил на страже Херувима с огненным мечом.

Тогда-то и «нарек Адам имя жене своей — Ева («жизнь»), ибо она стала матерью всех живущих».

16. КАИН И АВЕЛЬ

У Адама и Евы родилось двое сыновей. Старшего звали Каин, а младшего — Авель Каин вместе с отцом обрабатывал землю, Авель пас овец.

Однажды братья принесли жертву Богу: Каин — «от плодов земли», Авель — лучшую овцу из своего стада. Но Каин приносил жертву без должного усердия и благочестия, поэтому «призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел».

Каин «сильно огорчился», его охватили злость и зависть к брату. Бог предостерег Каина: «Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним».

Однако Каин не внял предостережению: он позвал Авеля в поле и там убил его.

Историки видят в трагическом конфликте Каина с Авелем отголосок борьбы между скотоводческими и земледельческими племенами. Причем в соответствии с исторической правдой агрессию проявляли кочевники-скотоводы, нападавшие на оседлых земледельцев. То, что в библейском сказании скотовод Авель является невинной жертвой земледельца Каина, свидетельствует о том, что сказание зародилось до того, как большинство людей перешло к оседлому земледелию.

В христианской традиции Авель рассматривается как первый гонимый праведник и в какой-то степени как прообраз Иисуса Христа.

Господь спросил Каина: «Где Авель, брат твой?» Каин дерзко ответил: «Не знаю. Разве я сторож брату моему?» Тогда сказал Господь во гневе: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего». Бог осудил Каина быть «изгнанником и скитальцем на земле».

Каин пошел «от лица Господня» и поселился в земле Нод. Там он женился и имел большое потомство. Потомки Каина, также как и он сам, отличались нечестивостью и злобным нравом.

У Адама и Евы после смерти Авеля и изгнания Каина родился еще одни сын — Сиф. У Сифа также было много потомков, и все они были добры и благочестивы. (На ком были женаты Каин и Сиф — Библия умалчивает.) Человеческий век в то время был долог. Адам прожил 930 лет, один из его правнуков, Мафусаил, — 969 (отсюда пошло выражение «Мафусаилов век», то есть очень долгая жизнь).

Со временем потомки Сифа вступили в общение с потомками Каина. В Библии есть неясная фраза: «Сыны Божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». Некоторые богословы считают, что «сынами Божьими» названы потомки благочестивого Сифа, в которых преобладало чистое, Божеское начало, а «дочери человеческие» происходили из рода грешного человека Каина. Но существует также мнение, что «сыны Божьи» — это падшие ангелы, ставшие бесами, и таким образом греховная человеческая природа

объединилась с бесовской сущностью. От этих союзов народилось последующее поколение людей, исполненное греховности и злобы.

«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их было зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце своем».

17. НОЕВ КОВЧЕГ

Раскаявшись в том, что сотворил людей, Бог решил их уничтожить, для чего наслал на землю Всемирный потоп.

Но среди всеобщей греховности и нечестивости один человек, по имени Ной, оставался «праведным и непорочным», а потому «обрел благодать перед очами Господа».

Господь предупредил Ноя о грядущем потопе и научил его, как избежать всеобщей участи. Бог сказал Ною: «Сделай ковчег из дерева гофер (смолистое дерево из породы хвойных); отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи. И сделай его так: длина ковчега триста локтей, ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. И сделай отверстие в ковчеге (…) и дверь в ковчег сделай сбоку его; устрой в нем нижнее, второе и третье жилье». Бог повелел Ною взять в ковчег свою жену и сыновей с их женами, а также по паре всех животных, птиц и прочих тварей и еще — большой запас пищи.

Ной исполнил все, что было ему приказано. Семь дней спустя «воды потопа пришли на землю, (…) разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились». Вода поднялась, скрыв вершины самых высоких гор, «и лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди; все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. (…) Остался только Ной и что было с ним в ковчеге».

Дождь лил сорок дней и сорок ночей. Затем Бог «навел ветер на землю, и воды остановились». Сто пятьдесят суток стояла на земле вода, а потом начала убывать. Показались горные вершины, и Ноев ковчег оказался на горах Араратских. Вода убывала на протяжении нескольких месяцев. Ной, желая узнать, «убыла ли вода с земли», открыл окно ковчега и выпустил сначала ворона, а потом голубя. Но обе птицы вернулись в ковчег, не найдя «места покоя для ног своих». Семь дней спустя Ной снова выпустил голубя. Голубь опять вернулся, но в клюве он нес свежий масличный лист, это означало, что где-то появилась суша. Через неделю Ной еще раз выпустил голубя — и тот уже не вернулся.

«И открыл Ной кровлю ковчега, и посмотрел, и вот, обсохла поверхность земли».

К тому времени с начала потопа прошел ровно год. Ной вышел из ковчега и вывел всех, кто был с ним. Прежде всего, он воздвиг алтарь и принес жертву Богу.

И Бог сказал: «Не буду больше проклинать землю за человека (…) и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся». Бог благословил Ноя и его сыновей как прародителей нового человечества и повелел им: «Плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней».

В знак своего благоволения к людям Бог установил между небом и землей семицветную радугу, сказав: «И будет радуга Моя в облаке, и Я увижу ее и вспомню завет вечный между Богом и между землею, и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле».

Историчность сказания о потопе не подлежит сомнению, но предположения о масштабах катастрофы весьма различны. Ученые-материалисты считают, что наводнение происходило на ограниченной, хотя и достаточно обширной территории. В Месопотамии — долине между реками Тигр и Евфрат — археологи обнаружили следы поселений, занесенные трехметровым слоем ила. Расчеты показали, что для того, чтобы нанести такой слой ила, вода должна была подняться на высоту почти восьми метров и покрыть всю Месопотамию. Местным жителям такая катастрофа, конечно же, представлялась всемирной.

Ученые-богословы утверждают, что потоп, как и сказано в Библии, распространился на весь мир. В качестве подтверждения своего мнения они приводят случаи необъяснимых иначе находок морских раковин на горных вершинах, а также следов растений, произраставших в Индии и Южной Америке, остовов слона и носорога — в Сибири. В XIX веке один из церковных иерархов писал: «Подобные следы потопа видимы во многих местах к изумлению неверующих».

Сказание о потопе встречается в мифах народов всего мира, но наиболее ранний вариант возник в Месопотамии.

Ной и его сыновья начали обустраивать землю. По традиции Ною приписывается изобретение земледельческих орудий — серпа и плуга, а также освоение виноградарства и виноделия.

Однажды Ной, перепив вина, голый спал в своем шатре. Один из его сыновей, по имени Хам, увидев отца в столь непотребном виде, стал смеяться над ним, но двое других сыновей, Сим и Иафет, осудили неуместную веселость брата, взяли одежду и «пошли задом, и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего».

Проспавшись, Ной узнал о поведении своих сыновей — и благословил Сима и Иафета, а Хама проклял, сказав, что его потомки будут рабами потомков его братьев.

18. ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Потомки Ноя составляли один народ и говорили на одном языке. Они населяли долину Сеннаар в бассейне рек Тигр и Евфрат.

«И сказали они: построим себе город и башню высотою до небес, и сделаем себе имя».

Люди наделали множество кирпичей из обожженной глины и принялись за строительство. Но Господь счел их намерение гордыней и сделал так, что они начали говорить на разных языках и перестали понимать друг друга.

Город и башня остались недостроенными, а потомки Ноя расселились по разным землям, образовав разные народы.

Потомки Иафета пошли на север и населили Европу, потомки Сима остались в Юго- Западной Азии, потомки Хама направились к югу и поселились в южной части Азии и в Африке, а потомки его сына Ханаана

заселили Палестину, отчего она получила название земли Ханаанской.

Недостроенный город был назван Вавилоном, что, как утверждает Библия, означает «смешение»: «ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». Историческая основа библейского сказания о Вавилонской башне в настоящее время не подвергается сомнению. Известно, что во многих городах на побережьях Тигра и Евфрата возводились величественные башни, имевшие культовое значение. Такие башни состояли из нескольких сужающихся кверху ступенчатых ярусов. На плоской верхушке находилось святилище, посвященное какому-либо божеству. Наверх вела каменная лестница, по которой во время богослужения под музыку и песнопения поднималась процессия жрецов.

Наиболее крупная из таких башен была построена в городе Вавилоне. Археологи откопали ее фундамент и нижнюю часть стен. Кроме того, сохранились ее описания на клинописных табличках и даже графическое изображение. Вавилонская башня состояла из семи ярусов, ее высота равнялась девяноста метрам.

Исторически объяснима и связь Вавилонской башни с рассказом о «смешении языков».

В VII веке до н. э. вавилонский царь Набопалассар произвел реставрацию древней башни. В память об этих работах он приказал выбить на стене башни такую надпись: «Людей многих национальностей я заставил работать над восстановлением этой башни».

Однако библейское толкование названия «Вавилон» многие исследователи считают ошибочным. На вавилонском языке «Вавилон» означает «врата Божьи», и лишь случайно это название оказалось созвучным древнееврейскому слову, означающему «смешение».

Вавилонская башня (столп) считается олицетворением гордыни, а ее строительство — столпотворение — символом многолюдия и хаоса.

19. АВРААМ

Авраам, потомок Сима, был одним из библейских патриархов, родоначальником еврейского и арабского народов.

После того как произошло смешение языков и люди расселились по разным странам, вера в единого Бога стала забываться, в мире воцарилось язычество — поклонение многим богам, небесным светилам, животным, птицам и даже неодушевленным предметам.

Лишь один Авраам, живя среди язычников, сохранял веру в истинного Бога.

Когда Аврааму было 75 лет, Бог явился ему и сказал: «Пойди из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословении».

Авраам послушался Божьего повеления, взял свою жену Сарру, слуг, рабов, и покинув город Ур, в котором родился и прожил всю жизнь, пустился в путь.

Бог привел Авраама в землю Ханаанскую. Там жили кочевники-пастухи, потомки Ханаана, сына Хама. Ханаанская земля была обширна и плодородна, но мало заселена. Бог пообещал Аврааму, что со временем вся эта земля станет принадлежать его потомкам. Так

Ханаанская земля стала обетованной, то есть обещанной.

Авраам поселился со своими домочадцами в Ханаанской земле и стал вести привычную для себя жизнь скотовода.

Бог еще несколько раз являлся Аврааму, чтобы подтвердить пророчество о многочисленности и величии будущего авраамова потомства. Но жена Авраама, Сарра, была бесплодна, и у Авраама не было ни одного ребенка.

Тогда, следуя древнему обычаю, Сарра избрала среди своих рабынь наложницу для мужа, египтянку по имени Агарь, чтобы рожденного ею ребенка воспитать как собственного.

Вскоре Агарь забеременела. Она сразу же возгордилась и перестала оказывать Сарре почтение как своей госпоже. Сарра пожаловалась мужу: «Я отдала служанку мою в недро твое; а она, увидев, что зачала, стала презирать меня».

Авраам, не желая вмешиваться в семейную склоку, сказал жене: «Служанка твоя в твоих руках, — делай с нею, что тебе угодно».

Сарра стала притеснять Агарь, и та, не выдержав постоянных придирок, убежала из дома.

Не зная, куда идти, Агарь целый день блуждала по пустыне, а ночью заснула под открытым небом. Во сне ей явился ангел и сказал: «Возвратись к госпоже своей и покорись ей!» Агарь послушалась ангела, вернулась к Сарре и в положенный срок родила сына, получившего имя Измаил, что значит «Бог слышит».

Прошло несколько лет. Однажды мимо жилища Авраама проходили трое странников. Следуя законам гостеприимства, Авраам пригласил их отдохнуть и подкрепиться. Сарра испекла для гостей хлеб. Авраам заколол и приказал зажарить теленка.

Насытившись, странники поблагодарили гостеприимных хозяев, и один из них сказал Аврааму: «Я опять буду у тебя в это же время в следующем году, и будет сын у Сарры, жены твоей».

Услышав эти слова, Сарра, которой в то время было 90 лет, подумала: «Мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? И господин мой стар».

Но странник, угадав ее мысли, назидательно сказал, что нет ничего невозможного для Господа. После чего странники удалились.

Эти три странника в действительности были ангелами, в которых воплотился сам Бог. (Их изображение — так называемая «ветхозаветная Троица» — является одним из самых распространенных сюжетов русских икон, в том числе знаменитой «Троицы» Андрея Рублева.) Через год, как и было предсказано, у девяностолетней Сарры и столетнего Авраама родился сын. Сарра была счастлива, но в то же время несколько смущена. Она говорила: «Смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется». Сарра назвала сына Исаак, что значит «смех».

Исаак был законным сыном Авраама, но Измаил, хоть и рожденный от рабыни, был старшим и, по обычаю, имел больше прав. Неприязнь Сарры к Агари вспыхнула с новой силой, и она обратилась к мужу, потребовав: «Выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком».

«Показалось это Аврааму весьма неприятным», он не хотел расставаться со старшим сыном, но Бог повелел ему поступить так, как требует Сарра, и не тревожиться о судьбе Измаила, которому также, как и Исааку, суждено стать родоначальником великого народа.

Авраам дал Агари в дорогу хлеба, бурдюк с водой и посоветовал идти с сыном в Египет, откуда она была родом.

Агарь пошла, держа за руку сына и неся на плечах бурдюк с водой. В пустыне она заблудилась, запас воды иссяк, и гибель казалась неизбежной. Агарь «оставила отрока под одним кустом», а сама, чтобы не видеть, как умирает сын, отошла на расстояние выстрела из лука, села на песок и стала громко плакать.

Бог, услышав ее стенания, «открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водою». Агарь наполнила бурдюк водой, напоила Измаила и снова пустилась в путь. Наконец, мать и сын достигли мест, где смогли поселиться.

Измаил вырос, стал искусным охотником, женился. Как и обещал Господь, его многочисленные потомки образовали народ, известный под названием измаильтян, агарян, или арабов.

В Мекке до сих пор существует священный камень, под которым, по преданию, похоронены Измаил и Агарь.

Тем временем Авраам, лишившись старшего сына, все свои отцовские чувства сосредоточил на Исааке.

Бог, желая убедиться в преданности Авраама, решил подвергнуть его жестокому испытанию: потребовал принести Исаака в жертву.

Бог сказал Аврааму: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака, и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».

Рано утром Авраам наколол дров для жертвенного костра, оседлал осла и, взяв с собой Исаака и двух слуг, отправился в землю Мориа.

Через три дня Авраам и его спутники достигли горы, которую указал Бог. Авраам сказал слугам: «Останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся и возвратимся к вам».

Исааку Авраам велел нести дрова, сам взял огонь, жертвенный нож, «и пошли оба вместе».

По пути «начал Исаак говорить Аврааму отцу своему» и сказал: «Отец мой!» Авраам отвечал: «Вот я, сын мой!» Тогда Исаак спросил: «Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» Авраам ответил сыну: «Бог усмотрит себе агнца для всесожжения».

Поднявшись на вершину горы, Авраам устроил там жертвенник, сложил дрова и, связав Исаака, положил его поверх дров. Затем «простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего». Но тут с неба к нему воззвал ангел и сказал от имени Бога: «Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего. Ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня».

Авраам увидел поблизости барана, запутавшегося рогами в зарослях, заколол его — и принес в жертву.

Затем отец и сын спустились с горы к своим слугам и ослу и благополучно вернулись домой.

Когда Исаак вырос, отец высватал ему жену по имени Ревекка. У Исаака и Ревекки было двое сыновей — Исав и Иаков.

Однажды Иакову было видение, в котором он боролся с самим Богом, желая получить от него благословение. Бог благословил Иакова и дал ему второе имя — Израиль, что значит «Богоборец».

Авраам и Сарра дожили до глубокой старости: Сарра умерла ста двадцати семи лет от роду, а Авраам — ста семидесяти пяти.

Как и обещал Бог Аврааму, потомки Исаака стали самостоятельным народом, известным под названием евреев или, по имени сына Исаака Израиля, израильтян.

20. ИОСИФ ПРЕКРАСНЫЙ

У Иакова было двенадцать сыновей. Двоих младших — Иосифа и Вениамина, родившихся от второй, любимой, жены Рахили, он любил более других.

Вениамин был еще ребенком, а Иосиф — уже взрослым юношей. Тем не менее, отец продолжал его баловать, подарил ему цветную одежду (большая редкость в пастушеском быту) и не заставлял работать наравне со старшими братьями, которые завидовали Иосифу и злились на него.

Как-то раз, когда вся семья собралась за столом, Иосиф сказал братьям: «Выслушайте сон, который я видел. Вот мы вяжем снопы посреди поля; и вот мой сноп встал и стал прямо; и вот ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу».

Уязвленные старшие братья воскликнули: «Неужели ты будешь царствовать над нами?» Вскоре Иосифу приснился другой сон, будто поклоняются ему солнце, луна и одиннадцать звезд. Этот сон не понравился уже и старому Иакову. Он сказал: «Что это за сон, который ты видел? Неужели и я, и твоя мать, и братья придем поклониться тебе?» Однажды старшие братья погнали скот на отдаленное пастбище, а Иосиф оставался дома с отцом. Через некоторое время отец велел Иосифу: «Пойди, посмотри, здоровы ли братья твои и цел ли скот, и принеси мне ответ».

Братья издали увидели цветную одежду ненавистного Иосифа и сказали: «Вот идет сновидец. Убьем его, а отцу скажем, что его растерзал хищный зверь».

Но один из братьев, менее озлобленный, возразил: «Не проливайте крови. Лучше бросим его в глубокий ров». Он полагал, что если Иосиф останется жив, то его можно будет спасти.

Братья схватили подошедшего Иосифа, сорвали с него цветную одежду и бросили его в ров.

Вскоре на дороге показался богатый купеческий караван, направлявшийся в Египет.

Братья подумали, что им представляется возможность избавиться от Иосифа, не беря на душу греха братоубийства. Они сказали: «Продадим его измаильтянам, а руки наши да не будут на нем, ибо он брат наш, плоть наша».

Они вытащили Иосифа из рва и продали купцам за двадцать сребреников. Затем зарезали козла, выпачкали его кровью одежду Иосифа и послали отцу с такими словами: «Мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет». Иаков сразу узнал цветную одежду, которую сам

подарил Иосифу, и в отчаянии воскликнул: «Хищный зверь растерзал моего сына!» Он облачился в траур и многие дни оплакивал Иосифа, отвечая всем, кто пытался его утешить: «С печалью сойду к сыну моему в преисподнюю».

Тем временем купцы отвели Иосифа в Египет и продали знатному вельможе по имени Потифар.

Добросовестный и трудолюбивый Иосиф снискал благосклонность своего хозяина, и тот со временем назначил его управителем всех своих имений.

Иосиф был чрезвычайно хорош собой. Жена Потифара «обратила взоры на Иосифа» и попыталась его соблазнить. Юноша с негодованием отверг ее домогательства. Тогда она оклеветала его перед мужем, сказав, что Иосиф пытался силой склонить ее к прелюбодеянию. Потифар поверил жене, и Иосиф был заключен в тюрьму.

Там вместе с ним оказались придворный виночерпий и придворный хлебодар, чем-то прогневившие своего господина — фараона. В тюрьме им обоим привиделись вещие сны. Виночерпию снилась виноградная лоза, «на лозе три ветви; она развилась, показался на ней цвет, выросли и созрели на ней ягоды». Виночерпий выжал сок из этих ягод в чашу и подал ее фараону. А хлебодару приснилось, что он держал на голове три корзины с хлебом для фараона, но налетели птицы и расклевали весь хлеб.

Иосиф взялся истолковать эти сны. Виночерпию он сказал, что через три дня фараон освободит его и снова приблизит к себе. А хлебодару, что через три дня он будет казнен и птицы расклюют его тело.

Все исполнилось так, как предсказал Иосиф.

Виночерпий, прощаясь с ним, пообещал рассказать фараону о том, что Иосиф томится в неволе по коварному наговору, но, выйдя на свободу, забыл о своем обещании, и Иосиф оставался в тюрьме еще два года.

Однажды фараону приснился сон: будто вышли из реки семь тучных коров и стали пастись на лугу. А затем появились семь тощих коров — и пожрали тучных. Фараон проснулся, но тут же заснул снова и увидел такой сон: будто на одном стебле выросли семь колосьев, полные зерен, а затем рядом встали семь пустых колосьев, иссушенных восточным ветром, и пожрали полные.

Утром фараон приказал созвать лучших мудрецов и гадальщиков, но никто из них не смог объяснить, что означают эти сны.

И тут виночерпий вспомнил про Иосифа и сказал фараону, что в тюрьме, вероятно, еще сидит человек, который искусен в разгадывании снов. По приказанию фараона Иосифа тут же освободили и привели во дворец.

Иосиф сразу разгадал смысл снов фараона и сказал: «Вот наступает семь лет великого изобилия по всей земле Египетской. После них настанут семь лет голода; и забудется все то изобилие на земле Египетской, и истощит голод землю. И неприметно будет прежнее изобилие на земле, по причине голода, который последует, ибо он будет очень тяжел».

Фараон опечалился от такого мрачного предсказания, но Иосиф тут же предложил ему способ смягчить грядущее бедствие: назначить мудрого управителя, который бы в годы изобилия отбирал по всей стране пятую часть каждого урожая и сохранял для голодных лет.

Фараон счел этот совет разумным и сказал Иосифу: «Так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты; ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя». И фараон назначил Иосифа правителем-наместником всего Египта. Иосифу в то время было тридцать лет.

Иосифу вручили знаки его нового достоинства — перстень с руки фараона и золотую цепь на шею. Затем его нарекли новым, египетским, именем Цафнаф-панеах, что значит «Бог говорит: да здравствует». Фараон произнес священную формулу: «Без тебя никто не двинет ни руки, ни ноги своей по всей земле Египетской». В жены Иосифу дали Асенефу, дочь верховного жреца.

«И вышел Иосиф от лица фараонова, и пошел по всей земле Египетской». Иосиф ревностно приступил к исполнению своих новых обязанностей. За семь лет изобилия он скопил хлеба, «как песку морского, так что перестал и считать, ибо не стало счета». Когда же наступили неурожайные годы, он «отворил все житницы и стал продавать хлеб египтянам».

Засуха охватила не только Египет, ной другие земли, и люди из разных стран стали приходить в Египет, чтобы купить хлеба.

Наступил голод и в Ханаанской земле, на родине Иосифа. Старый Иаков сказал своим сыновьям: «Вот я слышал, что есть хлеб в Египте; пойдите туда, и купите нам оттуда хлеба, чтобы нам жить и не умереть».

Десятеро братьев отправились в Египет. Дома остался лишь самый младший — Вениамин, единственный теперь сын от Рахили, который стал главным утешением отца.

Братья благополучно достигли Египта и предстали перед Иосифом. Они не признали во всесильном наместнике проданного ими некогда за двадцать сребреников младшего брата, но Иосиф их сразу узнал и решил отомстить, хорошенько их напугав. Он «говорил с ними сурово» и обвинил в том, что они лишь для вида хотят купить хлеб, а на самом деле явились в Египет как соглядатаи. Перепуганные братья возразили: «Нет, господин наш, рабы твои пришли купить пищи».

Затем они сказали: «Нас, рабов твоих, было двенадцать братьев; мы сыновья одного человека в земле Ханаанской, и вот, меньший теперь с отцом нашим, а одного не стало».

Иосиф обрадовался, узнав, что его отец жив, и захотел увидеть своего брата Вениамина. Он сказал братьям, что продаст им хлеб и позволит беспрепятственно вернуться домой, но с условием, что они приведут к нему младшего брата. А чтобы условие не было нарушено, он оставит одного из них, Симеона, в заложниках.

Братьям пришлось согласиться. Не зная, что наместник понимает по-еврейски, они говорили между собой: «Мы наказываемся за грех против брата нашего». Иосифа так растрогало их раскаяние, что он «отошел от них и заплакал».

Вернувшись домой, братья сказали отцу, что обещали привести в Египет Вениамина. Старый Иаков бурно этому воспротивился: «Вы лишили меня детей: Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите. (…) Не

пойдет мой сын с вами, потому что брат его умер, и он один остался. Если случится с ним несчастье в пути, в который вы пойдете, то сведете вы седину мою с печалью во гроб».

Но через некоторое время ему пришлось уступить: запасы хлеба истощились, и нужно было снова идти в Египет, чтобы их пополнить. Желая задобрить египетского наместника, Иаков послал ему в подарок мед, благовонные травы, фисташки и миндаль. Отпуская со старшими братьями Вениамина, он сказал: «Бог же Всемогущий да даст вам найти милость у человека того. (…) А мне, если уж быть бездетным, то пусть буду бездетным».

Иосиф, как только увидел Вениамина, «поспешно удалился, потому что воскипела любовь к брату его, и он готов был заплакать; и вошел он во внутреннюю комнату, и плакал там». Наплакавшись, он «скрепился», умылся и, выйдя к братьям, пригласил их отобедать. За столом Иосиф посадил Вениамина рядом с собой, и следил, чтобы его доля кушаний была впятеро больше, чем у остальных.

Прежде чем открыться братьям, Иосиф решил подвергнуть их еще одному испытанию. Он приказал наполнить зерном их мешки, а в мешок Вениамина подложил дорогую серебряную чашу. Ничего не подозревающие братья погрузили мешки на ослов и отправились домой. Но едва они выехали за пределы города, Иосиф послал за ними своего домоправителя — и обвинил их в краже. Братья поклялись, что невиновны, и согласились на обыск, сказав, что, если у кого-либо из них отыщется пропавшая чаша, «тому смерть».

Когда чаша обнаружилась в мешке Вениамина, братья пришли в отчаяние. С горя они разодрали на себе одежды, вместе с Вениамином вернулись к Иосифу и пали ему в ноги, умоляя наказать любого из них, а Вениамина отпустить к отцу, ибо старик, «увидев, что нет отрока, умрет».

Видя такую самоотверженность, Иосиф окончательно простил братьям их былую вину и сказал: «Я — Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет».

Братья испугались, но Иосиф заверил их, что не держит на них зла, «и целовал всех братьев своих, и плакал, обнимая их».

Затем он велел братьям скорее ехать к отцу и передать ему такие слова: «Бог поставил меня господином над всем Египтом; приди ко мне, не медли. Ты будешь жить (…) близ меня, ты, и сыны твои, и сыны сынов твоих, и мелкий, и крупный скот твой, и все твое».

Иаков не сразу поверил, что его давно погибший сын жив, и «сердце его смутилось», но когда братья привели неопровержимые доказательства, «ожил дух Иакова». Старик воскликнул: «Жив сын мой Иосиф; пойду и увижу его, пока не умру» Иосиф выехал на колеснице встречать отца и его домочадцев. Семья Иакова состояла из шестидесяти шести человек.

Иосиф сказал фараону: «Братья мои и дом отца моего, которые были в земле Ханаанской, пришли ко мне. Эти люди — пастухи овец, ибо скотоводы они; и мелкий, и крупный скот свой, и все, что у них, привели с собой».

Фараон ответил: «На лучшем месте земли посели отца твоего и братьев твоих».

Иаков прожил в Египте семнадцать лет. Когда пришло время ему умереть, он призвал к себе двенадцать своих сыновей, благословил каждого и предсказал, что их потомки составят двенадцать колен (родов) Израилевых. Потом Иаков «положил ноги свои на постель и скончался».

Иосиф жил еще долгие годы, по-прежнему оставаясь фактическим правителем Египта. Умер он ста десяти лет от роду. Умирая, Иосиф сказал своим братьям: «Я умираю, но Бог посетит вас и выведет вас из земли сей в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову».

По библейской хронологии, Иосиф родился в 2256 году до Рождества Христова. Но историки склонны относить время действия сказания об Иосифе к более позднему времени — к XVII — началу XVI века до н. э. В то время Египет находился под властью гиксосов — кочевых азиатских племен, и чужеземцы, подобные Иосифу, могли занимать в стране самые высокие должности. В египетских преданиях сохранилась память о правителе-еврее, которого некоторые исследователи отождествляют с библейским Иосифом.

21. МОИСЕЙ

Потомки Иакова жили в Египте почти четыреста лет. «Сыны Израилевы расплодились, и размножились, и возросли, и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та».

Память об Иосифе и его заслугах перед Египтом ушла в прошлое, на египетский престол взошел фараон, который уже «не знал Иосифа». Новому фараону показалось опасным существование на земле Египта обширной и сплоченной иноземной колонии. Фараон сказал: «Вот народ сынов Израилевых многочисленен и сильнее нас» — и отдал жестокое повеление: «Всякого новорожденного у евреев сына бросайте в реку».

Никто не смел ослушаться фараона, но одна из еврейских женщин решила прибегнуть к хитрости, чтобы спасти своего новорожденного сына. Она положила ребенка в корзину и спрятала в зарослях тростника на берегу Нила, там, где обычно купалась дочь фараона. Царевна отличалась добротой и не одобряла жестокости своего отца. Увидев в тростнике корзину, она послала за ней рабыню, «открыла и увидела младенца; и вот дитя плачет; и сжалилась над ним дочь фараона и сказала: «Это из еврейских детей».

Царевна взяла младенца на воспитание и назвала его Моисеем, что значит «вынутый из воды». Родная мать Моисея нанялась к нему кормилицей.

Моисей вырос во дворце в довольстве и роскоши, получил блестящее образование и занял высокое положение при дворе фараона. Но от матери он знал о своем происхождении.

Однажды в городе он увидел, как надсмотрщик-египтянин избивает еврея, работавшего на стройке. Моисей вступился за своего соплеменника — и убил надсмотрщика. Спасаясь от правосудия, он был вынужден бежать из Египта.

После долгих скитаний Моисей оказался в земле Мадиамской.

Как-то раз присел он отдохнуть у колодца, возле которого семь девушек поили своих овец. Тут к колодцу подошли пастухи и, оттолкнув девушек, хотели напоить свою скотину. Моисей прогнал грубиянов, достал воды из колодца и помог девушкам напоить овец.

Девушки были сестрами, дочерьми местного священника Иофора. Придя домой, они сказали отцу: «Какой-то египтянин защитил нас от пастухов и даже начерпал нам воды и напоил овец наших». Иофор сказал: «Где же он? Зачем вы его оставили? Позовите его, и пусть он ест хлеб».

Моисей остался в доме Иофора, стал пасти его скот, а через некоторое время женился на одной из его дочерей.

Прошло сорок лет. Однажды Моисей пас стадо своего тестя близ священной горы Хорив. Вдруг взору его предстало удивительное зрелище: терновый куст загорелся сам собой и горел, не сгорая. Из пламени к Моисею воззвал голос самого Бога: «Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его (…). Итак, пойди: Я пошлю тебя к фараону царю Египетскому; и выведи из Египта (…) сынов Израилевых».

Смущенный Моисей спросил: «Кто я чтобы мне идти к фараону царю Египетскому и вывести из Египта сынов Израилевых?» Бог ответил: «Я буду с тобою (…). Скажи сынам Израилевым: Господь, Бог отцов ваших, (…) послал меня к вам».

Моисей спросил: «А если они не поверят мне и не послушают голоса моего и скажут: «Не явился тебе Господь». Что сказать им?» Тогда Бог велел Моисею бросить на землю его пастушеский жезл — и жезл превратился в змея.

Бог сказал: «Возьми его за хвост».

Моисей послушался — и змей снова стал жезлом. Бог пояснил: «Это тебе для того, чтобы поверили тебе, что явился тебе Господь».

Моисей попытался отказаться от возлагаемой на него миссии под предлогом, что он «человек не речистый», и попросил: «Господи! Пошли другого, кого можешь послать».

Бог ответил: «Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить». Кроме того, Бог напомнил Моисею, что в Египте у него есть старший брат Аарон, наделенный красноречием, который поможет ему в переговорах.

Моисей взял жену, детей и отправился в Египет. Там он встретил своего брата Аарона «и пересказал Моисей Аарону все слова Господа, который его послал».

Братья обратились к израильтянам, «и поверил народ. И услышали, что Господь посетил сынов Израилевых, и увидел страдание их, и преклонились они и поклонились».

Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали: «Так говорит Господь, Бог Израилев: отпусти народ Мой».

Но фараон ответил: «Я не знаю Господа и Израиля не отпущу».

Моисей, желая убедить фараона, что он говорит от имени Бога, показал чудо с посохом, превратившимся в змея, но на фараона это не произвело никакого впечатления.

Тогда Бог наслал на Египет десять страшных казней одну за другой: вода в реках и озерах превратилась в кровь; в страшных количествах размножились жабы «и покрыли землю Египетскую»; завелись мошки «на людях, и на скоте, и на фараоне, и в доме его, и на рабах его»; налетело множество песьих мух и «погибала земля от песьих мух»; начался мор среди скота, и «вымер весь скот Египетский»; люди стали покрываться

гнойными язвами, выпал град, «какого не было в земле Египетской со времени населения ее», и побил «все, что было в поле, от человека до скота, и всю траву полевую, (…) и все деревья»; ветром принесло тучи саранчи, которая «покрыла лицо всей земли так, что земли не было видно, и поела всю траву земную и все плоды древесные, уцелевшие от града, и не осталось никакой зелени по всей земле Египетской»; померк свет, и три дня «была густая тьма по всей земле Египетской».

После каждой из этих казней фараон обещал отпустить израильтян, но когда казнь заканчивалась, брал свое обещание обратно. Египтяне умоляли фараона: «Отпусти сих людей (…), неужели ты еще не видишь, что Египет гибнет?» Но фараон по- прежнему упорствовал.

Тогда Бог подверг египтян последней, десятой казни. В полночь Он прошел по Египту и в каждом доме убил сына-первенца, «от первенца фараона, который сидит на престоле своем, до первенца рабыни, которая при жерновах».

Стон и плач стояли по всей земле Египетской, «ибо не было дома, где не было бы мертвеца».

Фараон, наконец, согласился отпустить израильтян, и они вслед за Моисеем и Аароном отправились в путь. Дорогу им указывал сам Бог. Он «шел перед ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем, и ночью».

Тем временем фараон, придя в себя от пережитого ужаса, пожалел о том, что отпустил израильтян, и послал в погоню за ними воинов на боевых колесницах. Завидев погоню, «весьма устрашились и возопили сыны Израилевы». Они стали упрекать Моисея, говоря, что он вывел их из Египта на погибель. Моисей, по велению Господа, простер свой жезл над морем, на берегу которого они находились, «и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше; воды же были им стеною по правую и полевую сторону».

Египетские колесницы устремились следом, но воды, по знаку Моисея, вновь сомкнулись — и поглотили преследователей.

Израильтяне двинулись дальше. Путь их лежал через безводную пустыню. Запасы воды вскоре иссякли, люди страдали от жажды. Наконец, они добрались до колодца, но вода в нем оказалась горькой. Тогда Бог указал Моисею некое дерево, велев бросить его ветки в колодец. Моисей послушался, и вода стала пригодной для питья.

Через некоторое время кончились запасы продовольствия, и среди израильтян начался ропот против Моисея и Аарона: «Вывели вы нас в эту пустыню, (…) чтобы уморить голодом».

Господь велел Моисею успокоить недовольных, заверив их, что в тот же вечер они вволю наедятся мяса, а поутру — хлеба. И действительно, вечером откуда ни возьмись налетело множество перепелов, они опустились на землю — и не улетали, так что их можно было ловить голыми руками. А утром люди увидели «на поверхности пустыни нечто мелкое, круповидное, как иней на земле». Это была «манна небесная», по вкусу напоминающая хлеб с медом. С того времени Бог ниспосылал израильтянам манну каждый день, и так продолжалось до самого конца их странствования.

На следующей стоянке снова не оказалось воды, «и роптал народ на Моисея, говоря: зачем ты вывел нас из Египта, уморить жаждою нас и детей наших, и стада наши?» Бог повелел Моисею ударить жезлом по скале — и из нее забил источник.

Несколько дней спустя на израильтян напало воинственное племя амаликитян. Бой продолжался с утра до сумерек. Моисей на высоком холме молился, воздев руки к небу, и пока руки его были воздеты, Бог помогал израильтянам побеждать врагов, но если руки Моисея опускались от усталости, амаликитяне сразу же начинали брать верх. Тогда двое израильтян стали поддерживать руки молящегося Моисея. Амаликитяне были разбиты, и израильтяне продолжили свой путь.

На третий месяц после исхода из Египта они остановились возле горы Синай.

«И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей».

Бог сказал Моисею: «Пойди к народу, и освяти его сегодня и завтра; пусть вымоют одежды свои, чтобы быть готовыми к третьему дню: ибо в третий день сойдет Господь перед глазами всего народа на гору Синай».

На третий день «были громы и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане».

И услышали люди глас Божий.

Бог произнес десять заповедей:

«Первая. Я Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Вторая. Не сотвори себе кумира.

Третья. Не произноси имени Господа Бога твоего всуе.

Четвертая. Помни день субботний, чтобы святить его.

Пятая. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле.

Шестая. Не убий.

Седьмая. Не прелюбысотвори.

Восьмая. Не укради.

Девятая. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Десятая. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Затем Моисей поднялся на гору Синай, и Бог вручил ему две каменные доски- скрижали, на которых эти заповеди были записаны.

Сорок дней оставался Моисей на вершине горы, и Бог беседовал с ним, сообщая ему законы и правила, которых следует придерживаться в повседневной жизни. Кроме того, Господь объяснил Моисею, каким образом устроить походный храм — скинию: надо сделать шатер «из десяти покрывал крученого виссона (тонкая льняная ткань белого цвета), и из голубой, пурпуровой и червленой шерсти»; в шатре поместить «Ковчег Завета» — ларец из дерева ситтим (вид акации), обитый изнутри и снаружи золотом, в котором будут храниться скрижали с заповедями. И шатер и ковчег должны быть снабжены золотыми кольцами, в которые можно было бы продевать шесты и переносить скинию с места на место.

Между тем спутники Моисея ждали его у подножия горы. Дни проходили за днями, а Моисея все не было. Израильтяне забеспокоились, усомнились в благосклонности Бога к Моисею и решили вернуться к своим прежним, языческим богам. Они стали требовать у Аарона: «Встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами; ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось».

Аарон уступил их требованиям. Он собрал у женщин все их золотые украшения и отлил золотого тельца. Израильтяне поклонились золотому тельцу как богу, принесли ему жертвы, а потом устроили трапезу и священные пляски.

В это время Моисей спустился с горы. Увидев нечестивое пиршество, он разгневался, в ярости разбил о скалу скрижали с заповедями, а золотого тельца стер в порошок и высыпал порошок вводу.

Многие израильтяне тут же раскаялись, что отступились от истинного Бога, тех же, кто не раскаялся, Моисей приказал предать смерти. Затем он снова отправился на гору Синай и предстал перед Богом.

Моисей сказал: «О Господи! народ сей сделал великий грех: сделал себе золотого бога. Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал».

Бог простил израильтян и дал Моисею новые скрижали взамен разбитых. Израильтяне, руководимые Моисеем, построили скинию и целый год провели у подножия горы Синай, совершая служения Богу, а затем продолжили путь к своей цели — земле Ханаанской.

Наконец они достигли ее границ. Моисей послал двенадцать человек на разведку. Через сорок дней разведчики вернулись. Они рассказали, что Ханаанская земля богата и плодородна, но густо заселена, обладает укрепленными городами и сильным войском и завоевать ее нет никакой возможности.

От такого известия израильтяне впали в отчаяние и стали роптать: «Для чего Господь ведет нас в землю сию, чтобы мы пали от меча? Жены наши и дети наши достанутся в добычу врагам. Не лучше ли нам возвратиться в Египет?» Они решили избрать себе другого вождя, вместо Моисея, и вернуться в Египет.

Моисей пытался увещевать израильтян, напоминая, что Бог покровительствует им, но они не слушали Моисея и даже хотели побить его камнями.

Разгневанный Бог вознамерился истребить весь израильский народ, поразив его язвой, но, по молитве Моисея, смягчил наказание: осудил израильтян скитаться по пустыне сорок лет.

Последовали долгие годы трудностей и лишений. Израильтяне не раз возмущались против Моисея, роптали на самого Бога.

Прошло сорок лет. За это время выросло новое поколение израильтян, привыкшее к суровой скитальческой жизни.

Наконец Моисей повел их завоевывать Ханаанскую землю. Достигнув ее границы, израильтяне остановились на берегу реки Иордан.

Моисей, которому в то время было уже сто двадцать лет, почувствовал, что близок его конец. Он дал израильтянам последние наставления, поднялся на вершину горы Навав, откуда была видна земля

обетованная, и там, в полном одиночестве, испустил дух.

«И не было более у Израиля пророка, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу».

Израильтяне тридцать дней оплакивали Моисея, а потом переправились через Иордан. Они начали войну за Ханаанскую землю и через несколько лет завоевали ее.

Моисей — первый пророк Бога, основатель иудейской религии, законодатель и политический вождь — является одним из центральных персонажей Ветхого Завета. Ему приписывается авторство так называемого «Пятикнижия» — первых пяти книг Библии.

Исход израильтян из Египта произошел во второй половине II тысячелетия до н. э., и хотя сведения о Моисее содержатся только в Библии, многие историки допускают его истинное существование.

Неоднократно предпринимались попытки дать реальное истолкование чудесам, совершенным Моисеем при переходе черезпустыню.

Зенон Косидовский в своей популярной книге «Библейские сказания» пишет: «Моисей во время своего изгнания (…) у местных жителей научился тому, как сохранить жизнь в суровых условиях пустыни, степи и горных районов. Свои познания, добытые путем опыта, он затем использовал во время исхода».

Так, «манна небесная», возможно, является сладкой жидкостью, выделяемой растением тамариск. Она застывает на воздухе в виде белых шариков, напоминающих град, и до сих пор используется на Синайском полуострове в качестве лакомства.

Появление тучи перепелов, которых можно ловить голыми руками, также имеет объяснение: весной перепела перелетают из Африки в Европу и, преодолев море, настолько выбиваются из сил, что, пока они не отдохнут, охота на них не составляет никакого труда.

В Мерре, где Моисей сделал пригодной для питья горькую воду, до сих пор существует горький источник. Анализ воды показал, что в ней содержится некоторый процент сернокислого кальция, который оседает на дно при добавлении щавелевой кислоты. Моисей, вероятно, бросил в воду ветви кустарника эльвах, содержащего в своем соке щавелевую кислоту.

Одно из наиболее впечатляющих чудес Моисея — высечение воды из каменной скалы. Известно, что во время засухи у подножия гор под хрупкой коркой из извести и песка скапливается дождевая вода. Чтобы добраться до воды, достаточно пробить эту корку, что скорее всего и сделал Моисей.

Таинственная кончина Моисея и то, что место его захоронения неизвестно, породили более позднюю легенду о том, что сам Бог и ангелы предали его тело погребению. Когда же некие язычники-римляне попытались отыскать его могилу, разделившись для этого на два отряда, то им это не удалось: те, кто были на холме, видели ее в долине, а те, кто в долине — на холме.

Моисея иногда изображают с рогами на голове (например, на знаменитой скульптуре Микеланджело). Эту традицию объясняют по-разному. Некоторые считают, что она возникла вследствие ошибки: в Библии сказано, что после того, как Моисей узрел Бога, от его головы стали исходить сияющие лучи, а в еврейском языке слова «луч» и «рог»

звучат одинаково. Но существует также предположение, что рога Моисея восходят к древнейшим представлениям и символизируют его сверхъестественную силу.

22. ЦАРЬ ДАВИД

После того как евреи завоевали Ханаанскую землю, на протяжении нескольких веков ими управляли так называемые судьи, объединявшие в своем лице церковную, военную и административную власть. Судей посылал сам Бог: «Около четырехсот пятидесяти лет давал им Господь судей».

Позже власть судей сменилась царской властью. Произошло это следующим образом.

Судья Самуил — пророк, пользовавшийся в народе большим авторитетом, состарился и передал часть власти двум своим сыновьям. Но сыновья Самуила оказались людьми нечестными, они «уклонились в корысть и брали подарки и судили превратно». Народ, не желая иметь над собой таких судей, обратился к Самуилу: «Вот ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; итак, поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов».

Самуил стал спрашивать Бога, как ему поступить, и Бог сказал: «Послушай голоса их и поставь им царя». Бог пообещал вскоре указать человека, которому суждено занять царский престол.

Этим человеком оказался молодой пастух по имени Саул. Он пришел к Самуилу, обладавшему пророческим даром, с просьбой предсказать, отыщутся ли ослицы, пропавшие у его отца.

Когда Самуил увидел Саула, Господь объявил: «Вот человек, о котором Я говорил тебе».

Самуил принял пастуха как почетного гостя, усадил обедать вместе с собой, оставил ночевать в своем доме, а наутро открыл ему его высокое предназначение. Затем взял сосуд со священным елеем и вылил на голову Саула, совершив, таким образом, помазание на царство, после чего ново помазанный царь предстал перед народом.

Самуил сказал: «Видите, кого избрал Господь? Подобного ему нет во всем народе».

Израильтяне воскликнули: «Да живет царь!» Саул оказался мудрым государственным деятелем и талантливым полководцем. К тому времени народ Израиля уже долгие годы вел войну с окрестными племенами. Наиболее серьезными его противниками были филистимляне — народ, предположительно, египетского происхождения. Саул одержал над ними ряд блистательных побед. «И утвердил Саул свое царствование над Израилем и воевал со всеми окрестными врагами своими, (…) и везде, против кого ни обращался, имел успех».

Перед каждым сражением полагалось приносить жертву Богу. Жертвоприношения, по велению Господа, совершал пророк Самуил, который, передав государственную и военную власть царю, сохранил положение верховного жреца.

Но однажды перед очередным сражением с филистимлянами Самуил не явился к назначенному времени, и Саул, пренебрегши традицией, принес жертву сам, чем навлек на себя гнев и Самуила, и самого Бога.

Самуил сказал Саулу: «Худо поступил ты, что не исполнил повеления Господа, Бога твоего, (…)теперь не устоять царствованию твоему; Господь найдет Себе мужа по сердцу Своему и повелит ему Господь быть вождем народа Своего».

Некоторое время спустя Саул вновь прогневил Бога. Господь пожелал, чтобы Саул отправился в поход против амаликитян, племени, которое совершило нападение на евреев во время их исхода из Египта, повелев истребить племя полностью: «Не бери себе ничего у них, но уничтожь и предай заклятию все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла».

Но Саул ослушался. Победив амаликитян, он уничтожил всех, но пощадил их царя Агата и сохранил лучшее из скота и имущества, истребив лишь «вещи маловажные и худые».

Разгневанный Бог сказал: «Жалею, что поставил Я Саула царем; ибо он отвратился от Меня, и слова Моего не исполнил».

Саул пытался оправдаться тем, что не уничтожил лучшее из добычи для того, чтобы принести все это в жертву Богу, и просил заступничества у Самуила, но пророк сурово ответил: «Послушание лучше жертвы. Зато, что ты отверг слово Господа, Господь отверг тебя, чтобы ты не был царем над Израилем». Самуил покинул Саула и больше никогда не виделся с ним.

Бог приказал Самуилу помазать нового царя — одного из семерых сыновей некоего Иессея Вифлиемлянина. Самуил взял рог с елеем и отправился в город Вифлием.

Увидев старшего сына Иессея, Самуил решил, что это и есть избранник Божий, но Бог сказал: «Не смотри на вид его и на высоту роста его; Я отринул его; Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце».

Так же были отвергнуты еще пятеро сыновей Иессея, и лишь когда привели самого младшего, Давида, Господь сказал: «Встань, помажь его, ибо это он».

Помазание нового царя до поры до времени сохранялось в тайне, и над Израилем по-прежнему царствовал Саул. Лишившись поддержки Самуила, чувствуя, что отвергнут Богом, Саул впал в жестокую меланхолию, «возмущал его злой дух».

В то время верили в целительную силу музыки, и царедворцы Саула стали искать искусного музыканта. Случилось так, что их выбор пал на Давида, славившегося своим умением играть на арфе (в русском переводе Библии — гуслях).

Давида доставили в царский дворец, и с тех пор, когда Саула начинала терзать тоска, «Давид, взяв гусли, играл, — и отраднее и лучше становилось Саулу, и злой дух отступал от него».

В это время возобновилась война с филистимлянами. Саул во главе войска отправился сражаться, а Давид, будучи еще слишком юным, чтобы воевать, вернулся к своему отцу.

«И стали филистимляне на горе с одной стороны, а израильтяне на горе с другой стороны, а между ними была долина».

Из рядов филистимлян выступил могучий боец, великан по имени Голиаф, и крикнул израильтянам: «Выберите у себя человека, и пусть сойдет ко мне. Если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его и убью его, то вы будете нашими рабами и будете служить нам!» Услышав вызов великана, израильтяне «очень испугались и ужаснулись». Саул пообещал богатую награду и свою дочь в жены тому, кто сразиться с Голиафом, но никто не решился вступить в единоборство.

В израильском войске находились старшие братья Давида. Однажды отец сказал ему: «Возьми для братьев своих ефу (мера сыпучих тел — около 52 литров) сушеных фруктов и десять этих хлебов и отнеси поскорее в стан к твоим братьям».

Давид взял ношу и отправился в расположение израильских войск. Он повидался с братьями, передал им отцовские гостинцы, а братья рассказали ему о вызове Голиафа.

Давид пошел к Саулу и сказал: «Раб твой пойдет и сразится с этим филистимлянином».

Саул стал отговаривать Давида от безрассудного намерения, но юноша сказал, что когда он пас стада своего отца, то не раз защищал овец от львов и медведей, и что Господь, помогавший ему побеждать хищных зверей, поможет победить и Голиафа.

Давиду принесли оружие и доспехи, но они оказались слишком тяжелыми для него. Давид сказал: «Я не могу ходить в этом; я не привык».

Он взял пастушеский посох, пращу и пять гладких камней, которые подобрал на дне ручья, и вышел на бой с Голиафом.

Великан встретил юношу насмешкой: «Что ты идешь на меня с палкой и с камнями? Разве я собака?» Давид ответил: «Ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа». Он вложил в пращу камень — и метнул прямо в лоб великану.

Оглушенный великан упал, Давид быстро подбежал к нему и его же мечом отсек ему голову. Видя такое, филистимляне обратились в бегство.

Победа над Голиафом прославила Давида на всю страну. Саул, несмотря на молодость Давида, назначил его военачальником и выдал за него замуж свою дочь Мелхолу. Сын Саула, Ионафан, стал Давиду лучшим другом.

Давид одержал много военных побед, и вскоре его слава затмила славу самого Саула. В народе говорили: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч».

Саул начал завидовать Давиду и постепенно возненавидел его. Кроме того, до Саула стали доходить слухи, что пророк Самуил тайно помазал Давида на царство. Оскорбленная гордость, страх и подозрения довели Саула почти до безумия. «Напал злой дух от Бога на Саула, и он бесновался в доме своем».

Однажды Давид, как в прежние времена, пришел к Саулу, чтобы поиграть ему на арфе, но Саул метнул в Давида копье, от которого тот едва успел увернуться. Вскоре Саул отправил Давида в опасный поход против филистимлян, надеясь, что тот погибнет. Но Давид вернулся с победой, еще больше упрочившей его славу. Тогда Саул решил подослать к Давиду наемных убийц. Об этом стало известно сыну Саула, Ионафану. Рискуя

навлечь на себя гнев отца, он предупредил о грозящей опасности свою сестру Мелхолу, жену Давида. Мелхола сказала Давиду: «Если ты не спасешь души твоей в эту ночь, то завтра будешь убит».

Давид бежал через окно, а Мелхола уложила в постель куклу, прикрыв ее одеждой Давида.

Когда утром слуги Саула пришли за Давидом, Мелхола сказала, что ее муж болен и не может встать с постели. Слуги доложили об этом Саулу, и тот приказал: «Принесите его ко мне на постели, чтобы убить его».

Обман раскрылся, и Мелхола едва избегла наказания, заверив отца, что Давид угрозами вынудил ее помочь ему.

Ионафан попытался поговорить с отцом, взывая к чувству справедливости: «Да не грешит царь против раба своего Давида, ибо он ничем не согрешил против тебя, и дела его весьма полезны для тебя».

Но Саул не желал слушать разумных доводов и лишь разгневался на Ионафана: «Сын негодный и непокорный! Разве я не знаю, что ты подружился с сыном Иесеевым на срам себе?» — и приказал снарядить погоню за Давидом.

Между тем Давид ожидал Ионафана в условленном месте. Ионафан, опередив погоню, посоветовал Давиду бежать подальше от Саула и найти себе надежное убежище. Друзья обнялись со слезами, «и встал Давид и пошел, а Ионафан возвратился в город».

Давид поселился в горах. Вскоре «собрались к нему все притесненные и все должники, и все огорченные душою, и сделался он начальником над ними; и было с ним около четырехсот человек».

Так Давид стал главарем разбойничьей шайки. Он заключил союз с окрестными жителями, пообещав за определенную дань защищать их от других разбойников и от филистимлян.

Узнав об этом, Саул начал с Давидом настоящую войну. Он «взял три тысячи отборных мужей из всего Израиля, и пошел искать Давида и людей его по горам, где живут серны». Но Давид был неуловим.

Однажды Саул зашел «для нужды» в темную пещеру. Как раз в этой пещере скрывался Давид со своими людьми. Разбойники хотели убить царя, но Давид удержал их, сказав: «Да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню». При этом он незаметно отрезал край плаща Саула.

Когда Саул покинул пещеру, Давид закричал ему вслед: «Господин мой, царь! Посмотри на край одежды твоей в руке моей; я отрезал край одежды твоей, а тебя не убил. Узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя, а ты ищешь души моей, чтобы отнять ее».

Саул оценил великодушие Давида и сказал: «Ты правее меня, ибо ты воздал мне добром, а я воздавал тебе злом». Но преследований не прекратил.

Положение Давида становилось все более опасным, и он был вынужден бежать за пределы страны, к заклятым врагам Израиля, филистимлянам. Царь филистимлянского города Гефа, Анахус, взял его к себе на службу.

Анахус рассчитывал использовать полководческий талант Давида в войне с израильтянами, но Давид, не желая воевать со своими

соплеменниками, прибегнул к хитрости. Он совершал набеги на алимикитян, давних врагов Израиля, а захваченную добычу представлял Анахусу как взятую у израильтян. Довольный Анахус говорил: «Он опротивел народу своему, Израилю, и будет слугой моим вовек».

Тем временем в земле израильской скончался пророк Самуил. Саул, долгие годы вынужденный считаться с авторитетом Самуила, теперь решил продемонстрировать превосходство царской власти над жреческой, и приказал изгнать из страны всех колдунов и гадальщиков, которым жрецы покровительствовали.

Вскоре филистимлянские цари объединились для решительного похода на Израиль. Саул выступил против врагов, но, когда увидел несметное войско филистимлян, «испугался, и крепко дрогнуло сердце его». Он обратился за советом к Господу, но Господь не отвечал ему «ни во сне, ни через урим (священное украшение с драгоценными камнями), ни через пророков».

Тогда, к изумлению своих приближенных, Саул спросил, нет ли поблизости какой-нибудь прорицательницы, которая могла бы предсказать исход сражения. Саулу напомнили, что все прорицатели по его приказу изгнаны из страны. Но кто-то вспомнил, что в селении Аэндор живет старуха-волшебница, которой удалось избежать общей участи, умеющая вызывать души умерших.

Саул дождался ночи и, завернувшись в плащ, чтобы не быть узнанным, в сопровождении двоих оруженосцев отправился к аэндорской колдунье. Он попросил ее вызвать дух пророка Самуила.

Дух явился и спросил: «Для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел?» Саул ответил: «Тяжело мне очень; филистимляне воюют против меня, а Бог отступил от меня и более не отвечает мне ни через пророков, ни во сне, ни в видении; поэтому я вызвал тебя, чтобы ты научил меня, что мне делать».

И сказал Самуил: «Для чего же ты спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя и сделался врагом твоим? (…) Завтра ты и сыны твои будете со мною; и стан израильский предаст Господь в руки филистимлян».

На другой день произошло сражение. Израильтяне были разбиты, старшие сыновья Саула, в том числе и Ионафан, погибли, а сам Саул, тяжело раненный, не желая сдаваться в плен, покончил с собой.

Давид не участвовал в этом сражении: филистимляне, не доверяя ему до конца, не взяли его в решающий поход против Израиля.

Узнав о поражении своих соплеменников, смерти Саула и своего друга Ионафана, Давид предался отчаянию. Горько рыдая, он изодрал на себе одежду и сложил плачевную песнь:

«Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! Как пали сильные! (…) Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей; быстрее орлов, сильнее львов они были! (…) Скорблю о тебе, брат мой Ионафан. (…) Как пали сильные, погибло оружие бранное!»

Теперь, после смерти Саула, Давид мог вернуться на родину. В народе уже давно было известно, что пророк Самуил еще при жизни Саула помазал Давида на царство. Поэтому многие израильтяне готовы были

признать Давида своим царем. Но некоторые считали, что законное право на престол имеет не Давид, а младший сын Саула, Иевосфей.

В стране началась междоусобная война, которая продолжалась семь лет. Сторонники Давида победили, и он стал царем над всем Израильско-Иудейским государством. Давиду в то время было тридцатьлет.

Вскоре филистимляне снова вторглись в пределы Израиля.

Давид спросил Господа: «Идти ли мне против филистимлян?» Господь ответил: «Иди, ибо я предам филистимлян и руки твои».

Давид выступил против врагов и нанес им такое сокрушительное поражение, что с той поры филистимляне навсегда утратили свое былое могущество, а впоследствии даже признали гегемонию Израиля. О своей победе над филистимлянами Давид сказал так: «Господь разнес врагов моих передо мною, как разносит вода».

Через некоторое время Давид захватил крепость, принадлежавшую одному из ханаанских племен — иевусеям, и основал там город Иерусалим, сделав его своей столицей. В Иерусалим был перенесен Ковчег Завета.

Построив великолепный дворец для себя, Давид вознамерился построить величественный храм для Ковчега Завета. Но Бог, явившийся во сне одному из пророков, объявил, что Ковчег пока должен находиться в простом шатре, как во времена Моисея, а возвести для него храм суждено сыну Давида — Соломону.

У Давида, как и у всякого восточного царя, было несколько жен и много детей. Однажды вечером он прогуливался по кровле своего дворца и увидел в саду соседнего дома купающуюся красивую женщину. Царь тут же воспылал к ней страстью и послал своих слуг разведать, кто она такая. Красавица оказалась женой одного из военачальников Давида, Урии Хеттянина. Звали ее Вирсавия.

Урия в то время находился в далеком военном походе, и Давид, пользуясь отсутствием мужа, соблазнил Вирсавию. Вскоре она забеременела. Давид настолько полюбил Вирсавию, что решил сделать ее своей женой, предварительно избавившись от Урии.

Царь послал начальнику войска, в котором сражался Урия, такое письмо: «Поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтобы он был поражен и умер».

Урия погиб, а царь Давид взял в жены его вдову.

Жестокий и вероломный поступок Давида навлек на него гнев Бога: «И было это дело, которое сделал Давид, злом в очах Господа». Вирсавия родила сына, но через несколько дней младенец тяжело заболел. Давид горячо молил Бога сохранить жизнь ребенку. Семь дней провел он в молитве, распростершись на земле и не принимая пищи. На восьмой день младенец умер.

Домочадцы боялись сообщить царю горестную весть, говоря: «Как же мы скажем ему: «Умерло дитя.»? Он сделает что-нибудь худое». Но Давид, видя, как перешептываются слуги, догадался о происшедшем. Он спросил: «Умерло дитя?» И ему ответили: «Умерло».

Тогда Давид «встал с земли, и умылся, и помазался, и переменил одежды свои, и пошел в дом Господень и молился. Возвратившись домой, потребовал, чтобы подали ему хлеба, и он ел».

Удивленные домочадцы спросили Давида: «Что значит, что ты так поступаешь? Когда дитя было еще живо, ты постился, и плакал, и не спал, а когда дитя умерло, ты встал, и ел хлеб, и пил?» Давид ответил: «Доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь, и дитя останется живо? А теперь оно умерло; зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его?» Год спустя Вирсавия родила другого сына — будущего царя Соломона.

Среди сыновей Давида был один по имени Авессалом, красавец и щеголь от подошв ног до верха головы его не было у него недостатка». Но под располагающей внешностью царскою сына скрывалась жестокая и коварная душа.

Авессалом задумал отнять у отца престол и стать царем. Для осуществления замысла он старался обеспечить себе поддержку простого народа. Гуляя по городу, Авессалом дружески обнимал каждого, кто приветствовал его. По утрам он останавливался у городских ворот, через которые шли просители и тяжущиеся к царю Давиду, участливо расспрашивал и говорил каждому: «Дело твое доброе и справедливое, но у царя некому выслушать тебя. О, если бы меня поставили судьею в этой земле! Ко мне приходил бы всякий, кто имеет спор и тяжбу, и я судил бы его по правде». Таким образом «вкрадывался Авессалом в сердца израильтян».

Постепенно у него оказалось много приверженцев.

Однажды Авессалом отпросился у Давида в город Хеврон под предлогом, что он хочет принести там жертву Богу, а сам собрал в Хевроне своих сторонников и поднял мятеж против отца.

Давид, узнав, что на Иерусалим идет армия мятежников, предводительствуемая его сыном, которого он в глубине души любил более других своих детей, глубоко опечалился. Он решил не вступать в борьбу и, забрав свое семейство, верных ему людей и войско, покинул столицу. Давид «шел и плакал; голова у него была покрыта; он шел босой, и все люди, бывшие с ним, покрыли каждый голову свою, шли и плакали».

Мятежники заняли Иерусалим. Авессалом приказал снарядить погоню за Давидом. Но никто не решался выполнить приказ. Один из приближенных Авессалома сказал: «Всему Израилю известно, как храбр отец твой и мужественны те, которые с ним. Посему я советую: пусть соберется к тебе весь Израиль, (…) во множестве, как песок при море, и ты сам пойдешь посреди его. И тогда мы пойдем против него, в каком бы месте он ни находился, и нападем на него, как падает роса на землю».

Авессалом послушался совета. Войска Давида и Авессалома встретились в лесу, произошла кровопролитная битва, и мятежники были разбиты.

Давид еще до начала сражения приказал всем своим воинам щадить Авессалома. Но Авессалом этого не знал, и когда его войско было разбито, попытался спастись бегством. Он скакал верхом на муле. Проезжая под ветвистым дубом, Авессалом запутался своими длинными волосами в его ветвях «и повис между небом и землею, а мул, бывший под ним, убежал». Авессалома нашел один из воинов Давида и, вопреки царскому приказанию, убил изменника, а тело бросил в яму и забросал камнями.

«И обратилась победа того дня в плач для всего народа». Царь Давид погрузился в глубокую скорбь. Он оплакивал погибшего сына: «Сын мой Авессалом! Сын мой, сын мой Авессалом! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!» То, что царь так горестно оплакивает изменника, показалось оскорбительным тем, кто сохранил верность царю. Один из военачальников Давида упрекнул его: «Ты в стыд привел сегодня всех слуг твоих, спасших ныне жизнь твою, и жизнь сыновей и дочерей твоих, и жизнь жен, и жизнь наложниц твоих; ты любишь ненавидящих тебя и ненавидишь любящих тебя: ибо ты показал сегодня, что ничто для тебя и вожди и слуги; сегодня я узнал, что если бы Авессалом остался жив, а мы все умерли, то тебе было бы приятнее».

Царь Давид вышел к народу. Сторонники приветствовали его, недавние мятежники молили о прощении. Давид простил виновных и вернулся в Иерусалим.

В конце своего царствования Давид произвел перепись населения. Бог счел это предприятие дерзким и тщеславным, разгневался на Давида, и жители Иерусалима были поражены моровой язвой. Давид взмолился Господу: «Вот я согрешил, я, пастырь, поступил беззаконно, а эти овцы, что сделали они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего».

Господь внял молитве Давида, и язва прекратилась. Чувствуя приближение смерти, Давид помазал на царство своего сына Соломона, сказав ему: «Вот я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен. И храни завет Господа Бога твоего, ходи путями Его и соблюдай уставы Его и заповеди Его». Царь Давид скончался семидесяти лет от роду. По библейской хронологии, он правил Израильско-Иудейским государством с 1012 до 972 года до н. э.

Давиду приписывается создание ста пятидесяти религиозных песнопений-псалмов, составивших одну из частей Библии — Псалтирь.

23. ЦАРЬ СОЛОМОН

Давид назначил своим преемником Соломона, обойдя старшего сына Адонию.

Узнав об этом, Адония устроил заговор против Соломона, но заговор был раскрыт. Давид, огорченный распрей между своими сыновьями, не стал наказывать Адонию, а лишь взял с него клятву, что в дальнейшем он не станет злоумышлять против Соломона; Соломона же заставил поклясться, что он не причинит старшему брату никакого вреда, если тот не будет претендовать на престол.

Вскоре Давид скончался, Соломон стал царем.

Адония, казалось, смирился со своей участью и подчинился младшему брату. Но однажды он пришел к Вирсавии, матери Соломона, и стал просить, чтобы она помогла ему жениться на Ависаге Сунамитянке — одной из наложниц покойного царя Давида.

Вирсавия не увидела в этой просьбе ничего предосудительного и передала ее Соломону. Однако Соломон, услышав о намерении брата, сильно разгневался. Дело в том, что, по обычаю, гарем покойного царя мог перейти только к его прямому наследнику, и Соломон расценил желание Адонии жениться на Ависаге как первый шаг к дальнейшим притязаниям на престол.

По приказу Соломона Адония был убит.

В первое время своего царствования Соломон мучился сомнениями: сможет ли он должным образом управлять обширным и сильным государством, которое оставил ему отец?

Однажды во сне Соломону явился Бог и сказал: «Проси, что датьтебе».

Соломон ответил: «Господи, Боже мой, Ты поставил раба твоего царем, (…) но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа. (…) Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ (…) и различать, что добро, что зло».

Такое желание было угодно Богу, и Он сказал: «За то, что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить, вот Я сделаю по слову твоему. Вот я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил, Я даю тебе: и богатство, и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои».

Вскоре Соломону представился случай испытать дарованную Богом мудрость. К нему на суд явились две женщины с ребенком, и каждая говорила, что это ее сын.

Соломон задумался, потом велел принести меч и сказал: «Рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной, половину другой».

Одна из женщин согласилась: «Рубите. Пусть же не будет ни мне, ни тебе». А вторая воскликнула: «О, господин мой! Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его!» Тогда Соломон сказал: «Вот настоящая мать», — и приказал отдать ребенка той из женщин, которая была готова отказаться от прав на своего сына, лишь бы сохранить ему жизнь.

Мудрое правление Соломона способствовало процветанию государства, благоденствию его подданных. Один из более поздних летописцев писал, что Иудея и Израиль «жили (…) спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницей своею (…) во все дни Соломона».

На четвертый год своего царствования Соломон решил исполнить завещание Давида и построить в Иерусалиме храм. Он заключил договор о покупке леса с царем Тира Хирамом, во владениях которого в Ливанских горах росли могучие кедры. Тридцать тысяч человек было поставлено на рубку леса. Срубленные деревья сплавляли по морю, а затем на плечах переносили в Иерусалим.

Храм строили на вершине горы Мориа. На его постройке было занято сто пятьдесят тысяч человек. Кроме того, восемьдесят тысяч каменотесов заготавливали камни в горах и три тысячи триста надсмотрщиков наблюдали за работой. Через семь лет храм был построен, и не было ему подобного нигде в мире. Соломон приготовил в новопостроенном храме жертву для Господа и вознес молитву: «Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь. (…) Услышь молитву, которою будет молиться раб Твой на месте сем».

В ответ на молитву с неба сошел огонь и поглотил приготовленную жертву. А ночью во сне Соломону явился Бог и сказал: «Я услышал молитву твою и прошение твое, о чем ты просил Меня, Я освятил сей храм, который ты построил, чтобы пребывать имени Моему там вовек, и будут очи Мои и сердце Мое там во все дни».

Царствование Соломона было мирным. Он ни с кем не вел войн, а лишь укреплял и украшал свое государство: строил новые города, развивал торговлю с соседями, а чтобы торговать и с дальними странами, создал флот. «И сделал царь серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями, а кедры, по их множеству, сделает равноценными с сикоморами, растущими в низких местах».

Слухи о мудрости царя Соломона и небывалой роскоши его столицы распространились по всему свету и достигли ушей царицы Савской, правительницы страны савеев в Аравии. Царица Савская сама была мудра и богата, она захотела удостовериться в правдивости слухов, будто бы царь Соломон превосходит ее и в том и в другом. Проделав большой путь, осмотрев Иерусалим и побеседовав с царем Соломоном, царица Савская сказала ему: «Верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и мудрости твоей. Но я не верила словам, доколе не пришла и не увидели глаза мои: и вот, мне и вполовину не сказано. Мудрости и богатства у тебя больше, нежели я слышала».

(В восточных сказаниях царица Савская предстает в виде фантастического существа — женщины с козлиными ногами, и мудрый Соломон, повествуется в этих сказаниях, желая своими глазами увидеть такую диковинку, прибегнул к хитрой уловке: ввел царицу в залу с хрустальным полом; царица приняла хрусталь за воду и подобрала край одежды, показав козлиные ноги.) У Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Многие из них происходили из чужих краев и в Иерусалиме продолжали поклоняться почитаемым у них на родине языческим богам. Эти женщины уговорили Соломона воздвигнуть несколько языческих храмов, и постепенно сам Соломон под влиянием прекрасных язычниц стал приносить жертвы не только своему Богу, но и их языческим богам.

Бог разгневался на Соломона и объявил, что его потомки лишатся царской власти, а государство утратит целостность и могущество.

Вскоре в стране вспыхнул мятеж. Возглавил его некий Иеровоам, сборщик податей, которому пророк по имени Ахия предрек царскую власть. Пророк разорвал свой плащ на двенадцать частей и сказал Иеровоаму: «Возьми себе десять частей, ибо так говорит Господь: «Вот Я исторгаю царство из руки Соломоновой и даю тебе десять колен (…). А два колена останется за ним ради раба Моего Давида и ради города Иерусалима». (Библия разделяет весь иудейский народ на 12 колен — родов, происходящих от двенадцати сыновей патриарха Иакова.) Соломону удалось подавить мятеж, и Иеровоам бежал в Египет.

Соломон царствовал сорок лет. Когда он скончался, подвластное ему государство распалось на две враждующие половины — Иудею и Израиль. Правителем Иудеи, в которую вошли два колена, стал сын Соломона Ровоам, а правителем Израиля, состоящего из десяти колен, — возвратившийся из Египта Иеровоам.

По библейской хронологии, Соломон правил с 972 до 932 год до н. э.

Царю Соломону приписывается сочинение значительной части библейских текстов. Он считается автором книги «Екклезиаст» («Проповедник»), основное содержание которой — философское осмысление различных сторон жизни. «И оглянулся я на все дела мои,

которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот все суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем! (…) Сердце мое видело много мудрости и знания, (…) но (…) и это — томление духа. Потому что в многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь». Смысл жизни автор «Екклезиаста» видит лишь в почитании Бога: «Бога бойся и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека».

Еще одна из книг Библии, приписываемая царю Соломону, носит название «Соломоновы притчи». Она написана в виде наставлений, которые отец дает сыну, и охватывает самые разные моральные и общественно-бытовые явления. Отец говорит: «Сын мой! Если будут склонять тебя грешники, не соглашайся. Если будут говорить: «иди с нами, сделаем засаду для убийства (…), наберем всякого драгоценного имущества (…), не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их: потому что ноги их бегут ко злу и спешат на пролитие крови. (…) Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. Не говори другу твоему: «пойди и приди опять, и завтра я дам», когда ты имеешь при себе. (…) Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя. Глаза твои пусть прямо смотрят, и ресницы твои да направлены будут прямо перед тобою. Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды.(…) Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым. Нету него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготовляет летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою».

Многие из этих поучений напоминают народные пословицы, выразительные и меткие: «Труды праведного — к жизни, успех нечестивого — ко греху», «Все дни несчастного печальны, а у кого сердце весело, у того всегда пир», «Толки глупого в ступе вместе с зерном, не отделится от него глупость его», «Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая — и безрассудная».

Совершенно особое место в Библии занимает также приписываемая царю Соломону книга «Песнь песней». Величайшее произведение мировой любовно-эротической лирики, она посвящена любви царя Соломона к простой девушке Суламите (Суламифи).

«Песнь песней» написана то от лица Соломона, как диалог влюбленных: О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные.

О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас — зелень, кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы. (…) Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами.

Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. (…) Положи меня, как печать, на сердце свое, как перстень на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь…» Богословы пытались толковать «Песнь песней» аллегорически, как выражение любви Христа к церкви или Бога к верующим.

Большинство современных исследователей считают, что «Песнь песней» была включена в состав Библии по ошибке и не имеет никакого отношения к царю Соломону, а представляет собой цикл сирийских народных свадебных песен. Имена Соломон и Суламита образованы от слова, означающего «благополучие», и являются условным обозначением

жениха и невесты (как «князь со княгинею» в русских свадебных песнях).

Прусский консул в Дамасске И.Г. Вецштейн, наблюдавший сирийский свадебный обряд в 70-х годах XIX века и впервые обративший внимание на сходство песен, исполняемых на свадьбе с библейской «Песнью песней», писал: «Свадьбы празднуются главным образом в марте (…). Праздник устраивается на вольном воздухе — на току, усеянном в то время полевыми цветами. Молодожены сидят на специально возведенном престоле, а гости пляшут вокруг них и поют. (…) В песнях воспевается телесная красота молодой пары».

Некоторые полагают, что царь Соломон первоначально носил какое-то другое имя, а Соломоном назвался в честь персонажа народной песни.

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В середине II тысячелетия до н. э. в долину Ганга пришли арийские племена. Они принесли так называемую «ведическую культуру», их священными книгами были Веды, что значит «Знание».

Веды содержат в себе повествования о богах, об устройстве Вселенной, о сотворении мира.

В ведической мифологии почитались главным образом космические боги и боги стихийных сил.

Древнейшие из них — бог неба Дьяус и богиня земли Притхиви. Первоначально они были слиты воедино и представляли собой первобытный хаос, но бог Индра разделил их и создал Вселенную.

Индра, бог-громовержец — верховное божество ведического пантеона. Его называют «царь богов», «царь всей Вселенной».

Сурья — бог солнца. К нему обращались с молитвами о здоровье, богатстве, процветании. Сурья представлялся в разных образах: в образе прекрасного юноши, разъезжающего по небу на золотой колеснице, в образе всевидящего небесного ока или в образе птицы.

В одном из мифов рассказывается, что Сурья родился в виде гладкого шара. Его братья-боги решили придать ему человекообразную форму — и отсекли все лишнее. Сурья стал прародителем людей, а из отсеченных частей его тела были созданы слоны.

Вишну, Брахма, Лакшми на змее Шеше. Средневековый рисунок

Богом луны был Сома. Он покровительствовал растениям, поскольку считалось, что их рост происходит под воздействием лунного света.

У Сомы было двадцать семь жен — созвездий лунного неба. Но он всем предпочитал одну — прекрасную Рохини, а остальными пренебрегал. Обиженные жены пожаловались своему отцу, богу Дакши, и он предал Сому проклятью. Сома начал худеть и чахнуть, пока совсем не исчез. Без лунного света стали сохнуть на земле растения, голодать травоядные животные.

Обеспокоенные боги попросили Дакши снять с Сомы проклятие. Тот послушался, и Сома постепенно обрел свой прежний вид. Этот миф объясняет ежемесячное убывание и пребывание луны.

Сома был также божеством священного напитка, приготовляемого из травы, которая тоже называлась «сома». Благодаря этому напитку боги обретали бессмертие.

Агни — бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. Он был посредником между людьми и богами. Агни имел множество воплощений и ипостасей, иногда выступал в качестве всеобъемлющего начала, пронизывающего все мироздание.

Одним из величайших богов ведического пантеона был Варуна-хранитель космических вод, божество истины и справедливости. Он обладал таинственной колдовской силой — майей. Варуна олицетворял собой мировой порядок и незыблемость высшего закона.

Ваю — бог ветра. Тысячеглазый и быстрый, как мысль, он заполнял собой все воздушное пространство. С Ваю отождествлялось жизненное дыхание — прана.

Особое место в ведической мифологии принадлежало Рудре — богу разрушительных сил. Рудра обитал вдали от всех богов на вершине Гималаев. Его представляли в виде дикого охотника, одетого в шкуры. Он был повелителем диких зверей. Рудра связан с разрушением и смертью, но в то же время может даровать долгую жизнь, исцелять болезни, способствовать плодородию. В гимне, ему посвященном, поется: «Да подаст он здоровье коням и быкам, баранам и овцам, мужчинам и женщинам!» Бог смерти Яма в отличие от других богов был смертен. Его смерть была первой от сотворения мира, и, первым вступив в царство мертвых, Яма стал его царем.

Сестра Ямы Ями оплакивала брата, причитая: «Ах, сегодня умер возлюбленный брат мой!» В то время дни еще не отделялись один от другого, «сегодня» длилось вечно, и Ями продолжала рыдать. Тогда боги создали ночь. Дни пошли один за другим, и Ями утешилась.

В середине I тысячелетия до н. э. значительную власть в Индии приобретают жрецы- брахманы. Начинается новый период развития индийской религии и мифологии, называемый индуистским. Индра на трехголовом слоне. Индуистская мифология по-прежнему признавала Веды как высший источник знания. Большинство ведических богов перешли в индуистский пантеон, но значение и функции многих из них изменились.

Вместо Индры главным божеством становится Брахма — создатель мира, «подобный тысяче солнц».

Индра из стихийного бога-громовержца превращается в покровителя царской власти и военного дела.

Один из самых почитаемых индуистских богов — Вишну. «Вишну» — значит «проникающий во все», «всеобъемлющий». Один из его эпитетов — «тот, чье тело нельзя описать». Иногда он представляется воплощением всего мироздания. Он мог воплощаться в самые разные образы и поэтому имел «тысячу имен». Наиболее известные воплощения Вишну — Кришна и Рама.

Супругой Вишну была Лакшми — богиня красоты, счастья и богатства, появившаяся из вод океана.

Однажды боги решили добыть из океана чудесный напиток бессмертия — амриту (соответствующий ведической соме). Для того чтобы получить чудесный напиток, нужно было сбить в масло океанскую воду.

Боги принялись за работу. Вместо мутовки они взяли священную гору Мандару, поставили ее на спину великой черепахи, что покоится на дне океана и держит на себе весь мир. Огромный змей Васуки обвился

вокруг горы, как веревка вокруг мутовки, и боги стали попеременно тянуть его то за хвост, то за голову, вращая гору в воде. Постепенно вода превратилась в молоко и начала сбиваться в масло.

Тогда из океана вышел бог врачевания Дханвантари и вынес богам чашу с напитком бессмертия.

Но кроме чудесного напитка из океана появилось еще много замечательных даров: белый слон, подобный облаку, волшебный конь, быстрый, как мысль, дерево, наполняющее весь мир благоуханием своих цветов, обольстительные девы-апсары, ставшие небесными танцовщицами, и — прекрасная богиня Лакшми с цветком лотоса в руках. Ее имя означает «красота» и «счастье».

Став супругой Вишну, Лакшми сопровождала его во всех его воплощениях, сама принимая различные образы.

Богам противопоставлялись демоны — асуры. Они были порождением Брахмы и первоначально обладали божественной сущностью. Но потом асуры возгордились перед богами, и боги низвергли их с неба. Асуры враждебны и богам, и людям. Многие индийские мифы повествуют о сражениях богов с асурами.

О сотворении человека существуют несколько индийских мифов. В одном из них рассказывается, что бог солнца Сурья до того, как стать богом, был смертным. За него выдали замуж Саранью, дочь бога Твишара, небесного мастера, выковавшего оружие для Индры. Саранья не захотела быть женой смертного. Колдовством она оживила свою тень и оставила ее в доме мужа, а сама вернулась к отцу. Тень Сараньи родила сына Ману, от которого произошел человеческий род.

В другом мифе первочеловеком назван Пуруша. Его имя означает «человек», но облик Пуруши достаточно абстрактен и трудно постижим. Он всеобъемлющ и вездесущ, смертен, но бессмертие является его частью, он — отец своих родителей. Боги принесли Пурушу в жертву, и из его тела возникла Вселенная, из глаз — солнце, издыхания — ветер; кроме того, из тела Пуруши появились люди, причем разделенные на социальные группы: из головы — жрецы, из рук — воины, из ног — крестьяне и низшие сословия.

Со временем глава индуистского пантеона Брахма оттесняется на второй план, его заменяют два бога — Вишну и Шива.

Шива, божество разрушительных сил, в значительной степени напоминает ведического Рудру. Шива также обитает в полном одиночестве в горах, погруженный в медитацию. Его называют «совершенным йогом».

Поклонение Вишну и Шиве развилось в два религиозных течения — вишнуизм и шиваизм, существовавших параллельно в рамках индуизма.

В более позднее время Брахма, Вишну и Шива объединяются в триаду, называемую «тримурти», что значит «обладающий тремя обликами». Брахма — творец мира, Вишну- его хранитель, Шива-разрушитель. В своем единении они олицетворяют идею постоянного перетекания этих понятий одно в другое, что обеспечивает миру устойчивость и гармонию.

Наряду с индуизмом в VI веке до н. э. в Индии возникает новая религия — буддизм.

Основателем буддизма был царевич Сиддхаратха Гаутама. При его рождении было предсказано, что он станет или великим царем, или религиозным подвижником. Отец царевича, не желая, чтобы сын удалился от мира, поселил его в великолепием дворце, окружил всевозможными удовольствиями и постарался оградить от любых неблагоприятных впечатлений.

Но однажды царевич вышел из своего дворца и оказался в городе. Первое, что он увидел, были нищий калека, дряхлый старик и гроб с покойником, которого несли хоронить. Так Гаутама впервые узнал, что в мире есть болезни, нищета, старость и смерть. Его охватили глубокая скорбь и страх перед жизнью. Но тут ему встретился монах. Царевич принял это как знамение, указывающее путь преодоления скорби и страха. Он покинул дворец и стал монахом.

Несколько лет вел царевич строгую, аскетическую жизнь. После того как он сорок восемь дней неподвижно просидел под священным деревом, на него снизошло просветление и он стал Буддой.

Учение буддизма заимствовало из ведической и индуистской мифологий ряд сюжетов и персонажей, но боги в буддизме занимают второстепенное место. Будда — это не бог, а человек, смиривший свои страсти и достигший полного просветления духа. Путем праведной жизни каждый, исповедующий буддизм, может стать Буддой.

Буддийская традиция называет разное число Будд. По одному мнению, их было трое, по другому — пятеро, по третьему — «столько, сколько песчинок в Ганге».

Зародившись как секта буддизм со временем стал одной из трех мировых религий, наряду с христианством и исламом.

24. МАХАБХАРАТА

«Махабхарата» — великий эпос индийского народа. Он сложился на основе устных сказаний и легенд. Его древнейшая часть относится к середине II тысячелетия до н. э., но эпос разрастался и видоизменялся вплоть до VII века нашей эры. В нем рассказывается о потомках Бхараты — легендарного царя, основателя Индии.

Изначально ядро «Махабхараты» состояло из 25 тысяч стихотворных строк, а окончательная редакция со всеми добавлениями содержит в себе более 200 тысяч. Это самое большое поэтическое произведение в мире.

Автором «Махабхараты» считается легендарный мудрец Вьяса. В то же время он является одним из персонажей поэмы и приходится дедом главным героям.

Мать Вьясы вторым браком вышла замуж за царя Шанталу и родила ему двух сыновей. Но оба царевича умерли бездетными, и царица, чтобы не пресекся род, повелела Вьясе вступить в брак с вдовами умерших.

От двухжен у Вьясы родились два сына, старший — Дхритараштра и младший — Панду.

Дхритараштра стал царем, у него было много сыновей, которые носили родовое имя Кауравов. Панду из-за проклятия не мог иметь детей, но его жена чудесным образом зачала от пяти великих богов и родила пятерых сыновей. Они носили имя Пандавов.

Кауравов и Пандавов с малых лет разделила рознь и вражда.

И те и другие получили воспитание, подобающее воинам, искусно владели мечом и палицей, метко стреляли из лука.

Однажды на воинских состязаниях Пандавы победили всех своих соперников, и в народе стали говорить о том, что старого царя Дхритараштру пора сместить с престола и заменить кем-нибудь из молодых Пандавов.

Такие речи дошли до царского дворца. Старший из Кауравов — Дурьодхана — решил погубить Пандавов.

А надобно сказать, Дурьодхана родился по воле бога разрушения Шивы и был земным воплощением ужасного Кали, демона зла.

Пандавы собрались в город Варанавату на праздник Шивы. Коварный Дурьодхана послал вперед своего слугу и приказал ему построить в Варанавате для Пандавов красивый дом из сухого бамбука и смолистых деревьев, а когда Пандавы поселятся в доме, поджечь его, чтобы все они погибли в огне.

Но старший из Пандавов — Юдхиштхира, едва войдя в новый дом, заподозрил неладное. Братья решили вырыть подземный ход, чтобы спастись в случае опасности.

Праздник Шивы продолжался целый год. Однажды в доме Пандавов собралось много гостей, и как раз в этот день слуга Кауравов устроил поджог.

Братья спаслись подземным ходом, а их гости погибли Среди погибших было пятеро юношей, и Кауравы приняли их останки за останки ненавистных Пандавов Пандавы вместе со своей старой матерью Кунти поселились в лесу. Они оделись в звериные шкуры и стали жить, охотясь на диких зверей Однажды Пандавы узнали, что один из соседних царей хочет выдать замуж свою дочь Драупади и устраивает состязание в стрельбе из лука: тот, кто поразит цель пятью стрелами подряд, получит руку прекрасной царевны.

Братья отправились в город Капилью, где проходило состязание. Там уже собрались искуснейшие лучники из разных царств. Были среди них и Кауравы.

Победителем в состязании стал третий из братьев Пандавов — Арджуна. Никому не понравилось, что одетый в шкуру отшельник одержал победу над царями и царевичами. Арджуну попытались прогнать из города, но братья встали на его защиту и обратили противников в бегство.

Затем Пандавы явились в царский дворец. Царь, отец прекрасной Драупади, заметив, как благородна их осанка и величава поступь, сказал: «Я вижу, что вы царского рода. Кто вы?» И Пандавы назвали ему себя. Так стало известно, что братья не погибли в огне. Пандавы вместе с прекрасной Драупади отправились в лес к своей матери.

Когда они переступили порог хижины, один из братьев решил пошутить и сказал матери, как говорили они обычно, вернувшись с охоты: «Мы пришли с богатой добычей». Мать была в это время в другой половине дома и крикнула из-за перегородки: «Разделите добычу между собой, чтобы никого не обидеть!» Таким образом, она невольно приказала пятерым сыновьям взять в жены одну женщину.

Групповой брак — одна из древнейших форм семьи — во времена создания «Махабхараты» был уже пережитком и вызывал осуждение. Таким образом, братья Пандавы оказались перед нравственным выбором: совершить грех, ослушавшись приказания матери, или всем пятерым жениться на Драупади, что тоже было бы грехом.

Автор поэмы помог им сделать выбор, включив в повествование вставной рассказ.

Некогда жила одна благочестивая женщина по имени Налаяни и у нее был муж, мудрец Мудгалья. Чтобы испытать жену, он превратился в безобразного и злобного старика, но Налаяни не обращала внимания на его уродство и терпеливо сносила его тяжелый нрав.

Когда срок испытания истек, Мудгалья пообещал жене в награду за долготерпение исполнить любое ее желание. Налаяни, хотя и была добродетельной, любила разнообразие. Она попросила, чтобы муж отныне принимал поочередно обличье пятерых красивых мужчин.

Ее желание исполнилось, и она долгие годы жила со своим мужем счастливо. Но со временем Мудгалья проникся мыслью о тщете земных удовольствий, покинул жену и удалился в пустыню, чтобы в уединении совершенствовать свой дух.

Оставшись одна, Налаяни впала в отчаяние. Громко стеная, призывала она мужа. Ее стенания достигли неба, и боги пообещали, что в следующей жизни у нее будет пятеро мужей одновременно. Много веков спустя Налаяни родилась в облике царевны Драупади.

Таким образом братья Пандавы смогли жениться на Драупади, не совершая греха, а, напротив, исполняя волю богов.

Узнав, что Пандавы не погибли, отец Кауравов старый царь Дхритараштра решил прекратить старую вражду между сыновьями и племянниками и отдал Пандавам в законное владение половину царства.

Пандавы отправились в отведенные им земли и, вырубив дремучий лес, построили свою столицу — большой и красивый город Индрапрастху. Затем они завоевали соседние мелкие государства, расширив тем самым свои владения и захватив много богатств.

Однажды Пандавов навестил их заклятый враг, старший из братьев Кауравов, царевич Дурьодхана. Зависть обуяла его, когда он увидел, что Пандавы живут счастливо, свободно и обладают несметными богатствами. Он решил отнять у них все, что они имеют, но не силой, а хитростью.

Через некоторое время Дурьодхана пригласил Пандавов к себе и предложил старшему из них, Юдхиштхире, сыграть в кости. Юдхиштхира был страстным игроком, но играл плохо. Он проиграл коварному Каураву все свое золото и драгоценности, оружие и колесницу, рабов и рабынь. Потом проиграл столицу и земли, потом — всех своих братьев и, наконец, самого себя Пандавы стали рабами Кауравов.

Коварный Дурьодхана предложил Юдхиштхире отыграться, поставив на кон жену братьев, Драупади. Тот согласился — и проиграл.

Дурьодхана приказал привести Драупади и сорвать с нее царские одежды. Рыдая, просила Драупади защиты у своих пятерых мужей, но они, став рабами, не смели за нее вступиться. Тогда она воззвала к богам, и боги услышали ее мольбу: сколько ни тянули слуги Куаравов одежду с Драупади, одежда только становилась длиннее.

Старому царю Дхритараштре стало стыдно за своих сыновей. Он приказал им освободить Пандавов и Драупади, вернуть им все их богатства и земли и отпустить с миром.

Но Дурьодхана сумел убедить отца, что опасно отпускать Пандавов, которые при первом же случае отомстят за пережитое унижение. И тогда царь отправил Пандавов на тринадцать лет в изгнание.

Пандавы покинули страну и поселились на чужбине. Они упрекали своего старшего брата за несчастье, в которое тот их вверг, и призывали его идти войной на Кауравов. Но Юдхиштхира говорил, что еще не настало время великой битвы и сейчас боги не пошлют им победы.

Прошло двенадцать лет. В последний год своего изгнания Пандавы и Драупади под видом простых слуг нанялись к одному из соседних царей, Витаре.

У царя Витары был полководец — могучий воин Кичака. Он влюбился в Драупади, которую считал простой служанкой, и стал домогаться ее любви. Один из братьев Пандавов, Бхимасена, защищая жену, убил Кичаку, и войско царя Витары осталось без предводителя.

Узнав об этом, Кауравы напали на страну Витары, надеясь легко ее захватить. В первом же бою царь Витара был ранен и почти все его войско перебито. Но тут в бой вступили Пандавы — и прогнали врагов.

Пандавы стали собирать союзников, чтобы идти войной на Кауравов. Многие цари встали на их сторону. Сам божественный Кришна привел им на помощь свое небесное воинство.

В ожидании страшной битвы померкло солнце. Кровь выступила из-под земли, и воды Ганга потекли вспять.

Юдхиштхира вознес молитву к богине-разрушительнице Друге, и она явилась перед войсками. Это было знаком к началу битвы.

Битва продолжалась восемнадцать дней. Сражались не только люди, но и звери, и птицы, и сами боги. Битва приобрела космические масштабы.

Историки считают, что реальным прообразом битвы Пандавов и Кауравов была битва на равнине Курукшетре, где в X веке до н. э. столкнулись несколько крупнейших государств, боровшихся за гегемонию в Индии.

Наконец, Пандавы и их союзники победили, войско Кауравов было уничтожено.

Дурьодхана, старший из Кауравов, позорно бежал и спрятался на дне озера, но Пандав Бхимасена отыскал его, вызвал на единоборство и победил, нанеся ему смертельную рану.

Из всего войска Кауравов в живых остались только три воина. Они задумали бесчестную месть: ночью подкрались к лагерю Пандавов и под покровом темноты перерезали спящих.

Но сами Пандавы в ту ночь отлучились из лагеря. Вернувшись утром, с ужасом увидели они залитую кровью землю и бездыханные тела своих воинов. Пандавы сложили погребальный костер из обломков боевых колесниц и с почестями предали огню тела погибших.

Старый царь Дхритараштра, оплакав своих сыновей, решил удалиться от мира, уйти в леса, чтобы остаток своих дней посвятить

уединенной молитве. Он передал царство Пандавам, и они благополучно правили страной тридцать шесть лет.

А затем пришел и их черед покинуть мир. Чувствуя скорый конец, пятеро братьев Пандавов и их жена Драупади облачились в одежды отшельников и отправились в паломничество к священной горе Меру.

По пути скончалась Драупади и четверо братьев, и лишь старший, Юдхиштхира, достиг вершины горы и вступил в обитель богов.

История борьбы Пандавов и Кауравов является сюжетным стержнем «Махабхараты», но по объему составляет лишь пятую ее часть. В поэму включены многочисленные вставные повествования самого разного характера: лирическое сказание о Нале и Дамаянти, религиозно-философский трактат «Бхагавадгита» и др.

«Махабхарата» является поэтической энциклопедией мифологии, истории и философии Индии.

25. РАМАЯНА

Народные сказания об удивительных приключениях и подвигах благородного царевича Рамы появились в Индии в середине I тысячелетия до н. э. Певцы-сказители передавали их из поколения в поколение, во II веке нашей эры эти сказания были собраны вместе и записаны на санскритском языке. Так возник великий эпос индийского народа «Рамаяна». Автором «Рамаяны» называют легендарного мудреца Вальмики, который известен также под именем Аликави, что значит «источник поэзии».

Рама был сыном царя Дашаратхи, владевшего обширным государством со столицей в городе Айдохье. У царя было три жены и много сыновей. Рама был самым старшим.

Однажды царь соседней страны Видехи объявил, что он ищет мужа для своей приемной дочери — прекрасной Ситы.

«Сита» — значит «борозда». Однажды страну Видеху постигла жестокая засуха. Чтобы вызвать дождь, царь, по древнему обычаю, вышел на поле и сам стал пахать землю золотым плугом. Но едва он провел первую борозду, как его плуг наткнулся на глиняный горшок, в котором оказалась новорожденная девочка. Царь был бездетен, он нарек найденную девочку Ситой и воспитал как родную дочь.

Когда Сите исполнилось шестнадцать лет, пришла пора выдавать ее замуж. Со всех концов Индии стекались в Видеху женихи. Был среди них и Рама. Царь назначил испытание: кто сможет натянуть тетиву огромного лука, когда-то подаренного предку царя самим богом Шивой, тот и станет мужем прекрасной Ситы.

Никто из женихов не смог не то что натянуть тетиву, но даже оторвать лук от земли.

Тогда в состязание вступил Рама. Словно перышко, поднял он тяжелый лук, до отказа натянул тетиву и пустил стрелу точно в цель.

Прекрасная Сита обрадовалась победе Рамы. Она надела ему на шею венок из цветов в знак того, что согласна быть его женой и любить его до последнего вздоха. Сыграли пышную свадьбу, и Рама с молодой женой вернулся в столицу своего отца.

Царь Дашаратха, отец Рамы, чувствуя приближение старости, решил уйти на покой, а царство передать Раме.

Все радовались тому, что царем станет юный царевич, доброта и мудрость которого уже были хорошо известны. Недовольна была только младшая жена старого царя — Кайкейа. Она мечтала о царской власти для своего сына.

Когда-то Дашаратха пообещал Кайкейе исполнить два любых ее желания. Теперь Кайкейа напомнила ему об обещании и потребовала, чтобы он сделал царем ее сына, а Раму на четырнадцать лет изгнал из столицы.

Опечалился царь, но сдержал обещание и приказал Раме отправляться в изгнание.

Покорно склонился Рама и сказал: «Долг сына повиноваться отцу». А Сита сказала: «Долг жены следовать за мужем. Я пойду с тобой». И младший брат Рамы Лакшмана, бывший его верным товарищем, сказал: «Я тоже пойду с вами».

Втроем покинули они столицу и поселились в уединенной хижине в дремучем лесу. Рама и Лакшмана ходили на охоту, Сита посеяла возле хижины пшеницу и бобы. Никто из них не роптал на свою судьбу.

Однажды Ситу увидел свирепый царь ракшасов Равана — и воспылал к ней неодолимой страстью.

Ракшасы — страшные чудовища, которых Брахма создал для того, чтобы они охраняли первозданные воды. Но со временем ракшасы вышли из повиновения и стали вредить всем: и богам, и людям, и зверям. По ночам они разоряли алтари, предназначенные для жертвоприношений, пили кровь спящих животных, похищали женщин. Люди, боги и звери сражались с ракшасами и, поскольку те были смертны, нередко их побеждали.

Царь Ракшасов Равана обладал десятью головами, двадцатью руками и страшным голосом. Имя его значит «ревущий». Он был сильнее всех людей и зверей, но боги представляли для него опасность. И решил он стать сильнее богов.

Для этого Равана на десять тысяч лет удалился в пустыню и стал вести суровую подвижническую жизнь.

В Индии подвижничеству всегда придавалось огромное значение. Подвижник, кем бы он ни был, получал возможность непосредственно воздействовать на богов. Равана, когда истек срок его подвижничества, потребовал, чтобы Брахма сделал его неуязвимым для богов.

Брахме пришлось согласиться, и Равана обрел небывалую власть и силу. Он поселился на острове Ланка, построил там золотой дворец и заставил богов прислуживать себе. Бог огня Агни готовил ему еду, бог морей, рек и озер Варуна носил воду, бог ветра Ваю выметал сор.

Гневались боги, но ничего не могли поделать: Равана был для них неуязвим. Но вот они вспомнили, что Равана в своей гордыне потребовал неуязвимости только от богов, и решили, что он должен погибнуть от руки человека. Таким человеком боги избрали Раму.

У Раваны в его золотом дворце были сотни жен и наложниц, но он позабыл их всех, возжелав прекрасную Ситу.

Чтобы завладеть красавицей, царь ракшасов составил хитрый план. Он взял с собой своего слугу-ракшаса, который мог превращаться в разных

животных, и по воздуху перенесся в лес, где жили Рама, Лакшмана и Сита. Слуга превратился в красивого оленя и выбежал к хижине. Увидела Сита оленя и стала просить Раму поймать его.

Рама, желая угодить любимой жене, пустился в погоню за оленем, но никак не мог его настигнуть и все дальше углублялся в лес. Вдруг олень остановился и превратился в маленького безобразного ракшаса.

Понял Рама, что его обманули. А ракшас закричал голосом самого Рамы: «Лакшмана! Я ранен, помоги мне!» — и провалился под землю.

Лакшмана, услышав голос брата, бросился в лес, а Сита осталась одна, без всякой защиты.

Тут с неба спустился Равана на золотой колеснице, запряженной зелеными конями, подхватил Ситу и умчался с нею ввысь.

Сита отчаянно кричала. Ее услышал царь ястребов Джатайо и устремился на помощь. Когтями он вырвал из рук Раваны лук, украшенный драгоценными камнями, и бросил лук на землю. Но Равана поразил ястреба мечом и полетел дальше.

Быстрее ветра неслась колесница Раваны, мелькали внизу леса и горы, реки и селения. На вершине высокой горы Сита увидела нескольких больших обезьян. Осанка их была величава и благородна, одеты они были, как люди.

Тем временем Рама и Лакшмана вернулись к хижине и увидели, что Сита исчезла. Тщетно звали они ее и искали. Тщетно расспрашивали о ней цветы и травы, деревья и реку: все боялись Раваны — и молчали. И лишь олень, пришедший на водопой, пристально посмотрел на Раму и побежал по берегу, словно показывая дорогу.

Рама и Лакшмана пошли за оленем и вскоре увидели лежащий на земле лук, украшенный драгоценными камнями, а рядом- истекающего кровью царя ястребов Джатайю. Благородный ястреб едва успел сказать, что Ситу похитил Равана — и умер.

Братья сложили погребальный костер и предали огню тело царственной птицы.

Затем они пустились в далекий путь, на остров Ланку, где царствовал свирепый Равана.

Много дней и ночей шли они, преодолевая усталость, и, наконец, поднялись на ту гору, на которой Сита видела обезьян. То были не обычные обезьяны, а представители могучего обезьяньего племени. Они были умны, сильны и отважны, а их первого предка породил сам великий Брахма.

Дело было так. Однажды Брахма предавался размышлениям, и от великой сосредоточенности на глазах у него выступили слезы. Упав на землю, слезы бога превратились в большую обезьяну, Брахма назвал ее Рикшараджей и поселил в зеленом светлом лесу.

Долго жил Рикшараджа в полном одиночестве, питаясь плодами с деревьев и съедобными кореньями. Но однажды, когда он купался в прозрачном лесном озере, с ним произошла удивительная перемена: из обезьяны-мужчины он превратился в обезьяну-девушку необыкновенной красоты. Привлеченные ее красотой с неба опустились Индра — бог-громовержец и бог солнца Сурья. От двух богов родила красавица-обезьяна двух сыновей — Сугриву и Валина, после чего к Рикшарадже вернулась его мужская сущность, и он стал воспитывать своих

сыновей. Когда Сугрива и Валин выросли, Рикшараджа показал их Брахме. Брахма остался доволен, пожелал обезьяньему племени плодиться и размножаться дальше и подарил им город Кишкиндху.

Царем обезьян многие годы был Рикшараджа, а потом ему унаследовал его сын Сугрива. Но Валин позавидовал брату, устроил мятеж и захватил власть, а Сугриву изгнал из города. Сугрива и те обезьяны, которые остались ему верны, удалились на высокую гору и поселились в пещере.

Рама предстал перед свергнутым обезьяньим царем и поведал ему о своей беде. Сугрива сказал: «Если бы я не был изгнанником, а по-прежнему правил многочисленным обезьяньим племенем, я бы помог тебе». Тогда Рама предложил заключить союз. Он сказал. «Я и мой брат Лакшмана поможем вернуть тебе царство, а ты со своим народом поможешь нам освободить Ситу». Сугрива согласился.

Равана, прилетев на остров Ланку, сложил к ногам прекрасной Ситы все свои богатства, приставил к ней слуг и служанок и покорно молил ее о любви. Но Сита отвечала, что она любит лишь одного Раму и всегда будет верна ему.

Разгневался Равана и объявил, что согласен ждать год, но, если по прошествии года Сита по доброй воле не станет его женой, он предаст ее смерти.

Вскоре Рама и Лакшмана победили коварного Валина, и Сугрива снова занял царский престол. Он собрал из своих подданных огромное войско, сам его возглавил и сказал Раме: «Веди нас, царевич!» Войско выступило в поход. Оно дошло до берега океана и там остановилось. Бескрайние воды отделяли его от острова Ланки, где томилась прекрасная Сита.

Мудрейшим среди обезьян был Хануман, советник Сугривы и сын бога ветра. Отец наделил его способностью летать по воздуху и, по своему желанию, уменьшаться или увеличиваться в размерах.

Хануман предложил Раме: «Я полечу на остров Ланку, разведаю дорогу, разузнаю, велико ли войско Раваны и где он прячет прекрасную Ситу». Он поднял вверх руки — и стал расти. Вырос высотой с гору, оттолкнулся от земли и полетел над океаном в сторону острова Ланки.

Когда Хануман достиг острова Ланки, он уменьшился до размеров кошки и, перелетев через стену сада, увидел прекрасную Ситу, печально сидевшую поддеревом. Вокруг нее сидели служанки и не спускали с пленницы глаз.

Хануман стал думать, как подать ей весть, что Рама идет на помощь. Он влетел в открытое окно дома, где стоял накрытый стол, набрал жареных пшеничных зерен и разбросал их по дорожке сада. Тут же на пшеницу слетелась туча птиц. Служанки бросились их прогонять, крича и размахивая руками, а Сита осталась одна.

Сита испугалась, увидев летящего Ханумана, но он опустился перед ней на землю и сказал: «Радуйся, госпожа! Твой супруг, благородный Рама, с несметным войском идет к тебе на помощь».

Сказав так, Хануман взвился в небо и снова полетел через океан к берегу, где его ждали Рама, Сугрива и обезьянье войско.

Стали думать, как перебраться через океан. Сугрива предложил построить корабль, но Рама возразил, что тысяча кораблей понадобится, чтобы перевезти все обезьянье войско, и на их строительство уйдут годы.

Тогда мудрый Хануман сказал: «Давайте построим мост. Бог океана поможет нам в этом».

И вот обезьяны стали вырывать с корнем деревья, откалывать от скал огромные камни и бросать их в воду. Бог океана не давал камням утонуть, древесным стволам уплыть, и вскоре мост, прямой, как копье, протянулся до самого острова Ланки.

Лавиной устремилось по мосту обезьянье войско, достигло острова и подступило к самым стенам столицы Раваны.

Равана собрал своих ракшасов и выступил навстречу противникам.

Началась битва. В первых рядах сражались Рама, Лакшмана, Сугрива и Хануман. Прекрасная Сита в своем саду с ужасом и надеждой прислушивалась к шуму битвы.

Обезьянье войско начало теснить черные полчища ракшасов. Тогда Равана послал за своим братом — чудовищным великаном Кумбкахарны.

С ним в единоборство вступил Лакшмана, и великан нанес брату Рамы смертельную рану.

В отчаянье рыдал Рама над умирающим братом. Он велел созвать лучших лекарей, но все они сказали: «Эта рана смертельна». И лишь один лекарь, самый старый, поведал, что в Гималаях, там, где небо сходится с землей, на вершине горы растет трава, которой можно исцелить героя. Но принести траву надо раньше, чем зайдет солнце. А был уже полдень.

Хануман воскликнул: «Я принесу чудесную траву!» Он полетел туда, где небо касалось земли, достиг Гималаев, опустился на вершину горы и стал искать траву. Но там росли разные травы без счету, и Хануман не мог отыскать среди них нужную. А солнце уже стало клониться к закату.

Тогда Хануман увеличился в размерах, стал в десять раз больше горы, вырвал ее из земли и с горой в руках пустился в обратный путь.

Солнце уже коснулось горизонта, когда Хануман прилетел на Ланку. Старый лекарь быстро нашел нужную траву, приложил к ране Лакшманы — и тот исцелился.

На другой день он снова вызвал на бой Кумбкахарны — и победилего.

А битва продолжалась. Сошлись в поединке Рама и Равана. Бьются они с утра до полудня, с полудня до вечера. Притупились их мечи, кончились стрелы в колчанах. Пустил Рама последнюю стрелу. Пробила она каменный панцирь Раваны, вонзилась ему в самое сердце.

Так исполнилась воля богов: от руки человека погиб неуязвимый для них царь ракшасов Равана.

Войско его разбежалось, и Рама вступил в столицу Ланки. Со слезами радости встретила Раму прекрасная Сита. На колеснице Раваны, запряженной зелеными конями, вернулись они в Айдохью. Четырнадцать лет, назначенных Раме для изгнания, к тому времени уже миновали, и он стал законным царем, мудрым и справедливым.

Так заканчивается изначальная — древнейшая — часть «Рамаяны».

В более поздние времена поэма получила продолжение. Постепенно «Рамаяна» из эпического сказания превратилась в священную книгу. В новом варианте Рама — не просто герой, а земное воплощение бога Вишну.

К XI веку нашей эры культ Рамы становится одним из основных религиозных культов Индии.

И если победа над врагом и воссоединение с любимой женой является достойным завершением истории Рамы-человека, то история Рамы-бога заканчивается иначе.

Более позднее окончание «Рамаяны» отличается от древней ее части по стилю, языку и совершенно иначе представляет характер главного героя.

Освободив Ситу, Рама начал сомневаться, что она хранила ему верность, находясь в плену у Раваны. Сита, чтобы доказать свою невиновность, взошла на костер — и невредимой вышла из огня. Лишь после этого Рама согласился вновь признать ее своей женой.

Но через некоторое время Раме становится известно, что подданные осуждают его за нарушение древнего обычая, согласно которому муж не должен принимать обратно жену, проведшую вне дома более определенного срока.

И Рама изгнал беременную Ситу в лес. В лесу она родила сыновей-близнецов — Кушу и Лаву и вместе с детьми нашла приют у мудрого отшельника Вальмики, того самого, которому приписывается авторство «Рамаяны».

О Вальмики существует самостоятельная легенда.

В своей первой жизни он был почтенным и образованным человеком, но, будучи уже в преклонных летах, влюбился в продажную женщину, ради нее покинул жену и истратил на любовницу все свое состояние. Когда он разорился, продажная женщина ушла от него, и будущий автор «Рамаяны» нищим вернулся к своей супруге.

Но вместо того, чтобы устыдиться и раскаяться, он тосковал по неверной любовнице и проникался все большим отвращением и ненавистью к своей добродетельной жене.

Однажды, когда он был болен и жена подавала ему лекарство, он со злости откусил ей палец, подавился и умер самым недостойным образом.

В наказание за неправедно прожитую жизнь в следующем перевоплощении он оказался разбойником. Как-то раз ему довелось ограбить бродячего ученого-брахмана, отобрав у него две медные монеты, амулет и сандалии. Но когда ограбленный старик побрел прочь, обжигая босые ноги о раскаленный песок, разбойник почувствовал жалость к нему и вернул сандалии.

В благодарность брахман предсказал разбойнику, что в следующей жизни он создаст великую поэму, которая прославится на весь мир.

Следующая жизнь создателя «Рамаяны» поначалу не задалась. Он рано обзавелся большим и прожорливым семейством и, чтобы всех прокормить, вынужден был опять заняться грабежом.

Однажды он подстерег на большой дороге семерых старцев и, угрожая ножом, потребовал у них денег. Эти старцы были бессмертными мудрецами, спустившимися на землю, чтобы направить создателя «Рамаяны» на предназначенный ему путь.

Мудрецы не испугались угроз и сказали, что денег у них нет, но есть одно сокровище, которое они охотно отдадут, если разбойник объяснит им, для чего он занимается грабежом. Тот, не задумываясь, ответил: «Чтобы

прокормить семью». Тогда семь бессмертных мудрецов спросили: «А разделит ли с тобой твоя семья тяжесть греха, которым обременяешь ты свою душу, грабя беззащитных прохожих?» Разбойник пошел домой и спросил об этом своих домочадцев, но все они только посмеялись над ним. И разбойник понял, что жизнь его была грешна и бессмысленна.

Опечаленный, вернулся он к семи мудрецам, которые терпеливо ждали его на дороге, и спросил, что же ему теперь делать.

И тут мудрецы подарили ему обещанное сокровище. Этим сокровищем была мантра «Рама» — молитвенное заклинание, обращенное к Раме.

Будущий создатель «Рамаяны» сел в тени большого дерева и стал повторять мантру.

Так сидел он неподвижно долгие годы. Муравьи выстроили над ним свое жилище, но он не замечал кусающих его муравьев, не чувствовал ни голода, ни жажды — и неустанно повторял мантру «Рама». Через тысячу лет он обрел просветление.

Тогда семь бессмертных мудрецов опять спустились на землю и помогли просветленному выбраться из муравейника. С тех пор он получил имя Вальмики — «извлеченный из муравейника».

Вальмики отшельником поселился в лесу. Однажды, когда он сидел на циновке из диких трав и, закрыв глаза, предавался благочестивым размышлениям, его внутреннему взору предстала вся жизнь Рамы и облеклась в стихотворные строки. Вальмики открыл глаза и продекламировал вслух двадцать четыре тысячи строф «Рамаяны».

К этому времени изгнанная Рамой Сита уже давно жила в хижине Вальмики. Ее сыновья Куша и Лава выросли.

Однажды Рама, охотясь в лесу, набрел на хижину отшельника. Он увидел двоих юношей, в которых признал своих сыновей, и взял их с собой в столицу. Рама разрешил Сите следовать за сыновьями, но опять потребовал доказательств ее верности.

Оскорбленная Сита обратилась к земле, на которой стояла: «О, мать-земля! Если я чиста перед Рамой, прими меня навеки в свое лоно?» Земля разверзлась под ногами Ситы — и поглотила ее.

Раскаявшийся в последний момент Рама попытался удержать Ситу за волосы, но они выскользнули у него из руки, порезав ладонь. По народному поверью, с тех пор ладони у людей изрезаны тонкими, как волосы, линиями.

Окончив земную жизнь, Рама воплотился в свой изначальный образ бога Вишну и в обители богов соединился со своей небесной супругой, богиней Лакшми, которая на земле жила в образе прекрасной Ситы.

Исследователи находят в «Рамаяне» отражение реальных исторических событий. Остров Ланка — это остров Цейлон (или Шри-Ланка), поход Рамы против ракшасов — продвижение арийских племен на Юг Индии, дружба с обезьяньим царем Суфивой — военный союз с жившими на Юге аборигенами.

«Рамаяна» до сих пор необычайно популярна в Индии. Во время традиционного осеннего праздника ежегодно разыгрывается представление, изображающее возвращение в Айдохью Рамы, победившего злого Равану и освободившего прекрасную Ситу.

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Основным источником знаний о мифах древнего Китая является «Книга гор и морей». Этот обширный труд неизвестных китайских авторов создавался на протяжении почти восьми столетий — с VIII века до н. э. до рубежа нашей эры.

В этой книге содержатся самые разные сведения: описание природы Китая, рассказы о богах, о злых и добрых духах, об удивительных, наделенных волшебными свойствами растениях и животных, о фантастических жителях далеких земель и их диковинных обычаях.

Главным божеством в древнем Китае почитался Шан-ди, что значит «высшее божество». Первоначально его называли просто Ди — «божество». Это свидетельствует о его всеобъемлющем характере.

Иногда Шан-ди отождествлялся с богом неба Тянь-ди, Культ неба в древнем Китае имел государственное значение: одно из древних названий Китая — Тянь-ся, что значит «Поднебесная», а традиционный титул императора был Тянь-цзы, то есть «сын неба».

Поклонение небу в качестве государственного культа сохранялось в Китае очень долго. Жертвоприношения небу на круглом алтаре император совершал вплоть до революции 1911 года.

В некоторых мифах в качестве верховного божества выступает Ди-цзюнь. Он также имеет отношение к небу и является отцом главных небесных светил. Эти светила — солнце и луна — в китайской мифологии представляются во множественном числе: десять братьев-солнц и двенадцать сестер-лун.

Каждое утро одно из солнц купается в источнике со сладкой водой, потом поднимается на священное дерево фусан, растущее на востоке, и на колеснице, запряженной драконами, совершает свой путь по небу. Вечером оно садится на ветви другого священного дерева-жо, растущего на западе.

Солнце обычно изображали в виде трехногого золотого ворона.

Очередность появления братьев-солнц на небе — одно из условий благополучия мира. В одном из мифов рассказывается о катастрофе, которую повлекло за собой нарушение этой очередности.

В некоторых мифах упоминается гора Жиюэшань, за которую заходят солнце и луна. Эта гора является стержнем, удерживающим мир.

В китайской мифологии существовало представление о мире как о пятичастной системе; четыре стороны света и центр. Каждая из этих частей имела свое божество.

Божеством Центра был Хуан-ди, что значит «Желтый владыка». Первоначально он был связан со стихией земли и, возможно, его имя объясняется желтоватым цветом китайских почв. Впрочем, некоторые исследователи толкуют эпитет «желтый» как «золотистый», «сияющий».

Со временем Хуан-ди принял на себя функции верховного божества. Из древнего стихийного бога он постепенно превращается в мудрого и справедливого небесного государя, иногда его называют «небесным императором».

Владыкой Юга был Янь-ди — бог огня, солнца и лета. Существует миф о борьбе Хуан-ди и Янь-ди. Высказывалось предположение, что этот миф связан с подсечно-огневым способом земледелия, бытовавшим в

древнем Китае. Землю, предназначенную под пашню, освобождали от леса, сжигая его. Полученная зола смешивалась с землей и служила удобрением. Возможно, в древности этот процесс представлялся людям борьбой огня и земли, в которой побеждала земля. Поэтому в мифе бог земля Хуан-ди в конце концов побеждает огненного Янь-ди.

Божеством Запада считался Шао-хао, хотя да западе он только родился, а правил на востоке, где основал удивительное птичье царство. Чиновниками у него были ласточки, перепела и фазаны, министром просвещения — голубь, начальником войск — орел. Вероятно, образ Шао-хао возник в глубочайшей древности, когда объектами поклонений были звери и птицы, и изначально он сам был богом-птицей.

Со временем Шао-хао покинул свое птичье царство и вернулся на запад, а владыкой Востока стал Фу-си, прародитель людей.

На Севере правил Чжуань-сюй. Он приходился племянником Шао-хао и в юности жил у своего дяди в птичьем царстве. Шао-хао подарил племяннику два музыкальных инструмента — цинь и сэ (цитру и гусли).

Когда Чжуань-сюй возмужал и стал владыкой Севера, он бросил эти инструменты, как ненужные игрушки, в море. В Китае существует поверье, что с тех пор в лунные ночи из морских глубин доносится печальнаямузыка.

Чжуань-сюй связан со стихией воды, ему подвластны моря, реки и другие водные источники.

Впоследствии, когда владыка Центра Хуан-ди состарился и ушел на покой, своим преемником он назначил Чжуань-сюя.

Большое место в китайской мифологии занимали духи стихий.

Дух воды Гун-гун обладал телом змеи и человеческой головой с красными волосами.

Отцом Гун-гуна был дух огня Чжу-жун, что значит «большой свет». Первоначально Чжу-жун был правителем Юга, а впоследствии стал помощником бога огня и солнца Янь-ди.

Гун-гун и Чжу-жун, несмотря на свое родство, были непримиримыми врагами, и борьба между ними едва не погубила мир.

По древним поверьям, все горы, моря и реки имели своих духов.

Горные духи представлялись в виде чудовищ — трехногих, двухголовых, одноглазых или соединяющих в себе человеческие и звериные черты. Водяные духи обычно напоминали рыб, драконов или черепах. Как правило, все эти духи были враждебны людям.

В китайских мифах часто упоминаются различные фантастические животные: змея с шестью ногами и четырьмя крыльями, способная вызывать засуху, одноглазый бык со змеиным хвостом, насылающий мор, белая лисица с длинными ушами, предвещающая войну.

Удивительными существами населяла народная фантазия и далекие страны. В «Книге гор и морей» рассказывается о стране летающих великанов и о стране карликов, которые растут на деревьях, о стране длинноруких, жители которой руками выдавливают рыбу со дна моря, и о стране, где все ходят на цыпочках, о стране женщин, где девушки зачинают детей, искупавшись в реке, и о стране мужчин, каждый из которых может родить двоих сыновей из подмышек.

В древности мифы воспринимались как безусловная истина. Но в VI веке до н. э. в Китае большое значение приобрело конфуцианство —

философско-политическое учение, для которого характерен рационализм мышления, основанное китайским мыслителем Конфуцием. С этого времени под все мифологические сюжеты стали подводить историческую основу, чаще всего просто придумывая ее. Все древние боги были объявлены реально существовавшими государями, а их фантастическим свойствам подобрано рациональное объяснение. Например, четырехликий Хуан-ди стал правителем, имевшим четырех чиновников для управления провинциями.

Во II веке нашей эры в Китае оформилась новая религия — даосизм. Эта религия возникла из философского учения «дао», что значит «путь». Дао уподоблялось воде — одновременно податливой и неодолимой. Одним из основных принципов даосизма было недеяние — уступчивость и покорность, в которых заключены истинная мудрость и сила. Даосы проповедывали возвращение к природе, к первоначальной чистоте и неведению.

Философия даосизма включала в себя элементы мистики, и это мистическое направление со временем превратилось в религию. В даосизме почитались не боги, а святые, достигшие бессмертия. Образы древних богов даосы переосмысливали в соответствии со своим учением. Так, Хуан-ди они считали первым бессмертным и покровителем даосизма.

Одновременно с даосизмом в начале нашей эры в Китай стал проникать из Индии буддизм. В своих проповедях буддисты использовали традиционные китайские сюжеты, происхождение буддийских персонажей стало связываться с китайскими героями.

К концу I тысячелетия нашей эры даосизм, буддизм и конфуцианство в народном сознании стали сближаться между собой. В храмах того времени, особенно в деревнях, могли находиться рядом изображения Будды, Конфуция и основателя даосизма Лао-цзы.

В середине века сложился сводный пантеон, в который входили древние боги, даосские и буддийские святые и персонажи народных верований.

В этом пантеоне большое место принадлежало божествам, в ведении которых находился обширный круг повседневных человеческих забот и обыденных вещей. Так появились боги-покровители различных профессий, боги, помогающие при конкретных болезнях, боги общественных зданий и жилища (причем среди последних были самостоятельные боги дверей, очага, постели и даже — богиня отхожего места Цзы-гу).

Все эти божества стали героями народных рассказов и лубочных картинок, популярных вплоть до XX века.

26. СОТВОРЕНИЕ МИРА И ЛЮДЕЙ

Вначале Вселенная была подобна яйцу. В этом яйце зародился сам собой Пань-гу. Долгое время спал Пань-гу непробудным сном. А проснувшись, увидел вокруг себя тьму, и это его опечалило.

Тогда разломал Пань-гу скорлупу яйца и вышел наружу. Все, что было в яйце светлого и чистого, поднялось наверх и стало небом, а все тяжелое и грубое опустилось вниз и стало землей.

Крепко уперся Пань-гу ногами в землю, а руками — в небо, чтобы не смешались они вновь в первобытный хаос.

Прошло восемнадцать тысяч лет. С каждым днем поднималось небо выше и выше, земля становилась прочнее и больше, а Пань-гу рос, продолжая удерживать небо на вытянутых руках.

Наконец, небо стало таким высоким, а земля такой прочной, что они уже не могли слиться воедино. Тогда Пань-гу опустил руки, лег на землю — и умер.

Его дыхание стало ветром и облаками, голос — громом, глаза — солнцем и луной, кровь — реками, волосы — деревьями, кости — камнями.

В некоторых вариантах мифа говорится, что из паразитов, ползающих по телу Пань- гу, получились люди. Но, как замечает один из исследователей китайской мифологии, «эта версия ущемляла человеческую гордость и поэтому не получила широкого распространения».

Гораздо чаще прародителями людей называют Фу-си и Нюй-ву — брата и сестру, которые жили на священной горе Кунолунь и стали мужем и женой. Нюй-ва родила некий бесформенный комок, разрезала его на мелкие кусочки и разбросала по всей земле. Там, где они упали, появились люди. Так Фу-си и Нюй-ва произвели на свет человечество.

На традиционных изображениях Фу-си и Нюй-ва представляются полулюдьми-полузмеями с переплетенными хвостами, что символизирует супружескую близость.

Однако о родственной и супружеской связи Фу-си и Нюй-вы говорится лишь в относительно поздних сказаниях, возникших на рубеже нашей эры. В древности же Фу-си и Нюй-ва были героями двух самостоятельных мифов, возникших в разных областях древнего Китая.

Имя Фу-си, предположительно, означает «устроивший засаду на жертвенных животных».

Фу-си родился в далекой, блаженной стране, до которой нельзя было добраться ни по суше, ни морем, а можно было только мечтать о ней. Жители этой страны были бессмертны, умели летать по воздуху, могли свободно ходить по воде и не сгорали в огне.

Матерью Фу-си была бессмертная красавица Хусюй-ши. Однажды, гуляя по берегу озера, она наступила на след, оставленный ногой бога грома Лэй-шеня, забеременела и родила Фу-си.

Каким образом Фу-си произвел на свет людей, в мифах особо не оговаривается. Скорее всего, это были просто его дети и внуки.

Фу-си научил людей охотиться и ловить рыбу, добывать огонь и варить пищу, изобрел «сэ» — музыкальный инструмент типа гуслей, рыболовную сеть, силки и прочие полезные вещи.

Кроме того, он начертил восемь триграмм — символических знаков, отражающих различные явления и понятия. В древности им приписывались магические свойства, а в наше время они известны под названием «Книга перемен» и используются для гадания.

Нюй-ва первоначально почиталась как прародительница племен, живших в среднем течении великой китайской реки Хуанхэ, но впоследствии превратилась в создательницу всего человечества.

Имя Нюй-ва до конца не расшифровано: «нюй» означает «женщина», а «ва» истолковывалось по-разному. Высказывалось предположение, что это значит «лягушка», в таком случае Нюй-ва,

возможно, является специфическим божеством дождевых луж.

О происхождении Нюй-вы в мифах не говорится ничего. Живший в IV веке до н. э. поэт Цюй Юань в своей книге «Вопросы к небу» спрашивает: «Кем был тот, кто создал самое Нюй-ву?» Так или иначе, Нюй-ва оказалась в еще безлюдном мире. Ее окружали горы, леса, реки, животные и птицы.

Однажды, сидя на берегу пруда, Нюй-ва взяла кусок глины и, глядясь в спокойную воду, как в зеркало, вылепила свое маленькое подобие.

Так появился первый человек. Он оказался разумным, веселым и дружелюбным существом и так понравился Нюй-ве, что она набрала еще глины и налепила множество людей.

Ей захотелось заселить людьми всю землю. Чтобы облегчить себе работу, она взяла длинную лиану, опустила ее в жидкую глину и встряхнула. Разлетевшиеся комья глины сразу же превратились в людей. Впоследствии стали говорить, что знатные люди были сделаны вручную, а простой народ — при помощи лианы.

Наконец, земля была заселена. Но люди, прожив свою жизнь, умирали, и Нюй-ве приходилось делать новых.

Она устала, а конца работе не предвиделось.

Тогда Нюй-ва разделила людей на мужчин и женщин, повелела им жить семьями и рожать детей.

Люди жили счастливой, безмятежной жизнью, не зная ни вражды, ни зависти. Земля в изобилии давала плоды, и людям не нужно было трудиться, чтобы прокормить себя. Родившихся детей укладывали, как в колыбель, в птичьи гнезда, и птицы забавляли их своим щебетом. Львы и тигры были ласковы, как кошки, а змеи — не ядовиты.

Но однажды дух воды Гун-гун и дух огня Чжу-жун поссорились между собой и начали войну. Дух огня победил, а побежденный дух воды в отчаянии так сильно ударился головой и гору Бучжоу, подпиравшую небо, что гора раскололась. Лишившись опоры, часть неба обрушилась на землю, проломив ее в нескольких местах. Из проломов хлынули подземные воды, сметая все на своем пути.

Нюй-ва бросилась спасать мир Она набрала камней пяти различных цветов, расплавила их на огне и заделала дыру в небе. В Китае существует поверье, что если приглядеться, то можно увидеть заплату на небе, отличающуюся по цвету. В другом варианте мифа Нюй-ва починила небо при помощи мелких блестящих камешков, которые превратились в звезды.

Затем Нюй-ва сожгла много тростинка, собрала в кучу образовавшийся пепел и запрудила водные потоки.

Порядок был восстановлен. Но после починки мир слегка перекосился. Небо склонилось к западу, и туда каждый день стали скатываться солнце и луна, а на юго-востоке образовалась впадина, в которую устремились все реки на земле. (В Китае действительно многие реки текут на юго-восток.) Теперь Нюй-ва могла отдохнуть. По одним вариантам мифа, она умерла, по другим — вознеслась на небо, где до сих пор живет в полном уединении.

Прошли годы и тысячелетия. Людей стало так много, что им уже не хватало для пропитания того, что само вырастало на земле.

Тогда с неба опустился бог солнца и лета Янь-ди.

В те времена земля и небо сообщались друг с другом при помощи лестницы. Люди могли свободно подниматься на небо и беседовать с богами, а боги опускались на землю, чтобы помочь людям.

Янь-ди научил людей обрабатывать поля и сеять злаки. Его изображали в виде человека с головой быка, поскольку бык на протяжении многих веков был главным помощником китайского крестьянина.

Янь-ди считался также богом врачевания, указавшим людям целебные травы. По преданию, чтобы отличить полезные травы от ядовитых, он сам перепробовал их все. В Китае хорошо известно очень ядовитое вьющееся растение дуань-чан, о котором до сих пор говорят, что им отравился сам Янь-ди.

Еще Янь-ди научил людей определять время по солнцу и обмениваться друг с другом плодами своего труда. Так появились первые рынки.

В давние времена, когда боги поделили между собой стороны света, Янь-ди был назначен владыкой Юга.

А владыкой Центра, главным над всеми богами, стал Хуан-ди.

Он тоже много помогал людям: изобрел топор, лук со стрелами, одежду и туфли, а также установил различия между мужским и женским костюмами, научил людей отливать колокола, копать колодцы, делать телеги и лодки.

Все боги почитали Хуан-ди как своего господина, и лишь Янь-ди считал себя ему равным.

Хуан-ди разгневался и лишил Янь-ди сана владыки Юга. У Янь-ди было много потомков, в том числе целое племя могучих великанов, живших на земле. Вождем этого племени был великан по имени Чи-ю. У него было человеческое тело, коровьи копыта, шесть рук и четыре глаза. На голове рос острый рог, а волосы за ушами стояли дыбом и были похожи на мечи и трезубцы.

Чи-ю был покровителем стихии железа и изобрел многие виды боевого оружия.

Чи-ю решил отомстить Хуан-ди за своего предка. Он собрал огромное войско, в которое вошли подвластные Чи-ю великаны с медными головами и железными лбами, злые духи, обитавшие в горах, лесах и реках, а также — одно человеческое племя, которое Чи-ю угрозами склонил к мятежу против великого бога.

Хуан-ди тоже собрал войско. Среди его воинов были боги, небесные духи и хищные звери — тигры, медведи, барсы и ягуары.

Битва была долгой и жестокой. Наконец Хуан-ди разбил войско Чи-ю, а его самого захватил в плен и обезглавил. Чтобы Чи-ю не мог возродиться снова, его тело и голову похоронили в разных местах. До сих пор в Китае показывают два высоких холма, считающихся могильными курганами Чи-ю.

Казнив Чи-ю, Хуан-ди покарал и его сторонников. Поскольку люди помогали Чи-ю, Хуан-ди дослал на землю небесное войско и истребил множество народа.

А затем боги, чтобы оградить себя от вмешательства людей в свои дела, разрушили лестницу, соединявшую небо и землю.

Теперь люди уже не могли прямо обращаться к богам, а лишь молились им и приносили жертвы. Поскольку боги были далеко, люди захотели править людьми. Началась борьба за власть, и сильные подчинили себе слабых, богатые — бедных, мужчины — женщин. Появились злоба и ненависть, нужда и тяжкий труд, горести и болезни.

Мифы о сотворении мира входят в репертуар народных сказителей до сих пор.

В начале 1960-х годов китайские фольклористы записали еще один вариант мифа о создании людей, несколько отличающийся от известных.

В этом варианте Фу-си и Нюй-ва пытались сделать людей из глины, но этому воспротивилась Мать-Земля — Диму-няннян: «Кто мог знать, что только примутся они задело, как явится к ним Матушка-Земля — Диму-няннян и скажет сердито: «Хотите человечков из глины делать? Нет ничего проще! Да только сразу вы мне урон нанесли. Ведь вам сколько глины надо, а где мне самой глины взять, чтобы яму, которую вы выроете, засыпать? Нет, раз уж решили продолжать род людской, должны вы стать мужем и женой!» Диму-няннян — очень архаичный образ, крайне редко встречающийся в письменных источниках, но сохранившийся в живой народной традиции.

27. СКАЗАНИЕ О НЕБЕСНОМ СТРЕЛКЕ И

Одним из самых популярных героев китайской мифологии является Хоу-И — Стрелок И.

В давние времена на небе было не одно солнце, а целых десять. Их отец — небесный владыка Ди-цзюнь — строго следил за тем, чтобы они восходили на небо по очереди, каждое в свой день. А так как братья-солнца были схожи между собой, то люди думали, что в небе всегда сияет одно солнце.

Но братьям надоело следовать заведенному издревле порядку, и однажды утром они поднялись из-за горизонта все вместе.

Засияли на небе десять солнц. Ослепительным светом заполнили все кругом, жгучим зноем иссушили землю. Загорелись посевы на полях, луговые травы и деревья в лесах, закипела вода в реках и озерах, стали плавиться камни и железные руды в недрах земли. Дикие звери, гонимые огнем из своих лесов, стали выходить к жилищам и нападать на людей. Великая беда пришла на землю.

Стали люди возносить молитвы небесному владыке Ди-цзюню, просить, чтобы избавил он их от неминуемой гибели.

Ди-цзюнь услышал молитвы и призвал к себе небесного лучника Хоу-И. Он подарил Хоу-И красный лук с белыми стрелами и послал стрелка на землю, приказав ему согнать непослушные солнца с неба и заставить их вернуться к установленному порядку. «Но горе тебе, — сказал Ди-цзюнь, — если причинишь ты им какой-нибудь вред!» Хоу-И отправился на землю. Увидел небесный стрелок выжженные зноем поля, иссохших от голода людей. Наполнилось его сердце жалостью к несчастным, распалилось гневом на виновных. Забыл Хоу-И, что небесный владыка велел ему лишь напугать непослушные солнца. Натянул он тетиву до самого уха, без промаха пустил стрелу в старшее солнце. Разбилось солнце на множество кусков, рассыпалось золотыми перьями, упало на землю мертвым золотым

вороном.

Девять раз стрелял Хоу-И, пока не осталось на небе только одно, последнее солнце. В гневе хотел Хоу-И убить и его, но люди испугались, что тогда наступит вечная тьма, и потихоньку вытащили из колчана небесного стрелка последнюю стрелу.

Утих зной, повеяло живительной прохладой. Земля была спасена.

Но Хоу- И не спешил возвращаться на небо. Он решил сразиться с чудовищами, жившими тогда на земле. Чудовищ было семь.

Прежде всего отважный Хоу- И уничтожил страшного быка. У него были голова дракона и лошадиные ноги, а голос — как у плачущего ребенка. Он обитал в самом центре страны и пожирал всякого, кто осмеливался приблизиться к нему. Затем Хоу-И убил чудовище, у которого был смертоносный клык, подобный бураву.

На реке Сюншуй Хоу-И сразил девятиголового зверя, изрыгавшего огонь и воду, а близ озера Цинцю подстрелил чудовищную птицу Дафэн, поднимавшую своими крыльями разрушительный ветер.

В бурных водах озера Дунтинху Хоу-И настиг огромного змея. Его спина была покрыта щетиной, а голос походил на стук колотушки. Хоу-И сразился со змеем среди бушующих волн и победил его. Кости змея, выброшенные на берег, превратились в холм, который до сих пор называют Бацю — Змеиный.

На горе Чунь-юй-феншань Хоу-И уничтожил еще одного змея — с красной головой и белым туловищем. Змей ревел, как бык, и его рев вызывал засуху.

И, наконец, Хоу-И изловил в дремучем лесу свирепогокабана-людоеда.

Так небесный стрелок избавил землю еще от семи напастей.

Люди благодарили и прославляли его, и сам Хоу-И был доволен собой. Но когда он вернулся на небо и предстал перед небесным владыкой Ди-цзюнем, тот обрушил на него свой гнев.

Ди-цзюнь не простил небесному стрелку убийства девяти солнц — своих сыновей — и сурово покарал его. Он лишил Хоу-И и его жену Чан-Э божественного сана, превратив их в смертных, и навсегда сослал на землю.

Хоу-И и Чан-Э поселились среди людей. Чан-Э не могла простить мужу, что по его вине она из небожительницы стала обычной женщиной. Ее сердце было слишком мало, чтобы вместить большое горе, и она постоянно упрекала и бранила Хоу-И.

Вскоре ему стало невмоготу, и он, покинув жену, стал вести бродячую жизнь. Известный исследователь китайской мифологии профессор Юань Ке замечает: «Тогда, наверное, еще не изобрели вино, а то бы он каждый день заливал вином свою тоску».

Однажды на берегу реки Ло Хоу-И встретил фею этой реки прекрасную Фу-фэй. Китайский поэт III века Цао Чжи так описывает ее красоту: «Она грациозна, как летящий лебедь или парящий в облаках дракон. Если смотришь на нее издали, — видишь сияние, подобное солнцу, поднимающемуся на небо в утреннем тумане. Если смотришь на нее вблизи, — она подобна белому лотосу, который распускается на зеленой волне».

Фу-фэй была женой речного духа Хэ-бо. Хэ-бо не ценил своей прекрасной жены и постоянно ей изменял. Каждый год он требовал себе в жертву красивую девушку. Несчастную облачали в дорогие одежды,

укладывали на узорную кровать и, под звуки музыки, вместе с кроватью бросали в воду.

Существует историческое предание о том, как правитель Симэнь Бао решительно искоренил этот жестокий обычай во вверенной ему местности.

Для церемонии жертвоприношения крестьяне облагались специальным денежным налогом, часть которого шла по назначению, а остальное присваивали себе местные чиновники, усердно ратовавшие за сохранение древнего обычая.

Однажды, когда все было готово к очередному жертвоприношению, Симэнь Бао вдруг заявил, что девушка, предназначенная для Хэ-бо, недостаточно красива и следует избрать другую, а перед Хэ-бо извиниться за задержку. С извинениями к сластолюбивому духу он счел нужным послать местных чиновников, приказав побросать их в воду.

Перепуганные чиновники упали перед правителем на колени, стали кланяться, в кровь разбивая себе лбы, и просить пощады. Симэнь Бао отпустил их по домам, с тех пор обычай жертвоприношения девушек речному духу перестал существовать.

Прекрасная Фу-фэй и Хоу-И полюбили друг друга. Они стали встречаться на берегу реки. Но Хэ-бо, много лет не обращавший на жену никакого внимания, теперь жестоко возревновал и стал чинить влюбленным козни, посылая шпионить за ними подвластных ему креветок, черепах и каракатиц.

Хэ-бо знал, что Хоу-И — непобедимый герой и опасался непосредственного столкновения с ним, но нередко, превратившись в белого дракона, издали наблюдал за женой и ее возлюбленным.

Однажды Хоу-И заметил подглядывающего Хэ-бо и метким выстрелом выбил ему левый глаз.

Хэ-бо отправился жаловаться богам. Боги прогнали его, сказав, что он сам навлек на себя наказание, дурно обращаясь с женой.

Горько заплакал Хэ-бо. Тогда мягкосердечная Фу-фэй пожалела своего беспутного окривевшего мужа, почувствовала свою вину перед ним и решила вернуться к нему, чтобы утешать его и поддерживать.

Печально простились Хоу-И и Фу-фэй — и расстались навеки.

Хоу-И отправился домой, где его ждала Чан-Э. Выслушав упреки жены за долгое отсутствие, Хоу-И вынужден был признать, что у нее есть основания сердиться. Он принял решение быть отныне для Чан-Э примерным мужем и сделать все возможное, чтобы вместе с ней снова обрести бессмертие и вернуться на небо.

Хоу-И знал, что на земле есть напиток бессмертия. Он хранится на неприступной горной вершине, у богини Си-ванму.

В древних мифах Си-ванму была чудовищем с хвостом барса и зубами тигра. Она насылала мор и ведала наказаниями, а от ее оглушительного свиста в ужасе разбегались дикие звери.

В более поздние времена Си-ванму превратилась в прекрасную и добрую деву, которой прислуживали три синие птицы.

Рядом с жилищем Си-ванму росло чудесное дерево. Раз в три тысячи лет оно цвело и приносило единственный плод, из которого делали напиток бессмертия.

Хоу-И отправился в далекий и трудный путь, преодолеть который еще никому не удавалось. Перед небесным стрелком встали огнедышащие горы, день и ночь изрыгающие пламя. Потом дорогу ему преградила река, в водах которой тонуло даже птичье перо. Но отважный Хоу-И прошел через огонь и через воду, поднялся на гору, вершиной достигающую неба, и оказался в жилище Си-ванму.

Богиня благосклонно выслушала историю небесного стрелка и его жены — и согласилась помочь. Она послала за напитком бессмертия одну из своих синих птиц, и та принесла тыкву-горлянку с чудесным снадобьем.

Си-ванму сказала, что напитка достаточно для того, чтобы сделать бессмертными вознести на небо одного человека. Если же разделить напиток на двоих, то оба хотя и обретут бессмертие, но останутся жить на земле.

Хоу-И, не колеблясь, решил разделить напиток с женой.

Вернувшись домой, он отдал тыкву с чудесным снадобьем Чан-Э и велел хранить до назначенного дня, когда они смогут выпить его пополам и стать бессмертными Но Чан-Э бессмертия казалось мало, она хотела вернуться на небо. Искушение было слишком велико, и однажды, когда Хоу-И не было дома, она достала тщательно спрятанную тыкву и выпила чудесный напиток.

Тело Чан-Э стало легким, и она полетела на небо. По пути ей стало стыдно и страшно. Она уже раскаивалась, что предала мужа, и боялась, что боги осудят ее за это.

Чан-Э решила укрыться на луне и там поразмыслить, как ей быть дальше. Но, едва коснувшись луны, Чан-Э превратилась в огромную жабу. Она навсегда осталась на луне, где кроме нее обитало только одно существо — белый заяц, который жил там с незапамятных времен и толок в ступе снадобье бессмертия для богов. Жаба и заяц со ступой — традиционные в Китае символы луны.

В более поздних вариантах мифа Чан-Э не превращается в жабу, а по-прежнему остается красавицей. Обреченная на вечное одиночество, она тоскует в лунном дворце. Поэт IX века Ли Шан-инь так выразил ее печаль: «Лазурное море, синее небо, и думы каждую ночь…» Лишившись жены и надежды на бессмертие, Хоу-И впал в мрачное отчаяние. Скорбь и гнев терзали его душу, жизнь казалась ему унылой и бесцельной. Однажды к Хоу-И пришел человек по имени Фэн-мэн и попросил научить его стрелять из лука. Хоу-И обрадовался, надеясь обрести не только ученика, ной друга.

Сначала он посоветовал Фэн-мэну добиться твердости взгляда. Фэн-мэн пошел домой, лег на пол под ткацким станом, за которым работала его жена, и стал неотрывно следить за челноком, сновавшим среди сотен нитей. Через год он уже мог, не мигая, смотреть на острие шила, поднесенного к самым глазам.

Тогда Хоу-И велел Фэн-мэну научиться видеть малое, как большое. Фэн-мэн привязал блоху к волоску из бычьего хвоста, подвесил в оконном проеме и стал пристально смотреть на нее против света. Прошло некоторое время, и Фэн-мэн уже видел блоху так подробно, как если бы она была величиной с тележное колесо.

После этого Хоу-И стал учить Фэн-мэна стрелять. Он передал ученику все, что знал сам, и Фэн-мэн стал искуснейшим стрелком.

Однажды учитель и ученик гуляли в поле и увидели в небе стаю гусей. Фэн-мэн прицелился и выстрелил. Пораженный в голову гусь упал на землю. Тогда вскинул свой лук Хоу-И. Он выстрелил, не целясь, и гусь упал, пораженный в глаз.

Фэн-мэн понял, что стреляет хуже учителя, и, подстрекаемый завистью, задумал его убить. Он подстерег Хоу-И, возвращавшегося с охоты, и, укрывшись за деревьями, пустил в него стрелу. Однако Хоу-И успел выстрелить навстречу, попав в острие летящей стрелы. Девять раз стреляли Фэн-мэн и Хоу-И, девять раз их стрелы, столкнувшись в воздухе, падали на землю. Но вот колчан небесного стрелка опустел, ау Фэн-мэна еще оставалась последняя, десятая, стрела Беззащитный стоял Хоу-И перед своим учеником, а Фэн-мэн целился ему прямо в горло.

Точно в цель полетела стрела, но Хоу-И поймал ее на лету зубами — и засмеялся. Великий стыд охватил Фэн-мэна. Со слезами попросил он у своего учителя прощения — и покинул его навсегда Хоу-И снова остался один. Свою тоску он стал вымещать на слугах, жестоко их тираня. Сначала слуги жалели Хоу-И, потом стали бояться его и, наконец, — возненавидели.

Когда их терпению пришел конец, они напали на небесного стрелка и убили его ударом дубины из персикового дерева.

Так погиб великий герой. После смерти Хоу-И стали почитать как божество Цзунбу, отгоняющее нечистую силу.

Сказания о Хоу-И и его жене Чан-Э не раз пересказывались в различных древнекитайских книгах, в том числе в знаменитой «Книге гор и морей».

Но само сказание возникло, несомненно, в более древние, чем книги, времена. Хоу-И и его жена связаны с небесными светилами, в некоторых вариантах мифа небесный стрелок является сыном Ди-цзюна, наравне с братьями-солнцами. Хоу-И спасает человечество от глобальной космической катастрофы, в которой повинны божества, уничтожает населяющих землю чудовищ. Все это древнейшие мифологические мотивы Изображения Хоу-И, стреляющего в солнце, и Чан-Э на луне в образе жабы встречаются на китайских каменных рельефах первых веков нашей эры.

28. ПАСТУХ И ТКАЧИХА

Мифы, объясняющие возникновение звезд и созвездий, называют астральными («астра» по-гречески — «звезда»). В астральных мифах обычно рассказывается о людях и предметах, так или иначе попавших на небо и превратившихся в звезды.

Хорошо известен поэтичный китайский миф о возникновении звезд, которые в Китае называют «Пастух» и «Ткачиха».

У небесного правителя Тянь-ди была дочь Чжи-нюй — искусная ткачиха. Она жила на берегу Серебряной реки, отделяющей небо от земли, и ткала воздушные облака из тончайшего шелка Шелк — одно из китайских изобретений, о возникновении шелковичного производства существует легенда. У одной женщины муж надолго уехал из дома. Она очень скучала по нему и как-то раз сказала, что отдаст свою дочь замуж за того, кто заставит ее мужа поскорее вернуться домой.

Эти слова услышал конь, стоявший в конюшне. Он оборвал привязь и поскакал в чужие края к своему хозяину. Тот, увидев взмыленного, проделавшего долгий путь коня, подумал, что дома стряслось какое-то несчастье, и поспешно вернулся домой, к великой радости жены. Она совсем забыла о своих неосторожных словах, но конь потребовал обещанную девушку.

Тогда хозяин взял лук и застрелил коня. Потом снял с него шкуру и положил ее сушиться во дворе. Когда дочь хозяина проходила через двор, конская шкура вдруг подпрыгнула, обернулась вокруг тела девушки и взлетела с ней на дерево. Девушка уменьшилась в размерах, превратилась в гусеницу-шелкопряда и начала тянуть бесконечную шелковую нить.

Эта легенда объясняет, почему голова гусеницы шелкопряда несколько напоминает лошадиную.

Впоследствии девушка стала божеством шелководства Цань-шень. Она подарила моток шелковой пряжи богине грома Лэй-цау, и той так понравилась чудесная пряжа, из которой можно было ткать прозрачную и невесомую ткань, что она начала разводить шелкопрядов.

Небесная ткачиха Чжи-нюй работала не покладая рук. Но изредка она поглядывала на дальний, земной, берег Серебряной реки. Однажды Чжи-нюй увидела там пастуха Ню- лана и полюбила его.

Отец разрешил ей выйти за пастуха замуж, и небесная ткачиха поселилась на земле.

Пастух Ню-лан был сиротой и долгое время жил в семье старшего брата, терпя голод и дурное обращение. Потом он построил собственный дом и стал жить самостоятельно. Жадный брат из всего имущества выделил ему только старого вола.

В более позднем варианте мифа, напоминающем скорее народную сказку, знакомство Ню-лана с невестой происходит в чисто сказочном ключе.

Однажды старый вол заговорил человеческим голосом и велел своему хозяину идти к Серебряной реке, Божество шелководства Цань-шэнь. где по определенным дням купалась Старинная китайская гравюра Чжи-нюй со своими сестрами.

Ню-лан послушался вола и отправился к Серебряной реке. Когда небесная ткачиха и ее сестры, раздевшись, вошли в воду, пастух спрятал одежду Чжи-нюй и вернул лишь в обмен на обещание стать его женой.

Выйдя замуж, Чжи-нюй родила двоих детей и целиком погрузилась в домашние хлопоты. Ей уже некогда было ткать облака из небесного шелка, она ткала одежду для мужа и детей из обычной пряжи.

Небесный правитель рассердился на дочь, забрал ее обратно на небо и, как прежде, заставил ткать облака.

Ню-лан отправился следом за женой. Он надеялся переправиться через Серебряную реку, попасть на небо и увести Чжи-нюй домой.

Но пастух не нашел Серебряной реки на прежнем месте — Тянь-ди поднял ее на небо. Опечаленный вернулся Ню-лан домой. Там его встретил старый вол и сказал: «Когда я умру, сними с меня шкуру и сделай из нее себе одежду. В ней ты сможешь подняться на небо».

Вскоре вол умер. Ню-лан сшил себе одежду из воловьей шкуры, надел ее, посадил своих детей в две корзины и повесил корзины через

плечо. Поскольку дочка была младше и легче сына, Ню-лан в ее корзину положил для равновесия ковш. Затем он оттолкнулся от земли и полетел на небо.

Ню-лан достиг берега Серебряной реки. Чжи-нюй стояла на другом берегу и протягивала к нему руки. Но тут по воле небесного правителя воды Серебряной реки забурлили, и переправиться через нее стало невозможно.

Тогда дочка, сидевшая в корзине, протянула отцу ковш, и Ню-лан стал вычерпывать реку.

Реки он не вычерпал, но решимость пастуха тронула небесного правителя, и он разрешил Чжи-нюй встречаться с мужем один раз в год в седьмой день седьмого месяца.

С тех пор каждый год к небесной Серебряной реке в этот день слетаются со всего света птицы-сороки. Их хвосты образуют прочный мост, и на середине моста встречаются Чжи-нюй и Ню-лан.

Пастух и Ткачиха стали звездами. Пастух — это звезды «бэта» и «гамма» из созвездия Орла, Ткачиха — звезда «альфа» из созвездия Лиры. Они совсем близко, но их разделяет Серебряная река — Млечный Путь.

Рядом с Пастухом — две маленькие звездочки — его дети, а чуть подальше — четыре звезды, образующие ткацкий челнок.

Однажды Ткачиха написала мужу письмо и перебросила через Серебряную реку, привязав к челноку. А Пастух привязал ответное письмо к пастушьему кнуту и перебросил жене. Рядом с Ткачихой в небе находятся три звезды, расположением напоминающие кнут.

История Пастуха и Ткачихи в Китае очень популярна, там существуют связанные с нею народные поверья и обычаи.

Считается, что в седьмой день седьмого месяца сороки пытаются плавать по воде. Анонимный автор старинной китайской книги «Записки о правах и обычаях» пишет: «Оказывается, они составляют мост, чтобы помочь ткачихе». Этот день в Китае, по традиции, считается днем влюбленных.

Сказание о Пастухе и Ткачихе, возникшее, вероятно, в конце I тысячелетия до н. э., не раз привлекало к себе поэтов. Существует много его поэтических переложений. Наиболее раннее было сделано в книге «Девятнадцать древних стихотворений» во II веке до н. э.:

Далеко, далеко в выси неба звезда Пастух,
И светла, и светла ночью Дева, где Млечный Путь.
И легки, и легки взмахи белых прекрасных рук.
И снует, и снует там на ткацком станке челнок…

(ПереводЛ. Эйдлина)

ЯПОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Самое раннее систематическое изложение японских мифов содержится в сочинении VIII века «Кодзики» — «Записи о делах древности».

Японский пантеон очень обширен. Мифы утверждают, что существует «восемь миллионов», то есть бесчисленное множество, богов.

В отличие от большинства мифологических систем в японской мифологии нет понятия первоначального хаоса, и земля существует с самого начала, но пребывает в воде в полужидком состоянии, напоминая медузу. Первые божества появились сами собой и не имели никакого облика, «не дали себя увидеть». От этих абстрактных богов родились бог Идзанаки и богиня Идзанами. Они были уже антропоморфны, их имена, предположительно, означают «первый мужчина» и «первая женщина».

Идзанаки и Идзанами поднялись на мост, перекинутый через небесный поток, и стали копьем размешивать мировые воды. От этого земля загустела, — и появился остров. Идзанаки и Идзанами поселились на нем, вступили в брак и породили Восемь островов — Японию, а потом богов — покровителей различных природных явлений. Последним явился бог огня Кагуцути. Он вырвался из чрева Идзанами в виде пламени, отчего ее тело обуглилось и она умерла.

Идзанами сошла в царство мертвых — Страну Желтого источника и стала там владычицей.

Идзанаки отправился следом за женой, надеясь вернуть ее на землю, но его глазам предстало страшное зрелище: из всех частей почерневшего тела Идзанами ежеминутно рождались сонмы злобных демонов. Идзанаки в ужасе бежал прочь, но Идзанами, оскорбленная его испугом, пустилась за ним в погоню во главе порожденных ею демонов.

Идзанаки бросил за спину гребень, превратившийся в бамбуковый лес, затем шапку, ставшую зарослями винограда. Эти препятствия задержали преследователей, и Идзанаки выбрался из царства мертвых. Он объявил Идзанами, что отныне расторгает их брак.

Идзанами сказала: «Мой любезный супруг, если ты соизволишь так поступить, я задушу в один день тысячу человек из этой людской поросли в твоей стране. (Откуда взялась на земле «людская поросль» — в мифах не говорится.) Идзанаки ответил: «Моя любезная супруга, если ты изволишь так поступить, я сооружу в один день тысячу пятьсот домиков для рожениц в моей стране».

Таким образом Идзанами становится темным началом, враждебным людям, а Идзанаки — светлым.

Вернувшись из царства мертвых, Идзанаки совершил обряд очищения, омывшись водой, из которой затем родилось множество новых богов, в том числе из воды, омывшей его левый глаз — богиня солнца Аматэрасу, из воды, омывшей правый глаз — бог луны Цукиеми, из воды, омывшей нос — бог ветра и водной стихии Сусаноо. Идзанаки разделил между этими тремя божествами всю Вселенную. Но Сусаноо, недовольный разделом, стал бесчинствовать во владениях своей сестры, богини Аматэрасу. Он разрушил ограду ее рисовых полей, вытоптал огород, снес крышу с ткацкой мастерской. Рассерженная богиня солнца удалилась в небесную пещеру. Мир погрузился в холод и мрак.

Боги умоляли ее вернуться, они принесли ко входу в пещеру священное зеркало, магическое ожерелье и чудесную птицу, поющую по утрам — петуха, но богиня отказалась даже взглянуть на приношения.

Тогда боги зажгли факелы и при их свете стали исполнять священные песни и пляски. Одна из богинь, Амэ-но-Удзумэ, вскочила на

перевернутый медный котел и начала плясать на нем — медь гудела под ее ногами. Увлекшись пляской, богиня сбросила с себя одежду. Это зрелище показалось богам настолько потешным, что они громко расхохотались. Аматэрасу стало любопытно, отчего они так веселятся, и она выглянула из пещеры. Бог Амэ-но Тадзикарао схватил ее за руку — и вытащил наружу. Солнце вновь засияло на небе.

А Сусаноо боги изгнали на землю. На земле он победил восьмиголового и восьмихвостового змея и женился на девушке, которую этот змей собирался пожрать.

Один из потомков Сусаноо, О-Куни Нуси, что означает «бог-хозяин большой страны», взрастил на земле деревья и травы, научил людей исцелять недуги и защищаться от несчастий.

Затем О-Куни Нуси передал власть над землей потомку богини солнца Аматэрасу — богу Ниниги.

Праправнук Ниниги — Дзимму был смертным человеком, и стал первым японским императором.

Мифология занимала значительное место в японской культуре. Мифологические образы получили дальнейшее развитие в народных легендах, многие из которых впоследствии послужили основой для произведений классической японской литературы.

29. УРАСИМА И ЧЕРЕПАХА

Легенда о рыбаке Урасиме, побывавшем на дне моря, очень популярна в Японии.

Подводное царство — «Ватацуми-но куни» — в японской мифологии является одним из воплощений «иного мира», противоположного миру людей. В подводном царстве одновременно сосуществуют все четыре времени года, и само время течет иначе, чем на земле По законам мифологии, человек, переступивший границу двух миров, нарушает равновесие между ними и уже не может вернуться в свой прежний мир.

Легенду об Урасиме иногда называют мифом, иногда — сказкой, хотя мифологическое начало в ней преобладает.

Время возникновения этой легенды неизвестно, но есть указание на то, что в VIII веке, когда на ее сюжет была написана стихотворная баллада, включенная в сборник «Манесю», саму легенду уже считали очень древней. В давние времена жил на берегу моря молодой рыбак Урасима.

Однажды под вечер он возвращался домой с хорошим уловом и увидел, что мальчишки поймали черепаху и гоняют ее по песку, подстегивая прутом.

Рыбак пожалел черепаху, отобрал ее у мальчишек и отпустил вморе.

На другой день Урасима, как обычно, отправился ловить рыбу Только вышел он на лодке в море, как из воды показалась спасенная им вчера черепаха и сказала: «Спасибо тебе, Урасима, за то, что избавил меня от верной гибели. Знай, я не простая черепаха, а любимая служанка и подруга морской царевны, прекрасной Отохимэ. Моя госпожа прислала меня за тобой, она хочет сама поблагодарить тебя за твою доброту ко мне».

Урасима сел на спину черепахи, и они спустились в подводноецарство.

Там Урасиму встретили морские жители — рыбы, креветки и черепахи, почтительно ему поклонились и проводили в подводный дворец, построенный из жемчужин и украшенный кораллами. Во дворце его ждала

морская царевна, прекрасная Ото-химэ.

Царевна поблагодарила рыбака за спасение ее любимой служанки и подруги и попросила быть гостем в подводном царстве.

В честь Урасимы устроили веселый пир, а потом Ото-химэ повела его в свой сад, где были собраны все диковины подводного мира. Там росли волшебные травы, цвели неведомые на земле цветы, мерцали жемчужины и сияли драгоценные камни.

На восточный стороне сада царила весна, расцветали вишни и сливы, пел соловей. На южной — было лето, деревья шелестели зеленой листвой, в траве стрекотали цикады. На западе цвели осенние хризантемы и падали золотые кленовые листья; на севере черные ветви деревьев и кустов сгибались под тяжестью снега, а ручьи были скованы прозрачным льдом.

Целый день любовался Урасима подводными чудесами, а к вечеру начал собираться домой. Нэцкэ из слоновой кости Х1Хв.

Опечалилась прекрасная Ото-химэ и стала просить Урасиму не покидать подземного царства, а остаться в нем навсегда. Но Урасима сказал: «В твоем царстве очень красиво, царевна, но мой дом — на земле. Я должен ловить рыбу и кормить своих старых родителей».

Тогда царевна подарила Урасиме шкатулку, украшенную драгоценной яшмой, но не велела ее открывать, иначе случится большая беда.

Поблагодарил Урасима царевну, и черепаха вынесла его на берег.

Пришел рыбак домой, а дома его встречают незнакомые люди. Удивился Урасима, стал спрашивать, кто они такие и куда подевались его родители.

Люди сначала не могли взять в толк, о чем он говорит, а потом вспомнили, что слыхали от дедов о молодом рыбаке, жившем здесь семьсот лет тому назад, который пошел однажды ловить рыбу, да так и невернулся.

И тогда понял Урасима, что провел в подземном царстве не один день, как ему казалось, а семь столетий.

Урасима пошел на берег моря и сел на прибрежном песке, не зная, что же ему теперь делать.

Он вспомнил о шкатулке, которую ему подарила царевна. Урасима подумал: «Какая еще беда может со мною случиться?» — и открыл крышку.

Из шкатулки вылетело прозрачное облако — и коснулось лица Урасимы. Сразу же прошли мимо него семь веков, из юноши он превратился в дряхлого старца, и душа покинула его тело.

30. ЛУННАЯ ДЕВА

Поэтическая история о Лунной деве, попавшей на землю, но затем вынужденной вернуться в свое лунное царство, корнями уходит в древние мифы. Однако известна она, главным образом, из «Повести о старике Такэтори», написанной в первой половине IX века.

До начала IX века в Японии не существовало собственной письменности — японцы пользовались китайскими иероглифами. Первым литературным прозаическим произведением, написанным японскими иероглифами, стала «Повесть о старике Такэтори», в основе которой — древняя легенда.

Эта повесть, как и сама легенда, пользовалась в Японии огромной популярностью. Водном из романов XI века герои беседуют о литературе и, в частности, говорят: «Мы признаем, что с того времени, когда была создана «Повесть о старике Такэтори», сменилось столько людских поколений, сколько было коленьев в чудесном бамбуке, из которого родилась Кагуя-химэ. Но пусть это старинное сказание — древний ствол, не дающий новых ростков, оно словно переносит нас в век богов, так пленяет нас своей возвышенной душой ее героиня — Лунная дева Кагуя-химэ».

В полнолуние гуляла дочь Лунного царя по лунному саду, оступилась и упала на землю, в густые заросли молодого бамбука. Лунная царевна была ростом меньше рисового зернышка — она попала в полый бамбуковый стебель и осталась там до утра.

Утром пришел в рощу старик-крестьянин по имени Такэтори. Он жил в ближайшей деревне и кормился тем, что плел на продажу корзины из бамбука. Нарезал старик Такэтори бамбуковых стеблей, отнес их домой и, усевшись на пороге своей хижины, принялся за обычную работу.

Взял Такэтори один бамбуковый стебель и только хотел его согнуть, как услышал нежный голосок: «Приветствую тебя, почтенный Такэтори!» Огляделся старик по сторонам — никого не увидел. Заглянул в бамбуковый стебель — и увидел крохотную девушку. Выбралась девушка из бамбукового стебля, учтиво поклонилась Такэтори и сказала: «Верно, суждено мне стать твоей дочерью».

С того дня поселилась Лунная царевна в хижине старого Такэтори.

Прошло немного времени — царевна подросла и стала ростом с обычную девушку. Необычной была только ее светлая красота. Старик назвал свою приемную дочь Наетакэ-но Кагуя-химэ, что значит «Светлая дева, стройная, как бамбук».

Слава о ее красоте разнеслась по всей округе, и к прекрасной Кагуя-химэ стали свататься женихи. Однако красавица объявила, что не хочет выходить замуж.

Женихи смирились с отказом, и лишь трое из них — самые знатные — два принца, один по имени Исицукури, другой — Курамоти и министр Абэ-но Ми-мурадзи продолжали настаивать на своем сватовстве.

Тогда Кагуя-химэ сказала им: «Я выйду замуж за того из вас, кто выполнит трудную задачу и тем самым докажет свою любовь ко мне».

Принца Исицукури она попросила привезти из далекой Индии с Черной горы чашу для подаяний, с которой ходил сам Будда; принца Курамоти — добыть золотую ветку с жемчужными листьями и ягодами с дерева, растущего на священной горе Хорай; министра Абэ-но Мимурадзи — отыскать в Китае платье, сотканное из шерсти огненной крысы.

Опечалились женихи, невыполнимыми показались им задачи прекрасной Кагуя-химэ, но, подумав, каждый из них решил пойти на хитрость.

Принц Исицукури выждал время, потребное для путешествия в Индию, купил красивую чашу, положил ее в мешочек из парчи, привязал к ветке с искусственными цветами и послал Кагуя-химэ. Посмотрела красавица на чашу и сразу догадалась, что это не та, о которой она просила: чаша Будды должна была светиться, как светлячок.

Кагуя-химэ вернула чашу принцу Исицукури и послала ему такиестихи:

«Капля одна росы
Ярче сияет утром
Дивной чаши твоей.
Зачем ты ее так долго
Искал на Черной горе?»

(Перевод В. Марковой)

Принц Курамоти снарядил корабль и сделал вид, что отправляется в плаванье к священной горе Хорай, но через три дня тайно вернулся и заказал самому искусному златокузнецу золотую ветку с жемчужными листьями и ягодами.

Когда ветка была готова, Курамоти уложил ее в дорожный сундук, оделся в дорожное платье, чтобы все думали, что он только что вернулся из далекого путешествия, и отправился к Кагуя-химэ.

Увидала красавица чудесную ветку, и сердце ее чуть не разорвалосьот горя: неужели придется ей выйти замуж за принца Курамоти?

Но тут появился златокузнец со своими подмастерьями и сказал принцу: «Господин! Ты заказал нам ветку с жемчужными листьями и ягодами. Мы исполнили работу, а ты нам не заплатил. Мы хотим получить обещанную тобою плату!» Принц Курамоти едва не сгорел со стыда, а Кагуя-химэ вернула ему ветку и сказала:

«Я думала: истина!
Поверила я…
Все было поддельно:
Жемчужины слов
И жемчужные листья».

А министр Абэ-но Мимурадзи написал письмо знакомому китайскому торговцу, чтобы тот за любые деньги купил и прислал ему красивое платье с огненным отливом.

Вскоре торговец прислал Абэ-но Мимурадзи платье, какое онпросил.

Абэ-но Мимурадзи уложил платье в драгоценный ларец и послал Кагуя-химэ. Девушка сказала: «Если это платье и впрямь соткано из шерсти огненной крысы, оно не сгорит в огне», и бросила его в пламя очага. Платье вспыхнуло и сгорело дотла.

Кагуя-химэ отослала министру Абэ-но Мимурадзи обратно ларец, вложив в него листок со стихами:

«Ведь знал же ты наперед,
Что в пламени без остатка
Сгорит этот дивный наряд.
Зачем же, скажи, так долго

Питал ты огонь любви?»

Так Кагуя-химэ избавилась от нежеланных женихов.

Но вскоре о ее несравненной красоте прослышал сам молодой император. Он пожелал взглянуть на красавицу и послал за ней придворных дам. Но Кагуя-химэ отказалась явиться к императорскому двору.

Тогда император сам отправился в хижину старого Такэтори. Едва он вошел, Кагуя- химэ проворно закрыла лицо рукавом, но император успел увидеть ее и полюбил с первого взгляда, а она полюбила его.

Император стал просить красавицу стать его женой, но Кагуя-химэ ответила: «О, если бы я родилась здесь, на земле! Но я — существо иного мира и не могу быть женой человека».

Опечаленный вернулся молодой император во дворец. С того дня прекраснейшие из женщин потеряли в его глазах свою прелесть. Он грезил о прекрасной Кагуя-химэ, наблюдал, как одно время года сменяется другим, и сочинял печальные стихи.

Между тем Лунный царь давно искал свою пропавшую дочь. Наконец, он нашел Кагуя- химэ и послал за ней своих слуг.

Горько заплакала Кагуя-химэ и стала просить: «О, позвольте мне остаться здесь еще хотя бы на один год, на один короткий год! Позвольте побыть еще немного с моим добрым названным отцом!» Но посланцы Лунного царя сказали: «Нельзя, царевна! Мы принесли тебе кимоно из перьев белой птицы, надень его — и ты позабудешь все, что привязывает тебя к земле. А еще мы принесли тебе напиток бессмертия, выпей его — и ты станешь бессмертной, какой была прежде, до того, как попала клюдям».

Лунная царевна со слезами попрощалась со старым Такэтори. Потом она сказала: «Подождите еще немного! Я должна написать прощальные слова одному человеку, прежде чем позабуду все, что привязывает меня к земле».

Она взяла кисть и написала стихи:

«Разлуки миг настал.
Сейчас надену я
Пернатую одежду,
Но вспомнился мне ты -
И плачет сердце».

Окончив писать, Кагуя-химэ отпила половину напитка бессмертия, а вторую половину и прощальные стихи велела отослать молодому императору.

Затем она сбросила свое земное платье, накинула на себя кимоно из перьев белой птицы и, освободившись от всего земного, покинула землю и улетела в Лунную страну.

А молодой император, прочитав прощальное послание Кагуя-химэ и получив ее последний дар, написал такие стихи:

«Не встретиться нам вновь!

К чему мне жить на свете?
Погас твой дивный свет.
Увы! напрасный дар -
Бессмертия напиток».

Листок со своими стихами он прикрепил к сосуду с напитком бессмертия, поднялся на самую высокую в Японии горную вершину, чтобы быть поближе к небу, и поджег чудесный напиток.

Ярким пламенем вспыхнули стихи молодого императора, легким дымом улетели к той, для которой были написаны.

А напиток бессмертия с тех пор неугасимым огнем горит на горной вершине, и эту гору стали называть Фудзи, что значит «Гора бессмертия».

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Исследователи древнегреческой мифологии разделяют процесс ее развития на два периода: до олимпийский и олимпийский.

К древнейшему — до олимпийскому — периоду относятся мифы о хтонических (от греческого слова хтон — земля) божествах. Хтонические божества связаны со стихийной, производительной силой земли и с подземным миром — царством мертвых.

Большинство богов олимпийского, называемого также классическим, греческого пантеона имеют хтоническое происхождение, но со временем их образы переосмыслялись, приобрели новые черты. Вмифах олимпийского периода стихийная, неуправляемая мощь хтонических божеств сменяется упорядоченной, разумно выстроенной властью богов-олимпийцев.

Праматерью всех богов греки считали Гею — богиню земли.

Возникнув из первобытного хаоса, она породила небо — Урана. От брака Геи и Урана произошли горы и моря, а также двенадцать титанов — шестеро сыновей и шесть дочерей. Титаны были огромного роста и обладали необыкновенной силой. Старшим среди них был Океан — бог великой реки, омывающей землю.

После титанов Гея и Уран породили шестерых чудовищных великанов — троих гекатонхейров, что значит «сторукие», и троих одноглазых циклопов.

Уран испугался порожденных им чудовищ и заточил их в недра земли, отчего Гея тяжко страдала. Она возненавидела Урана и, желая предотвратить появление новых, еще более страшных детей, приказала младшему из титанов, Крону, оскопить — отца. Из капель крови оскопленного Урана, упавших в море, родилась Афродита. Образ Афродиты в процессе развития греческой мифологии претерпел, пожалуй, наиболее значительные изменения. Будучи одним из древнейших божеств, первоначально Афродита олицетворяла стихийную производительную силу природы. Но в олимпийский период она превратилась в златокудрую красавицу — богиню красоты и любви. В более поздних мифах говорится, что она родилась из морской пены, и ее имя часто переводят как «Пеннорожденная».

Изувечив отца и свергнув его с престола, Крон воцарился над миром Он взял в жены одну из своих сестер, титаниду Рею. Однако, Крон опасался, что кто-нибудь из его сыновей свергнет с престола его самого.

Поэтому он приказал Рее приносить ему всех рожденных ею детей и проглатывал их Рея была вынуждена покорно смотреть, как гибнут ее дети в утробе их отца. Но однажды она решила обмануть Крона. Вместо только что родившегося сына Зевса она подсунула мужу завернутый в пеленки камень. Крон проглотил его, не разворачивая, и таким образом Зевс остался жив. Рея тайно отправила сына на остров Крит, где он вырос, вскормленный молоком чудесной козы Амалфеи.

Возмужав, Зевс женился на мудрой океаниде — дочери Океана, которую звали Метида, и по ее совету опоил Крона колдовским зельем. Под действием этого зелья Крон извергнул своих проглоченных детей, а также и камень, который проглотил вместо Зевса. (Греки считали этим камнем один из больших камней в Дельфах и называли его «пуп земли».) Зевс и его братья-боги начали войну со своим отцом Кроном и дядьями-титанами. Эта война продолжалась десять лет.

Местом обитания титанов была Орфийская гора. Боги, возглавляемые Зевсом, поселились на, предположительно, горе Олимп. Отсюда появилось название «боги- олимпийцы». В войне богов и титанов Гея помогала богам. На их сторону перешли также некоторые титаны — могучий Океан, богиня справедливости Фемида, ее сын Прометей. По совету Прометея Зевс освободил из заточения сторуких гекатонхейров и одноглазых циклопов. Благодарные циклопы подарили Зевсу огненные молнии и бьющие без промаха стрелы, которые они выковали в недрах земли, а гекатонхейры приняли участие в сражении против титанов. Титаны не смогли устоять против сторуких чудовищ и были побеждены. Зевс приказал заковать побежденных титанов и своего отца Крона в цепи и вверг их в Тартр — мрачное царство мертвых.

В более поздних вариантах мифа говорится, что Зевс после своей победы примирился с Кроном, тот удалился на Остров Блаженных и стал там царем. Имя Крона созвучно греческому слову «хронос» — «время», поэтому его нередко представляют божеством неумолимого времени и изображают в образе старца с крыльями и косой. Зевс утвердился на Олимпе и стал главой олимпийских богов. Миф о борьбе богов и титанов исследователи толкуют двояко — или как победу разумного, упорядоченного начала над хаосом, или, более конкретно, как победу греческих племен над более древним населением территории, ставшей потом Греческим государством.

После победы над титанами Зевс и два его брата, Посейдон и Аид, разделили мир между собой: Зевс стал владыкой неба (его имя означает «светлое небо»), Посейдон — моря, Аид — подземного царства Первоначально Зевс был богом-громовержцем, повелителем стихий, но со временем он превратился в мудрого царя, управляющего богами и людьми, сохранив, впрочем, эпитет «громовержец».

От множества жен Зевс имел несчетное количество детей. Его потомки уже не были связаны с первобытными стихийными силами, а покровительствовали различным областям упорядоченной жизни, в которой появились законы, нормы морали, наука и искусство.

От Фемиды у Зевса родились горы — богини времен года и размеренного течения жизни богов и людей, а также мойры — богини судьбы. Одна из мойр, Лахесис, назначает каждому при рождении жребий,

вторая, Клото, прядет нить его жизни, третья, Атропас, в назначенный час перерезает ее. Изменить судьбу, предначертанную мойрами, не в силах ни люди, ни боги.

Океанида Эвринома родила Зевсу дочерей-харит — богинь радости и веселья, а богиня памяти Мнемозина — девять муз — покровительниц искусств.

Главной женой Зевса была его сестра Гера — богиня законного супружества. Ее имя, предположительно, означает «охранительница», «госпожа». В олимпийский период, когда в мире утвердился патриархат, Гера занимает второстепенное положение жены верховного бога, но первоначально она была самостоятельным и значительным божеством. Постоянные ссоры Геры с Зевсом, ее ревность могут трактоваться как проявление скверного характера, но скорее всего в них отразилась ее первоначальная сущность всесильного женского божества, богини-матери.

Гера самостоятельно, без участия мужа, породила Гефеста — бога огня и кузнечного ремесла.

Гефест в большей степени, чем другие олимпийские боги, связан со стихийными силами. Будучи богом — покровителем ремесла, богом-художником, он в то же время сохранил функции повелителя огненной стихии. Хотя в мифах Гефест чаще всего выступает в качестве второстепенного персонажа, почитание его в Греции было чрезвычайно велико. В отличие от богов-олимпийцев (но в соответствии со своей хтонической природой) Гефест наделен безобразной внешностью. Гера, увидев, что рожденный ею ребенок нехорош собой, сбросила его на землю. После этого падения Гефест стал еще и хромым.

Вторично его сбросил на землю Зевс, когда Гефест во время очередной ссоры Зевса с Герой встал на защиту матери.

Женой Гефеста была прекрасная Афродита. Она постоянно изменяла своему безобразному мужу, от ее связи с богом войны Аресом родился бог любви Эрот.

Культ Эрота был чрезвычайно древним. В одной из областей Греции, Беотии, Эрота почитали в образе необработанного камня. Эта древнейшая форма поклонения сохранялась и в период классической Греции, когда в той же Беотии уже существовали знаменитые скульптуры Эрота в виде прекрасного юноши, изваянные великими греческими скульпторами Праксителем.

Одно из самых почитаемых божеств греческого пантеона — дочь Зевса Афина, богиня мудрости и честной войны (в отличие от Ареса — бога «войны коварной, вероломной»).

Афина родилась необычным образом. Однажды Зевсу предсказали, что он должен опасаться своего еще нерожденного сына, который, по семейной традиции, посягнет на его власть. Чтобы избежать опасности, Зевс проглотил одну из своих жен, беременную в то время Метилу. Но злополучная Метида была беременна не сыном, а дочерью, что в скором времени обнаружилось: в один прекрасный день эта дочь, Афина, в полном боевом вооружении появилась на свет из головы Зевса.

«Метида» — значит мысль. Постепенно физическое материнство Метиды стало восприниматься как символическое, и Афину стали считать порождением мысли Зевса. Ее атрибуты — символы мудрости — сова и

змея. Священное изображение Афины, так называемый палладиум, по преданию, упало на землю с неба, поэтому ее часто почитали под именем Паллады.

Афина была покровительницей государственности, а также всевозможных ремесел, особенно ткачества, в котором сама была весьма искусна. К этому своему умению она относилась ревниво и однажды превратила в паука молодую ткачиху Арахну, которая осмелилась вызвать богиню на состязание в мастерстве и одержала верх. Афине приписывается изобретение флейты, на которой она научила играть Аполлона.

Аполлон был сыном Зевса и титаниды Лето. Гера, узнав, что супруг в очередной раз ей изменил, запретила твердой земле принимать свою беременную соперницу. Лето удалилась на плавучий остров Делос и там, под пальмой, которую потом стали считать священной, родила близнецов — сына Аполлона и дочь Артемиду.

Аполлон — светлое божество, покровитель красоты и изящных искусств, предводитель муз. Иногда его называют богом солнца.

Но таким он становится лишь в олимпийский период. В древности же он был грозным божеством, дарующим как жизнь, так и смерть. Память о разрушительных, губительных свойствах Аполлона отчасти сохранилась и в его новом образе. Один из атрибутов Аполлона — лук. Выстрелом Аполлона греки объясняли чью-нибудь внезапную смерть.

Аполлон был также покровителем прорицателей. Главное святилище Аполлона — основанный им самим храм в Дельфах — известен под названием Дельфийского оракула. Восседавшая там на треножнике жрица-пифия отвечала на все вопросы и изрекала предсказания от лица самого Аполлона.

Сестра Аполлона Артемида — богиня охоты, первоначально была связана с миром дикой природы, считалась покровительницей лесных зверей и иногда представлялась в образе медведицы. (Одно из толкований ее имени — «медвежья богиня».) Позже ее стали изображать в виде прекрасной юной охотницы, в сопровождении толпы нимф преследующей дичь по лесам и горам.

Если Аполлон был воплощением солнца, то Артемиду связывали с луной. Иногда она отождествлялась с Гекатой — богиней колдовских чар.

Артемида — богиня-девственница, покровительница целомудрия. Она отвергла любовь Зевса, а однажды превратила в оленя охотника Актеона, увидевшего ее во время купания.

Впрочем, существует более поздний миф о тайной любви Артемиды к прекрасному юноше Эндимиону, которого она погрузила в вечный сон, чтобы сохранить ему вечную молодость.

Еще одним сыном Зевса был Дионис — бог плодородия, виноградарства и виноделия.

Гера, узнав, что будущая мать Диониса, фиванская царевна Семела, беременна от Зевса, коварно посоветовала ей попросить бога-громовержца явиться перед ней во всем своем величии. Зевс, некогда опрометчиво пообещавший Семеле исполнить любое ее желание, не смог отказать ей в просьбе и предстал перед ней в окружении блистающих молний. Несчастная царевна была испепелена на месте исходящим от них жаром.

Зевс успел выхватить из пламени недоношенного младенца и зашил его в свое бедро. В положенное время шов разошелся и на свет появилсяДионис.

Дионис (другое его имя Вакх) научил людей виноградарству и виноделию. Он шествовал по земле в сопровождении свиты — пьяных вакханок — своих жриц и козлоногих сатиров, пляшущих и играющих на музыкальных инструментах. Такие шествия называли оргиями (от греческого слова «орге» — возбуждение). Считается, что из дионисовых оргий возникли первые театральные представления.

Кроме богов-олимпийцев, в греческой мифологии существовали низшие божества, обитавшие на земле и олицетворявшие силы природы — нимфы и сатиры.

По-гречески «нимфа» — девушка. Нимфы были прекрасными, вечно юными существами. Нимфы вод назывались наядами, гор — ореадами, лугов — лимониадами, лесов — дриадами.

Культ нимф был развит повсеместно. У них не было храмов, им поклонялись в лесах, гротах, у источников. Крестьяне приносили им в жертву первые плоды земли, рыбаки — сети, девушки, ставшие невестами, — кукол, которыми играли в детстве.

На лугах, в лесах и горах обитали и сатиры — существа с телом человека и козлиными ногами. В отличие от кротких и благожелательных нимф, сатиры чинили мелкие пакости крестьянам, крали коз и овец, морочили путников блуждающими огоньками.

Главный среди сатиров — Пан. Однажды он влюбился в прекрасную нимфу Сирингу, и та, чтобы спастись от его преследований, превратилась в тростник. Пан сделал из стебля тростника свирель, ставшую любимым музыкальным инструментом греческих пастухов; она до сих пор называется сиринга.

На земле существовало племя кентавров — полулюдей-полуконей. Когда-то царь племени лапифов Иксион домогался любви самой Геры.

Зевс создал облако, которое могло принимать облик Геры, и подарил Иксиону. Это облако породило кентавров. Они обладали буйным нравом, вели бесконечную войну со своими соседями и родственниками лапифами, пьянствовали и похищали женщин.

Но один из кентавров, Хирон, происхождением и нравом отличался от своих соплеменников. Хирон был сыном Крона, братом самого Зевса. Однажды Крон, застигнутый своей женой Реей во время любовного свидания с океанидой Филирой, от неожиданности превратился в коня. Поэтому Хирон, рожденный Филирой, оказался кентавром.

Хирон был наделен мудростью, благородством, глубокими познаниями в самых разных областях и выдающимся педагогическим талантом. Он стал воспитателем таких знаменитых мифологических героев, как Язон и Ахилл, обучал лекарскому искусству самого бога врачевания Асклепия.

Мифы Древней Греции известны лучше, чем мифы какого-либо другого народа. Объясняется это тем, что уже сами древние греки начали собирать, систематизировать и записывать свои мифы.

Основным источником сведений по греческой мифологии являются поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». В них, наряду с героями, действуют боги.

Споры о том, является ли Гомер исторической личностью или же это собирательный образ народного певца-сказителя, начались еще во времена античности. Высказывались разные мнения о предполагаемом времени его жизни: одни считали Гомера современником Троянской войны (XIII век до н. э.), другие утверждали, что он жил в более поздние времена, называя разные эпохи, вплоть до VII века до н. э. Честь называться родиной Гомера оспаривали другу друга семь греческих городов, причем в разных источниках перечисляются разные города.

«Гомеровский вопрос» не получил окончательного разрешения до сих пор. Современная наука осторожно называет Гомера полулегендарным древнегреческим поэтом, которому приписывается создание величайших произведений античной и мировой литературы «Илиада» и «Одиссея».

В VII веке до н. э. древнегреческий поэт Гесиод создал поэму «Теогония», что значит «родословная богов». Знаменитый историк Геродот писал: «Гесиод и Гомер составили для эллинов родословную богов, снабдили имена божеств эпитетами, поделили между ними достоинства и занятия и начертали их образы».

В V веке до н. э. появляются писатели-мифографы, которые специально занимаются изложением мифов. Наиболее известная книга такого рода — «Мифологическая библиотека» Аполлодора Афинского.

Мифы часто упоминаются в сочинениях древнегреческих историков и философов, на мифологические сюжеты создавали произведения древнегреческие поэты и драматурги.

Сами греки в разные времена по-разному относились к своиммифам.

В глубокой древности сказания о богах безоговорочно принимались на веру, а боги почитались как высшие существа, живущие по особым, собственным законам.

Но в VI–V веках до н. э. в Греции начинают относиться к богам более критически и судить их поступки с точки зрения человеческой морали. Поэт V–VI веков до н. э. Ксенофонт из Колофона писал: Что среди смертных позором слывет и клеймится хулою — То на богов возвести наш Гомер с Гесиодом дерзнули: Красть и прелюбы творить, и друг друга обманывать хитро».

Со временем греческие философы стали склоняться к мысли о единобожии, утверждая, что высшая божественная сущность не имеет никакой конкретной формы, а боги греческих мифов — разные и частичные проявления этой сущности.

31. ПРОМЕТЕЙ

Прометей — самый возвышенный и трагический образ в греческой мифологии, герой, добровольно пошедший на муки во имя своих убеждений, символ несокрушимой и всепобеждающей силы духа. Имя его означает «Провидящий».

Прометей был сыном титана Иапета и богини правосудия Фемиды. Когда началась война богов и титанов, Прометей, по совету своей бабки, Геи — богини земли, встал на сторону богов, и боги одержали победу во многом благодаря мудрости Прометея. На Олимпе воцарился Зевс-Громовержец, а Прометей стал его советником.

Зевс поручил Прометею создать людей.

(Существует предположение, что первоначально Прометей был верховным божеством до греческих племен, населявших территорию Греции в глубокой древности. Впоследствии греки включили Прометея в систему своей мифологии, сохранив за ним роль создателя человечества. До греческим происхождением Прометея объясняется и его дальнейшее противостояние Зевсу — чисто греческому божеству.) Прометей замесил глину и принялся за работу. В помощники он взял своего брата Эпиметея. По замыслу Прометея люди должны были получиться совершенными существами, но бестолковый Эпиметей (его имя значит «думающий после») все испортил.

По одной версии, Эпиметей прежде всего вылепил из глины животных, наделив их различными средствами защиты от врагов: одних — острыми зубами и когтями, других — быстрыми ногами, третьих — тонким чутьем, но забыл оставить что-нибудь на долю человека. Поэтому люди от природы слабы и плохо приспособлены к жизни.

В другом варианте мифа Эпиметей вообще извел на животных всю глину, и Прометею пришлось создавать человечество, отщипывая по кусочку от разных животных. Поэтому люди обладают ослиным упрямством, лисьей хитростью, заячьей трусостью и тому подобными качествами в самых неожиданных сочетаниях.

Прометей научил людей обрабатывать землю и выращивать хлеб, строить дома и изготавливать полезные в хозяйстве вещи, читать и писать, различать времена года и лечить болезни.

Но люди, созданные Прометеем, не поклонялись богам-олимпийцам, и недовольный этим Зевс решил их уничтожить. Прометей отправился к Зевсу и произнес в защиту человечества пространную речь (в память об этом греки почитают его как создателя ораторского искусства). Он пообещал научить людей поклоняться богам и приносить им жертвы.

Прометей заранее заколол жертвенного быка и разделил его на две части: мясо покрыл шкурой, а голые кости спрятал под слоем жира.

В назначенный день боги спустились на землю и сошлись с людьми на большой поляне. Прометей предложил Зевсу выбрать для жертвы богам любую часть быка. Зевс выбрал ту, которая показалась ему пожирнее, и с тех пор люди стали приносить в жертву богам жир и кости, а мясо елисами.

Зевс, увидев, что его провели, разгневался и в отместку отнял у людей огонь. На земле воцарились холод и голод.

Прометей чувствовал себя невольным виновником бедствия, постигшего созданное им человечество, и поклялся водами Стикса — реки в подземном царстве мертвых, что добудет для людей неугасимый небесный огонь, пылающий в очаге самого Зевса.

Он обратился к Афине, попросив разрешения посетить жилище Зевса якобы для того, чтобы полюбоваться удивительными слугами, которых бог-кузнец Гефест выковал из золота для Громовержца. Афина тайно провела Прометея в дом своего отца. Проходя мимо очага, Прометей сунул в огонь стебель тростника. Сердцевина его загорелась, и Прометей в полом стебле принес божественный огонь на землю.

Узнав об этом, Зевс разгневался пуще прежнего и придумал для людей новое наказание. Он повелел Гефесту слепить из земли и воды

девушку. Афродита наделила ее красотой и очарованием, Афина сделала искусной в рукоделии, бог хитрости и обмана Гермес научил говорить льстивые речи. Девушку назвали Пандора, то есть «одаренная всеми богами».

Зевс послал ее Прометею. Однако тот, не доверяя Зевсу, отказался принять красавицу. Но его брат Эпиметей с первого взгляда влюбился в Пандору и женился на ней.

Зевс дал Пандоре в приданое плотно закрытый ящик, не сказав, что в нем находится. Любопытная Пандора, едва вступив в дом своего мужа, открыла крышку, и из ящика разлетелись по всему свету людские пороки, болезни и несчастья. У Эпиметея и Пандоры родилась дочь Пирра, которая со временем вышла замуж за сына Прометея Девкалиона.

Зевс опять стал думать, как истребить человечество — и наслал на землю потоп. Но провидец Прометей предупредил об этом своего сына, Девкалион построил корабль и спасся вместе с женой.

Когда воды потопа схлынули, Девкалион и Пирра оказались одни на пустынной земле. Корабль вынес их к храму Фемиды, матери Прометея. Фемида явилась Девкалиону и Пирре, велела им набрать камней и побросать их себе за спину. Эти камни превратились в людей: брошенные Девкалионом — в мужчин, брошенные Пиррой — в женщин. Так возродился человеческий род.

Позже у Девкалиона и Пирры родился сын Эллин, родоначальник племени эллинов, основавший Элладу, то есть Грецию.

Зевс, видя, что ему никак не удается истребить человеческий род, обрушил свой гнев на Прометея.

Он призвал своих верных слуг Кратоса и Бию — Власть и Силу, приказал им отвести Прометея на самый край света, в дикую Скифию, и там бог-кузнец Гефест приковал его цепями к скале. Гефест был другом Прометея, но не смел ослушаться Зевса.

В трагедии греческого поэта V века до н. э. Эсхила «Прометей прикованный» Гефест обращается к Прометею:

«Сверхмудрый сын Фемиды правомыслящий,
На зло тебе, на зло себе железами
К пустынному утесу прикую тебя. (…)
Вот и награда человеколюбию!
Сам бог, богов тяжелый презирая гнев,
Ты к людям свыше меры был участливым.
За это стой скалы печальным сторожем. (…)
На ветер будешь вопли ты и жалобы
Бросать без счета: Зевс не знает жалости».

(Перевод под редакцией С. Апта)

Зевс осудил Прометея на вечные оковы, но Прометей знал, что власть самого Зевса не вечна. Мойры, богини судьбы, открыли Прометею, что от брака с нимфою Фетидой у Зевса родится сын, который будет сильнее своего отца и свергнет его с престола.

Мойры также поведали, что Зевс может избежать такой судьбы, если Фетида выйдет замуж за смертного человека. Тогда рожденный ею сын станет величайшим героем, но не будет соперничать с Зевсом.

Проходили годы и века. Бессмертный титан Прометей все томился, прикованный к скале. Его мучили зной и холод, терзали голод и жажда.

Зевс проведал, что Прометей владеет тайной его собственной судьбы, и послал к нему своего сына, вестника богов Гермеса, предложить освобождение в обмен на эту тайну.

Но Прометей потребовал, чтобы Зевс признал несправедливость назначенного им наказания и освободил его без всяких условий. Прометей сказал Гермесу:

«Нет казни, знай, нет хитрости, чтоб Зевс меня
Принудил тайну роковую выболтать,
Пока цепями скован я постыдными.
Так пусть пылающую мечет молнию,
Гремит подземным громом, кружит неба свод,
Метелью белокрылою пусть рушит все, -
Меня согнуть не сможет!
Не скажу ему,
Чьи руки вырвут у него владычество!»

Желая сломить Прометея, Зевс подверг его новым мукам: вверг бессмертного титана в Тартр, в непроглядную тьму, где скитаются души умерших, а затем снова поднял на поверхность земли, приковал к скале в горах Кавказа и послал свою священную птицу-орла — терзать Прометея. Когтями и клювом страшная птица раздирала живот титана и клевала его печень. На другой день рана затягивалась, и орел прилетал вновь.

Эхо далеко разносило стоны Прометея, им вторили горы и моря, реки и долины.

Нимфы-океаниды плакали от жалости к Прометею, умоляли его смириться, открыть Зевсу тайну и тем облегчить свои муки. О том же просили Прометея его братья- титаны и мать богиня Фемида. Но он отвечал им всем, что откроет тайну только в том случае, если Зевс признает, что наказал его безвинно, и восстановит справедливость.

И Зевс сдался.

Он послал в горы Кавказа своего сына Геракла. Геракл убил орла и своей палицей разбил оковы Прометея. Одно звено цепи с осколком камня Прометей сохранил на память, и с тех пор люди, чтобы не забывать о страданиях, которые претерпел Прометей за человеческий род, стали носить кольца с камнями.

Освобожденный Прометей открыл Зевсу тайну, и тот, вняв предостережению мойр, выдал нимфу Фетиду замуж за царя Пелея. От этого брака родился Ахилл — герой Троянской войны.

Прометей — единственный персонаж в греческой мифологии, открыто противостоящий Зевсу и в конце концов одерживающий над ним моральную победу.

В различных вариантах мифа, рассказанных разными греческими авторами, образ Прометея изменялся. У поэта VIII века до н. э. Гесиода Прометей, прежде всего, хитрец, ловко обманывающий Зевса. Позже, в трагедии Эсхила, Прометей — герой, наделенный огромной нравственной силой и черпающий мужество в сознании своей правоты.

К мифу о Прометее обращались поэты и мыслители разных времен и народов: Вольтери, Гете, Байрон и Шелли. В.Г. Белинский писал: «Прометей (…), прикованный к горе (…) и с горделивым презрением отвечающий на упреки Зевса, есть форма чисто греческая, но идея непоколебимой человеческой воли и энергии души, гордой и в страдании, которая выражается в этой форме, понятна и теперь».

32. ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

Имя «Геракл» означает «прославленный герой». Гераклу посвящено множество мифов — больше, чем любому другому персонажу греческой мифологии. Мифы о Геракле возникли в глубокой древности. О чрезвычайной популярности Геракла говорит то, что Гомер в своих поэмах упоминает о различных эпизодах из его жизни как о чем- то общеизвестном, не вдаваясь в подробности.

Геракл — смертный человек, ставший богом, пользовался особой любовью и у греков, и у народов, воспринявших греческую культуру: его почитали и в Италии, и в Скифии, и на Кавказе.

Впервые мифы о Геракле были обработаны и объединены в цикл в VI веке до н. э. в несохранившейся до нашего времени поэме «Гераклея» древнегреческого поэта Писандра Родосского.

Гераклу посвящены многие произведения античного искусства-скульптуры, барельефы, росписи на вазах. Он присутствует в пьесах древнегреческих драматургов Софокла, Еврепида, Аристофана.

Впоследствии образ Геракла не раз привлекал европейских художников, скульпторов, композиторов. Наиболее известны картины «Поединок Геракла и Антея» Рафаэля, «Вступление Геракла на Олимп» Рубенса, скульптура «Стреляющий Геракл» Э.А. Бурделя, оратория «Геракл» Генделя, кантата «Геракл на распутье» И.С.Баха и др.

Геракл был сыном Зевса и земной женщины, красавицы Алкмены. Ее муж Амфитрион, племянник фиванского царя Креонта, страстно любил охоту и целыми днями пропадал в лесу, преследуя диких зверей.

Зевс пленился красотой Алкмены и попытался ее соблазнить. Но тщетно царь богов являлся ей в сновидениях, тщетно нашептывал льстивые речи — Алкмена не помышляла ни о ком, кроме мужа.

Тогда Зевс задумал добиться благосклонности красавицы обманом. Он согнал в лес, где обычно охотился муж Алкмены, дичь со всей Греции. Амфитрион так увлекся охотой, что не успел вернуться домой до наступления темноты и заночевал в лесу.

А Зевс, приняв облик Амфитриона, явился к его жене. Алкмена, не заметившая обмана, провела с Зевсом ночь и зачала сына.

Царь богов решил позаботиться о будущем ребенка. Он высчитал, когда Алкмена должна родить, и объявил в присутствии всех богов, что мальчик, родившийся в этот день, станет властвовать над городом Микены и над соседними народами.

Ревнивая Гера догадалась, что ее неверный супруг печется о своем собственном сыне, и возненавидела еще не родившегося ребенка. Будучи покровительницей рожениц, она задержала роды Алкмены и сделала так, что в указанный Зевсом день на свет появился сын микенского царя Эврисфей.

Когда же родился сын Зевса и Алкмены Геракл, Гера подослала к колыбели новорожденного двух змей, но мальчик, проявив необыкновенную для младенца силу и храбрость, задушил ползучих гадов.

Амфитрион понял, что в его семье родился необычный ребенок, и обратился к прорицателям с вопросом о его судьбе. Прорицатели ответили, что Гераклу суждено стать великим героем и прославить свое имя.

Детство Геракла прошло под наблюдением лучших учителей и наставников. В некоторых вариантах мифа он предстает идеальным героем, одинаково искусным в боевых упражнениях, науках и музыке. Но существуют рассказы и о том, что он едва одолел грамоту, а учителя музыки убил, швырнув в него кифарой.

Когда Геракл возмужал, на его родные Фивы напали враги. Геракл изгнал завоевателей, и фиванский царь отдал ему в жены свою дочь Мегару. Вскоре у Геракла и Мегары родилось двое сыновей.

Время шло, однако Гера по-прежнему ненавидела Геракла. Она обратилась к богине безумия Аге, и та помрачила его разум. Однажды, когда Геракл играл со своими сыновьями, ему вдруг померещились вместо детей страшные чудовища. Он схватил меч и убил обоих мальчиков. Когда разум Геракла прояснился, он пришел в ужас от содеянного, в отчаянии бежал из города и стал искать для себя какое-нибудь трудное и опасное дело, чтобы, совершив его, искупить невольное преступление.

Он узнал, что отряд храбрецов на корабле «Арго» отправляется в далекую Колхиду за золотым руном, и присоединился к аргонавтам. Но едва они отплыли от берегов Греции, Гераклу явился Гермес и повелел вернуться, поскольку боги пожелали, чтобы он иным способом искупил свою вину: смирив гордость, поступил на службу к трусливому и глупому микенскому царю Эврисфею, тому, который, родившись раньше Геракла, получил власть, предназначенную Зевсом для своего сына.

Геракл покорился воле богов и отправился в Микены. Гера вступила в сговор с Эврисфеем и посоветовала ему приказать Гераклу совершить двенадцать подвигов, которые казались ей невыполнимыми.

Первым подвигом Геракла стала победа над Немейским львом. Немейский лев был порождением дракона Тифона и огромной змеи Ехидны. Его шкура была так прочна, что об нее ломались мечи и тупились стрелы. Лев жил в Немейской долине и наводил ужас на окрестные селения.

Эврисфей по наущению Геры приказал Гераклу добыть шкуру этого льва.

Геракл вырвал с корнем молодой дуб, сделал себе из него палицу и отправился в Немейскую долину.

Тридцать дней гонялся герой за страшным зверем и, наконец, загнал его в пещеру. Он оглушил зверя дубиной и задушил голыми руками. Сняв шкуру с убитого льва, он накинул ее себе на плечи и вернулся к Эврисфею.

Трусливому микенскому царю даже львиная шкура внушила такой ужас, что он отказался прикоснуться к ней, и шкура осталась у Геракла.

Тем временем Гера придумала новое испытание, и Эврисфей послал Геракла в ядовитое Лернейское болото, где обитала девятиглавая гидра, сестра Немейского льва.

Путь к Лернейскому болоту был неблизким, и Геракл поехал туда на колеснице, запряженной четверкой коней. Возницей он взял своего племянника, юного Иолая.

Добравшись до болота, Геракл оставил Иолая с колесницей на берегу, а сам пошел в глубь трясины, осторожно перешагивая с кочки на кочку. От ядовитых испарений у него закружилась голова, кочка ушла из-под ног, он по пояс провалился в трясину, и Лернейское болото стало его затягивать.

Геракл крикнул Иолаю, чтобы тот бросил ему конец возжей. Иолай поспешно обвязал возжами камень и бросил его Гераклу, затем хлестнул коней, они рванулись с места и выдернули героя из трясины.

Но тут из недр болота появилась девятиглавая гидра. Шипя и извиваясь, поползла она к Гераклу, а он, опасаясь сделать хоть одно неверное движение, чтобы снова не угодить в трясину, стал отступать к берегу.

Вытеснив человека из болота, гидра уползла в свое логово, а Геракл стал думать, как бы выманить ее на берег, чтобы сразиться с нею на твердой земле.

Он велел Иолаю объехать болото кругом и с противоположного берега поджечь тростник. Огонь побежал по болоту и выгнал гидру на берег, где с мечом в руках ее поджидал Геракл.

Он вступил с ней в бой, но восемь голов Лернейской гидры, едва герой отрубал их своим мечом, тут же прирастали обратно к прежнему месту, а девятая голова была бессмертна, и меч не причинял ей никакого вреда.

Тогда Геракл приказал Иолаю взять горящую головню и прижигать отрубленные головы. Головы перестали прирастать, а девятую, бессмертную, Геракл пригнул к земле и придавил осколком скалы, так что гидра не могла освободиться.

Чудовище было побеждено. Геракл обмакнул свои стрелы в ядовитую кровь, чтобы они напитались смертельным ядом, собрал отрубленные головы и отправился восвояси.

Эврисфей, не дав герою отдохнуть, приказал ему изловить живьем свирепого Эриманфского вепря.

По пути к горе Эриманф Геракл попал в дубовую рощу, где жили кентавры. Один из них, по имени Фол, пригласил героя отдохнуть в своей хижине. Гостеприимный кентавр накормил Геракла, но, когда тот, наевшись, попросил пить, пришел в замешательство, поскольку кентавры не держали дома воды, а ходили на водопой к ближайшей реке.

Впрочем, у старейшего и мудрейшего из кентавров, Хирона, была в хижине бочка вина, которую ему подарил сам бог виноделия Дионис. Однако мудрый Хирон, зная склонность своих соплеменников к пьянству, строжайше запретил им даже приближаться к этой бочке.

Фол, рассудив, что запрет не распространяется на гостя, предложил Гераклу отведать вина, и они пошли к Хирону, которого не оказалось дома. Отсутствие хозяина не помешало Фолу угостить Геракла и, пользуясь случаем, выпить самому.

Остальные кентавры почуяли запах вина и сбежались к хижине Хирона. Увидев чужака, расположившегося там, как у себя дома, они рассердились и стали бросать в него камнями. Геракл схватился за свой лук, в кентавров полетели стрелы.

Тем временем подоспел мудрый Хирон. Он попытался остановить разгоревшуюся схватку, и тут одна из стрел, пропитанная ядом Лернейской гидры, угодила ему в ногу. Хирон был бессмертен, но яд, проникнув в кровь, причинял ему такие ужасные муки, что мудрый кентавр предпочел отказаться от своего бессмертия и добровольно сошел в Аид.

Огорченный Геракл отправился дальше. Вскоре он отыскал Эриманфского вепря. Зверь был огромен и свиреп. Яростно набросился он на героя. Удары меча не приносили вепрю никакого вреда и еще больше распаляли его ярость.

Тогда Геракл повернул свой блестящий щит так, чтобы в нем отразилось солнце, и направил яркий луч прямо в глаза зверю. Затем он громко закричал и стал колотить по щиту мечом.

Ослепленный светом, напуганный шумом, вепрь бросился бежать. Геракл загнал его на вершину горы, покрытую снегом, и вепрь увяз в сугробах. Геракл связал его, взвалил себе на плечи и отнес в Микены.

Четвертым подвигом Геракла стала поимка Киренейской лани. Никто не мог угнаться за ней, поскольку Артемида подарила лани медные копытца, делавшие ее ноги неутомимыми.

Прежде чем приступить к совершению этого подвига, Геракл решил поупражняться в беге. Он стал соревноваться с самыми быстрыми конями и через некоторое время добился того, что мог бежать, не отдыхая, целые сутки.

Геракл пустился в погоню за меднокопытной ланью. Он гонялся за ней целый год, в конце концов настиг и поймал сетью, сплетенной из стеблей осоки.

После этого Эврисфей приказал Гераклу уничтожить чудовищных птиц, обитавших в Стимфальском лесу. Клювы, когти и оперенье этих птиц были медными. Тучей кружились стимфальские птицы в небе и метали свои перья, острые, как наконечники стрел, в каждого, кто осмеливался к ним приблизиться.

Победить этих птиц Гераклу помогли боги. Гефест по просьбе Афины изготовил для Геракла огромную трещотку, и Геракл поставил ее в Стимфальском лесу. Спугнутые ее треском птицы покинули свой лес и навсегда улетели за пределы Греции.

Шестой подвиг потребовал от Геракла не храбрости, а хозяйственной смекалки.

У царя Авгия было несметное количество лошадей, а конюшни никогда не убирались. За долгие годы в конюшнях скопилось такое количество навоза, что выгрести его было не в человеческих силах.

Гераклу предстояло очистить Авгиевы конюшни.

Он запрудил протекавшую неподалеку реку, так что ее воды хлынули на скотный двор — и смыли весь навоз.

Вслед за этим Эврисфей велел Гераклу привести в Микены Критского быка. Этого быка сотворил в глубинах моря бог Посейдон и вывел на берег Крита, чтобы тамошний царь Минос принес его в жертву богам. Но Минос оставил чудесного быка у себя, а в жертву принес обычного. Разгневанный Посейдон наслал на быка бешенство, и тот в ярости стал опустошать Крит, вытаптывая посевы, убивая скот и людей.

Геракл поймал быка и привел его в Микены. Эврисфей, побоявшись держать у себя свирепое животное, выпустил его на волю. Бык причинил людям еще много бедствий, пока его окончательно не победил другой герой мифа — Тезей.

Эврисфей тем временем послал Геракла во Фракию, где царствовал жестокий царь Диомед. У него были кобылицы, которые питались человеческим мясом. Всех чужестранцев, оказавшихся во Фракии, Диомед приказывал убивать и скармливал их тела этим кобылицам.

Геракл вызвал Диомеда на бой, убил его, и кобылицы сожрали тело своего хозяина. Самих кобылиц Геракл отвел в Микены, и они были принесены в жертву.

Следующий подвиг Геракл совершил по требованию дочери Эврисфея Адметы. Ей захотелось получить пояс, который бог войны Арес подарил царице амазонок, воинственной Ипполите.

Геракл послушно отправился в страну амазонок. Отважные амазонки были все же женщинами, и Гераклу не хотелось сражаться с ними. Он предпочел рассказать Ипполите историю своей жизни, и царица амазонок, проникнувшись сочувствием к герою, подарила ему пояс Ареса.

Гера, недовольная тем, что Геракл получил пояс без всякого труда, приняла облик одной из амазонок и пустила слух, что Геракл хочет похитить Ипполиту.

Амазонки поверили и, желая защитить свою царицу, напали на Геракла. Он был вынужден обороняться. В бою погибло много амазонок и сама Ипполита. Геракл отнес пояс Адмете.

Затем Эврисфей приказал ему добыть быков, принадлежавших крылатому великану Гериону, который жил на крайнем западе, на острове Эритея, что означает «испускающий красные лучи».

Путь на Эритею был далек и пролегал через разные страны. По пути Гераклу пришлось сражаться со многими врагами. В числе прочих он победил великана Какуса, бой с которым произошел на том самом месте, где впоследствии был основан город Рим.

Бог солнца Гелиос уступил Гераклу свою ладью, чтобы герой мог переплыть море и добраться до далекого острова.

Стада Гериона охранял пастух-великан с помощью свирепого пса.

Геракл убил пастуха и собаку и угнал быков.

Едва Геракл пригнал быков Гериона в Микены, как Эврисфей снова отправил его на самый край света, туда, где землю омывает река Океан и великан Атлант удерживает на своих плечах небесный свод. Там в чудесном саду росла яблоня с золотыми яблоками, которую охраняли нимфы, сестры Гесперид. Эврисфей приказал Гераклу добыть яблоки Гесперид.

В поисках дороги к чудесному саду Геракл пережил много приключений и совершил много подвигов. В горах Кавказа он освободил прикованного к скале Прометея. В Лидии подвергся нападению великана Антея, сына богини земли Геи. Антей был непобедим, потому что стоило ему прикоснуться к матери-земле, как ему передавалась ее великая сила. Геракл, сражаясь с Антеем, оторвал его от земли и задушил в воздухе.

Наконец Геракл достиг края света. Он увидел Атланта, поприветствовал его и поведал о цели своего путешествия. Атлант согласился помочь герою и вызвался сам принести яблоки из сада Гесперид, уверенный, что сестры-нимфы ему не откажут.

Пока Атлант ходил за яблоками, Гераклу пришлось поддерживать небесный свод.

Вскоре великан вернулся и принес чудесные яблоки. Но ему так не хотелось снова взваливать на плечи свой тяжкий груз, что он предложил Гераклу: «Давай поменяемся: я отнесу яблоки твоему Эврисфею, а ты подержишь небесный свод». Однако Геракл уже изнемогал под непосильной тяжестью. Видя, что Атлант собирается уходить, не дожидаясь его согласия, он решил обмануть великана и сказал: «Пусть будет по-твоему. Только подержи небесный свод еще минутку, я сделаю из травы подушку, чтобы подложить под его край, а то он больно врезается мне в плечи».

Простодушный Атлант снова взвалил на себя небесный свод, а Геракл с золотыми яблоками вернулся в Микены.

Герой совершил уже одиннадцать подвигов, оставался последний, двенадцатый — самый трудный. Еврисфей приказал Гераклу спуститься под землю и похитить стража царства мертвых — трехголового пса Цербера.

Когда Геракл проник в подземный мир, владыка царства мертвых Аид разрешил ему увести пса, но поставил условием, что Геракл захватит чудовище без всякого оружия.

У Цербера были страшные клыки, а вместо хвоста — ядовитая змея. Все же Геракл одолел его и вытащил из преисподней на свет.

Эврисфей, увидев Геракла, ведущего на цепи Цербера, перепугался и велел отвести пса назад. Геракл снова побывал в подземном царстве и водворил адского стража на место.

На этом служба Геракла у Эврисфея закончилась, и он вернулся в родные Фивы.

Дома герой прежде всего занялся улаживанием семейных дел. К своей жене Мегаре за прошедшее время он охладел и выдал ее замуж за своего племянника Иолая, а сам посватался к эхалийской царевне Иоле. Отец Иолы, царь Эврит, обещал руку дочери тому, кто превзойдем других в стрельбе из лука. Геракл принял участие в состязании и победил всех соперников, но царь Эврит не исполнил обещания и отказался выдать за него Иолу. Оскорбленный Геракл захватил в плен сына царя Ифита и сбросил его с башни.

В некоторых вариантах мифа Ифит является другом и союзником Геракла, а совершенное убийство объясняется кознями Горы, снова наславшей на героя приступ безумия.

Во искупление этого преступления боги повелели Гераклу продать самого себя в рабство.

Владелицей героя стала лидийская царица Омфла. Отличаясь воинственными склонностями, она отобрала у Геракла оружие, львиную шкуру, надела их на себя, а самого героя заставила прясть вместе со своими служанками.

Тем не менее, даже находясь в столь постыдном рабстве, Геракл умудрился укротить злобных хвостатых карликов керкопов, убить разбойника Силея и совершить еще несколько подвигов.

Окончив службу у Омфалы, Геракл предпринял ряд военных походов против соседних народов.

Геракл имел многочисленное потомство. Находясь в Скинии, он вступил в любовную связь с обитавшей там полудевой-полузмеей. От этой связи произошли предки племени скифов.

Однажды, путешествуя, Геракл остановился на ночь в доме беотийского царя Теспия. Царь, желая иметь внуков от прославленного героя, послал к нему пятьдесят своих дочерей. Все девицы забеременели и одновременно родили сыновей, причем две из них — по двойне. (Это приключение Геракла некоторые авторы называют его тринадцатым подвигом.) Впоследствии пятьдесят два сына Геракла заселили остров Сардинию.

Геракл меж тем не оставил своего намерения жениться. Его избранницей стала Деянира — дочь этолийского царя. Руки царевны домогался также речной бог Ахелой. Он принял облик быка и вызвал Геракла на поединок. Геракл вышел из него победителем и женился на Деянире.

Однажды Геракл с женой отправились на прогулку. Им нужно было переправиться через реку. На берегу пасся кентавр по имени Несс, предложивший перевезти красавицу на своей спине. Геракл согласился. Но кентавр, оказавшись на другом берегу, пустился бежать, унося Деяниру.

Геракл натянул лук, пустил вслед Нессу стрелу и смертельно ранил его. Умирая, Несс сказал Деянире: «Собери мою кровь. С ее помощью ты сможешь вернуть любовь супруга, если он вдруг предпочтет тебе другую». Деянира послушалась и с тех пор тайно хранила сосуд с кровью кентавра.

Вскоре Геракл начал войну против царя Эврита, некогда отказавшего ему в руке прекрасной Иолы. Геракл разбил войско Эврита, а Иолу захватил в плен и подарил своей жене в качестве служанки.

Однако Деянира увидела в Иоле опасную соперницу и, решив, что пришло время прибегнуть к средству, завещанному Нессом, пропитала кровью кентавра хитон Геракла.

Но поскольку Несс был убит стрелой, отравленной ядом Лернейской гидры, его кровь стала ядовитой. Едва Геракл надел поданый Деянирой хитон, все его тело охватила невыносимая боль. Герой попытался сорвать с себя хитон, но он не снимался.

Несчастная Деянира, не в силах видеть страдания мужа, которые сама ему причинила, покончила с собой.

Гераклу смерть тоже представлялась единственным избавлением. На вершине горы Эты он сложил погребальный костер и взошел на него.

Пламя уже охватило героя, но тут с неба спустилась посланная Зевсом колесница, запряженная четверкой коней — и вознесла Геракла на Олимп.

Там он обрел бессмертие и стал одним из богов-олимпийцев.

33. ТЕЗЕЙ — ПОБЕДИТЕЛЬ МИНОТАВРА

Тезей — один из самых любимых и почитаемых греческих героев. Его популярность была сравнима лишь с популярностью Геракла, а иногда даже превосходила ее.

В мифе о Тезее ярко отразилась сложная эволюция его образа — от древнего божества, связанного с силами природы, до мудрого государственного деятеля, которому приписывается создание афинской демократической формы правления.

О двойственности образа Тезея свидетельствует рассказ о его происхождении.

Афинский царь Эгей долгое время оставался бездетным. Однажды он отправился в Трезент к оракулу, чтобы узнать, будет ли у него когда-нибудь потомство.

Оракул дал туманный ответ, который можно было истолковать как запрет Эгею вступать в связь с какой-либо женщиной, пока он не вернется в Афины.

Трезентский царь Питфей, в доме которого остановился Эгей, захотел, чтобы веление оракула было нарушено. Он напоил Эгея и приказал своей дочери Эфре соблазнить его.

Но в ту же ночь Эфру посетил влюбленный в нее бог Посейдон. Таким образом, Тезей был зачат сразу от двух отцов — человека и бога.

Эгей, узнав, что Эфра беременна, оставил для своего будущего сына меч и сандалии, спрятав их под тяжелым камнем, и велел отправить сына к нему в Афины, когда тот станет достаточно взрослым и сильным, чтобы отвалить этот камень.

Когда Тезею исполнилось шестнадцать лет, он достал из-под камня сандалии и меч Эгея. Сандалии оказались ему впору, меч пришелся по руке, и он отправился в Афины к отцу.

Как и подобает герою, Тезей избрал не общепринятый и относительно безопасный морской путь из Трезента в Афины, а другой — по суше, по дороге, кишащей разбойниками.

По пути юный герой победил свирепого Перифета, убивавшего всех встречных железной палицей, и разбойника Синиса, по прозванию «Сосносгибатель», который разрывал своих пленников пополам, привязав к верхушкам двух согнутых сосен. Тезей убил коварного Скирона, который заставлял путников мыть себе ноги, а затем пинком сбрасывал со скалы в море, где их пожирала гигантская черепаха, а также жестокого Прокруста, который укладывал своих пленников на ложе, и если оно приходилось им не по росту, то или вытягивал тела несчастных до нужной длины, или обрубал лишнее.

Совершив эти подвиги, Тезей явился в Афины. Царь Эгей узнал сына по мечу и сандалиям и объявил его своим наследником.

Но у Эгея было пятьдесят племянников, которые рассчитывали на наследство. Они попытались свергнуть Эгея с престола. Тезей победил их всех, убив одних, а других изгнав из города.

Кроме того, он избавил страну своего отца от грозного быка, привезенного некогда с острова Крит Гераклом и выпущенного на волю царем Эврифеем.

Бык был на Крите священным животным. В одном из мифов рассказывается, как Зевс, превратившись в белого быка, похитил финикийскую царевну Европу и перевез ее на своей спине через море на остров Крит. Европа родила от Зевса троих сыновей, старший из которых, Минос, стал критским царем.

Древнегреческие историки не сомневались в реальном существовании Миноса. Геродот и Фукидид говорили о нем как о создателе сильного флота, подчинившем своей власти многие окрестные острова. Гесиод называет его «из всех смертных царей наиболее царственным».

Гомер так описывает процветание критского царства: Крит прекрасный, богатый, волнами отовсюду омытый, В нем городов девяносто, а людям так нету и счета.

Однажды Посейдон создал в морской глубине чудесного быка и вывел его на критский берег для того, чтобы царь Минос принес его в жертву богам. Но Минос ослушался Посейдона и оставил быка себе. Разгневанный Посейдон внушил жене Миноса, царице Пасифае, неодолимую страсть к быку. От противоестественной связи быка и царицы родилось кровожадное быкоголовое чудовище — Минотавр.

В более древних, не сохранившихся вариантах мифа, вероятно, сам Минос выступал в облике быка, а Минотавр, что значит «Бык Миноса», был его сыном.

Минос приказал знаменитому изобретателю и архитектору Дедалу построить огромный, полный запутанных переходов дворец-лабиринт, из которого невозможно было выбраться, и заточил туда Минотавра.

В начале XX века английский археолог Артур Эванс обнаружил на Крите остатки дворца, относящегося к середине II тысячелетия до н. э., и условно назвал его «дворцом Миноса». Площадь дворца — шестнадцать тысяч квадратных метров, в нем множество разнообразных помещений, в расположении которых очень трудно уловить какую-либо систему. Считается, что именно этот дворец послужил прообразом мифического лабиринта.

Минотавр требовал человеческих жертв, и Минос наложил дань на Афины: каждые девять лет царь Эгей должен был посылать на Крит семерых юношей и семь девушек на съедение чудовищу.

Древнегреческие историки, пытавшиеся дать рациональное объяснение мифам, предполагали, что молодые афиняне нужны были на Крите для выполнения рабских работ и что у Миноса был полководец по имени Тавр, человек, по словам Плутарха, «суровый и неприветливый», который «гордо и жестоко» обращался с рабами.

Вскоре после того, как Тезей поселился в Афинах, пришел очередной срок платить страшную дань.

Тезей решил освободить страну от этой повинности. Он занял место одного из юношей, предназначенных в жертву Минотавру, и отправился с остальными на Крит. Там он объявил Миносу, что готов сразиться с Минотавром.

Отважный герой не боялся боя с чудовищем и был уверен в своей победе, но его заботило, каким образом сможет он выбраться из лабиринта после того, как убьет Минотавра.

Афродита решила помочь юному герою и внушила любовь к нему дочери Миноса Ариадне. Влюбленная Ариадна дала Тезею шелковый клубок. Он привязал конец нити у входа и пошел в глубь лабиринта, разматывая клубок.

В недрах лабиринта он отыскал Минотавра. Долгим и жестоким был их бой, но Тезей победил.

Сматывая нить Ариадны, он легко нашел выход и выволок наружу поверженное чудовище.

Ночью Тезей на своем корабле покинул Крит, увозя спасенных им от страшной участи афинских юношей и девушек, а также прекрасную Ариадну.

По пути они остановились на острове Накос. Там Тезей почему-то оставил Ариадну, покуда она спала, и отправился дальше.

В некоторых вариантах мифа этот неблаговидный поступок объясняется тем, что остров Накос, имеющий форму виноградного листа, был владением бога виноделия Диониса, а Дионис захотел сделать Ариадну своей женой, о чем ей было соответствующее видение. Она предпочла смертному Тезею бога и добровольно осталась на острове.

Тезей условился со своим отцом, старым Эгеем, что если он вернется в Афины с победой, то на его корабле будет белый парус, если же погибнет — черный. Эгей, стоя на берегу, ждал возвращения сына. Наконец, на горизонте показался корабль. Но Тезей забыл об уговоре, и корабль плыл под черным парусом. Старый царь пришел в такое отчаяние, что, не дожидаясь, когда корабль причалит к берегу, бросился в море и утонул. В его память это море было названо Эгейским.

Плутарх в своей книге «Избранные жизнеописания» порицает Тезея: «Забывчивость Тезея и его небрежность относительно условия перемены парусов едва ли могут найти, на мой взгляд, горячего защитника, и даже снисходительные судьи едва ли оправдают его от обвинения в отцеубийстве».

Тезей стал царем в Афинах. Античная традиция приписывает Тезею объединение Аттики в единый народ, создание афинского полиса (города-государства), разработку законодательства.

Плутарх пишет: «Он не хотел, чтобы его народ представлял беспорядочную, бесформенную (…) толпу, поэтому он первым разделил его на сословия — благородных, земледельцев и ремесленников, (…) благородные имели преимущество в том, что им оказывалось больше почету, земледельцы были полезнее других, ремесленники — многочисленнее».

Тезей был женат на амазонке Антиопе и имел от нее сына Ипполита. После смерти Антиопы Тезей женился вторично. Его вторая жена, сестра Ариадны, дочь Миноса Федра влюбилась в пасынка и попыталась его соблазнить. Но, будучи отвергнута Ипполитом, оклеветала его перед Тезеем.

Тезей проклял сына и призвал на него гнев Посейдона. Однажды, когда Ипполит ехал на колеснице по берегу моря, Посейдон выслал ему

навстречу огромных быков. Испуганные кони понесли, колесница опрокинулась, и юноша погиб. Федра, терзаемая противоречивыми страстями, покончила с собой.

Будучи уже в преклонных летах, Тезей совершил безрассудный поступок: увез из Спарты юную царевну Елену, будущую Елену Прекрасную. Елене в то время было всего двенадцать лет, и Тезей поместил ее у своей матери, чтобы, дождавшись, когда царевна достигнет брачного возраста, взять ее в жены.

Вскоре друг Тезея Пирифой вовлек его еще в одно авантюрное предприятие: Пирифой решил похитить из подземного царства жену бога Аида Персифону, Тезей, по дружбе, взялся ему помочь.

Подобная дерзость не могла остаться безнаказанной. Аид приказал приковать Пирифоя и Тезея к скале в подземном царстве. Пирифой остался там навсегда, а Тезея освободил Геракл.

Хотя Тезей и Геракл — герои разных мифов, их пути несколько раз пересекались. Плутарх, рассказывая об их первой встрече, пишет: «Они выказали один другому чувства уважения и дружбы, причем каждый осыпал другого похвалами». Вернувшись из Аида, Тезей узнал, что братья Елены, воспользовавшись его долгим отсутствием, освободили сестру и устроили в Афинах переворот, передав власть родственнику и врагу Тезея Менесфею.

Тезей, вынужденный покинуть Афины, удалился на остров Скирос, где находились земли, некогда принадлежавшие его отцу. Но царь Скироса Ликомед не пожелал делить власть с Тезеем и убил его, коварно столкнув со скалы во время прогулки.

Античная традиция относит время деятельности Тезея к XII веку до н. э. Много веков спустя, в 490 году до н. э., во время битвы при Марафоне в ходе греко- персидских войн грекам, по преданию, явился дух Тезея в полном вооружении, чтобы воодушевить воинов.

В 476 году до н. э. по велению пифии-прорицательницы некие останки, считавшиеся останками Тезея, с копьем и мечом были перенесены с острова Скироса в Афины и торжественно там захоронены.

34. ПОХОД АРГОНАВТОВ ЗА ЗОЛОТЫМ РУНОМ

В городе Орхомене правил царь Афамант. Его полюбила богиня облаков, дождей и туманов Нефела и, став его женой, родила ему двоих детей — сына Фрикса и дочь Геллу.

Но вскоре вечно печальная богиня наскучила Афаманту, он отослал ее от себя и женился на дочери фиванского царя, красавице Ино Новая царица невзлюбила пасынка и падчерицу и решила их погубить.

Однажды весной, перед началом полевых работ, Ино посоветовала женщинам Орхомена обдать кипятком зерна, предназначенные для посева, заверив, что в таком случае урожай получится богаче обычного.

Женщины послушались коварного совета царицы, и в тот год на полях не взошел ни один росток. В городе начался голод.

Царь Афамант отправил гонцов к дельфийскому оракулу, чтобы узнать, почему разгневались боги, наслав неурожай, и чем можно их умилостивить.

Ино подкупила гонцов, и они сказали царю, что боги требуют принести им в жертву Фрикса и Геллу.

Нефела решила спасти своих детей. Когда все уже было готово для жертвоприношения, пред Фриксом и Геллой появился золоторунный баран, посланный их матерью. Фрикс и Гелла сели ему на спину, и чудесный баран, поднявшись в воздух, полетел быстрее птицы. Дети крепко держались за его шерсть. Но когда они пролетали над проливом, отделяющим Азию от Европы, началась буря. Маленькая Гелла испугалась, руки ее разжались, и она, не удержавшись на спине барана, упала в воду. С тех пор пролив, в котором утонула Гелла, греки стали называть Геллеспонтом, что значит «море Геллы». (Сейчас пролив называется Дарданеллы.) А Фрикса золоторунный баран благополучно принес в страну Колхиду, лежащую на побережье Черного моря у подножия Кавказских гор.

Колхидой правил царь Ээт — могучий волшебник, сын бога солнца Гелиоса. Он вырастил Фрикса вместе со своими детьми и со временем выдал замуж за него одну из своих дочерей. Фрикс всю жизнь, до самой смерти, мирно прожил в Колхиде.

Золоторунный баран был принесен в жертву Зевсу, а его чудесное руно царь Ээт повесил на высоком дубу в священной роще бога войны Ареса. Ээту предсказали, что он будет могуч и счастлив, покуда владеет золотым руном. Таков пролог сказания об аргонавтах.

У царя Афаманта, отца Фрикса и Геллы, был брат Кретий — царь города Иолка. После смерти Кретия престол унаследовал его сын Эсон. Но брат Эсона, Пелий, устроил заговор и силой захватил власть в Иоле. У Эсона незадолго до этого родился сын Язон. Опасаясь за жизнь ребенка, свергнутый царь увез его из города и отдал на воспитание мудрому кентавру Хирону.

Язон вырос среди лесов и полей, не зная, кто он таков. Но когда юноше исполнилось двадцать лет, Хирон открыл ему тайну его происхождения. Язон решил вернуть своему отцу утраченный престол и отправился в Иолк, где Эсон жил в бедности и безвестности.

По пути Язон встретил старую нищенку. Она сидела на берегу бурной реки и не решалась перебраться через поток. Язон взял старуху на руки и перенес на другой берег. Посредине реки с ноги Язона соскочила сандалия, и ее унесло течением. Юноша, не особо огорчившись потерей, простился со старухой и пошел дальше.

Язон не знал, что облик старой нищенки приняла сама богиня Гера, пожелавшая убедиться в великодушии Язона и отныне ставшая его покровительницей.

Язон явился к Пелию и назвал себя. Пелий испугался, потому что оракул некогда предсказал ему гибель от родственника, который придет, обутый в одну сандалию.

Язон потребовал восстановления справедливости. Пелий решил избавиться от племянника с помощью хитрости. Он заверил юношу, что давно уже отказался бы от престола, но сделать это ему не позволяет дух покойного Фрикса, который требует возвращения из Колхиды в Грецию чудесного золотого руна.

Как и предполагал коварный Пелий, отважный и пылкий Язон с энтузиазмом вызвался выполнить опасное и сулящее многие приключения задание.

По всей Греции разнеслась весть о том, что Язон набирает себе товарищей для похода в далекую Колхиду за чудесным золотым руном. В Иолку стремились герои, жаждущие подвигов и славы. Среди них были отважный Геракл, победитель Минотавра Тезей, храбрые братья Бореады — сыновья северного ветра Борея, сладкоголосый певец Орфей и многие другие Разные варианты мифа называют различное число участников похода — от двадцати восьми до шестидесяти четырех.

Неподалеку от Иолка, на берегу полуострова Магнезия, начали строить корабль. Руководил строительством знаменитый корабельный мастер Арг. Корабль получился так хорош, что многие говорили, будто его помогала строить сама Афина. Кораблю дали имя «Арго», что значит «быстрый», а герои, собравшиеся на нем плыть, назвали себя аргонавтами.

Аргонавты покинули Грецию и пустились в далекий путь. В то время еще не существовало достаточно совершенных навигационных приборов, и даже самые дальние плавания, как правило, совершались вдоль берегов или от острова к острову. Рассказ о плавании «Арго» изобилует названиями географических пунктов, в которых останавливались аргонавты. Первую остановку они сделали на острове Лемнос. Этот остров пользовался у греков дурной славой. Известный греческий историк V века до н. э. Геродот писал, что на Лемносе, вопреки общепринятым законам, власть принадлежала женщинам. (Вероятно, на Лемносе, действительно, дольше, чем в Греции, сохранялись остатки матриархата.) Миф об аргонавтах объясняет это явление следующим образом. Женщины Лемноса не принесли вовремя жертву Афродите, и богиня любви отвратила от них их мужей. Оскорбленные женщины решили, что могут обойтись и без них, поубивали всех мужчин на острове и учредили женское царство.

Тем не менее аргонавтов жительницы Лемноса встретили вполне доброжелательно, и путешественники надолго задержались на острове. Царица Лемноса Гипсипила стала возлюбленной Язона и родила ему двоих сыновей. Многие аргонавты также обзавелись возлюбленными и детьми и были готовы остаться на Лемносе навсегда. Но Геракл стал сурово упрекать товарищей, забывших о цели своего похода, и они, устыдившись, снова пустились в путь.

Миновав Фракийское море, через Геллеспонт аргонавты вышли в Пропонтиду и пристали к берегу, на котором жили долионы — миролюбивый и гостеприимный народ.

Долионам издавна досаждали их соседи — шестирукие великаны. Аргонавты решили помочь долионам, вступили в бой с великанами и уничтожили их. Благодарные долионы и их царь, юный Кизик, поклялись аргонавтам в вечной дружбе.

Аргонавты отправились дальше. Вскоре поднялась буря. Целый день «Арго» носился по волнам, а ночью его прибило снова к земле долионов. Не узнав в темноте друзей, долионы приняли их за морских разбойников и встретили с оружием в руках. Произошла короткая схватка, в которой Язон убил долионского царя.

Когда взошло солнце, аргонавты и долионы увидели свою роковую ошибку. Три дня и три ночи оплакивали они убитых, а вместе с ними плакали нимфы окрестных лесов, рек и гор.

Затем «Арго» продолжил свой путь.

Много приключений пришлось пережить аргонавтам, прежде чем они достигли Колхиды.

В Вифании они победили злобного царя Амика, во Фракии избавили слепого прорицателя Финея от чудовищных гарпий — хищных птиц с женскими головами, похищавших пищу несчастного слепца, так что тот едва не умер от голода. В благодарность за избавление прорицатель предупредил аргонавтов об опасности, которая будет подстерегать их в Босфорском проливе у выхода в Черное море, и дал совет, как ееизбежать.

Выход в Черное море преграждали плавучие скалы — Симплегады, находящиеся в постоянном движении. Они то с грохотом сшибались одна с другой, то расходились, на миг освобождая узкий проход. Еще ни одному кораблю не удавалось проскочить между ними.

Аргонавты, наученные Финеем, остановились перед Симплегадами и выпустили на волю белого голубя. Быстрее ветра пронесся голубь между скалами. Сомкнувшиеся Симплегады успели вырвать лишь несколько перьев из его хвоста — и снова разошлись. Пора! Аргонавты дружно взялись за весла, «Арго», подобно птице, полетел вперед. С грохотом сомкнулись Симплегады, но им удалось сломать лишь одну доску на его корме. А затем плавучие скалы разошлись — и остановились навсегда. (В другом варианте мифа преодолеть Симплегады аргонавтам помогла Афина: она одной рукой придержала скалы, а другой — подтолкнула корабль.) Наконец «Арго» достиг берегов Колхиды. Царь Ээт милостиво принял аргонавтов и пообещал отдать им золотое руно, если Язон выдержит испытание: запряжет в ярмо двух бронзовых огнедышащих быков, которых подарил Ээту бог-кузнец Гефест, вспашет на них священное поле возле рощи бога войны Ареса, засеет землю зубами дракона и соберет урожай, каков бы он ни был.

Задача была трудна, Гера и Афина решили помочь Язону. Они попросили Афродиту заронить в сердце дочери Ээта, прекрасной Медеи, любовь к Язону. Медея была жрицей (в некоторых вариантах мифа — дочерью) богини колдовства, мрачной Гекаты, и сама умела колдовать.

Полюбив Язона, она прибегла к чарам, изготовила для него волшебную мазь, дарующую неуязвимость, и научила его, как исполнить повеление Ээта.

Настал день испытания. Слуги Ээта выпустили разъяренных быков. Взревели быки и, изрыгая пламя, бросились на Язона. Но волшебная мазь защитила его от их бронзовых рогов. Язон пригнул головы быков к земле, надел им на шеи тяжелое ярмо, запряг в плуги вспахал Аресово поле. Потом взял корзину, полную зубов дракона, и побросал их в свежевспаханные борозды.

Едва успел Язон окончить посев, как показались дружные всходы: сначала из земли появились острые копья и блестящие шлемы, потом, словно колосья, поднялись во весь рост воины, выкованные из меди.

Воины обратили свое оружие против Язона, но он, как научила его Медея, поднял с земли большой камень и, размахнувшись, бросил в самую середину войска. Медные воины устремились к камню и, желая завладеть им, стали яростно сражаться друг с другом. Вскоре все они до единого

полегли, подобно сжатым колосьям.

Ээт, никак не ожидавший, что Язон останется в живых, задумал сжечь «Арго» и убить аргонавтов.

Медея узнала о жестоком замысле отца, предупредила аргонавтов и помогла им похитить золотое руно. Поздней ночью она привела Язона в рощу Ареса, где на священном дубе висело золотое руно, а возле стоял на страже огнедышащий дракон. Медея чарами усыпила дракона, и Язон завладел чудесным руном.

Не дожидаясь рассвета, «Арго» отчалил от берегов Колхиды, увозя бесценное руно и прекрасную Медею.

Царь Ээт снарядил погоню. Он знал, что аргонавты могут вернуться в Грецию двумя путями: или через Геллеспонт, или в обход, по реке Истр (современный Дунай), мимо северных Гиперборейских стран. Поэтому он разделил свой флот на две части, одну возглавил сам, а другую вверил своему сыну Абсирту, младшему брату Медеи.

Отряд Абсирта почти настиг аргонавтов. Тогда Медея пошла на хитрость. Она послала к брату гонца с письмом, в котором писала, что аргонавты силой держали ее в плену, но на одной из стоянок ей удалось бежать, и она ждет брата на пустынном острове. Абсирт поверил и отправился на встречу с сестрой. Но вместо Медеи его поджидал вооруженный Язон. Абсирт был убит.

По другому варианту мифа, брат Медеи был еще ребенком, и она увезла его из Колхиды в качестве заложника. Когда корабли Ээта погнались за «Арго», Медея сама убила Абсирта, рассекла его тело на части и побросала в море. Ээту пришлось задержаться, чтобы собрать куски тела сына для достойного погребения, и аргонавты смогли уйти от погони.

Так или иначе, Ээт прекратил преследование, но Язон и Медея, совершив вероломное убийство, навлекли на себя гнев богинь мщения эриний. С этого времени удача отвернулась от аргонавтов.

Долгим и мучительным было их возвращение на родину. Препятствия возникали одно за другим. Возле берегов Гипербореи на аргонавтов напали обитавшие там псоглавые люди, затем путь им преградили два чудовища, Сцилла и Харибда, и лишь благодаря помощи морской нимфы Фетиды им удалось избежать верной гибели.

А когда путь, казалось, был уже завершен, и аргонавты видели кровли Иолка, на «Арго» со страшной силой налетел встречный ветер и отнес его далеко на юг, выбросив на бесплодный, необитаемый берег.

Аргонавты оказались в пустыне, которую им предстояло пересечь пешком. Много дней шли они под палящим солнцем, увязая в раскаленном песке, неся на плечах «Арго», и дошли до самого края земли, где могучий Атлант держал небесный свод на своих плечах.

Там они спустили корабль на воду и снова поплыли морем.

И вот, наконец, аргонавты достигли родного берега.

Печальные вести ждали Язона. Его старый отец скончался, будучи отравлен по приказу Пелия.

Исполненный горя и гнева Язон отправился к Пелию. Он сложил к его ногам золотое руно и потребовал возвращения престола, теперь уже не для отца, а для себя.

Но Пелий снова обманул Язона. Он отказался принять руно, сказав, что во сне ему явились боги и повелели поместить руно в храме Ареса. Таким образом, получается, что Язон добывал золотое руно не для Пелия, а для Ареса, поэтому Пелий, считая себя свободным отданного обещания, оставляет престол за собой.

Язон не нашел, что возразить, и покинул царский дворец. Руно отнесли в храм Ареса, а Язон вместе с Медеей поселился в старом отцовском доме. Вскоре у них родился сын, потом другой. Язон и Медея жили тихо и незаметно, воспитывая своих сыновей.

Но со временем соседям стало известно, что Медея искусная волшебница, что она умеет варить колдовские зелья, насылать и исцелять болезни, возвращать молодость старикам. Многие стали обращаться к ней за помощью, и молва о ней распространилась по всему городу.

Однажды к Медее пришли дочери Пелия и стали просить, чтобы она вернула молодость их отцу. Злобная радость вспыхнула в сердце Медеи. Она сказала царевнам, что нужно убить старого Пелия, разрубить его тело на куски и бросить их в кипящий отвар из волшебных трав — тогда к нему вернется молодость. Однако вместо волшебных трав Медея дала дочерям Пелия самые обыкновенные. Царевны исполнили все, как велела Медея, и коварный Пелий погиб от рук собственных дочерей.

Престол унаследовал сын Пелия Акает. Когда ему стало известно, что убийство отца произошло по вине Медеи, он изгнал ее вместе с мужем и детьми из Илока.

Изгнанники поселились в Коринфе, у друга Язона, царя Креона. Язон влюбился в дочь Креона, Креусу, и собрался на ней жениться.

Медея, обезумев от ревности, послала Креусе одежду, пропитанную ядом. Девушка надела ее и сгорела в невидимом огне. Но смерть соперницы не вернула Медее Язона. Он так горестно оплакивал погибшую невесту, что Медея терзалась ревностью сильнее прежнего. Чтобы отомстить неверному мужу, она совершила страшное злодеяние — своими руками убила их сыновей.

Затем Медея чарами вызвала колесницу, запряженную драконами, и навсегда покинула Грецию, вернувшись в родную Колхиду.

Прошло много лет. О походе аргонавтов стали слагать легенды, «Арго» стоял на берегу и его почитали как святыню.

Однажды Язон, уже глубокий старец, пришел взглянуть на свой корабль. И вдруг старый «Арго» рухнул, похоронив под своими обломками предводителя аргонавтов.

Сказание об аргонавтах возникло, предположительно, в VIII веке до н. э. В нем нашли отражение путешествия греков по Черному и Средиземному морям.

Большинство географических пунктов, упоминаемых в сказании, вполне реальны и описаны достаточно точно. Цель плавания аргонавтов, Колхида — территория современной Западной Грузии, где в VI веке до н. э. были образованы греческие колонии.

Греки называли Колхиду «златообильной». Древнегреческий географ Страбон, живший в I веке до н. э. — I веке новой эры, писал: «Богатство Колхиды золотом, серебром и железом было истинной причиной

похода (аргонавтов)». Страбон же высказал предположение о реальном прообразе золотого руна, упомянув о золотоносных реках Колхиды и бытовавшем там способе добычи золота «при помощи косматых шкур». Этот способ сохранялся в горных районах Колхиды (в современной Сванетии) до самого недавнего времени. Этнографы в 40-х годах XX века описывали его так: «Натянутую на доску или же расправленную каким-либо другим способом овечью шкуру помещали в реке и укрепляли так, чтобы ее не унесло течением, и чтобы шкура была обращена шерстью кверху. Намокшая шерсть удерживала частицы золота. Спустя определенное время шкуру достают из воды и расстилают на земле для просушки. Затем высохшую шкуру выбивают, вытряхивая из нее золотые крупинки».

35. ДЕДАЛ И ИКАР

Имя Дедал означает «искусный». Дедал в греческой мифологии — замечательный изобретатель, архитектор и скульптор, получивший свое мастерство от самой Афины. Ему приписывается изобретение таких инструментов, как топор, бурав и отвес.

Дедал жил в Афинах и был весьма почитаем согражданами за свое искусство. Здания, которые он строил, поражали красотой и величием, а созданные им статуи казались настолько живыми, что их приковывали цепями к стенам, опасаясь, как бы они не убежали. (Впрочем, возможно, статуи Дедала были снабжены хитроумными механизмами и, действительно, могли двигаться. Есть сведения, что в Древней Греции умели изготавливать такие скульптуры-автоматы.) Дедал тщательно скрывал секреты своего мастерства и отказывался брать учеников. Лишь однажды он сделал исключение и взялся обучить сына своей сестры Талоса. Юноша оказался очень способным. Он быстро выучился всему, чему мог научить его Дедал, и пошел дальше учителя, изобрел пилу, токарный станок и гончарный круг.

Испугавшись, что слава ученика превзойдет его собственную, Дедал пригласил племянника на прогулку по крепостной стене — и столкнул его вниз. (По народному поверью, Талос после смерти превратился в куропатку. Этим объясняли то, что куропатки боятся высоты и вьют свои гнезда на земле.) Преступление стало известно властям, и Дедалу пришлось покинуть Афины. Он нашел приют у критского царя Миноса. На острове Крит Дедал провел долгие годы. Он построил для Миноса замечательное сооружение — дворец-Лабиринт, в котором царь заключил чудовищного получеловека-полубыка Минотавра. Развалины дворца-Лабиринта, строительство которого приписывается Дедалу, сохранились на Крите до сих пор.

В мифе о Тезее, проникшем в Лабиринт и победившем Минотавра, рассказывается, что Дедал научил Тезея и его спутников священному танцу, имеющему очень сложный рисунок: танцующие двигались по круговым и расходящимся линиям, что символизировало поиски выхода из Лабиринта. Впоследствии этот танец стал популярен в Греции под названием «Журавель», его исполняли вместе мужчины и женщины. Один из греческих авторов, Поллукс, пишет: «Журавля танцевали все вместе, один за другим рядами, причем на обоих концах каждого ряда были свои вожаки». Судя по описанию, подобный танец-игра характерен для танцевальной культуры многих народов мира.

Со временем безотлучная жизнь на Крите стала тяготить Дедала, но Минос, дорожа замечательным мастером, не хотел его отпустить. Он запретил каким-либо кораблям принимать Дедала на борт. Тогда Дедал решил бежать необычным путем — по воздуху.

Для себя и для своего сына Икара, родившегося на Крите, он сделал крылья из птичьих перьев, скрепив их воском. Приладив эти крылья к плечам, отец и сын взмыли в небо и полетели над морем. Дедал указывал дорогу, Икар летел следом.

Дедал заранее предостерег сына, чтобы тот не опускался слишком низко, поскольку крылья, намокнув от морских брызг, станут тяжелыми, и не поднимался слишком высоко, чтобы солнце не растопило воск, скрепляющий перья.

Но юноша пренебрег предостережениями отца и, увлеченный полетом, поднялся к самому солнцу. От солнечного жара воск растаял, крылья Икара рассыпались и он, упав в море, утонул.

Дедал отыскал тело сына по перьям, плававшим по воде. Он похоронил Икара на пустынном острове, который с тех пор стал называться Икарией, а окружающее его море — Икарийским.

Оплакав погибшего сына, Дедал продолжил свой полет, благополучно достиг берега и поселился в Сицилии у царя Кокала.

Минос не примирился с бегством Дедала и приказал его отыскать. Но никому из посланных критского царя не удалось узнать, где скрывается искусный мастер. Тогда Минос прибегнул к хитрости: он объявил, что невозможно протянуть шелковую нить через все внутренние изгибы морской раковины, и предложил желающим опровергнуть его утверждение. Царь не сомневался, что Дедал придумает какой-нибудь хитроумный способ и, обнародовав его, обнаружит свое местопребывание.

Дедал не смог отказать себе в удовольствии подумать над сложной задачей — и в конце концов нашел решение: привязал нитку к муравью и пустил его внутрь раковины, муравей прополз по ее изгибам, протащив за собой нить. Дедал послал раковину с протянутой через нее нитью Миносу, и тот, выяснив, откуда ее прислали, двинулся на Сицилию во главе своего флота.

Но поход закончился для Миноса его гибелью, а Дедал дожил до глубокой старости, пользуясь почетом и всеобщим уважением.

36. ОРФЕЙ

Матерью замечательного поэта, певца и музыканта Орфея была муза эпической поэзии Каллиопа, а отцом — сам Аполлон.

В представлении древних народов, искусство поэзии, способное овладевать душами людей, вселять в них печаль или радость, гнев или умиротворенность, было сродни чародейству. Поэта окружали особым мистическим ореолом, а в стихах видели отражение древних тайных знаний, современную мудрость и зашифрованные предсказания будущего. Поэт уподоблялся богу, творящему из хаоса гармонию.

Орфею приписывается изобретение кифары — струнного музыкального инструмента. Когда Орфей пел свои стихи, аккомпанируя себе на кифаре, его заслушивались и боги, и люди, и дикие звери, камни сдвигались со своих мест, чтобы быть ближе к поэту, а водные потоки

останавливались, боясь помешать ему своим шумом.

У Орфея была жена — прекрасная нимфа Эвридика, которую он горячо любил. Однажды Эвридика со своими сестрами-нимфами танцевала на лесной поляне среди цветов. Вдруг из травы выползла ядовитая змея и ужалила ее. Укус был смертельным, прекрасная нимфа умерла.

Орфей был в отчаянии и решился проникнуть в царство мертвых, чего еще никому никогда не удавалось, и вызволить оттуда любимую жену. Живым не было доступа в подземное царство, его вход охранял грозный страж — свирепый пес Цербер. Но Орфей своим пением зачаровал Цербера, и тот его пропустил.

Певец предстал перед суровым владыкой царства мертвых, мрачным богом Аидом. Ничего не стал говорить ему Орфей, а тронул струны кифары — и запел о своей любви к Эвридике и о горе, которое он терпит в разлуке с любимой.

Песня Орфея была так печальна и прекрасна, что жена Аида Персефона залилась слезами, а сам Аид согласился отпустить Эвридику.

Владыка подземного царства предупредил Орфея, что он не должен смотреть на свою жену, пока не выведет ее на землю, в мир живых.

Орфей пошел вперед, Эвридика следовала за ним. Но, находясь еще в царстве мертвых, она оставалась бесплотной тенью, и ее шаги не были слышны. Орфей не удержался и оглянулся, чтобы посмотреть, здесь ли она. Запрет был нарушен, и Эвридика уже не могла покинуть подземного царства. Орфей вернулся на землю один.

С тех пор радость ушла из жизни Орфея. Он искал уединения, его песни были печальны, и вся природа горевала вместе с ним.

Бог вина и веселья Дионис (Вакх) разгневался на печального певца и наслал на него своих верных спутниц — пьяных вакханок. Их вопли и крики заглушили голос Орфея и звуки его кифары. Певец, которому покорялись дикие звери и бесчувственные камни, был растерзан толпой обезумевших от вина вакханок.

Музы похоронили тело Орфея, а его дух сошел в царство Аида и навеки соединился с Эвридикой.

В VI веке до н. э. в Греции возникло религиозно-философское течение — орфизм, основателем которого считали Орфея. Орфисты утверждали, что многочисленные боги, которым привыкли поклоняться греки, на самом деле являются лишь внешними проявлениями единой божественной сущности. Позже, в первые века христианства, образ Орфея иногда отождествлялся с образом Христа.

37. ЦАРЬ ЭДИП

Ливанский царь Лай и его супруга Иокаста долгое время были бездетны. Наконец, Иокаста забеременела, и Лай отправился к Дельфийскому оракулу спросить о судьбе будущего ребенка.

Ответ оказался страшным: оракул предрек, что сын Лая и Иокасты, став взрослым, сделается убийцей своего отца и мужем собственной матери.

Ужас охватил царя и царицу. Когда их первенец родился, они приказали проткнуть ему сухожилия на ногах железными булавками, отнести на гору Киферон и там оставить.

На горе паслись стада, принадлежавшие каринфскому царю Полиду. Пастухи нашли покинутого ребенка и отнесли своему господину. Полид и его жена Меропа усыновили найденыша и дали ему имя Эдип, что значит «с распухшими ногами».

Эдип вырос в уверенности, что Полид и Меропа его родители. Однако в народе ходили слухи о сомнительном происхождении царского сына и, наконец, дошли до самого Эдипа.

Он отправился в Дельфы к оракулу и спросил: «Царский ли я сын?» Оракул ответил, что вопрошающий — несомненно сын царя и царицы, но должен остерегаться возвращения на родину, ибо ему суждено убить отца и жениться на матери.

Эдип, считавший своей родиной Коринфа, не мог не понять ответ оракула превратно. Ужаснувшись пророчества, он решил никогда более не видеть ни родины, ни родителей — и отправился странствовать.

Злая судьба направила его в Фивы. По пути он встретил знатного человека на колеснице. Надменный незнакомец оскорбил путешествующего пешком Эдипа, ударив его посохом. Юноша схватил палку — и убил оскорбителя.

Незнакомцем был царь Лай. Так исполнилась первая часть предсказания оракула.

Незадолго до этого Фивы постигла страшная беда. На подступах к городу, на высокой скале, поселилась Сфинкс. (В греческой мифологии Сфинкс — чудовище женского пола — с человеческой головой и грудью, львиным телом и крыльями хищной птицы.) В более ранних вариантах мифа Сфинкс просто пожирала всех, проходивших мимо, в более поздних — загадывала им загадку: «Кто утром имеет четыре ноги, днем — две, а вечером — три?» Того, кто не мог отгадать загадку, она сбрасывала со скалы в пропасть. Ответа на мудреную загадку не знал никто, страх и печаль поселились в Фивах и их окрестностях.

Когда произошла несчастная встреча Лая с Эдипом, Ливанский царь как раз направлялся вДельфы, чтобы узнать у оракула, как одолеть Сфинкс.

Фиванцы нашли тело своего царя и решили, что он был убит разбойниками. Лая с почетом похоронили, и временным правителем в Фивах стал его шурин Креонт. Креонт объявил, что тот, кто избавит Фивы от Сфинкс, получит царский престол и вдову царя, Иокасту, в жены.

Тем временем Эдип достиг Фив. Узнав об обещании Креонта, он отправился к Сфинкс и победил ее. В более древнем варианте мифа — с оружием в руках, в более позднем — разгадав ее загадку. (Разгадка такова: человек, будучи младенцем, ползает на четвереньках, в зрелые годы ходит на двух ногах, в старости — опирается на клюку.) Сфинкс бросилась в пропасть, а Эдип стал царем и мужем Иокасты.

Долгие годы прожил Эдип в неведении, что страшное пророчество уже свершилось и он повинен в отцеубийстве и кровосмешении. От его брака с Иокастой родилось четверо детей.

И вот боги решили, что настала пора покарать Эдипа. Они наслали на Фивы неурожай, голод и мор.

Эдип призвал мудрого прорицателя Тирезия. Прорицатель был слеп, но ему было ведомо и прошлое, и будущее, он знал тайны всех людей и

понимал язык птиц. Эдип спросил Тирезия, за что боги карают Фивы, и прорицатель открыл ему страшную правду.

Иокаста, узнав, что была женой собственного сына, убившего своего отца, покончила с собой, а Эдип ослепил себя и навсегда покинул Фивы.

Сыновья, узнав о преступлении Эдипа, отреклись от него, и лишь младшая дочь Антигона добровольно отправилась с отцом в изгнание. Долго бродили слепой Эдип и служившая ему поводырем Антигона по свету и, наконец, поселились вблизи священной рощи эриний — богинь мщения, которые, благодаря вмешательству Аполлона, в конце концов смирили свой гнев, и Эдип мирно окончил свои дни.

38. НАРЦИСС

Миф о Нарциссе относится к числу этиологических, то есть объясняющих происхождение чего-либо. Он рассказывает о появлении на земле широко известного красивого, но холодного цветка.

Название «нарцисс» созвучно с греческим глаголом, который можно перевести как «замирать», «цепенеть». В Древней Греции нарциссами украшали умерших.

Некогда Нарцисс был прекрасным юношей, сыном речного божества Кефисса и нимфы Лириопы. В детстве прорицатель предсказал ему, что он счастливо доживет до глубокой старости, если никогда не увидит своего отражения.

Нарцисс жил легко и беспечно, увлекался охотой и не подозревал о своей необыкновенной красоте, из-за которой по нему страдали многие женщины.

Однажды его полюбила нимфа Эхо, но Нарцисс жестоко отверг ее чувства. Несчастная нимфа истаяла от любви так, что от нее остался только голос.

Богиня правосудия Немезида решила, что следует наказать бессердечного красавца и заставить его испытать те страдания, которые он причинял другим.

По воле богов Нарцисс, возвращаясь с охоты, захотел пить. Он склонился над прозрачным ручьем — и в тихой воде увидел свое отражение. Тут же его охватила неутолимая и безысходная любовь к самому себе. Он умер от сердечной тоски и превратился в цветок.

Имя «Нарцисс» стало нарицательным, обозначая самовлюбленного, сосредоточенного на самом себе человека.

Существует и другой, более рационалистический вариант мифа, по которому у юноши была любимая и чрезвычайно на него похожая сестра. Когда девушка умерла, Нарцисс стал подолгу глядеть на свое отражение, воображая, что видит умершую, и в конце концов зачах от печали.

В мифе о Нарциссе присутствует древнейшее представление человека об отражении как границе двух миров — реального и иллюзорного. Приближение к этой границе таит опасность утраты себя, перехода в другое качество. Не случайно до сих пор существует обычай не давать зеркала ребенку до года и завешивать зеркала в доме умершего.

Изящество и назидательность мифа о Нарциссе не раз привлекали художников и поэтов разных времен.

В ботанике цветок нарцисса называется «Narcissus Poeticus», то есть «поэтический».

39. ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

В городе Аргосе правил царь Ахризий. У него была единственная дочь, прекрасная Даная. Оракул предсказал Акризию, что он погибнет от руки своего внука, сына Данаи. Акризий решил обмануть судьбу, он приказал построить под землей медный дворец и заточил там свою дочь.

Но никто не властен избежать предназначенного судьбой. Сам великий Зевс влюбился в прекрасную Данаю, проник к ней в подземный дворец в виде золотого дождя — и царевна родила сына, которого назвала Персеем. Акризий, узнав, что вопреки всем предосторожностям у него все же появился внук, приказал посадить Данаю вместе с ребенком в большой ларь и бросить в море.

Ларь плавал по волнам, пока возле острова Сириф его не выловил рыбак по имени Диктис. Он приютил несчастную мать с сыном, и Персей стал расти в рыбачьей хижине.

Островом правил царь Полидект. Прельстившись красотой Данаи, он стал ее преследовать. Даная с негодованием отвергала его домогательства, однако Полидект не оставил своих намерений и решил сломить сопротивление красавицы силой. Но для этого ему надо было устранить единственного защитника Данаи — Персея, ставшего к тому времени юношей.

Полидект сказал Персею: «Далеко-далеко, на самом краю света, там, где землю омывает река под названием Океан, живут три сестры-горгоны — крылатые чудовища, покрытые чешуей, со змеями вместо волос, способные своим взором все живое обращать в камень. Две старшие сестры наделены даром бессмертия, и бороться с ними бессмысленно, но младшая — ее зовут Медуза — смертна, и ее можно победить. Ты уже взрослый, Персей, подвиг тебе по силам. Добудь для меня голову Медузы- горгоны!» Персей не догадывался о злом умысле Полидекта, привык почитать его как царя и охотно взялся исполнить опасное поручение. Он простился с матерью и отправился в дальний путь.

Едва Персей вышел из города, как ему явилась богиня Афина и спросила: «О, юный Персей, куда ты идешь? Ведь ты даже не знаешь, где тот край, в котором обитает Медуза-Горгона!» Юноша склонился перед Афиной и попросил указать ему дорогу.

Но Афина сказала: «Иди сначала к вещим старухам-грайям и заставь их помочь тебе найти жилище лесных нимф. А уж нимфы снарядят тебя в путь и укажут дорогу».

Три вещие грайи были порождением морских божеств Форкия и Кето. Они родились уже седыми старухами и на троих имели только один зуб и один глаз, которыми пользовались по очереди.

Персей отыскал пещеру, где жили старухи, завел с ними разговор и попросил разрешения разглядеть поближе их зуб и глаз. Грайи, покоренные его обходительностью, не подозревая никакого подвоха, разрешили. Но Персей, едва зуб и глаз оказались у него в руках, отбежал в сторону и сказал, что не вернет их старухам, если те не укажут ему дороги к лесным нимфам. Старухи исполнили его желание, и Персей, вернув им зуб и глаз, отправился к жилищу лесных нимф.

Те уже ждали юного героя. Они дали Персею крылатые сандалии, шапку-невидимку и заплечную суму, указали, куда надо идти, пожелали счастливого пути и победы над Медузой-Горгоной.

В пути Персея нагнал бог Гермес, тоже захотевший помочь юноше, и подарил ему острый, изогнутый, подобно серпу, нож.

Крылатые сандалии по воздуху быстро перенесли Персея на край света, где он увидел трех горгон. Сестры спали, глаза их были закрыты, и змеи на головах не шевелились. Все же Персей, помня, что взгляд Горгон способен обращать все живое в камень, предпочел смотреть не на них, а на их отражение в своем отполированном до блеска щите. Сестры были похожи друг на друга, и Персей растерялся, не зная, которая же из них Медуза?

Тут явилась Афина и, указав на одно из спящих чудовищ, сказала: «Вот Медуза!» Персей взмахнул своим острым, подобным серпу, ножом и отсек Медузе-Горгоне голову. Спрятав страшную голову в заплечную суму, он поспешил в обратный путь. Старшие горгоны проснулись и пустились в погоню. Они нагнали бы его, хотя в крылатых сандалиях он летел быстрее ветра, но Персей надел шапку-невидимку и ускользнул от преследовательниц.

Пролетая над Эфиопией, Персей увидел девушку, прикованную к скале на берегу моря. Это была Андромеда, дочь эфиопского царя Кефея и его жены Кассиопеи.

Мать Андромеды была так хороша собой, что стала похваляться своей красотой перед морскими нимфами-нереидами. Обиженные нереиды пожаловались своему отцу Посейдону, и он наслал на Эфиопское царство морское чудовище, опустошавшее страну и приносящее неисчислимые бедствия.

Царь Кефей обратился к прорицателям за советом, как избавиться от напасти. Прорицатели сказали, что чудище уйдет обратно в море и никогда не вернется, если принести ему в жертву царскую дочь. И несчастную Андромеду отвели на берег моря, приковали к скале и оставили ожидать страшной смерти.

Конечно же, Персей решил спасти девушку. Когда чудовище показалось из воды, он достал из сумы отрубленную голову Медузы-Горгоны и высоко поднял за волосы змеи. Взор Медузы еще сохранял свою страшную силу — и чудовище обратилось в камень.

Счастливый Кефей отдал Андромеду Персею в жены, и после свадебных торжеств Персей с молодой женой отправился на остров Сириф, где, как он полагал, его с нетерпением ждет царь Полидект.

Между тем Полидект, уверенный, что Персей погиб, преследовал Данаю столь настойчиво, что ей пришлось искать убежища в храме, у алтаря. Персей встал на защиту матери и при помощи головы Медузы-горгоны превратил Полидекта в камень, после чего передал царский престол Диктису, рыбаку, некогда спасшего Данаю и Персея от гибели в морских волнах. (Впрочем, в некоторых вариантах мифа говорится, что Диктис был братом Полидекта, а жизнь рыбака вел просто из прихоти.) Персей с женой и матерью решил вернуться в Аргос, народину.

Царь Акрисий, узнав, что его внук жив и скоро прибудет в Аргос, в страхе покинул дворец и скрылся неведомо куда.

Персей стал царем Аргоса.

Некоторое время спустя в Аргосе проходили спортивные игры. Персей, наделенный силой и ловкостью, принял участие в метании диска. Неожиданно тяжелый медный диск, пущенный его рукой, отлетел так далеко, что угодил в толпу зрителей и насмерть поразил какого-то старика. Этим стариком оказался царь Акрисий. Он не смог обмануть судьбу и погиб от руки своего внука.

Персей жил долго и счастливо, великодушно и мудро управляя своей страной. Чудесные сандалии, шапку-невидимку и заплечную суму он вернул лесным нимфам, а страшную голову Медузы-горгоны подарил Афине, и богиня прикрепила ее к своему щиту.

В XIX веке Миф о Персее имеет различные толкования. В XIX веке автор одной из книг по мифологии Отто Зееманн писал, что «объяснение его уже древним доставило немало хлопот, и тем не менее в мнениях о нем новых толкователей существует еще большее разногласие».

Древнейший пласт мифа, вероятнее всего, отражает процессы, происходящие в природе. Заточенная в подземелье Даная — это земля, скованная зимней стужей. Оплодотворенная небесным золотым дождем, она рождает сына, олицетворяющего Солнце, который вступает в борьбу с силами холода и тьмы — и побеждает их.

О том, что Персей изначально был солнечным божеством, говорят принадлежащие ему традиционные символы солнца: блестящий щит, который помог ему уничтожить Медузу-Горгону, и медный диск, которым он поразил Акрисия.

Более поздний пласт мифа о Персее сложился в классическую эпоху. В то время на первый план выступила идея о власти Олимпийских богов не только на небе, но и на земле. Персей, сын Зевса, становится земным царем.

В отличие от большинства греческих мифов, имеющих фатально-трагическую развязку, миф о Персее, подобно народной сказке, полон светлой веры в победу добра над злом: благородный герой, едва родившись, избегает неминуемой гибели, успешно борется со злыми силами, спасает прекрасную царевну, женится на ней и в награду за бескорыстное служение добру получает долгую и счастливую жизнь.

Именами Персея и Андромеды названы два созвездия.

40. ТРОЯНСКАЯ ВОИНА

Троя — город на северо-западе Малой Азии, захваченный и разоренный коалицией греческих царей около 1260 года до н. э. Война греков и троянцев (племенная принадлежность последних в точности не установлена) послужила основой для эпических народных сказаний, получивших окончательное оформление в великой поэме Гомера «Илиада».

Колонизация Малой Азии греками началась в глубокой древности. Поселение, возникшее в конце IV тысячелетия до н. э. на месте Трои, благодаря своему выгодному географическому положению на пути из Средиземного в Черное море, не раз привлекало к себе завоевателей. Вероятно, в сказаниях о Троянской войне народная память объединила завоевание Трои греками, произошедшее в середине XIII века до н. э. с событиями конца III тысячелетия до н. э., когда, как показали

археологические раскопки, более раннее поселение, находившееся на том же месте, также было захвачено врагами и сожжено.

По преданию, основателем Трои стал правнук Зевса по имени Трой. Строительство города было завершено при сыне Троя — Иле, поэтому Трою часто называют также Илионом (отсюда название поэмы Гомера«Илиада»).

Сюжетом «Илиады» послужили лишь несколько эпизодов Троянской войны: ссора предводителя греческого войска Агамемнона с греческим героем Ахиллом (Ахиллесом) и печальные последствия этой ссоры. Автор «Илиады», обращаясь в начале поэмы к музе-вдохновительнице, ясно определяет то, о чем он собирается поведать:

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий содеял…

(Перевод П.И. Гнедича)

(Ахеяне, или ахейцы — одно из греческих племен. В «Илиаде» часто так именуются греки вообще.) Тем не менее, многочисленные отступления, содержащиеся в «Илиаде», и сочинения греческих авторов более позднего времени, также как и Гомер, пользовавшихся устными народными преданиями, дают достаточно полную картину сказаний о Троянской войне.

События, приведшие к Троянской войне, начались на Олимпе.

Зевс домогался любви нимфы Фетиды. Но вещие мойры, богини судьбы, предсказали, что сын, рожденный Фетидой, превзойдет силой и доблестью своего отца и свергнет его. Всемогущий Зевс испугался и решил выдать Фетиду замуж за смертного человека, избрав ей в мужья царя Пелея.

Гордая нимфа сочла подобный брак унизительным и обратилась в бегство, а когда Пелей все же настиг ее, стала яростно ему сопротивляться, превращаясь то в птицу, то в свирепого тигра, то в пылающий огонь. Но Пелей не выпускал ее из объятий — и красавица смирилась. Она согласилась стать женой Пелея, но взяла с него клятву, что он — смертный — будет почитать ее как богиню и никогда не скажет ей ни одного грубого слова.

Пелей поклялся, и они сыграли свадьбу.

Свадебный пир почтили своим присутствием все олимпийские боги, принеся новобрачным щедрые дары. Не пригласили на свадьбу лишь Эриду — богиню вражды и раздора.

Но коварная Эрида пришла незванной и незаметно подкинула на пиршественный стол яблоко из чистого золота с надписью — «Прекраснейшей».

Тут же три олимпийские богини-красавицы — Гера, Афина и Афродита — заспорили, кому из них оно предназначено. Богини жестоко перессорились между собой и, в конце концов, обратились к Зевсу с просьбой рассудить их.

Осмотрительный Зевс понимал, что, присудив яблоко одной из богинь, он неминуемо навлечет на себя гнев двух других. Поэтому он посоветовал им избрать судьей в своем споре красивейшего из людей,

юношу по имени Парис.

Парис был сыном троянского царя Приама и царицы Гекубы. Когда Гекуба ожидала его рождения, ей приснился сон, будто она родила горящий факел, от которого запылала вся Троя. Толкователи снов сочли этот сон недобрым и объявили, что сын, рожденный Гекубой, навлечет на Трою бедствия и гибель.

Напуганные таким предсказанием, царь и царица, едва Парис родился, приказали отнести его в лес и там оставить. Но судьба берегла новорожденного. Медведица выкормила его своим молоком, а затем его нашел пастух, пасший царские стада, и взял к себе.

Парис вырос в пастушеской хижине и сам стал пастухом.

И вот однажды, когда Парис пас овец у подножья горы Иды, перед ним предстали три богини во всем блеске своей красоты и, вручив ему золотое яблоко, потребовали, чтобы он отдал его той, которая, по его мнению, красивее других.

Парис растерялся: все три богини казались ему одинаково прекрасными. Тогда Гера пообещала ему в обмен на яблоко славу, Афина — мудрость, а Афродита — самую красивую из смертных женщин в жены. И Парис отдал яблоко Афродите.

Богини вернулись на Олимп, а Парис стал ждать, когда исполнится обещание Афродиты.

Ждать пришлось долго. Красивейшей из смертных женщин была спартанская царевна Елена. Она приходилась дочерью самому Зевсу, который явился к ее матери, Леде, в образе лебедя. Однако, муж Леды, спартанский царь Тиндарей, считал отцом Елены Прекрасной себя и был очень обеспокоен ее будущим замужеством.

Привлеченные необыкновенной красотой Елены, в Спарту съехалось множество женихов. Среди них были могущественные цари и прославленнее воины. Тиндарей оказался в затруднительном положении: он боялся, что, избрав кого-то из них в мужья Елене, наживет себе во всех остальных сильных и опасных врагов, поэтому медлил с решением.

Так продолжалось до тех пор, пока один из женихов, царь Итаки Одиссей, случайно увидев племянницу Тиндарея, добрую и кроткую Пенелопу, не влюбился в нее. Одиссей сразу же отказался от притязаний на руку Елены и дал Тиндарею дельный совет: взять со всех женихов торжественную клятву, что они не станут завидовать тому, кто окажется счастливым избранником, а будут ему друзьями и союзниками до конца своих дней.

Женихи, каждый из которых надеялся, что выбор падет на него, были не прочь заручиться могущественными союзниками и охотно дали клятву.

Тогда Тиндарей объявил о своем решении: мужем для дочери он избрал Менелая, младшего брата микенского царя Агамемнона, и передал ему свое царство. Менелай стал спартанским царем.

Тем временем в Трое проходили спортивные игры. Парис принял в них участие и оказался победителем. Царь Приам и царица Гекуба признали в победителе своего сына, которого считали погибшим, и очень ему обрадовались. Сестра Париса, Кассандра, наделенная даром пророчества, пыталась напомнить о грозном предсказании. Но она некогда

отвергла любовь Аполлона, и бог в отместку сделал так, что ей никто не верил. Парис занял место, подобающее ему по рождению.

Вскоре ему явилась Афродита и повелела отправляться в Спарту за прекраснейшей из женщин.

Менелай принял Париса как дорогого гостя, Парис же отплатил ему черной неблагодарностью. Воспользовавшись отлучкой Менелая из дома, он похитил Елену, сел на корабль и покинул Спарту. Афродита послала ему попутный ветер, и Парис благополучно привез Елену в Трою.

Менелай, узнав о вероломстве своего гостя, стал собирать войско, чтобы взять Трою приступом и вернуть жену. Ему на помощь явились его союзники — давшие клятву бывшие женихи Елены. Собралось огромное войско, разместившееся на кораблях, которых насчитывалось более тысячи. Возглавлял войско старший брат Менелая, микенский царь Агамемнон.

Лишь один Одиссей попытался уклониться от участия в походе против Трои. К тому времени он женился на Пенелопе, и у него родился сын Телемак. Одиссей наслаждался радостями мирной жизни и не хотел их лишаться. Он прикинулся сумасшедшим, но посланцы Менелая разгадали его хитрость, и Одиссею пришлось присоединиться к войску.

Греки были готовы выступить в поход, но предсказатели объявили, что поход не будет успешным, если в нем не примет участия юный, еще никому неведомый герой по имени Ахилл. Ахилл был сыном Пелея и Фетиды, на свадьбе которых некогда появилось яблоко раздора. Фетида знала, что ее сыну предначертано стать великим героем и погибнуть в бою — и вознамерилась обмануть судьбу. Она искупала младенца Ахилла в водах священной реки Стикс, чтобы тело его стало неуязвимым для любого оружия, купая, Фетида держала сына за пятку, и она осталась не омытой волшебной водой.

Затем Фетида попыталась сжечь огнем смертную сущность Ахилла, чтобы тот стал бессмертным. На беду, этот обряд увидел Пелей. Испугавшись за сына, он выхватил его из пламени, а Фетиду сурово выбранил, нарушив тем самым данную перед свадьбой клятву никогда не говорить ей грубых слов.

Оскорбленная Фетида тут же навсегда покинула мужа, но продолжала заботиться о судьбе Ахилла.

Пелей, оставшись без жены, отдал ребенка на воспитание мудрому кентавру Хирону, воспитавшему многих героев. Хирон научил Ахилла читать и писать, играть на музыкальных инструментах и владеть оружием.

Когда предсказатели объявили, что без Ахилла нельзя отправляться в Троянский поход. Одиссей вызвался отыскать юного героя.

Фетида предприняла последнюю попытку уберечь сына от предназначенной ему судьбы. Она нарядила Ахилла в женское платье и поселила в доме царя Ликомеда вместе с его дочерьми. Но хитроумный Одиссей узнал об этом и явился к дочерям Ликомеда под видом бродячего торговца. Чтобы определить, которая из девушек — переодетый герой, Одиссей разложил перед ними свои товары — украшения, наряды и — боевой меч. Ахилл, в отличие от царевен, разумеется, заинтересовался мечом, и таким образом обнаружил себя. Он охотно согласился скинуть женское платье и присоединиться к греческому войску.

Перед тем как покинуть родные берега, греки собрались вокруг алтаря, чтобы принести жертву богам. Алтарь стоял на поляне, под высоким платаном. Вдруг из-под алтарного камня выползла змея и стала подниматься по стволу дерева. Среди ветвей она обнаружила птичье гнездо с птенцами. Змея задушила восьмерых птенцов и девятую — саму птицу, а затем обратилась в камень.

Прорицатель Калхас сказал: «Мы будем воевать с троянцами девять лет, и на десятый одержим победу».

Достигнув Трои, греки вытащили свои корабли на песок и встали лагерем под ее стенами, разбили палатки и окружили лагерь глубоким рвом и высоким валом.

Началась многолетняя осада Трои. Греки отважно штурмовали город, троянцы стойко оборонялись. Среди греческих воинов не было равных по силе и храбрости Ахиллу, среди троянцев — сыну царя Приама, старшему брату Париса, Гектору.

Нередко в сражение вмешивались боги: Гера, Афина, Посейдон помогали грекам, Афродита, Арес, Аполлон — троянцам.

Менелай вызвал на поединок Париса. Меч Менелая от удара о шлем Париса разлетелся на куски. Однако, даже оставшись безоружным, Менелай одолел противника. Он сбил Париса с ног и, ухватив за конскую гриву, украшавшую его шлем, потащил по земле к лагерю греков. Но ремень шлема лопнул, Парис вскочил на ноги и обратился в позорное бегство. Афродита укрыла его облаком и препроводила в Трою.

Елена Прекрасная наблюдала с городской стены за поединком. Она уже жалела, что, легкомысленно поддавшись уговорам Париса, бежала из дома, и была готова вернуться к Менелаю. Но тут перед ней предстала Афродита и приказала оставаться с Парисом, пригрозив в противном случае своим гневом. Робкая Елена покорилась.

В постоянных сражениях прошло девять лет, и наступил решающий десятый год, который, по слову прорицателя, должен был принести грекам победу.

Но неожиданно в греческом лагере начался повальный мор. Воины, уцелевшие в боях, умирали от неведомой болезни.

Греки обратились к богам, чтобы узнать, чем навлекли они на себя их гнев. И боги ответили, что виновник несчастья — предводитель войска царь Агамемнон, который держит у себя в качестве пленницы дочь жреца Аполлона Хризеиду.

Воины собрались на общий совет и порешили, что Агомемнон должен вернуть девушку отцу. Агомемнон был вынужден подчиниться общему решению, но взамен, пользуясь своей властью, присвоил себе другую пленницу, Бризеиду, захваченную Ахиллом.

Ахилл, возмущенный таким произволом, объявил, что отныне не хочет быть под началом у Агамемнона, прекращает участие в войне и удалился в свою палатку.

Лишившись поддержки Ахилла, греки стали терпеть одно поражение за другим. Агамемнон пытался умилостивить оскорбленного героя, обещал вернуть Бризеиду, предлагал ему в жены любую из своих дочерей с богатым приданным, но Ахилл отвергал все попытки к

примирению и целыми днями пил в своей палатке вино и играл на лире.

Однажды троянцы совершили отважную вылазку. Преодолев ров и вал, они ворвались в лагерь греков. Закипел бой. Троянцы стали оттеснять греков к их кораблям.

Лучший друг Ахилла, Патрокл, устремился в палатку героя и со слезами стал умолять его вмешаться в битву, чтобы спасти соотечественников от бесславного поражения. Но Ахилл не внял мольбам друга.

Тогда Патрокл попросил разрешить ему облачиться в доспехи Ахилла. На это Ахилл согласился.

Троянцы, увидев сверкающие доспехи, так хорошо им известные, решили, что Ахилл вступил в бой, и поспешно отступили. Лишь один Гектор остался на месте и отважно сразился с тем, кого принимал за Ахилла.

Патрокл был смел и силен, но все же не был Ахиллом и не мог долго противостоять Гектору. Сраженный могучим ударом меча, он мертвым упал на землю.

Торжествующий Гектор сорвал с поверженного врага шлем и увидел, что вместо непобедимого Ахилла сразил его друга.

Между тем Ахилл, тревожась за Патрокла, не мог усидеть в палатке и вышел на вал. Увидев, что Патрокл убит, он в отчаянии испустил такой громкий крик, что заглушил боевые трубы.

Горе заставило его забыть свою обиду, и он помышлял лишь о том, чтобы отомстить задруга.

Мать Ахилла Фетида принесла ему новые доспехи, выкованные самим богом Гефестом. Ахилл облачился в них и, потрясая оружием, подобно урагану, обрушился на врагов. Троянцев охватила паника. С воплями ужаса бежали они к Трое.

Гектор пытался остановить бегущее войско, но его никто не слушал. Троянцы укрылись за стенами города, накрепко заперев ворота. И вот Гектор оказался один на один с разъяренным Ахиллом. Вид Ахилла был столь грозен, что бесстрашный Гектор дрогнул и бросился бежать. Ахилл преследовал его.

Боги наблюдали с Олимпа, как оба героя троекратно обежали вокруг троянских стен. Зевс взял золотые весы и положил на одну чашу судьбу Ахилла, на другую — судьбу Гектора. Чаша с судьбою Гектора упала вниз — герой был обречен.

Ахилл настиг Гектора и нанес ему смертельный удар.

Тело поверженного врага он привязал за ноги к своей колеснице и трижды объехал вокруг Трои.

Родители Гектора — царь Приам и старая царица Гекуба, его жена прекрасная Андромаха и все троянцы, рыдая, смотрели со стены, как тело отважного героя влачится в пыли за колесницей победителя.

Вернувшись в лагерь, Ахилл бросил тело Гектора к подножию погребального ложа Патрокла.

Ночью царь Приам, нагрузив повозку золотом, отправился в лагерь греков, чтобы выкупить тело сына. Старого царя провели к Ахиллу. Тот сначала не хотел его даже слушать, но в конце концов горе старого отца тронуло героя. Он приказал обмыть и умастить тело Гектора и сам перенес его на повозку Приама.

Двенадцать дней оплакивали троянцы благородного Гектора и справляли по нему тризну. На это время было объявлено перемирие — греки уважали скорбь своих врагов.

Описанием похорон Гектора заканчивается «Илиада».

Но война продолжалась.

Ахиллу было предсказано, что он ненадолго переживет Гектора, и это пророчество исполнилось.

О смерти Ахилла в разных источниках повествуется по-разному Древнеримский писатель Гай Юлий Гигин, живший в I веке до н. э., в книге «Сказания» рассказывает, что Ахилл полюбил сестру Гектора Поликсену и открыто явился в Трою, чтобы попросить царевну себе в жены, но был сражен предательским выстрелом Париса. Стрела вонзилась в единственное уязвимое место на теле героя — в пятку. (Так появилось выражение «ахиллесова пята».) Музы пели погребальную песнь, когда греки насыпали высокий курган над могилой Ахилла.

Гибель Ахилла не лишила греков веры в победу. Они помнили предсказание оракула и ожидали скорого окончания войны.

В одном из сражений был убит Парис.

Еще в давние времена, по молитве Ила, Зевс обещал Трое свое покровительство. Он ниспослал троянцам деревянную статую Афины Паллады, предупредив, что город будет существовать до тех пор, пока статуя не покинет его стен.

Одиссей с другим отважным воином по имени Диомед тайно проникли в Трою и выкрали священную статую Афины.

Лишившись своей святыни, троянцы поняли, что их поражение неминуемо.

Но несколько дней спустя они с изумлением увидели, что греки покинули свой лагерь и, подняв паруса, отчалили от берега. Троянцы выбежали из-под защиты городских стен и долго смотрели вслед вражеским кораблям, покуда они не скрылись за горизонтом.

Тут троянцы заметили, что посреди опустевшего лагеря стоит огромная статуя коня, искусно сделанная из дерева. На груди деревянного коня висела доска с надписью- «Дар Афине от данайцев» (так называлось одно из греческих племен). Троянцы тут же решили поставить статую на городской площади перед храмом Афины.

Троянский жрец Лаокоон заподозрил подвох и стал убеждать троянцев не принимать дара от врагов. Но тут из моря выползли две огромные змеи, бросились на Лаокоона и двух его сыновей и мгновенно задушили всех троих. Змеи были посланы Посейдоном, желавшим гибели Трои, но троянцы решили, что боги покарали жреца за ложные опасения и, поставив деревянного коня на катки, с радостными криками повезли его в город.

Установив статую перед храмом Афины, троянцы стали праздновать окончание войны.

А ночью, когда все уснули, из деревянного брюха коня выбрались двенадцать греческих воинов во главе с Одиссеем, который и придумал эту хитрость. Они открыли никем не охраняемые ворота Трои. Вернувшиеся греческие корабли уже стояли у причала. Одиссей подал знак, и греки

ворвались в Трою.

Боги больше не защищали обреченный город, он был разрушен и подожжен, троянцы- мужчины перебиты, женщины и дети взяты в плен.

Менелай с мечом в руках ворвался в царские покои и увидел свою жену — невольную причину многолетней войны, унесшей жизни столь многих доблестных воинов. Он хотел тут же убить ее, но Елена была так прекрасна, что меч Менелая опустился. Он взял жену за руку, вывел ее из пылающей Трои и привел на свой корабль.

Греки подняли паруса и поплыли к родным берегам.

Так закончилась Троянская война. Долгое время считалось, что сказания о Троянской войне не имеют под собой исторической основы. Но в 70-х годах XIX века немецкий археолог-любитель Генрих Шлиман доказал реальное существование Трои и нашел подтверждение того, что она, после длительной войны, была захвачена и разорена греками.

Еще в детстве, впервые прочитав «Илиаду», Шлиман страстно поверил в то, что все, описанное в ней, правда, и поклялся посвятить жизнь поискам Трои и следов Троянской войны.

Шлиман вырос в бедности и не получил систематического образования. В юности он служил подручным в лавке, юнгой на корабле, бухгалтером в торговой фирме — и усердно занимался самообразованием. По разработанной им самим системе, он изучил с десяток языков, в том числе и русский. Причем единственной русской книгой, которую он смог раздобыть, была поэма «Телемахида» поэта XVIII века В.К. Тредиаковского, написанная весьма архаичным языком. Шлиман решил, что упражняться в русском произношении лучше не в одиночестве, а перед слушателем, и нанял за четыре франка в неделю какого-то бедняка, чтобы декламировать ему «Телемахиду».

И все же, оказавшись в Петербурге по делам фирмы, в которой он служил, Шлиман легко мог изъясняться по-русски.

В Петербурге он основал собственный торговый дом и начал зарабатывать деньги, необходимые для осуществления того, что он считал целью своей жизни.

Через шестнадцать лет он записал: «Небо чудесным образом благословило мои торговые дела, и к концу 1863 года я увидел себя владельцем такого состояния, о котором не отваживался мечтать в самых честолюбивых своих замыслах».

Шлиман навсегда оставил коммерцию и целиком посвятил себя археологическим изысканиям.

Он отправился на побережье Малой Азии. Те из ученых, которые допускали действительное существование Трои, считали, что она должна была находиться на месте селения Бунарбаши. Но Шлиман, исходя из текста «Илиады», стал искать остатки Трои ближе к морю, на холме Гиссарлык, что значит «крепость».

И он оказался прав. В недрах холма скрывались развалины, причем не одного, а целых девяти городов, существовавших на этом месте в разные времена и поэтому находящиеся в разных слоях земли. Древнейший слой относился к III тысячелетию до н. э., а самый поздний — к VII веку до н. э. Шлиман обнаружил остатки крепостных стен со следами пожара, различную утварь и украшения. Он решил, что гомеровская Троя — это

второй и третий слои, но, как показали последующие исследования, она находилась в шестом.

Ученые не раз упрекали Шлимана в непрофессионализме и недостатке знаний, но тем не менее отыскал Трою именно он.

К. Керам в своей известной книге «Боги, гробницы, ученые» пишет: «Это был триумф Генриха Шлимана, но одновременно и триумф Гомера. То, что считалось сказками и мифами, то, что приписывалось фантазии поэта, на самом деле когда-то было действительностью — это было доказано».

41. СТРАНСТВИЯ ОДИССЕЯ

По традиции поэма «Одиссея» приписывается Гомеру, хотя есть основания предполагать, что она была написана на полвека позже «Илиады».

В «Одиссее» рассказывается о полном опасностей и приключений возвращении на родину одного из героев Троянской войны — Одиссея.

Имя «Одиссей» означает «нелюбимый богами», то есть, человек, которому суждено испытать в жизни многие тяготы и невзгоды. Несмотря на это, боги все же изредка оказывали Одиссею помощь, но по большей части ему приходилось рассчитывать только на себя и выпутываться из сложных переделок лишь благодаря собственной храбрости и предприимчивости.

Постоянный эпитет Одиссея «хитроумный».

Когда Троянская война закончилась, Одиссей на двенадцати кораблях, груженных богатой добычей, отправился к себе на родину, в Итаку.

Долгим, трудным и кружным, по воле богов, оказался этот путь.

Через несколько дней плаванья ветер принес корабли Одиссея к земле киконов. Киконы — действительно существовавшее фракийское племя, жившее на северном побережье Эгейского моря. Одиссей и его спутники напали на местных жителей и разорили их главный город, «великих сокровищ награбивши много».

На радостях победители устроили попойку, а затем уснули, забыв выставить дозорных. Этим воспользовались киконы. Они напали на спящих и перебили больше семидесяти человек. Оставшиеся в живых поспешно погрузились на корабли и отплыли.

В сокрушенье великом о милых Мертвых,
но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

(Перевод В.А. Жуковского)

Вскоре корабли Одиссея попали в бурю.

Девять дней Мчались суда, погружаяся в волны носами; ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.

На десятый день путешественники оказались в цветущей стране, где жило мирное племя лотофагов, питавшихся плодами сладкого лотоса. Эти плоды обладали волшебным свойством: каждый, отведавший их,

забывал свою родину и уже не желал покидать страну лотофагов.

Одиссей, узнав о такой опасности,
Верным товарищам дал приказанье нимало не медля
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них никоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.

Через некоторое время, в безлунную ночь заблудившись в тумане, Одиссей был вынужден причалить к острову, где в глубоких пещерах жили одноглазые великаны- циклопы. Они разводили овец и пасли свои стада в горах. Несмотря на мирное занятие, циклопы были кровожадными людоедами.

Одиссей и его товарищи зашли в одну из пещер. Хозяина не было дома, и путешественники могли неспеша осмотреть жилище циклопа. Они нашли большой запас сыров в тростниковых корзинах и ведра с густой простоквашей. Спутники Одиссея хотели забрать найденную провизию и поскорее покинуть пещеру, но Одиссея обуяла жадность: он решил дождаться хозяина и, воспользовавшись численным преимуществом, получить от него что-нибудь более существенное, чем сыр и простокваша.

Пещера принадлежала циклопу Полифему, сыну морского бога Посейдона. Вернувшись вечером с пастбища и загнав в пещеру свое стадо, Полифем обнаружил непрошенных гостей.

Циклоп был так огромен и страшен, что Одиссей, едва увидев его, пожалел о своем опрометчивом намерении. Он попытался заговорить с великаном и вежливо его поприветствовал. Но Полифем в ответ только расхохотался и, схватив двоих товарищей Одиссея, сожрал их, как голодный лев, и запил молоком. Затем, завалив вход в пещеру огромным камнем, улегся спать.

Когда великан захрапел. Одиссей подкрался к нему с мечом, намереваясь поразить в сердце, но тут сообразил, что, убив циклопа, он и его товарищи не смогут выбраться из пещеры, так как им, даже всем вместе, не под силу сдвинуть камень, закрывающий вход.

На другой день Полифем, как обычно, отправился пасти свои стада, а пленников оставил в пещере, не забыв закрыть вход.

Товарищи Одиссея были готовы покориться ужасной участи, но Одиссей придумал хитроумный план.

Вечером, когда Полифем вернулся в пещеру, Одиссей предложил ему выпить вина, мех с которым захватил с корабля. Циклопы не знали виноделия, и незнакомый напиток так понравился Полифему, что он осведомился об имени Одиссея, пообещав, что сожрет его в последнюю очередь. Одиссей сказал, что его зовут Никто, и поблагодарил за обещанную милость.

Вскоре великан опьянел и заснул. Тогда Одиссей взял острый кол и пронзил им единственный глаз людоеда. На отчаянный вопль Полифема сбежались другие циклопы и стали спрашивать в тревоге, что произошло и кто причинил ему обиду, заставляющую его так страшно кричать.

Полифем ответил: «Никто!» Великаны, пожав плечами, сказали: «Если никто, для чего же один так ревешь ты?» — и отправились спать.

Лишенный зрения циклоп, сколько ни старался, не мог поймать Одиссея и его товарищей в огромной, полной закоулков пещере. Тогда он надумал перехватить их у выхода, когда они попытаются бежать. Полифем отвалил камень, закрывающий выход, и стал ждать.

Тем временем уже рассвело. Стадо Полифема проснулось, овцы и бараны, стуча копытами, потянулись наружу. Великан ощупывал спины проходивших мимо него животных — и выпускал их из пещеры.

Одиссей спрятался под брюхом одного из баранов, товарищи последовали его примеру, и таким образом беспрепятственно покинув пещеру, они вернулись на свои корабли.

Отчалив от острова, Одиссей громко выкрикнул свое имя. Полифем услышал и выбежал да берег.

Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевший над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхнулося море от падшей громады…

Однако Одиссей и его товарищи благополучно продолжили свойпуть.

В следующий раз они остановились на острове Эолия, где обитал бог Эол. Он приветливо встретил путешественников и сделал Одиссею замечательный подарок: мешок, в который можно было заключать все неблагоприятные ветры. Так что, когда Одиссей отправился дальше, лишь попутный ветер весело надувал паруса его кораблей.

Вот уже показались берега родной Итаки. Но на беду Одиссей заснул, а его спутники из любопытства развязали мешок, подаренный Эолом, чтобы посмотреть, что в нем такое.

Неблагоприятные ветры вылетели наружу, с яростью набросились на корабли и унесли их далеко-далеко, в край, где никогда не заходит солнце и ночью светло, как днем.

В том краю жили великаны-лесгригоны. Завидев приближающиеся корабли, они стали швырять в них обломками скал. Все корабли были разбиты, лишь одному удалось спастись.

На этом корабле Одиссей и немногие его спутники, оставшиеся в живых, добрались до острова Эл — владения прекрасной и коварной волшебницы Цирцеи, о которой говорили, что она может превращать людей в животных.

Осторожный Одиссей послал к Цирцее несколько человек на разведку. Волшебница сама вышла им навстречу, пригласила в свой дворец, угостила роскошными яствами, а потом — волшебным напитком, от которого посланцы Одиссея превратились в свиней. Цирцея загнала их в хлев.

… очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.

Узнав о беде, постигшей товарищей, Одисей поспешил на выручку, хотя и не знал, как можно им помочь. Но тут перед ним появился бог Гермес и дал ему чудесную траву, уничтожающую всякое волшебство.

С помощью этой травы Одиссей вернул своим товарищам человеческий облик.

… во мгновенье все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенней станом…

Цирцея поклялась впредь не причинять ни Одиссею, ни его спутникам никакого вреда, и он провел на острове волшебницы целый год.

По совету Цирцеи Одиссей побывал в царстве мертвых, где беседовал со многими героями, погибшими в Троянской войне, видел свою покойную мать и услышал пророчество об исходе своего путешествия: Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь».

Когда Одиссей покидал остров Эл, Цирцея предупредила, что ему предстоит миновать остров сирен. Сирены — полудевы-полуптицы — обладали такими дивными голосами, что мореходы, заслышав их пение, забывали обо всем на свете, на всех парусах неслись к острову и разбивались о прибрежные скалы.

И вот Одиссей, завидев остров сирен, приказал своим спутникам заткнуть уши воском, а себя самого привязать к мачте.

Когда корабль поравнялся с островом, словно по волшебству стих ветер, перестали плескаться морские волны, и в наступившей тишине запели сирены:

К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердце усладного пенья на нашем лугу не послушав…»

Одиссей, очарованный пением сирен, стал рваться из своих пут и просить, чтобы его развязали, но товарищи Одиссея, уши которых были надежно защищены воском, лишь с удвоенной силой налегли на весла, и вскоре остров остался позади, а голоса сирен замерли в отдалении.

Но путешественников поджидала новая опасность: им нужно было миновать узкий пролив между двумя чудовищами — шестиголовой ненасытной Спиллой и свирепой Харибдой. Трижды в день Харибда втягивала в свою утробу воду и трижды извергала, так что страшный водоворот постоянно крутился возле ее пасти. Спасти корабль, попавший в этот водоворот, не смог бы сам Посейдон.

Желая избежать Харибды, корабль Одиссея прошел слишком близко от Сциллы, и шестиголовое чудовище успело сожрать шестерых гребцов.

Уставшие мореходы нуждались в отдыхе, и Одиссей причалил к безлюдному острову, на котором паслись тучные быки, принадлежавшие богу солнца Гелиосу. Одиссей предупредил своих товарищей, что эти быки неприкосновенны, но путешественники, соскучившись за время долгого плавания по горячей пище, не послушались предостережения и закололи одного быка себе на ужин. Их не смутило даже то, что мясо, пока его жарили и ели, издавало сердитое мычанье.

Расплата за святотатство не заставила себя ждать. Едва корабль снова вышел в море, Зевс метнул в него свою молнию и разбил в щепки. Все товарищи Одиссея погибли в морской пучине, и лишь он один успел ухватиться за мачту.

Девять дней носило Одиссея по волнам, на десятый выбросило на берег таинственного острова Огигии.

Этот остров не посещали ни боги, ни смертные. В полном уединении, в пещере, увитой виноградом, жила там нимфа Калипсо. Ее имя означало «та, что скрывает», а подвластный ей остров был частью потустороннего мира.

Калипсо полюбила Одиссея и, желая навсегда удержать его подле себя, пообещала даровать ему бессмертие.

Семь лет провел Одиссей у Калипсо, но, в конце концов, его одолела тоска по родине.

Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне…

Афина сжалилась над Одиссеем и упросила Зевса, чтобы он приказал Калипсо отпустить героя.

Одиссей сколотил плот и покинул на нем остров Огигию. На семнадцатый день плавания Одиссей попался на глаза Посейдону. Морской бог все еще гневался на героя за то, что тот изувечил его сына — циклопа Полифема. Желая отомстить Одиссею, Посейдон

…великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.

Утлый плот в одно мгновение был потоплен, и Одиссею грозила неминуемая гибель, но его спасла нимфа Левкотея — покровительница потерпевших кораблекрушение. Она бросила на воду свое чудесное покрывало, и Одиссей с его помощью доплыл до острова Схерии, страны феаков.

Едва живой выбрался герой на берег, упал на песок в тени прибрежных камней и уснул.

В это время дочь царя феаков, белокурая Навзикая, в сопровождении своих служанок на запряженной мулами колеснице приехала к морю стирать белье.

Весело переговариваясь, девушки принялись за работу, их голоса разбудили Одиссея. Навзикая испугалась, увидев голого, облепленного тиной чужестранца, который, прикрываясь пучком водорослей, вышел из-за прибрежного камня.

Но Одиссей обратился к царевне с почтительной речью и, воздав пространную хвалу ее красоте, добродетели и рассудительности, попросил дать ему какую-нибудь одежду и указать дорогу в город.

Остров Схерия был блаженным краем, где цвели вечнозеленые сады, а его жители феаки не знали ни вражды, ни печалей и всегда помогали тем, кто нуждался в помощи.

Навзикая проводила Одиссея к своему отцу, царю феаков Алкиною. Тот принял героя с почетом, устроил в его честь пир и праздничные игры. Выслушав рассказ Одиссея о его приключениях, Алкиной подарил ему чудесный корабль. Этот корабль был наделен душой и разумом, им не надо было управлять, ему не были страшны морские невзгоды.

…Корабль(…) многошумное море
Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрейший
Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете -
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море.

Между тем все давно считали Одиссея погибшим, и лишь его жена Пенелопа верила, что он жив, и ждала его возвращения.

Однако родственники стали принуждать Пенелопу вторично выйти замуж. В дом Одиссея, привлеченные красотой и богатством его жены, съехалось более ста претендентов на ее руку.

Пенелопа, желая оттянуть время, объявила, что прежде, чем начать думать о втором замужестве, ей надо соткать погребальный покров для своего свекра, отца Одиссея. Женихи согласились подождать. Свекор был еще жив, и работа не требовала спешки. Пенелопа каждую ночь распускала все, сотканное за день.

Женихи, в ожидании конца ее работы, пировали с утра до ночи, расточая добро Одиссея.

Так прошло три года, но затем хитрость Пенелопы была разгадана, и от нее стали требовать, чтобы она немедленно избрала себе мужа. Тогда Пенелопа пообещала, что выйдет замуж за того, кто сможет натянуть лук Одиссея и попасть стрелой в двенадцать колец, установленных одно за другим.

В день, когда было назначено испытание, Одиссей вернулся на родину, которую покинул двадцать лет назад.

Переодевшись нищим, пришел он в свой дом. Никто не узнал хозяина, кроме старого пса и старой рабыни, которая нянчила Одиссея ребенком.

Заносчивые женихи стали потешаться над нищим и оскорблять его.

Но вот подошло время испытания. Слуги принесли тяжелый лук Одиссея. Однако никто из женихов не смог даже натянуть тетиву.

Тогда за лук взялся сам Одиссей.
К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
Сидя на месте своем, натянул и, прицеляся, в кольца
Выстрелил, — быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.

Затем Одиссей, скинув нищенские лохмотья, предстал в своем настоящем виде, вступил в бой с женихами и перебил их всех до единого.

Домочадцы узнали Одиссея.
Голову, плечи и руки они у него целовали.
Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби.

Но Пенелопа боялась поверить в то, что это ее долгожданный супруг. Издали смотрела она на Одиссея, пытаясь понять, действительно ли это он или просто похожий на него человек.

Одиссей сказал Пенелопе:

Ты непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
Нежно-уступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который по многих
Бедствиях к ней через двадцать отсутствия лет возвратился».

Тогда Пенелопа вспомнила, что есть секрет, известный только ей и Одиссею. На месте их дома некогда росла старая маслина. Когда начали строить дом, ее срубили — и пень оказался внутри спальни. Одиссей не стал его выкорчевывать, а использовал как основание для кровати, которую он сделал своими руками.

Желая рассеять свои сомнения, Пенелопа приказала служанке так, чтобы слышал Одиссей, приготовить для него постель, вынеся кровать из спальни в другую комнату. Услышав это, Одиссей воскликнул:

…между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключается тайна в устройстве
Этой кровати.

Тут Пенелопа поверила, что перед ней Одиссей, «у нее задрожали колена и сердце», и она, рыдая, бросилась мужу на шею.

Так, счастливым возвращением на родину, закончились странствования Одиссея.

42. АТЛАНТИДА

Легенда об Атлантиде — затонувшем острове, на котором когда-то существовала высокоразвитая цивилизация, жил сильный, просвещенный и счастливый народ — атланты — волнует человечество уже более двух тысяч лет.

Единственный источник сведений об Атлантиде — сочинения древнегреческого ученого Платона, жившего в IV веке до н. э., написанные в форме бесед-диалогов. В двух таких диалогах — «Тимей» и «Критий» — Платон приводит рассказ своего современника, писателя и политического деятеля Крития об Атлантиде — «сказание хоть и очень странное, но совершенно достоверное», которое Критий слышал в детстве от своего деда, тот — от «мудрейшего из семи мудрых» афинского законодателя Солона, а Солон — от египетских жрецов.

Египетские жрецы, основываясь на древних записях, поведали, что некогда в «Атлантическом море» (так тогда называли океан) лежал

огромный остров — «больше Ливии (то есть Африки) и Азии, взятых вместе». На этом острове «сложилась великая и грозная держава царей, власть которых простиралась на весь остров и многие иные острова (…). Кроме того, они (…) владели Ливией до Египта и Европою до Тиррении» (так в то время называли Италию). В легенде об Атлантиде рассказывается, что в изначальные времена, когда боги делили землю между собой, этот остров достался во владение Посейдону, богу морей. Посейдон поселил там десятерых своих сыновей, рожденных от земной женщины Клито. Старшего из них звали Атлантом, по его имени остров был назван Атлантидой, а море — Атлантическим.

От Атланта произошел могущественный и знатный род царей Атлантиды. Этот род «собрал такие огромные богатства, каких еще не бывало до тех пор во владении царей, да и впоследствии когда-нибудь нелегко таким образоваться».

На острове в изобилии произрастали земные плоды, водились различные животные — «и ручные и дикие», в его недрах добывали полезные ископаемые, в том числе «одну породу, которая теперь известна только по имени,(…) — породу орихалк, извлекавшуюся из земли во многих местах острова и после золота имевшую наибольшую ценность у людей того времени».

Жители Атлантиды возвели на своем острове прекрасные города с крепостными стенами, храмами и дворцами, построили гавани и верфи.

Главный город Атлантиды был окружен несколькими рядами земляных валов и каналами — «кольцами моря». Городские стены были покрыты, «как мастикой», медью, оловом и орихалком, «издававшим огненный блеск», а дома построены из красного, белого и черного камня.

В центре города был воздвигнут храм Посейдону и Клито. Стены храма были облицованы серебром, крыша покрыта золотом, а внутри «представлялся зрению потолок слоновой кости, расцвеченный золотом, серебром и орихалком. Воздвигли также внутри храма золотых кумиров — бога, что, стоя в колеснице, правил шестью крылатыми конями, а сам, по громадности размеров, касался теменем потолка».

Атланты вели оживленную торговлю, гавани Атлантиды «кишели судами и пребывающим отовсюду купечеством, которое в своей массе день и ночь оглушало местность криком, стуком и смешанным шумом».

Атлантида обладала сильной армией и флотом, состоящим из тысячи двухсот военных кораблей.

Свод законов, который дал атлантам сам Посейдон, был начертан на высоком орихалковом столпе, установленном посредине острова. Атлантидой управляли десять царей — каждый своей частью острова. Один раз в пять или шесть лет они собирались перед этим столпом и «совещались об общих делах или же разбирали, не сделал ли кто какого проступка, и творили суд».

Атланты отличались благородством и возвышенным образом мыслей, «взирая на все, кроме добродетели, с пренебрежением, они мало дорожили тем, что имели много золота и иных стяжаний, относились равнодушно к богатству, как к бремени, а не падали наземь в опьянении роскоши, теряя власть над самим собою».

Но прошло время — и атланты изменились, преисполнились «неправого духа корысти и силы». Они стали употреблять во зло свои знания и достижения своей культуры. В конце концов Зевс разгневался на них и «в один день и бедственную ночь(…)остров Атлантида исчез, погрузившись в море». По утверждению Платона, это произошло в X тысячелетии до н. э. Современные ученые высказывают мнение, что гибель острова была вызвана катастрофой, причиной которой стало какое-то из техногенных достижений древних атлантов.

Споры о том, существовала ли Атлантида в действительности или ее придумал Платон, начались еще в античные времена. Древнегреческий философ Аристотель, друг и ученик Платона, утверждал, что Атлантида полностью вымышлена (по преданию, именно по этому поводу Аристотель произнес знаменитое изречение: «Платон мне друг, но истина дороже»). Тем не менее, многие верили, что Атлантида реально существовала и можно отыскать ее следы.

Интерес к Атлантиде на протяжении последующих веков то затухал, то снова пробуждался, но никогда не исчезал полностью.

Подсчитано, что к настоящему времени об Атлантиде написано около 3600 научных работ (уж не говоря о многочисленных произведениях художественной литературы). Атлантология превратилась в самостоятельную отрасль науки. Ученые-атлантологи высказали множество догадок относительно местоположения Атлантиды и причинах ее гибели, выдвинули гипотезу о влиянии цивилизации атлантов на развитие мировой цивилизации.

Поэт В.Я. Брюсов, профессионально занимавшийся атлантологией и читавший научный курс по этой теме, писал в начале XX века — «Утверждать, (…) что «Атлантида доказана» мы еще не вправе. Но несомненно, что наука должна принять Атлантиду как необходимую «рабочую гипотезу». Без допущения Атлантиды, многое в ранней древности останется неясным, необъяснимым (…). Атлантида необходима истории и потому должна быть открыта!»

МИФЫ ДРЕВНЕГО РИМА

Древнеримская мифология в ее классическом варианте тесно связана с древнегреческой. Многие мифологические образы и сюжеты римляне полностью заимствовали у греков, скульптурные изображения богов делали по греческим образцам. Но греческие мифы начали проникать в Рим лишь в конце VI — начале V века до н. э. А в более древние времена у римлян существовало иное, самобытное представление о богах.

Юпитер был богом неба, дневного света и грозы, Сатурн — богом урожая, Юнона — богиней брака и материнства, Марс — богом войны, Минерва — богиней ремесел и искусства, Венера — богиней садов и огородов, Амур — богом любви, Вулкан — огня, Диана — богиней растительности.

Древние римляне считали, что каждый предмет и явление — независимо от своей значительности — имеет особого бога-покровителя.

В римском пантеоне существовали бог посева и бог произрастания семян, бог рождения ребенка, бог его первого крика, бог выхода на прогулку, бог возвращения домой и так далее. Христианский писатель Августин Блаженный писал о римских богах, охранявших двери дома: «Они

(римляне) поместили здесь целых трех богов: створки отдали под опеку Форкула, петли — богине Кордеа, а порог — богу Лимекту. По-видимому, этот Форкул не умел одновременно стеречь петли и порог».

В отличие от большинства древних народов, римляне крайне редко изображали своих богов и не создавали мифов о них — об их рождении и родственных связях, взаимоотношениях друг с другом и с людьми, ссорах и любовных похождениях.

Польский писатель Ян Парандовский, автор популярной книги «Мифология», пишет: «Это отсутствие легенд, в котором мы теперь усматриваем известный недостаток творческого воображения, древние считали достоинством римлян, слывших самым религиозным народом.(…) Эта религия (…) не имела мифов, порочащих честь и достоинство богов».

Римляне сознательно отказывались придавать своим богам какой-либо облик и характер. Часто неопределенными оставались даже их пол и имя. В молитвах к божеству обращались так: «Бог ли ты или богиня, мужчина ли ты или женщина», а если все же называли бога по имени, то добавляли: «или каким иным именем ты желаешь называться».

Впрочем, некоторые ученые считают, что такое безличное поклонение богам культивировали жрецы, а в народе были распространены традиционные мифы, но они не дошли до нашего времени.

Существует предположение, что некогда у римлян бытовал миф о создании мира богом Янусом. Его имя означает «двери», «ворота».

Он был богом входа и выхода, а также всякого начала, нового года, начала войны, первого дня месяца, рождения человека Януса изображали с ключами, тремястами шестьюдесятью пятью пальцами (по количеству дней в году) и с двумя лицами, имелось в виду, что одно лицо обращено в прошлое, другое — в будущее.

Римляне, подобно всем древним народам, обожествляли силы природы, поклонялись деревьям и источникам, животным и птицам. Из деревьев больше всего они почитали дуб и смоковницу, среди животных — волка, среди птиц — орла и дятла.

Богом полей, лесов и пастбищ, покровителем животных считался Фавн, культ которого был связан с культом волка В честь Фавна устраивали праздник луперкалий («лупус» — значит» волк»). На этом празднике Фавну приносили в жертву козла, а затем жрецы-луперки бегали вокруг святилища, размахивая ремнями, вырезанными из шкуры жертвенного козла и хлестали ими проходящих мимо женщин, что должно было обеспечить их плодовитость. Фавна особо почитали пастухи, поскольку он помогал оберегать стадо, от волков.

К Фавну был близок Сильван — бог леса и дикой природы. Его имя происходит от слова «сильва» — «лес». Сильван не имел официального культа, но был очень популярен в народе, особенно среди крестьян и рабов. Его благодарили за исцеление от болезни, за неожиданную удачу, за освобождение от рабства. Сильвана изображали в крестьянской одежде, его сопровождали коза и собака.

Богом водных источников был Фоне. В его праздник — фонтаналий — колодцы украшали цветами, а в источники бросали цветочные гирлянды. Фоне, также как и Сильван, был божеством простого народа: его служители, по традиции, набирались из рабов. Созревающим древесным

плодам покровительствовала богиня Помона, ей была посвящена священная роща.

Богом всяческих перемен — смены времен года, стадий созревания плодов, перепадов настроений человека — был Вертумн.

Среди богов, имеющих непосредственное отношение к жизни и деятельности человека, известны братья Пилумн и Пикумн — покровители брака и рождения. Кроме того, считалось, что Пилумн изобрел пест для дробления зерна, а Пикумн научил людей удобрять поля навозом (другое его имя — Стеркулин, что значит «навозный»).

Фортуна также первоначально была покровительницей рождения, позже ее стали почитать как богиню судьбы, счастья и удачи. Фортуну изображали стоящей на шаре или колесе — символ неустойчивости счастья.

Особым почитанием пользовались у римлян многочисленные божества, покровительствовавшие домашнему очагу. Его главной покровительницей была богиня Веста. Ей посвящали вход в дом (отсюда «вестибюль»). В храме Весты на жертвеннике постоянно горел огонь, который гасили в первый день каждого года и тут же возжигали вновь путем трения священного дерева. От этого огня зажигали огонь в очагах всех римский курий — объединений нескольких патрицианских — привилегированных — родов.

Неугасимый огонь в храме поддерживали жрицы Весты — весталки. Они избирались из молодых девушек и должны были прослужить богине тридцать лет: первое десятилетие они обучались служению, второе — служили, третье — обучали молодых весталок.

На протяжении этих тридцати лет весталки должны были соблюдать целомудрие, нарушивших запрет замуровывали живыми в подземелье. По окончании служения жрица Весты могла выйти замуж, однако считалось, что жена-весталка навлекает на дом несчастье.

Домашнему очагу покровительствовали также особые божества — лары, они были в каждом доме свои. К ларам обращались за помощью при наиболее важных событиях в семье: перед бракосочетанием, во время родов, в случае смерти кого-либо из домочадцев. Лары следили за соблюдением правильных взаимоотношений в семье, защищали рабов от несправедливого гнева хозяев.

Лары покровительствовали также добрососедским отношениям. На перекрестках ставили их святилища с таким количеством входов, сколько жилищ располагалось вокруг этого перекрестка.

Служителями культа ларов были рабы.

Иногда лары отождествляются с пенатами. Пенаты также были хранителями домашнего очага, но в их ведении преимущественно находились запасы продовольствия.

Также как и лары, свои пенаты были у каждой семьи. Но, кроме того, существовали пенаты всего римского народа. По преданию, изображение этих пенатов доставил из Трои Эней — основатель Римского государства. Изображение государственных пенатов хранилось в храме Весты, и приближаться к нему могли только весталки и особые жрецы. Помимо ларов и пенатов, каждый человек имел своего собственного духа-покровителя: мужчины — гения, женщины — юнону. (В отличие от богини

Юноны, покровительницы всех женщин, дух-юнона покровительствовала лишь одной) Гении и юноны умерших людей становились манами — доброжелательными божествами, в которых почитали души предков. Но если человек умирал насильственной смертью или не получал должного погребения, то его дух-покровитель мог превратиться в злого лемура (прообраз более поздних вампиров).

Большое место в жизни древних римлян занимали различные гадания и пророчества.

Гаданиями занимались особые жрецы — авгуры, которые толковали волю богов многочисленными способами по полету птиц, по внутренностям животных, по грому и молнии и т. д.

Существует предание о пророчице Сивилле, которая могла предсказывать на тысячу лет вперед. Она записала свои пророчества на пальмовых листьях и составила из них девять книг. Сивилла предложила купить эти книги римскому царю Тарквинию, но тот отказался, желая, чтобы пророчица сбавила цену. Тогда Сивилла на глазах у Тарквиния сожгла шесть книг, и он, уже не торгуясь, купил оставшиеся три.

В Риме, в храме Юпитера, действительно хранились три книги пророчеств, которые называли Сивиллиными книгами. Ими пользовались вплоть до V века новой эры.

В основе мировоззрения древних римлян лежало представление о том, что боги предначертали Риму власть над миром. Это способствовало возникновению культа самого Рима и формированию так называемого «римского мифа», отражающего легендарную римскую историю. Сюжеты «римского мифа» исследователи подразделяют на три группы. Первая связана с основанием римского государства легендарным героем Энеем, вторая — с возникновением самого Рима и так называемым «временем царей».

Известный немецкий историк Оскар Иегер писал: «Позднейшие римские писатели преувеличивают в своих рассказах о «времени царей» (753–510 годы до Рождества Христова) значение крошечного государства до чрезвычайности. (…) Многое в этих рассказах ярко и привлекательно. В действительности же, по отношению к этим первым векам Рима оказывается возможным установить лишь очень немногие события, а развитие политической и общественной жизни Рима можно проследить только в самых общих чертах».

Предание называет имена семерых, последовательно правивших римских царей. Хотя некоторые из них, возможно, и имели исторические прототипы, в основном они являются мифологическими фигурами, в сказаниях о них принимают участие боги.

Ромул — легендарный основатель Рима и первый из римских царей — был сыном бога Марса, а после смерти сам стал почитаться в образе бога Квирина. Другой царь, Нума Помпилий, был женат на нимфе ручья Эгерии и по ее совету ввел большинство религиозных установлений Рима. Предпоследний из семи царей, Сервий Туллий, которому приписываются государственные реформы, объединившие патрициев и плебеев в единый римский народ и направленные на предоставление каждому римлянину возможности выдвинуться благодаря личным достоинствам, а не происхождению, был сыном лара и возлюбленным богини Фортуны.

Третья группа сюжетов «римского мифа» связана с установлением и ранним этапом существования римской республики. Эти сказания повествуют о героях, жертвующих собой во имя славы и процветания Рима. Римляне расценивали такое самопожертвование не только как проявление патриотизма, но и как исполнение воли богов, которые предначертали Риму главенствующее положение в мире.

Поэтому большинство исследователей причисляет сказания о доблестных римлянах не к историческим преданиям, а к мифам. Со временем в Рим начала проникать греческая культура, в том числе и греческая мифология. Многие исконно римские божества были отождествлены с греческими богами-олимпийцами: Юпитер — с Зевсом, Юнона — с Герой, Минерва — с Афиной, Вулкан — с Гефестом, Диана — с Артемидой, Амур — с Эротом, Венера — с Афродитой.

Римские поэты стали создавать произведения на сюжеты греческой мифологии, скульпторы делать копии со знаменитых греческих изваяний, изображающих богов.

Ян Парандовский пишет: «Под конец вся греческая мифология перебралась в Рим. (…) Неуклюжие римские боги ожили, соединились в супружеские пары, приняли, как собственные, все греческие легенды. Греческая мифология заполнила ту пустоту, какой веяло от суровой римской религии».

В конце I века до н. э. в политической жизни Рима произошел переворот, республика сменилась империей. Императоры стали отождествлять себя с богами, а императриц — с богинями. Вскоре императоров стали обожествлять официально. Первым римским императором-богом был Юлий Цезарь (100-44 годы до н. э.). «Римский миф», прославляющий республику, в это время был оттеснен на второй план.

Римская империя вела многочисленные и, как правило, победоносные войны. Под своей властью она объединила огромную территорию. Но завоевывая и покоряя различные народы, римляне впитывали их культуру, в том числе религиозные представления и мифологию.

В конце концов в римский пантеон вошло несметное количество богов самого разного происхождения, религия древних римлян утратила свою цельность и самобытность и через некоторое время сменилась христианством. Рим стал первым центром христианского мира.

43. СТРАНСТВИЯ ЭНЕЯ

Эней — герой греческой и римской мифологии, легендарный основатель Римского государства.

На рубеже VI–V веков до н. э. греческие сказания об Энее проникли на Апеннинский полуостров, где соединились с местными легендами. Окончательную форму сказание об Энее приобрело в поэме «Энеида», написанной во второй половине I века до н. э. великим древнеримским поэтом Вергилием. Матерью Энея была богиня любви Афродита (в римском варианте — Венера), а отцом — троянец Анхис, потомок фригийского царя Дардана, сына самого Зевса.

До пяти лет Энея воспитывали нимфы, а затем отослали в Трою к отцу. Став взрослым, Эней принял участие в Троянской войне. Гомер в «Илиаде» называет Энея в числе славнейших троянских героев. Когда победившие греки ворвались в Трою, Эней решил сражаться до последнего вздоха, но ему явились боги и приказали покинуть обреченный город, чтобы отправиться на поиски новой родины, где ему суждено стать основателем великого государства.

Эней подчинился воле богов и бежал из пылающей Трои, взяв с собой жену Креусу, малолетнего сына Аскания и унося на спине старого отца.

Эней, благополучно миновав вражеские отряды, выбрался за городскую стену, но тут увидел, что с ним нет Креусы. Эней спрятал старика и мальчика в овраге, а сам вернулся в Трою. Но напрасно звал он жену, бегая по улицам, полным вражеских воинов, тщетно искал Креусу возле сгоревшего родного дома. Креусы уже не было в живых.

Внезапно перед Энеем явилась ее тень и сказала пророческиеслова:

…тебе не дано увезти отсюда Креусу. (…)
Быть тебе долго в изгнанье, браздить морей водные шири.
Идо Гесперии ты достигнешь земли. (…)
Счастье тебе и царство, и царского рода супруга
Там уготованы…

(Перевод В. Брюсова)

Заливаясь слезами, Эней попытался удержать тень Креусы, но она выскользнула из его рук и растаяла в воздухе.

Вернувшись к оврагу, где оставались Анхис и Асканий, Эней с удивлением обнаружил там, кроме них, немало других троянцев, мужчин и женщин, которым также удалось бежать из города. Все они решили отправиться вместе с Энеем на поиски новой родины.

Троянцы дружно взялись за постройку двадцати кораблей. Вскоре, в последний раз взглянув на лежащую в развалинах Трою, они отчалили от родных берегов и пустились в неведомый путь.

Старый Анхис посоветовал Энею довериться воле судьбы и плыть туда, куда несет корабль попутный ветер. Через некоторое время корабли Энея приплыли во Фракию. Троянцы сошли на берег, уверенные, что здесь им суждено поселиться.

Эней заложил город и назвал его своим именем — Энеада. Желая принести жертву богам, он отправился на ближайший холм, чтобы наломать зеленых веток для украшения алтаря. Но едва он начал обламывать кустарник, как на изломах ветвей показались капли крови. Эней испугался, но продолжал свою работу.

Тогда из глубины холма послышался голос:

«О, Эней! Не тревожь меня в моей могиле!»

Эней спросил, трепеща:

«Кто ты?»

И голос ответил:

«Я — царевич Полидор, сын троянского царя Приама. Отец отослал меня во Фракию, чтобы уберечь от опасностей войны, но здешний царь польстился на золото, которое я привез с собой, и злодейски меня убил».

Эней вернулся к своим спутникам и рассказал им о том, что видел и слышал. Троянцы единодушно решили покинуть берег, где было совершено злодейское убийство, и искать другое место для поселения. Они торжественно почтили память Полидора, совершив положенные обряды, подняли паруса и снова отправились в плаванье.

На этот раз корабли троянцев остановились возле острова Делос, где находился оракул Аполлона.

Эней обратился с молитвой к богу, потом спросил: «О, мудрый Аполлон! Куда нам плыть? Где обретем мы приют?» В знак того, что бог его услышал, зашелестели листвой лавры в священной роще, дрогнули стены храма, из-под земли донесся грозный гул. Троянцы пали ниц, и таинственный голос изрек:

…та, что впервые от племени предков
Вас породила земля, — изобилием радостным та же
Примет вернувшихся вас.

Троянцы возблагодарили Аполлона, но они не знали, где искать землю предков.

Старый Анхис сказал: «Послушайте меня, благородные троянцы! Слышал я от своего деда, что наши далекие предки в те незапамятные времена, когда на месте Трои еще была пустынная долина, прибыли туда с острова Крит. Направим же на Крит наши корабли!» Исполненные надежды троянцы пустились в путь и через три дня высадились на Крите. Казалось, они достигли цели своих странствий. Остров был красив, земля его плодородна. Троянцы построили город, распахали поля и засеяли их зерном, Эней составил законы.

Но неожиданно наступила засуха, а потом началась чума. Иссохли едва взошедшие посевы, люди стали умирать от страшной болезни.

Эней был в отчаянье. Он хотел вернуться на Делос и молить Аполлона об избавлении от бедствия, но тут во сне ему явились пенаты — боги его домашнего очага — и сказали: «Вы неверно поняли слова оракула. Твоя прародина, благородный Эней, не остров Крит, а Италийская земля, которую иначе называют Гесперией. Там родился твой далекий предок — сын Зевса Дардан».

Столь ясное указание обрадовало Энея, и троянцы снова отправились в путь.

Но вот море стало неспокойно, а вскоре и вовсе разбушевалась буря. Трое суток носило корабли Энея по морю, а затем прибило к берегам Строфадских островов, на которых обитали чудовищные гарпии — хищные птицы с женскими головами.

Эней и его спутники сошли на берег, развели огонь и приготовили себе пищу. Но не успели они приняться за еду, как тучей налетели гарпии и сожрали все без остатка.

Затем одна из гарпий уселась на выступ скалы и зловеще прокричала: «Когда вы доберетесь до благословенной Италии, то там вас постигнет такой голод, что вы изгрызете столы, на которых лежала пища».

Взмахнув крыльями, гарпия улетела, а у троянцев от ужаса кровь застыла в жилах.

Пораженные мрачным пророчеством, они подняли паруса и поспешили покинуть Строфадские острова. Эней направил свои корабли к побережью Эпира, где жил мудрый прорицатель Гелен, и спросил у него: «Правда ли, что нам грозит небывалый голод?» Гелен ответил: «Этого боги мне не открыли. Но ведомо мне, что после многих испытаний ты достигнешь Италийской земли и обретешь там родину, счастье и славу».

Долго странствовали троянцы по морю, пережили много приключений, преодолели много опасностей Однажды они попали в жестокую бурю и были вынуждены остановиться для починки кораблей на берегу Ливии, неподалеку от города Карфагена.

В Карфагене правила прекрасная царица Дидона. Она была вдовой, но продолжала хранить верность умершему супругу. Эней и его спутники предстали перед царицей. И тут мать Энея, Венера, окружила его ярким сиянием и наделила такой блистающей красотой, что Дидона, раз взглянув на него, уже не могла отвести глаз. Дидона пригласила троянцев в свой дворец, устроила для них роскошный пир и попросила Энея рассказать о его приключениях. Пока Эней вел свой рассказ, его сын, маленький Асканий, сидел на коленях у Дидоны. В руках у Аскания откуда-то взялась золотая стрела, и он, играя, уколол царицу против самого сердца. Это была стрела Амура, которую Венера незаметно подсунула ребенку — и Дидона полюбила Энея. Полгода провел Эней в Карфагене, наслаждаясь любовью прекрасной царицы. Дидона предложила ему стать ее мужем и царем Карфагена. Но тут боги прислали к Энею своего вестника, Меркурия.

Меркурий сказал: «Увы, Эней! Ты позабыл свое назначение. Но если ты готов отказаться от собственной славы, то подумай о своем сыне Аскании. Ему в наследство должен ты оставить итальянские земли, его потомкам суждено стать царями великого государства!» Эней устыдился и начал собираться в дорогу. Троянцы стали готовить корабли к отплытию. Дидона, увидев эти приготовления, поняла, что Эней скоро ее покинет, и стала его умолять.

Если хоть что заслужила я доброе, что-нибудь было
Мило тебе во мне, надо мной и гибнущим домом
Сжалься, когда для просьб есть место еще, передумай!

Но Эней ответил:

Никогда тех услуг, что исчислить
В речи ты много могла б, отрицать я, царица, не буду ()
Кончи меня и себя своими упреками мучить!
Не своей волей плыву я в Италию.

Дидона узнала, что продолжить путь Энею повелевают боги. Царица просила его повременить хоть немного, чтобы она могла свыкнуться с

мыслью о разлуке, и мягкосердечный Эней уже готов был уступить, но боги укрепили его дух: как ветер не может сокрушить могучий дуб, так слезы Дидоны не смогли поколебать решимости Энея, и он продолжил сборы.

Все вокруг царицы оделось мраком. Когда она приносила жертву богам, священное вино показалось ей кровью, ночью Дидоне слышались крики филина, напоминающие похоронную песню, а во сне явился ей покойный муж и позвал к себе.

Наконец настал день разлуки. Едва рассвело, троянцы отплыли от Карфагена Дидона поняла, что отныне жизнь будет для нее лишь страданьем, и решила умереть. Она повелела сложить на берегу моря высокий погребальный костер, украсила его цветами и свежей зеленью, взошла, на него — и пронзила себя мечом.

Эней увидел со своего корабля отблеск огня и черный дым, поднявшийся к небу…

Через несколько дней пути троянцы остановились там, где в море впадает река Тибр, и решили отдохнуть на берегу. Они расположились под высоким дубом и стали ужинать овощами и пшеничными лепешками. Чтобы есть было удобнее, троянцы положили овощи на лепешки, а съев овощи, закусили самими лепешками. Маленький Асканий воскликнул. «Смотрите! Мы съели столы, на которых лежала пища!» И всем стало ясно, что исполнилось пророчество и что троянцы наконец достигли Италии, которая станет их новой родиной. Италийскими землями правил сын бога лесов Фавна, царь по имени Латин. У него была дочь Лавиния, просватанная за Турна, вождя соседнего племени рутулов.

Однажды Латин совершал жертвоприношение богам под высоким лавром. Лавиния стояла рядом с жертвенным огнем. И вдруг пламя охватило девушку, но не причинило ей никакого вреда, а на голове у Лавинии засверкала корона.

Ночью Латину явился во сне его отец Фавн и повелел выдать Лавинию замуж за чужестранца, который вскоре прибудет на Италийскую землю.

Этим чужестранцем оказался Эней. Латин выдал за него дочь, и Эней стал управлять Италией вместе с Латином.

Но прежний жених Лавинии, Турн, желая вернуть невесту, начал с Энеем войну, по своим масштабам не уступавшую троянской. Если историю поиска Энеем Италии сравнивают с «Одиссеей», то описание его войны с Турном называют «римской Илиадой».

В конце концов Эней убил на поединке Турна, но и сам пропал без вести. По одной версии он утонул в реке, подругой — был взят богами на небо.

Наследником Энея стал его сын Асканий (в Италии он получил латинское имя Юл). Асканий основал город Альба-Лонга, ставший столицей Италии.

Потомки Энея правили там на протяжении многих веков, пока преемником Альба-Лонги не стал город Рим.

44. ОСНОВАНИЕ РИМА

У царя Альба-Лонги Прокаса Сильвия было двое сыновей — старший Нумитор и младший Амулий. Унаследовать отцовский престол должен был Нумитор, но как только Прокас Сильвий скончался, Амулий

устроил заговор и вынудил брата отречься от престола.

Амулий стал царем, а Нумитор — его подданным. Но не было покоя царю-узурпатору. Он боялся, что сын Нумитора, возмужав, свергнет его с престола и вернет царство своему отцу. Амулий позвал племянника на охоту — и убил его.

Однако, совершив это преступление, Амулий не обрел покоя. У Нумитора осталась дочь, Рея Сильвия. Она выросла красавицей, к ней начали свататься женихи, и Амулий думал, что если Рея Сильвия выйдет замуж и родит сына, тот станет законным наследником своего деда и предъявит права на престол.

Амулий решил сделать так, чтобы Рея Сильвия никогда не вышла замуж. Незамужними, по обычаю, должны были оставаться весталки — жрицы богини Весты. Богиня сама избирала для себя жриц. Она являла знамение особым жрецам, а те истолковывали волю богини и объявляли ее народу.

Амулий угрозами заставил жрецов объявить Рею Сильвию избранницей Весты, и девушка стала весталкой, принеся обет целомудрия.

Но боги приготовили для нее иную судьбу.

Храм Весты стоял на холме. Однажды Рея Сильвия спустилась к Тибру набрать воды для храмового жертвоприношения. Когда она возвращалась, разразилась сильная гроза, и девушка укрылась от нее в пещере. Вдруг в блеске молний, под раскаты грома перед ней появился бог войны Марс в сверкающих доспехах. Он сказал потрясенной девушке: «Радуйся, благородная Рея Сильвия! Боги предназначили тебя мне в жены».

Через год Рея Сильвия родила двух мальчиков-близнецов. И хотя она торжественно поклялась, что отец ее сыновей — великий Марс и, став его женой, она исполнила волю богов, Амулий приказал поступить с Реей Сильвией так, как обычно поступали с весталками, нарушившими обет целомудрия. Несчастную замуровали в подземелье, и она там умерла. А новорожденных близнецов Амулий повелел утопить в Тибре.

Была весна, воды Тибра высоко поднялись и затопили берега. Слуги Амулия, которым он поручил злое дело, пожалели невинных младенцев и вместо того, чтобы бросить их в реку, положили в дубовое корыто и пустили его в заводь, образовавшуюся на берегу.

Едва царские слуги ушли, вода начала убывать. Вскоре Тибр вернулся в свои берега, а корыто, в котором лежали младенцы, оказалось на сухом месте, под высокой смоковницей.

Неподалеку от этой смоковницы было логово волчицы. Она только что ощенилась и кормила своих волчат. Вдруг до ее слуха донесся жалобный плач человеческих детенышей. Волчица выбралась из логова, нашла плачущих близнецов и, увидев, что они такие же маленькие и беспомощные, как и ее волчата, стала приходить к ним каждый день и кормить своим молоком.

Однажды, когда сыновья Реи Сильвии сосали волчицу, мимо проходил пастух по имени Фавстул. Он увидел, как волчица кормит близнецов и подумал: «Дикий зверь пожалел этих детей, так неужели не пожалею их я — человек?» Когда близнецы насытились и волчица убежала, пастух взял мальчиков на руки и отнес в свою хижину.

Жена Фавстула накануне разрешилась от бремени, но ребенок, едва родившись, умер. Пастух сказал жене: «Боги взяли нашего сына, но послали нам двух других». Эти добрые люди догадались, что близнецы — сыновья Реи Сильвии, осужденные на смерть жестоким царем, они оставили их у себя и стали выдавать за своих детей. Назвали близнецов Ромул и Рем.

Шли годы. Ромул и Рем вели мирную жизнь пастухов, пасли стада вместе со своим названным отцом. Когда они стали взрослыми юношами, Фавстул сказал им: «Я и моя жена любим вас, как своих сыновей, но пришло время поведать вам правду: ваш отец — великий Марс, а мать — Рея Сильвия, дочь Нумитора, законного царя Альба-Лонги, свергнутого своим жестоким братом».

Узнав о своем царственном происхождении, Ромул и Рем решили идти в Альба-Лонгу, чтобы покарать узурпатора и восстановить попранную им справедливость.

Простившись с теми, кого они прежде считали родителями, братья отправились к Нумитору. Тот с первого взгляда признал в близнецах сыновей Реи Сильвии, своих внуков. Ромул и Рем сказали деду: «Дай нам оружие и верных тебе людей, и мы отомстим Амулию за все его преступления».

Во главе небольшого отряда, который дал им Нумитор, братья ворвались в царский дворец. Растерявшаяся стража не смогла их задержать, Амулий попытался спастись бегством, но был убит.

Ромул и Рем провозгласили царем своего деда, старого Нумитора, и народ Альба- Лонги радостно приветствовал его как законного правителя.

Нумитор спросил Ромула и Рема. «Что хотите вы в награду?» Братья ответили: «Отдай нам земли по берегам Тибра, где мы детьми едва не погибли, но были спасены доброй волчицей и великодушным пастухом».

Нумитор исполнил желание братьев и отпустил с ними тех жителей Альба-Лонги, которые захотели переселиться на новое место. Братья облюбовали семь холмов, чтобы построить на них будущую столицу, но тут между ними возник спор, чьим именем ее назвать — Ромула или Рема, и кто из них станет там царем.

Наконец они решили: «Пусть рассудят нас боги».

Братья взошли на два холма и стали ожидать знамения. Ждать пришлось недолго: в небе послышалось хлопанье крыльев — и над головой Рема пролетели шесть коршунов, а над головой Ромула — двенадцать. И все, кто это видел, закричали: «Ромула избрали боги! Над ним пролетело вдвое больше птиц».

Ромул запряг в плуг двух волов и пропахал глубокую борозду-границу будущего города.

Уязвленный Рем насмешливо сказал: «Могучие же укрепления ты возвел!» — и перешагнул через борозду.

Тогда Ромул впал в великий гнев, выхватил меч — и поразил брата в самое сердце. Рем упал мертвым, а Ромул сказал: «Так будете каждым, кто силой вторгнется в мой город!» Город получил название по имени Ромула — Рома. В России его называют Рим.

В I веке до н. э. римский математик и астролог Таруций попытался на основе расположения звезд вычислить точную дату основания Рима. У него получилось — 23 апреля 753 года до н. э.

Сказание о Ромуле и Реме изложил римский писатель Диокл, автор первой книги об основании Рима, живший, предположительно, в III веке до н. э. Знаменитый греческий историк I века новой эры Плутарх писал об этой книге: «Некоторые считают ее произведением сказочного, мифического характера. Тем не менее, нет основания не доверять ей, видя, что делает судьба, и принимая во внимание, что Рим никогда не был бы так могущественен, если бы на то не было воли свыше, воли, для которой нет (…) ничего невозможного».

45. ПОХИЩЕНИЕ САБИНЯНОК

Рим был неприступной крепостью, а римляне — суровыми и воинственными людьми. Они ревностно охраняли свою землю, но у большинства из них не было ни жен, ни детей, а стало быть, у города не было будущего.

Царь Рима, Ромул, снарядил посольство к соседним народам, чтобы высватать для римлян невест, но соседи не доверяли римлянам, считали их неизвестно откуда взявшимися пришельцами, и никто не соглашался отдать им в жены своих дочерей.

Тогда Ромул решил прибегнуть к хитрости. Он устроил в Риме спортивные игры и пригласил на них сабинян — горское племя, женщины которого славились красотой. Сабиняне приняли приглашение и явились в Рим. Многие привезли с собой жен, дочерей и сестер.

Ромул предупредил римлян, чтобы они присмотрелись к девушкам, и каждый наметил бы для себя ту, которая ему больше по нраву.

Когда игры были в разгаре и сабиняне, не замечая ничего вокруг, следили за происходящим на арене, Ромул подал условленный знак, сняв и снова надев свой пурпурный плащ. По этому знаку римляне подхватили на руки сабинянок и бросились бежать. (Считается, что именно тогда возник существующий до сих пор обычай, по которому муж вносит новобрачную в свой дом на руках.) Девушки кричали и сопротивлялись, сабиняне, ошеломленные неожиданностью, попытались отбить их у похитителей, но не смогли и вынуждены были вернуться домой, оставив своих дочерей и сестер в Риме.

Желая соблюсти общепризнанные нравственные правила, римляне постарались похитить только незамужних девушек, но среди них случайно оказалась и одна мужняя жена, Герсилия, которую взял в жены сам Ромул.

Ромул обратился к похищенным сабинянкам с речью, растолковав им, что насилие было вынужденной мерой, и заверил, что, водворившись в домах римлян, они будут пользоваться почетом и всеобщим уважением, а римляне станут им хорошими мужьями. Похищенные смирились со своей участью и согласились выйти замуж за похитителей.

Римляне стали налаживать семейную жизнь, сабинянки, как и подобает хорошим женам, рожали детей и вели домашнее хозяйство.

Но сабиняне, лишившись дочерей и сестер, чувствовали себя оскорбленными. Сабинский царь Тит Таций собрал войско и пошел на римлян войной. Натиск сабинян был так мощен и стремителен, что римлянам пришлось отступить и укрыться за стенами Рима.

Римское войско возглавлял полководец Спирий Тарпей, у которого была дочь Тарпея. Однажды Тарпея увидела с городской стены сабинского царя Тита Тация. Девушка была поражена красотой и статью вражеского полководца и полюбила его так, что решила предать свой город.

В Риме праздновали годовщину его основания, и на этот день было объявлено перемирие. Тарпея, воспользовавшись возможностью выйти из города, отправилась во вражеский лагерь и передала Титу Тацию ключи от Рима.

Тит Таций счел поступок Тарпей неблаговидным и приказал ее казнить, но тем не менее воспользовался ее предательством — и сабиняне вошли в Рим.

Началось кровопролитное сражение. Сабинянки с ужасом наблюдали, как их мужья сражаются с их отцами и братьями, рыдали и заламывали руки. Но жена Ромула Герсилия воскликнула: «Не время предаваться отчаянию! Мы должны остановить кровопролитие!» Женщины распустили волосы в знак скорби и, взяв на руки маленьких детей, бросились между сражающимися.

Плутарх писал: «Со всех сторон появились бежавшие с криком и воплями, через оружие и трупы к своим мужьям и отцам, точно исступленные, похищенные дочери сабинцев, (…) они называли самыми нежными именами то сабинцев, то римлян». Сабинянки кричали: «Остановитесь! Лучше обратите свой гнев против нас, ибо мы — причина раздора!» Противники растерялись — и опустили оружие.

А женщины уже приветствовали своих отцов и братьев, протягивали им детей, сабиняне брали на руки своих внуков и племянников.

Суровые римляне растрогались, видя всеобщую радость, и оба народа заключили между собой вечный мир.

46. БРАТЬЯ ГОРАЦИИ

После смерти Ромула на римском престоле сменилось шесть царей. Этот древнейший период истории Рима, по традиции, называют «царским», хотя большинство историков считают и самих царей, и рассказы об их царствовании легендами, лишь в какой-то степени отражающими реальные процессы формирования Римского государства.

Третьим царем после Ромула был Тулл Гостилий. Ему приписывается подчинение Риму древней Альба-Лонги.

Правители Альба-Лонги ревниво следили за возвышением Рима, а римляне, сознавая собственную силу и веря в славное будущее своего города, с пренебрежением относились к старой столице. Между обоими городами с переменным успехом шла длительная война за главенство в италийских землях.

Наконец Тулл Гостилий и царь Альба-Лонги, имени которого легенда не называет, решили покончить с войной, устроив поединок между лучшими воинами Рима и Альба-Лонги, и в зависимости от его исхода навсегда установить превосходство одного города перед другим.

Для участия в поединке римляне избрали троих братьев-близнецов из славного рода Горациев. Среди альбанцев им нашлись достойные противники — трое юношей из рода Куриациев. Они были ровесниками Горациев и тоже братьями-близнецами.

Горации и Куриации с детства знали друг друга, их связывали узы дружбы, сестра Горациев была невестой одного из Куриациев. Но Горации, как истинные римляне, повинуясь велению долга, отринули дружеские и родственные чувства и исполнились решимости отстоять славу Рима любой ценой.

Перед лицом обоих войск — римского и альбанского — противники сошлись на поле боя, трое против троих.

Тулл Гостилий и альбанский царь подали знак, и поединок начался. Горации и Куриации были равно сильны и отважны, но счастье склонялось на сторону альбанцев: двое братьев Горациев, пронзенные мечами, пали, и последний из них Ф.А. Бруни сражался один против троих. Альбанцы, уже уверенные в победе, ликовали, римляне в отчаянии ожидали, что вот-вот погибнет последний Гораций и Рим должен будет подчинитьсяАльба-Лонге.

Но Гораций, видя, что теперь от него одного зависит честь и слава родного города, сражался с утроенным мужеством и поверг троих своих противников наземь бездыханными.

С триумфом возвратился Гораций в Рим. Он шел впереди войска, а перед ним несли его трофеи — оружие, доспехи и плащи побежденных куриациев. Римляне стояли вдоль улиц и приветствовали героя радостными кликами.

Вдруг из толпы выбежала девушка. Это была сестра Горациев, невеста одного из Куриациев. Волосы ее были распущены в знак траура, она рыдала и заламывала руки, а увидев среди трофеев брата окровавленный плащ своего жениха, громко закричала. Девушка называла погибшего ласковыми именами и проклинала брата, его убившего.

Гораций воскликнул: «Опомнись, сестра! Ты оплакиваешь врага римской славы!» Девушка ответила: «Лучше бы Рим лишился своей славы, чем погиб мой любимый!» Тогда Гораций выхватил меч, еще не просохший от крови, и вонзил в грудь сестры. Девушка упала бездыханной, а Гораций продолжал свое триумфальное шествие.

По римским законам убийство любого свободного римлянина каралось смертью. Убитая девушка была римлянкой, и суд приговорил Горация к смерти.

Но все римляне единодушно восстали против приговора, и судьи, подчиняясь общественному мнению, помиловали Горация. С тех пор в законах Рима утвердилось право римских граждан обращаться к народному собранию с апелляцией на решение суда.

В знак очищения от греха Гораций прошел под укрепленными над дорогой бревном. Впоследствии в роду Горациев долгое время существовала традиция ежегодного жертвоприношения Юноне, совершаемое в местности под названием «Сестрино бревно». Некоторые исследователи считают, что легенда об убитой сестре возникла лишь для того, чтобы объяснить эту, неизвестно откуда взявшуюся, традицию.

47. УСТАНОВЛЕНИЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Последним из легендарных римских царей был Тарквиний, прозванный Гордым. По преданию, именно его деспотизм и жестокость привели к крушению царской власти в Риме.

Тарквиний был женат на дочери предшествующего царя, Сервия Туллия, и решил захватить власть силой, свергнув с престола своего тестя, жена Тарквиния участвовала в заговоре.

Однажды, когда Сервий Туллий заседал в Сенате, туда ворвались заговорщики во главе с Тарквинием, заранее облачившимся в царские одежды. Он подал знак своим сообщникам — и старый царь был убит. Его тело Тарквиний приказал выбросить на улицу.

Жена Тарквиния поспешила в Сенат, чтобы поздравить мужа с удачным захватом власти. Возле здания Сената кони, запряженные в ее колесницу, остановились: на их пути лежал труп Сервия Туллия. Но жена Тарквиния приказала кучеру погонять — и переехала через труп своего отца.

Потрясенные римляне прозвали эту улицу Злодейской.

Тарквиний отличался надменностью, был несправедлив и правил Римом деспотически. Помня, каким способом он сам вступил на престол, Тарквиний постоянно опасался заговора и жестоко расправлялся с каждым, кто навлекал на себя его подозрения.

Однажды по его повелению был казнен знатный римлянин Марк Юний вместе со своим старшим сыном. Но младшего сына казненного, Луция, еще совсем ребенка, Тарквиний пощадил и воспитал вместе со своими сыновьями.

Однако по мере того, как Луций взрослел, Тарквиний стал его опасаться. Между тем Луций, чтобы не подвергнуться участи отца и старшего брата, притворился слабоумным и даже получил прозвище «брут», что означает «глупец».

Однако Тарквиния все сильнее одолевали недобрые предчувствия. Он захотел обратиться с вопросом о дальнейшей судьбе власти в Риме к знаменитому Дельфийскому оракулу, но, не решаясь даже ненадолго покинуть Рим, отправил в Дельфы своих сыновей. Их сопровождал Луций Юний.

Представ перед оракулом, юноши спросили, кому будет принадлежать власть в Риме. Оракул ответил: «Тому из вас, кто первым поцелует свою мать».

Сыновья Тарквиния поняли ответ оракула буквально и поспешили домой.

Луций же, зная, что оракул обычно говорит иносказательно, сделал вид, что споткнулся, упал и поцеловал землю — мать всего живого.

Некоторое время спустя старший сын Тарквиния воспылал нечестивой страстью к жене одного знатного римлянина, прекрасной и добродетельной Лукреции. Зная, что мужа нет дома, он явился под видом гостя и силой овладел Лукрецией.

Насильник был уверен, что женщина не захочет огласки и его преступление останется скрытым Но благородная Лукреция призвала мужа, а также своего отца и, попросив привести в качестве свидетелей двух верных друзей семьи, Лукреция сама объявила о своем позоре. Лукреция сказала: «Тело мое осквернено, но душа невинна. Я не признаю за собой греха, но не освобождаю себя от наказания. Пусть никто, утратив честь, не будет жить, ссылаясь на пример Лукреции!» И она вонзила кинжал себе в сердце.

Одним из свидетелей этого был Луций Юний. В то время, как муж и отец рыдали над телом несчастной, Луций извлек из ее раны окровавленный кинжал и поклялся на нем, что Лукреция будет отомщена.

Весть о преступлении тарквиниевого сына и смерти благородной Лукреции быстро распространилась по городу. Чаша терпения римлян переполнилась, и они восстали.

Возглавил восстание Луций Юлий.

Тарквиний со своей семьей был изгнан, и в Риме провозглашена республика.

Римский народ решил отныне ежегодно избирать двоих консулов, поручая им верховную власть над Римом.

Первыми консулами были избраны Луций Юний и муж Лукреции Каллатин.

48. СКАЗАНИЯ О ДОБЛЕСТНЫХ РИМЛЯНАХ

Римляне высоко ценили личную доблесть и способность жертвовать собой во имя отечества. Легендарные времена первых лет Римской республики породили сказания о героях, ставших идеалом для многих поколений римлян и европейских народов, наследовавших их культуру.

Царь Тарквиний, будучи изгнан римским народом, не смирился с потерей власти. Он заключил союз с этрусским царем Порсеной и начал войну против Римской республики.

Порсена привел на помощьТарквинию большое, сильное войско.

Подступы к Риму защищала естественная преграда — широкий, полноводный Тибр. Единственный мост через реку охранялся отрядом римских воинов.

Увидев целую армию, направляющуюся к мосту, римский отряд дрогнул и был готов отступить под защиту городских стен.

И лишь один из воинов, по имени Гораций Коклес, не утратил мужества. Он преградил путь готовым обратиться в бегство товарищам и воскликнул: «Стойте! Перед нами много врагов, но мы не позволим им войти в Рим. Нас слишком мало, чтобы защитить мост, так давайте уничтожим его, чтобы враг не смог им воспользоваться!» И он первым бросился подрубать сваи моста. Другие последовали его примеру.

Но враги были уже совсем близко. Тогда Гораций Коклес и двое его товарищей вышли им навстречу и встали плечом к плечу. Втроем они отражали вражеский натиск, пока остальные воины разрушали мост. Когда он был почти разрушен, Гораций Коклес приказал двоим товарищам перейти на другой, безопасный, берег — и остался один.

Он крикнул, обращаясь к воинам Порсены: «Жалкие рабы! Вы покорны надменному царю и вам неведома сладость свободы! Мы же изведали ее, и никому не позволим отнять у нас этот бесценный дар!» В это время мост за спиной Горация Коклеса рухнул, и он оказался отрезан от города водным потоком. Воины Порсены вскинули луки, и в отважного героя полетела туча стрел. Но Гораций Коклес прыгнул в воду, невредимым переплыл через Тибр и присоединился к своему отряду.

В память о подвиге Горация Коклеса в Риме впоследствии была установлена его статуя.

Порсена понял, что взять Рим штурмом ему не удастся, и начал длительную осаду Враги обложили город со всех сторон. В Риме стали подходить к концу запасы продовольствия римлянам грозил голод.

Тогда знатный римский юноша по имени Гай Муций решил пробраться в лагерь врага и убить Порсену, полагая, что войско, оставшись без предводителя, снимет осаду.

Гай Муций явился в Сенат и объявил о своем решении. Отцы города одобрили его смелый замысел, а когда об этом стало известно в городе, триста римских юношей поклялись, что если Гай Муций не сможет исполнить задуманного и погибнет, то все они — один за другим — повторят его попытку, пока кто-нибудь из них не убьет Порсену и не спасет Рим.

Под покровом ночной темноты Гай Муций переплыл Тибр и оказался в стане врагов. Наступило утро. В войске Порсены царило оживление: в этот день воины должны были получать жалованье. Гай Муций, никем не замеченный, смешался с толпой и вместе со всеми отправился туда, где Порсена и войсковой казначей уже начали выдавать воинам деньги.

Гай Муций не знал Порсену в лицо и принял за него казначея — человека с величественной осанкой и в богатой одежде. Приблизившись к казначею вплотную, Гай Муций выхватил меч — и поразил его в самое сердце.

Гая Муция тут же схватили и обезоружили. Отважный юноша предстал перед Порсеной, он не страшился смерти и лишь сожалел, что слепая судьба направила его меч мимо намеченной цели.

Порсена спросил Гая Муция, кто он таков и кем послан.

Гай Муций ответил: «Я — римский гражданин и пришел сюда, чтобы тебя убить. Если бы не моя злосчастная ошибка, ты бы уже был мертв».

Порсена, желая устрашить Гая Муция жестокой казнью, приказал развести огонь.

Но когда костер разгорелся, Гай Муций протянул правую руку и бесстрашно вложил ее в пламя.

Он сказал царю: «Смотри, как мало дорожат своим телом те, кто отстаивают свою свободу. Я погибну, но мне на смену придут другие. Нас не устрашит ни смерть, ни муки, и, в конце концов, ты будешь уничтожен, надменный царь!» Потрясенный Порсена приказал оттащить Гая Муция от огня и сказал: «Ты поступил с собой более жестоко, чем поступил бы я. Хоть ты и мой враг, я готов восславить твое мужество!» Порсена отпустил Гая Муция, а вскоре снял осаду Рима и заключил с римлянами мир. Тарквиний, лишившись поддержки союзника, был вынужден отказаться от дальнейшей борьбы против Римской республики и умер в изгнании.

Гай Муций, лишившийся правой руки, получил прозвище Сцеволла, что значит «левша». Это прозвище стало родовым именем, и его с гордостью носили многие поколения потомков Гая Муция.

Рим процветал.

Но однажды на его центральной площади вдруг разверзлась огромная пропасть. С каждым днем она становилась все больше и больше, угрожая поглотить весь город.

Прорицатели объявили, что римляне спасут Рим, если бросят в пропасть свое главное достояние.

Римляне снесли к пропасти все бывшее в городе золото и серебро и побросали вниз, но пропасть продолжала расти.

Тогда отважный юноша по имени Курций воскликнул: «Главное достояние Рима — доблестные римляне!» Он облачился в боевые доспехи, взял оружие, вскочил на коня и бросился в пропасть.

Ее края тут же сомкнулись, поглотив доблестного Курция.

Так римская доблесть снова спасла Рим.

49. АМУР И ПСИХЕЯ

История Амура и Психеи греческого происхождения, но наиболее известна в изложении римского писателя II века новой эры — Апулея. Она входит в качестве вставной новеллы в его знаменитый роман «Золотой осел». Персонаж романа — старуха-служанка, прежде чем начать рассказывать эту историю, говорит: «Я знаю много интересных сказок хорошего старого времени». Таким образом, Апулей подчеркивает фольклорные, народные истоки сказания об Амуре и Психее.

Богов Апулей называет их римскими именами: Амур, Венера, Юпитер, но имя Психея — греческое и означает «душа». В более поздние времена историю Амура и Психеи истолковывали как аллегорию странствований человеческой души, стремящейся слиться с любовью.

В некой стране жили царь и царица. У них было три дочери-красавицы, причем младшая — Психея — была настолько хороша, что превосходила прелестью саму Венеру.

Богиня досадовала на смертную красавицу и решила сурово ее покарать. Венера призвала своего сына-бога любви Амура и сказала ему: «Сделай так, чтобы Психея влюбилась в самого ничтожного из людей и всю жизнь была бы с ним несчастна».

Амур полетел выполнять приказание матери, но все вышло не так, как хотела Венера. Увидев Психею, Амур был поражен ее красотой, и прекрасная царевна, о том не подозревая, уязвила любовью самого бога любви. Амур решил, что красавица должна стать его женой, и принялся отваживать от нее всех женихов.

Царь и царица недоумевали: две старшие дочери уже благополучно вышли замуж, а Психея, несмотря на свою красоту, все еще жила в родительском доме и к ней не посватался ни один жених.

Царь обратился к оракулу, и оракул объявил (разумеется, по наущению Амура), что царевне суждена необычная судьба, он повелел облачить Психею в свадебный наряд, отвести на высокую гору и оставить там в ожидании предназначенного ей неведомого супруга.

Долго горевали царь и царица, но не посмели ослушаться воли богов и исполнили все так, как велел оракул.

Несчастная Психея в свадебном наряде оказалась одна на вершине горы. В ужасе озиралась она вокруг, ожидая, что вот-вот появится какое-нибудь чудовище.

Но вдруг налетел легкий, ласковый ветерок-Зефир, подхватил Психею, перенес ее с неприютной скалы в зеленую долину и опустил на шелковистую траву.

Поблизости росла тенистая роща, а среди деревьев стоял беломраморный дворец. Видя, что пока с ней не произошло ничего дурного,

царевна приободрилась и захотела рассмотреть дворец поближе. Двери сами собой распахнулись перед ней, и царевна, робея, вошла внутрь.

Никогда еще не доводилось Психее видеть подобной роскоши. Стены сияли золотом и серебром, потолок был сделан из слоновой кости, а пол, который она попирала ногами, выложен из драгоценных камней.

Неожиданно откуда-то послышался приветливый голос: «Здравствуй, царевна! Будь здесь хозяйкой».

Целый день гуляла Психея по дворцу, но так и не смогла обойти всех его комнат. Незримые слуги сопровождали царевну, исполняя всякое ее желание, едва она успевала о нем подумать, а вечером, утомившись, Психея легла спать, и под покровом темноты к ней на ложе сошел Амур. Психея не видела, а лишь осязала своего неведомого супруга, но, тем не менее, горячо его полюбила. Утром, до того как рассвело, Амур удалился, чтобы снова прийти, когда стемнеет.

Психея была счастлива в своем роскошном дворце, со своим любимым, хотя и неизвестным ей супругом. Лишь одно тревожило ее: она знала, что родители и сестры горюют, считая ее погибшей.

Однажды ночью Психея сказала Амуру: «Любимый мой супруг! Я не могу быть спокойна и счастлива, когда мои родные пребывают в горести. Разреши мне послать им весточку о том, что я жива и здорова».

Но Амур ответил «Лучше этого не делать, чтобы не накликать большую беду».

Психея не посмела настаивать, но с того дня стала грустной и задумчивой, и плакала, даже предаваясь ласкам супруга.

Амур, будучи не в силах видеть любимую жену в печали, сказал: «Я исполню твое желание. Повидайся с сестрами, но будь осторожна — они могут дать тебе дурной совет».

Он послал Зефиров за сестрами Психеи, и те доставили их на своих крыльях во дворец.

Придя в себя после путешествия по воздуху и увидев, что их младшая сестра жива и здорова, сестры очень обрадовались. Но когда Психея рассказала им, как она счастлива, провела по дворцу и показала свои богатства, в их сердцах проснулась зависть.

Когда же сестры стали расспрашивать ее о муже, простодушная Психея ответила, что муж ее добр и ласков, и, судя по всему, молод и хорош собой, хотя утверждать этого наверняка она не может, потому что он посещает ее только под покровом темноты.

Тут сестры исполнились еще большей зависти, поскольку у одной из них муж был стар и лыс, как тыква, а у другой — скрючен от ревматизма и постоянно мазался вонючей мазью.

Вернувшись домой, сестры даже не сказали родителям, что Психея жива, и составили коварный план, как погубить ее счастье.

Вскоре Психея снова захотела повидаться с сестрами, и они, как и в прошлый раз, на крыльях Зефиров прилетели к ней в гости.

Увидев Психею, сестры изобразили на своих лицах притворное горе и воскликнули: «О, несчастная! Твой муж — отвратительный и злобный змей. Здешние земледельцы не раз видели, как он переползает на брюхе через реку и скрывается в твоем дворце. Берегись! Однажды он ужалит тебя — и ты умрешь страшной смертью!» И обе они громко зарыдали.

Напуганная и сбитая с толку Психея спросила: «Что же мне делать?» Сестры сказали: «Спрячь под постелью острый нож, и когда нынче ночью твой супруг придет к тебе, убей его».

Коварные сестры вернулись домой, оставив Психею в страхе ипечали.

Поразмыслив, она усомнилась в словах сестер и решила, прежде чем убить мужа, взглянуть на него, чтобы убедиться, что он и вправду змей. Она наполнила маслом светильник и спрятала его возле постели.

Ночью Амур, как обычно, пришел на ложе Психеи. Когда он уснул, Психея потихоньку встала, зажгла светильник и, замирая от ужаса, взглянула на супруга. Каковы же были ее изумление и радость, когда вместо отвратительного змея она увидела златокудрого бога любви.

Рука Психеи дрогнула, светильник наклонился, и капля горячего масла упала на плечо спящего. Амур тотчас же проснулся. Увидев Психею со светильником в руках, он воскликнул в гневе и горести: «Ты послушалась совета своих завистливых сестер и погубила наше счастье. Я мог бы сурово покарать тебя, но накажу лишь разлукою со мной».

Он взмахнул крыльями — и улетел.

Несчастная Психея осталась одна, горько плача и проклиная свое легковерье. Потом она покинула роскошный дворец и отправилась бродить по свету в поисках своего супруга.

Амур тем временем прилетел в чертог своей матери Венеры. Обожженное плечо его сильно болело, он громко стонал и жаловался.

Венера разгневалась на сына, посмевшего без ее ведома взять в жены ту, которой она желала зла, но еще сильнее разгневалась богиня на Психею. Венера строго- настрого запретила богам и людям помогать несчастной, давать ей приют и утешение.

Долго скиталась Психея, отвергнутая всеми, и наконец пришла к чертогу Венеры.

Богиня встретила ее бранью и насмешками. Она сказала, что Психея достойна быть лишь служанкой, и тут же задала ей работу: смешала в одну кучу пшено, ячмень, мак и чечевицу и велела отделить одно от другого.

Психея заплакала, не решаясь даже приступить к этой бесконечной работе, но ее пожалел муравей. Он созвал свой трудолюбивый народец, и муравьи быстро и хорошо исполнили задание Венеры.

Тогда богиня приказала Психее пойти в рощу, где паслись золоторунные бараны, и принести их шерсти. Но бараны были злы и драчливы и никого к себе не подпускали. Психея остановилась на берегу ручья, не осмеливаясь приблизиться к пасущемуся стаду.

Но тут зашелестел прибрежный тростник и сказал: «Подожди до полудня. Бараны уснут, а ты пойдешь по роще и найдешь много клочьев их шерсти, запутавшейся к ветвях кустов и деревьев».

Психея послушалась совета, и принесла Венере целую охапку золотой шерсти.

Но богиня не смягчилась и приказала Психее принести воды из источника, бьющего на вершине отвесной скалы.

Когда Психея с хрустальным сосудом в руках стояла у подножия скалы и с отчаянием смотрела на неприступную вершину, мимо пролетал орел. Он подхватил хрустальный сосуд и, поднявшись на своих крыльях к

вершине скалы, зачерпнул воды из источника.

Раздосадованная Венера придумала новую задачу: велела Психее спуститься под землю в царство смерти, попросить у его владычицы Прозерпины ларец и, не открывая его, принести Венере.

Горемычная Психея подумала, что легче умереть, нежели выполнить эту задачу. Она поднялась на высокую башню, чтобы броситься с нее вниз и положить конец своим мученьям. Горе ее было так велико, что холодные камни, из которых была построена башня, прониклись к ней жалостью. Они заговорили и указали Психее путь в подземное царство, научив подкупить перевозчика через реку, отделяющую мир живых от мира мертвых, двумя монетами и задобрив пса, охраняющего вход в подземное царство, двумя кусками хлеба.

Прозерпина дала Психее ларец. Психея помнила, что не должна в него заглядывать, но не смогла совладать с любопытством. Едва выбравшись из подземного царства на свет, она приоткрыла крышку.

В ларце был заключен сон, подобный смерти. Черным туманом обволок он Психею, она упала на землю и заснула.

Тем временем обожженное плечо Амура зажило, и вместе с болью прошел его гнев на Психею. Он отыскал ее, погруженную в зачарованный сон, и разбудил поцелуем. Психея поведала супругу, как жестоко угнетает ее Венера, и Амур пообещал, что отныне этому наступит конец.

Он полетел к самому Юпитеру и стал просить, чтобы тот водворил мир между его матерью и женой.

Юпитер призвал Венеру и сказал ей: «О, прекраснейшая! Не сетуй, что твой сын избрал себе в жены не богиню, а смертную. Я подарю ей бессмертие, и она сравняется с богами». Он наполнил кубок амброзией — напитком богов — и дал выпить Психее.

Психея стала бессмертной, подобно своему супругу. Боги пели хвалу ее красоте и доброму нраву, Венере пришлось смириться и признать Психею своей невесткой.

Вскоре у Амура и Психеи родилась дочь, имя которой —Наслаждение.

История любви Амура и Психеи послужила основой многих произведений искусства — скульптур, картин, стихов и пьес. В европейской литературе наиболее известным переложением этого сюжета является поэтическая повесть французского поэта XVII века Ж. Лафонтена. Русский поэт XVIII века И.Ф. Богданович также создал поэму об Амуре и Психее. Свою поэму он назвал «Душенька», буквально и в тоже время очень образно переведя на русский язык имя «Психея».

Юпитер, покачав
Разумной головою,
Амуру дал устав,
По силе старых прав,
Чтоб век пленялся он душевной красотою
И Душенька была б всегда его четою.

СКАЗАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Легенды и предания европейских народов, сложившиеся в эпоху Средневековья, разнообразны по сюжетам, жанрам, образному строю,

происхождению.

Наиболее древние из них тесно связаны с мифологией. Чисто мифологичны скандинавские сказания «Эдды», сильны мифологические мотивы в карело-финском эпосе «Калевала», в ирландских сказаниях о Кухулине, в англосаксонском эпосе «Беовульф».

Большое влияние на формирование сказаний средневековой Европы оказало христианство. Термин «легенда», которым определяется жанр большинства средневековых европейских сказаний, имеет церковное происхождение. По-латыни «легенда» означает «то, что следует прочесть». Первоначально так называли жизнеописания святых, предназначенные для чтения в дни их памяти.

Но поскольку в средневековой Европе грамотным было главным образом духовенство, в народе эти легенды бытовали в устной форме, видоизменяясь и расцвечиваясь народной фантазией.

Первый сборник таких, зачастую уже очень далеких от первоисточника, легенд, составил генуэзский архиепископ Джакопо де-Вораджине в XIII веке. Этот сборник получил название «Золотая легенда».

Религиозные мотивы присутствуют в чисто народных легендах о Граале, о рыцаре Тангейзере, о докторе Фаусте.

Во многих средневековых сказаниях нашли отражение реальные исторические события: заселение кельтскими племенами Британских островов — в сказании о Бритте, война франков и мавров — в «Песни о Роланде», борьба за освобождение Испании от иноземного владычества — в «Песне о Сиде». Исторические события и реальные персонажи в этих сказаниях обобщаются, укрупняются становятся эпически величественными.

Лучшие сказания средневековой Европы приобрели общечеловеческое значение и послужили основой для многих произведений мирового искусства как вечные сюжеты о поисках красоты и истины, о борьбе за свободу и справедливость, о мужестве, о верности, о великой любви.

50. ЭДДА

В 1222 или 1223 годах исландский историк, поэт и политический деятель Снорри Стурлусон написал книгу, которую назвал «Эдда».

О том, что означает это название, исследователи спорят до сих пор. Одни производят слово «эдда» от наименования хутора, на котором Снорри Стурлусон жил и собирал материалы для своей книги, другие — от слова, означающего «поэзия», третьи полагают, что «эдда» значит «прабабушка». Как пишет известный специалист по скандинавской литературе М.И. Стеблин-Каменский, «все три этимологии были выдвинуты давно и по очереди снова выдвигаются и отвергаются».

«Эдда» Снорри Стурлусона представляет собой учебник поэтического мастерства. Но наряду с чисто профессиональными советами в ней содержится множество сведений по древнескандинавской мифологии, поскольку поэт должен был уметь пользоваться мифологическими образами.

Одна из частей книги написана в форме диалога между неким легендарным конунгом (королем) и верховным скандинавским богом

Одином. Конунг расспрашивает о сотворении мира, об устройстве Вселенной — и Один отвечает. В этом диалоге предстает вся скандинавская мифология, приведенная в строгую, четкую систему.

Другая часть «Эдды» содержит указания к употреблению так называемых «кеннингов». Кеннинг — характерный для древнескандинавской поэзии литературный прием, когда вещи называются не прямо, а иносказательно. Так битва может называться «буря оружия», воин — «ясень битвы», корабль — «конь моря», земля — «море зверей», солнце — «огонь неба», небо — «страна солнца» и т. д.

Часто кеннинги имеют мифологическое происхождение и, перечисляя их, Снорри Стурлусон пересказывает древние сказания. Например, объясняя, почему кеннингом золота является «выкуп за выдру», он рассказывает историю о том, как боги нечаянно подстрелили колдуна, перед тем превратившегося в выдру, и были вынуждены заплатить большой выкуп его отцу.

«Эдда» Снорри Стурлусона является ценнейшим научным источником, но мифы и сказания играют в ней лишь служебную роль. Они представлены или в кратком пересказе, или отдельными цитатами.

В средние века считалось, что Снорри Стурлусон пользовался неким древним источником, который также назывался «Эдда».

Исландский ученый епископ Бриньольв Свейнссон, живший в XVII веке, утверждал, что от этой древней «Эдды» «у нас теперь осталась, кроме названия, едва ли тысячная доля, и которая не сохранилась бы совсем, если бы извлечения Снорри Стурлусона не оставили бы нам скорее тень и след, чем подлинный состав древней «Эдды».

В1643 году Бриньольв Свейнссон нашел древнюю рукопись, состоящую из сорока пяти пергаментных листов, сшитых в шесть тетрадей. Она содержала в себе двадцать девять поэтических песен, рассказывающих о скандинавских богах и героях.

Бриньольв Свейнссон счел найденную рукопись той самой древней «прославленной «Эддой», в существовании которой он не сомневался. Хотя впоследствии оказалось, что рукопись относится приблизительно к тому же времени, что и «Эдда» Снорри Стурлусона, ее стали называть «Старшей Эддой», или Поэтической, а «Эдду» Снорри Стурлусона — «Младшей», или Прозаической.

Песни, включенные в «Старшую Эдду», были записаны в XIII веке на исландском языке. Но возникли они в разные времена — с V по X века — у разных народов, говорящих на германских языках. К германской языковой группе принадлежат все скандинавские языки, немецкий и английский.

Не случайно языческие сказания германских народов сохранились именно в Исландии.

Исландия была заселена в IX–X веках выходцами из Норвегии. В то время в большинстве европейских стран, в том числе и германоязычных, язычество было вытеснено христианством, и остатки языческих верований жестоко искоренялись.

В Исландии в 1000 году христианство также стало официальной религией. Но христиан там было слишком мало, чтобы они могли занять воинствующую позицию, а язычники не видели принципиальной разницы между своей верой и христианством. Поэтому в Исландии на протяжении

нескольких веков христианство и язычество мирно сосуществовали.

Старшая и Младшая «Эдды», дополняя друг друга, представляют собой стройное поэтическое сказание о небесной стране Асгарде и населяющих ее богах — асах.

Вначале не было ничего — ни моря, ни песка, ни неба. Не светили солнце и луна — мир был черной, зияющей бездной.

К северу от Мировой бездны лежало царство холода и свирепой непогоды, к югу- бушевал неугасимый огонь.

Однажды в царстве холода забил водяной источник, из него взяли начало двенадцать рек. Воды их низвергались в бездну и превращались в лед. Ледяные глыбы росли, громоздились друг на друга и, заполняя бездну, приближались к царству огня.

От тепла лед начал таять, и из талой воды возник великан Имир — первое живое существо в мире.

В тот же день из его руки родились сын и дочь, а из ног — другой сын. От них пошло многочисленное племя великанов, могучих и беспощадных, как огонь и вода, их породившие.

Лед продолжал таять, и из него возникла гигантская корова Аудумбла. Из ее вымени потекли четыре молочные реки, давая пищу великанам.

Сама корова питалась, слизывая соль с ледяных глыб. Одна глыба, которую облизала корова, превратилась в великана по имени Бури, что значит «родитель». Он породил сына, которого звали Бор, что значит «рожденный». У Бора было трое сыновей: Один, Вили и Ве. Они стали первыми богами, и от них пошел род богов-асов.

Боги убили Имира. В его крови утонули все великаны, лишь один из них, по имени Бергельмир, что значит «ревущий, как медведь», успел построить лодку и спастись со своей семьей.

После этого боги начали обустраивать мир. Из тела Имира они создали землю, из костей — горы, из зубов — камни, из волос — траву и деревья, из крови — океан, который кольцом окружил землю. Из черепа Имира боги сделали небосвод и укрепили его над землей.

Затем они срубили два дерева — ясень и иву — и сделали из них первых людей, мужчину и женщину. Боги дали им жизнь и душу, разум и движение, речь, зрение и слух, одежду и имена, назвав их Аск и Эмбля.

Поначалу мир был темен, его освещали лишь искры, залетавшие из царства огня. Боги сотворили солнце, луну и звезды. Но беспорядочным было движение светил по небу. В одной из песен «Старшей Эдды» говорится:

Солнце не ведало, где его дом, звезды не ведали, где им сиять, месяц не ведал мощи своей…

(Перевод А. И. Корсуна)

В то время людей стало уже много. У одного человека было двое детей — сын и дочь, таких красивых, что отец назвал сына Мани, что значит «луна», а дочь — Суль, что значит «солнце».

Боги взяли брата и сестру на небо и повелели им править конями, запряженными в колесницы небесных светил. С тех пор днем красавица Суль везет по небу солнце, а ночью ее брат Мани — луну. Так появились смена дня и ночи — и пошел счет времени.

В другом сказании небесными конями правит темноликая красавица Ночь и ее сын День. Коня Ночи зовут Льдистая Грива, и каждое утро на землю в виде росы падает пена с его удил. А конь Дня носит имя Ясная Грива. От него исходит сияние, озаряющее все вокруг.

Боги разделили мир между всеми, кто его населял.

На земле они основали страну Мидгард, что значит «Средний город», и отдали ее людям. Великанов, потомков Бергельмира, боги поселили далеко на востоке, на берегу океана. А для себя высоко на небе воздвигли крепость Асгард — «Город асов».

Земля и небо соединились при помощи моста-радуги. Там, где радуга красного и оранжевого цветов, полыхало жаркое пламя, поэтому никто, кроме богов, не мог пройти по этому мосту.

В центре мира выросло огромное Мировое дерево — Иггдрасиль. Его крона шумит в небесах, ствол пронизывает земное пространство, а корни уходят в подземный мир.

На вершине Иггдрасиля сидит орел, под корнями живет дракон, по стволу вверх и вниз снует белка. Белка избрана посредницей между верхним и нижним мирами не случайно. В отличие от других животных, лазающих по деревьям (например, кошки) она и поднимается и спускается с дерева вперед головой.

Три корня Иггдрасиля раскинулись в разные стороны. Один протянулся в царство холода, другой — в страну великанов, третий — в Митгард, страну людей. Из-под всех трех корней бьют источники.

В царстве холода — Кипящий Котел, тот самый, из которого потекли некогда первые реки.

В стране великанов — Источник Мудрости. Однажды Один захотел испить из него. Страж источника великан Мимир потребовал в уплату правый глаз Оди-на. И Один отдал глаз в обмен на мудрость.

В Мидгарде из-под корня Иггдрасиля пробивается Источник Судьбы. Возле него поселились три вещие девы — норны. Их зовут Урд, Верданди иСкульд, что значит «судьба», «становление» и «долг». Норны определяют судьбы людей и богов и прядут нить их жизни.

Боги населили также земные недра и воздух. Из червей, что появились в земле, они создали черных и светлых карликов — цвергов и альвов. Цверги добывают подземные руды и драгоценные камни и славятся как искусные мастера; альвы летают по воздуху и даруют цветение травам.

Один — глава всех богов. Имя его означает «экстаз», «неистовство», «поэтическое вдохновение». Первоначально он был богом-колдуном, богом-шаманом. Однажды он пронзил себя копьем и повесился на ветвях Иггдрасиля. Провисев таким образом девять дней, он обрел высшую мудрость. В этом мифе отразился обряд ритуального самоистязания, благодаря которому шаманы впадали в экстаз и получали возможность общаться с духами.

Атрибуты Одина — два ворона по имени Гутин и Мумин, что значит «память» и «мысль», и два волка.

Мудрость в представлении древних скандинавов неразрывно связана с поэзией. Поэтому Один — еще и бог поэтов.

Но, прежде всего, он — бог войны. Один решает исход всякой битвы. Ему подвластны небесные девы-валькирии, которые даруют победу или обрекают на поражение и уносят души павших воинов с поля боя на небо. Валькирия — значит «выбирающая убитых».

Небесное жилище павших храбрецов — Вальгалла, «чертог убитых». Вместо огня она освещена сверкающими мечами. Там воины пируют и сражаются друг с другом.

В Вальгаллу попадает лишь тот, кто пал в бою. Все остальные умершие отправляются в подземное царство Хель.

В «Младшей Элле» говорится, что дорога в царство Хель «идет вниз и к северу». Хель — владычица царства мертвых — свирепая великанша. Тело ее наполовину синее, наполовину цвета сырого мяса.

Отец Хель — бог огня Локи, а мать — великанша Ангрбода. Кроме Хели у Локи и Ангрбоды было еще двое детей — змея Ермунганд и волк Фенрир.

Норны напророчили, что страшные дети Локи принесут в мир беду и гибель. Тогда Один отправил Хель под землю и сделал владычицей царства мертвых, а змею поселил в Мировом океане. Стала змея расти, опоясала всю землю и положила голову на свой хвост.

А волка Фенрира асы оставили у себя. Пока он был волчонком, то жил на свободе, но когда вырос в огромного зверя, асы решили посадить его на цепь. Сковали они цепь, крепче которой до тех пор не бывало, и надели ее на волка. Но волк разорвал ее без труда. Сковали другую цепь, вдвое крепче прежней — волк разорвал и ее.

Тогда подумали асы, что нужна цепь не простая, а волшебная. Приказали они подземным мастерам — цвергам — сковать такую цепь. Принялись цверги за работу. Сковали цепь не из железа, а из шума кошачьих шагов, женских бород, корней гор, рыбьих голосов и птичьей слюны. В «Младшей Эдде» говорится: «Ты можешь и сам, рассудив, убедиться, что тут нет обману: верно, примечал ты, что у жен бороды не бывает, что неслышно бегают кошки и нету корней у гор».

Порвать эту цепь волку оказалось не под силу, и асы приковали его к скале. С тех пор и сидит Фенрир на цепи.

Женой Одина была Фригг — богиня красоты, любви и деторождения. Имя ее означает «возлюбленная».

У Одина было много детей. Тор, его сын от богини земли Йорд — один из самых почитаемых в Скандинавии богов. Тор — значит «громовержец». Его атрибуты — боевой молот по имени Мьелльнир, который без промаха разит противника и сам возвращается к хозяину. Слово «мьелльнир» того же корня, что и русское «молния».

Тора представляли в виде рыжебородого богатыря, разъезжающего на колеснице, запряженной двумя козлами. Козел — один из символов плодородия, так что, вероятно, первоначально Тор был божеством производительных сил природы.

Большинство сказаний о Торе повествуют о его борьбе с великанами, от которых он защищает богов и людей. В Норвегии — прародине исландцев — до сих пор бытует поговорка: «Если бы не было Тора, великаны уничтожили бы мир».

Некоторые исследователи считают Тора богом простого народа, в противоположность Одину — богу военной аристократии. Действительно, Тор напоминает героя народных сказок, простодушного богатыря, прямотой и честностью одерживающего победу над хитрым и изворотливым противником.

Жена Тора — богиня плодородия Сив. Однажды, когда она спала, бог огня Локи, склонный к злым проделкам, остриг ее волосы. Разгневанный Тор хотел убить Локи, но тот пообещал, что добудет для Сив другие волосы — из чистого золота.

Он отправился под землю к цвергам, и они выковали для Сив золотые волосы, которые могли расти как настоящие.

Кроме того, цверги сделали в подарок богам еще несколько чудесных вещей. Для Одина-копье Гунгаир, которое пробивает любую броню, и золотое кольцо Драупнир, которое каждый девятый день приносит восемь таких же колец. Для Тора — молот Мьелльнир, для бога Фрейра — корабль Скидбландир, которому всякий ветер становится попутным. Был этот корабль очень велик, но в случае надобности его можно было свернуть как платок и убрать за пазуху.

Так, благодаря проделке Локи, боги стали обладателями волшебных сокровищ.

Еще одним сыном Одина был Бальдр. В «Младшей Эдде» он описывается так: «О нем можно сказать только доброе. Он лучше всех, и все его прославляют. Так он прекрасен лицом, так светел, что от него исходит сияние».

Вероятно, Бальдр является одним из олицетворений солнца. Некоторые исследователи считают, что мифы о Бальдре появились достаточно поздно, и в них нашли отражение известные язычникам предания о Христе.

Однажды Бальдру начали сниться зловещие сны, предвещавшие ему скорую гибель. Мать Бальдра богиня Фригг обошла всю землю и взяла клятву с огня и воды, камней и металлов, земли и растений, болезней и ядов, что никто из них не причинит вреда Бальдру. Лишь один молодой побег омелы был так мал, что Фригг не стала брать с него клятвы.

Обрадовались асы, что не грозит больше Бальдру беда, собрались в поле и стали забавляться тем, что стреляли в Бальдра из луков, бросали в него камнями, рубили его мечами, но Бальдр оставался невредим.

Позавидовал Локи Бальдру. Хитростью выведал у Фригт, что не взяла она клятвы с побега омелы, отыскал этот побег, который уже достаточно вырос, вырвал его с корнем и пошел на поле, где забавлялись асы. Локи подсунул омелу слепому богу Хеду, и тот метнул ее в Бальдра. Словно стрела, омела пронзила Бальдра насквозь — и он упал мертвым.

Велико было отчаяние асов. В «Младшей Эдде» говорится: «Сначала был слышен только плач, ибо никто не мог поведать другому словами о своей скорби».

С почестями перенесли тело Бальдра на корабль, сложили там погребальный костер и пустили пылающий корабль в море.

Но все так горевали по Бальдру, что Один решился на небывалое: послал гонца к Хель с предложением выкупа и просьбой отпустить Бальдра из царства мертвых.

Девять дней и ночей скакал гонец, пока не достиг реки Гьелль, что отделяет мир мертвых от мира живых. Через реку был перекинут мост из чистого золота. Въехал гонец на мост, зазвенело золото под копытами его коня. Мост охраняла цева по имени Модгут. Она сказала: «Мертвые проходят по мосту неслышно, а под тобой он грохочет, как гром. И лицом не похож ты на мертвого. Кто ты и чего тебе надо?» Ответил гонец: «Меня послали асы к самой Хель, чтобы просить ее отпустить Бальдра из царства мертвых, потому что великий плач стоит по нему на земле и на небе».

Привели посланца к Хель. Выслушала она его и сказала, что согласна отпустить Бальдра, если действительно плачет о нем все живое.

Узнал об этом злобный Локи, превратился в великаншу по имени Текк и сказал: «Сухими слезами Текк оплачет кончину Бальдра Ни живой, ни мертвый Он мне не нужен, пусть хранит его Хель».

И Бальдр навсегда остался в царстве мертвых.

В давние времена ни боги, ни люди не знали алчности, а золото ценили не больше других металлов и делали из него домашнюю утварь.

Но однажды к асам пришла колдунья Гулльвейг, что значит «сила золота». Асы испугались злой колдуньи и попытались ее уничтожить. Трижды пронзали ее копьями и трижды сжигали, но она возвращалась вновь. В «Старшей Эдде» говорится: «Умы покорились ее чародейству».

Чары Гулльвейг пробудили в асах алчность, и они начали войну со своими соседями — ванами, чтобы захватить их богатства.

Ваны — боги плодородия. Откуда они появились — об этом в мифах ничего не говорится.

Война асов и валов стала первой войной ради богатства. С ее началом окончился золотой век.

Ваны победили асов. Асам пришлось заплатить богатый выкуп, после чего был заключен мир. В знак мира ваны выдали замуж за аса по имени Од (иногда его считают воплощением Одина) свою богиню красоты и любви Фрейю. Атрибут Фрейи — кошка. В «Младшей Эдде» говорится, что богиня разъезжает в колеснице, запряженной кошками, а в стенной росписи XII века сохранилось изображение Фрейи верхом на полосатой кошке.

Асы обладали вечной молодостью. Богиня Идунн, что значит «обновляющая», жена бога поэзии Браги, оделяла асов чудесными яблоками, которые не давали им стареть.

Однажды Один, Локи и бог Хенир странствовали по земле. Они остановились отдохнуть в долине и стали жарить мясо на костре. Но мясо никак не жарилось, поскольку неподалеку оказался великан Тьяцци, повелитель зимних бурь. Он превратился в большого орла и своим ледяным дыханием остужал пламя костра.

Локи взял палку и ударил орла. Но тот ухватил палку когтями и взмыл вверх, увлекая за собой Локи, руки которого примерзли к дереву.

Стал Локи просить орла вернуть его на землю. Тьяцци взамен потребовал, чтобы Локи помог ему похитить Идунн с ее волшебными яблоками. Локи пообещал, и Тьяцци опустился на землю.

Пошел Локи к Идунн и сказал, что видел в дальнем лесу яблоки лучше, чему нее. Идунн захотела пойти посмотреть, взяла свои яблоки для сравнения и попросила Локи проводить ее в дальний лес.

Когда они отошли от Асгарда, Тьяцци в образе орла подхватил Идунн вместе с корзиной яблок и унес в страну великанов.

Узнали об этом асы, стали грозить Локи смертью, если не вернет он богиню и ее чудесные яблоки.

Локи обернулся соколом и полетел в страну великанов.

Тьяцци в то время уплыл на лодке в море, Идунн была дома одна. Локи превратил ее в орех, положил в корзину с яблоками и, подхватив корзину, полетел обратно в Асгард.

Вернулся домой Тьяцци, не нашел Идунн — и пустился в погоню. Летит орел за соколом — вот-вот настигнет. Подлетели они к самому Асгарду. Асы разожгли на стене высокий костер. Локи — бог огня — пролетел невредимым, а Тьяцци сгорел.

В другой раз один из великанов захотел взять в жены Фрейю.

Он явился к асам и сказал, что за три полугодия построит вокруг Асгарда такую стену, что ее не одолеют никакие враги. За работу он попросил Фрейю, а в приданое ей — солнце и луну.

Асы хотели прогнать дерзкого великана, но Локи посоветовал согласиться на его условия, поскольку построить стену в оговоренный срок великан наверняка не успеет и можно будет отказать ему в плате, а стену потом достроить самим.

Послушались асы хитрого Локи, и с первым зимним днем великан взялся за строительство. Он работал один, но ему помогал его конь по имени Свадильфари. Конь возил на себе такие огромные глыбы камня, что работа подвигалась быстро. Когда до срока оставалось только три дня, стена была почти готова, оставалось только поставить ворота.

Испугались асы, что придется им отдать Фрейю и снять с неба луну и солнце, стали бранить Локи за плохой совет. Тогда Локи пошел на хитрость: превратился в кобылу и с громким ржанием пробежал мимо коня великана. Конь устремился за кобылой — и они скрылись в лесу. Пошел великан ловить своего коня, да не поймал.

Великан увидел, что без коня ему не закончить работу в срок, понял, что его обманули, и впал в великую ярость.

Но тут появился Тор — и сразил великана.

Асы достроили стену и забыли про великана, однако им было пророчество, что когда-нибудь понесут они за нарушенную клятву суровую кару.

А Локи целый год проходил в образе кобылы и родил жеребенка серой масти о восьми ногах. Один взял жеребенка себе и назвал Слейпнир, что значит «скользящий». И не было на свете коня резвее и лучше.

Локи — загадочный и противоречивый персонаж скандинавской мифологии. Он — один из асов, но в то же время противостоит им. Иногда его козни напоминают проделки сказочного героя-плута и, в конце концов, оказываются на пользу асам, но часто он выступает как абсолютное

воплощение зла. Некоторые исследователи считают его не богом, а демоном и даже сопоставляют с самим Люцифером.

В одной из песен «Старшей Эдды», которая носит название «Перебранка Локи», рассказывается об окончательной ссоре Локи с асами.

Однажды морской великан Эгир сварил большой котел пива и пригласил к себе на пир асов. Весело было на пиру, пиво само лилось в кубки. Прислуживал асам слуга Эгира по имени Фимафенг. Был он так ловок и расторопен, что все асы хвалили его. Завистливому Локи это не понравилось, и он убил Фимафенга. Боги разгневались и прогнали Локи. Тогда он решил: «Раздор и вражду я им принесу, разбавлю мед злобой».

Локи вернулся в пиршественный зал и напомнил Одину, что когда-то они совершили обряд побратимства: «Помнишь ли? — кровь мы смешали с тобою, — сказал ты, что пива пить не начнешь, если мне не нальют».

Один велел усадить его за стол, «чтоб Локи не начал бранить нечестиво гостей в доме Эгира».

Но Локи все же затеял ссору. Он назвал трусом бога поэзии Браги, а когда жена Браги Идунн вступилась за мужа, обвинил ее в распутстве.

В перепалку вступили остальные асы. Локи всех их попрекнул какими-нибудь неблаговидными поступками или напомнил о смешных и нелепых положениях, в которые они когда-то попадали.

Боги и богини также отвечали Локи оскорблениями, потом начали угрожать расправой.

Тор сказал: «Мерзостный, смолкни! Принудит к молчанью тебя молот Мьелльнир!» Локи предпочел не вступать в схватку с могучим Тором и покинул пир, сказав на прощанье хозяину дома: «Пива ты, Эгир, немало припас, но напрасно старался: пусть все, чем владеешь, в пламени сгинет!» «Перебранка Локи» до сих пор вызывает споры между исследователями. Одни считают, что ее обличительный пафос направлен против богохульника Локи, другие полагают, что песня написана с христианских позиций и разоблачает языческих богов, третьи утверждают, что она не содержит никакого пафоса и цель ее — просто позабавить слушателей энергичностью бранных выражений.

Ссора на пиру у Эгира истощила терпение богов, и они сурово наказали Локи. Его приковали к скале, а над ним подвесили змею, из пасти которой капал яд. Жена Локи Сигун не покинула мужа. Она сидит рядом, подставив чашу под ядовитые капли. Когда чаша наполняется и Сигун отходит выплеснуть ее, яд капает на лицо Локи. Он корчится так, что содрогается скала — и тогда на земле происходят землетрясения.

Однажды боги решили узнать, что ожидает их в будущем, и призвали к себе прорицательницу-вельву.

«Прорицание вельвы» — самая знаменитая песня «Старшей Эдды» и одно из величайших произведений средневековой литературы.

Скорее всего, эта песня возникла уже в христианскую эпоху. Разные исследователи датируют ее кто IX, кто X или XI веками. Возможно, в ней отразилось ожидание конца света, который предполагался в 1000 году.

Хотя содержание песни чисто языческое, в ней присутствует христианская идея вины и наказания, осуждение алчности и нарушения клятв.

Вельва начинает свое прорицание с рассказа о прошлом, которое она «помнит», рассказывает о первобытном хаосе, о сотворении мира, о создании первых людей. Затем она говорит о том, что со временем боги и люди забыли древние законы, стали нарушать свои клятвы, погрязли в алчности.

Боги просят ее продолжать: они хотят знать грядущее.

И вельва разворачивает перед ними грандиозную и мрачную картину гибели мира. Рассказ вельвы о грядущем называют «Рагнарек» «сумерки богов».

Пророчица описывает то, что она видит, проникая взором сквозь время: «Солнце померкло, земля тонет в морю, срываются с неба светлые звезды».

Наступает хаос, подобный первобытному. Вырываются на волю все злые силы: срывается с цепи волк Фенрир, поднимается из океана змей Ермунганд, оживают убитые великаны. Из царства Хель на призрачном корабле плывут мертвецы. Злые силы ополчаются против асов, и во главе страшного войска встает разбивший свои оковы Локи.

Асы пытаются противостоять врагам. Они выводят из ворот Вальгаллы павших воинов и ведут их в бой. Начинается последняя битва: «Змей бьет о волны, клекочет орел, павших терзает».

Один сражается с Фенриром, Тор — с Ермунгандом. Но вот Фенрир пожирает Одина, Ермунганд убивает своим ядом Тора.

Гибнут и другие асы.

Два свирепых волка проглатывают солнце и луну — и мир погружается во мрак. Все исчезает в темной бездне.

Но видение вельвы продолжается, она видит возрождение мира: «Вздымается снова из моря земля, зеленея, как прежде, падают воды, орел пролетает, рыбу из волн хочет он выловить…» На небе, там, где был Асгард, поселятся новые боги: сыновья Одина — Видар и Вали, сыновья Тора — Магаи и Моди. И вместе с ними — светлый Бальдр, восставший из мертвых.

А на земле живут двое — муж и жена, Ливтрасир и Лив, что означает «живущий» и «жизнь». От них вновь возрождается человеческий род.

Вельва, закончив пророчество, покидает Асгард.

51. СКАЗАНИЕ О СИГМУНДЕ

Сигмунд — один из героев древнеисландской «Саги о Вельсунгах».

Слово «сага» образовано от глагола, который означает «рассказывать». По-древнеисландски сагой называлось всякое прозаическое произведение.

Древнеисландские саги создавались в XIII–XTV веках. Среди них есть исторические, повествующие о прошлом Исландии и Норвегии — прародины исландцев, есть родовые саги, посвященные семейным преданиям, есть саги, описывающие путешествия исландцев в чужие страны.

И есть легендарные саги, которые обычно называют «саги о древних временах». Они основаны на эпических сказаниях, возникших задолго до того, как выходцы из Норвегии заселили Исландию, то есть до конца IX века. По своему происхождению легендарные саги являются

общескандинавскими, а зачастую и общегерманскими.

Самая знаменитая из легендарных саг — «Сага о Вельсунгах». Она повествует о трагической судьбе потомков конунга Вельсунга — правнука бога Одина.

В «Саге о Вельсунгах» упоминаются реально существовавшие в период раннего Средневековья народы и страны: франки, готы, гунны, но почти все персонажи и события — легендарны. В саге отразились лишь общие процессы эпохи великого переселения народов, когда в IV–VII веках на территории Европы формировались основные нации и складывались государства.

Великий бог Один вступил в любовную связь с земной женщиной, и она родила ему сына по имени Сиги.

Однажды Сиги убил по неосторожности любимого слугу своего соседа и за это был изгнан из Скандинавии.

Он отправился на юг, в страну франков, и Один помог ему захватить там престол и стать конунгом. У Сиги родился сын по имени Рерир, а у Рерира — сын Вельсунг.

Унаследовавший престол отца и деда конунг Вельсунг был храбрым воином и мудрым правителем. У него было десять сыновей и одна дочь. Старшего сына звали Сигмунд, а дочь — Сигни. Они были близнецами.

Дом конунга, по древнему обычаю, был выстроен вокруг могучего дуба. Крона дуба шумела над крышей, ствол рос посреди пиршественного зала.

Однажды в этом зале шел пир — Вельсунг выдавал свою дочь Сигни замуж за гаутландского конунга Сиггейра.

Вдруг среди пирующих появился сам Один. В руках он держал блестящий меч. Один подошел к дубовому стволу и вонзил меч в дерево. А потом сказал: «Этот меч зовется Грам, и нет ему равных. Кто вынет его из дубовых ножен, тому им и владеть».

Один исчез, и все, кто был в зале, стали пытать счастья.

Первым взялся за рукоять меча жених — конунг Сиггейр, но клинок словно врос в дерево. Со стыдом вернулся Сиггейр на свое место.

Потом стали тянуть меч остальные гости, потом хозяева — Вельсунг и его сыновья.

Сигмунд подошел к мечу последним и вытащил клинок из дубового ствола, словно из обычных ножен.

Все стали славить и поздравлять Сигмунда, и лишь Сиггейр позавидовал шурину и затаил против него злобу.

Закончился свадебный пир. Сиггейр с молодой женой стал собираться домой, в Гаутланд. Прощаясь с новой родней, он сказал, что через две недели ждет тестя и шурьев к себе в гости. Те поблагодарили и обещали приехать.

Вот прошли две недели. Старый Вельсунг с сыновьями и дружиной сел на корабль и отправился в Гаутланд.

Сигни ждала их на берегу. Увидев отцовский корабль, она прыгнула в воду и поплыла навстречу. Отец и братья подняли Сигни на борт, морская вода текла с ее волос и одежды.

Сигни сказала: «Мой муж — предатель. Он позвал вас к себе, чтобы убить и захватить меч Грам. Поднимайте паруса, поворачивайте корабль и

плывите назад. И меня возьмите с собой».

Но старый Вельсунг сказал: «Негоже жене покидать мужа, каков бы он ни был. Также негоже воинам бежать от врага, не приняв боя. Ты вернешься к Сиггейру и по- прежнему будешь ему женой, а мы явимся к нему как гости, и если он нападет на нас, сразимся с ним».

Мало было дружинников у старого Вельсунга, велико было войско коварного Сиггейра. Недолгим был бой, и вот убит старый Вельсунг, а десять его сыновей стоят пленниками перед своим зятем.

Захватил Сиггейр меч Грам, а сыновей Вельсунга осудил на жестокую смерть. Приказал отвести их в лес, приковать к поваленному дереву, чтобы умерли они от голода, чтобы растерзали их дикие звери.

Ночью к прикованным братьям вышло из лесу чудовище. С виду оно было подобно лосихе, но глаза его горели огнем, а ноздри раздувались, как у хищного зверя.

Словно волчица, набросилась лосиха на младшего брата, загрызла его насмерть и сожрала.

Девять ночей подряд приходила свирепая лосиха и сжирала одного из братьев. На десятую ночь оставался в живых один Сигмунд.

Подошла к нему лосиха, оскалив клыки, но Сигмунд схватил ее за горло и сжал что есть силы. Стала лосиха задыхаться. В предсмертных судорогах ударила она копытами дерево, к которому был прикован Сигмунд, и разбила его в щепки. Лосиха издохла, а Сигмунд оказался свободен.

Наутро пришла в лес Сигни, чтобы оплакать своих братьев и похоронить их останки. Увидела она Сигмунда, живого и невредимого. Мертвое чудовище лежало у его ног.

Сигмунд поклялся, что не покинет Гаутланда, пока не отомстит за отца и братьев.

Он построил себе в лесной чаще дом и стал там жить. Мясо он добывал охотой, а хлеб ему приносила Сигни.

Так прошло много лет. У Сигни было трое сыновей. Старшие, трусливые и злые, пошли в своего отца Сиггейра, а младший Синфьетли был похож на Сигурда — отважен и великодушен.

Когда Синфьетли исполнилось десятьлет, Сигни привела его в лес и сказала брату: «Вот мой сын. Воспитай из него воина, он поможет тебе свершить твою месть».

Прошли еще годы. Синфьетли возмужал, и Сигмунд решил, что наступило время мести.

Ночью вышли Сигмунд и Синфьетли из леса, проникли в дом Сиггейра и спрятались в погребе среди бочек с пивом.

На беду старший сын Сиггейра захотел ночью пить, спустился в погреб, увидел Сигмунда и Синфьетли — и поднял тревогу.

Сигмунда и Синфьетли схватили. Сиггейр приказал бросить их живыми в глубокую яму, закрыть ее наглухо дубовыми бревнами, засыпать сверху тяжелыми камнями.

Вот сидят Сигмунд и Синфьетли в яме, а над ними строят дубовый помост. Подошла к яме Сигни, со слезами стала просить сторожей: «Дозвольте мне бросить в яму соломы, чтобы сын мой и брат умерли не на голой земле».

Сторожа подумали, что не будет в этом беды — и разрешили. Бросила Сигни в яму охапку соломы, а в ней был спрятан меч Грам.

Услышал Сигмунд, как упал в темноте рядом с ним его меч. Разрубил чудесным клинком дубовые бревна, разметал тяжелые камни.

Вышли Сигмунд и Синфьетли на волю.

Была ночь, и в доме Сиггейра все спали. Сигмунд и Синфьетли набрали в лесу хвороста, обложили им дом и подожгли. Запылал дом, словно костер.

Сигмунд спас из огня одну Сигни. Он сказал ей: «Теперь ты вдова, и мы можем вернуться домой». Но Сигни ответила: «Отец говорил мне, что негоже жене покидать мужа, каков бы он ни был». Она бросилась в огонь и погибла вместе с мужем и старшими сыновьями.

Сигмунд и Синфьетли отправились в страну франков. Франки признали Сигмунда своим законным конунгом, он занял отцовский престол и женился на дочери соседнего конунга. Звали ее Боргхильд.

А Синфьетли захотел пострaнствовать по свету, чтобы подвигами прославить свое имя.

Однажды в стране варнов он поссорился с человеком по имени Роар и убил его. А был тот Роар родным братом Боргхильд, жены Сигмунда.

Боргхильд решила отомстить за брата, и когда Синфьетли вернулся в страну франков, поднесла ему на пиру рог с отравленным медом. Выпил Синфьетли мед — и умер.

Сигмунд догадался, что племянник умер от яда. Но месть в те времена была священна, поэтому Сигмунд никак не покарал жену, а лишь отослал ее от себя.

Был Сигмунд в ту пору уже стар, но не было у него наследника. Поэтому задумал он снова жениться и посватался к юной Хьердис, дочери конунга Гилми. К Хьердис сватался еще один жених по имени Люнгви. Был он тоже богат и знатен, и отец невесты не знал, кому отдать предпочтение.

Он сказал дочери: «Выбирай сама. Люнгви молод и красив, Сигмунд храбр и славен». Хьердис сказала: «Храбрость и слава дороже молодости и красоты» — и вышла замуж за Сигмунда.

Отвергнутый Люнгви затаил злобу. Он напал на Сигмунда, чтобы захватить его королевство и Хьердис.

С полудня до вечера продолжалась битва. Франки теснили врагов, и победа была близка. Сигмунд занес меч над головой Люнгви, но вдруг перед ним появился Один. Он сказал: «Настал твой час, Сигмунд!» — и протянул вперед свое сверкающее копье. Сигмунд, не удержав занесенной руки, ударил мечом по копью, и Грам чудесный клинок, не знавший поражений и разрубавший камень, сломался пополам.

Тут же Люнгви поразил Сигмунда в грудь — и тот упал на землю.

Вскоре войско франков было разбито.

Люнгви устремился в дом Сигмунда, чтобы захватить Хьердис, но она со своей служанкой успела укрыться в лесу.

Когда стемнело, Хьердис пробралась на поле боя, склонилась над поверженным мужем.

В последний раз открыл Сигмунд глаза и сказал жене: «Возьми мой меч Грам и сохрани его для сына, которого ты носишь под сердцем. Придет

время — искусный мастер починит клинок, что сломал я в этом бою, — и мой сын отомстит за меня».

Так сказал Сигмунд — и умер.

52. СКАЗАНИЕ О СИГУРДЕ

Конунг франков Сигмунд, правнук самого бога Одина, был славным воином. Но пришел его час, и он погиб в бою. Враги захватили его страну, чужой конунг Люнгви занял его престол.

Вдова Сигмунда Хьердис нашла приют у конунга Дании Хиальпрека. Хьердис была беременна и вскоре родила сына, которого назвала Сигурд, что значит «победитель». Хьердис верила, что сын, возмужав, отомстит за отца.

Сигурд рос в семье датского конунга. Его воспитателем стал мудрый карлик Регин — колдун и искуснейший мастер-кузнец.

Однажды, когда Сигурд был уже юношей, Регин выковал для него меч. Взял Сигурд меч и сказал: «Надобно его испытать!» Ударил мечом по наковальне — и клинок разлетелся на мелкие осколки.

Выковал Регин другой меч, сказав: «Вот этот будет получше!» Ударил Сигурд новым мечом по наковальне — и сломал его тоже.

Тогда Регин сказал: «Обычный меч для тебя не годится. Поди к своей матери Хьердис, пусть она даст тебе меч, который твой отец получил от самого Одина. Зовется тот меч Грам, и нет ему равных. Твой отец в своем последнем бою сломал его пополам, но если меч починить, то будет он тебе как раз по руке».

Пошел Сигурд к Хьердис, дала она ему сломанный отцовский меч.

Сигурд принес меч к Регину. Тот развел огонь, починил клинок. Когда работа была закончена, из клинка вырвалось пламя.

Взял Сигурд меч Грам, ударил им по железной наковальне — разрубил ее пополам, до самого подножья. Похвалил Сигурд меч, сказал Регину: «Спасибо».

Был теперь у Сигурда меч, но не было коня. Пошел он просить коня у конунга Хиальпрека. Хиальпрек сказал: «На берегу реки пасется мой табун. Выбери себе коня по сердцу, да не ошибись, выбери лучшего».

Вот пришел Сигурд на берег реки. Паслось там больше сотни коней. Смотрит на них Сигурд — и не знает, который из них лучший.

Вдруг появился сам бог Один и указал Сигурду, какого коня ему взять. Звали того коня Грани, и он приходился сыном коню самого Одина, восьминогому Слейпниру.

Теперь были у Сигурда и славный меч, и добрый конь. Пришла пора отправляться в путь, чтобы отомстить за отца.

Заехал Сигурд к Регину, чтобы проститься. Но Регин сказал: «Подожди. Есть для тебя другое дело, которое принесет нам с тобой большое богатство».

И он рассказал Сигурду о том, что случилось в давние времена.

Был тогда Регин молод и жил с отцом и двумя братьями на берегу реки, возле водопада. Отца его звали Хрейдмар, старшего брата — Фафнир, младшего — Отр. А Регин был средним. Братья и их отец умели колдовать, могли превращаться в разных зверей и птиц.

Однажды Отр, превратившись в выдру, поймал в реке жирного лосося и ел его на берегу, зажмурившись от удовольствия.

В это время мимо проходили три бога: Один, Хенир и Локи. Боги странствовали по земле, желая всю ее осмотреть. Подстрелили боги выдру себе на ужин, а заодно забрали и лосося, которого она не успела доесть.

На ночлег боги попросились к Хрейдмару. Тот увидел убитую выдру, узнал в ней младшего сына, но не подал виду и принял богов в своем доме как дорогих гостей.

Ночью, когда боги уснули, Хрейдмар сказал сыновьям: «Ваш брат убит, и вот его убийцы». Отец и сыновья втроем напали на спящих богов, связали их кожаными ремнями.

Боги, узнав о своей невольной вине перед хозяином дома, предложили ему за убитого сына выкуп, какой он только пожелает. Хейдмар потребовал столько золота, чтобы можно было им наполнить шкуру выдры изнутри и засыпать ее снаружи — да так, чтобы не осталось на виду ни одной шерстинки.

Один и Хенир остались в доме Хрейдмара заложниками, а Локи отправился добывать золото.

Богаче всех был тогда карлик Андвари. Превратившись в щуку, жил Андвари в водах глубокой реки, а на ее дне хранил свои сокровища.

Локи одолжил у жены морского великана большую сеть, которой она утягивала на дно тонущие корабли, этой сетью поймал Андвари-щуку и потребовал с него выкуп — все, чем тот владеет.

Согласился Андвари. Принес он свое золото, сложил к ногам Локи. Лишь одно золотое кольцо оставил себе Но Локи велел отдать его тоже.

Тогда взмолился Андвари: «Не отбирай у меня последнего! Если сохраню я это кольцо, оно снова принесет мне богатство. Если же потеряю его — лишусь всего навсегда».

Но Локи отнял у Андвари кольцо, надел его на палец и, взвалив на плечи мешок с золотом, пошел прочь.

Андвари крикнул ему вслед: «Будь же отныне проклято это кольцо! Пусть приносит оно горе и погибель всякому, кто им завладеет.»

С мешком золота пришел Локи в дом Хрейдмара и сказал. «Я принес выкуп». Как было условлено, он наполнил золотом шкуру выдры и засыпал ее снаружи.

На это ушло все золото Андвари, но все равно кончик уса оставался виден. Тогда Локи снял с пальца проклятое кольцо и прикрыл им кончик уса. Выкуп был уплачен сполна.

Как только боги ушли, Фафнир и Регин стали требовать, чтобы отец уделил им часть золота, полученного за гибель брата.

Хрейдмар отказался — и сыновья убили отца.

Стали братья делить наследство. Фафнир как старший забрал себе все, а Регина выгнал из дому.

Регин покинул родные края и нанялся на службу к конунгу Хиальпреку. А Фафнир, оставшись один, превратился в огромного змея и с тех пор стережет свое золото.

Поведав Сигурду эту историю, Регин сказал: «Ты молод, силен и храбр. Убей змея- Фафнира, и мы разделим его золото пополам».

Но Сигурд ответил: «Вздор говоришь, мудрый Регин. Я стану посмешищем в глазах любого, если отправлюсь добывать богатство

прежде, чем отомщу за отца!» Снарядил Сигурд сто кораблей, набрал храбрых воинов и пустился по морю к франкским берегам, где царствовал Люнгви, убийца его отца.

В пути их застигла буря. Холодные волны вздымались выше бортов, и никто не мог совладать с парусами. Корабли несло на одинокий утес.

Там, на самой вершине утеса, стоял человек. Он крикнул, заглушая бурю: «Кто вы и куда держите путь?» Сигурд ответил: «Сигурд, сын Сигмунда, со своею дружиной. Ветер дует в наши паруса, попутный ветер нашей смерти!» Тогда человек на утесе крикнул: «Возьми меня на свой корабль, Сигурд, сын Сигмунда!» И тут же буря утихла. Сигурд подвел корабль к утесу, человек спрыгнул на палубу. Сигурд узнал его — это был бог Один.

Вот достигли сигурдовы корабли франкских берегов. Выставил Люнгви против Сигурда большое войско. Жестокой была битва, но Сигурду помогал сам Один, и вскоре войско Люнгви было разбито, а сам он пал от руки Сигурда.

Так Сигурд отомстил за отца. Он мог бы занять отцовский престол, но решил прежде постранствовать по свету.

Сигурд вернулся к Регину и сказал: «Теперь я готов добывать богатство».

Пустились Сигурд и Регин в путь. Вот выехали они на тропу, что вела от жилища змея-Фафнира к водопою. Увидел Сигурд следы на тропе и сказал Регину: «Верно, очень велик твой брат!» Вырыл Сигурд на пути у змея большую яму, залез в нее и стал ждать. Вот показался на тропе змей-Фафнир. Он полз, извиваясь и изрыгая яд. Когда змей проползал над ямой, Сигурд вонзил ему меч под левую ключицу.

Хлынула из раны черная кровь. Издыхая, змей сказал Сигурду: «Послушай моего совета: не трогай золота, ради которого ты меня убил. Оно проклято и тебе тоже принесет погибель».

Но Сигурд ответил: «Я не стал бы его трогать, если бы был уверен, что в таком случае буду жить вечно».

Змей издох. Сигурд вытер травой кровь со своего меча. Тут к нему подошел Регин, который до тех пор ждал в стороне, и сказал: «Если бы я не выковал тебе меч и не привел бы тебя сюда, ты не убил бы змея. Так что убили мы его вместе».

Регин вырезал у змея сердце и велел Сигурду его зажарить, а сам лег на землю и заснул.

Сигурд развел костер, насадил змеиное сердце на вертел и стал жарить. Когда змеиное сердце изжарилось, Сигурд хотел снять его с вертела, но обжегся — и сунул палец в рот. Капля запекшейся крови со змеиного сердца попала ему на язык — и он стал понимать все, что говорят звери и птицы.

Рядом щебетали три ласточки. Одна сказала: «Вот сидит Сигурд и жарит для Регина змеиное сердце. А если бы он съел его сам, то стал бы мудрейшим среди людей». Другая ласточка сказала: «Регин притворяется спящим, а сам выжидает минуту, чтобы убить Сигурда и одному завладеть богатством змея-Фафнира». А третья ласточка прощебетала: «Если бы Сигурд не был глуп, он сам убил бы Регина, а золото змея-Фафнира забрал себе».

Ласточки улетели. Сигурд взял меч и отрубил Регину голову. Потом он съел змеиное сердце и пошел к жилищу змея-Фафнира. Двери в змеином жилище были железные, крыша держалась на железных стропилах. Но двери не были заперты, и Сигурд вошел внутрь. Там грудой лежало золото. Стал Сигурд складывать его в мешки, которые заранее приготовил Регин. Сверкнуло среди золота кольцо — проклятое кольцо Андвари. Оно так понравилось Сигурду, что он сразу надел его на палец.

Сигурд погрузил мешки с золотом на своего Грани и хотел вести его в поводу, но конь не шел. Тогда Сигурд сел на него верхом, и Грани поскакал, как будто не было на нем никакой ноши.

Увидел Сигурд по пути высокую гору. На вершине ее будто горел огонь, зарево достигало самого неба. Но когда Сигурд подъехал поближе, то увидел, что это не огонь, а шатер, сложенный из медных щитов, ярко блестевших на солнце.

Сигурд сошел с коня и заглянул в шатер. Посреди шатра на высокой постели спал молодой воин в доспехах и шлеме. Снял Сигурд шлем с головы воина, и длинные волосы упали до самой земли. Воин оказался девушкой.

Девушку звали Брюнхильд. Некогда Брюнхильд была валькирией, ее уделом было реять над битвой, приносить по велению Одина одним — победу, другим — поражение.

Раз Один послал ее в бой, чтобы даровала она победу знаменитому герою, свершившему много подвигов и изведавшему много славы. Противник его был молод, еще ничем себя не прославил, но сражался храбро. Брюнхильд ослушалась Одина: даровала победу молодому воину.

Разгневался Один и приказал непокорной валькирии отныне жить среди людей, избрать себе мужа, чтобы покоряться ему до конца своих дней.

Брюнхильд сказала: «Я не смею ослушаться, но клянусь, что моим мужем станет лишь тот, кто ни разу в жизни не изведал страха!» «Будь по-твоему, — ответил Один — Ты уснешь зачарованным сном, и тот, кто ни разу в жизни не изведал страха, придет и разбудит тебя». Он уколол ей палец шипом терновника, и Брюнхильд тут же заснула. Ее отнесли на вершину горы, положили в шатре из медных щитов и оставили ждать избавителя.

Когда Сигурд снял с головы Брюнхильд тяжелый шлем, она проснулась. Увидела Брюнхильд Сигурда — и полюбила его, а он полюбил ее.

Сигурд сказал. «Клянусь, если я тебе по сердцу, ты станешь моей женой». Брюнхильд ответила: «Я бы выбрала тебя своим мужем, даже если бы мне довелось выбирать из всех людей, что живут на свете!» Они обручились, и Сигурд надел ей на палец кольцо — проклятое кольцо Андвари.

Брюнхильд отправилась в дом своего брата, конунга гуннов Атли, и там стала ждать сигурдовых сватов. А Сигурд поехал к своей матери, чтобы объявить ей о своей предстоящей женитьбе.

По пути Сигурд остановился отдохнуть в доме бургундского конунга Гьюки. У Гьюки было два сына и дочь. Молодых Гьюкингов звали Гуннари

Хегни, а дочь — Гудрун.

Гудрун была красива, жила в доме отца счастливо и беззаботно, не зная горестей — ни истинных, ни мнимых. Она полюбила Сигурда, и старый Гьюки был бы рад назвать Сигурда зятем, но Сигурд сказал, что у него уже есть невеста.

Жена Гьюки, мать Гудрун, была колдуньей. Она собрала ей одной ведомые травы, смешала их с медом и на пиру приказала Гудрун поднести Сигурду этого меду. Сигурд выпил — и тут же забыл Брюнхильд.

Вскоре он посватался к Гудрун и женился на ней.

Братья Гудрун Гуннар и Хегаи стали его друзьями. А чтобы дружба была еще крепче, они совершили обряд побратимства: все трое надрезали себе руки, смешали кровь на земле и поклялись друг другу в верности.

Через некоторое время скончался старый Гьюки, и молодые Гьюкинги вместе с Сигурдом стали управлять королевством.

А Брюнхильд ничего об этом не знала. Живя в доме брата, она ждала Сигурда и отказывала всем женихам.

Наконец брат стал понуждать ее выйти замуж. Тогда Брюнхильд окружила свой дом огненной стеной и объявила, что станет женой тому, кто пройдет через огонь. Она знала, что никому, кроме Сигурда, не под силу такое испытание. И правда: многие пытались преодолеть огненную стену, но никому это не удалось.

Тем временем старший из Гьюкингов Гуннар решил жениться и задумал взять в жены Брюнхильд. Гуннар отправился за невестой, Хегни и Сигурд сопровождали его.

Вот подъехали они к огненной стене, что окружала жилище Брюнхильд. Гуннар направил своего коня в огонь, но тот не пошел. Сигурд сказал: «У тебя плохой конь, возьми моего Грани».

Вскочил Гуннар на сигурдова коня, но Грани не послушался чужого и едва не сбросил Гуннара на землю.

Тогда Сигурд решил поменяться с Гуннаром обличьем. Произнесли они заклинания, и стал Гуннар точь-в-точь, как Сигурд, а Сигурд — как Гуннар.

Вскочил Сигурд на своего Грани, вихрем промчался сквозь пламя.

Выбежала ему навстречу Брюнхильд, но не узнала Сигурда в чужом обличье. Горько ей стало, что приехал за ней не тот, кого она ждала. А Сигурд так и не вспомнил Брюнхильд и приветствовал ее от имени Гуннара Они провели вместе ночь, но Сигурд положил между собой и Брюнхильд свой меч Грам.

Утром Сигурд надел ей на палец кольцо Гуннара, а она ему — проклятое кольцо Андвари, то, что Сигурд дал ей прежде.

Огонь вокруг жилища Брюнхильд угас сам собой, и свита Гуннара торжественно вошла в дом. Сигурд и Гуннар опять поменялись обличьем, и никто не заметил обмана.

Гуннар привез молодую жену домой. Тут узнала Брюнхильд, что Сигурд женился на Гудрун — и жизнь ее обратилась в муку.

Раз пошли Гудрун и Брюнхильд к реке мыть волосы — и заспорили, которой из них следует войти в воду выше по течению Брюнхильд сказала: «Невместно мне мыться той водой, что стекает с твоих волос. Ведь мой муж, Гуннар, отважнее твоего Сигурда».

Гудрун ответила: «Гуннар отважен, спору нет, но с Сигурдом ему не сравниться».

Брюнхильд возразила: «Гуннар прошел через огонь, чтобы взять меня в жены. Сигурд бы такого не совершил».

Тогда засмеялась Гудрун и поведала, что не сам Гуннар добыл себе Брюнхильд, а Сигурд добыл ее для Гуннара. Ничего не сказала Брюнхильд, пошла домой. Там ее встретил муж. Брюнхильд сказала Гуннару: «Я поклялась выйти замуж за того, кто отважней всех, а вышла за тебя. Не ты, а Сигурд проскакал через пламя. Теперь я — клятвопреступница. Лучше бы мне умереть!» Брюнхильд затворилась в своем покое и так горевала, что весь дом погрузился в глубокую скорбь.

Сигурд пошел к Брюнхильд. Он сказал: «Напрасно ты гневаешься на Гуннара. Он был готов пройти ради тебя сквозь огонь, да мой конь его не послушался».

Брюнхильд сказала: «Не Гуннара избрала я себе в мужья. Никогда при виде его не веселилось мое сердце».

Тут Сигурд словно очнулся. Кончилось действие колдовского напитка, и он вспомнил, что любил Брюнхильд и должен был стать ее мужем Сердце его забилось так сильно, что разошлись кольца кольчуги на груди Сказал Сигурд: «Я оставлю Гудрун и буду любить тебя!» Но Брюнхильд ответила: «Я хотела стать твоей женой, а вышла за Гуннара. Вы оба обманули меня, и теперь я ненавижу вас обоих».

Сигурд ушел в печали, а Брюнхильд решила: «Коли нету меня ни любви, ни радости, сотворю я себе радость из своего гнева!» Она позвала Гуннара и сказала: «Не будет нам с тобой жизни, пока жив Сигурд. Убей его, или я покину тебя навсегда».

Брюнхильд была Гуннару дороже всего на свете, но Сигурд был его побратимом. В горестном смятении спросил Гуннар совета у своего младшего брата Хегни. Хегни ответил: «Недостойно было бы убить того, с кем смешал ты свою кровь в знак побратимства. Нельзя рассечь мечом принесенную клятву».

Тогда Брюнхильд возвела напраслину на себя и на Сигурда, сказала, что в ту ночь, которую провели они вместе, не было между ними меча.

Гуннар поверил навету. Вместе с Хегни заманили они Сигурда в лес — и зарубили мечами.

Поздним вечером на забрызганных кровью конях вернулись убийцы домой, а следом без седока прискакал Грани.

Гудрун почуяла беду. Она спросила: «Отчего вернулись вы без Сигурда?» Гуннар стал мрачен, как туча, а Хегни ответил: «Мертвым лежит твой муж в лесу за рекой. Вороны клекочут над ним, и завывают подле него волки».

Горестно закричала Гудрун. Так громок был ее крик, что зазвенели кубки в доме, откликнулись издали дикие гуси.

Отправилась Гудрун в лес, лунная ночь казалась ей темной, как в новолунье. Отыскала она тело Сигурда, в горести склонилась над ним. В ту ночь желала Гудрун, чтобы вышли из чащи свирепые волки и растерзали бы ее, избавив от нестерпимого страданья.

Утром тело Сигурда с почетом перенесли домой. Пришли знатные женщины, чтобы оплакать его.

Гудрун не плакала, не заламывала рук. Словно мертвая сидела она подле тела мужа. Но когда женщины приподняли покров с лица Сигурда, Гудрун посмотрела на его закрытые глаза — и слезы дождем хлынули ей на колени.

Запричитала Гудрун: «Муж мой любимый! Был ты, как высокий стебель среди травы, как драгоценный камень в ожерелье, как сияющее золото рядом с оловом! Пусть будут прокляты твои убийцы — мои братья! Пусть будут пусты их земли, как были пусты их клятвы! Пусть погибнут они жестокою смертью!» Брюнхильд стояла рядом. Она сказала: «Сейчас Гудрун горюет по мужу, проклинает его убийц, своих братьев. Но скоро она помирится с братьями и изберет себе нового мужа. А я, хоть и не была женой Сигурда, умру вместе с ним!» Она взяла меч и вонзила его себе в грудь.

Умирая, Брюнхильд сказала: «Прошу тебя, Гуннар, последней просьбой. Пусть воздвигнут большой костер для меня и для Сигурда. И когда будем мы лежать на погребальном ложе, прикажи положить между нами меч Грам, как положил его Сигурд, взойдя со мной на брачное ложе».

Тут кровь хлынула из раны Брюнхильд — и она умерла. Гуннар исполнил ее последнюю просьбу. Брюнхильд и Сигурда сожгли на одном костре, и они соединились в царстве мертвых. История Сигурда рассказывается в нескольких песнях «Старшей Эдды», в «Младшей Эдде» и в «Саге о Вельсунгах».

Сказания о Сигурде южно-германского происхождения и по сюжету почти полностью совпадают с немецкой «Песнью о Нибелунгах», герой которой носит имя Зигфрид.

Но в скандинавском варианте присутствуют более архаичные по сравнению с «Песнью о Нибелунгах» черты, отражены более древние нравы и образ жизни.

Неоднократно предпринимались попытки отыскать исторические прототипы сказаний о Сигурде.

Прообразом Гуннара считают бургундского короля Гундихария, погибшего в 437 году в сражении с гуннами.

Прообразом Сигурда называли различных франкских и бургундских королей с созвучными именами, но убедительных к тому доказательств найдено не было.

Несмотря на то, что образ Сигурда, скорее всего, полностью вымышлен, в Исландии его почитают как реального героя. Современный исландский историк Эйнар Ольгейрссон в своей книге «Из прошлого исландского народа» пишет: «И по сей день каждый исландец с легкостью может возвести свой род к Сигурду».

53. КАЛЕВАЛА

Калевала — карело-финский эпос. В его основе лежат карело-финские народные песни — руны. Возникновение рун многие исследователи относят к I тысячелетию до н. э. Предположительно, именно тогда у прафинских племен сложился особый стихотворный размер, который сейчас носит название «калевальский»:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу, -
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

(Перевод Л.П. Вельского)

Первые письменные упоминания о рунах относятся к середине XVI века, ко времени зарождения финской письменности. Эти упоминания связаны с порицанием «бесовских» языческих песен, бытовавших в народе.

В XVIII веке древние руны начинают привлекать внимание исследователей. Финский ученый-историк, профессор университета в городе Турку Х.-Г. Портан писал: «Я не только то считаю постыдным, что прирожденный финн не знает своей поэзии, но и то, что он ею не восхищается».

В1928 году замечательный ученый-фольклорист Элиас Леннрот(1802–1884), всю свою жизнь посвятивший собиранию, изучению и обработке древних рун, отправился в свою первую экспедицию за рунами. В то время живая рунопевческая традиция сохранялась главным образом не в Финляндии, а в Карелии. В своих путевых заметках Леннрот подробно описывает процесс исполнения рун рунопевцами: «Если рядом нет другого певца, он поет один, но если рунопевцев двое, как того требует торжественное исполнение рун, они садятся рядом либо друг против друга и, взявшись либо за одну, либо за обе руки, начинают петь. При пении они размеренно покачиваются вперед и назад, и создается впечатление, будто они по очереди тянут друг друга к себе. Сначала один из них поет строку, другой присоединяется к пению на последнем такте и повторяет всю строку».

Леннрот обратил внимание, что лучшие рунопевцы стремятся объединить отдельные руны в сюжетно завершенные циклы — и задался целью составить на основе рун единый эпос.

За свою жизнь Леннрот совершил одиннадцать экспедиций, записал огромное количество рун самого разного характера — эпических, магически-заклинательных, обрядовых, лирических и объединил их в единое произведение, названное им «Калевала». (Калевала — название эпической страны.) Первый вариант «Калевалы» был им создан в 1835 году, второй, ставший классическим, в 1849-м.

По словам финского писателя Эйно Лейно, «складывая «Калевалу», Леннрот следовал законам красоты, созданным неизвестными рунопевцами, но каждое мгновение отшлифовывая, формируя и совершенствуя их».

В настоящее время «Калевала» переведена на 51 язык. Классический перевод «Калевали» на русский язык был сделан в 1888 году поэтом Л.П. Вольским. В.Я. Брюсов писал: «Перевод 22 тысяч стихов,

притом с языка, по своему строю совершенно чуждого русскому, есть несомненно подвиг, заслуживающий глубокой признательности всего нашего общества». «Калевалу» на русский язык не раз переводили и позже, но перевод Вельского, несмотря на встречающиеся шероховатости, до сих пор считается лучшим и наиболее полно передающим обаяние подлинника.

Главные герои «Калевалы» — Вяйнямейнен, Ильмаринени Лемминкяйнен — изначально были чисто мифологическими персонажами, связанными с силами природы. Имя Вяйнямейнен образовано от слова «вода», Ильмаринен — «небо», Лемминкяйнен — «огонь».

В некоторых вариантах рун, оставшихся за пределами «Калевалы», Вяйнямейнен или Ильмаринен являются создателями мира. Вяйнямейнен, «вещий песнопевец», творит мир при помощи заклинаний, Ильмаринен, «кователь вековечный», выковывает его кузнечным молотом. Существует предположение, что волшебная мельница Сампо, созданная Ильмариненом, символизирует землю, а ее «пестрая крышка» — небесный свод.

I. Начало Калевалы

В изначальные времена были лишь воздух и море. И жила среди воздушных просторов дочь воздуха — дева Ильматар. Шли века — и стало ей одиноко в бесконечной воздушной пустыне.

Покинула дева Ильматар воздух — опустилась на морские воды. Подхватило дочь воздуха волнами, налетел на нее холодный ветер. От волн и от ветра зачала дева ребенка.

Прошло семь столетий — девять человеческих жизней, а зачатый от волн и от ветра все не рождался.

Тяжко было Ильматар носить свое бремя. Металась она по морским просторам, стонала дева от боли, а зачатый от волн и от ветра все не рождался.

Летела раз по небу красавица-утка, высматривала место для своего гнезда. Думала птица думу: «Совью я гнездо в воздухе — унесет его ветром, устрою гнездо в море — потопят его волны».

Согнула тут Ильматар колено, поднялось оно над водой, подобноутесу.

Опустилась утка на колено деве, свила гнездо, положила яйца. Сидит утка на яйцах день, другой и третий, греет их птица своим телом. Проник жар в колено Ильматар, горит оно, словно огнем, плавятся от жара сухожилья.

Выпрямила Ильматар колено, упало утиное гнездо в море, разбилась пестрая скорлупа яиц. Но не сгинули они в морской пучине, а чудесно преобразились:

Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;

Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе.

Стали сменяться дни и ночи. Днем сияет над миром молодое солнце, ночью светит юный месяц, а зачатый от волн и от ветра все не рождался.

Год за годом проходит время, а Ильматар все мечется в море, все несет свое тяжкое бремя.

Проплывает Ильматар мимо суши, где коснется суши рукой — появляются глубокие заливы, где заденет ее боком — становится отлогий берег, где склонит голову — возникают тихие бухты.

Выросли могучие утесы, ярко запестрели камни, появились многие земли, а зачатый от волн и от ветра все не рождался.

Но вот стало ему тесно в материнской утробе, захотелось увидеть сияние солнца, свет месяца и семизвездную Большую Медведицу. Встал он на ноги — и покинул свое тесное жилище.

Так родился мудрый старец Вяйнямейнен, так явился в мир вещий песнопевец.

Выплыл Вяйнямейнен на прибрежную отмель, оттолкнулся от морского дна коленом, оперся о берег руками — и вышел на пустынную сушу.

Лежит перед ним страна Калевала. Голы ее равнины, каменисты ее поляны, безлесы холмы и утесы. Задумался Вяйнямейнен: чем засеять землю Калевалы, как взрастить на ней деревья и травы?

Вдруг явился Сампса Пеллервойнен — дитя, рожденное поляной. Через плечо у него — холщовая сумка с семенами всяких растений. Говорит Сампса Пеллервойнен: «Я засею землю Калевалы». Стал он разбрасывать семена щедрой рукою. На высоких местах сеет сосны и ели, в низких — ольху и березу, у воды — черемуху и иву, на суглинках — колючий можжевельник, на полянах — частый кустарник, на лугах — сочные травы. А в речной пойме посеял священное дерево — дуб.

Дружно поднялись всходы, потянулись к солнцу побеги, зазеленели сочные травы, зашумели высокие деревья. Зацвела черемуха белым цветом, завязались ягоды брусники. Запели в зеленых рощах птицы, закуковала кукушка.

И лишь в речной пойме не взошло священное дерево дуб. Семь дней и ночей ждал Вяйнямейнен, но не проклюнулся из желудя росток.

На восьмое утро вышли из моря четыре морские девы, прошли по росистому лугу, скрытому утренним туманом. На плечах несли девы косы и грабли. Споро принялись они за работу. Выкосили зеленый лужок, высушили сено на солнце, сгребли в высокую копну. А когда свечерело, запалили копну — вспыхнул яркий огонь. Потянулся к небу темный дым, стало сено серой золой.

Девы вернулись в море, а Вяйнямейнен положил в теплую золу дубовый желудь. Вырос из желудя тонкий росток, стал росток могучим дубом. Поднялся дуб до самого неба — преградил путь облакам, раскинул зеленые ветви над всем миром — закрыл солнце и месяц. Погрузилась Калевала во тьму. Нет во тьме радости ни зверю, ни птице, ни рыбе, ни человеку.

Пошел Вяйнямейнен на берег моря, стал взывать к своей матери деве Ильматар:

«Мать родная, дочь творенья!
Из воды пошли мне силы -
Много сил вода имеет-
Опрокинуть дуб огромный,
Злое дерево обрушить,
Чтоб опять светило солнце,
Засиял бы месяц ясный!»

Выслала Ильматар из морских глубин морского человека. Был он ростом с палец рослого мужчины, высотой — с оленье копыто, весь покрыт медной чешуей, а в руках держал медный топор.

Говорит Вяйнямейнен морскому человеку: «Как же ты мал, бедняга! Асил в тебе, верно, не больше, чем в покойнике».

Не успел Вяйнямейнен вымолвить эти слова, стал морской человек расти, превратился в великана с волосами до пят, с бородой по колена. В три шага подошел великан к дубу, три раза ударил топором дерево под корень. Рухнул могучий дуб на землю, лег комлем на восток, вершиной на запад, ветви раскинул на юг и на север.

Снова засияло над Калевалой солнце, снова появился ясный месяц.

Стал Вяйнямейнен думать, как взрастить на земле Калевалы хлеб. Нашел он шесть зерен, собрал семь семян, сложил их в мешочек из куньей шкурки, отнес в зеленую рощу, чтобы посеять на поляне.

Взлетела на ветку птичка-синичка и запела:

«Не взойдет овес среди рощи,
Не встанет ячмень на поляне!
Не расчищено там поле,
Там не срублен лес под пашню,
Хорошо огнем не выжжен»

Сделал Вяйнямейнен топор, расчистил поле от леса, побросал стволы на поляне. Не тронул лишь одну белую березу, чтобы отдыхали на ее вершине птицы, чтобы куковала на ней кукушка.

Прилетел издалека небесный орел, сел на вершину белой березы. Говорит орел Вяйнямейнену:

«Хороша твоя забота,
Что березу ты не тронул,
Стройный ствол ее оставил,
Чтобы птицы отдыхали».

Ударил орел крылом о крыло, высек огненную искру. Налетели четыре ветра, раздули искру в жаркое пламя. Сжег огонь срубленные деревья, превратил рощу в плодородное поле.

Засеял Вяйнямейнен поле зерном, побросал семена в тучную землю. Прошел день, и другой, и третий — поднялись высокие колосья, стеной

встали густые хлеба.

Прилетела тут весенняя кукушка, птица с серебряной грудкой, села на белую березу среди поля. Весело кукует кукушка, звенит ее песня над всей Калевалой. Говорит кукушке Вяйнямейнен:

«Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело,
И весь край был полон хлебом!»

II. Айно

Годы шли за годами. На просторах Калевалы поселились люди, сменилось много поколений, и уже никто, кроме Вяйнямейнена, не помнил, как начиналась Калевала, как появились ее леса, как взросли на ее полях хлеба.

Старый мудрый Вяйнямейнен жил среди народа Калевалы, хранил древнюю мудрость, пел вещие песни.

Пел дела времен минувших,
Пел вещей происхожденье.

Был Вяйнямейнен могучим шаманом, покорялась ему вся природа. Далеко разнеслась о нем слава, дошла до холодной страны Лапландии.

Жил в Лапландии молодой Еукахайнен. В своем краю славился он как искусный певец. Решил Еукахайнен посостязаться в пении с мудрым Вяйнямейненом, перепеть вещего песнопевца — и собрался в зеленую Калевалу. Не отпускает его старик-отец, удерживает старуха-мать: боятся родители, что изведет их сына Вяйнямейнен чарами, что найдет Еукахайнен в Калевале свою погибель.

Не послушался Еукахайнен родителей, сказал заносчивый парень: Пусть разумен мой отец, еще разумнее мать, да я умнее их обоих. Нет на свете певца лучше меня.

Если я хочу поспорить
И с мужами состязаться,
Посрамлю певцовя пеньем,
Чародеев зачарую;
Так спою, что кто был первым,
Тот певцом последним будет».

Запряг Еукахайнен в сани белолобого коня, взмахнул ременным кнутом, поехал в далекую Калевалу.

Едет он день, и другой, и третий. Вот уже вокруг него равнины Калевалы, ее леса и поляны.

Мчатся ему навстречу сани, а в тех санях — сам Вяйнямейнен. Не смогли разъехаться двое саней на дороге — сцепились оглоблями, переплелись гужами. Ударились друг о друга березовые дуги, затрещали

новые хомуты.

Вылезли седоки из саней. Спрашивает Вяйнямейнен парня: «Почему скачешь ты, не разбирая дороги? Кто ты таков и откуда?» Отвечает заносчивый парень: «Имя мое — Еукахайнен. Прославлено оно по всей Лапландии. А ты кто таков и откуда взялся на моей дороге?» Мудрый Вяйнямейнен не рассердился на дерзкие речи, назвал свое имя и попросил Еукахайнена посторониться с дороги:

«Уступи-ка мне дорогу,
Ты годами помоложе».

Отвечает Еукахайнен вещему песнопевцу: «Хоть ты и старше меня годами, да я тебя мудрее. Не молодой уступает дорогу старому, а глупый — мудрому».

Вызвал дерзкий парень Вяйнямейнена на состязание: в чьих песнях больше мудрости, у кого глубже познания, тот и уступит дорогу другому.

Говорит мудрый Вяйнямейнен:

«Что ж, певец я безыскусный,
Песнопевец неизвестный.
Жизнь я прожил одиноко
По краям родного поля,
Посреди полян родимых.
Слышал там одну кукушку.
Но пусть будет, как ты хочешь».

Первым запел Еукахайнен. Пел он обо всем, что знает: о том, что в печи горит огонь, а дым выходит через дыру в крыше, что щука мечет икру зимой, а окунь — летом, что жители севера пашут свои поля, впрягая в плуг оленей, а жители юга — лошадей.

Замолчал Еукахайнен, а мудрый Вяйнямейнен промолвил: «Ребячьи это познания, бабья это мудрость».

Снова запел Еукахайнен. Пел он о том, что синица — птичьей породы, гадюка — змеиной, что колючий ерш — рыба, что вода течет с гор, огонь приходит с неба, медь родится в земле.

Говорит мудрый Вяйнямейнен: «Это всем давно известно. Спой-ка лучше о начале мира. Или ты об этом ничего не знаешь?» Отвечает дерзкий Еукахайнен: «Мне ли не знать о начале мира — ведь я сам его создал!

Сотворил я эту землю,
Заключил в границы воздух. (…)
Я направил ясный месяц,
Солнце светлое поставил,
Вширь Медведицу раздвинул
И рассыпал звезды в небе.(…)
Помню древность я седую,
Как вспахал тогда я море

И вскопал морские глуби,
Выкопал я рыбам ямы,
Опустил я дно морское,
Распростер я вширь озера,
Горы выдвинул я кверху,
Накидал большие скалы».

Тут разгневался Вяйнямейнен, грозно молвил дерзкому парню:

«Лжешь ты свыше всякой меры! Не было тебя, когда создавали землю, когда направляли путь месяца и солнца, пахали поверхность моря, копали морские глубины, воздвигали горы и скалы! Никто тебя при этом не видел!» Не смутился дерзкий Еукахайнен, выхватил острый меч, говорит: «Коли не по душе тебе моя мудрость, отведай-ка моего меча!» Стал тогда Вяйнямейнен темен, как туча, негромко запел он заклинанье. Всколыхнулись воды в озерах, покачнулись высокие утесы, посыпались на землю тяжелые камни. Громко запел вещий песнопевец. Вдруг обернулись белолобый конь Еукахайнена скалой у водопада, его сани — прибрежным тальником, кнут — камышом. Острый меч стал молнией в небе, пестрый лук — радугой над морем. Шапка взмыла ввысь светлым облаком, рукавицы поплыли по воде белыми кувшинками.

А сам заносчивый парень увяз по колена в болоте, погрузился по пояс в зыбучую топь, затянуло его по плечи в вязкую трясину.

Взмолился Еукахайнен: «Пощади, мудрый Вяйнямейнен! Отпусти меня, вещий песнопевец! Дам я тебе любой выкуп, какой ты только пожелаешь!» Спрашивает Вяйнямейнен: «Что же ты мне дашь, если я сниму с тебя заклятье?» Говорит Еукахайнен: «Есть у меня два хороших лука: один метко стреляет, другой бьете великой силой. Выбирай, какой хочешь!» Отвечает Вяйнямейнен: «Зачем мне твой лук! Есть у меня свой, сам он ходит на охоту, сам приносит домой добычу».

Говорит Еукахайнен: «Есть у меня две лодки. Одна быстра, как птица, на другой можно возить тяжелые грузы».

Отвечает Вяйнямейнен: «Не нужна мне твоя лодка, есть у меня своя — ходит по ветру без паруса, против ветра без весел».

Тогда говорит Еукахайнен: «Есть у меня сестра Айно. Если снимешь с меня заклятье, отдам ее тебе в жены».

Обрадовался Вяйнямейнен, возвеселился вещий песнопевец, просиял, как ясное солнце.

Стал он снова петь заклинанья. Обернулась скала белолобым конем, прибрежный тальник-санями, камыш — ременным кнутом, молния — острым мечом, радуга — пестрым луком, облако — белой шапкой, водяные цветы — рукавицами. А сам Еукахайнен высвободился из болота, отпустила его зыбучая трясина.

Вскочил он в сани, поворотил коня, погнал его обратно в Лапландию. Влетел Еукахайнен на отцовский двор, оглоблями зацепил ворота, задел санями угол овина, остановился посреди двора — и горько заплакал.

Привели родители Еукахайнена в дом, стали расспрашивать сына, что с ним приключилось и о чем он плачет. Отвечает им Еукахайнен: «Естьу меня для печали немалая причина. Пообещал я бедную Айно, мою

единственную сестру, вашу любимую дочь, в жены старому Вяйнямейнену, чтоб была она ему опорой и утехой, чтоб мела полы в его жилище, мыла дубовые кадки, ткала шерстяные одеяла, пекла медовые лепешки».

Всплеснула руками мать-старуха, да не от печали, а от радости: «Не плачь, мой сын родимый! Нашел ты для Айно жениха, лучше которого и быть не может. Станет она женой прославленного мужа, будет вещий песнопевец нашим зятем!» Услыхала эти речи бедная Айно, залилась горючими слезами. Плачет девушка на крыльце родного дома, поливает слезами ступени: «Не видать мне счастья за старым мужем! Лучше бы я на свет не родилась, или умерла бы ребенком-несмышленышем! Сшили бы мне холщовую рубашку, схоронили бы меня под зеленым дерном, не знала бы я ни горя, ни печали!» Вышла на крыльцо мать-старуха, спрашивает Айно: «О чем ты, глупая, плачешь? О чем, неразумная, горюешь? В отцовском доме ты — ребенок, в мужнином доме станешь хозяйкой».

Отвечает матери Айно: «Идти в дом к старому мужу — словно заблудиться в осеннюю ночь, словно ступить на весенний лед. Не видать мне больше ясного солнца, не радоваться светлому утру, не петь веселых песен, не собирать на полянах спелую бруснику!» Рассердилась мать: «Брось, неразумная, свои стенанья! Повсюду восходит солнце — не только над отцовским домом. Повсюду вызревает брусника — не только на здешних полянах».

Пошла Айно по лугам и болотам, по зеленым лесам и равнинам. Плачет девушка, жалобно причитает:

«Тяжелы мои печали.
И тоска на бедном сердце. (…)
Как скончаюсья, бедняжка,
Так с мученьями покончу,
С этой тягостной печалью,
Бесконечной, горькой скорбью!»

Вышла Айно к морскому заливу, села на прибрежный камень, проплакала до самого рассвета.

На рассвете поднялся над заливом туман, показались в волнах морские девы. Подошла Айно к самой воде. Сняла она с шеи жемчужное ожерелье, с пальцев — золотые перстни, положила их на прибрежный песок. Сняла с ног новые башмаки — поставила их на камень. Скинула цветное платье — повесила его на осинку.

Бросилась Айно в морские волны, запела, расставаясь с белымсветом:

«В море к рыбам направляюсь,
В глубину пучины темной. (…)
Никогда, отец мой милый,
Никогда в теченье жизни
Не лови в волнах здесь рыбы
На пространстве вод широких! (…)
Никогда ты, мать родная,
Никогда в теченье жизни

Не бери воды в заливе,
Чтоб месить для хлеба тесто! (…)
Никогда, мой брат любимый,
Никогда в теченье жизни
Не пои коня ты в море
На песчаном этом месте!»

Утонула молодая Айно, стала подругой морским девам.

Кто отнесет печальную весть отцу с матерью? Отнес бы медведь, да поджидает он в лесу отбившуюся от стада корову. Отнес бы волк, да подстерегает он заблудившуюся овцу. Отнесла бы лисица, да роет она лаз в курятник.

Взялся отнести весть длинноухий заяц. Быстро скачет короткохвостый, изо всех сил спешит косоротый. Прискакал заяц на широкий двор, громко закричал:

«Я пришел, чтоб вам поведать,
Чтоб сказать такое слово:
Ведь красавица погибла, (…)
Погрузилась в волны моря,
В глубину морей обширных!»

Услыхала печальную весть мать Айно, горько старая зарыдала. Разлились ее слезы тремя ручьями, потекли тремя реками, рассыпались тремя водопадами. Встали среди водопадов три скалы, выросло на каждой скале по березке, прилетели на березки три кукушки.

Одна кукует: «Радость, радость!» — да вовек не будет радости старой матери. Другая кукует: «Свадьба, свадьба!» — да не с кем играть свадьбу мудрому Вяйнямейнену. Третья кукует: «Любовь, любовь!» — да не было любви у бедной Айно.

III. Сватовство Лемминкяйнена

Жил в зеленой Калевале со старухой-матерью молодой охотник, веселый Лемминкяйнен.

От матери знал он много вещих песен, знал немало колдовских заклинаний.

Задумал Лемминкяйнен жениться, захотел взять за себя красавицу из страны Похъелы, младшую дочь злой старухи Лоухи.

Говорит Лемминкяйнену его мать: «Не езди, сынок, в далекую Похъелу. Погибель поджидает там сильных, смерть стережет отважных. Похъела — край холода и мрака, страна злых чародеев».

Отвечает матери веселый Лемминкяйнен: «Я и сам знаю много вещих песен, умею петь колдовские заклинанья. Нечего мне бояться чародеев Похъелы, лучше пусть они меня боятся!» Нарядился Лемминкяйнен в праздничное платье, расчесал волосы густой щеткой, бросил щетку на лавку возле печки и сказал своей старой матери: «Если со мной приключится беда — закапает со щетки алая кровь».

Вот приехал веселый Лемминкяйнен в далекую Похъелу, в страну холода и мрака, вошел в дом старухи Лоухи. Сидят в ее доме на лавках чародеи, на печи — колдуны, творят злые заклинанья.

Увидела Лемминкяйнена редкозубая Лоухи, всполошилась: «Как прошел ты через мой двор, что не почуял тебя дворовый пес, не забрехал косматый сторож?» Усмехнулся веселый Лемминкяйнен и ответил:

«Знай, что я сюда к вам прибыл
Не без знанья и искусства,
Не без мудрости и силы,
Не без отческих заклятий,
Не без дедовских познаний»

Стал Лемминкяйнен петь колдовские заклинания, заклял всех колдунов и чародеев, обратил их в серые камни, разбросал по бесплодным полям, по засохшим лесам, по безрыбным озерам. Не заклял Лемминкяйнен лишь одного дряхлого старика, бессильного и без всяких заклятий.

Говорит Лемминкяйнен редкозубой Лоухи: «Приехал я сватать твою младшую дочь, прекрасную Деву Похъелы».

Отвечает редкозубая Лоухи: «Отдам я за тебя свою дочь, отдам мой полевой цветочек, если поймаешь ты быстроногого лося, что живет в дремучих лесах, во владениях злого духа Хийси».

Стал веселый Лемминкяйнен снаряжаться на охоту. Взял крепкий аркан, сделал быстрые лыжи, смазал их оленьим салом. Каждой лыже цена — лисья шкура, каждой палке — шкура выдры, кольцам на палках — по заячьей шкурке.

Встал Лемминкяйнен на лыжи, оттолкнулся палками — помчался быстрее ветра. Бежит он по лугам и болотам, по лесам и широкимравнинам.

Достиг Лемминкяйнен владений Хийси, выследил быстроногого лося, пустился за ним в погоню. Вдруг сломалась у него одна лыжа, лопнул ремень на другой, обломились концы у палок. Потерял веселый Лемминкяйнен лося из виду.

Тогда запел молодой охотник заклинанье, стал просить помощи у Хозяйки леса:

«Леса чудная Хозяйка (…),
Пригони ты дичь к опушке,
К протянувшимся полянам,
Коль она бежать не хочет, (…)
От куста возьми ты хлыстик (…)
И гони скорее к месту,
С быстротой гони добычу.
К ожидающему мужу
По охотничьему следу!»

Услыхала Хозяйка леса заклинанье Лемминкяйнена, выгнала лося Хийси из чащи, пригнала к молодому охотнику. Накинул веселый Лемминкяйнен на лося аркан, отвел его к старухе Лоухи.

Говорит молодой охотник: «Я исполнил то, что ты велела. Теперь отдай, как обещала, мне в жены свою дочь, прекрасную Деву Похъелы».

Отвечает злая Лоухи, говорит редкозубая старуха: «Отдам я за тебя свою дочь, отдам мою веселую птичку, если добудешь мне коня, что пасется на полянах злого духа Хийси».

Взял веселый Лемминкяйнен золотую уздечку и серебряный недоуздок, снова отправился во владения Хийси. Поднялся на высокую гору, видит — внизу у елей гуляет на воле чудесный конь. Дым валит у коня из ноздрей, с гривы струится пламя. Не знает Лемминкяйнен, как и подойти к такому коню. Стал он просить Владыку неба:

«Отвори ты свод небесный,
Твердь воздушную раскрой ты,
Напусти ты град железный,
Ты пошли куски железа».

Услыхал Владыка неба молодого охотника. Посыпался с неба железный град — поменьше конской головы, покрупнее человеческой.

Испугался конь Хийси железного града, сам побежал к Лемминкяйнену. Надел молодой охотник на коня золотую уздечку, надел серебряный недоуздок, вскочил к нему на спину, поскакал к старухе Лоухи.

Говорит ей Лемминкяйнен: «Привел я тебе коня злого духа Хийси. Теперь отдай за меня красавицу Похъелы».

Отвечает редкозубая Лоухи: «Отдам я тебе свою дочь, отдам сладкую ягодку, если подстрелишь ты длинношеего лебедя, что живет в царстве смерти, плавает по черным водам подземной реки Туонелы».

Взял веселый Лемминкяйнен лук и стрелы, спустился в подземное царство, вышел на берег черного потока.

Сидит на берегу потока дряхлый старик — злой чародей, которого не заклял Лемминкяйнен, держит в руках ядовитую змею. Бросил чародей змею Лемминкяйнену в грудь — пронзила она его, словно копье: вошла в левую подмышку, вышла через правую лопатку.

Почувствовал веселый Лемминкяйнен свой смертный час, стал звать на помощь старую мать:

«Мать, ведь ты меня носила
И, трудяся, воспитала!
Ты узнать, родная, можешь,
Где теперь твой сын несчастный.
Ты приди сюда скорее,
Ты приди ко мне на помощь,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти меня от смерти».

Покинули Лемминкяйнена силы — столкнул его чародей в черные воды мрачной реки Туонелы, рассек его тело мечом на пять кусков.

И тут увидела мать Лемминкяйнена, что закапала со щетки алая кровь. Горестно зарыдала старуха. Покинула она свой дом, пошла по свету искать сына.

Медведицей продирается старая мать через лесные чащобы, волчицей бежит по болотам, выдрой переплывает реки Отбрасывает со

своего пути тяжелые камни, руками раздвигает вековые деревья, хворостом засыпает зыбучие топи.

Спрашивает старуха у солнца: «Не видало ли ты моего милого сына, не знаешь ли, где мое золотое яблочко?» Отвечает солнце — «Лежит твой сын под землею, скрыли его черные воды реки Туонелы.» Побежала мать к кузнецу, просит его сковать железные грабли, чтобы зубья у них были по сто сажен, а рукоять — в тысячу.

Выковал кузнец такие грабли. Спустилась старая мать под землю, вошла по пояс в черные воды. Шарит граблями по дну реки Туонелы, и вдоль, и поперек, и наискось. Зацепила тело Лемминкяйнена, вытащила на берег.

Разрублено тело на пять кусков. Стала мать складывать кусок с куском, связывать жилку с жилкой.

Окончила старуха свою работу — лежит Лемминкяйнен, словно живой. Стала мать думать, где добыть целебное зелье, чтобы вернуть жизнь в тело сына, чтобы заговорил веселый Лемминкяйнен, чтобы открылись его уста для песен.

Закаркал на осине черный ворон

«Кто погиб, тот жить не будет. (.)
Брось его в поток обратно,
Пусть он там трескою станет,
Пусть в кита он обратится!»

Отмахнулась старая мать от черного ворона, позвала золотую пчелку, ласково ей сказала: «Пчелка — цветов хозяйка, золотая маленькая птичка! Лети, хлопотунья, на небо, принеси небесного меда!» Полетела пчелка на небо, поднялась выше жаркого солнца, задела крылом ясный месяц, коснулась лапками семизвездной Медведицы, обмакнула крылья в котел с небесным медом, поспешила назад, на берег черного потока.

Собрала старая мать с крыльев пчелки небесный мед, смазала им тело сына.

Пробудился веселый Лемминкяйнен от смертного сна, говорит: «Долог же и глубок был мой сон!» Заплакала от радости старая мать, стала спрашивать Лемминкяйнена, зачем отправился он под землю, что искал на берегу черного потока.

Рассказал Лемминкяйнен, что хотел подстрелить длинношеего лебедя для редкозубой старухи Лоухи, чтобы получить в жены ее младшую дочь — прекрасную Деву Похъелы.

Говорит Лемминкяйнену старая мать:

«Пусть плывет тот лебедь с миром,
Пусть живут в покое утки
В черном Туйнелы потоке».

Мать и сын вышли из подземного мрака — и вернулись в зеленую Калевалу.

IV. Волшебная мельница Сампо

Ехал Вяйнямейнен на коне по берегу моря, а за скалой поджидал его дерзкий Еукахайнен. Натянул Еукахайнен свой пестрый лук, пустил стрелу. Хотел попасть в Вяйнямейнена, а попал в его коня. Подкосились у коня ноги, упал Вяйнямейнен в море.

Восемь дней носило его по волнам, словно еловую ветку, и вынесло на каменистый мыс в северной стране, в холодной Похъеле. Далеко зеленая Калевала! Не найти туда ни дороги, ни тропинки! Стал Вяйнямейнен стенать и громко сетовать:

«Горе бедному мне мужу,
Горе мне, несчастья сыну!
Землю я свою оставил,
Из родной страны ушел я,
Чтоб теперь под вольным небом
Здесь блуждать и дни и ночи».

Услыхала его стенания старуха Лоухи, злая владычица холодной Похъелы, спустила на море лодку, сама села на весла, поплыла к каменистому мысу. Увидела Лоухи Вяйнямейнена, узнала вещего песнопевца, привезла его в свой дом, приняла с великим почетом.

Говорит Лоухи Вяйнямейнену: «Оставайся навсегда в холодной Похъеле! Вдоволь у нас здесь семги, нет недостатка в свинине».

Отвечает старухе мудрый Вяйнямейнен:

«Тяжело человеку на чужбине.
Лучше лаптем воду черпать
У себя в родной сторонке,
Чем в стране чужой, далекой
Мед — сосудом драгоценным».

Спрашивает тогда Лоухи: «А что ты мне дашь, если помогу я тебе вернуться в зеленую Калевалу?» Отвечает Вяйнямейнен: «Хочешь — шапку золота и шапку серебра?» Усмехнулась владычица Похъелы: «Золото годится только детям на игрушки, серебро — на украшение конской сбруи. А можешь ли ты выковать Сампо — чудесную мельницу с пестрой крышкой, чтоб сыпалась из-под одного жернова мука без меры, из-под другого — вдоволь соли, из-под третьего — без счету денег?» Говорит Вяйнямейнен: «Несковать мне мельницы Сампо, незнаю я, как сделать пеструю крышку. Но есть в зеленой Калевале кузнец Ильмаринен — вековечный кователь. В давние времена сковал он небесный свод, да так, что не видно следов от клещей — уж, верно, выкует он и Сампо».

Говорит старуха Лоухи: «Если и впрямь выкует он мне Сампо, то отдам я ему в жены свою младшую дочь, украшение земли и моря, прекрасную Деву Похъелы. Отправляйся в зеленую Калевалу, пришли в Похъелу кузнеца Ильмаринена».

Вывела она из конюшни гнедого коня, запрягла его в сани. Сел Вяйнямейнен в сани — поскакал конь быстрее ветра, помчался в зеленую Калевалу, лишь поскрипывают полозья да потрескивает березовая дуга.

Остановился Вяйнямейнен возле кузницы. Горит в кузнице огонь, стучит молотом Ильмаринен — работает вековечный кователь.

Говорит кузнецу Вяйнямейнен: «Обещал я старухе Лоухи, владычице холодной Похъелы, что выкуешь ты для нее Сампо. За это отдаст она тебе в жены свою младшую дочь, украшение земли и моря».

Ильмаринен отправился вхолодную Похъелу. Увидела его старуха, побежала к дочери и говорит:

«Дочь моя, что всех моложе,
Всех детей моих прекрасней!
Нарядись получше нынче,
Выйди в платье понарядней,
Ты навесь прекрасный жемчуг,
Грудь укрась как можно краше,
Шею ты укрась поярче.(…)
Ведь кузнец-то вековечный,
Знаменитый Ильмаринен,
Прибыл выковать нам Сампо,
Крышку пеструю устроить».

Говорит Ильмаринен старухе: «Укажи мне место для работы».

Нет в холодной Похъеле кузницы, нет ни наковальни, ни горна, ни мехов, ни кузнечного молота. Но только малодушный отступает от задуманного дела! Нашел Ильмаринен плоский валун, построил на нем кузницу, поставил наковальню, сделал молот и мехи, развел в горне огонь и принялся за работу. Призвал вековечный кователь себе в помощники четыре ветра — северный и южный, западный и восточный. Раздувают ветры в горне огонь.

Из окошка вьется пламя, Из дверей несутся искры, К небу мчится туча гари, Дым смешался с облаками.

Три летних дня и три ночи работал Ильмаринен — и выковал чудесную мельницу Сампо, потекли рекой мука и соль, и золотые монеты.

Схватила старуха Лоухи Сампо, спрятала в недрах медного утеса, заперла девятью железными замками.

Говорит Ильмаринен владычице Похъелы: «Теперь отдай мне в жены свою дочь, украшение земли и моря!» Ничего не отвечает злая Лоухи, отводит глаза редкозубая старуха, молча подносит Ильмаринену кружку сладкого меда.

Говорит Ильмаринен: «Ни к чему не притронусь в этом доме, пока не увижу свою невесту!» Отвечает редкозубая Лоухи: «Недостаточно ты потрудился, чтобы получить в жены мою дочь, прекрасную Деву Похъелы, украшение земли и моря».

Задала злая Лоухи Ильмаринену три задачи: велела вспахать змеиное поле, привести из подземного царства косматого медведя и седого волка, изловить в Туонеле — реке смерти — жирную щуку.

Узнала об этом прекрасная Дева Похъелы решила помочь Ильмаринену. По ее совету выковал он золотой плуг с серебряным наконечником — и вспахал им змеиное поле; сделал железную цепь и узду из булата — привел медведя и волка; изготовил медного орла — выловил

орел щуку из реки Туонелы.

Нет больше у старухи Лоухи отговорок, стала она готовиться к свадьбе. Наготовила угощения, наварила пива, созвала гостей со всей Похъелы, со всей Калевалы.

Весело идет свадебный пир. Гости пьют, едят, да только не хватает на пиру песен. Встал со своего места мудрый Вяйнямейнен, поднял кружку пенного пива и сказал:

«Пиво, доблестный напиток!
Да не пьют тебя в молчанье!
Дай мужам охоту к песне,
Золотым устам — к напеву!»

Спрашивает Вяйнямейнен: «Кто из молодых или из старых, или из достигших середины жизни протянет мне свои руки, споет со мной веселую песню?» Молчат молодые, молчат достигшие середины жизни.

Лежал на печке столетний старик. Говорит он: «В прежние годы спел бы я с тобой, мудрый Вяйнямейнен. Был я когда-то отменным певцом. Текли мои песни, как реки, бежали, как сани по снегу, летели, словно парусные лодки. А теперь надорвался мой голос, стал подобен скрипучему дереву зимой, лодке на сухих камнях, саням на шершавом песке».

Говорит тогда Вяйнямейнен: «Коли некому спеть со мной вместе — буду петь один».

И запел тут Вяйнямейнен,
Пел он вечеру на радость,
Чтобы женщины смеялись,
Чтоб мужчины веселились,
Чтобы слушали, дивились
Вяйнямейнена напевам,
И дивились те, кто слушал,
Слух ничем не отвлекая.

Закончился свадебный пир, стала невеста прощаться с роднымдомом:

«Ты прощай, мое жилище,
Ты, с своей дощатой крышей, (…)
Ты прощай, мой двор широкий,
Двор, рябиною поросший, (…)
Вы прощайте, берег моря,
Берег моря, край поляны,
Вы, все сосны на пригорке,
По дубравам все деревья,
Ты, черемуха у дома,
Можжевельник у потока,
Вы, все ягодки на поле,
Стебли ягодок и травок,
И кусточки, корни елей,

Листья ольх, кора березы!»

Усадил жених невесту в расписные сани, хлестнул жемчужным кнутом резвого коня, зазвенели под березовой дугой колокольчики, будто запели серебряные дрозды, будто закуковали золотые кукушки.

Увез Ильмаринен прекрасную Деву Похъелы в зеленую Калевалу.

Прошел год, и другой, и третий. Случился в зеленой Калевале неурожай, не стало хватать людям хлеба.

А в холодной Похъеле в недрах медного утеса за девятью железными замками день и ночь мелет чудесная мельница Сампо, сыплются из-под жерновов мука, и соль, и золотые монеты.

Говорит мудрый Вяйнямейнен вековечному кователю Ильмаринену: «Поедем в холодную Похъелу, заставим злую Лоухи поделиться своим богатством. Пусть чудесная мельница Сампо потрудится и для зеленой Калевалы».

Снарядили они быстроходную ладью, поплыли по морю на север. Ильмаринен сидит на веслах, Вяйнямейнен правит рулем.

Ловил с крутого берега рыбу веселый Лемминкяйнен. Увидел он ладью, разглядел Ильмаринена на веслах, Вяйнямейнена у руля, громко крикнул: «Привет вам, герои Калевалы! Далеко ли держите путь?» Отвечает мудрый Вяйнямейнен:

«Едем прямо мы на север,
Против сильного теченья,
По волнам, покрытым пеной:
Мы себе добудем Сампо,
Крышку пеструю захватим
В скалах Похъелы туманной,
В недрах медного утеса».

Говорит веселый Лемминкяйнен: «Возьмите с собой и меня. Неокажусья лишним, если придется вступить в бой с воинами холодной Похъелы».

Подвел Вяйнямейнен ладью к берегу, спрыгнул к ним веселый Лемминкяйнен.

Вот прибыли герои Калевалы в холодную Похъелу. Спрашивает их старуха Лоухи: «Что привело вас сюда? О чем хотите вы вести разговор?» Отвечает мудрый Вяйнямейнен: «Разговор наш будет о чудесной мельнице Сампо. Хотим мы разделить ее дары так, чтобы всем хватило».

Засмеялась редкозубая Лоухи:

«Меж тремя не делят белку
И не делят куропатку.
Хорошо вертеться Сампо
И шуметь здесь пестрой крышкой
В глыбе Похъелы скалистой,
В недрах медного утеса,
Хорошо мне быть владыкой,

Обладательницей Сампо».

Говорит веселый Лемминкяйнен: «Если ты не хочешь с нами поделиться, то мы силою захватим Сампо, увезем к себе в Калевалу».

Разозлилась владычица Похъелы, кликнула грозный клич, явились перед ней воины, обернули свои мечи против героев Калевалы.

Тогда мудрый Вяйнямейнен начал петь заклинанья, и погрузились воины Похъелы в глубокий сон, заснула и старуха Лоухи.

Пришли герои Калевалы к медному утесу, Ильмаринен сбил железные запоры. Обхватил Лемминкяйнен Сампо, да не смог сдвинуть с места: пустила чудесная мельница в землю три корня, каждый длиной в девять сажен.

Пасся неподалеку на лугу пестрый бык. Могучие у быка ноги, крепкие сухожилья. Запрягли герои Калевалы быка в плуг, опахали Сампо кругом, подрезали глубокие корни. Отнесли чудесную мельницу в свою ладью и пустились в обратный путь.

Летит ладья, словно лебедь, подгоняет ее попутный ветер, помогают ей морские волны.

Говорит Лемминкяйнен: «Отчего бы нам не спеть веселую песню? Ведь захватили мы Сампо и плывем домой, в зеленую Калевалу!» Отвечаетмудрый Вяйнямейнен: «Не настало еще время для песен. Будем петь тогда, когда высадимся на родном берегу».

Не послушался веселый Лемминкяйнен мудрого Вяинямейнена, запел во весь голос. Громкий у веселого Лемминкяйнена голос, да неблагозвучный. Разнеслось его пенье на шесть деревень, улетело за семь морей.

За седьмым морем стоял на одной ноге журавль — считал пальцы на другой. Услыхал он, как поет Лемминкяйнен, закричал со страху и полетел на север, в холодную страну Похъелу.

От журавлиного крика пробудилась старуха Лоухи, проснулись еевоины.

Бросилась Лоухи смотреть, на месте ли ее богатства. По-прежнему стоит в хлеву скотина, не стало меньше зерна в амбарах — только нету в недрах медного утеса чудесной мельницы Сампо.

Заголосила старуха: «Горе мне несчастной!» Снарядила Лоухи большой корабль, посадила на него сотню воинов с мечами, тысячу- с луками, пустилась в погоню за героями Калевалы.

Говорит Вяйнямейнен веселому Лемминкяйнену:

«Ты взойди наверх, на мачту,
Влезь на парусные стеньги!
Посмотри вперед на воздух,
Посмотри назад на небо -
Ясны ль воздуха границы,
Все ли ясны иль туманны?»

Взобрался веселый Лемминкяйнен на высокую мачту, кричитсверху:

«Впереди небо ясное, а сзади нагоняет нас черная туча!» Говорит мудрый Вяйнямейнен: «Посмотри получше — вправду ли это туча?» Пригляделся Лемминкяйнен и отвечает: «Нет, это не туча, а остров,

поросший темным лесом. Сидят там соколы на осинах, глухари на березах».

Снова говорит Вяйнямейнен: «Посмотри еще получше — вправду ли это остров?» Пригляделся Лемминкяйнен получше — и закричал: «Нагоняет нас большой корабль в сотню весел! Плывут на нем сто воинов с мечами, тысяча с луками!» Велел Вяйнямейнен приналечь на весла. Стучат весла в уключинах, кипит вода вокруг ладьи, клубится морская пена. Трещит сосновая ладья, кричит, как лебедь, ревет, как тюлень.

Вытащил мудрый Вяйнямейнен из мешочка с трутом кремень, бросил в воду позади кормы. Превратился кремень в подводный утес. Налетел на утес корабль старухи Лоухи — и разбился.

Обернулась тогда владычица Похъелы орлицей. Посадила себе на крылья тысячу воинов с луками, на хвост — сто воинов с мечами, взмыла в небо. Одним крылом задевает морские волны, другим — небесные тучи.

Настигла орлица ладью героев Калевалы, схватила железными когтями чудесную Сампо.

Вытащил Вяйнямейнен из воды дубовый руль, которым направлял он ход ладьи, и ударил по железным когтям Лоухи.

Выронила Лоухи Сампо, упала чудесная мельница в море, разбилась на тысячу осколков.

Зарыдала владычица Похъелы:

«Власть моя отныне гибнет,
И могущество слабеет:
Под водой мое богатство,
В глубине у моря — Сампо».

Громко стеная, улетела старуха Лоухи в свою холодную страну.

А осколки волшебной мельницы Сампо волны принесли к берегам Калевалы. Выловил их из воды мудрый Вяйнямейнен, закопал в калевальскую землю.

С той поры изобильны стали ее поля, навсегда поселились в зеленой Калевале довольство и счастье.

54. БЕОВУЛЬФ

«Беовульф» — эпос англосаксов — племени германского происхождения, в V–VI веках завоевавших Британию и положивших начало английской народности. Эпос складывался в VIII–IX веках, известен в записи X века, но в его основе лежат народные сказания, уходящие корнями в более древние времена.

Беовульф — типично мифологический герой — победитель чудовищ, подобный шумеро- аккадскому Гильгамешу, греческому Гераклу, скандинавскому Тору. Его имя означает «пчелиный волк» (так иносказательно англосаксы называли медведя). Вероятно, образ Беовульфа первоначально был связан с медвежьим культом, распространенным у многих племен на ранней стадии развития.

Действие «Беовульфа» происходит не в Британии, а в Скандинавии — прародине англосаксов.

Беовульф, исторический прообраз которого не установлен, был, как утверждает предание, племянником короля геатов (или гаутов) — скандинавского племени, некогда населявшего южные области Швеции.

Однажды Беовульф узнал, что соседей геатов, датчан, постигло страшное бедствие. В то время Данией правил король Хротгар. (Он упоминается в хрониках: известно, что около 520 года Хротгар совершил набег на франкские земли.) Король Хротгар, чтобы было ему где пировать со своими воинами, приказал построить просторную палату, роскошнее которой не бывало ни у одного короля, и украсить ее оленьими рогами. Получила та палата название Хеорот, что значит — «Оленья палата».

Хеорот окружали топкие болота, а в их недрах, в подводной пещере, жило свирепое чудовище — Грендель, вместе со своей матерью, столь же кровожадной, как и он сам.

Громкие клики пирующих воинов, звон заздравных чаш и веселые песни, доносившиеся из пиршественной палаты, потревожили покой Гренделя. В глухую полночь он выполз из своего логова и проник в Хеорот.

Король и датские воины, утомленные пиршеством, спали, не чуя приближения опасности. В мгновение ока набросился Грендель на спящих. Он растерзал нескольких воинов, спавших ближе к двери, так быстро, что те даже не успели вскрикнуть. Затем Грендаль пожрал окровавленные останки и уполз в свое болото.

Проснувшись утром, датчане обнаружили исчезновение товарищей, увидели следы крови и поняли, что те погибли жестокой смертью.

С тех пор страх и печаль воцарились в Хеороте. Каждую ночь туда являлся Грендель, убивал и пожирал по нескольку человек.

Датчане были храбрыми воинами, но никто не решался сразиться с чудовищем, поскольку все знали, что оно неуязвимо.

Грендель, Навеки заклятьем от всех защищенный,
Не мог быть повержен острейшим оружьем,
Мечом драгоценным, копьем, лучшим в мире

(Переводы. Замаховской)

Датчанам пришлось покинуть Хеорот. Пиршественная палата осталась стоять пустой и заброшенной, никто в нее не заходил, и лишь Грендель приползал туда по ночам, тщетно ища добычи.

Беовульф решил избавить датчан от свирепого чудовища. Друзья и родичи пытались отговорить героя от такого намерения, убеждая его, что он лишь напрасно погубит себя, но Беовульф настоял на своем. Он снарядил корабль и с дружиной из четырнадцати храбрецов, вызвавшихся его сопровождать, отплыл к берегам Дании.

Датчане встревожились, увидев вооруженных геатов, высадившихся на их берегу. Но Беовульф объявил, что они прибыли как друзья и хотят говорить с королем.

Их провели к Хротгару. Войдя в королевское жилище, геаты отстегнули свои мечи, сложили на пол щиты, поставили копья в угол у двери и, оставив двух человек сторожить оружие, предстали перед королем.

Беовульф сказал: «Привет тебе, король Хротгар! Прослышал я, что тебе досаждает кровожадный Гренделъ и из-за его свирепости ты был вынужден покинуть Хеорот, палату, лучше которой нет на свете. И теперь она стоит пустая, без всякой для тебя пользы. Я явился, чтобы сразиться с Гренделем и победить его!» Король ответил: «Если ты и впрямь избавишь меня от Гренделя, я награжу тебя так, как никого еще не награждал».

Беовульф и четырнадцать геатов отправились в Хеорот и стали поджидать чудовище. Беовульф не взял с собой меча: он знал, что Гренделя нельзя победить оружием, и полагался только на свою силу да на счастливую судьбу.

Наступила ночь. Сон сморил геатов, и тут в палату вполз Грендель. Хищным взглядом обвел он спящих и, наметив себе жертву, бросился на одного из воинов — и вмиг проглотил целиком. Не насытившись, Грендель двинулся дальше, но в тот же миг Беовульф крепко ухватил его за когтистую лапу.

Чудовище разом Мощную руку узнало.
Вовеки Хватки железной такой не знавал он
Ни у кого из мужей всей подлунной!

Между ними началась борьба. Зашатались стены Хеорота, сложенные из толстых бревен, ходуном заходил дубовый пол, с грохотом опрокинулись тяжелые скамьи, сдвинуть которые с места не смогли бы и десять человек.

Король Хротгар и датчане издали слышали шум боя и ожидали, что Хеорот вот-вот обрушится и погребет под собою сражающихся.

Тем временем Беовульф уже одолевал чудовище. Грендель изнемогал и помышлял лишь о бегстве, но не мог освободить свою лапу, которую Беовульф продолжал сжимать, как железными тисками.

Грендель рванулся из последних сил — плечо его вышло из сустава, порвались жилы, и страшная лапа осталась в руках Беовульфа. А чудовище, истекая кровью, уползло в свое логово и там издохло.

Для датчан воскресло блаженное счастье,
Разумный и храбрый, пришелец-спаситель
Хротгара дворец королевский очистил
И победоносно покончил со страхом.

Король приказал навести порядок в Хеороте, расставить по местам опрокинутые во время боя скамьи, украсить стены златовышитыми тканями. Датчане и геаты сели за накрытые столы и стали праздновать победу Беовульфа над свирепым Гренделем.

Король сказал: «О, храбрый Беовульф! Отныне я считаю тебя своим сыном!» Он подарил герою золотые доспехи, меч, украшенный драгоценными каменьями, и восемь коней в полном убранстве. Затем супруга Хротгара, королева Веальхтеов, надела Беовульфу на обе руки витые запястья, на пальцы — золотые перстни, а на шею — золотое ожерелье, самое тяжелое из всех ожерелий на свете.

Много было выпито вина и меда, много сказано заздравных речей.

Но вот наступил вечер, пир окончился. Воины подмели пол, разложили подстилки и улеглись спать, там же, где пировали.

Но кто угадал бы Угрозу судьбы, ее поступь в потемках, Несущую смерть одному из героев.

В полночь в Хеорот явилась мать Гренделя, чтобы отомстить за сына. Она схватила датчанина Эскера, храброго воина и мудрого советника короля, и, умертвив, уволокла в болото.

Король, узнав о новой беде, спросил Беовульфа: «Спасешь ли ты нас еще раз?» И Беовульф ответил: «Если судьбе будет угодно, спасу. Но если случится так, что я погибну, позаботься о том, чтобы геаты, мои земляки, вернулись на родину, и отправь к моему дяде, королю Хигелаку те дары, что я получил от тебя вчера».

Беовульф решил не дожидаться, когда мать свирепого Гренделя снова явится в Хеорот и погубит кого-нибудь из людей, а сразиться с ней в ее логове.

Опасен был его замысел. Никто и никогда еще не отваживался проникнуть в болота, где обитали Грендель и его мать. Даже олень, настигнутый собаками, предпочитал погибнуть от их клыков, нежели ступить в страшную трясину.

Беовульф оседлал коня и поскакал по следу чудовища. Геаты и датчане со своим королем сопровождали его. У края болота все остановились. Беовульф вынул из ножен меч, крепко сжал его в руке и шагнул в мрачную трясину.

Целый день, до самого вечера, опускался он на дно болота. Вокруг него в черной воде извивались змеи и водяные драконы, но прочная броня защищала героя от их ядовитых жал и острых зубов. Наконец Беовульф достиг дна. Там, в кромешной тьме, его поджидала мать свирепого Гренделя. Яростно накинулась она на Беовульфа, стиснула его так, что он не мог шевельнуться, и поволокла его в подводную пещеру, где лежал мертвый Грендель.

В пещере было светлее. Беовульф сумел освободиться от лап чудовища и ударил его мечом. Но благородная сталь лишь скользнула по чешуе. Тут Беовульф увидел на стене пещеры огромный меч, пригодный лишь для великана. Герой схватил его двумя руками, размахнулся и обрушил не голову матери свирепого Гренделя. Клинок рассек чешую, и чудовище рухнуло мертвым.

Беовульф отсек голову Гренделя, чтобы унести с собой как трофей. Он хотел взять с собой и чудесный меч, но клинок вдруг стал таять, как кусок льда, и через несколько мгновений в руках у Беовульфа осталась лишь рукоять.

Меж тем король Хротгар, датчане и геаты, ожидавшие Беовульфа на берегу, думали, что его уже нет в живых. Они видели, как темные воды болота окрасились кровью, и решили, что это кровь отважного героя.

Велика же была их радость, когда вода всколыхнулась, и на поверхности показался Беовульф, живой и невредимый, с отрубленной головой чудовища в руках.

В тот день снова был пир в Хеороте, снова все славили Беовульфа.

Здесь каждый друг другу не враг, а товарищ,
К правителю все расположены сердцем,
Бойцы благодушны, и слуги учтивы.

Следующей ночью уже никто не тревожил покой спящих. Беовульф и его товарищи со славой вернулись на родину. Вскоре дядя Беовульфа, король Хигелак, погиб в бою, и Беовульф стал королем геатов, мудрым и справедливым. Прошло полвека. Беовульф состарился, борода его побелела. И тут случилась беда. Один геат, заблудившись в горах, набрел на заброшенную тропинку, и она привела его к глубокой пещере. Геат заглянул внутрь и увидел несметные богатства, сваленные в огромную груду: золотую и серебряную утварь, драгоценные камни и жемчуг. Но тут на небе показался хозяин клада — крылатый дракон. Геат схватил один из золотых кубков и бросился бежать.

Дракон, через некоторое время обнаружив пропажу, стал разыскивать похитителя, но не нашел. Тогда он обрушил свой гнев на всю землю геатов. Никому не было от него спасения — он убивал людей и скот, огненным дыханием сжигал селения и посевы.

Беовульф, несмотря на преклонные годы, был по-прежнему силен и отважен. Вооружившись и взяв с собой двенадцать храбрейших воинов, он отправился к пещере дракона и вызвал его на бой.

Дракон, изрыгая пламя, вылетел навстречу старому королю. Сопровождавшие Беовульфа воины в страхе обратились в бегство, и лишь один из них, по имени Виглаф, остался со своим королем.

Беовульф выхватил меч и нанес дракону удар такой силы, что клинок разлетелся на мелкие осколки. Верный Виглаф тотчас же подал королю запасной меч, но было поздно: дракон успел ужалить Беовульфа своим ядовитым жалом. И все же герой собрал последние силы, взмахнул мечом и поразил дракона насмерть.

Старый король опустился на землю рядом с поверженным драконом, прислонился спиной к скале и сказал Виглафу: «Полвека правил я своей страной и защищал ее от врагов; ни разу не давал клятвы, которой бы не исполнил; никогда не убивал родичей или друзей. Теперь жизнь покидает меня. Но я не страшусь смерти».

Так сказал Беовульф — и свет навсегда померк в его глазах.

55. СКАЗАНИЕ О КУХУАИНЕ

Кухулин — главный герой ирландского эпоса.

Ирландцы — народ кельтского происхождения. В середине I тысячелетия до н. э. кельтские племена населяли значительную часть Европы, в VI веке до н. э. они захватили Британские острова, покорив местное племя пиктов.

Впоследствии под натиском германцев и римлян кельты были оттеснены на юго-запад Британских островов.

Самым крупным очагом кельтской культуры стал остров Ирландия.

В языческую эпоху хранителями древних преданий в Ирландии были жрецы-друиды. После введения христианства, вV веке, друиды исчезли (причем, как утверждала народная молва, исчезли в прямом смысле слова: таинственно растворились в воздухе), а их роль в значительной степени

перешла к филидам — так называли магов, поэтов-певцов и прорицателей.

Известно, что вV веке в Ирландии стали появляться особые школы филидов, содержавшиеся на общественные средства. Обучение в таких школах продолжалось двенадцать лет, ученики должны были изучить и запомнить более тысячи древних поэм, сказаний, магических заклинаний. Интерес к подобным знаниям был чрезвычайно велик, временами в таких школах обучалось до трети населения Ирландии.

Филиды сохраняли и совершенствовали древние сказания в устной форме, а христианские монахи-ирландцы, будучи грамотными, со временем начали записывать народные предания о богах и героях.

В IX веке Ирландия, как и большинство стран Европы, подвергалась опустошительным набегам датских и норвежских викингов.

Национальные предания — важная часть национальной культуры, поэтому ирландцы как величайшую ценность спасали от врагов древние рукописи. Наиболее образованные монахи и светские литераторы усердно собирали эти рукописи воедино.

В IX веке разрозненные, существовавшие в различных вариантах сказания были приведены в стройную систему, объединены в циклы.

Наиболее значительная часть ирландского эпоса — это цикл саг о Кухулине, в который входит около ста сказаний.

Самая древняя рукопись, содержащая сказания о Кухулине — «Книга Бурой Коровы», названная так по материалу, из которого сделан ее переплет, была написана около 1100 года, но возникновение этих сказаний скорее всего относится к VI–VII векам.

Саги о Кухулине отчасти имеют под собой историческую основу. Время их действия, по традиции, относят к рубежу нашей эры. По преданию, Ирландия делилась тогда на пять королевств: Улад, Лейнстер, Коннахт, Мунстер и Миде. Кухулин был героем Улада.

В ирландских исторических анналах, составленных в VIII–IX веках указываются даже точные даты жизни Кухулина (34 г. до н. э. -2 г. н. э.), но большинство специалистов считают сведения, содержащиеся в этих анналах, «условно-историческими», то есть относящимися к областилегенд.

Тем не менее в сагах о Кухулине встречаются и вполне достоверные приметы эпохи рубежа нашей эры. Подробные описания оружия, приемов боя, одежды, украшений, утвари, содержащиеся в сагах, подтверждаются как рассказами античных авторов, так и археологическими находками. На севере Ирландии, в нескольких километрах от современного города Арма, сохранились следы укреплений Эмайн Махи — столицы Улада.

Хотя саги о Кухулине складывались главным образом уже в христианскую эпоху, в них содержится много языческих мотивов, элементов мифологии древних кельтов.

Так, Кухулин является сыном Луга — бога света, искусств и ремесел, и сам наделен магическими способностями. Нередко в сагах появляются фантастические существа — сиды, одни из них дружественны, другие — враждебны героям.

Вероятнее всего, в образе Кухулина слились воедино несколько исторических и мифологических персонажей, олицетворяющих в народном сознании доблесть, благородство и другие черты национального характера.

Цикл сказаний о Кухулине открывается сагой о его рождении.

I. Рождение и детство Кухулина

Однажды в окрестностях Эмайн Махи, столицы уладов, появились тучи птиц невиданного до тех пор облика и расцветки. Стали птицы расклевывать плоды на деревьях и зерна в колосьях, выщипывать траву до самого корня, оставляя лишь сухую землю да голые камни.

Конхобар, король уладов, снарядил девять колесниц, собрал лучших стрелков и отправился на охоту, чтобы истребить этих птиц и спасти от разоренья страну.

Колесницей короля управляла его сестра — юная Дехтире.

Охотники спугнули птиц и стали их преследовать, но до самой темноты не смогли подстрелить ни одной.

Оказались охотники в незнакомом лесу. Меж тем совсем стемнело. Король послал двоих слуг поискать какого-нибудь ночлега. Долго бродили слуги по лесу, пока не увидели на поляне какое-то бедняцкое жилище.

Вернулись слуги к королю и сказали, что нашли дом, но такой тесный и бедный, что вряд ли там можно заночевать королю со свитой.

Все же король отправился к тому дому. Хозяева — муж и жена — почтительно приветствовали его и пригласили войти. Как ни был мал дом, уместились в нем все, кто был с королем, как ни был беден, гостям подали угощение — и все насытились.

Потом хозяин сказал королю: «Моя жена должна нынче родить. Было бы хорошо, если б твоя сестра помогла ей при родах».

Дехтире пошла за перегородку, где жена хозяина уже начала мучиться родами, и оставалась с ней всю ночь. Утром женщина родила сына.

И тут же не стало ни дома, ни его хозяев. Оказались улады среди дикого леса, и только подле Дехтире лежал на земле новорожденный младенец.

Улады вернулись в Эмайн Маху, взяв ребенка с собой.

Дехтире стала заботиться о нем и полюбила, как сына. Но мальчик заболел и умер.

Очень горевала о нем Дехтире. Три дня не пила она и не ела, а только проливала горькие слезы.

На четвертый день одолела ее великая жажда. Подали Дехтире напиться, но в воде оказалась какая-то букашка. Дунула Дехтире, чтобы ее отогнать, но букашка прыгнула ей в рот — и девушка ее проглотила.

И тут же зачала Дехтире ребенка.

Ночью во сне явился ей Луг — бог солнечного света, искусств и ремесел — и сказал: «Я избрал тебя из всех женщин: мой сын — в твоем чреве. Он станет великим героем, а имя ему следует дать Сетанта».

И вот родила Дехтире сына. Было у него в глазах семь зрачков, три в одном и четыре в другом, а на руках и ногах — по семи пальцев.

Как велел Луг, Дехтире назвала сына Сетантой. Но недолго носил он это имя. Когда ему было шесть лет, он получил прозванье Кухулин. Вот как это получилось.

Однажды король Конхобар со своими воинами, а Дехтире со своими служанками отправились на пир, что давал в своем доме кузнец по имени Кулан. Позвали с собой и Сетанту. Но он в то время играл в мяч со ста

пятьюдесятью взрослыми юношами, неизменно их побеждая, и пообещал прийти позже.

Наконец закончил Сетанта игру и пошел к дому Кулана. А был у кузнеца пес, такой огромный и свирепый, что целый отряд воинов не смог бы его одолеть.

Оскалил пес страшные клыки, зарычал на Сетанту и хотел его разорвать. Но мальчик поднял с земли тяжелый камень, метнул в открытую пасть — и пес пал бездыханным.

Вышли на шум хозяин и гости, подивились силе и храбрости шестилетнего ребенка.

Сказал ему Кулан: «Я рад приветствовать сына твоих отца и матери, хоть и лишил ты меня верного слуги, который стерег мой дом, мое добро и мои стада».

Сетанта сказал: «Я отыщу щенка того же семени, что и твой пес, и выращу его для тебя. А до тех пор буду сам стеречь твой дом, твое добро и твои стада».

И все признали, что это будет справедливо.

С тех пор получил Сетанта прозванье Кухулин — «Пес Кулана».

II. Женитьба Кухулина

Когда стал Кухулин юношей, то не было ему равного во всей Ирландии ни по силе, ни по храбрости, ни по красоте. Кроме того, был он мудр, красноречив, умел играть в шахматы и прочие игры, владел искусством счета и обладал даром пророчества.

Все уладские женщины — будь то девушки, мужние жены или вдовы — любили его безмерно.

Забеспокоились мужья и отцы, стали просить короля Конхобара, чтобы он поскорее женил Кухулина.

Король послал девятерых гонцов во все концы Ирландии искать для Кухулина невесту. Ровно через год вернулись гонцы и сказали, что нигде не нашли достойной девушки.

Тогда Кухулин решил сам отправиться на поиски.

Прослышал он, что у короля Форгала Хитрого есть дочь Эмер, которая прекрасна и мудра, обладает сладкой речью, умеет петь, а в искусстве вышивания превосходит всех женщин Ирландии.

Он запряг в колесницу двух коней и поехал туда, где жила Эмер, чтобы посмотреть на нее и, если окажется правдой все, что о ней говорят, посвататься к ней.

Эмер в то время гуляла в саду со своими подругами и служанками. Услышали девушки, как стучат по дороге конские копыта и скрипят колеса, покрикивает на лошадей возница и звенит оружие. Сказала Эмер одной из служанок: «Пойди, посмотри, что за герой едет к нам».

Вышла служанка за ворота, взглянула на дорогу, потом вернулась и сказала госпоже: «Мчится по дороге колесница, запряженная двумя конями. Один из них серый, широкобедрый, земля дрожит под его тяжелыми копытами. Другой — черный, как смоль, тонконогий, несется по земле, словно по воздуху, едва касаясь копытами травы. Колесница сделана из витых ивовых прутьев, колеса — из светлой бронзы, ее борта обиты яркой медью. Едет на колеснице прекраснейший из героев. Надувает он румяные щеки, глаза его сверкают, как пламя, брови его —

чернее угля, зубы — белее жемчуга. На нем одежда алого цвета, на груди — золотая пряжка. На плечах его белый плащ, затканный красными и золотыми нитями. У бедра — меч с золотой рукояткой, на руке — щите серебряной оковкой».

Вот подъехал Кухулин к девушкам, сошел с колесницы.

Эмер, приветствуя его, сказала: «Пусть будет гладкой твоя дорога!» Кухулин ответил: «Желаю тебе не знать никакого зла!» И завели они между собой учтивую беседу.

Спросила Эмер: «Как твое имя, герой, и велики ли твои подвиги и слава?» Ответил Кухулин: «Зовусь я Кухулин, и клянусь тебе, что совершу такие подвиги, молва о которых пройдет по всему свету». Спросила Эмер: «А какова твоя сила?» Ответил Кухулин: «Одной трети моей силы хватит, чтобы победить тридцать воинов».

Спросила Эмер: «А где и как был ты воспитан?» Ответил Кухулин: «Рос я не как бедняк — между лавкой и квашней, между очагом и дверью в кладовую. Воспитал меня мой приемный отец король Конхобар — среди воинов и колесничих, среди друидов и ученых людей, среди певцов и музыкантов».

Потом спросил Кухулин: «А что ты можешь рассказать о себе?» Сказала Эмер: «Отец мой — Форгал Хитрый — храбрее любого воина, ученее друида, сладкоречивие певца. Воспитал он меня по древнему обычаю, в добродетели и благонравии. Много славных воинов добивались моей руки, но я — неприступная гора, я — воин, который не сдается, я — камыш, что растет в уединении. Нет женщины, равной мне, во всей Ирландии».

«Коли так, — сказал Кухулин, — почему бы нам не соединиться?» Ответила Эмер: «Я выйду замуж лишь за того, кто сразится с трижды девятью воинами — и поразит их одним ударом».

Сказал Кухулин: «Я совершу это для тебя».

«Тогда, — сказала Эмер, — я обещаю стать твоей женой — и исполню свое обещание».

После этого Кухулин вскочил на свою колесницу — и уехал. Узнал Форгал Хитрый, что Кухулин хочет жениться на его дочери, и решил воспрепятствовать этому.

Нарядился он в чужеземное платье и отправился ко двору короля Конхобара, назвавшись послом из страны галлов.

С почетом принял Конхобар мнимого посла, устроил в честь негопир.

На пиру разговор зашел о воинском искусстве, и сказал Форгал Хитрый, что далеко на востоке есть воительница по имени Скатах. Владеет она тайными боевыми приемами, и тот, кто побывает у нее в ученье, станет искуснейшим воином на всем свете.

Услышал это Кухулин и спросил: «А как найти воительницу Скатах?» Ответил Форгал: «Живет она на острове посреди моря. Далек и труден путь к ее жилищу. Нужно пройти Равнину Несчастий, миновать Долину Опасностей переправиться на остров по неприступному Мосту. Лишь доблестному воину этот путь под силу», — а сам подумал, что и доблестный воин того пути не осилит, что погибнет в дороге Кухулин.

Вот пустился Кухулин в путь. Прошел он Равнину Несчастий, где ноги путника прилипали к земле, миновал Долину Опасностей, кишащую

свирепыми чудовищами, и подошел к Неприступному Мосту, что был перекинут с берега моря на остров, где жила воительница Скатах.

Только ступил Кухулин на мост, как другой его конец внезапно вздыбился — и отшвырнул Кухулина назад. Трижды пытался Кухулин перейти через мост, но не смог этого сделать. Тогда впал он в великую ярость, одним прыжком перенесся на середину моста, а вторым — на остров.

Подошел Кухулин к жилищу воительницы, стукнул в дверь древком копья, да так, что пробил дверь насквозь.

И сказала Скатах: «Стучит в мою дверь доблестный воин».

Стал Кухулин учиться у Скатах боевому искусству. Освоил прием вихря и прием грома, прыжок кота и прыжок лосося, геройский клич и геройский удар, бег по копью и стояние на его острие. Через год не было на всем свете воина, ему равного.

Тем временем Форгал Хитрый, думая, что Кухулин погиб, просватал дочь за соседнего короля Лугайда. Но Эмер поклялась своей жизнью, что любит Кухулина, и сказала, что стать женой другого было бы для нее бесчестьем. Разгневался Форгал Хитрый и запер дочь в одной из покоев своего замка.

Меж тем закончилось обучение Кухулина, и он вернулся в Ирландию. Узнал он, что Эмер сидит в заточении, и напал на замок Форгала. Прыжком лосося перенесся он через три стены, окружавших замок, геройским ударом поразил триждыдевять воинов, охранявших Эмер.

Устрашенный Форгал хотел спастись бегством, взобрался на замковый вал, но сорвался с него — и разбился насмерть.

А Кухулин отвез Эмер в Эмайн Маху. Там сыграли они свадьбу, и была Эмер Кухулину верной женой до самой его смерти.

III. Путешествие Кухулина на Остров Блаженства

В одной из саг рассказывается о путешествии Кухулина в потусторонний мир-мир сидов.

Сиды — «волшебный народ» — персонажи кельтских мифов. Сиды превосходят людей силой и мудростью, наделены магическим даром, вечной юностью и красотой. С установлением христианства к числу сидов были отнесены и древние языческие боги.

Именно кельтские сиды послужили прообразом популярнейших персонажей более поздних, в том числе и литературных, сказок — фей и эльфов.

Сиды обитали или в глубине зеленых холмов, или на чудесном Острове Блаженства, куда нет пути простым смертным.

Ирландцы утверждают, что с утесов западного побережья Ирландии в ясную погоду можно увидеть очертания этого острова.

Проникновение героя в потусторонний мир — распространенный сюжет в эпосе разных народов. Но Кухулин не просто проникает на Остров Блаженства, а отправляется туда по просьбе самих сидов, чтобы помочьим.

…Однажды 1-го ноября — в день праздника начала зимы собрались улады на берегу озера близ Эмайн Махи. Они веселились и пировали, состязались в ловкости и слушали певцов-сказителей.

Вдруг прилетела и опустилась на озеро стая красивых птиц.

Сказали уладские женщины, бывшие на празднике: «Ах, если бы кто-нибудь изловил этих птиц для нас!» Заспорили они, кому из уладов по силам совершить такое.

Красавица Этне Ингуба сказала: «Если кто и сможет поймать целую стаю птиц, то только Кухулин».

Стали женщины просить Кухулина, чтобы сделал он им такой приятный подарок.

Подошел Кухулин к самой воде, громким криком вспугнул птиц, метнул камень из пращи — и сбил на лету всю стаю.

Досталось женщинам каждой по две птицы, лишь красавица Этне осталась ни с чем.

Сказал ей Кухулин: «Не сердись. Обещаю, что первых же птиц, которых увижу, добуду для тебя».

Тут появились в небе две птицы, прекраснее которых прежде никто не видывал. Были они соединены друг с другом цепочкой из червонного золота.

Взялся Кухулин за пращу, но рыжеволосый Лойг — его возница и друг — сказал: «Кухулин, послушай доброго совета: не трогай этих птиц. По всему видать, наделены они тайной силой».

Но Кухулин ответил: «Может, это и так, но я обещал Этне добыть для нее первых птиц, которых увижу, — и сдержу свое обещание».

Метнул Кухулин камень из пращи — просвистел камень в воздухе и упал на землю, не попав в птиц.

«Горе мне! — воскликнул Кухулин. — С тех пор, как я взял в руки оружие, никогда еще не давал промаха!» Метнул он в птиц другой камень — и опять промахнулся. Метнул третий камень, но птицы были уже далеко и вскоре скрылись из глаз.

Охватили Кухулина стыд и досада. Молча отошел он в сторону, прислонился к большому камню — и вдруг погрузился в сон.

Во сне увидел он двух красавиц. Одна была в зеленом плаще, другая — в пурпурном. В руках они держали плети. Взмахнули красавицы плетьми, засмеялись — и стали хлестать Кухулина. Хлестали так долго, что Кухулин почувствовал себя близким к смерти.

Собрались улады вокруг, поняли, что творится со спящим что-то неладное, и хотели было разбудить, но один мудрый старец сказал: «Не троньте его, ибо он сейчас во власти видения».

Наконец Кухулин пробудился. Улады спросили: «Что с тобой было?» Но Кухулин смог только сказать: «Отнесите меня домой» — и рухнул на землю.

С того дня тяжко захворал Кухулин, лежал на своем ложе недвижный, словно мертвый, и никому не говорил ни слова.

Так прошел ровно год — и вновь наступил праздник начала зимы. Но в этот день не было обычного веселья. Друзья сидели вокруг ложа Кухулина и горевали. Его жена Эмер спела такую песню:

О, восстань от сна, герой Улада!..
Долгое лежанье отнимает силу,
Сон чрезмерный вреден, как сытому — пища,

Он вестник смерти, ее брат родной…

(ПереводАЛ. Смирнова)

Вдруг появился некий человек и сказал: «О, Кухулин, горестен теперь твой вид, но недолго пребывать тебе в болезни. Нынче ночью приходи к тому камню, где год назад тебе было виденье. Там будет ждать тебя одна из моих сестер». Так сказал человек и исчез. И поняли все, видевшие это, что был перед ними не человек, а сид.

Кухулин тут же поднялся со своего ложа — и стал здоров, какпрежде.

Ночью пошел он к камню. Там встретила его сида в зеленом плаще — одна из красавиц, виденных им во сне. Она сказала: «В добрый час, Кухулин!» Кухулин ответил: «Недоброй была наша давешняя встреча».

Сказала сида: «Я не хочу тебе зла, а прошу помощи для моего народа. Мы обитаем среди светлых вод, на Острове Блаженства. Меня зовут Либан. Мой муж — Лабрайд — Меч Быстрый в Бою — много лет ведет войну со своими врагами и не может их одолеть. Помоги ему победить — и ты получишь в награду мою сестру прекрасную Фанд. Из любви к тебе она покинула своего мужа, повелителя морской стихии Мананнана, которого прежде любила».

Мрачен стал Кухулин и сказал: «Я бы охотнее отправился в какие-нибудь другие края, ибо слыхал, что на Острове Блаженства властвуют силы, чуждые смертным».

Но Кухулин не мог отказать просящему, и пошел следом за сидой Либан к берегу моря. Там они сели в бронзовую ладью и переправились на Остров Блаженства.

Либан привела Кухулина в жилище своего мужа Лабрайда. Богат был Лабрайд-Меч Быстрый в Бою. На западной стороне его двора паслись пестрогривые кони, на восточном — гуляли сладкогласые птицы. Посредине стояло серебряное дерево с золотыми листьями, а вокруг — еще триста тридцать деревьев, на каждом из них росло столько плодов, что ими могли насытиться триста человек. И были все те плоды без жесткой кожуры.

А еще был у Лабрайда боченок с веселящим пивом, и сколько бы из него ни пили, боченок всегда оставался полнехонек.

Вот вошел Кухулин в дом Лабрайда. Крышу там подпирали столбы из серебра, столешницы были позолочены, ложа стояли на бронзовых ножках, а освещался дом не огнем, а сиянием драгоценных каменьев. Встретили Кухулина трижды пятьдесят женщин, поклонились ему и сказали: «Привет тебе ради той, с кем ты пришел, и ради тебя самого!» Спросила Либан: «Где муж мой Лабрайд?» Ответили женщины: «Твой муж бьется с врагами».

Вскоре вернулся Лабрайд-Меч Быстрый в Бою. Нерадостен был еговид.

Сказала мужу Либан: «Привет тебе, о Лабрайд, храбрейший из воинов, сокрушитель сильных!» Но ничего не ответил Лабрайд жене.

Тогда сказала Либан: «Привет тебе, о Лабрайд, стремящийся в бой, не страшащийся ран!» По-прежнему безмолствовал ее муж.

И в третий раз заговорила Либан: «Приветтебе, о Лабрайд, бесстрашный, как буря, могучий, как море!» Тогда ответил Лабрайд: «Не мила мне твоя речь, женщина! Жестокой была нынче битва, но не мне досталась победа».

«Порадуйся же, — сказала Либан. — Кухулин здесь, снами!» Лабрайд приветствовал Кухулина. Кухулин сказал: «Идем, взглянем на вражеское войско».

Вышли они в поле. Врагов было так много, что, казалось, заполонили они всю страну.

Сказал Кухулин Лабрайду: «Теперь удались. Я один сражусь с твоими врагами».

Испустил Кухулин боевой клич — и ринулся в битву. Словно молния, разил его меч, одним ударом поражал Кухулин тридцать человек. В ужасе убежали враги с поля боя. Но воинственный пыл Кухулина еще не иссяк.

Тогда испугались сиды, что обратится ярость Кухулина против них самих. Принесли они три чана ледяной воды, чтобы мог Кухулин остудить свою ярость. Прыгнул он в первый чан — вода в нем обратилась в пар, прыгнул во второй — вода закипела, прыгнул в третий — стала вода в чане так горяча, что не всякий бы выдержал.

Со славой вернулся Кухулин с поля боя. Женщины пели ему хвалебную песню:

Дивный герой на колеснице
Возвращается к нам; он безбород и юн.
Прекрасен и слажен его победный въезд
Этим вечером после боя…

(ПереводАА. Смирнова)

Красивы были женщины в стране сидов, но лучше всех — сестра Либан, сида по имени Фанд. Имя это значит «слеза», ибо чиста и непорочна была душа красавицы.

Сказала Фанд Кухулину: «Долго ждала я тебя — и вот дождалась!» Целый месяц провел Кухулин с прекрасной Фанд, но пришла пора возвращаться ему домой.

Сказала Фанд на прощанье: «Когда бы ты меня ни позвал — яприду».

Вернулся Кухулин в Эмайн Маху и зажил по-прежнему. Но вскоре затосковал он по прекрасной Фанд, позвал ее — и она откликнулась, как обещала. Условились они встретиться ночью на берегу моря.

Узнала о предстоящем свидании жена Кухулина Эмер. Взяла она острый нож из голубой стали, позвала пятьдесят знатных женщин и пошла на берег моря, чтобы убить соперницу, похитившую у нее любовь мужа.

Вот предстала Эмер перед своим мужем и Фанд.

В страхе воскликнула Фанд: «О, Кухулин! Подобна свирепому воину, устремляющемуся в битву, твоя жена. Нож из голубой стали в ее руке!» Кухулин сказал возлюбленной: «Не бойся, не тронет тебя Эмер». Потом сказал жене: «Я не стану силой отнимать у тебя нож. Я отступлю перед тобой, как отступают перед другом, и твоя ярость сама утихнет».

Спросила Эмер: «Ответь мне, Кухулин, почему ты покрыл меня позором, почему предпочел мне другую?» Ответил Кухулин: «Фанд прекрасна, мудра и чиста, происходит из знатного рода, искусна в вышивании и всяком другом рукоделии».

Сказала Эмер: «Женщина, которую ты так хвалишь, ничуть не лучше меня. Но так уж повелось: все яркое — красиво, запретное — сладко, новое — желанно, а привычное — постыло».

«Клянусь, — воскликнул Кухулин, — ты дорога мне не меньше, чем была прежде, и я никогда тебя не покину!» «Увы, — сказала Фанд, — этого-то я и боялась. Не тебя, Эмер, а меня покидает нынче Кухулин. Хотела бы я остаться с ним навсегда, но должна уйти, ибо вижу теперь, что любовь моя к нему безответна. Я возвращаюсь в свою страну. Больше не коснется любимого моя рука, но душа моя будет стремиться к нему вечно!» Тут охватила ее скорбь и печаль, и заплакала Фанд горючими слезами.

Вдруг вспенилась морская гладь — то скакал на своей колеснице повелитель морской стихии, муж прекрасной Фанд — Мананнан. Узнал он, что его жене угрожает соперница, что покидает ее возлюбленный — и поспешил к ней на помощь.

Стыд и раскаянье охватили Фанд и она сказала: «Вот супруг мой Мананнан, прекрасный и благородный всадник, покрытый морскою пеной. Ему нет нужды в деревянной ладье, мудрость его проницает расстоянье, знает он, что происходит вдали от него. Никогда ничем он меня не обидел, и было время, когда я его любила, была ему верной женой. Но хрупка любовь, неисповедимы ее пути. Я разлюбила Мананнана, полюбила другого, но тот, кого я полюбила, нынче принес мне горькое страданье».

Мананнан достиг берега, остановил свою колесницу и сказал: «Привет тебе, Фанд! Решай, последуешь ли ты за мной, или останешься ждать, когда вернется к тебе Кухулин».

Ответила Фанд: «Я последую за тобой, потому что Кухулин никогда ко мне не вернется!» Увидел Кухулин, что удаляется Фанд с Мананном, воскликнул: «Как могло такое случиться?» Рыжий Лойг, его верный возница, сказал: «Фанд удаляется с Мананном, потому что она не полюбилась тебе больше Эмер».

Тогда совершил Кухулин три великих прыжка, умчался в горы и долгое время жил там, не принимая ни пищи, ни питья.

Эмер пошла к королю Конхобару и рассказала ему обо всем, что случилось.

Конхобар послал к Кухулину ведунов и друидов. Кухулин хотел их убить, но они крепко ухватили его за руки и за ноги и стали петь над ним волшебные песни, а потом поднесли ему напиток забвения. Выпил его Кухулин и забыл прекрасную Фанд.

А Мананнан, чтобы не встретились больше Кухулин и Фанд, взмахнул между ними своим плащом.

IV. Похищение быка из Куальнге

Ирландские саги, как правило, невелики по объему и рассчитаны на то, чтобы их можно было рассказать в течение одного вечера.

Исключение составляет сага, известная под названием «Похищение быка из Куальнге». В ее рукописи, относящейся к XII веку, содержится

краткое предисловие, озаглавленное «Как было найдено «Похищение быка из Куальнге». Начинается оно так: «Собрались однажды поэты со всей Ирландии (…), дабы выяснить, знает ли кто-нибудь из них «Похищение быка из Куальнге» целиком. Но сказал каждый из них, что известна ему лишь часть».

Поэты решили отыскать полный текст саги, и один из них, Миурген, оказался в своих странствиях возле могилы одного из участников «Похищения», по имени Фергус. «И тогда явился перед ним Фергус во всем великолепии своем — с каштановыми кудрями, в зеленом плаще, (…) с мечом с золотой рукоятью, в сандалиях с бронзовыми пряжками. Рассказал ему Фергус все «Похищение» целиком, как все случилось тогда, от начала и до конца».

Сага рассказывает о борьбе, которую вели между собой два ирландских королевства Улад и Коннахт за обладание чудесным быком.

Охрана стад была постоянной заботой древних ирландцев. Нередки были случаи угона чужого скота, что приводило к многочисленным и подчас серьезным столкновениям. В саге такое столкновение приобретает эпический характер.

Войско королевства Коннахт возглавляет королева Медб. Женщины-воительницы встречаются в ирландских сагах неоднократно (достаточно вспомнить Скатах, у которой Кухулин обучался военному искусству). Объясняется это тем, что в Ирландии очень долго сохранялись пережитки матриархата, женщины владели собственным имуществом, принимали участие в сражениях. Лишь в 697 году был принят закон об освобождении женщин от воинской повинности.

Как-то раз, ложась спать, король Коннахта Айлиль и его жена королева Медб заспорили, кто из них был богаче до того, как соединили они свои владения.

Айлиль сказал: «Преумножились твои богатства после того, как я взял тебя в жены».

Медб возразила: «И прежде их было немало. Многое, чем ты сейчас владеешь, принесла тебе я, став твоей женой».

Так спорили они немалое время, а потом решили пересчитать все свое добро, чтобы узнать наверняка, кто из них превосходит другого богатством.

Вот принесли им слуги деревянные чаши и железные кубки, кадки и бочки, чаны для мытья, золотые ожерелья, браслеты, кольца, платье разных цветов, а также полосатое и в клетку. Затем пригнали отары овец из загонов, табуны коней с полей и лугов, стада свиней с косогоров и пустошей.

Все осмотрели и сосчитали король с королевой и увидели, что равны их богатства и числом и добротностью.

Но тут с дальних пастбищ пригнали стада коров. И оказалось, что у Айлиля есть бык по имени Финдбеннах, равного которому по мощи и красоте нету в стаде королевы Медб.

Не в радость стало королеве все ее богатство. Разослала она гонцов по всей Ирландии, чтобы нашли для нее быка не хуже Финдбеннаха.

Отыскался такой бык в королевстве уладов, в краю Куальнге. Звали его Донн Куальнге, то есть Бурый из Куальнге.

Так велик был Донн Куальнге, что сотня воинов могла укрыться в его тени. Пятьдесят телок покрывал он каждый день — и уже через сутки каждая приносила по теленку. А когда вечерами мычал Донн Куальнге у своего сарая, то всякий человек и на севере и на юге, на западе и на востоке мог наслаждаться его звучным мычанием.

Решила королева Медб похитить быка у уладов. Собрала она большое войско. Были в нем воины не только из Коннахта, но и из трех других королевств Ирландии — из Мунстера, Лейнстера и Миде.

Выступили в поход войска четырех королевств, чтобы помочь королеве Медб завладеть Донном Куальнге.

Ранним утром подошли они к границе Улада и остановились у реки возле брода. Ночью выпало невиданно много снега, кони проваливались в снег по грудь, пешие воины — по самые плечи.

На другом берегу поджидал врагов Кухулин. Стоял он один, не было с ним никого, кроме верного возницы рыжеволосого Лойга. В одиночку собрался Кухулин защищать границы Улада.

Тут надо рассказать, почему случилось так, что был он один.

В давние времена жил улад по имени Крунху. Жена его умерла, и некому было заботиться об его хозяйстве.

Однажды в дом Крунху вошла женщина, которой он никогда прежде не видел. Прекрасно было ее лицо, строен стан, богата одежда. Ни слова не сказав, развела она огонь в очаге, замесила квашню, испекла хлеб. Целый день хлопотала она по хозяйству, и все, что ни делала — делала хорошо. Вечером женщина взяла ведро, подоила коров, а когда пришло время ложиться спать, погасила огонь и легла под плащ к Крунху.

Так стала красавица его женой. Звали ее Махой, и была она не простой женщиной, а сидой.

Хорошо жили Крунху и Маха. Ни в чем не знали они недостатка, само собой преумножалось их богатство, в доме было тепло и чисто. Но Маха предупредила мужа, чтобы он никому о ней не рассказывал, не хвастался тем, что во многом она превосходит обычных людей.

Раз захотелось Крунху пойти на праздник начала зимы, что каждый год справляли улады на широкой равнине. Стала Маха его отговаривать: «Не ходи. Ведь не сможешь ты удержаться — и расскажешь кому-нибудь обо мне!» Но Крунху обещал молчать и пошел на праздник.

Много собралось там народу, было весело и шумно. Воины состязались в стрельбе из лука, в метанье копья и поднятии тяжестей.

Под конец устроили состязание в беге на колесницах. Принял в нем участие и сам король. Королевская колесница, запряженная белыми конями, пришла первой, и все закричали: «Нет ничего во всей Ирландии быстрее этих коней!» И тут Крунху сказал: «Моя жена может бежать быстрее, чем эти кони».

Услышал его слова король, велел привести жену Крунху — пусть она докажет, что ее муж говорит правду.

Привели Маху, и приказал ей король бежать наперегонки с егоконями.

Стала Маха просить короля: «Дайте мне отсрочку, ибо я на сносях и близки мои родовые муки».

Но король сказал: «Раз ты отказываешься бежать, значит твой муж солгал — и надлежит его казнить».

Тогда сказала Маха: «Приходится мне согласиться. Но знайте: навлекаете вы на себя беду, обходясь со мною так жестоко!» Велела она пустить вскачь королевских коней, и сама побежала вровень с ними. В конце бега кони отстали, а Маха, добежав, упала на землю и в муках произвела на свет двух близнецов — сына и дочь.

И сказала Маха королю и всем уладам: «Отныне каждый раз, как станут угрожать Уладу враги, все его мужчины будут испытывать муки, подобные мукам рожающей женщины. И так будет девять поколений».

Исполнилось то, что сказала Маха. Тяжким грузом легло на уладов ее проклятье. С той поры в часы опасности настигал уладов жестокий недуг. И лишь Кухулин, рожденный от бога, оказался ему неподвластен.

Потому-то и вышел он один, а не вместе со всеми уладами, сражаться с войском четырех королевств.

Вот стоят враги на одном берегу, Кухулин — на другом. Итак велик был его воинственный пыл, что снег растаял на тридцать шагов вокруг него. Громко закричал Кухулин, призывая противников помериться с ним силой.

Но воинов четырех королевств охватила робость и каждый из них сказал: «Не я первым пойду на бой с Кухулином, ибо нелегко справиться с ним».

Так прошел день. Когда наступил вечер, войско четырех королевств стало устраиваться на ночлег. Раскинули шатры, развели огонь, сварили себе еду, поужинали и легли спать.

Разгневался Кухулин, схватил пращу и стал метать через реку камни, чтобы разбудить врагов. От этих камней погибло сто воинов.

И продолжалось так не один день и не одну ночь.

Сказала королева Медб: «Ненадолго хватит нашего войска, если каждую ночь станет Кухулин убивать по сотне воинов». И решила она заключить с Кухулином уговор. Пообещала ему молочных коров и красивых невольниц, если укротит он свою пращу и не станет убивать спящих.

Ответил Кухулин: «Не надо мне ни коров, ни невольниц. Пусть лучше каждый день выходит кто-нибудь из ваших воинов, чтобы сразиться со мной один на один. Тогда не придется мне убивать их ночью спящими».

Сказала Медб своему войску: «Лучше терять по одному воину в день, чем по сотне каждую ночь».

Наступило утро. Вышел первый воин на единоборство. Двумя ударами разрубил Кухулин врага натрое: от макушки до пояса, а потом — поперек.

Так началась война Кухулина и войска четырех королевств.

Каждый день вставал Кухулин рано утром и быстро, словно кошка, бегущая к сметане, проделывал все боевые приемы, чтобы не забыть, не растерять их, а потом сражался с одним из вражеских воинов — и всегда побеждал.

Не могли враги перейти границу Улада, по-прежнему далек был от них бык Донн Куальнге.

И никогда бы они его не похитили, если бы не помогла им злая сида по имени Морриган. Она была колдуньей и не любила Кухулина. Отправилась Морриган в Куальнге, села на камень и сказала быку:

«Послушай, Донн Куальнге, скоро придет сюда войско четырех королевств, чтобы увести тебя с собой. Уходи отсюда подальше, чтобы они тебя не нашли».

Пошел бык, да только не в глубь страны, а прямо к границе. Тут захватили его враги и угнали в свой лагерь.

Не уберег Кухулин Донна Куальнге! За всю жизнь не было у него большего горя и бесчестья.

А королеве Медб показалось мало, что похитила она Донна Куальнге, захотелось ей угнать и другую скотину уладов. Поэтому ее войско продолжало стоять у брода, и каждый день высылала она по воину против Кухулина.

Однажды сражался с Кухулиным воин по имени Лох. Был он так храбр и силен, что даже Кухулину оказалось нелегко его одолеть. К тому же вмешалась в бой Морриган — злая сида. Обернулась она скользким черным угрем, обвилась вокруг ног Кухулина. Пока он пытался освободиться. Лох нанес ему удар в грудь. Морриган превратилась в рыжую волчицу, вцепилась в Кухулина зубами. В то время, как Кухулин отрывал ее от себя, снова ранил его Лох.

Но все же Кухулин победил противника, хоть и дважды раненый, поразил Лоха в самое сердце.

Попросил его Лох о последней милости: «Прошу тебя, Кухулин, отступи на шаг, чтобы мог я упасть головой на восток, куда мы стремимся, а не на запад, откуда пришли».

«Воистину, — сказал Кухулин, — это — желание воина». Он отступил на шаг. Лох упал головой к востоку и умер.

Был у Кухулина среди воинов четырех королевств друг, звали его Фер Диад. Некогда оба они обучались у воительницы Скатах боевому искусству и тогда совершили обряд побратимства.

И вот пришел черед Фера Диада выйти на бой с Кухулином. Фер Диад хотел отказаться, говоря, что не может сражаться с названым братом.

Стала королева Медб его уговаривать. Посулила ему колесницу стоимостью четырежды семь невольниц, цветную одежду, землю на плодородной равнине, освобождение ему самому и его потомству от всех податей и повинностей на вечные времена, а еще — свою дочь красавицу Финдабайр в жены.

Прельстился Фер Диад посулами Медб — и вышел сразиться с Кухулином.

Вот приготовились они кбою.

Сказал Кухулин: «Негоже нам биться друг с другом, когда столько раз бились мы вместе».

Ответил Фер Диад: «Увы, обещал я сразиться с тобой, и бесчестно было бы мне отказаться от боя».

Сошлись два героя в жестокой схватке. Силой и храбростью Фер Диад почти не уступал Кухулину, почти равен был ему воинскимискусством.

Страшные раны наносили они друг другу. Птицы, что слетаются на тела убитых, уже кружились над ними, ожидая, что вот-вот один из бойцов упадет и станет их добычей.

Так сражались они от рассвета до вечера. Когда стемнело, герои прекратили бой, обнялись, трижды поцеловались и разошлись по разные

стороны брода, чтобы назавтра снова начать сражаться.

Ночь их кони провели в одном загоне, возницы — у одного костра.

Пришел к Кухулину знахарь из ближней деревни, принес целебные травы, стал творить заклинания, чтобы остановить кровь, бегущую из ран, облегчить боль, терзающую тело.

Кухулин велел половину целебных трав отнести на ту сторону брода Феру Диаду.

А Фер Диад отправил Кухулину половину яств и напитков, что прислала ему королева Медб.

Наутро снова сошлись они в поединке. Отважно было нападение, искусна была защита, и ни один не мог одолеть другого. К вечеру измучились их кони, изнемогли возницы, устали и сами герои. Снова обнялись они, трижды поцеловались — и разошлись до утра.

Утром увидел Кухулин, что лицо побратима бледно, взгляд его потускнел, не блестят, как прежде, его волосы.

Опечалился Кухулин и сказал: «О Фер Диад! Вижу, что нынче обречен ты на смерть».

Ответил Фер Диад: «О брат мой милый! Знать, суждено, чтобы тебе достались победа и слава, а я ушел под землю, на свое последнее ложе».

Стали они готовиться к сраженью. Кухулин сказал своему возничему рыжеволосому Лойгу: «Если сегодня я начну уступать противнику, то брани и срами меня, чтобы усилилась моя ярость. А если буду побеждать, то хвали меня и прославляй, чтобы укрепилось мое мужество».

Вот сошлись герои для последнего боя. Взмахнул Кухулин мечом, чтобы срубить голову Феру Диаду, но тот отразил удар, да так, что Кухулин отлетел на середину брода. Закричал Лойг: «Стыд и срам тебе, Кухулин! Фер Диад побил тебя, как нянька непослушного ребенка, бросил в воду, как грязную чашку в лохань, обрушился на тебя, как ястреб на глупого цыпленка!» Распалился яростью Кухулин от такого поношения, быстрее ветра, стремительней ласточки бросился на Фера Диада.

Так яростно сошлись бойцы, что треснули их щиты, погнулись копья, а духи и демоны, что были изображены на их оружии, испустили громкий крик. Испугались этого крика кони в лагере четырех королевств, обезумев, сорвались с привязи и помчались прочь, топча все и всех на своем пути.

Нанес Кухулин последний могучий удар. Упал Фер Диад на землю и сказал, умиряя: «Тобой, о, Кухулин, сражен я насмерть!» Кухулин отбросил оружие, встал на колени рядом с телом друга, и от горя свет помутился в его глазах. Стал Кухулин оплакивать Фера Диада: «О, Фер Диад, брат мой любимый! Горькой была наша последняя встреча. Лучше бы ты отрубил мне ногу или руку, но остался бы жив. Теперь нет со мною моего брата, и вечной будет наша разлука!» Тут закричал рыжеволосый Лойг: «Поднимайся, Кухулин! Сто воинов четырех королевств идут на тебя, чтобы отомстить за смерть Фера Диада. Это уже не будет поединком: нападут они на тебя всем скопом!» Так нарушила уговор королева Медб. С того дня стала она высылать против Кухулина по сотне воинов сразу. И бился Кухулин каждый день от восхода солнца до заката, а по ночам спал, склонив голову на кулак, в котором сжимал копье, и положив меч на колено.

Тяжко страдал Кухулин от ран, что нанес ему Фер Диад, и на исходе были его силы.

Охватила его великая грусть, оттого что сражается он в одиночку и никто не придет ему на подмогу. Сложил Кухулин такую песню:

«Стекает кровь с моего копья.
От ран жестоко страдаю я
Не спешат мои друга ринуться в бой.
Верен мне только возница мой. (…)
Хороша пословица, хоть и стара:
Из одного полена не разжечь костра. (…)
Я один у брода, от войска вдали,
На самом краю Великой Земли…»

(Перевод С. Шкунаева)

Вдруг показались вдали колесницы. То спешили к Кухулину трижды пятьдесят юношей из Эмайн Махи. Были они так юны, что еще не могли называться мужчинами, и поэтому были неподвластны недугу уладов.

Вступили юноши в бой с врагами и многих побили, но сами полегли все до единого.

«Увы! — воскликнул Кухулин. — Кабы не страдал я от ран и были бы прежними мои силы, не дал бы я погибнуть юношам Эмайн Махи. Теперь же остается мне только отомстить за их смерть!» Велел Кухулин рыжеволосому Лойгу запрячь колесницу — и устремился на врагов. От великой ярости облик Кухулина исказился и стал ужасен: все его кости, все суставы и сухожилия пришли в движение, мышцы вздулись буфами, волосы встали дыбом и превратились в железные острия. Один глаз ушел в глазницу так глубоко, что и журавль не смог бы его достать, а второй выкатился наружу и стал размером с котел, в котором можно сварить теленка.

Стук его сердца был подобен рычанию льва, молнии сверкали вокруг лба, а над макушкой поднимался столб багрового дыма, словно над крышей дома, в котором зимним вечером остановился король.

Ринулся Кухулин разить врагов. Сражался он весь день и всю ночь, и никто не смог бы сосчитать, сколько воинов пало в том бою от его руки.

А утром вернулся к нему его прежний, приятный облик.

В войске четырех королевств было много женщин и девушек, поскольку многих воинов сопровождали их жены и дочери.

Кухулин захотел показать им, что он снова обрел свое приятное обличье, ибо вряд ли кому из них пришелся по нраву тот страшный образ, который он принял в бою.

Облачился Кухулин в шелковую рубаху и пурпурный плащ, падающий пятью складками и украшенный бахромой. Его глаза сияли, как драгоценные камни, волосы, черные у корней, красные посредине, золотые на концах, лежали кольцами. Сел Кухулин в свою колесницу и проехался перед вражеским войском — туда и обратно.

Женщины четырех королевств любовались его красотой и просили своих мужей и отцов посадить их на щиты и поднять повыше, чтобы могли

они лучше видеть Кухулина.

Тем временем кончился срок заклятья — и отпустил уладов их недуг, восстали они с одра болезни. Король Конхобар собрал войско и во главе его двинулся к границе Улада, на помощь Кухулину.

Услышала королева Медб шум и грохот, будто рухнули небеса на землю, или море со всеми рыбами хлынуло на сушу, или раскололась мировая твердь. То скакало войско уладов, и земля содрогалась под копытами коней.

Затем увидела королева Медб вдали клубы тумана, сквозь который виднелись холмы и утесы, чернели глубокие пещеры. Был тот туман дыханьем уладских воинов и их коней, холмы и утесы — шлемами на их головах, пещеры — ртами, раскрытыми в воинственном кличе.

И вот вступило войско уладов в бой с войском четырех королевств.

Но Кухулина улады не пустили в битву, его связали ремнями, сказав, что покрытый тяжкими ранами, он не сможет устоять против врагов.

Лежит Кухулин, распростертый на ложе, и с криком рвется в сраженье. Рядом с ним сидит его верный Лойг.

Спросил Кухулин: «Кто начал битву, друг мой Лойг?» Лойг ответил: «Самые молодые улады».

«И как они бьются?» «Храбро, о, Кухулин».

«Горе мне, — воскликнул Кухулин, — что я не с ними!» Некоторое время спустя, он спросил: «А кто теперь идет в бой?» Ответил Лойг: «Опытные воины. Вышли они из своих шатров, и те, у кого выход был обращен к востоку, прошли прямо сквозь шатер на запад, чтобы не мешкать, обходя его».

«Увы! — воскликнул Кухулин. — Нет у меня сегодня сил, чтобы быть среди них».

Меж тем улады и воины четырех королевств рубили, кололи, резали, убивали и крушили друг друга, и делалось это уже долгое время. Сама королева Медб взялась за оружие и ввязалась в бой против уладов.

Сказали улады: «Мы ни на шаг не отступим перед врагом, пока небеса у нас над головой, земля под ногами и море вокруг!» Вот в самом центре сражения враги стали теснить короля Конхобара. Услышал Кухулин, как звенит щит короля под ударами вражеских мечей, и воскликнул: «Неужели кто-то посмел нанести удар по щиту моего короля, пока я жив!» Разорвал Кухулин свои путы, поднялся с ложа. Не было у него никакого оружия, лишь стояла неподалеку колесница. Кухулин взвалил ее на плечи, устремился в гущу сражения и стал разить врагов, нанося удары колесницей направо и налево. К вечерней заре в руках у него остался лишь пучок спиц от колеса да несколько жердей от бортов, но и тогда он продолжал сражаться.

Дрогнуло войско четырех королевств — и обратилось в бегство.

Меж тем королева Медб поспешила отправить под хорошей охраной Донна Куальнге в свою столицу Круахан.

Трижды взревел Донн Куальнге, оказавшись в незнакомом краю. Грозным ревом ответил ему Финдбеннах — бык из стада короля Айлиля.

Сцепились два быка в яростной схватке. Глаза их горели огнем, щеки и ноздри раздувались, как кузнечные мехи, комья земли летели из-под копыт выше загривков. Велика была мощь и ярость Финдбеннаха, но

все же Донн Куальнге поднял его на рога и бездыханного швырнул на землю.

Никто не посмел приблизиться к разъяренному быку, Донн Куальнге повернулся — и пошел обратно в Улад.

Но был он истомлен долгим путем, измучен жестокой схваткой. Едва увидел Донн Куальнге родную землю, сердце его раскололось, как орех, и он упал замертво.

Так заканчивается сага «Похищение быка из Куальнге».

V. Смерть Кухулина

Королева Медб не могла смириться с поражением и решила: раз нельзя одолеть Кухулина силой, надо погубить его колдовством и обманом.

Снова собрала она войско, а во главе его поставила трех чародеев. Были они сыновьями Калатина, которого некогда убил Кухулин, и ненавидели героя лютой ненавистью. После гибели отца они принесли в жертву по одному своему глазу и по одной руке — и обрели дар чародейства.

Войско королевы Медб подошло к столице уладов так близки, что во дворце короля Конхобара было слышно, как бряцает оружие врагов. Черной тучей поднимался дым от сожженных ими селений.

А уладов опять поразил их тяжкий недуг-заклятье, и снова пришлось Кухулину идти на врагов в одиночку.

Стал он снаряжаться в бой. Надел боевые доспехи, накинул алый плащ, взял золотую пряжку, чтобы застегнуть плащ на плече, но пряжка выпала у него из рук и до крови поранила ему ногу. Сказал Кухулин: «Недобрый это знак. Верно, суждено мне нынче погибнуть».

Тут пришел возница Кухулина рыжеволосый Лойн и сказал: «Заупрямился твой любимый конь, прославленный Серый. Не дает запрячь себя в колесницу».

Кухулин пошел на конюшню, сказал коню: «Не в твоем обычае, Серый, не слушаться моего возницу».

Из глаз коня скатились две слезы, упали под копыта. Повернулся конь к хозяину левым боком — а это тоже был недобрый знак, но позволил запрячь себя в колесницу.

Улады прослышали, что Кухулину были зловещие предзнаменования. Зарыдали трижды пятьдесят женщин Эмайн Махи, стали просить Кухулина, чтобы не покидал он города, не шел на верную смерть.

Лойг посоветовал Кухулину послушаться женщин, но Кухулин сказал: «Вознице подобает править конями, женщинам — сетовать, воину — защищать свой народ». Выехал он за ворота Эмайн Махи и устремился к равнине, где ждали его враги.

По пути увидел он трех старух. Старухи были ведьмами, и подослала их королева Медб. Ведьмы сидели вокруг костра и жарили на рябиновых прутьях песье мясо, приправляя его ядовитыми травами и сдабривая заклинаниями.

Старухи позвали Кухулина: «Присядь, герой, к нашему огню, отведай нашего угощения».

Кухулин ответил: «Не могу, ибо зовут меня Кухулин — Пес Кулана, и я дал зарок не есть песьего мяса».

Но старухи сказали: «Ты гнушаешься нашей бедностью, недостойно это героя».

Устыдился Кухулин, присел к костру. Взял левой рукой песью лопатку, обглодал с нее мясо — и тут же левая его рука утратила прежнюю силу, а ведь левой рукой воин в бою держит щит.

Подъехал Кухулин к полю боя, увидел многочисленные вражеские колесницы, реющие знамена, сверкающее оружие и сказал: «Увы! Этот бой будет для меня последним».

Кухулин на своей колеснице врезался во вражеское войско. То мечом, то копьем без промаха разит он врагов. Сколько в море песчинок, в небе звезд, весной росы, зимой снежных хлопьев — столько воинов полегло от его руки.

Но вот предстал перед Кухулином не воин, а заклинатель. Он сказал: «Отдай, Кухулин, мне свое копье».

А было всем известно, что Кухулин никогда не отказывает просящему. Однако на этот раз Кухулин сказал: «Клянусь, сейчас мне копье нужнее, чем тебе. Враги нападают на меня — и я сражаюсь с ними».

Но заклинатель сказал: «Если не отдашь мне копья, я сложу песню тебе в поношенье — и великий позор падет на тебя!» Воскликнул Кухулин: «Никогда еще не бывал я опозорен за скупость! Возьми!» Он метнул копье древком вперед. Полетело оно с такой силой, что насквозь пронзило заклинателя и еще девять воинов, что стояли за его спиной.

Копье Кухулина поднял воин по имени Лутайд и спросил у трех одноглазых и одноруких чародеев, возглавлявших войско: «Кому принесет смерть это копье?» Чародеи ответили: «Королю».

Лугайд удивился, ибо намеревался он поразить копьем Кухулина, а тот не был королем. Все же метнул он копье в Кухулина, но попало оно не в героя, а в его возницу — верного Лойга.

Лойг сказал: «Я получил смертельную рану». Простился с ним Кухулин, выдернул из раны копье — и Лойг умер.

Тогда Кухулин сказал: «Буду я сегодня и воином и возницей».

Но тут появился перед ним другой заклинатель и сказал: «Отдай мне свое копье».

Кухулин ответил: «Я уже отдал его сегодня, и никто не может меня упрекнуть, что я отказал просящему».

Заклинатель сказал: «Я сложу песню в поношение всем уладам — и позор падет на твой народ».

Воскликнул Кухулин: «Не подвергнется Улад бесчестью из-за меня!» Как и в первый раз, метнул он копье древком вперед, поразило копье заклинателя и еще девять воинов.

Копье поднял воин по имени Эрк. Он спросил у чародеев: «Почему в прошлый раз копье поразило возницу, хотя вы сказали, что оно принесет смерть королю?» Ответили чародеи: «Лойг был королем среди возниц, не было ему равных».

Эрк метнул копье в Кухулина, но попал в одного из его коней, в Серого, которого Кухулин любил, как друга.

Простились конь и хозяин, и Кухулин сказал: «Сегодня я буду сражаться на колеснице об одном коне».

Он уперся ногою в дышло и снова стал крушить врагов.

Но уже поджидал его третий заклинатель с угрозой: «Если не отдашь мне копье, Кухулин, я сложу песню, которая принесет позор твоему роду».

Кухулин сказал: «Пусть я погибну, но не стану причиной позора моих родичей».

В третий раз метнул он копье древком вперед, поразив заклинателя и девятерых воинов.

Снова завладели враги копьем Кухулина. Сказали чародеи: «В первый раз копье поразило короля возниц, во второй — короля коней. В третий раз поразит оно короля героев».

Просвистело копье в воздухе — и вонзилось Кухулину в грудь!

Окружили его враги. Сказал Кухулин: «Хотелось бы мне перед смертью добраться до озера и испить из него воды».

Враги сказали: «Не станем противиться этому».

«Идите следом за мной, — сказал Кухулин, — ибо уже не смогу я вернуться».

Зажимая рукой смертельную рану, пошел Кухулин к озеру и в последний раз испил холодной воды. Потом встал у высокого камня и привязал себя к нему поясом, потому что хотел умереть стоя.

Издали смотрели враги на героя.

С неба слетели птицы, сели ему на плечи — и Кухулин испустил дух.

56. ДЕЯНИЯ БРИТТА

Рассказ о деяниях Бритта, легендарного основателя королевства Британии, содержится в двух средневековых исторических книгах: «Истории бриттов» Ненния, написанной в IX веке, и «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, написанной в XII веке.

Как и все средневековые историки, Ненний и Гальфрид Монмутский широко пользовались в качестве источников устными народными преданиями.

Ненний в предисловии к своей «Истории» пишет: «Я, Ненний, ученик Эльводуга, постарался записать некоторые известия, (…) ибо (…) ученые мужи нашего острова не оставили в своих книгах ни малейшего упоминания о происходившем на нем. Я же собрал все, что нашел, как из анналов римлян, так и из сочинений святых отцов (…), а также из изустного предания наших предков, о чем уже пытались, но безуспешно, написать многие ученые мужи и хранители книг; не знаю, какие препятствия помешали им в этом, то ли бесконечно частые моровые поветрия, толи бедствия бесчисленных войн».

Легендарного основателя Британии — Бритта — и Ненний, и Гальфрид Монмутский называют правнуком Энея — столь же легендарного основателя Римского государства.

С I по V века Британия находилась под властью Римской империи. Имена римлян, как исторических деятелей, так и легендарных персонажей, встречаются в британских сказаниях. Британские историки, возводя происхождение римлян и бриттов к одному предку, хотели подчеркнуть, что древние бритты не менее значительный народ, чем древние римляне.

Еще до рождения Бритта прорицатели предсказали, что ему суждено убить своих отца и мать, но затем, обойдя изгнанником многие земли, достичь великой славы.

В отличие от большинства сказаний, содержащих подобный сюжет, прорицателям никто не поверил, но вскоре исполнилась первая часть предсказания: его мать умерла родами, а несколько лет спустя подросший Бритт, «играя с другими детьми, не намеренно, а случайно убил стрелою своего отца и, изгнанный из Италии, стал скитальцем».

О главном деянии Бритта — основании Британии — Ненний сообщает очень кратко: «Позднее он прибыл на этот остров, получивший название от его имени, то есть на остров Британию, заселил его своим семенеми там обитал. С того дня и посейчас Британия обитаема».

Гальфрид Монмутский в отличие от Ненния, разворачивает рассказ об основании Британии в пространное и красочное повествование Судьба привела изгнанного Бритта в Грецию, где томились в рабстве потомки троянцев, захваченных греками после их победы в Троянской войне. Поскольку прадед Бритта, Эней, был троянцем, Бритт решил остаться среди своих единоплеменников и разделить их участь.

«Был он между мудрыми мудр, между воинственными воинствен», и вскоре троянцы избрали его своим вождем, «умоляя, чтобы он возглавил их в борьбе за избавление от рабства».

Бритт и семь тысяч троянцев, не считая женщин и малых детей, укрылись на поросших лесом горных склонах и начали войну с греческим царем Пандрасом.

Прежде чем приступить к военным действиям, Бритт отправил Пандрасу послание, в котором именовал себя «вождем последних уцелевших троянцев» и писал, что его народ укрылся в лесной глуши и предпочитает «кормиться подобно зверям мясом и травами, наслаждаясь свободой, чем, ублажая себя всевозможными яствами, оставаться и впредь порабощенными тобою».

Восставшие троянцы победили, и Бритт лично захватил в плен греческого царя. Устрашенный Пандрас предложил троянцам треть своего царства «для заселения», но троянцы не пожелали остаться в Греции и, взяв с Пандраса выкуп золотом и зерном, погрузились на триста четырнадцать кораблей и отправились в плаванье, чтобы найти землю, где они могли бы поселиться.

При попутном ветре, не менявшем направления два дня и одну ночь, корабли Бритта подошли к пустынному острову. В давние времена он был разорен морскими разбойниками, и с тех пор на нем никто не селился.

Триста человек отправились в глубь острова на разведку. Через три дня они вернулись, нагруженные добытой ими дичью, и рассказали, что остров безлюден, покрыт густыми лесами, а в середине его стоит покинутый город и храм, посвященный богине Диане, с ее изваянием.

Бритт взял с собой двенадцать из своих спутников, старейших по возрасту, и мудрого прорицателя Гериона и пошел к храму богини, чтобы принести ей жертву.

Он заколол белоснежную оленуху, наполнил ее кровью священную чашу и, подняв лицо к изваянию богини, вопросил:

Дебрей богиня лесных, вепрей дубравных погибель,
Коей открыты пути в темных просторах небес,
В безднах подземных миров!
Открой нам судьбы изволенье:
В землях каких обитать ныне ты нам повелишь?

(ПереводА С. Бобовича)

Повторив эти слова девять раз, он четырежды обошел вокруг алтаря, выплеснул кровь из чаши в огонь и лег перед алтарем на шкуре жертвенной оленухи. Вскоре на него снизошел сон и во сне явилась богиня Диана. Она сказала:

Там, где солнца закат, о Бритт, за царствами галлов,

Средь океана лежит остров, водой окружен. (…)
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши — и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.

Пробудившись, Бритт вернулся к кораблям и рассказал товарищам о видении, которое ему было. Все они возликовали и, подняв паруса, не мешкая, устремились на закат солнца, в поисках острова, обещанного богиней.

После долгого пути и многих приключений, Бритт и его спутники оказались на острове, который римляне называли Альбионом.

На острове жили злобные и воинственные великаны. «Тем не менее, — пишет Гальфрид Монмутский, — его чарующие глаз человеческий дивные земли, обилие рек, богатых рыбой, его нетронутые леса внушили как самому Бритту, так и его спутникам, страстное желание поселиться на нем».

Оттеснив великанов в горы, Бритт и его товарищи построили для себя жилища, возделали поля, так что через короткое время остров стал казаться обитаемым испокон века.

По имени Бритта он стал называться Британией, и населивший его народ — бриттами.

На высоком холме Бритт основал город и дал ему имя Новая Троя. Со временем это название забылось, и город стали называть Лондон, что значит «крепость на холме».

57. КОРОЛЬ ЛИР

Король Лир достойно и мудро правил Британией шестьдесят лет.

Бог не дал королю сына, а было у него три дочери — Гонорилья, Регау и Кордейла. Король Лир любил всех своих дочерей, но младшую, Кордейлу, сильнее, чем двух других.

Чувствуя, что близится его старость, король Лир решил поскорее выдать замуж дочерей и еще при жизни своей отдать им с мужьями во владение половину своего королевства.

Но прежде он захотел увериться в любви и преданности своих дочерей Король призвал их к себе и спросил всех трех: «Скажите, сколь велика ваша любовь ко мне?» Старшая, Гонорилья, ответила: «О, мой отец! Я люблю вас превыше всего, что есть в подлунном мире!» — и поклялась в правдивости своих слов всеми богами Регау сказала. «Я люблю вас, отец мой, сильнее, чем собственную душу!» А Кордейла ответила так: «Ни одна дочь, если она не хочет солгать, не станет утверждать, что любит отца больше того, чем подобает дочери любить отца. Моя любовь к вам истинно такова».

Лир остался доволен словами старших дочерей, а ответ Кордейлы опечалил его и разгневал.

Король сказал: «Не велика же твоя любовь в сравнении с любовью твоих сестер! Ты выказала ко мне равнодушие, и я отвечу тебе тем же. Гонорилье и Регау я отдам половину своего королевства, а ты не получишь от него ни малой частицы. Поскольку ты все же моя дочь, я и тебе найду мужа, но не надейся выйти замуж с таким же почетом, как старшие сестры». Вскоре Гонорилья и Регау вступили в браке двумя знатными юношами. Король Лир разделил между ними полкоролевства, сказав, что после его смерти они получат и вторую половину.

А к Кордейле прислал сватов король франков Аганипп, прослышавший о ее красоте, рассудительности и добром нраве.

Король Лир велел передать жениху, что отдаст за него Кордейлу, но без всякого приданого, поскольку щедро наделил землей, золотом и серебром ее старших сестер.

На что Аганипп ответил: «У меня нет недостатка в землях, золоте и серебре. Я ищу лишь хорошую жену».

Кордейла отбыла в землю франков и стала там королевой. Прошло время, и король Лир совсем одряхлел. Гонорилья и Регау льстивыми речами убедили его передать им и их мужьям всю Британию, а самому на покое доживать свой век в доме любой из них.

Старый король со свитой из сорока верных воинов поселился у Гонорильи. Ее муж, Маглаун, оказывал тестю почет и уважение. Но через два года Гонорилья решила, что сорок воинов требуют слишком больших расходов, и сказала отцу: «Отпустите половину, довольно с вас и двадцати».

Оскорбленный отец покинул дом старшей дочери и направился к средней. Регау и ее муж Хенвин встретили Лира с должным почтением, но не прошло и года, как средняя дочь потребовала, чтобы отец отказался от тридцати пяти воинов и оставил лишь пятерых.

Тогда король Лир вернулся к Гонорилье. Она приняла отца, но на этот раз разрешила ему держать лишь одного оруженосца, напомнив Лиру, что теперь он ничего не имеет и будет жить у нее из милости.

Лиру пришлось смириться. Все чаще вспоминал он о младшей дочери, но не решался обратиться к ней за помощью, полагая, что раз уж старшие сестры, которых он одарил властью и богатством, так поступают с ним, то Кордейла, выданная замуж без приданного и подобающего почета, и слышать не захочет о бедственном положении отца.

Но вскоре жить в доме Гонорильи ему стало совсем невмоготу, и он решился попытать счастья у Кордейлы.

Старый Лир со своим оруженосцем сел на корабль и поплыл к земле франков На корабле было немало знатных людей, и все они отнеслись к королю, лишенному королевства, с откровенным презрением.

Видя это, горько зарыдал старый Лир и воскликнул, обращаясь к небесам: «О, неумолимое небо! Зачем даровало ты мне непрочное счастье, а затем отняло его? Я вспоминаю, как некогда во главе многих тысяч воинов сокрушал вражеские армии и штурмовал города, как управлял государством и все прославляли меня. Теперь же я впал в ничтожество, и память о былом могуществе не радует, а удручает меня».

И еще сказал старый король: «Увы мне! Мои старшие дочери любили не меня, а те дары, которые от меня ожидали. Теперь мне нечего им дать, и их любовь иссякла».

Корабль причалил к берегу, король Лир ступил на землю франков. Ему было стыдно показаться на глаза дочери, которую он некогда несправедливо обидел, и Лир послал к Кордейле своего оруженосца с известием, что ее отец, нищий и бесприютный, ждет за городом и взывает к ее милосердию.

Кордейла, выслушав оруженосца, горько заплакала и велела придворным препроводить отца в ближайший замок, омыть, накормить и напоить, нарядить в богатые одежды и предоставить в его распоряжение свиту из сорока человек, а затем, когда он отдохнет и приобретет вид, подобающий королю, объявить ее супругу Аганиппу о прибытии тестя.

И вот король Лир в пышной одежде, в сопровождении блестящей свиты предстал перед Кордейлой и королем франков. Он поведал, как вероломные дочери коварно лишили его власти, но попросил у Аганиппа не приюта, а поддержки, чтобы вернуть свое королевство.

Аганипп разослал гонцов по всей земле франков, чтобы собрать хорошо вооруженных воинов, и вскоре король Лир на нескольких кораблях переправился в Британии и встал во главе сильного войска.

Произошло сражение. Лир разбил войска, посланные против него вероломными дочерьми, и вернул себе утраченную власть.

Вскоре Кордейла овдовела и, покинув землю франков, поселилась в Британии вместе с отцом.

Старый Лир прожил еще три года, а затем скончался, завещав королевство младшей дочери.

Кордейла стала королевой Британии. Пять лет управляла она государством, и все эти годы в стране царили мир и благоденствие.

Но за это время подросли сыновья Гонорильи и Регау, племянники Кордейлы, внуки короля Лира. Досадуя, что власть, которая могла бы принадлежать им, принадлежит их тетке, они восстали и начали войну с королевой. В одном из сражений Кордейла была захвачена в плен. Не в силах смириться с поражением, она лишила себя жизни.

Племянники разделили королевство между собой, но затем старший убил младшего и стал единовластным правителем Британии.

Сказание о короле Лире и трех его дочерях в настоящее время известно, главным образом, по трагедии Шекспира. Шекспир заимствовал сюжет «КорольЛира» из «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Но если в большинстве случаев Гальфрид Монмутский основывался на

народных преданиях, то история Лира, по мнению многих исследователей, является его собственным вымыслом. Тем не менее в дальнейшем этот сюжет воспринимался как народное сказание.

Кроме «Истории бриттов» король Лир упоминается в британском эпическом сказании, записанном в XVI веке, в котором Лир с помощью своего брата-волшебника избавляет Британию от «Трех Погибелей»: от нашествия странных существ, наделенных магической силой, от страшного крика, убивающего всякого, кто его слышал, и от таинственного исчезновения еды и питья.

В конце этого сказания кратко пересказывается сюжет Гальфрида Монмутского и добавляется: «Это лишь сказка, сочиненная многие века спустя после правления короля Лира».

Иногда легендарного короля Лира отождествляют с реальным королем, носившим то же имя, который правил Британией в I веке до н. э., но о нем ничего, кроме имени, не известно.

58. МЕРЛИН

Мерлин — герой британских сказаний, волшебник и прорицатель. Его историческим прототипом считается поэт Мирддин, живший в VI веке.

В британских сказаниях говорится, что Мерлин был рожден от земной женщины и духа. О природе этого духа рассказывали по-разному.

Одни утверждали, что это был сам дьявол. Он воспылал страстью к некоей добродетельной девушке и решил ее соблазнить. Однако девушка была настолько безгрешна и благочестива, что враг рода человеческого не мог к ней даже приблизиться. У девушки была старшая сестра, в отличие от нее распутная и нечестивая. Однажды старшая сестра явилась пьяной к младшей и стала непристойно ее оскорблять. Девушка, несмотря на всю свою кротость, разгневалась и прогнала сестру. А поскольку гнев — один из смертных грехов, дьявол воспользовался случаем и овладел девушкой. Так был зачат Мерлин.

В другом варианте сказания нечистый дух действует не по личной склонности, а во исполнение заговора, составленного всеми адскими силами, которые собрались на совет и постановили породить на свет чудовище, способное вступить в борьбу с самим Христом. Но девушка, почувствовав, что беременна, горячо молилась Богу, и, благодаря молитве, чудовище, заключенное в ее чреве, превратилось в мудрого и доброго волшебника.

Гальфрид Монмутский в «Истории бриттов» приводит еще одну версию происхождения Мерлина и предполагает, что его отцом был так называемый инкуб. Гальфрид пишет: «Между луной и землей обитают бесплотные духи, которых мы именуем инкубами. Частично они обладают естеством человека, частично — ангелов и, когда пожелают, присваивают себе человеческое обличие и сочетаются с нашими женщинами».

Необыкновенная мудрость Мерлина и его пророческий дар начали проявляться уже в детстве. Однажды он предсказал какому-то человеку, что тот погибнет, упав со скалы. Человек не поверил юному предсказателю и, желая уличить его во лжи, через некоторое время пришел к нему, изменив внешность, и спросил: «Какой смертью я умру?» Мерлин ответил: «Ты повиснешь на ветке дерева». Человек внутренне посмеялся над таким противоречием и решил испытать Мерлина еще раз. Он переоделся в

женское платье, снова явился к Мерлину и задал тот же вопрос. На сей раз Мерлин ответил: «Ты утонешь».

Прошло немного времени, и этот человек во время охоты на оленя сорвался со скалы. У самого ее подножия он зацепился плащом за ветку дуба и повис вниз головой. Под дубом протекал ручей, голова несчастного оказалась в воде, и он захлебнулся.

В то время Британией правил король Вортегирн. Он вступил на престол, свергнув законного короля, мудрого Констана. Его сыновей, Аврелия Амброзиуса и Утера Пендрагона, он отправил в изгнание. И себе на помощь призвал саксов — племя, враждебное бриттам.

Бритты презирали Вортегирна как человека не королевского рода и ненавидели как узурпатора.

Опасаясь восстания, Вортегирн решил построить неприступную башню, чтобы в случае нужды затвориться в ней с немногими верными ему людьми.

Он выбрал место на вершине горы Эрир, согнал туда плотников и каменщиков со всей страны, приказал доставить на гору бревна, камни и прочие материалы. И было начато строительство.

В первый день заложили фундамент башни, но за ночь все сделанное бесследно исчезло, словно уйдя под землю.

Вортегирна уведомили о случившемся. Он собрал колдунов и прорицателей, чтобы они объяснили столь странное явление и посоветовали, что делать.

Колдуны и прорицатели стали думать и совещаться между собой, но так ничего и не придумали. Однако они побоялись признаться в этом Вортегирну и дали ему совет наобум. Они сказали: «Вели, государь, отыскать отрока, у которого нет земного отца, убей его и окропи кровью место, где должна быть построена башня».

Вортегирн тут же послал гонцов на поиски такого отрока. Вскоре гонцы прибыли в город, где жил со своей матерью Мерлин. Он играл у городских ворот со сверстниками. В пылу игры один из мальчиков крикнул Мерлину: «Где тебе обыграть меня! Я — сын знатного человека, а у тебя вообще нет отца».

Услышав это, королевские гонцы подумали: «Уж не тот ли это, кого мы ищем?» Они доставили Мерлина вместе с матерью к Вортегирну. Король расспросил мать Мерлина и убедился, что у мальчика действительно нет земного отца.

На другой день Мерлина привели к месту строительства. Колдуны и прорицатели объявили об уготованной ему участи, и король приказал отроку готовиться к смерти.

Но Мерлин рассмеялся и сказал королю: «Вздорного совета послушался ты, государь!» Потом спросил колдунов: «Известно ли вам, что за сила препятствует строительству башни?» Колдуны промолчали, потому что не знали ответа.

Тогда Мерлин сказал: «В недрах этой горы — глубокое подземное озеро, из-за него и нету башни должной опоры».

Король повелел копать землю, и вскоре действительно показаласьвода.

Мерлин спросил колдунов: «А что скрыто в глубине этого озера?» И колдуны со стыдом признались: «Мы не знаем».

А Мерлин сказал: «На дне озера стоят два каменных чана, и в них завернутые в златотканные ковры спят два дракона — красный и белый».

Тогда прорыли канавы, чтобы отвести из озера воду, и все оказалось так, как сказал Мерлин.

О том, как попали на дно озера два дракона, существует особаялегенда.

В давние времена над Британией раз в год по весне стали раздаваться страшные крики. И так они были ужасны, что, услышав их, иные лишались силы и здоровья, а иные — самой жизни.

Тогдашний король Британии Ллир Серебрянорукий сильно горевал из-за несчастья, постигшего его страну, но не знал, чем помочь. Он обратился за советом к своему младшему брату Ллевелису, обладавшему великой мудростью.

Ллевелис сказал: «Высоко в небе идет жестокий бой: сражаются два дракона, красный и белый. И когда один из них получает удар, то издает тот ужасный крик, который разносится по всему твоему королевству. Но беде можно помочь. Вели измерить всю Британию вдоль и поперек, найди ее середину и вырой там глубокую яму. На дно ямы поставь два каменных чана, полных хмельного меда. Драконы почуют его запах, прекратят свой бой и, спустившись в яму, станут пить мед. Напившись, они охмелеют и заснут. Тогда прикажи завернуть их в златотканные ковры и засыпать землей. Яма превратится в подземное озеро, и драконы будут спать на его дне, пока кто-нибудь их не потревожит».

Король Ллир исполнил все, что сказал ему мудрый брат, и больше в Британии не слыхали страшных криков.

Когда по приказанию Вортегирна подземное озеро осушили, драконы проснулись, взвились в небо и возобновили бой. Сначала белый дракон одолевал красного, но вдруг красный, словно обретя новую силу, обрушился на противника и победил его. Белый дракон упал на землю и издох, а красный устремился ввысь и скрылся из глаз.

Вортегирн спросил Мерлина, что означает сие знамение, и Мерлин ответил: «Победа красного дракона над белым означает, что сыновья свергнутого тобою короля Констана победят тебя и саксов, которых ты призвал на нашу землю. Близок час твоей смерти, король Вортегирн, и не спасет тебя даже самая крепкая башня, так что незачем ее и строить».

Сказав так, Мерлин пошел прочь, и никто не посмел его задержать.

А вскоре на остров прибыли возмужавшие сыновья короля Констана, Аврелий Амброзиус и Утер Пендрагон. Все бритты с радостью встречали их как своих законных властителей, и скоро у молодых королевичей собралось огромное войско.

Вортегирн попытался укрыться в одной из крепостей, но Аврелий Амброзиус и Утер Пендрагон взяли ее штурмом и подожгли. Узурпатор погиб в огне.

Старший из братьев, Аврелий Амброзиус, стал королем. За время своего царствования он одержал немало славных побед над саксами, отогнав их далеко на запад.

Однажды Аврелий Амброзиус посетил монастырь на горе Амбрия. Там на кладбище были погребены многие бриттские воины, павшие в битвах с саксами.

Король поклонился их праху и приказал воздвигнуть им памятник, подобного которому не было бы нигде в мире. Собрались искусные мастера, стали думать, но так и не придумали памятника, который бы достойно увековечил память отважных мужей. Тогда король решил попросить совета у Мерлина, жившего все эти годы отшельником в лесу.

Мерлин предстал перед Аврелием Амброзиусом и сказал: «Государь! Ты, верно, слышал, что есть в Ирландии место, которое называют Хоровод Великанов. Там стоят по кругу исполинские камни. Надо привезти их сюда, и они будут достойным памятником отважным бриттам».

Король удивился: «Разве нет в Британии больших камней? Зачем везти их из Ирландского королевства?» Но Мерлин ответил: «Эти камни — не простые. В незапамятные времена из дальних пределов Африки их принесли великаны, которые тогда еще водились на земле. Эти камни исполнены чудесных свойств. Великаны поливали их водой, и эта вода становилась целебной, заживляла самые страшные раны, давала здоровье и силу».

И Аврелий Амброзиус согласился, что лучшего памятника не придумать. В Ирландию за камнями он послал своего младшего брата Утера, отправив вместе с ним отряд воинов на тот случай, если ирландцы не захотят отдать камни добром.

Мерлин тоже пожелал присоединиться к походу.

Ирландский король Гилломаурий, узнав, зачем прибыли бритты в его страну, рассмеялся и воскликнул: «Что за невежественные и глупые люди? Неужели они думают, что у нас камни лучше, чем в Британии?» Тем не менее он отказался их отдать, сказав Утеру: «Знай, Утер Пендрагон, ирландцы стойко защищают все, что им принадлежит, хотя бы и простые камни. Вы не получите из Хоровода Великанов ни одного, даже самого маленького камешка».

Бритты вступили с ирландцами в бой — и победили. Они поднялись на гору, где располагался Хоровод Великанов, но, увидев исполинские камни, сразу поняли, что сдвинуть их с места не в человеческих силах.

Тогда Мерлин придумал особые приспособления, с помощью которых бритты погрузили камни на корабли и торжественно отвезли в Британию.

Там в присутствии короля их установили вокруг могилы павших героев и отметили это событие трехдневной тризной.

Так, по преданию, появился на юге Англии близ города Солсбери знаменитый Стоунхендж (что значит «каменная ограда») — существующее до сих пор грандиозное сооружение. Оно состоит из земляных валов, огромных каменных столбов и плит, расположенных концентрическими кругами.

Ученые считают, что Стоунхендж был сооружен во II тысячелетии до н. э., древнейшими, еще докельтскими, обитателями острова. Вероятнее всего, это был храм, посвященный Солнцу (круг — символ Солнца).

Кроме того, Стоунхендж использовался в качестве обсерватории. Его камни расположены таким образом, что, наблюдая положение небесных светил по отношению к ним, можно предсказывать солнечные и лунные затмения.

Большинство камней Стоунхенджа имеют высоту около 9 метров и вес до 25 тонн, но есть и достигающие 40 тонн.

Установлено, что эти камни были добыты в различных каменоломнях на расстоянии от 23 до 290 км от Стоунхенджа. О том, каким образом их доставляли на столь большие расстояния и как установили вертикально, высказывалось немало догадок. В древности считали, что это сделали великаны, в XX веке возникла гипотеза о том, что это — работа инопланетян.

Однако проведенные эксперименты показали, что и доставка и установка в вертикальном положении подобных камней с помощью «особых приспособлений» — вполне в человеческих силах. Р. Маяинова и Я. Малина в книге «Прыжок в прошлое», посвященной экспериментальной археологии, пишут: «В 1954 году экспериментаторы погрузили с помощью крана бетонный макет каменного монолита, весом почти 2 тонны, на деревянные доски, уложенные поперек трех привязанных друг к другу долбленок (…). Четыре школьника без особого напряжения шестами толкали его против течения».

Другой эксперимент показал, что поставить вертикально камень длиной 9 метров и весом 40 тонн могут 180 человек при помощи системы катков и досок, длинного рычага и крепкой веревки.

Так что Гальфрид Монмутский был не слишком далек от истины, когда писал, что Мерлин, «применив кое-какие необходимые приспособления, сдвинул камни (…) и доказал тем самым, что разум сильнее мощи».

Вскоре король Аврелий Амброзиус скончался, и ему наследовал его брат Утер Пендрагон.

При вступлении на престол короля Утера на небе взошла большая яркая звезда, испускавшая один-единственный луч, протянувшийся через все небо.

Мерлин сказал Утеру пророческие слова: «Звезда-это ты, а ее луч означает, что у тебя будет один сын, который прославится на весь мир».

Король Утер Пендрагон в то время еще не был женат, и случилось так, что он страстно возжелал жену своего вассала, герцога Горлоя, прекрасную Игрейну.

Герцог Горлой, чтобы уберечь жену от посягательств короля, укрыл ее в неприступном замке, стоявшем на вершине утеса над морем. В замок вела крутая тропа, такая узкая, что на ней три вооруженных воина могли бы выдержать натиск всего королевского войска.

Король Утер призвал к себе Мерлина и сказал: «Помоги мне, о мудрый Мерлин, силою твоих чар. Страсть к прекрасной Игрейне терзает меня подобно жестокому недугу. Я умру, если она не станет моей».

Мерлин приготовил волшебное зелье, дал испить его королю — и король принял облик герцога Горлоя. В преображенном виде он без препятствий проник в замок к прекрасной Игрейне и провел с нею ночь. Игрейна зачала сына.

Вскоре герцог Горлой погиб в бою. Король Утер был огорчен смертью своего верного вассала, но в то же время радовался, что теперь Игрейна свободна, и он может взять ее в жены. В положенный срок

Игрейна, ставшая королевой, родила сына, которого нарекли — Артур.

Прошло много лет. Король Утер Пендрагон состарился и тяжко заболел. Саксы, исконные враги бриттов, воспользовавшись этим, осмелели и вновь стали опустошать Британские земли.

Король Утер, несмотря на свою немощь, начал готовиться к войне. Он собрал большое войско, а себя велел положить на носилки и нести в рядах воинов.

В первой же битве бритты одержали блестящую победу над врагами. Король Утер преисполнился великой радости, придавшей ему новые силы. Без посторонней помощи он сел на носилках, хотя до этого не мог даже пошевелиться, и сказал: «Лучше быть полумертвым, но победить врагов, чем живым и здоровым потерпеть поражение».

Однако жить ему оставалось недолго. Коварные саксы под видом лекаря подослали к нему убийцу, который дал королю вместо лекарства яд. Утер Пендрагон скончался, и на престол взошел его сын Артур. Как и предсказал мудрый Мерлин, король Артур свершил много славных деяний и стал знаменит, как ни один король в мире.

Мерлин был верным другом и советчиком короля, жил теперь в столице, лишь изредка отлучаясь, чтобы навестить своего друга, отшельника Блазия. Мерлин рассказывал ему о событиях, которым был свидетелем, а отшельник все услышанное записывал в книгу.

Однажды при королевском дворе появилась красивая девушка с золотыми глазами. Звали ее Вивиана, и была она послана на погибель мудрому Мерлину.

Очарованный красотой Вивианы Мерлин исполнял все ее желания. Она захотела сравняться мудростью и могуществом с ним самим, и Мерлин выучил ее волшебству и всем тайным наукам.

Как-то раз гуляли Мерлин и Вивиана в зеленом лесу и присели отдохнуть под высоким дубом. Мерлин положил голову на колени красавицы и задремал. Тогда Вивиана стала петь над ним заклинания, которым он сам ее научил, и погрузила его в вечный сон.

В одних вариантах сказания рассказывается, что Вивиана поступила так, опасаясь, что когда-нибудь Мерлин ее покинет, в других — действуя по приказу своей госпожи, злой феи Морганы, враждебной королю Артуру и пожелавшей лишить короля его мудрого советника.

С той поры спит мудрый Мерлин непробудным сном. Одни говорят — в глубокой пещере, другие — в стволе дуба, третьи — в воздушном замке, который он однажды возвел среди облаков, чтобы порадовать златоглазую Вивиану.

Наиболее ранний рассказ о Мерлине содержится в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, жившего в XII веке. Эта часть его книги пользовалась особой популярностью, ее не раз иллюстрировали средневековые художники. Впоследствии Гальфрид Монмутский посвятил Мерлину отдельное произведение — стихотворную поэму «Жизнь Мерлина».

Известны французские романы о Мерлине XII–XIII веков. О нем писали в XVIII веке писатели-романтики Доротея Шлегель, Людвиг Уланд, Альфред Теннисон и другие.

Пародийный образ Мерлина запечатлен в известной повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

59. КОРОЛЬ АРТУР

Король Артур — герой обширного цикла средневековых сказаний, зародившихся в Британии и распространившихся по всей Европе.

Историческим прототипом легендарного короля был кельтский военный вождь Артур, живший в V–VI веках и одержавший несколько побед над саксами, завоевавшими Британию (кельты — более древнее население Британии). Он не раз упоминается в исторических хрониках, известно, что под предводительством Артура кельты разбили саксов в битве при Маунт-Бадоне.

Легенды об Артуре стали складываться очень рано. В «Истории британских королей» Уильяма Мальмсберийского, написанной в начале XII века, говорится: «О сем Артуре британцы сложили многие легенды и с любовью рассказывают про него и поныне». Автор книги, в соответствии с исторической действительностью, называет Артура не королем, а военным вождем на королевской службе.

В «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, написанной также в XII веке, впервые изложена легенда об Артуре — короле. Гальфрид Монмутский излагает ее довольно кратко, но тем не менее намечает и главную сюжетную линию, и идею рыцарского содружества, послужившую основой для всех последующих разработок легенд о короле Артуре и его рыцарях.

Гальфрид Монмутский рассказывает, что Артур занял британский престол, будучи совсем юным: «Отроку Артуру было пятнадцать лет, и он отличался неслыханной доблестью и такой же щедростью. Его врожденная благожелательность настолько привлекала к нему, что не было почти никого, кто бы его не любил».

Далее Гальфрид Монмутский описывает военные походы короля Артура, причем, вопреки исторической действительности, утверждает, что он не только изгнал саксов из Британии, но и завоевал многие другие страны, став властелином половины Европы, так что по всему миру «разнеслась молва, что никто не в состоянии отразить Артура».

Храбрейшие и благороднейшие рыцари Британии стали стремиться поступить на службу к Артуру. «Он начал увеличивать число своих приближенных и заводить такую утонченность у себя во дворце, что внушил далеко отстоящим народам желание соперничать с ним во всем этом». Рыцари всего мира стали подражать рыцарям короля Артура, и «всякий отличавшийся знатностью муж (…) почитал себя за ничто, если не обладал платьем, доспехами, вооружением точно такими, как у окружавших названного короля».

Рыцари короля Артура храбро сражались с врагами и верно служили дамам. «Женщины (…) удостаивали своей любовью только того, кто в воинских состязаниях не менее чем трижды выходил победителем». Каждый рыцарь стремился заслужить любовь, и это «побуждало его к наивысшему душевному благородству». В «Истории бриттов» описываются не только бои, но и турниры, на которых рыцари соревнуются в воинском искусстве «без ссор и беззлобно».

Женой короля Артура была прекрасная Геневера, «превосходившая красотой всех женщин».

Артур правил подвластными ему землями долгие годы. Наконец, он задумал покорить Рим и отправился в далекий поход, оставив Британию и прекрасную Геневеру на попечение своего племянника Мордреда.

Но Мордред, воспользовавшись отсутствием короля, «самовольно и предательски возложил на себя королевский венец», а королева, «осквернив свой брак, вступила с ним в преступную связь».

Кроме того, Мордред призвал в Британию изгнанных Артуром саксов и сформировал из них верное себе войско.

Узнав о том, что произошло в его королевстве, Артур повернул свои войска назад, вернулся в Британию и напал на Мордреда. В первом же сражении король одержал победу, Мордред был вынужден отступить.

Геневера, раскаиваясь в своей измене и страшась гнева короля, бежала из столицы и, «возложив на себя обет целомудрия, постриглась в монахини».

Меж тем король Артур преследовал Мордреда и остатки его войска. Племянник короля был храбрым воином, привыкшим нападать, а не отступать, и на сей раз он решил «победить или пасть, но впредь никоим образом не искать спасения в бегстве».

На морском берегу произошло кровопролитное сражение, в котором Мордред был убит, а король Артур получил смертельную рану.

Хотя Гальфрид Монмутский называет рану короля смертельной, тем не менее он не пишет о его смерти, а лишь сообщает, что Артур был «переправлен для лечения на остров Аваллон».

В кельтских мифах остров Аваллон — блаженная страна бессмертия и вечной молодости, населенная духами и феями. Народное предание утверждает, что король Артур обрел там вечную жизнь — и вернется в Британию, когда ей будет угрожать опасность.

Церковь не одобряла это предание как «языческое».

В 1190 году в аббатстве Гластонбери были произведены раскопки и обнаружена гробница, в которой якобы были захоронены король Артур и Геневера. Два года спустя хронист Гиральд Камбрейский писал: «О короле Артуре рассказывают всякие сказки, будто тело его было унесено некими духами в какую-то фантастическую страну, хотя смерть его не коснулась. Так вот (…), тело короля было в наши дни обнаружено в Гластонбери меж двух каменных пирамид (…). Найдено тело было глубоко в земле в выдолбленном стволе дуба». Далее хронист сообщает: «Две трети гробницы были предназначены для останков короля, а одна треть, у его ног, — для останков жены. Нашли также хорошо сохранившиеся светлые волосы, заплетенные в косу, они несомненно принадлежали женщине большой красоты. Один нетерпеливый монах схватил рукой эту косу, и она рассыпалась в прах».

Останки Артура хронист описывает так: «Да будет известно, что кости Артура, когда их обнаружили, были столь велики, будто сбывались слова поэта: «И богатырским костям подивимся в могиле разрытой». Берцовая кость, поставленная на землю рядом с самым высоким из монахов (аббат показал мне его), оказалась на три пальца больше всей его ноги. Череп был столь велик, что между глазницами легко помещалась

ладонь. На черепе были заметны следы десяти или даже еще большего количества ранений. Все они зарубцевались, за исключением одной раны, большей, чем все остальные, оставившей глубокую открытую трещину. Вероятно, эта рана и была смертельной».

Гиральд Камбрейский сообщает, что в гробнице был также найден крест с надписью, удостоверяющей, что «здесь покоится прославленный король Артур вместе с Геневерой». Но хотя почтенный хронист утверждал, что своими глазами видел этот крест «и даже потрогал выбитую на нем надпись», впоследствии этот крест исчез неизвестно куда, и многие исследователи сомневаются в том, что захоронение в Гластонбери действительно принадлежит Артуру.

Сказания о короле Артуре и его рыцарях разрабатывали и народные сказители, и профессиональные средневековые литераторы.

С XII по XV век в Англии, Франции, Германии создаются многочисленные так называемые «артуровские романы», или «романы Круглого Стола». Наиболее известные авторы таких романов — Кретьен де Труа, Гартман фон Ауэ, Вольфрам фон Эшенбах.

В середине XII века в сочинении англо-нормандского трубадура Васа впервые был упомянут Круглый Стол, собираясь вокруг которого, рыцари короля Артура рассказывали о своих подвигах и приключениях. Круглый стол — символ равенства, за ним нет первых или последних мест. Содружество рыцарей короля Артура получило название рыцарей Круглого Стола.

Во многих романах артуровского цикла главными героями являются рыцари короля Артура — сэр Гавейн, сэр Ивэн, сэр Бор и другие, а сам он выступает лишь в качестве связующего звена. В артуровский цикл включаются и сказания, первоначально с ним не связанные — о Тристане и Изольде, о святом Граале.

Значительная часть артуровского цикла посвящена сказаниям о рыцаре Ланцелоте Озерном. Лишившись в раннем детстве родителей, он был воспитан феей Нимуэ — Девой Озера — в ее подводном царстве, отчего и получил свое прозвание. В отличие от большинства рыцарей Круглого Стола, судьба Ланцелота тесно переплетается с судьбой короля Артура. В сказаниях о Ланцелоте несколько иначе, чем у Гальфрида Монмутского, рассказывается о конце артуровского царствования.

Ланцелот превосходил благородством и бесстрашием всех рыцарей на свете, в совершенстве владел боевыми искусствами, был наделен красотой телесной и душевной и мог бы почитаться образцом рыцарства, если бы им не владела преступная любовь к жене короля Артура — прекрасной Геневере.

Явившись ко двору Артура восемнадцатилетним юношей, Ланцелот впервые увидел королеву — и навсегда избрал ее единственной дамой своего сердца. Долгие годы верно и бескорыстно служил Ланцелот Геневере, совершая в ее честь небывалые подвиги и прославляя ее имя. Наконец, Геневера, тронутая преданностью благородного рыцаря, ответила на его любовь — и изменила королю. Артур, узнав об этом, приговорил Ланцелота к изгнанию, а Геневеру — к смерти. Но когда королеву вели на казнь, Ланцелот с мечом в руках отбил ее у стражи и увез за море, в Бретань, где находились его родовые владения.

Король Артур собрал войско, переправился через море, достиг Бретани и осадил замок Ланцелота, в котором тот затворился с Геневерой. У Ланцелота был собственный отряд воинов, но он запретил им выступать с оружием против короля Артура, которому когда-то поклялся в верности. Осада продолжалась уже пятнадцать недель, но тут из Британии пришло известие, что Мордред посягнул на королевский престол. Король Артур, прервав осаду, вернулся на родину — и в бою с Мордредом встретил свою смерть.

Геневера и Ланцелот винили себя в смерти короля. Геневера постриглась в монахини, а Ланцелот стал отшельником.

В сказаниях о короле Артуре прослеживаются и мифологические мотивы. Противостояние Артура и Мордреда некоторые исследователи истолковывают как мифологическое противостояние света и тьмы, отождествляя Мордреда с кельтским божеством преисподней Медру-Мидиром. Во многих сказаниях большую роль играет покровительствующий Артуру волшебник Мерлин и враждебная им обоим фея Моргана, образ которой связан с кельтской богиней войны и смерти Морриган.

Артур в сказаниях предстает владельцем волшебных, магических предметов: котла, способного накормить целое войско, плаща-невидимки, непобедимого меча по имени Калибурн и ножен, исцеляющих раны. Замок Артура Камелот в сказаниях изображается как мифический «центр мира».

В XV веке английский писатель Томас Мэлори собрал все известные сказания и литературные произведения о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола и создал объемный роман «Смерть Артура», изданный в 1485 году английским первопечатником Кекстоном. Роман Мэлори послужил основным источником для писателей нового времени, писавших о короле Артуре, У. Морриса, А. Теннисона и других. В начале XX века Марк Твен создал пародийно-фантастический роман «Янки при дворе короля Артура».

Томас Мэлори заканчивает свою книгу описанием таинственной местности, где погребен король Артур, и приводит загадочную надпись на его надгробном камне: «Здесь лежит Артур, король Былого и Грядущего».

60. СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ ГРААЛЕ

В средние века в странах Европы наряду с каноническими религиозными сюжетами, известными из писания, то есть книг Ветхого и Нового Заветов, появились фольклорные легенды, созданные в традициях народных сказок. Вэтихле-гендах, кроме известных по писанию сюжетов и образов, рассказывалось о событиях и персонажах, созданных народной фантазией.

Одна из таких легенд — сказание о святом Граале. Сказание возникло на Британских островах и было связано с циклом кельтских сказаний о короле Артуре.

Когда Люцифер восстал против Бога и был низринут с небес, — рассказывается в сказании о святом Граале, — из его короны выпал камень-агат. Долгое время носился этот камень в пространстве, но когда родился Христос, агат упал на землю.

Из этого камня сделали сосуд, получивший название Грааль.

О том, что значит слово «Грааль», высказывались различные предположения. Его производили от созвучных слов и словосочетаний, означающих «сосуд для смешения вина и воды», «истинная кровь», «корзина изобилия», но к единому мнению так и не пришли.

По легенде, из Грааля Христос пил вино на тайной вечере и угощал своих учеников. А когда Христос был распят на кресте и грудь его пронзили копьем, праведник Иосиф Аримафейский, впоследствии похоронивший Христа, собрал в эту чашу его кровь.

Сосуд исчез таинственным образом, но из пророчества было известно, что Грааль еще явится людям и сам изберет себе хранителя.

Много лет спустя у некоего короля родился сын Титурель. С юных лет отличался он чистотою помыслов и приверженностью к христианской вере. Когда юноше исполнилось пятнадцать лет, с неба слетел ангел и известил Титуреля, что святой Грааль избрал его своим хранителем.

Титурель простился с родителями и пошел туда, где ожидал его святой Грааль. Ангел с пением летел впереди, указывая дорогу.

И вот пришел Титурель в дремучий лес, посреди которого возвышалась гора, а над ее вершиной реял в воздухе священный сосуд — святой Грааль, поддерживаемый незримыми ангелами.

У подножия горы Титуреля ожидали рыцари, склонившиеся перед ним как перед своим повелителем. Это было благочестивое воинство, призванное служить святому Граалю и его хранителю. Так появилось рыцарское братство святого Грааля.

Прежде всего Титурель и его рыцари решили построить на горе укрепленный замок, который стал бы их оплотом, а в центре замка храм.

Строительство продолжалось тридцать лет, и все это время святой Грааль реял в воздухе, чудесным образом давая благочестивым строителям пищу и питье, а для строительства — драгоценное дерево алоэ, золото и камни-самоцветы.

Когда строительство было окончено, святой Грааль спустился с небес и поместился в алтаре храма.

Перед замком на столбе висел большой колокол, и если где-нибудь притесняли христиан за их веру или обижали невинного, колокол начинал звонить сам собою, и рыцари святого Грааля спешили на помощь.

Святой Грааль по-прежнему давал им все необходимое для жизни и, кроме того, наделял долголетием, превосходящим человеческий предел: рыцари святого Грааля жили по нескольку сот лет.

Титурель взял себе в жены дочь испанского короля и имел от нее двух сыновей — Амфортаса и Треврезента. Став юношами, оба они были посвящены в рыцари святого Грааля и со временем должны были унаследовать от отца сан хранителей святыни.

Братья были сильны и отважны, храбро бились с врагами христовой веры, но в их душах не было истинного благочестия. Нередко бывало так, что они сражались не в священном бою во славу святого Грааля, а на рыцарском турнире во славу прекрасных дам.

Однажды на таком турнире Амфортас был тяжело ранен в грудь копьем. Его перенесли в замок и принялись лечить. Но не помогли ему ни дым горящего дерева алоэ, ни кровь пеликана, ни земля, пропитанная

желчью дракона. Прошло много дней, а рана кровоточила, как будто была только что нанесена и причиняла раненому безмерные страданья.

И все поняли, что Амфортас наказан за недостаток благочестия.

Тревризент, видя страдания брата, устрашился подобной участи для себя и дал обет никогда больше не участвовать в турнирах, не вкушать ни мяса, ни печеного хлеба и не пить вина, поселился в лесу и стал жить, как отшельник, питаясь только дикими травами.

Великая печаль воцарилась среди рыцарей святого Грааля. Титурель был к тому времени уже стар, ему исполнилось четыреста лет, и он чувствовал приближение смерти. Но теперь ему некому было передать сан хранителя святого Грааля: один его сын был прикован к ложу страдания, другой — удалился от мира.

Собрались рыцари перед священным сосудом и вознесли горячую молитву. И тут появились на святом Граале письмена, извещавшие, что скоро придет в замок никому не ведомый рыцарь и спросит, что здесь происходит. Как только задаст он этот вопрос, Амфортас исцелится от своей раны.

У старого Титуреля кроме двух сыновей была дочь Херценлойде. Она полюбила храброго рыцаря Гамурета и вышла за него замуж.

Но недолгим было их счастье. Так всегда бывает в любви: кто радовался миг, тот плакать будет вечно.

Однажды, когда Гамурет в далеком походе сражался с язычниками, Херценлойде приснился сон, будто налетел на нее огненный дракон и вырвал сердце у нее из груди.

А утром прискакал из дальних краев гонец с известием, что храбрый Гамурет погиб в бою.

Вскоре Херценлойде родила сына и поклялась, что убережет его от участи отца, не даст подвергнуться опасностям рыцарской жизни.

Она покинула замок и поселилась с новорожденным сыном, которого назвала Парсифалем, в дремучем лесу.

Парсифаль рос, не зная ничего, кроме леса, не видя никого, кроме матери, лесных зверей и птиц.

Но однажды на лесной дороге повстречал он двух рыцарей в блестящих доспехах, на легконогих конях. Парсифаль решил, что это сверхъестественные существа, и пал на колени, но рыцари приветливо с ним заговорили. Юноша узнал, что на свете есть другая жизнь, и страстно захотел ее изведать.

Он отправился к матери и сказал ей, что покидает лес — уходит в мир, чтобы стать рыцарем. Поняла Херценлойде, что не удержать ей больше сына подле себя, и отпустила его.

Вскоре достиг Парсифаль города, где жил славный король Артур. У городских ворот он повстречал рыцаря в красных доспехах с золотым кубком в руках.

Представ перед королем Артуром, юноша попросил посвятить его в рыцари, и король исполнил его желание.

Узнал Парсифаль, что Красный рыцарь, которого он встретил у городских ворот, только что дерзко похитил золотой кубок с королевского стола. Парсифаль тут же устремился за ним в погоню, догнал, вызвал на поединок и победил, отобрав кубок, доспехи, коня и оружие.

Кубок он отослал королю Артуру, а доспехи, коня и оружие взял себе и отправился странствовать по свету в поисках подвигов.

Подъехал Парсифаль к городу, который осаждали враги. Правила тем городом молодая королева, прекрасная, как утренняя роза. Королева обратилась за помощью к Парсифалю. Тот сразился с предводителем вражеского войска — и убил его. Город был спасен, и странствующий рыцарь взял прекрасную королеву в жены. Вскоре она родила ему двоих сыновей.

Но Парсифаль мечтал о подвигах и славе, а не о тихом семейном счастье, поэтому он покинул жену — и снова пустился в путь.

Странствуя по свету, однажды оказался он в дремучем лесу, где обитали рыцари святого Грааля, и попросился на ночлег в их замок.

Привели его в огромный зал. Стены зала сверкали золотом и драгоценными камнями, за большим столом сидели четыреста рыцарей, прислуживали им сто пажей. Но перед рыцарями стояли пустые блюда и кубки, не было там ни еды, ни питья.

Во главе стола возлежал на ложе человек в богатой одежде. На груди его кровоточила рана, и он едва сдерживал стоны. Парсифаля усадили за стол вместе с рыцарями. И тут девушки в белых одеждах, подобные небесным ангелам, внесли в зал прозрачную чашу, от которой исходил дивный свет. Все встали и вознесли молитву. И сразу блюда и кубки наполнились. Чашу унесли, а рыцари принялись за трапезу.

Подивился Парсифаль тому, что увидел, но спросить ни о чем не решился.

Утром он покинул замок и отправился дальше странствовать по свету. Парсифаль совершил много рыцарских подвигов и прославил свое имя на весь христианский мир.

Через год, увенчанный славой, он вернулся ко двору короля Артура и занял почетное место среди его рыцарей.

Однажды, когда рыцари короля Артура сидели и пировали, рассказывая друг другу о своих подвигах, в зале появился странный, неуклюжий зверь. Безобразен был этот зверь, но еще безобразнее — всадница, сидевшая на нем верхом. Были у нее желтые глаза, собачий нос, кабаньи клыки и медвежьи уши, по спине спускалась черная коса, жесткая, как свиная щетина.

Но наружность бывает обманчива: безобразная всадница служила Граалю, была мудра и благочестива, знала разные языки и умела читать по звездам. Звали ее Кундрия. Она прибыла вестницей к Парсифалю.

Сказала Кундрия: «Увы, рыцарь! Ты был у нас, ты видел святой Грааль, видел Амфортаса, страждущего от неисцелимой раны, видел блюда и кубки, наполняющиеся сами собой, но не задал ни одного вопроса. Если бы ты спросил, что это значит, исцелился бы Амфортас, стал хранителем святыни, и снизошли бы покой и счастье на наше братство. Ты не исполнил пророчества, и теперь, по твоей вине, когда умрет хранитель Грааля, священный сосуд останется без защиты!

Рыдая, покинула Кундрия замок короля Артура. Ужаснулся Парсифаль своей невольной вине, смятение поселилось в его душе. Снова отправился он странствовать по свету, терзаясь мыслью, что тяжко

согрешил, не совершив предначертанного блага.

Он перестал ходить в церковь, не смел беседовать с Богом и искал только битв и сражений.

Так прошло пять лет. Однажды зимой ехал Парсифаль по лесу и набрел на хижину отшельника, занесенную снегом. В той хижине жил Треврезент — брат несчастного Амфортаса.

От Треврезента Парсифаль узнал, что его мать Херценлойде приходится дочерью старому Титурелю, хранителю Грааля, а сам он — его внук. Треврезент велел Палсифалю не отчаиваться, а уповать на милосердие Божье, возвращаться ко двору короля Артура и там ждать известий от рыцарей святого Грааля.

Парсифаль послушался совета, и вскоре опять появилась перед ним Кундрия. Но на этот раз светилась она великой радостью.

Сказала Кундрия: «Радуйся, рыцарь! На святом Граале вновь появились письмена. Они извещают, что ты избран хранителем святыни».

Парсифаль немедля отправился к святому Граалю. Рыцари встретили его радостными кликами. Он вознес горячую молитву Богу, и по этой молитве Амфортас исцелился от своей раны. Парсифаль призвал к себе свою жену и сыновей.

Стал Парсифаль главою братства святого Грааля, хранителем священного сосуда.

В средние века многие европейские поэты обрабатывали сюжет сказания о святом Граале. В XII веке во Франции Робен де Борон написал стихотворный «Роман об истории Грааля», а Кретьен де Труа — роман «Парсифаль, или Сказание о Граале». В Германии в XIII веке появился роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль». Сказание о Граале входит в роман английского писателя XV века Томаса Мэлори «Смерть Артура».

Привлекал этот сюжет и поэтов-романтиков XIX века (Л. Уланд, А.Теннисонидр.).

В 1882 году великий немецкий композитор Рихард Вагнер написал оперу «Парсифаль». Вагнер придавал большое значение литературной основе своих опер и сам писал либретто. Либретто «Парсифаля» было создано, главным образом, на основе романа Вольфрама фон Эшенбаха. Но Вагнер усилил религиозно-философский смысл легенды, подчеркнул христианскую идею греха и искупления. В опере Вагнера Амфортас терпит не столько физические, сколько душевные муки, оттого что, не будучи достойным, продолжает служить святому Граалю. Он стремится не к исцелению, а к смерти, и в финале оперы умирает.

Большая роль в опере принадлежит Кундрии. У Вагнера это не чудовище из древней легенды, а прекрасная девушка, находящаяся под властью злого заклятья и вынужденная — против своей воли — соблазнять рыцарей святого Грааля, склонять их к греху. Парсифаль, устояв перед ее чарами, освобождает Кундрию от заклятья, и она умирает просветленная.

61. ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Одно из самых прославленных средневековых сказаний — «Тристан и Изольда» — кельтского происхождения.

Действие сказания происходит в королевстве Корнуолл (полуостров на юго-западе Великобритании), в Ирландии и в Бретани — области на северо-западе Франции, заселенной кельтами. Лес Моруа, где скрывались

Тристан и Изольда, находится в Шотландии, остатки стен замка Тинтагель, названного в сказании резиденцией короля Марка, сохранились до наших дней на берегу Корнуолла.

Несмотря на столь точно обозначенное место действия, персонажи сказания, скорее всего, чисто легендарны. (Хотя известно, что в VI веке в Корнуолле правил король по имени Марк.) История о Тристане и Изольде уже в средние века получила общеевропейскую известность: с XII по XV век на этот сюжет было создано множество стихотворных и прозаических произведений на французском, английском, немецком, итальянском, испанском, норвежском, польском и других языках.

Ученые-литературоведы различают три направления, по которым средневековые авторы разрабатывали историю Тристана и Изольды: эпическое, лирическое и так называемое «рыцарское». В эпических версиях преобладает событийная сторона, в лирических на первый план выходит внутренний мир героев, их душевные переживания, в рыцарских описываются главным образом подвиги Тристана. Иногда сказание о Тристане и Изольде сближается с циклом сказаний о короле Артуре, и Тристан причисляется к рыцарям Круглого Стола.

Наиболее ранним из сохранившихся до нашего времени литературным произведением, посвященным любви Тристана и Изольды, является небольшая поэма «Жимолость» поэтессы XII века Марии Французской, причем в начале поэмы отмечается общеизвестность этого сюжета. Мария Французская пишет, что она «слышала не раз»,

Как сладостный постиг недуг
Тристана и Изольду вдруг,
Как скорбь наполнила их дни,
И вместе смерть нашли они.

(ПереводМ. Замаховской)

В средние века о Тристане и Изольде писали Эйльхарт фон Оберге, Готфрид Страсбургский, Томас Английский и многие другие авторы. До нашего времени дошла лишь часть этих произведений, причем большинство из них сохранилось не полностью. В1900 году французский ученый и писатель Ж. Бедье на основе сохранившихся текстов попытался реконструировать древнейшую версию сказания и создал «Роман о Тристане и Изольде».

Рихарду Вагнеру принадлежит опера «Тристан и Изольда». О ее героях композитор писал: «Их чувство проходит до конца все фазы бесплодной борьбы со сжигающим их в глубине души пламенем».

Правил некогда в Корнуолле благородный король Марк. И был у него племянник — Тристан, доблестный и прекрасный.

Однажды в окно королевского замка залетела белогрудая ласточка. В клюве она несла длинный и сияющий, как солнце, золотой волос.

Сказал король Марк своим рыцарям и баронам: «Та, которой принадлежит этот волос, сияющий, как солнце, должна стать моей женой. Кто из вас, благородные сеньоры, отправится добывать мне невесту? Кто

отыщет златокудрую красавицу, где бы он ни была, и привезет ее в Корнуолл?» И сказал Тристан, доблестный и прекрасный: «Если такова твоя воля, король мой и дядя, я готов услужить тебе».

Снарядил он быстрый корабль, взял с собой десять рыцарей, храбрых и верных, и пустился в неведомый путь.

Побывал Тристан во многих странах, многих повидал красавиц, но не было среди них той, чьи волосы сияли, как солнце.

Однажды в сильную бурю прибило корабль Тристана к незнакомому зеленому берегу. Сошел Тристан на берег и спросил у древней старухи, несшей вязанку хвороста: «Скажи мне, матушка, как называется эта страна?» И старуха ответила: «Это Ирландия».

Вдруг слух Тристана был поражен грозным ревом, страшным, как голос злого духа. Тристан воскликнул: «Ради Бога, матушка, скажи мне, кто это кричит так ужасно?» Старуха ответила: «Это кричит дракон, что поселился в пещере возле нашей столицы. Каждый день требует он себе девушку и пожирает ее скорее, чем можно успеть прочитать «Отче наш». Король обещал свою дочь, Златокудрую Изольду, тому, кто победит дракона, но не нашелся пока такой храбрец».

И сказал Тристан: «Если суждено мне убить дракона, то я убью его».

Он пошел к пещере чудовища и вызвал его на бой. Огромен был дракон и ужасен с виду: покрыт чешуей, что крепче железа, на лапах — львиные когти, на лбу — бычьи рога, глаза — как раскаленные угли.

Ударил Тристан дракона копьем — не смог пробить чешуи. Ударил дракон Тристана лапой — рассек железные доспехи, заструилась по груди рыцаря алая кровь. Разинул дракон страшную пасть, дохнул на Тристана ядовитым пламенем. Потемнело у Тристана в глазах. Вонзил он свой меч прямо в разверстую пасть, поразил дракона в самое сердце. Грянулся дракон оземь и издох.

Болят у рыцаря кровавые раны, томит его жгучая жажда. Побрел он к ручью, чтобы напиться, но упал в зеленую траву и остался лежать почти бездыханный.

Вечером королевская дочь, Златокудрая Изольда, вышла со своими служанками прогуляться. Увидела она мертвого дракона, а поодаль — умирающего Тристана. А была королевская дочь сведуща в искусстве врачеванья, умела готовить отвары и мази, исцелять самые страшные раны. Велела она перенести Тристана в замок и стала за ним ходить.

Семь дней был Тристан без памяти. На восьмой — открыл глаза и увидел Златокудрую Изольду. Волосы ее сияли, как солнечный свет, и понял Тристан, что нашел ту, которую искал так долго.

Когда зажили раны Тристана, призвал его пред свои очи ирландский король и сказал: «Рыцарь доблестный и прекрасный! Ты избавил нашу страну от дракона, и я отдаю тебе в жены мою дочь, ЗлатокудруюИзольду».

Изольда протянула Тристану руку.

Поклонился Тристан и сказал: «Я прибыл сюда по повелению моего господина, короля Марка. И к нему отвезу Златокудрую Изольду, чтобы стала она его супругой и нашей королевой».

Горько стало Изольде: не для себя, для другого увозит ее из дому Тристан, доблестный и прекрасный.

Стали собирать Изольду в дорогу. Мать Изольды, старая королева, сварила из тайных трав любовное зелье — если выпьют его мужчина и женщина вместе, то полюбят друг друга вечной любовью. В серебряный кувшин налила королева любовное зелье и велела Брангене, верной Изольдиной служанке, дать того зелья Изольде и королю Марку в день свадьбы.

Отчалил корабль от берегов зеленой Ирландии, поплыл к суровым берегам Корнуолла.

Грустит и плачет Изольда: жалко ей покидать родную землю, страшно плыть на чужбину.

Тристан старался развлечь ее и утешить. Стал он учить Златокудрую Изольду читать и писать, и понимать по-латыни, и играть в шахматы — игру королей.

Раз сидели они за шахматной доской, а день был жаркий. Захотелось Изольде пить, и послала она Брангену за вином. Перепутала Брангена кувшины, принесла не вина — любовного зелья.

Выпила Изольда половину кубка, а вторую дала Тристану. Так выпили они свою погибель.

С того дня предались Тристан и Изольда друг другу душою и телом, вступили на путь, с которого не сойти им до самой смерти.

На суровом берегу Корнуолла король Марк со своими рыцарями встречал их корабль.

О, благородный король Марк, встречаешь ты горе свое и терзанье!

Увидел король Марк, как красива Изольда, и полюбил ее с первого взгляда, а Тристана похвалил за верную службу.

Брангена, Изольдина служанка, чтобы скрыть позор госпожи и искупить невольную свою вину, в брачную ночь заменила Изольду на королевском ложе. Ночная тьма помогла обману.

Так стала Изольда королевой Корнуолла.

Честь не велит Тристану любить свою королеву. Долг не велит Изольде нарушать супружескую верность. Но забывали они о долге и чести и помнили лишь о любви.

Был у Тристана враг при дворе благородного Марка, коварный барон Андрет. Давно завидовал Андрет Тристану, давно искал случая опорочить его в глазах короля.

Говорит барон Андрет королю: «Берегись, государь! Королева обманывает тебя с Тристаном».

Король не поверил доносу, но видеть Тристана стало ему тяжело, и он отослал его из замка.

Но не мог Тристан жить без Изольды, а она без него. Стали они встречаться тайно и придумали такую уловку: Тристан, чтобы вызвать на свиданье Изольду, бросал щепки в быстрей ручей, что брал начало за пределами замка. Нет преград водному потоку — бежал ручей по королевскому саду, видела плывущие щепки Изольда, и было то знаком, что ждет ее Тристан у истока ручья под сосной.

Проведал об этом барон Андрет и сказал королю: «Государь, не поверил ты моим словам, так убедись своими глазами. Нынче вечером взберись на сосну, что растет за оградой замка, спрячься в ее ветвях, и ты узнаешь, какие речи ведут между собой Тристан и Изольда».

Послушался король коварного барона Андрета. Вот пришел Тристан под сосну, к истоку ручья, стал бросать в воду светлые щепки. Понесло их теченьем к Изольде. Но тут взошла на небе луна, и увидел Тристан в ручье отражение сосны и короля Марка в ее ветвях.

Не остановить Тристану быстрого теченья, не остеречь Златокудрую Изольду!

А Изольда уже спешит на свиданье, уже подходит к Тристану. Но тут услышала она, как качнулась на высокой сосне ветка. А ветра в тот вечер не было, и догадалась Изольда, что скрывается на сосне соглядатай. Остановилась златокудрая королева, но по своей женской хитрости даже не взглянула наверх, а громко заговорила с Тристаном.

Сказала Изольда: «Господин Тристан! Как посмел ты позвать меня сюда? Чего ты хочешь от меня?» Тристан, поняв хитрость Изольды, также громко ответил: «Прости меня, королева! Хочу я только, чтобы ты замолвила за меня слово перед королем, твоим супругом. Неведомо мне, чем навлек я на себя его немилость. Не знаю, за что прогнал он меня из замка».

Поверил король, что ни в чем не повинны Тристан и Изольда, обрадовался и на другой день послал к Тристану гонца с разрешением вернуться в замок.

По обычаю того времени, рыцари спали в том же покое, что и король с королевой, и от ложа Тристана до ложа Изольды было не более длины копья.

Говорит коварный барон Андрет королю Марку: «Государь! В последний раз испытай верность твоей жены и Тристана. Выйди после первого сна из опочивальни, и можешь меня повесить, если, вернувшись, не уличишь их в измене!» Купил барон Андрет крупичатой муки на четыре денье, рассыпал по полу опочивальни, чтобы остались на ней следы шагов Тристана, когда ночью он приблизился к королеве.

В полночь вышел король из опочивальни.

Но Тристан уже заметил рассыпанную муку, и перенесся к Изольде одним прыжком, не коснувшись ногою пола. На беду позабыл Тристан, что накануне во время охоты ранил его острым клыком дикий кабан. Открылась свежая рана, полилась горячая кровь.

Вернувшись, король застал Изольду одну на ложе, но обличали измену следы свежей крови, запятнавшей постель.

Велико было горе короля Марка, еще больше был его гнев. Повелел он схватить неверную королеву, повелел схватить и ее любовника и наутро сжечь обоих на костре.

Повели на казнь Тристана и Изольду. Вот ведут их мимо уединенной часовни. Тристан просит свою стражу: «Добрые господа! Разрешите мне помолиться в последний раз».

Вошел Тристан внутрь, а стража осталась у входа.

А надобно сказать, что стояла часовня на краю крутого обрыва, и внизу было море и острые камни.

Выломал Тристан из окна железную решетку и ринулся вниз.

А Изольду уже подвели к месту казни — сейчас взойдет она накостер.

Вдруг послышался глухой звук трещоток — это шли к костру сто прокаженных, отвратительных и покрытых гнойными язвами.

Старший из них сказал королю: «Государь! Костер — слишком легкая смерть для изменницы. Лучше отдай королеву нам».

И так велик был гнев короля, что он сказал: «Берите ее!» Под звук трещоток увели прокаженные Златокудрую Изольду.

А король залился слезами и, рыдая, сказал: «Погубил я храбрейшего из рыцарей, погубил прекраснейшую из женщин!» Но Господь милосердный сделал так, что Тристан не погиб. Когда прыгнул он из окна часовни, то ветер надул его плащ как парус, и Тристан опустился на камни, не претерпев никакого ущерба.

Узнал Тристан, что сталось с Изольдой, раздобыл себе меч и коня и устремился на помощь. Быстро нагнал он толпу прокаженных, тащивших златокудрую королеву, громким голосом крикнул: «Отпустите ее, коли жизнь вам мила!» Взялись прокаженные за дубины и колья. Но что дубина против меча, что злоба против доблести! Отбил Тристан Златокудрую Изольду, спас от участи, горшей, чем смерть.

В зеленом лесу, вдали от людей, поселились Тристан и Изольда. Тристан построил шалаш из еловых ветвей, чтобы им было, где жить, смастерил себе лук и стал ходить на охоту, а Изольда жарила дичь на костре.

Не было у них ни соли, ни хлеба, сухие листья служили им постелью, одежда превратилась в лохмотья, но в том зеленом лесу были счастливы Тристан и Изольда, как никогда прежде: теперь не упрекала их совесть, теперь не была их любовь преступной.

Но случилось так, что король Марк, охотясь однажды в том же лесу, увидал шалаш. И подумал король: «Кто же может жить в столь глухом месте?» Он сошел с коня и, раздвинув зеленые ветки, заглянул внутрь шалаша.

Тристан и Изольда спали, меч Тристана лежал между ними. Изумился король, увидев живыми тех, кого почитал умершими, и былой гнев вскипел в его сердце. Выхватил он из ножен свой меч с золотой рукоятью и хотел поразить спящих, но подумал: «Господь милосердный явил чудо, избавив их от неминуемой смерти. Хорошо ли я поступлю, если убью их?» И тогда, умягчившись сердцем, король Марк осторожно взял меч Тристана, а вместо него положил свой — с золотой рукоятью. Потом снял кольцо с пальца Изольды — легко снялось оно, так исхудали ее руки — и надел другое, то, что сама Изольда подарила ему в злополучный день их свадьбы. И тихо, не разбудив спящих, удалился король.

Проснулись Тристан и Изольда. Узнал Тристан меч своего короля, узнала Изольда свое обручальное кольцо.

«Горе нам! — воскликнул Тристан. — Здесь был благородный Марк. Он пощадил нас, хотя мог убить».

Опечалилась Златокудрая Изольда: перед жестоким королем они были правы, перед великодушным — опять виноваты.

И сказал Тристан: «Госпожа моя! Чтобы не совершить бесчестного дела, должен я возвратить тебя супругу».

И сказала Изольда: «Я сделаю так, как ты прикажешь, единственный мой господин».

Посадил Тристан Изольду на своего коня, взял его под уздцы и шагом повел по лесной дороге. Горестным был этот путь, и они не сказали друг другу ни слова.

Благородный король Марк принял Изольду с любовью, даровал ей полное прощенье, а Тристан, терзаемый жестокой печалью, навсегда покинул берега Корнуолла.

Два года скитался Тристан по свету. Много подвигов он совершил и покрыл новой славой свое имя, но в мыслях его была одна Изольда.

Узнал однажды Тристан, что есть у короля Уэльса волшебный колокольчик, от нежного звона которого забывается всякое страданье и печаль превращается в радость.

И подумал Тристан: «Вот бы был подарок для Изольды!» Отправился Тристан в Уэльс и спросил короля: «Что бы ты дал, государь, тому, кто убьет свирепого великана Ургана, угнетающего твою страну?» Король Уэльса ответил: «Все, что тот пожелает».

Страшен был бой с великаном, но Тристан победил. Получил он волшебный колокольчик, послал его Златокудрой Изольде.

Изольда обрадовалась подарку Тристана, но, узнав, что колокольчик волшебный, сказала: «Разве могу я быть веселой, когда мой любимый пребывает в печали?» И бросила колокольчик в море.

Но Тристан об этом не знал и думал, что Изольда уже позабыла их страданья и живет в спокойствии и счастье.

Однажды оказался Тристан в Бретани, стране красивой и плодородной. Но захватили Бретань враги, потоптали ее поля, пожгли города и села, осадили королевскую столицу.

Встал Тристан на защиту Бретани, изгнал врагов из ее пределов. Король Бретани полюбил Тристана как сына и предложил свою дочь ему в жены. Была королевна добра и простодушна, были у нее нежные руки, а звали ее — тоже Изольдой. Дрогнуло сердце Тристана, и в недобрый час взял он в жены другую Изольду.

Но когда другая Изольда, добрая и простодушная, спросила, стыдясь, отчего не одарит он ее поцелуем, почему не прижмет к своему сердцу, Тристан ответил: «В давние времена я дал обет: если когда-нибудь возьму себе жену, то первый год буду жить с ней, как брат с сестрой».

Вскоре поссорился Тристан с одним бароном и вызвал его на поединок. Барон был предатель и трус, он ударил Тристана отравленым копьем.

И вот, умирает Тристан, доблестный и прекрасный.

Велел Тристан снарядить корабль и послать за Златокудрой Изольдой, чтобы мог он проститься с ней перед смертью.

Тристан сказал капитану: «Торопись, друг, ибо недолго осталось мне жить. И если привезешь ты златокудрую королеву — поставь на корабле белый парус, если же откажет она мне в последней милости — черный».

Подслушала речь Тристана его супруга, другая Изольда, добрая и простодушная, и охватила ее жгучая ревность.

Узнала Златокудрая Изольда, что умирает ее любимый, рванулась к нему всем сердцем. Но как уехать от мужа, благородного короля Марка?

Говорит она Брангене, верной своей служанке: «Если король меня не отпустит, то я умру».

Бросилась Брангена перед королем на колени и поведала, как своими руками дала она Тристану и Изольде любовного зелья, и полюбили они друг друга такой любовью, противиться которой не в человеческих силах.

Сказал король Марк: «Если так, то нет на них никакой вины».

И отпустил Златокудрую Изольду, куда она пожелает.

Птицей летит по морю корабль, ветер надувает белый парус.

Выглянула из окна другая Изольда, увидела корабль, сказала о том Тристану.

Спрашивает Тристан: «Какого цвета на нем парус?» Ответила другая Изольда, добрая и простодушная: «Чернее тутовых ягод».

И Тристан, не отпускавший от себя жизнь лишь потому, что ждал Златокудрую Изольду, трижды произнес ее имя и умер.

Не пришлось Златокудрой Изольде принять последний вздох Тристана, без нее скончался ее любимый!

Сказала Изольда Златокудрая другой Изольде: «Уйди! Сейчас я должна быть с ним, потому что никто на свете не любил его сильнее меня».

И, оставшись наедине с Тристаном, крепко его обняла, прижалась грудью к его груди, устами к его устам, и сердце ее разорвалось.

Король Марк приказал сделать два гроба: для Тристана — из зеленого берилла, для Изольды — из прозрачного халцедона.

Похоронили их по две стороны от часовни. За ночь на могиле Тристана вырос высокий терновник, изогнулся над крышей часовни и вершиной врос в могилу Изольды.

62. ТОМАС ЛЕРМОНТ

Полулегендарный шотландский поэт Томас Лермонт из Эрсидцуна, живший в XIII веке, считается зачинателем шотландской литературы. Великий английский писатель Вальтер Скотт писал: «Мало кто так прославлен в преданиях, как Томас из Эрсилдуна».

В одной из легенд рассказывается о том, каким образом Томас Лермонт обрел свой поэтический дар.

На берегу реки Лаудер, у подножия Эддонских холмов, в своем родовом замке Эрсилдун жил благородный, хотя и небогатый, шотландский дворянин Томас Лермонт. На всю округу славился Томас Лермонт своим умением петь и играть на арфе, а такое умение шотландцы издревле ценили наравне с воинской доблестью.

Однажды майским утром Томас Лермонт сидел на берегу Лаудера под сенью старого Элдонского дуба, о котором говорили, что ему уже тысяча лет, и задумчиво перебирал струны арфы.

Вдруг послышался стук копыт, перезвон бубенцов, и из леса выехала всадница на статном сером коне. Она держала на сворке семь борзых собак, семь гончих бежали следом. Грива коня была украшена пятьюдесятью и еще девятью серебряными бубенцами, шелковые поводья расшиты драгоценными каменьями, седло крыто алым бархатом, а стремена сделаны из прозрачного хрусталя.

На всаднице было атласное платье, зеленое, как молодые листья рябины, и такой же плащ, а сама она была хороша, как майское утро.

Томас подумал, что перед ним Святая Дева, и хотел преклонить перед нею колена, но красавица, будто угадав его мысли, сказала: «Нет, Томас, я не Святая Дева, а всего лишь королева доброго народца — фей и эльфов».

Она спрыгнула с коня, присела на траву рядом с Томасом и попросила: «Сыграй мне на своей арфе, Томас из Эрсидцуна! И, если твоя игра придется мне по нраву, я щедро награжу тебя».

«Охотно, прекрасная королева, я приложу все свое умение, чтобы угодить тебе», — ответил Томас и заиграл. Струны как будто сами пели под его руками, мелодия лилась, как ручей с вершины холма.

Когда Томас закончил, королева фей сказала: «Никогда еще мне не доводилось слышать такой прекрасной игры, хотя в моем королевстве немало искусных музыкантов. Проси у меня награду, какую только пожелаешь».

Томас ответил: «Если ты и вправду хочешь меня наградить, то позволь поцеловать тебя».

Лицо прекрасной королевы затуманилось печалью, и она сказала: «Как бы не пожалеть тебе, Томас из Эрсилдуна, о своей просьбе. Ведь если ты поцелуешь меня хоть раз, то окажешься в полной моей власти и тебе придется прослужить мне семь лет. А к добру это или к худу — никто не знает».

Томас воскликнул: «Я готов служить тебе не семь лет, а до конца своей жизни!» — и поцеловал прекрасную королеву в уста, алые, как цветы шиповника.

И вдруг с королевой произошла страшная перемена: ее золотые волосы поседели, белоснежная кожа пожелтела и покрылась морщинами, зеленое платье полиняло и стало серым, как пепел. Статный конь превратился в заморенную клячу, а борзые и гончие — в голодных волков.

В ужасе смотрел Томас Лермонт на преображенную королеву, а она рассмеялась и сказала: «Не будем медлить, Томас из Эрсилдуна, нам предстоит неблизкий путь!» Королева вскочила в седло, велела Томасу сесть к ней за спину, и заморенная кляча понеслась быстрее птицы, а голодные волки побежали следом.

И вот зеленые долины и поросшие вереском холмы остались позади — перед путниками расстилалась унылая пустошь, бескрайняя и бесплодная.

Королева фей остановила коня и сказала: «Здесь мы отдохнем. Приляг, Томас, на землю, склони голову ко мне на колени, да смотри — не засни, потому что должны тебе явиться три видения».

Томас послушался и вскоре увидел, как пролегли через пустошь три дороги. Одна — узкая и каменистая, вся заросшая тернием и колючим шиповником. Королева фей сказала: «Это — путь правды, самый трудный из всех путей».

Другая дорога была широкая и гладкая, по ее обочинам цвели душистые лилии. Королева фей сказала: «Это — дорога лжи. Многие выбирают ее, потому что легко по ней идти, но она ведет к погибели».

Третья дорога, то исчезая, то вновь появляясь, вилась среди густых зарослей зеленого папоротника и лилового вереска. «А эта дорога, —

сказала королева фей, — ведет в мою страну. По ней-то мы и поедем».

Сначала дорога петляла по склону холма, потом стала спускаться в ущелье, сумрачное и холодное, как могила. По дну ущелья катил свои темные воды широкий поток, и Томас увидел, что течет в нем не вода, а кровь.

Королева фей сказала: «Это кровь, пролитая на полях сражений. Когда на земле мир — поток мелеет, когда начинаются войны — выходит из берегов».

Конь переплыл кровавый поток, перенеся всадников на другой берег. Дорога пошла вверх, и вскоре Томас снова увидел солнечный свет.

Он и его спутница оказались в зеленом саду. Ветви яблонь клонились под тяжестью спелых плодов. Томас проголодался и хотел сорвать яблоко, но королева фей остановила его: «Остерегись, Томас, если в стране фей ты съешь что-нибудь кроме того, что я сама тебе предложу, или заговоришь с кем-нибудь, кроме меня, то останешься здесь навсегда».

Вскоре пред ними предстал прекрасный замок, стоящий на вершине холма. Королева фей сказала: «Вот мое жилище. Здесь живет король — мой супруг, и мой народ — феи и эльфы».

Она затрубила в рог, что висел у нее на поясе, и со всех башен радостно отозвались трубы. Распахнулись ворота, опустился подъемный мост, навстречу королеве вышел ее супруг в окружении фей и эльфов.

И тут же к королеве вернулась ее прежняя красота и великолепный наряд, конь обрел прежнюю стать, а голодные волки превратились в породистых собак.

Король и королева рука об руку вошли в замок, остальные последовали за ними. В замке феи и эльфы окружили Томаса и стали спрашивать, кто он таков. Но Томас, помня предостережение королевы, молчал.

За него ответила королева: «Это Томас из Эрсилдуна. Он дал обет молчания, но прекрасно умеет играть на арфе. Завтра мы устроим состязание музыкантов и посмотрим, кто окажется искуснее — жители страны фей или обычный человек».

На другой день все собрались в самом большом зале замка. Король и королева сидели на тронах, украшенных драгоценными камнями. Два эльфа внесли золотую арфу, и королева фей объявила: «Эта арфа станет наградой тому, кто победит в состязании».

Сначала свое искусство показали жители страны фей. Мелодии, которые они играли, были волшебными, на земле таких не слыхали.

Томас Лермонт подумал: «Где мне с ними тягаться!» Но тут королева фей сказала: «Теперь твой черед, Томас из Эрсилдуна!» Томас взял свою арфу и, едва начав играть, забыл, что находится в царстве фей и вокруг него множество народа. Ему казалось, что он сидит под Элдонским дубом и слушает его одна прекрасная королева.

Когда он закончил, все в один голос решили: «Томас из Эрсилдуна выиграл состязание.» Ему вручили золотую арфу.

Следующим утром королева сказала Томасу: «Пора тебе возвращаться домой».

Томас удивился: «Ведь ты говорила, что я должен прослужить тебе семь лет, а пошел только третий день!» На что королева ответила: «В

стране фей время идет не так, как на земле. Ровно семь лет минуло с тех пор, как мы с тобой встретились под Элдонским дубом».

Тогда Томас воскликнул: «Без тебя безрадостна будет моя жизнь! Разреши мне остаться здесь навсегда».

Но королева фей сказала: «Тебе нельзя больше оставаться здесь ни одного дня. Раз в семь лет сюда прилетает злобный дух из Царства Тьмы и забирает кого-нибудь из моих слуг. Сдается мне, что на этот раз он выберет тебя».

Королева фей велела оседлать своего серого коня, вскочила в седло, Томас снова сел к ней за спину, и они пустились в обратный путь.

Вот уже показались Элдонские холмы. Томас сошел с коня и стал прощаться с прекрасной королевой.

Королева фей сказала: «Прими от меня три волшебных дара, Томас из Эрсилдуна. Первый — дар стихотворства. Отныне ты сможешь слагать стихи, и люди станут называть тебя Томас Стихотворец. Второй — дар пророчества. Ты будешь провидеть на много лет вперед и предсказывать то, что случится в далеком будущем. Третий — дар правдивости. Никогда твои уста не произнесут ни слова лжи».

Томас воскликнул: «Спасибо тебе за два первые дара, а третий — возьми обратно. Если я не смогу лгать, то как же я стану торговать на ярмарке, оказывать почтение вельможам и льстить красавицам?» Но королева фей сказала: «Не отказывайся от третьего дара, Томас. Он пугает тебя, но в нем — великая сила».

И Томас ответил: «Будь по-твоему».

Королева фей повернула своего коня. Томас крикнул ей вслед: «Я не хочу расставаться с тобой навсегда!» Королева, обернувшись, ответила: «Придет время — и я позову тебя. Жди моих посланцев, Томас из Эрсилдуна! Но знай, придут они за тобою не скоро».

С той поры минуло дважды семь лет. Томас жил в родном Эрсилдуне, но его слава гремела по всей Шотландии. Его почитали как мудрого прорицателя, как человека, который никогда не лжет и как вдохновенного поэта.

Предсказания Томаса Лермонта были полны глубокого смысла и всегда исполнялись. Однажды граф Марч, знатный вельможа, послал к Томасу в Эрсилдун своего слугу, чтобы узнать, какая на другой день будет погода. Томас ответил: «Завтра разразится буря, какой еще не бывало в Шотландии».

Однако следующее утро выдалось ясным и тихим Граф Марч потребовал, чтобы прорицатель признал свою ошибку, но Томас сказал: «Подождите до полудня».

Настал полдень. И случилось так, что в это время король Шотландии Александр III ехал верхом по узкой горной дороге. Конь под ним оступился, король упал с крутого склона и разбился насмерть.

У Александра III не было прямого наследника, и сразу после его гибели объявилось тринадцать претендентов на шотландский престол. В стране началась великая смута, которая продолжалась долгие годы.

Вскоре на Шотландию напали англичане. Шотландцы мужественно защищали свою независимость.

Однажды шотландское войско остановилось на отдых в двух милях от Эрсилдуна, там, где Лаудер впадает в реку Твид. Томас Лермонт пригласил шотландских вождей в свой замок и устроил для них пир. Когда гости насытились, они стали просить хозяина показать свое искусство, о котором они так много слыхали, и спеть какую-нибудь песню собственного сочинения.

Томас взял свою золотую арфу и запел о том, как некогда побывал он в стране фей и с тех пор тоскует по ее прекрасной королеве.

Вдруг в пиршественную залу вбежал слуга и закричал: «Господин, случилось небывалое: из лесу вышли два белых оленя и идут прямо к замку!» Томас Лермонт и его гости пошли посмотреть на такое диво. И правда — по улице селения, не обращая внимания на собравшуюся толпу, царственной поступью шествовали олень и олениха, белые, как снег на горной вершине.

И сказал Томас Лермонт: «Клянусь, это существа не из нашего мира, и они посланы за мной».

Он вернулся в замок, взял свою золотую арфу и пошел навстречу оленям. Олени остановились, поджидая его. Томас в последний раз взглянул на Эрсилдун и произнес: «Прощай, жилище моих предков! Отныне никто из Лермонтов не будет владеть тобой. Твои древние стены обветшают, и там, где некогда пылал твой гостеприимный очаг, зайчиха выведет свое потомство».

Томас вместе с белыми оленями перешел вброд Лаудер — и все трое скрылись из глаз…

В Шотландии Томаса Лермонта почитают до сих пор. На древней башне, сохранившейся там, где было селение Эрсилдун, и, по традиции, называемой «Башней Томаса», в 1894 году была установлена мемориальная доска. Памятным камнем отмечено и место, где, по преданию, рос Элдонский дуб, под которым Томас Лермонт встретился с королевой фей.

В1838 году Вальтер Скотт собрал и опубликовал легендарные и исторические данные о Томасе Лермонте, а также написал поэму «Томас Стихотворец».

Произведения самого Томаса Лермонта на протяжении долгого времени бытовали в изустной традиции. Ему приписывается один из ранних стихотворных вариантов романа о Тристане и Изольде. Поэт и историк XVI века Роберт де Брюнн писал об этом романе: «Он был бы лучшим из всех, когда-либо сочиненных, если бы его можно было читать вслух в том виде, в каком он был создан автором — Томасом Эрсилдуном», но «он написан таким цветистым языком и таким сложным размером, что теряет все свои достоинства в устах обыкновенных менестрелей».

Свои прорицания Томас Лермонт также облекал в стихотворную форму. По большей части они касались истории Шотландии. Томас Лермонт предсказал битву при Бэннокберне, в которой шотландцы нанесли сокрушительное поражение англичанам. Это произошло в 1314 году, через семнадцать лет после смерти (или, если верить легенде, таинственного исчезновения) самого Томаса. Он предсказал также объединение Англии и Шотландии под властью короля шотландского происхождения, рожденного французской королевой:

Британию он от морей до морей покорит,
Потомкам его подчинятся шотландец и бритт

(ПереводМ Клягиной-Кондратьевой)

Это предсказание исполнилось в 1603 году, когда королем Англии и Шотландии стал Яков VI, сын шотландки Марии Стюарт, бывшей замужем за французским королем Франциском II.

Предсказал Томас Лермонт и будущее наступление конца света: это произойдет, когда два валуна, стоящие в узком заливе Тэй и известные под названием «Коровы Гаури», выйдут на берег. (Говорят, что валуны приближаются к суше со скоростью одного дюйма (2,54 см) в год.). Великий русский поэт М.Ю. Лермонтов считал Томаса Лермонта своим предком. Действительно, в начале XVII века некий шотландский дворянин Георгий Лермонт поступил на службу к царю Михаилу Федоровичу и был назначен «обучать хитростям ратного строения дворян и детей боярских». М.Ю. Лермонтов является потомком этого Лермонта в восьмом колене.

Философ и литературный критик Вл. Соловьев писал, что Лермонтов был очень близок по духу к Томасу Лермонту — «древнему своему предку, вещему и демоническому(…), сего любовными песнями, мрачными предсказаниями, загадочным двойственным существованием и роковым концом».

63. РОБИН ГУД

Сказания о Робин Гуде сохранились в форме баллад — сюжетных стихотворений. Слово «баллада» происходит от того же корня, что и «балет». Первоначально балладами называли народные песни, которыми сопровождались пляски.

О смелом парне будет речь.
Он звался Робин Гуд.
Недаром память смельчака
В народе берегут.

(Перевод Игн. Ивановского)

Вольный лесной стрелок Робин Гуд — герой английских народных баллад, благородный разбойник, борец с несправедливостью, защитник угнетенных. По степени популярности его часто сравнивают с королем Артуром: король Артур — идеал рыцарства, Робин Гуд — идеал простого народа.

Существует огромное количество баллад о Робин Гуде. На протяжении столетий в народе возникали все новые и новые истории о его приключениях и подвигах. Наиболее ранние из этих баллад относятся к XIII веку, наиболее поздние — к XVII веку.

В балладе, открывающей цикл баллад о Робин Гуде, рассказывается о том, что он с юных лет был непревзойденным стрелком излука.

Но дом его сожгли враги,
И Робин Гуд исчез, -
С ватагой доблестных стрелков
Ушел в Шервудский лес.

Баллада не называет врагов, разоривших селение Робин Гуда, но большинство исследователей считает, что в ней отразилась память о завоевании Англии норманами в XI веке. Завоеватели жестоко притесняли тогдашнее население Англии — англосаксов, отбирали у них земли, лишали прав. В исторической хронике, составленной в XII веке, говорится: «Среди людей, у которых конфискованы были имения, находился также знаменитый Робин Гуд, которого прославили все современные барды». Таким образом, в XII веке легендарный Робин Гуд отождествлялся с конкретной исторической личностью.

Нередко англосаксы, нежелающие покоряться завоевателям, уходили в леса и создавали партизанские отряды для борьбы с норманнами. Вероятно, Робин Гуд был предводителем такого отряда.

Однако в балладах образ Робин Гуда не привязывается к какой-либо определенной эпохе. Иногда его называют современником короля Ричарда Львиное сердце, правившего в XII веке, иногда — современником королей Эдуардов (их было несколько, и они жили в XIII–XIV веках).

Постепенно англосаксы смешались с норманнами, образовав единый английский народ, борьба между ними потеряла свою актуальность, и Робин Гуд из непокоренного англосакса превратился в вольнолюбивого английского крестьянина-йомена.

Робин Гуд и его удальцы жили в Шервудском лесу не только разбоем, но и охотой. Однако охота в средневековой Англии была для крестьянина занятием опасным, противозаконным. Вся дичь в лесу принадлежала королю и королевские лесничие зорко ее охраняли. Нарушившим запрет грозила смертная казнь. В большинстве баллад противниками Робин Гуда являются нотгингемский шериф — наместник короля в городе Ноттингеме, а также королевские лесничие.

Однажды шериф приказал повесить трех сыновей старухи-вдовы из ближайшей деревни за то, что они подстрелили оленя в королевском лесу. Об этом узнал Робин Гуд.

«Клянусь, — воскликнул Робин Гуд, -
Ты рано плачешь, мать!
Но видит Бог, что я бы мог
Навеки опоздать!»

Робин Гуд переоделся нищим и поспешил в Ноттингем, где все уже было готово к казни. Когда осужденных подвели к виселице, Робин Гуд затрубил в рог. Тут же из леса примчалась сотня вольных стрелков, и

сыновья вдовы были освобождены.

В другой балладе Робин Гуд и его удальцы спасают от казни своего товарища Вилла Статли:

И вот на воле храбрый Вилл,
Избавлен от петли.-
Навек запомню я, друзья,
Как вы меня спасли.
Мы будем в зарослях бродить,
В волнах густой травы
И слушать звонкий щебет птиц
Да пенье тетивы».

В балладе «Робин Гуд и золотая стрела» шериф жалуется королю, что не может изловить Робин Гуда и его вольных стрелков. Король советует прибегнуть к хитрости:

«Найди приманку похитрей,
Захлопни западню,
А там вези врага ко мне,
Я сам его казню».

Шериф объявил в Ноттингеме состязание в стрельбе из лука, пообещав победителю золотую стрелу. Когда весть об этом дошла до Шервудского леса, вольные стрелки решили принять участие в состязании и отправились в город. Но по совету одного из них, дюжего молодца по прозвищу Малютка Джон, Робин Гуд и его товарищи сменили зеленые плащи, которые носили обычно, на разноцветные, и шериф их не узнал.

Робин Гуд выиграл состязание, получил золотую стрелу — и благополучно вернулся в лес.

Люблю, — воскликнул Робин Гуд, -
Нелегкие дела!
Вот только плохо, что шериф
Не знает, где стрела.

Вольные стрелки сочинили письмо к шерифу, в котором сообщили ему, кто выиграл приз, привязали письмо к стреле, и Робин Гуд выстрелил ею излука, да так, что стрела долетела до Нотингема и попала прямо в окно к шерифу.

Был в страшной ярости шериф
От дерзкого письма,
И сам потом дивился он,
Что не сошел с ума.

Робин Гуд не раз ловко обманывал и грабил самого шерифа. В одной балладе, захватив шерифа в плен, он заставляет его поклясться не притеснять бедняков; в другой — нагоняет на него такого страха, что

шериф решает держаться подальше от Робин Гуда — и отказывается от борьбы с ним.

Хотя обычно Робин Гуд враждует со знатью, в одной из баллад рассказывается о том, как он помог попавшему в беду рыцарю.

Сын рыцаря служил при королевском дворе, что требовало больших расходов, и рыцарю пришлось заложить все свои имения аббату ближайшего монастыря. Пришло время уплаты долга, но платить было нечем, и рыцарь отправился в аббатство просить об отсрочке.

Когда он проезжал через Шервудский лес, на него напали вольные стрелки во главе с Робин Гудом. Но увидев, что у рыцаря ничего нет, и выслушав его печальную историю, Робин Гуд дал ему сумму, необходимую для выкупа земель, а остальные вольные стрелки подарили коня, уздечку, пару сапог и кусок сукна на новый плащ. Робин Гуд приходил на выручку нуждающимся в помощи в самых разных жизненных обстоятельствах.

Однажды, когда теплым майским днем Робин Гуд отдыхал в тени под деревом, мимо него по дороге прошел молодой парень, распевающий веселую песню. А вскоре Робин Гуд увидел того же парня, возвращавшегося обратно. Он уже не пел, а тяжко вздыхал. Робин Гуд вышел из лесу ему на встречу и спросил, какая беда с ним приключилась. Парень поведал, что шел к своей милой, чтобы подарить ей обручальное колечко, но узнал, что ее насильно выдают замуж за старого лорда. Робин Гуд со своими стрелками поспешил в церковь, где уже началось венчание, прогнал старого лорда, и влюбленные тут же обвенчались.

В одной из баллад рассказывается о женитьбе самого Робин Гуда. Робин Гуд полюбил знатную девушку по имени Марианна и, выдавая себя за графа, добился ее любви. Затем он вернулся в Шервудский лес, а опечаленная Марианна, переодевшись в мужское платье, отправилась его искать. Они встретились на лесной дороге. Робин Гуд принял Марианну за богатого путешественника и напал на нее, желая ограбить, а Марианна не узнала в разбойнике своего возлюбленного-графа. Между ними завязался бой, причем девушка сражалась так мужественно, что восхищенный Робин Гуд предложил ей заключить мир и быть отныне товарищами. Вскоре недоразумение разъяснилось, Робин Гуд и Марианна обвенчались и счастливо жили в зеленом лесу.

Завершается цикл баллад о Робин Гуде балладой о его смерти. Однажды Робин Гуд почувствовал, что рука его ослабела и стрелы летят мимо цели. Он решил, что заболел, и отправился в Кирклейский монастырь, монахини которого славились искусством «отворять кровь» (в средние века кровопускание считалось лучшим средством от всех болезней). Монахини, то ли по недосмотру, то ли по злому умыслу, выпустили из жил Робин Гуда так много крови, что он оказался при смерти. Из последних сил затрубил Робин Гуд в свой рог. Малютка Джон услышал призыв. Он выломал монастырские ворота и, найдя Робин Гуда умирающим, предложил поджечь монастырь, чтобы отомстить монахиням. Однако Робин Гуд ответил, что за всю свою жизнь не причинил вреда женщинам и перед смертью не хочет изменять этому правилу.

С помощью Малютки Джона он вернулся в лес. Робин Гуд простился с товарищами, в последний раз натянул тетиву своего верного лука и пустил стрелу, завещав похоронить себя там, где она упадет.

Так закончилась жизнь Робин Гуда.

Как и многие герои народных сказаний, Робин Гуд имеет не только исторические, но и мифологические корни. В германской мифологии известен лесной дух Гудекин. В Англии существовал майский праздник, посвященный Робин Гуду, когда крестьяне отправлялись в лес ломать свежие зеленые ветки. Этот обычай свидетельствует о том, что в народном сознании Робин Гуд объединился с языческим лесным божеством.

В настоящее время в графстве Ноттингемшир, в Шервудском лесу, существует «Музей Робин Гуда».

64. ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

«Песнь о Роланде» — величайшее произведение французской эпической поэзии — возникла в IX веке. Первоначально она бытовала в устной форме, ее исполняли бродячие певцы-жонглеры.

302 Популярность «Песни о Роланде» очень велика. Английский летописец Вильгельм Мальмсберийский писал, что прибывшие из Франции норманны во время битвы при Гастингсе (1066) пели «кантилены Роланда», «чтобы пример этого мужа воодушевлял воинов».

Наиболее ранняя запись «Песни о Роланде» относится к 1170 году, она была сделала неким Турольдусом, который приписал в конце: «Турольдус утомился». Но был ли этот Турольдус просто переписчиком или его рукопись является авторской обработкой народного сказания — неизвестно.

В основе «Песни о Роланде» лежит исторический факт. В 778 году император франков Карл Великий со своим войском возвращался из похода против Испании. В Пиренеях, при переходе через ущелье Ронсеваль, на арьергард франкского войска напал отряд басков. Произошло кровопролитное сражение, в котором погибло множество франков — рядовых воинов и полководцев. Современник и биограф Карла Великого, Карл Эйнхард, рассказывая об этом сражении, называет среди убитых Роланда — графа бретонской марки (области на севере Франции).

В «Песни о Роланде» частный эпизод войны был преобразован в событие, исполненное величия и глубокого внутреннего значения, а «граф бретонской марки», о котором неизвестно ничего, кроме имени, превратился в национального героя, образец доблести и патриотизма.

Вместо реальных басков, коренного населения испанских гор, в «Песни о Роланде» противниками франков выступают сарацины (или мавры) — так называли захвативших Испанию арабов. Дело в том, что баски, также как и франки, были христианами, а сарацины — мусульманами (христианские авторы ошибочно называли их язычниками). Таким образом, в «Песни о Роланде» стычка христиан с христианами заменяется борьбой христианства с язычеством, и франки сражаются, воодушевленные религиозной идеей.

В соответствии с законами эпоса был преобразован и образ императора франков Карла Великого. В «Песни о Роланде» он представлен древним, седобородым старцем, тогда как на самом деле в год Ронсевальской битвы ему было тридцать шесть лет и он носил титул короля, став императором лишь в 800 году.

Историческим лицом является еще один персонаж «Песни о Роланде» — Турпин, архиепископ Реймский, но известно, что он не погиб в Ронсевальской битве, как об этом повествуется в «Песни о Роланде», а скончался на 24 года позже.

Прообразом изменника Гвенелона принято считать архиепископа Санского, имевшего созвучное имя Венило, жившего, правда, значительно позже и в 856 году изменившего внуку Карла Великого, королю Карлу Лысому.

Сарацинский царь Марсилий — лицо вымышленное.

«Песнь о Роланде» — классический образец средневековой эпической поэзии. В народной среде она долгое время продолжала существовать в устной форме, развиваясь и видоизменяясь, порой, самым неожиданным образом. Так, во второй половине XIX века по Франции был записан вариант «Песни о Роланде», который заканчивается тем, что Карл Великий удаляется на покой, передав свой престол Наполеону.

Карл Великий, император франков, семь долгих лет воевал в Испании против сарацин. Много славных побед одержали франки, захватили множество вражеских городов, и, наконец, у сарацин остался лишь один город — их столица Сарагоса.

Сарацинский царь Марсилий призвал к себе мудрецов и сказал: «Силы наши на исходе, мы больше не можем сопротивляться доблестным франкам. Посоветуйте, мудрейшие, как избежать нам позора и смерти?» Задумались сарацинские мудрецы, и один из них, по имени Бланкандрин, ответил: «Раз мы не можем победить императора Карла в открытом бою, нужно обойти его хитростью и обманом. Пошли, господин, ему богатые дары: четыре сотни мулов, груженых золотом и серебром, породистых собак, львов, и верблюдов, и охотничьих соколов, уже перелинявших, чтобы не беспокоиться, что они умрут во время линьки; да вели сказать, что ты хочешь заключить с ним мир, обещаешь отречься от нашей веры и принять христианство в столице франков, городе Аахене. Император Карл поверит и уйдет со своим войском из наших земель».

Марсилию понравился совет мудреца, и он отправил к повелителю франков посольство с богатыми дарами и обманным предложением мира.

Карл Великий в завоеванном им испанском городе Кордове отдыхал в зеленом саду. Он восседал на золотом троне, его длинные кудри, белые, как яблоневый цвет, падали на плечи. Вокруг на шелковых коврах сидели храбрейшие франкские рыцари и бароны, и самый доблестный среди них — племянник короля Роланд.

Послы Марсилия предстали перед Карлом Великим, объявили о богатых дарах, которые посылает их господин, и сказали:

«Великий Карл, ты долго здесь сражался —
Пора тебе домой вернуться в Аахен!
Марсилий наш пойдет за вами следом,
Чтоб там принять святой закон Христа».

(Перевод Ф. дела Барта)

Император выслушал послов и задумался. Потом обратился к своим баронам: «Вы слышали, благородные бароны, речи послов Марсилия. Посоветуйте, что на них ответить».

Роланд воскликнул: «Не следует, государь, верить врагам! Царь Марсилий — презренный лжец. Вспомни — один раз он уже предлагал нам мир и дружбу, тогда мы согласились и отправили к нему наших послов, а он приказал отрубить им головы. Не будем же теперь слушать лживых речей, а продолжим войну и захватим Сарагосу — последний оплот язычников?

Но рыцарь Гвенелон, отчим Роланда, возразил: «Не слушай, государь, Роланда — его совет неразумен. Не отвергай мира и дружбы и окончи войну, чтобы мы могли вернуться домой».

И все бароны согласились с графом Гвенелоном.

Тогда император Карл сказал: «Раз такое ваше решение, я согласен окончить войну. Но кто из вас отправится в Сарагосу, чтобы сообщить об этом Марсилию?» Первым выполнить опасное поручение вызвался Роланд, за ним — храбрый Оливьер, друг Роланда, брат его невесты — прекрасной Альды, а третьим был мудрый архиепископ Турпин. Но император Карл сказал: «Никого из вас я не могу отпустить от себя. Вы, все трое, нужны мне здесь». Тогда Роланд предложил: «Пусть поедет мой отчим, граф Гвенелон. Он храбр и рассудителен и умеет хорошо говорить. Никто лучше него не справится с таким поручением».

Карл согласился: «Да будет так! Возьмите, Гвенелон, мою перчатку и жезл, чтобы в вас сразу признали посла, и поезжайте».

Гвенелон, не ожидавший, что выбор падет на него, испугался, поскольку знал, как коварен Марсилий, и в душе графа поселилась злоба против Роланда. Все же он ответил: «Раз вы посылаете меня, государь, я поеду!» Гвенелон сел на коня и отправился в путь.

Всю дорогу он думал, как ему поступить, и надумал: чтобы обезопасить себя, а заодно погубить Роланда, решил Гвенелон совершить измену.

Он предстал перед Марсилием и сказал: «Я научу тебя, господин, как победить императора Карла. Знай, Карл сильнее тебя до тех пор, пока в его войске сражается храбрый Роланд. Одолей Роланда — и ты одолеешь все франкское войско!» Марсилий спросил: «Но как же это сделать?» Изменник Гвенелон ответил: «Притворись покорным императору Карлу, подтверди, что готов отречься от своей веры, поклянись отправиться в Аахен и принять там крещенье. Карл уйдет во Францию и уведет свое войско, а я позабочусь, чтобы Роланд с малым отрядом шел последним. Ты нападешь на него со всей своей ратью — и убьешь, а когда Роланд будет мертв, без труда победишь войско императора Карла».

Марсилий наградил Гвенелона богатыми дарами, и изменник вернулся к императору Карлу с подтверждением лживых клятв сарацинского царя.

Карл Великий, как и предполагал Гвенелон, объявил, что война окончена, собрал франкское войско и повел его через горы и ущелья в родную Францию.

В Ронсевальской долине Гвенелон сказал Карлу: «Государь, нужно оставить небольшой отряд, чтобы он прикрывал отход наших войск. А

предводителем этого отряда пусть будет Роланд». И Карл согласился. Войско франков двинулось дальше, а Роланд с двадцатью тысячами воинов остался в Ронсевальской долине. Вместе с ним остались его друг храбрый Оливьер и мудрый архиепископ Турпин.

Меж тем Марсилий собрал все свое войско, и четыреста тысяч сарацин выступили против отряда Роланда.

Храбрый Оливьер увидел приближающихся врагов и сказал Роланду: «Несметное войско идет на нас. Берите свой рог Олифант, мой добрый Роланд, и трубите погромче. Император Карл услышит — и вернется нам на подмогу».

Но Роланд ответил: «Я бы счел себя опозоренным, если бы стал звать на помощь. Врагов больше, чем нас? Тем лучше! Моему мечу Дюрандалю предстоит славная работа. На горе себе пришли сюда сарацины, ручаюсь — ни один из них не уйдет живым!» Роланд вскочил на коня, выхватил из ножен меч и поскакал навстречу врагам. Храбрый Оливьер, мудрый архиепископ Турпин и двадцать тысяч франков поскакали за ним.

Завязался кровавый бой. Храбро сражались франки, но на каждого из них приходилось по двадесятка врагов. Один за другим падали франки мертвыми на землю, а Марсилий посылал в бой все новые и новые полки.

И вот франков осталось всего шестьдесят человек.

Роланд воскликнул: «О, горе! Сегодня милая Франция лишилась лучших своих рыцарей! — Затем он сказал Оливьеру: — Друг мой Оливьер, вы были правы. Я послушаюсь вас и затрублю в свой рог Олифант, пусть император Карл поспешит нам на помощь».

Но Оливьер сурово ответил: «Слишком поздно решили вы меня послушаться, Роланд! Если бы вы затрубили в свой рог, когда я просил вас об этом, император Карл и все его войско были бы уже здесь, и победа была бы нашей. А теперь, когда из-за вашего безрассудства погибло столько франков, звать на помощь, чтобы спасти самих себя, было бы позором!» Мудрый архиепископ Турпин услышал речь Оливьера и сказал: «Войско императора Карла уже далеко и не успеет спасти нас. Но все же трубите в свой рог, Роланд, чтобы император Карл узнал, что мы погибли, и, вернувшись, отомстил за нас!» И Роланд взял свой рог Олифант.

К устам своим Роланд свой рог приставил, Напряг все силы, зычно он трубит.

На тридцать лье чрез горные вершины Заветный рог раскатамигремел.

Войско Карла Великого ушло далеко вперед, но все же император услышал звук Олифанта.

Карл сказал: «Слышите? Это рог Роланда!» Изменник Гвенелон ответил: «Наверное, Роланд решил поохотиться на зайцев и подбадривает охотников звуками рога».

Но тут Олифант затрубил снова, и Карл воскликнул: «Роланд в беде, он зовет нас на помощь!» Император развернул свое войско и поскакал назад к Ронсевалю.

Во весь опор несется Карл Великий;
Поверх брони висит брада седая,

Вокруг него французские дружины
Несутся вскачь, исполнены тоски.

Меж тем в Ронсевальской долине в неравном бою погибли последние франки. Пал храбрый граф Оливьер, пал мудрый архиепископ Турпин — и Роланд остался один.

Конь под ним убит, сам он весь изранен, но из последних сил продолжает сражаться. И сарацины, дрогнув под его натиском, обратились в бегство.

Тогда Роланд стал оплакивать погибших товарищей. Рыдая, онговорил:

«Друзья мои, могучие вассалы!
Как долго мне служили верно вы! (…)
Товарищи! В несчастье виноватый
Не смог я вас от смерти защитить!
Пусть вас хранит великий, справедливый,
Единый Бог…»

Чувствуя, что приближается его смерть, Роланд в последний раз взял в руки свой меч, верный Дюрандаль, и сказал:

«Мой добрый меч, ты больше мне не нужен,
Мне жаль тебя! В таких боях жестоких
С тобой врагов так часто побеждал я,
Так много царств тобой завоевал!»

Роланд подошел к гранитной скале и что есть силы ударил Дюрандалем по камню. Он хотел разбить меч, чтобы благородный клинок после его смерти не попал в недостойные руки. Но Дюрандаль лишь зазвенел от удара и даже не затупился о гранит.

Тогда Роланд прижал меч Дюрандаль и рог Олифант к груди, лег на землю и в последний раз обратился к Богу, прося отпустить ему грехи.

И вот с душой Роланда херувимы
Помчались прямо в чудный, светлый рай.

Едва Роланд испустил дух, как Ронсевальская долина огласилась звуками боевых труб — то скакало войско франков во главе с императором Карлом.

Увидел Карл Великий поле боя, залитое кровью и усеянное трупами. Он позвал Роланда, позвал храброго Оливьера, позвал мудрого архиепископа Турпина — но никто не отозвался на его зов. Тогда император Карл зарыдал и стал рвать свою седую бороду.

А потом приказал своему войску мчаться в погоню за сарацинами и уничтожить их всех до единого, чтобы отомстить за павших.

День уже клонился к вечеру, быстро темнело. Карл воздел руку к небу и стал молить Бога, чтобы он задержал наступление тьмы.

И свершилось чудо: солнце остановило свой бег по небу и не склонилось к закату, пока франки не настигли сарацин и не перебили все

их войско.

Царь Марсилий, узнав о своем поражении, впал в отчаянье:

Лицом к стене Марсилий повернулся,
Закрыв лицо, он горько зарыдал
И умер с горя. Был он страшный грешник,
Его душа — добыча сатаны.

Карл Великий оставил в Испании тысячу воинов, а сам с остальным войском вернулся в столицу франков Аахен.

Тела Роланда, Оливьера и архиепископа Турпина с почетом перевезли во Францию, чтобы похоронить в родной земле.

Прекрасная Альда — невеста Роланда и сестра Оливьера — вышла навстречу печальной процессии.

Карл Великий взял ее за руку и сказал: «Милая сестра души моей! Твой брат и твой жених мертвы. Но я хочу возместить твою потерю и дать тебе в мужья моего сына и наследника». Альда ответила:

«Странные речи говоришь ты, государь!
Да сохранит меня Небесный Царь
И ангелы Его, и все святые,
Чтоб я по смерти храброго Роланда
Осталась жить…»

Прекрасная Альда побледнела — и упала к ногам императора. Карл, думая, что она лишилась чувств, наклонился, чтобы ее поднять, и увидел, что жизнь от нее отлетела.

Альду похоронили в монастыре святого Фарона. На ее могиле был поставлен памятник, который сохранялся до XVI века.

А изменника Гвенелона постигла суровая кара: по приказанию Карла он был разорван четырьмя лошадьми. Да послужит такая позорная казнь уроком всякому, замыслившему измену!..

65. РОБЕРТ-ДЬЯВОЛ

Французская легенда о нормандском герцоге Роберте по прозванию «Дьявол» возникла в XI веке. В XIII веке на ее сюжет неизвестным французским автором был написан стихотворный роман. Широкую известность эта легенда приобрела после создания в 1831 году композитором Дж. Мейербером оперы «Роберт-Дьявол».

Нормандия — историческая область на севере Франции. В первой половине X века она была завоевана скандинавскими викингами, известными в средневековой Европе под именем норманнов, то есть «северных людей»; в это время она получила свое название и стала самостоятельным герцогством.

В1066 году нормандский герцог Вильгельм — прославленный Вильгельм Завоеватель — захватил Англию и стал английским королем. Нормандия вошла в состав Англии, но в начале XIII века была отвоевана Францией.

Память о воинственных и жестоких нормандских герцогах, не раз совершавших разбойные нападения на мирное население французского

побережья, отразилась в легенде о Роберте-Дьяволе.

Его историческим прообразом считают Роберта I, отца Вильгельма Завоевателя. По слухам, Роберт I отравил своего старшего брата, чтобы самому занять престол, жестоко расправлялся с непокорными вассалами, но под конец жизни стал очень благочестив и отправился в паломничество по святым местам, во время которого умер.

Легенда гласит, что герцог Нормандский, отец Роберта, долгое время был бездетен. Супруга герцога молила небо о даровании ей наследника, но ее мольбы оставались тщетными. Тогда, в отчаянии, она обратилась к адским силам и поклялась, если они даруют ей сына, посвятить его дьяволу.

Вскоре герцогиня забеременела. Когда подошло время родов, явились грозные знамения: солнце померкло на небе, и день стал темнее ночи, ураганные вихри налетели со всех четырех сторон света, потрясая стены герцогского замка. Под раскаты грома, в блеске молний герцогиня разрешилась от бремени сыном.

Младенца окрестили Робертом. Он рос необыкновенно быстро и очень рано стал проявлять свой жестокий и необузданный нрав. Роберт был еще ребенком, но его уже называли не иначе как Дьяволом.

Роберт-Дьявол постоянно затевал ссоры и драки со своими сверстниками, заканчивавшиеся для них тяжелыми увечьями, не почитал родителей и не повиновался наставникам. Местный священник не раз пытался увещевать его, и однажды Роберт, впав в ярость, убил старика.

Герцог, отец Роберта, ужаснулся и был готов проклясть сына, но герцогиня умолила его не делать этого. Несчастная мать понимала: лишь она виновата в том, что у ее сына дьявольский нрав.

Когда Роберту минуло восемнадцать лет, его посвятили в рыцари, и в честь этого события в герцогском замке был устроен рыцарский турнир.

Однако благородное состязание по вине Роберта-Дьявола превратилось в кровавое побоище. Пренебрегая турнирными правилами и законами чести, Роберт-Дьявол, как дикий зверь, обрушился на своих противников, яростно нанося им смертельные удары. Многие достойные рыцари обрели на том турнире бесславный конец.

Вскоре Роберт бежал из отцовского дома. Он набрал шайку головорезов, поселился с ними в лесу, выстроив там разбойничий замок, и стал наводить ужас на всю округу.

Во главе своей шайки Роберт-Дьявол грабил на большой дороге купцов и пилигримов, разорял селения и монастыри, убивал мирных земледельцев и благочестивых монахов.

Старый герцог, отец Роберта, послал отряд вооруженных людей, чтобы вернуть сына домой, но Роберт захватил посланных отцом в плен и предал их смерти.

Тогда герцог, невзирая на мольбы и слезы своей жены, проклял сына и пожаловался на него папе Римскому, а папа Римский отлучил Роберта от церкви.

В лесу, где стоял разбойничий замок, в уединенной хижине жил благочестивый отшельник. Узнав об этом, Роберт-Дьявол сел на коня, отыскал праведного старца и заколол его мечом. Но, вкладывая в ножны окровавленный клинок, он вдруг задумался о том, что заставило его

совершить это преступление.

И тут на Роберта снизошло озарение: ему стало ясно, что с самого рождения он живет не по своей воле, а подчиняясь какой-то неведомой силе.

Медленно, в раздумье, возвращался Роберт в свой замок. По дороге он встретил знатную даму, ехавшую в карете в сопровождении слуг. Это была герцогиня, мать Роберта. Слуги, завидев Роберта, разбежались, оставив свою госпожу одну.

Роберт сошел с коня, опустился перед матерью на колени и со слезами стал молить, чтобы она сказала, почему он не таков, как все, и что за злая сила толкает его на жестокости и святотатства.

Герцогиня подняла сына и, сама упав перед ним на колени, поведала страшную правду.

И тогда Роберт торжественно поклялся, что освободится от власти дьявола, которому мать его посвятила.

В тот же день он распустил свою шайку и отправился в Рим, чтобы исповедаться перед папой Римским и испросить у него отпущение грехов.

По пути он заехал в монастырь, незадолго перед тем им разграбленный. Настоятель монастыря при виде Роберта в страхе перекрестился, но Роберт смиренно облобызал его руки и передал ключи от своего замка, попросив забрать оттуда все неправедно добытое добро и вернуть тем, у кого оно было похищено, а если владельцев отыскать не удастся — раздать бедным.

Роберт оставил в монастыре своего коня и меч — свидетеля и орудие его былых преступлений, и дальше пошел пешком.

Достигнув Рима, он припал к стопам папы и без утайки поведал ему обо всех своих грехах. Папа Римский был поражен чудовищностью и неисчислимым количествам преступлений Роберта. Он не осмелился сразу дать ему отпущения грехов, решив подождать какого-нибудь знамения.

Ждать пришлось недолго. Той же ночью одному святому старцу, жившему неподалеку от Рима, явился во сне ангел и объявил, что Бог простит Роберту его грехи, если он выдержит тяжкое испытание: семь лет будет ходить в рубище, подобно нищему, питаться объедками вместе с псами и притворяться немым и слабоумным. Роберт с готовностью согласился на испытание. Вскоре жители Рима привыкли к немому слабоумному нищему, в любую погоду бродившему по городским улицам. Простые люди жалели его, богатые и знатные над ним потешались. И то и другое Роберт принимал с неизменной кротостью. Через некоторое время о нем прослышал король и взял его к себе во дворец в качестве шута.

Прошло без малого семь лет. Испытание Роберта близилось к концу.

В это время в Итальянские земли вторглись турки-мусульмане. Они подошли к самому Риму, угрожая разорением христианской столице. Король со своим войском выступил навстречу врагу.

Накануне решающей битвы Роберту, остававшемуся в королевском дворце, явился ангел. Он привел коня белой масти, принес белоснежные доспехи, меч, щит и копье, повелел Роберту вооружиться и поспешить на помощь королевскому войску.

И вот, когда враги начали теснить королевское войско, неведомо откуда появился Белый рыцарь. Его натиск был так мощен и стремителен,

что турки обратились в бегство.

Одержав победу, Белый рыцарь развернул своего коня и ускакал с поля боя также внезапно, как и появился.

И лишь королевская дочь видела из окна дворца, как прискакавший во весь опор Белый рыцарь спешился, отдал коня и доспехи ангелу — и превратился в нищего. Но королевна была немая от рождения и никому не могла рассказать об увиденном.

Меж тем король, с победой вернувшийся во дворец, приказал отыскать Белого рыцаря, пообещав щедро его наградить и отдать ему свою дочь в жены. Однако найти Белого рыцаря не удалось, а сам он не откликнулся на королевский призыв.

Тогда один из вельмож короля, человек трусливый и лживый, решил воспользоваться случаем. Он купил коня белой масти, заказал доспехи точь-в-точь как у Белого рыцаря, и, явившись во дворец, заявил, что он и есть победитель турок.

Король поверил обманщику, пожаловал ему много золота и отдал руку своей дочери. Но когда обманщик-вельможа и королевская дочь шли к венцу, случилось чудо: королевна, немая от рождения, внезапно обрела дар речи и поведала, что Белым рыцарем является не тот, кто присвоил себе эту честь, а нищий, много лет проживающий во дворце.

Свершившееся чудо свидетельствовало о том, что королевна говорит правду. Все почтительно склонились перед Робертом. Но он делал вид, что ничего не понимает, и в смущении отказывался от почестей.

Тут неожиданно появился святой старец, через которого ангел семь лет назад сообщил о назначенном Роберту испытании. Святой старец торжественно возвестил, что испытание Роберта окончено, Небо простило его, и он может открыть свое настоящее имя и звание.

В это самое время к королевскому двору прибыли послы из Нормандии. Уже давно они искали Роберта, поскольку его отец, старый герцог, скончался, и теперь Роберт должен был занять герцогский престол.

Король был доволен, что тот, кому он пообещал в жены свою дочь, оказался знатного рода.

Однако Роберт отказался и от герцогского престола, и от руки прекрасной королевны.

Он удалился в пустыню и окончил свои дни благочестивым отшельником.

66. ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

«Песнь о Нибелунгах» — крупнейший памятник немецкого героического эпоса. В его основу легли сказания, общие для всех германских народов, этим объясняется сходство «Песни о Нибелунгах» со скандинавским «Сказанием о Сигурде».

«Песнь о Нибелунгах» сложилась около 1200 года и известна в трех вариантах, отличающихся друг от друга степенью подробности изложения сюжета.

Понятие «Нибелунги» имеет двоякий смысл. Оно употребляется в германо-скандинавских сказаниях и как имя нарицательное и как имя собственное. С одной стороны, нибелунги — это сказочные великаны, владельцы скрытых в земле кладов, самое слово «нибелунги» некоторые исследователи производят от исландского — «подземный мир». С другой

стороны, Нибелунгами называли себя бургундские короли, завладевшие одним из кладов живущих под землей великанов.

Исторической основой сказаний о Нибелунгах послужила гибель Бургундского королевства, разоренного гуннами в 437 году.

Некоторые персонажи «Песни о Нибелунгах» имеют исторические прототипы. Прообразами Гунтера и его брата Гизельхера считаются бургундские короли Гундахари и Гислахари (Гундахари погиб в сражении с гуннами в 437 году).

Прообразом царя Этцеля был предводитель гуннов Аттила. Однако его пассивная роль в «Песни о Нибелунгах» не соответствует исторической действительности. Реальный Аттила (ум. в 453 г.), царь воинственного кочевого народа, совершил ряд опустошительных набегов на многие страны Европы. Современники называли его «бич Божий».

«Песнь о Нибелунгах» послужила основой многих произведений искусства: драматической трилогии Ф. Фуке де ла Мотта «Герой севера», оперы Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов», драмы Г. Ибсена «Воины Хельеланда» и других.

Один из друзей Г. Гейне вспоминал, что, когда в присутствии поэта кто-то признался, «что ему никогда по-настоящему не нравилась «Песнь о Нибелунгах», Гейне воскликнул: «Да простит вам Господь этот грех».

«Песнь о Нибелунгах» рассказывает: Бургундским королевством управляли три брата- короля, старший — Гунтер, средний — Гернот и младший — Гизельхер.

Братья-короли со своими дружинами жили в городе Вормсе на берегу Рейна. Все трое были отважными воинами, беспощадными к врагам, щедрыми к друзьям.

У братьев была сестра — Кримхильда. Красотой она затмевала всех женщин королевства, да и на всем свете едва ли нашлась бы другая, равная ей. Братья берегли Кримхильду как зеницу ока, она жила в покое и холе, не ведая никаких невзгод.

Однажды Кримхильде приснился сон: будто приручила она вольного сокола, но с неба слетели два орла и насмерть заклевали благородную птицу.

Встревоженная Кримхильда поведала свой сон матери — старой королеве Уте. Королева сказала: «Нетрудно истолковать твой сон, но не сулит он тебе радости. Ты полюбишь благородного рыцаря и назовешь его своим мужем, но злая судьба отнимет его у тебя».

И сказала Кримхильда: «Если так, лучше мне до самой смерти оставаться в девицах. Пусть не узнаю я счастья, но не узнаю и горя!» И она твердо решила, что никогда никого не полюбит.

Но прошло недолгое время, и ко двору бургундских королей приехал благородный рыцарь по имени Зигфрид.

Зигфрид был сыном короля Нидерландов. С детства отличался он необыкновенной отвагой, силой и ловкостью. Став юношей, Зигфрид испросил разрешения у отца и отправился странствовать по свету.

Однажды, проезжая через дремучий лес, он наткнулся на избушку. В ней жил кузнец- колдун Нимер. Юный Зигфрид нанялся к нему подручным.

Но кузнечное ремесло плохо давалось молодому королевичу: он был так силен, что от ударов его молота наковальня наполовину уходила в землю, а выкованное им оружие ломалось у него же в руках.

Старому Нимеру захотелось избавиться от такого помощника, и он послал Зигфрида за угольями в лес, к болоту, в котором обитал страшный змей. Нимер надеялся, что змей задушит Зигфрида, но случилось так, что Зигфрид зарубил змея.

Хлынула на землю змеиная кровь. Было ее так много, что натекло целое кровавое озеро. Зигфрид окунул в него палец, и вдруг почувствовал, что палец стал твердым, как рог дикого тура. Зигфрид провел пальцем по лезвию топора, но не почувствовал боли, а на коже не осталось даже самой маленькой царапины.

Тогда Зигфрид разделся и с головой окунулся в змеиную кровь. Стал молодой королевич неуязвимым для любого оружия. И лишь на спине, между лопаток, прилип к его телу листок, упавший с липы, и это место осталось неомытым змеиной кровью.

Зигфрид не стал возвращаться к кузнецу, а отправился странствовать дальше и вскоре оказался в волшебной стране нибелунгов. Нибелунги — великаны, обладавшие огромной силой, владели несметными богатствами, скрытыми под землей. И случилось так, что два нибелунга извлекли свое сокровище из-под земли, но никак не могли его поделить между собой. Увидели нибелунги Зигфрида и стали просить помочь им. А чтобы он не отказался, подарили ему чудесный меч. Зигфрид разделил груду золота на две равные части, но нибелунги остались недовольны: каждому из них казалось, что доля другого — больше. В ярости набросились они на Зигфрида, и Зигфрид убил их обоих.

Он уже хотел забрать золото нибелунгов, как вдруг на него обрушился могучий удар. Противник Зигфрида — карлик Альберих, хранитель подземных богатств страны нибелунгов, был невидим, потому что владел шапкой-невидимкой.

Зигфрид схватил свой меч и первым же ударом сбил шапку-невидимку с головы карлика. Альберих признал себя побежденным, а Зигфрид стал владельцем большого богатства, чудесного меча и шапки-невидимки.

Долго еще странствовал Зигфрид по свету, много совершил славных подвигов и, наконец, вернулся в родные Нидерланды.

Задумал Зигфрид жениться. Он много слышал о красоте Кримхильды, но решил, прежде чем засылать сватов, самому убедиться в правдивости молвы, и поехал ко двору бургундских королей.

Братья-короли с почетом приняли гостя, целый год прожил Зигфрид у них во дворце, но за это время ему ни разу не удалось увидеть Кримхильду.

Когда исконные враги бургундов — саксы объявили братьям-королям войну, Зигфрид сражался вместе с бургундским войском и помог бургундам одержать победу.

По случаю победы братья-короли устроили большой праздник. В королевском дворце в Вормсе собралось пять тысяч воинов — все в праздничных одеждах, все они ели и пили и славили гостеприимныххозяев.

Но один из старых воинов, благородный Ортевин, сказал королю Гунтеру: «Государь! Если ты хочешь, чтобы праздник и впрямь удался на славу, позволь почтить его своим присутствием твоей достойной матери, прекрасной сестре и знатным дамам и девицам, которые им служат».

Гунтер сказал: «Пусть будет так». И тотчас распорядился, чтобы королева Ута и Кримхильда с придворными дамами и девицами явились на пир.

Вот предстали они перед гостями. Словно солнце, озарила красота Кримхильды пиршественную залу. Среди окружавших ее женщин она блистала, как луна среди звезд.

И Зигфрид подумал: «Если она не полюбит меня — я умру». Король Гунтер сказал Кримхильде: «Сестра, поприветствуй нашего гостя, отважного Зигфрида. Если бы не он, мы не одержали бы победы над врагами».

Кримхильда промолвила: «Привет тебе, Зигфрид!» — и протянула ему руку. Но Гунтер велел ей поцеловать Зигфрида в уста. Сладко забилось сердце Кримхильды, и она полюбила Зигфрида также, как и онее.

Гунтер охотно согласился на их брак, но попросил Зигфрида оказать ему прежде одну услугу.

Оказалось, что Гунтер тоже собрался жениться и хотел посвататься к гордой королеве Брунхильде, жившей на далеком северном острове. Брунхильда не была обычной девушкой: силой, ловкостью и отвагой она превосходила любого мужчину, и тем, кто отваживался просить ее руки, предлагала вступить с ней в состязание — сначала сразиться на копьях, а потом метнуть камень — и прыгнуть за ним вслед. Никому пока не удалось победить воинственную деву, и Гунтер решил попытать счастья. Однако он не был уверен в своих силах и попросил Зигфрида помочь ему.

Гунтер снарядил корабль и, взяв с собой малую дружину, отправился вниз по Рейну. Зигфрид стоял у руля.

Вот вышли они в море и через несколько дней пути достигли скалистого северного острова, где жила гордая Брунхильда.

Гунтер со свитой сошел на берег. Зигфрид, в одежде простого рыцаря, ничем не выделялся среди других. И все же Брунхильда поприветствовала его прежде, чем остальных.

Зигфрид ответил: «Ты очень добра, госпожа, что почтила меня первым. Но я — простой воин, а вот — мой господин, король бургундов Гунтер. Он прибыл просить твоей руки».

«Раз так, — сказала Брунхильда, — ему придется померяться со мною силой». И она назначила час испытания.

Воинственная дева облачилась в доспехи, взяла крепкий щит. Трое слуг принесли ей копье — таким оно было тяжелым.

И Гунтер подумал: «Лучше бы мне быть сейчас в Бургундии! Сам дьявол не устоит против такого копья».

Но Зигфрид шепнул ему: «Не бойся, благородный Гунтер! Я помогу тебе». Он надел шапку-невидимку и последовал за Гунтером на поле боя.

Вот стоят Гунтер и Брунхильда друг против друга. Брунхильда засучила рукава и метнула копье с такой силой, что оно должно было бы пронзить Гунтера насквозь, но Зигфрид подставил под удар свой щит. Зазвенел щит, посыпались с него искры. Зигфрид поднял копье и метнул

обратно в Брунхильду, но не острием, а тупым концом. Ударило копье в ее крепкие доспехи, покачнулась Брунхильда и едва устояла на ногах. Разгневалась воинственная дева, но сказала Гунтеру: «Отменный удар, государь! Я благодарю тебя за него. Однако наше состязание еще не окончено».

Она подняла с земли тяжелый камень и метнула его на двенадцать сажен, а сама прыгнула следом еще дальше.

Гунтер поднял другой камень — не меньший, и Зигфрид метнул его могучей рукой. Затем он подхватил Гунтера и прыгнул, оставив Брунхильду далеко позади.

Поникла головой гордая Брунхильда, позвала своих воинов и слуг и сказала им: «Отныне могучий король Гунтер — мой и ваш повелитель!» Радостный возвращался Гунтер в свое королевство. Вскоре в Вормсе сыграли две свадьбы: Гунтер женился на Брунхильде, Зигфрид — на Кримхильде. Золото нибелунгов он преподнес Кримхильде как свадебный дар.

Зигфрид отбыл с молодой женой в Нидерланды, и они жили там счастливо девять лет.

На десятый год Гунтер пригласил сестру и зятя погостить в Вормс. Прибыли Зигфрид и Кримхильда ко двору бургундских королей. И все было бы хорошо, да как-то раз перед утренней церковной службой заспорили Кримхильда с Брунхильдой — которой из них подобает первой войти в церковь.

Сказала Кримхильда: «Другие короли рядом с моим Зигфридом, как звезды рядом с луной. И мне принадлежит право идти впереди тебя».

Ответила Брунхильда: «Как можешь ты говорить такие речи? Хоть твой муж и владеет королевством, но он был в свите Гунтера как простой воин, когда тот приехал свататься ко мне».

Не стерпела обиды Кримхильда и рассказала Брунхильде, как все было на самом деле.

Гнев и стыд охватили Брунхильду. Она потребовала объяснений от мужа и от Зигфрида, и Зигфрид, желая спасти честь своего шурина и друга, заверил Брунхильду, что Кримхильда солгала.

Но с той поры не стало Гунтеру покоя, и он решил убить Зигфрида, чтобы вместе с ним умерла их общая тайна.

Помощником в этом злом деле он избрал верного вассала бургундских королей Хагена фон Тронье. Хаген был суров, отважен и предан своим господам, как цепной пес.

Хаген сказал: «Трудно убить Зигфрида, ведь его тело неуязвимо для любого оружия, но я убью его!» Он пошел к Кримхильде и спросил: «Скажи, госпожа, можно ли как-нибудь причинить вред благородному Зигфриду? Я хочу знать это для того, чтобы защитить его в случае опасности».

Кримхильда, знавшая Хагена с детства и безгранично ему доверявшая, ответила: «На спине у Зигфрида между лопаток есть место, величиной с липовый листок, куда его можно поразить насмерть». Тогда коварный Хаген сказал: «Отметь, госпожа, как-нибудь это место на его одежде, чтобы в случае нужды я не ошибся» И Кримхильда тонкими шелками вышила на одежде мужа небольшой крест.

Вскоре позвал Гунтер Зигфрида на охоту. Их сопровождал Хаген. Слуги несли запас всякой снеди, чтобы охотники могли закусить в лесу, когда настанет время обеда. Но Гунтер, по наущению Хагена, отдал тайный приказ не брать ни вина, ни какого иного питья.

Когда Зигфрид перед отъездом на охоту пришел проститься с Кримхильдой, она вдруг заплакала и сказала: «Молю тебя, не езди сегодня на охоту! Нынче ночью мне приснилось, что растерзали тебя в лесу два кабана. Чует мое сердце — с тобой приключится беда».

Но Зигфрид ответил: «Не тревожься! Я еду на охоту с друзьями — твоим братом и верным Хагеном. Они не могут желать мне зла, а диких зверей я не боюсь».

Он поцеловал Кримхильду на прощанье и покинул ее.

Охота была удачной. Много дичи настреляли охотники, а затем расположились на поляне, чтобы отдохнуть и пообедать. И тут-то обнаружилось, что еды у них вдоволь, а вот питья нет никакого.

Гунтер сказал: «Раз уж наши слуги так оплошали, придется нам пить воду из ручья. Хорошо, что он протекает совсем близко».

Тут коварный Хаген предложил: «А давайте устроим состязанье, кто из нас троих быстрее добежит до ручья».

Зигфрид рассмеялся: «Вам не обогнать меня, даже если я побегу в полном доспехе, с копьем и щитом, а вы — в одних рубахах».

«Все же мы попробуем», — сказал Хаген, и все трое побежали.

Зигфрид прибежал раньше своих соперников, но учтиво подождал их и дал королю напиться первым.

Затем он положил на траву свой щит и копье и, склонившись над ручьем, припал к воде.

Тогда Хаген украдкой взял копье Зигфрида и со всей силы вонзил ему между лопаток, туда, где Кримхильда вышила шелками крест.

Свершив злое дело, Хаген бросился бежать в лес. Смертельно раненный Зигфрид метнул ему вслед свой тяжелый щит, но рука его уже ослабела, и щит лишь сбил злодея с ног, не причинив ему особого вреда.

Зигфрид упал на землю. Цветы, что росли вокруг, стали алыми от его крови. Король Гунтер, глядя на умирающего друга, залился слезами.

Зигфрид сказал: «Не подобает горевать убийце над убитым. За свое вероломство, Гунтер, будешь проклят ты сам и весь твой род. Мне жаль только госпожу Кримхильду, мою любимую супругу. Если в твоем сердце есть хоть капля чести, ты не покинешь ее и будешь заботиться о ней, как подобает брату».

Так сказал Зигфрид — и умер.

Король Гунтер приказал уложить зятя на золотой червленый щит и с почетом отнести во дворец. Всем объявили, что отважный Зигфрид погиб на охоте от кабаньих клыков.

Горестно рыдала Кримхильда над телом мужа. Она сразу догадалась, что рана его нанесена не кабаньими клыками, а человеческой рукой, и поняла, что Зигфрид был предательски убит, а убийцы — ее брат и Хаген.

С этой минуты не осталось в душе Кримхильды ничего, кроме горя, ненависти и жажды мщения.

Зигфрида схоронили в монастыре близ Бормса, а Кримхильда поселилась в одной из монастырских келий, чтобы быть поближе к дорогой могиле.

Братья безутешной вдовы завладели принадлежавшим ей золотом нибелунгов и спрятали его на дне Рейна. Кроме самих братьев об этом знал лишь Хаген, но он поклялся хранить тайну, пока жив хоть один из бургундских королей.

Став владельцами чудесного клада, братья-короли присвоили себе имя могучих великанов и стали называться Нибелунгами.

Прошло тринадцать лет. Однажды в Вормс прибыло посольство из страны гуннов. Могущественный царь гуннов Этцель недавно овдовел и теперь просил отдать ему в жены Кримхильду. Братья-короли стали уговаривать сестру принять это предложение.

Кримхильда сначала отказалась наотрез, но после рассудила, что, став женой могущественного царя, она обретет власть и силу, чтобы отомстить убийцам незабвенного Зигфрида, и согласилась.

Кримхильда отбыла в страну гуннов и стала там царицей.

Прошло еще тринадцать лет, и как-то раз Кримхильда сказала мужу: «Давно не видела я своих братьев и хочу, чтобы они приехали к нам в гости».

Этцель тут же снарядил гонцов в бургундские земли. Кримхильда велела гонцам передать ее братьям, чтобы они непременно взяли с собой Хагена фон Тронье.

Хаген знал, что приглашение Кримхильды не сулит им добра, и стал отговаривать братьев-королей от поездки. Но Гунтер сказал: «Будем смело смотреть в лицо опасности! И если суждено нам погибнуть — погибнем».

Взяв с собою тысячу воинов, братья-короли тронулись в путь.

Вот подъехали они к широкой реке и стали искать место для переправы. Хаген пошел вдоль берега и вдруг увидел в воздухе стаю лебедей. Опустились лебеди на землю, скинули с себя оперенье и, превратившись в прекрасных дев, стали купаться в реке.

Хаген подкрался к лебединым девам и спрятал их белое оперенье.

Стали девы его просить: «Верни нам наши одежды! А мы расскажем тебе, что ждет тебя самого и тех, кому ты верно служишь».

«Согласен, — ответил Хаген. — Только пусть ваше предсказание будет благоприятным, иначе не видать вам ваших белых перьев».

Говорят вещие девы: «Удачным будет ваше путешествие. Примут вас с великим почетом, отпустят домой с богатыми дарами».

Поверил Хаген вещим девам и вернул им оперенье. Девы облачились в свои лебединые одежды, взмахнули крыльями и взмыли ввысь. А из поднебесья крикнули: «Неправду мы тебе сказали. И тебя, и тех, кто с тобой, ждет скорая смерть. Из всех вас в живых останется лишь старый капеллан».

Хаген рассказал братьям-королям о зловещем предсказании, но они решили все же продолжать путь.

Во время переправы через реку Хаген захотел испытать судьбу. Посредине реки он схватил старого капеллана и бросил в воду. И хотя капеллан был стар и немощен, а река — глубока и бурлива, он благополучно выбрался на берег. И стало ясно, что вещие девы сказали

правду.

Наконец прибыли бургунды ко двору царя Этцеля. Кримхильда встретила братьев и Хагена фон Тронье с приветливой улыбкой, но в душе она предвкушала скорое мщение.

Вот гости и хозяева сели за пиршественный стол. Кримхильда подала знак гуннам, и они с мечами набросились на бургундов.

В царском дворце завязался бой. Стены дрожали от воинственных криков, по полу текли реки крови. Хаген бился мечом, который он забрал у Зигфрида. Много было бургундов, но гуннов еще больше, и они одержали верх. Погибли все бургундские воины, погибли младшие братья-короли — Герноти Гизельхер.

Гунтер и Хаген были захвачены гуннами и, связанные, предстали перед Крим- хильдой.

Кримхильда сказала: «Пришло время поплатиться вам за смерть благородного Зигфрида».

Она приказала гуннам немедля убить Гунтера, а когда это было исполнено, взяла меч Зигфрида и своею рукой снесла голову Хагену фон Торнье.

И все, кто видели это, ужаснулись.

Старый рыцарь Гильдебрант, который не был гунном, хоть и служил Этцелю, в негодовании воскликнул: «О, горе! Нет оправдания женщине, поднявшей руку на Воина? Пусть навлеку я на себя беду, но дерзкая не останется безнаказанной!» С этими словами он поразил Кримхильду мечом, она упала на пол, залитый кровью — и умерла.

Так прекратился род бургундских королей Нибелунгов, а золото нибелунгов навсегда осталось на дне Рейна.

67. ЛОЭНГРИН

В давние времена в Германии, на берегу реки Шельды, жил в своем замке старый герцог Брабантский и была у него красавица-дочь Эльза.

К Эльзе посватался рыцарь Фридрих Тельрамунд. Но он не пришелся по нраву красавице. Старый герцог не стал неволить дочь — и жениху отказали.

Через год герцог умер. Тогда Фридрих Тельрамунд поклялся на своем мече, что Эльза была обещана ему в жены, а Эльза поклялась, что рыцарь лжет. И никто из них не желал отступить от своей клятвы.

Весть о споре между рыцарем и девушкой дошла до короля Генриха Птицелова, и он сам явился в Брабант, чтобы рассудить их Божьим судом: король приказал, чтобы Эльза избрала себе защитника, который сразился бы с Фридрихом Тельрамундом, и тогда Бог сам укажет правого, даровав ему победу.

Рано утром собрался народ на широком берегу Шельды, где рос могучий дуб, издревле называемый Древом Правосудия. Под этим дубом сидел король Генрих, а Фридрих Тельрамунд, закованный в крепкие доспехи, вооруженный тяжелым мечом и длинным копьем, ожидал защитника Эльзы.

Но тщетно взывала красавица Эльза к друзьям и вассалам своего отца. Хотя все они знали Эльзу с детских лет, но каждый думал, что скорее солжет молодая девушка, чем рыцарь, поклявшийся на своем мече, и никто не хотел рисковать собой понапрасну.

Поняла Эльза, что нет у нее защитника, залилась слезами и стала молиться Богу, на которого была ее последняя надежда.

И в ответ на ее молитву показалась на реке золотая лодка. Легко скользила она вверх по течению, влекомая белоснежным лебедем. В лодке, опершись на щит, стоял молодой рыцарь в светлых доспехах. На щите был изображен его герб — белый лебедь в лазоревом поле.

Лодка причалила к берегу, рыцарь ступил на землю и сказал: «Я буду защитником прекрасной Эльзы».

Вознесла Эльза благодарность Богу, а рыцаря полюбила с первого взгляда.

Король дал знак — и рыцарь Лебедя вступил в бой с Фридрихом Тельрамундом. Яркой молнией сверкнул меч неизвестного рыцаря — и его противник, поверженный, упал на землю. Приставил рыцарь Лебедя острие меча к груди Фридриха Тельрамунда и потребовал, чтобы тот признал, что дал ложную клятву, а Эльза была права.

«Признаю!» — воскликнул Фридрих Тельрамунд и попросил пощады. Рыцарь Лебедя даровал ему жизнь — и клятвопреступник с позором покинул поле боя.

Король спросил неизвестного рыцаря: «Как твое имя и откуда ты прибыл к нам?» Но рыцарь Лебедя ответил: «Я поклялся никому не открывать своего имени. Могу лишь сказать, что я хорошего рода и ничем не запятнал своей чести».

Сказал король: «Я верю тебе, рыцарь. И думаю, что будет справедливо, если ты возьмешь в жены девушку, которую спас от тяжкого обвинения».

Потупившись, Эльза подала руку рыцарю Лебедя, а рыцарь сказал: «Я полюбил тебя, прекрасная Эльза, но стану твоим мужем только, если ты поклянешься никогда не спрашивать о моем имени». И Эльза ответила: «Клянусь».

Вскоре сыграли свадьбу.

С той поры рыцарь Лебедя стал вассалом короля Генриха, не раз ходил с ним в военные походы и покрыл себя великой славой. Не было ему равных ни в бою, ни на турнире, сильные трепетали перед ним, слабые благословляли его как своего защитника.

Прошел год — и Эльза родила сына. Знатные женщины пришли поздравить ее. И была среди них одна, по имени Урсула. Некогда рыцарь Лебедя победил на турнире ее мужа, и с той поры снедала Урсулу злоба.

Сказала Урсула Эльзе: «Незавидна судьба твоего сына, благородная Эльза. Что ответит он, когда спросят его: «Как имя твоего отца и какого он рода?» Гордо ответила Эльза: «Пусть неизвестно имя отца моего сына, однако всем известна его слава!» Но с того дня поселилось в сердце Эльзы сомненье. Вскоре завела она обиняками разговор с мужем.

Сказала Эльза: «Не должно быть недоверия между мужем и женой. Если тяготит тебя какая-то тайна, откройся мне, чтобы я могла помочь тебе и утешить».

Ответил рыцарь: «Ты поможешь мне и утешишь, если будешь мне верить, не задавая вопросов».

В другой раз сказала Эльза: «Я верю, что ты знатного рода. Но недоброжелатели твои могут думать иначе. Не обернется ли это позором и горем для нашего сына?» Ответил рыцарь: «Я оставлю сыну в наследство мою славу, и никто не попрекнет его незнатным происхождением».

Но сомненья уже не покидали Эльзу, и однажды ночью она сказала мужу: «Не будет мне ни покоя, ни счастья, пока не узнаю я твою тайну».

Воскликнул рыцарь: «Остановись, Эльза! Если скажешь ты неосторожное слово, то навсегда погубишь наше счастье».

Но Эльза уже не могла удержаться. Она спросила: «О, мой муж! Скажи, кто ты? И как твое имя?» Тогда опечалился рыцарь великой печалью и сказал: «Ах, Эльза! Ты не сдержала своей клятвы — и теперь мы должны расстаться».

Зарыдала злосчастная Эльза, упала к ногам мужа, стала просить прощенья. Но рыцарь ответил: «Поздно! Я не властен над собой. С восходом солнца назову я свое имя перед всеми — и покину вас навсегда».

На рассвете рыцарь Лебедя вышел на берег Шельды. Рядом с ним стояла Эльза. Была она белее своего белого покрывала, и сердце ее разрывалось от горя. Она увидела, что у берега ждет золотая ладья, запряженная лебедем — и слезы покатились у нее из глаз.

Окрестные жители, прослышав, что вновь появился чудесный лебедь, собрались на берегу Шельды. Пришли рыцари, прибыл и сам король Генрих.

Сказал рыцарь Лебедя: «Прощайте! Пришло время разлуки. Знайте же, что я — один из рыцарей святого Грааля. Имя мое — Лоэнгрин, а мой отец — Парсифаль. Рыцари святого Грааля приходят на помощь невинным и, выполнив свой долг, возвращаются в свое братство. Но если рыцарь Грааля полюбит девушку, а она его, то он может остаться с ней навсегда. Однако, если она в нем усомнится и станет допытываться, кто он таков, то, как бы ни было это горько, должен он ее покинуть и вернуться в братство святого Грааля».

Тут лебедь призывно взмахнул крылом, Лоэнгрин в последний раз обнял Эльзу — и взошел на ладью.

Медленно поплыл лебедь вниз по Шельде, и когда ладья скрылась из глаз, сердце Эльзы разорвалось — и она умерла. Легенда о Лоэнгрине возникла в Германии. Основа ее сюжета чисто сказочная: герой прибывает из таинственного, волшебного мира и исчезает после того, как героиня нарушает запрет, проявив любопытство. В первоначальном, сказочном, варианте Лоэнгрин прилетает в образе лебедя, и лишь в анонимном стихотворном романе XIII века приплывает в запряженной лебедем ладье.

Поэтический образ рыцаря Лебедя привлекал многих поэтов. Вольфрам фон Эшенбах включил его в свой роман о святом Граале, сделав Лоэнгрина сыном Парсифаля.

В некоторые варианты легенды введен реальный исторический персонаж — король Генрих I Птицелов, прозванный так за любовь к соколиной охоте, царствовавший в Германии в первой половине X века.

На сюжет легенды о Лоэнгрине Рихард Вагнер в 1848 году создал оперу «Лоэнгрин».

68. ТАНГЕИЗЕР

В Германии, неподалеку от города Вартбурга, стоит гора Герзельберг, что значит «не потухшая огненная зола», очертаниями напоминающая гигантскую гробницу.

По древнему преданию, на этой горе, в глубокой пещере, обитала германская языческая богиня Хольда — олицетворение зимы и метели. В средние века Хольду стали отождествлять с античной Венерой, которую называли «фрау Венус» — госпожа Венера. Гора Герзельбург получила второе название — Венусберг — гора Венеры.

Хотя Хольда и Венера по сути не имеют между собой ничего общего, в представлении людей Средневековья они мало чем отличались друг от друга по той причине, что обе были божествами языческими, противными христианству.

Впрочем, в немецком фольклоре Хольда продолжала существовать и самостоятельно. По народному поверью, зимой, от Рождества и до Богоявления, вьюжными ночами Хольда проносится по небу во главе так называемой «дикой охоты» — кавалькады призрачных всадников, сопровождаемых гончими псами, от воя которых начинают выть все дворовые собаки. Некоторые рассказчики утверждали, что утром «дикая охота» скрывается в пещере на горе Герзельберг. Хольда (иначе — фрау Холле) хорошо известна также по сказке братьев Гримм, в которой она вызывает снегопад, выбивая свою перину. В недрах Герзельберга били подземные ключи. Местные жители слышали в их шуме то стоны грешников, то нечестивую языческую музыку, под которую пляшет нечистая сила.

С горой Венеры связана знаменитая легенда о Тангейзере Историческим прототипом героя этой легенды был известный миннезингер — поэт и музыкант — Тангейзер, живший в XIII веке.

Тангейзер происходил из знатного баронского рода и поначалу был богат, но со временем, как рассказал он сам в одном из своих стихотворений, «проел и прозаложил свое имение, так как ему очень дорого стоили красивые женщины, хорошие вина, вкусные закуски и дважды в неделю баня». Вконец разорившись, он «вынужден был скитаться странствующим рыцарем, причем домохозяева более радовались его уходу, нежели приходу».

В1228 году Тангейзер принял участие в крестовом походе и благополучно из него вернулся.

Тангейзеру принадлежит разработка особого стихотворного размера, получившего в немецком стихосложении название «долгого и короткого тона Тангейзера». В своих стихах Тангейзер воспевал радости жизни, весенние пляски на зеленом лугу и свои любовные приключения. Со временем народная молва стала утверждать, что он был возлюбленным самой фрау Венус.

В легенде рассказывается, что однажды Тангейзер отправился на состязание певцов в Вартбург. Проходя мимо горы Венеры, он, движимый любопытством, захотел проникнуть в пещеру, о которой слыхал немало чудесных рассказов. Ему это удалось, и он оказался в волшебном чертоге, полном света и благоухания. Фрау Венус, красоту которой ни один из смертных не в силах ни вообразить, ни описать, вышла ему навстречу.

Тангейзер стал возлюбленным прекрасной языческой богини и провел в ее волшебном чертоге семь блаженных и безмятежных лет.

Но он был добрым христианином и, в конце концов, стал задумываться о том, что подобная жизнь гибельна для его души. Тангейзер решил покинуть прекрасную фрау Венус и вернуться в христианский мир, надеясь, что Бог простит ему годы, прожитые во грехе.

Сцена расставания Тангейзера и фрау Венус запечатлена в немецкой народной песне, известной с XVI века. Генрих Гейне писал: «Какая чудная поэма, эта старая народная песня!(…)я не знаю произведения более любовного, более пылкого, чем диалог Венеры и Тангейзера. Эта песня — любовная битва, в ней течет самая красная кровь сердца». Вот этот диалог в прозаическом переводе конца XIX — начала XX века:

«Венера, прекрасная и благородная дама, я хочу расстаться с вами».

«Сеньор Тангейзер, я люблю вас, вы не должны забывать этого; вы клялись мне страшной клятвой не расставаться со мной».

«Прекрасная дама Венера, я вовсе не клялся вам и утверждаю это; если б кто-нибудь другой сказал что-либо подобное, я бы вызвал его на суд Божий».

«Сеньор Тангейзер, что вы говорите? (…) Перемените ваш образ мыслей. Пойдемте в мою комнату и насладимся благородной игрой любви!» «К вашей любви я чувствую отвращение; я угадываю ваши дурные мысли: по огненному блеску ваших глаз я вижу, что вы дьявол в образе женщины».

Наконец, фрау Венус согласилась отпустить Тангейзера и на прощание даже пожелала ему счастья.

Тангейзер, облачившись в одежды пилигрима, пешком отправился в Рим, чтобы испросить отпущения грехов у папы римского Урбана IV. Но папа, выслушав исповедь Тангейзера, впал в великий гнев и, ударив посохом о землю, воскликнул: «Ты получишь отпущение грехов не раньше, чем этот посох зазеленеет!» В великой печали покинул Тангейзер Рим. Утратив надежду на спасение души, он вернулся в чертог фрау Венус и сказал ей в отчаянии: «Бог отринул меня. Отныне я ваш навсегда, прекрасная и благородная дама». И фрау Венус ответила: «Добро пожаловать, мой избранный из всех возлюбленных!» А через три дня свершилось чудо: посох Урбана IV покрылся зелеными побегами. Урбан IV тут же послал за Тангейзером, чтобы объявить ему прощение грехов от самого Господа, но посланцам папы римского не было хода в венерину пещеру, и они не смогли отыскать Тангейзера.

Заканчивается народная песня о Тангейзере следующим рассуждением: «Никакой папа, никакой кардинал не должен осуждать грешника: как бы ни был велик грех, Бог всегда может простить его».

Наиболее ранние литературные обработки легенды о Тангейзере в немецкой литературе относятся к XV веку. Это поэма Германа фон Заксенгейма и две поэмы неизвестных авторов. Образ Тангейзера привлекал многих немецких писателей- романтиков XIX века — Тика, Эйхендорфа, Гейне и других. Общеевропейскую известность легенда приобрела после создания в 1845 году оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер, или Состязание певцов в Вартбурге».

69. ЛОРЕЛЕЯ

Немецкая легенда о Лорелее принадлежит к числу так называемых «местных преданий», то есть связанных с какой-либо определенной местностью.

На берегу Рейна, близ города Бахараха, стоит высокая скала, издревле славившаяся удивительно отчетливым эхом, которое разносит далеко по воде голоса и каждое сказанное слово повторяет несколько раз.

Эту скалу называют скалой Лорелеи.

Легенда рассказывает, что в давние времена неподалеку от этой скалы в прибрежной деревушке жил бедный рыбак с дочерью, золотоволосой Лорелеей.

Лорелея полюбила знатного рыцаря и бежала с ним из отцовского дома. Рыцарь увез ее в свой замок, но недолгим было счастье красавицы. Прошло время — и рыцарь охладел к прекрасной Лорелее. Она вернулась в родную деревню и стала жить, как жила прежде, но сердце ее было разбито.

Красота Лорелеи привлекала многих достойных юношей, многие верно и преданно любили ее и хотели сделать своей женой, но она никому не верила и никого не хотела любить.

Люди начали обвинять ее в жестокосердии, а некоторые говорили, что она завлекает мужчин колдовством, чтобы отомстить им за измену рыцаря.

Эти слухи дошли до местного епископа. Он призвал к себе Лорелею и стал сурово ее упрекать. Несчастная красавица заплакала и поклялась, что неповинна в колдовстве, а потом сказала, что единственное ее желание — окончить свои дни в монастыре, в тишине и уединении.

Епископ одобрил ее намерение и дал ей провожатых до ближайшей обители. Путь туда лежал по берегу Рейна. Лорелея поднялась на высокую скалу, чтобы в последний раз взглянуть на рыцарский замок, где она так недолго была счастлива.

А в это время ее неверный возлюбленный плыл на лодке по Рейну, приближаясь к опасному водовороту у подножья скалы.

Увидев его, Лорелея простерла к нему руки — и окликнула по имени. Рыцарь взглянул наверх, забыв про весла, и тут же лодку подхватило водоворотом, перевернуло и увлекло на дно.

Лорелея с горестным криком бросилась со скалы в воды Рейна следом за своим возлюбленным — и утонула.

Но с той поры по вечерам, на закате, стала появляться над Рейном ее бесплотная тень. Словно живая, сидит Лорелея на вершине скалы, золотым гребнем расчесывает свои золотые волосы и поет так печально и нежно, что всякий, плывущий в этот час по Рейну, заслушавшись, забывает обо всем на свете и гибнет в водовороте у подножия скалы Лорелеи.

Долгое время эта легенда бытовала лишь в Рейнском крае. Общеевропейскую известность она получила в XIX веке, после того как Генрих Гейне написал одно из своих лучших стихотворений «Лорелея»:

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;

Давно не дает покою
Мне сказка старых времен.
Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор;
В вечерних лучах алеют
Вершины далеких гор.
Над страшной высотою
Девушка дивной красы
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы,
Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пенье
Тревога затаена.
Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.
Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
Так и всякий погибает
От песен Лорелеи.

(Перевод А. Блока)

70. ГАМЕЛЬНСКИИ КРЫСОЛОВ

В немецкой городе Гамельне на старинной ратуше есть надпись: «В году 1284 чародей-крысолов выманил из Гамельна звуками своей флейты 130 детей, и все они до одного погибли в глубине земли».

О том, что произошло тогда в действительности, высказывались разные предположения: возможно, дети погибли во время бури или попали в обвал в горах — и это совпало с появлением в городе какого-то бродячего музыканта, но предание рассказывает следующее.

Летом 1284 года на Гамельн обрушилось бедствие: неведомо откуда нахлынули несметные полчища крыс. Прожорливые твари проникли в подвалы и кладовые и стали уничтожать съестные припасы.

Не боясь людей, они шныряли под ногами в домах и на улицах. Крыс становилось все больше и больше, их не брала отрава, они обращали в бегство самых храбрых кошек. Жители Гамельна впали в панику.

В это время в городе появился незнакомый человек. Он был смугл, костляв и прихрамывал на одну ногу. На нем был темно-алый дорожный плащ, а за поясом — флейта.

Миновав городские ворота, незнакомец направился прямо в ратушу и сказал бургомистру: «Слышал я, что вам сильно досаждают крысы. Какую награду дадите вы тому, кто избавит вас от этой напасти?» Бургомистр воскликнул: «Ах, добрый человек! Если ты и впрямь прогонишь крыс, то получишь столько золота, сколько сможешь унести».

Незнакомец спросил: «А кто поручится, что ты меня не обманешь?» Тогда все жители Гамельна клятвенно подтвердили обещание бургомистра. Незнакомец вышел на центральную площадь, достал из-за пояса флейту,

поднес ее к губам и заиграл причудливую мелодию.

И вдруг к нему отовсюду стали сбегаться крысы. Таинственный музыкант, не переставая играть, пошел по улицам города, а крысы, завороженные звуками флейты, покорно шли за ним.

Выйдя за пределы города, музыкант направился к реке Везер. В прибрежных камышах покачивалась лодка. Он перешагнул через борт, оттолкнулся от берега, и течение вынесло лодку не середину реки.

Крысы, повинуясь призывной мелодии, стали прыгать в воду. Сначала они плыли за лодкой, потом стали тонуть — и утонули все до единой.

Таинственный музыкант вернулся в город и потребовал обещанную награду. Но гамельцы, когда беда миновала, пожалели о своем слишком щедром обещании и передумали его выполнять. Бургомистр протянул музыканту несколько золотых монет и посоветовал поскорее убраться из города, пока его не арестовали как бродягу.

Музыкант усмехнулся и, не взяв денег, пошел прочь. Сойдя со ступеней ратуши, он опять достал из-за пояса флейту и опять заиграл на ней мелодию, но на этот раз — другую. Тут со всех улиц, изо всех домов к нему стали сбегаться дети. Музыкант вышел за городские ворота и пошел по дороге, все дальше уходя от Гамельна. Дети бежали следом. Вскоре все они скрылись за горизонтом, и флейта замолкла вдали.

Средневековому читателю или слушателю не надо было объяснять, кем был таинственный крысолов — в то время каждому было очевидно, что в Гамельне побывал сам дьявол. По средневековым поверьям, крысы находились у него в подчинении.

В память об исчезновении детей, на улице Гамельна, ведущей к городским воротам, было запрещено петь и играть на музыкальных инструментах. Известно, что еще в XVIII веке улица называлась «Беззвучная».

О дальнейшей судьбе гамельнских детей рассказывали по-разному. Одни говорили, что дьявол утопил их в Везере, другие — что заточил в недрах горы Коптенберг. Но многие верили, что нечистый дух не смог причинить никакого зла безгрешным детям, и они, невредимыми пройдя сквозь гору, оказались в блаженной стране вечной юности, где живут и поныне Предание о Гамельнском крысолове послужило основой стихотворений Гете и Гейне, Брюсова и Марины Цветаевой.

71. ЛЕГЕНДА О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ

Легенда о докторе Фаусте, ученом-чернокнижнике, продавшем душу дьяволу, возникла в Германии в XVI веке.

Иоганн Фауст — личность историческая. С1507 по 1540 год его имя неоднократно встречается в различных документах. В1909 году Фауст упоминается в числе студентов философского факультета Гейдельбергского университета. 12 февраля 1520 года в приходно-расходной книге епископа Бамбергского отмечается: «Назначено и пожаловано философу доктору Фаусту 10 гульденов за составление гороскопа». В1540 году участник неудачной экспедиции в Венесуэлу Филипп фон Гуттен пишет своему брату: «Приходится мне признать, что предсказания философа Фауста сбылись почти полностью, ибо немало мы натерпелись здесь за это время».

Тем на менее конкретных биографических данных о Фаусте очень мало. Существует предположение, что он был так называемым «бродячим школяром», то есть одним из представителей средневековой интеллигенции, получивших университетское образование, но не имевших постоянной службы и переезжавших из города в город в поисках временного заработка.

Фауст прославился как знаток оккультных наук, предсказатель и составитель гороскопов. Но в высших ученых кругах о нем отзывались скептически, называя хвастуном и невеждой.

Легенда о том, что Фауст продал душу дьяволу, возникла еще при его жизни. Сам Фауст не опровергал этих слухов, а, напротив, поддерживал. Один из современников Фауста, знавший его лично врач Иоганн Вир, пишет: «Есть у меня один знакомый, борода у него черная, лицо темноватое, свидетельствующее о меланхолической конструкции (вследствие болезни селезенки). Когда он как-то повстречался с Фаустом, тот сразу же сказал: «До того ты похож на моего куманька, что я даже посмотрел тебе на ноги, не увижу ли длинных когтей». Это он принял его за дьявола, которого поджидал к себе и обычно называл куманьком.

Реальность сделки с дьяволом в то время ни у кого не вызывала сомнений. Другой знакомый Фауста, ученый-богослов Иоганн Гаст, писал: «Были у него собака и конь, которые, полагаю, были бесами, ибо могли выполнять все, что угодно. Слыхал я от людей, что собака иной раз оборачивалась слугой и доставляла хозяину еду».

Фауст скончался в 1540 году. В одной из исторических хроник, написанных спустя двадцать семь лет после его смерти, говорится: «Этот Фауст за свою жизнь совершил так много чудесных дел, что их хватило бы на сочинения целого трактата, но в конце концов нечистый все же удушил его».

И при жизни Фауста, и после его смерти в народе ходило множестве рассказов о нем. Они бытовали как в устной, так и в письменной форме, причем эти записи считались заметками самого Фауста.

В1587 году во Франкфурте-на-Майне книгоиздатель Иоганн Шпис выпустил книгу под названием «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике», в подзаголовке которой указывалось: «Большей частью извлечено из его собственных посмертных сочинений».

Образ легендарного Фауста существенно отличается от своего исторического прототипа. В книге Шписа впервые отчетливо прозвучала основная идея легенды о докторе Фаусте — жажда познания, для удовлетворения которой ученый готов пожертвовать своей душой, отречься от Бога и предаться дьяволу.

Автор книги пишет, что Фауст имел «быстрый ум, склонный и приверженный науке», и «окрылился он, как орел, захотел постигнуть все глубины неба и земли». Для этого Фауст заключил союз с дьяволом, и тот приставил к нему нечистого духа по имени Мефистофель, который должен был исполнять все желания ученого и отвечать на все его вопросы.

Значительная часть книги о Фаусте посвящена его ученым беседам с Мефистофелем. Фауст расспрашивает нечистого духа о небесах и о

преисподней, об устройстве Вселенной, о небесных светилах, причинах смены дня и ночи, происхождении грома и тому подобном, и на все вопросы получает ответы в соответствии с научными представлениями того времени.

Чтобы расширить свои познания, Фауст пожелал увидеть вблизи небесные светила. Мефистофель предоставил в его распоряжение повозку, запряженную двумя драконами, «как видно, из адского пекла». На этой повозке Фауст поднялся на 47 миль в вышину и обозрел оттуда землю, причем Мефистофель называл открывавшиеся его взору части света и страны. Поднявшись еще выше, Фауст убедился, что хотя солнце с земли кажется «величиной едва ли с днище от бочонка, на самом же деле оно больше всей земли».

Затем Фауст и Мефистофель совершили еще одно путешествие по воздуху, посетив различные страны, города и ознакомившись со всеми известными достопримечательностями.

В другой части книги о Фаусте рассказывается о различных мелких эпизодах из его жизни. В этих рассказах Фауст нередко напоминает традиционного фольклорного героя — ловкого плута, мастера забавных проделок, в которых ему охотно помогает Мефистофель.

Так однажды Фауст при помощи колдовства отвел глаза торговцу скотом — и продал ему вместо свиней вязанки соломы. В другой раз он повздорил на улице с крестьянином, который вез на продажу сено и «отпустил Фаусту много бранных слов». Фауст ему пригрозил: «Не очень разговаривай, а не то я съем твое сено вместе с лошадью». Неучтивый крестьянин ответил: «Ну так жри с моим дерьмом вместе». Тогда Фауст сделал так, что крестьянину стало чудиться, «будто у Фауста пасть величиной с чан, и пожрал он и проглотил сначала лошадь, потом сено и телегу». Перепуганный крестьянин побежал жаловаться бургомистру, но когда тот пришел посмотреть в чем дело, оказалось, что лошадь и телега стоят, как и прежде, «а Фауст его только обморочил».

Хотя исторический Фауст, насколько известно, никогда не был университетским профессором, в книге Шписа он нередко предстает в окружении своих студентов. Фауст часто демонстрирует студентам различные чудеса, причем происходит это преимущественно во время студенческих пирушек. По воле Фауста бочка с вином начинает скакать, подобно коню, тарелки и кубки наполняются сами собой, стоит выставить их за окно, а однажды, желая потешить собравшихся за столом, Фауст «наколдовал тринадцать обезьян, которые явились в комнату и так чудно паясничали, как никто еще не видел. Они прыгали друг на друга, затем взялись за лапы и стали плясать вокруг стола хороводом, а потом выскочили в окно и пропали».

По традиции, местом пирушек Фауста со студентами считается погребок, в Лейпциге, владельцем которого был некий Ауэрбах. Благодаря легенде о докторе Фаусте ауэрбаховский погребок стал одной из местных достопримечательностей. В XVII веке его стены были украшены двумя картинами: на одной Фауст изображен пирующим со студентами, на другой — выезжающим из погребка верхом на бочке. Под последней картиной было подписано:

Выехал Фауст, держась за бока,
Из ауэрбаховского погребка,
Сидя верхом на бочке с вином,
И это видели все кругом.
Постигнул черную магию он
И чертом за это был награжден

Эти картины бережно сохранялись и не раз реставрировались. В XIX веке ауэрбаховский погребок был перестроен и стал модным рестораном.

Во время пирушек Фауст вел со студентами и ученые беседы. Однажды, когда речь шла о Троянской войне, Фауст при помощи колдовства вызвал образ Елены Прекрасной, «и была она так дивно хороша собой, что студенты не знали, в уме они или нет».

Фауст и сам был поражен красотой Елены. Он «так ее полюбил, что ни на мгновение не мог с ней разлучиться». Елена Прекрасная оставалась с Фаустом до конца его жизни и родила ему сына, обладавшего способностью предсказывать будущее. После смерти Фауста и Елена и ребенок бесследно исчезли.

Заканчивается книга о докторе Фаусте рассказом «о его горестной и ужасной кончине и погибели».

Когда Фауст почувствовал приближение смерти, он начал раскаиваться в том, что предался дьяволу, и стал сокрушаться о своей погубленной душе. На что Мефистофель ответил ему пословицей: «Что ты накликал, не вдруг пришло — а ведь жареная колбаса о двух концах», после чего «исчез, оставив Фауста в полном смущении и меланхолии».

В полночь вокруг дома, в котором жил Фауст, «поднялся неистовый ветер, охватил его со всех сторон, так что казалось, что рушится все и самый дом будет вырван из земли», из комнаты Фауста слышалось «страшное шипение и свист, будто дом был полон змей, гадюк и других вредоносных гадов», а поутру Фауста нашли мертвым.

Книга, изданная Шписом, пользовалась огромной популярностью в народе. Эпизоды из нее стали излюбленными сюжетами народных кукольных представлений.

Эти представления не раз вызывали негодование духовенства. В начале XVIII века в Берлине церковники подали жалобу городским властям, в которой говорилось: «Поскольку в не раз исполнявшейся трагедии о докторе Фаусте показано было настоящее заклинание бесов, коих выпустили на сцену, и кощунственное отречение от Бога во имя нечистого, то многие в нашем городе либо открыто негодовали, либо вместе с подателями жалобы глубоко скорбели и тяжко вздыхали».

Очевидцы утверждали, что во время представлений «Фауста» «в толпу наряженных чертями проникали и настоящие бесы, вследствие чего неоднократно случалось, что на поверку один черт оказывался лишним, и не было никакой возможности понять, откуда взялся этот четвертый, или седьмой, или двенадцатый».

Несмотря на неоднократные запрещения, пьесы о Фаусте продолжали играть по всей Германии. Известно, что великий немецкий поэт И.-В. Гете задумал свое величайшее произведение — драму «Фауст»,

посмотрев такое кукольное представление.

Образ Фауста у Гете обретает философскую глубину и величие, его жажда познания одушевляется стремлением к истине. В прологе к драме Бог говорит Мефистофелю:

«И посрамлен да будет сатана!
Знай: чистая душа в своем исканье смутном
Сознаньем истины полна!»

(Перевод И. Холодковского)

72. ЛИБУША И ПРЖЕМЫСЛ

Самая древняя запись сказаний об основании Чешского государства, его легендарной правительнице мудрой прорицательнице Либуше и ее муже, родоначальнике чешских королей, крестьянине Пржемысле, содержится в «Чешской хронике» Козьмы Пражского, написанной в XII веке.

В предисловии к «Хронике» ее автор отмечает, что среди источников, которыми он пользовался, были устные народные предания. Козьма Пражский пишет: «Свое повествование я начал от времени первых жителей Чешской земли; и о том немногом, что стало мне известно из преданий и рассказов старцев, я повествую, как могу и как умею, не из присущего людям тщеславия, а лишь из опасения, чтобы рассказанное мне не было предано забвению».

В XVIII веке немецкий писатель И.-К. Музеус, любитель и знаток фольклора, создал свой вариант сказания о Либуше и Пржемысле. Он ввел целый ряд мотивов и эпизодов, отсутствующих у Козьмы Пражского, но явно имеющих народно-сказочную основу. В конце XIX века классик чешской литературы Алоис Ирасек выпустил книгу «Старинные чешские сказания». В ее первой части, которая называется «Сказания времен языческих», он собрал и пересказал предания о Либуше и Пржемысле, пользуясь как «Хроникой» Козьмы Пражского, так и устными легендами, еще бытовавшими в то время среди чешского народа.

В долине реки Вислы, — рассказывается в легендах о Либуше и Пржемысле, — издавна обитали славянские племена. Они были родственны по нравам, языку и обычаям, но со временем между ними возникла рознь, началась вражда.

Один из славянских вождей, по имени Чех, собрал свой род, а также всех, кто захотел идти с ним, и покинул родные местам, чтобы поселиться в иных землях.

Долог и труден был путь переселенцев. Много дней шли они на заход солнца, переправились через реку Одр, миновали долину Лабы (так славяне называли Эльбу) и вступили в пустынную страну, заросшую дремучими лесами, полную топких болот. По тем глухим местам протекала великая река Влатва.

На ее берегу, у подножия горы Ржип, переселенцы остановились на ночлег.

На утро Чех поднялся на вершину горы, чтобы обозреть окрестнести, и увидел, что дальше, по ту сторону горы, простираются обширные плодородные земли, зеленые леса, полные зверей и птиц, реки с

прозрачной, пригодной для питья водой и изобилующие рыбой.

Чех спустился к своим спутникам и сказал: «О, друзья мои! Путь наш окончен. По ту сторону горы лежит прекрасная страна, богатая всем, что нужно для жизни, и никому не подвластная. Если мы поселимся здесь, то ни в чем не будет у нас недостатка, и никто не станет мешать нам мирно жить и трудиться».

Все возрадовались, принесли благодарственные жертвы богам, а затем, перевалив через гору Ржип, поцеловали землю своей новой родины и нарекли ее именем Чеха — Чехия.

Люди стали обживать Чехию. Распахали поля, построили селения. Это время Козьма Пражский называет золотым веком. Он пишет: «Если бы кто-либо попытался поведать современным людям о том, какие люди были в те времена, какие нравы были у них, сколь честными, простыми и добросовестными они были (…), если бы кто-нибудь попытался рассказать об этом нашим современникам, придерживающимся всего совсем противоположного, то он был бы обращен ими в посмешище».

Древние чехи не ведали грабежа и обмана, все у них было общее, двери всегда были открыты для тех, кто нуждался в помощи, а оружие они использовали только для охоты на лесных зверей.

Чех правил своим народом тридцать лет. Но пришло время — он состарился и умер. Его похоронили в священной роще, а над могилой насыпали высокий курган.

Со смертью мудрого Чеха пришел конец золотому веку. Козьма Пражский пишет: «Увы! Благополучие превратилось в противоположное явление, общее уступило место собственности. Если бедность раньше не была унизительной и пользовалась уважением, то теперь ее стали сторониться, как грязного колеса; страсть стяжания пылает в душе сильнее огня Этны».

Старейшины рода сошлись на могиле Чеха и стали держать совет. Решили они избрать нового вождя, чтобы он правил Чешской землей. Их выбор пал на разумного и справедливого человека по имени Крок.

Козьма Пражский лишь упоминает Крока, Музеус же рассказывает о нем поэтическую легенду.

Крок пришел в Чешские земли вместе с Чехом. В то время он был еще юношей и занимался тем, что пас коней. Каждый день гонял он табун на лесное пастбище и, пока кони паслись, отдыхал под сенью зеленого дуба, самого красивого и раскидистого во всем лесу. В ветвях дуба обитала прекрасная лесная фея — душа дерева, однако Крок об этом не знал.

Однажды в лес пришли дровосеки. Они хотели срубить дуб, но Кроку стало жаль прекрасное дерево и он уговорил дровосеков не трогать его.

Едва дровосеки ушли, фея спустилась с ветвей на землю и стала благодарить Крока за то, что он спас жизнь дубу и ей самой.

Фея сорвала три тростинки, протянула их Кроку и сказала: «В одной из них заключена слава, в другой — богатство, в третьей — удача в любви. Выбери любую из них — и ты будешь счастлив».

Крок, смутившись, ответил: «Мне не нужна ни одна из этих тростинок. Слава порождает гордыню, богатство — алчность, а удача в любви ввергает в пучину страстей. Если ты и впрямь хочешь, чтобы я был

счастлив, даруй мне мудрость».

Фея сказала: «Будь по-твоему. Но, вкушая сладкий плод мудрости, не пренебрегай его кожурой: мудрецу сопутствует слава, ибо все его почитают, он один по- настоящему богат, ибо довольствуется тем, что имеет, и только мудрый бывает счастлив в любви, поскольку не отравляет ее суетными и нечистыми помыслами».

С этими словами фея отдала Кроку все три тростинки.

Крок покинул селение, в котором жил, и поселился в лесу. Под заветным дубом он построил себе хижину, посадил сад, развел огород.

Каждый вечер фея спускалась с ветвей и беседовала с Кроком о тайнах мироздания, скрытых от людей, но известных духам.

Крок и прекрасная фея полюбили друг друга, вскоре у них — одна за другой — родились три дочери.

Слава о мудром отшельнике Кроке разнеслась по всей Чехии.

Поэтому, когда умер старый Чех, старейшины рода пришли к Кроку просить его принять власть над Чешской землей. Ему принесли шапку Чеха, его посохи плащ — и воздали великие почести.

Крок стал правителем Чехии. Он по-прежнему жил в лесу, туда приходили к нему люди со своими спорами и тяжбами, и он судил их по справедливости.

Шли годы. Дочери Крока подрастали, а их мать-фея оставалась, как и прежде, молодой и прекрасной. Но однажды она сказала: «Нынче в полдень рухнет мой дуб, а с ним умру и я».

Крок воскликнул: «Как может случиться такое? Ствол дуба крепок, ветви мощны, корни глубоко уходят в землю. Он простоит еще сто лет!» В ответ фея лишь печально поникла головой.

А в полдень небо заволокло тучами, налетел ветер, разразилась гроза. Огненная молния ударила в вершину дуба и разбила его в щепки. В тот же миг фея умерла, а тело ее бесследно исчезло.

Крок не надолго пережил свою возлюбленную.

Дочери Крока к тому времени были уже взрослыми девушками. От отца они унаследовали мудрость, от матери — красоту и способность к чародейству.

Старшая, Казн, знала тайные свойства трав и кореньев, умела исцелять болезни и нередко возвращала к жизни тех, кто находился уже при смерти. Козьма Пражский приводит пословицу — о чем-либо безвозвратно утерянном говорят: «Этого не сможет вернуть даже сама Кази».

Вторая сестра, Тэтка, могла постигать волю богов. Она установила обряды для их ублаготворения, о чем Козьма Пражский говорит с осуждением: «Тэтка научила глупый и невежественный народ поклоняться горным, лесным и водяным нимфам, наставляла его во всех суевериях и нечестивых обычаях».

Младшая, Либуша, была наделена даром пророчества. Красотой она превосходила своих сестер, и никто во всей Чехии не мог сравниться с ней мудростью — ни среди женщин, ни среди мужчин.

По кончине Крока старейшины порешили вручить Либуше княжескую власть, и весь народ поддержал это решение.

Столицей Чехии Либуша сделала город Вышеград и поселилась там. Каждый день в венке из белых цветов выходила Либуша на широкий двор и садилась под развесистой липой. Шестеро старейшин сидели от нее по правую руку и шестеро — полевую. К ней приходили все, кто нуждался в совете, помощи или справедливом суде.

Однажды два знатных и богатых чеха начали тяжбу из-за границ своих полей. Козьма Пражский пишет: «Эти люди затеяли великую ссору: вцепившись ногтями друг другу в густые бороды, они стали непристойно поносить один другого, разъяренные, тыкая пальцами друг другу внос, они прибежали на Двор Либуши».

Либуша выслушала их дело и рассудила по справедливости, признав одного правым, а другого — виноватым. Первый согласился с ее решением, а второй разозлился и стал кричать, что не бабье дело разбирать ссоры между мужчинами и что женщинам подобает прясть, а не управлять государством.

И никто из окружавших Либушу мужчин не приказал замолчать дерзкому, все слушали и кивали головами.

Тогда Либуша встала и сказала: «Не вы ли сами просили меня принять княжение, а теперь недовольны тем, что я женщина! Я согласна избрать себе мужа, пусть будет у вас правитель-мужчина. Будете вы служить не под мягкой рукой, а под железной, будете ему платить дань, какой мне не платили, и на каждое его слово станете отвечать, дрожа от страха: «Так, господин». Зато не придется вам больше стыдиться, что вами правит женщина».

Либуша призвала к себе своих сестер, Кази и Тэтку, и три мудрые девы удалились в священную рощу, где стоял деревянный идол древнего бога (Алоис Ирасек полагает, что это был Перун — славянский бог-громовержец). Всю ночь молились сестры в священной роще, вопрошая богов и духов о том, как надлежит поступить младшей сестре, чтобы найти себе достойного мужа, а Чехии — достойного государя. И наутро получили ответ.

Едва взошло солнце, Либуша снарядила двенадцать гонцов и сказала им: «Возьмите княжескую шапку, плащ и посох и идите на север. Там, на берегу реки Белины, близ селения Стадице увидите поле. На этом поле на двух пестрых волах пашет ваш князь. Имя его — Пржемысл, и род его до скончания века будет править Чешской землей. А чтобы вам не сбиться с дороги, возьмите моего белого коня. Он пойдет впереди и будет указывать вам путь».

Следуя за белым конем, гонцы достигли поля, о котором говорила Либуша, увидели работавшего на нем пахаря, низко ему поклонились и сказали: «Будь здрав и благословен, господин, суженый нам богами!» И, «по крестьянскому обычаю, по которому сказать один раз недостаточно», повторили эти слова еще дважды. А потом продолжили: «Облекись в княжеские одежды, которые мы принесли с собой, и отправляйся с нами в Вышеград, чтобы принять власть над Чешской землей!» Пахарь Пржемысл, имя которого означает «мыслящий вперед», также как и Либуша, обладал даром прорицания. Поэтому он ничуть не удивился, распряг и отпустил своих волов, потом сказал: «Жаль, что я не успел допахать свое поле. Если бы я вспахал его целиком, то никогда не было бы неурожая и голода в

Чешской земле. Но вы оторвали меня от работы, и теперь у нас часто будет случаться недород и голод».

Пржемысл облачился в княжеские одежды, сел на коня и торжественно направился в Вышеград. Из прежнего своего имущества он взял с собой лишь суму и лапти — и велел хранить их вечно, чтобы его потомки, как бы высоко они ни вознеслись, не забывали своих крестьянских корней.

В Вышеграде Либуша, старейшины рода и весь чешский народ с почетом встретили Пржемысла, приветствуя его как своего господина.

Здесь Музеус, в соответствии со сказочной традицией, вводит в повествование еще двух претендентов на руку Либуши: князя Владомира и воина Мицыслу. Либуша, желая испытать мудрость всех троих, предложила им решить такую задачу: «Задумала я преподнести вам подарок — корзиночку слив, которые сама набрала в саду. Одному из вас достанется половина и одна сверх того, другому половина оставшихся и одна сверх того, а третьему половина оставшихся и три сверх того — и корзиночка опустеет. Скажите, сколько слив в корзиночке?» Мицысла сразу понял, что решить такую задачу ему не под силу, и ответил наобум, Владомир долго думал и считал, но все же решил задачу неверно, и лишь Пржемысл дал правильный ответ — тридцать слив.

Либуша открыла свою корзиночку, отсчитала пятнадцать штук в шляпу князю Владомиру и прибавила еще одну. В корзиночке осталось четырнадцать слив. Из них она дала Мицысле семь слив и одну. В корзиночке осталось шесть слив. Она отделила половину и дала их Пржемыслу, добавив оставшиеся три сливы — и корзиночка опустела. (Кстати сказать, эта задача до недавнего времени включалась в школьные задачники по арифметике, в раздел «Задачи повышенной сложности».) Либуша и Пржемысл сыграли свадьбу и стали вместе княжить. Пржемысл установил законы и железной рукой заставил непокорных им подчиняться.

Город Вышеград по-прежнему был столицей. Но однажды Либуша в сопровождении супруга и старейшин рода поднялась на высокую скалу над Влатвой и изрекла пророчество: «В излучине Влатвы, там, где сейчас растет дремучий лес, встанет наша новая столица. И поклонятся ей все, как кланяются, переступая порог дома. Поэтому имя ей будет — Прага».

За свою жизнь Либуша собрала великие богатства и спрятала их в недрах Вышеградской скалы. Но ни она сама, ни ее супруг, ни дети их, ни внуки не тронули того клада, потому что он был заповедным и ждал особого часа.

Прошли годы. Либуша и Пржемысл окончили свою земную жизнь. А клад так и остался лежать в глубине Вышеградской скалы, о нем еще долго рассказывали легенды. Алоис Ирасек пишет: «Засверкает и объявится он лишь тогда, когда будет народу тяжелее всего и покажется жизнь непосильной. И когда он откроется(…), станет жизнь изобильна, и навсегда исчезнет нужда».

Большинство ученых считают Чеха, Крока, Либушу и Пржемысла персонажами чисто легендарными. Однако известный чешский историк XX века Зденек Неедлы, отмечая «очень глубокие корни» сказаний о первых правителях Чешского государства, находит в этих сказаниях отзвуки реальных исторических событий: заселения чешскими племенами долины

реки Влатвы и возникновения княжеской власти, сменившей власть старейшин.

Предание относит время княжения Либуши и Пржемысла к неопределенным «баснословным» временам. Однако чешские короли, правившие в IX–XIV веках, называли себя Пржемысловичами и возводили свой род к легендарному Пржемыслу. В XI веке король Вратислав II в зале своего дворца в Вышеграде выставил для всеобщего обозрения «лапти Пржемысла». Впоследствии на протяжении нескольких веков эти лапти и суму выносили вместе с другими реликвиями во время королевских коронаций.

Жителям Стадице — родной деревни Пржемысла — были даны особые привилегии, а поле, которое он пахал, считалось королевской собственностью.

В середине XIX века на этом поле был поставлен памятнике надписью: «Здесь Пржемысл был призван на воеводство». В 1945 году, после освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков, было прибавлено: «Власть вернулась в твои руки, о народ чешский».

73. ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

Вильгельм Телль — легендарный национальный герой Швейцарии, участник освободительной борьбы против австрийского владычества.

Был ли у Вильгельма Телля исторический прототип или он является собирательным образом народного героя — доподлинно не известно.

В XIII веке Швейцария, небольшая горная страна, занимавшая выгодное положение на торговом пути через Альпы, была завоевана австрийцами. Народ Швейцарии не смирился с порабощением своей родины. В1291 году представители трех швейцарских лесных кантонов (областей) — Швица, Ури и Унтервальдена, главным образом, это были крестьяне, пастухи и охотники, встретились на берегу горного Фирвальдштетского озера и заключили между собой союз для борьбы за свободу.

Среди участников этой борьбы, по преданию, был крестьянин из кантона Ури Вильгельм Телль. О том, как он стал повстанцем, рассказывается в швейцарской хронике, составленной в XV веке, так называемой «Белой книге», — причем это легендарное событие приурочено к точной дате — 18 ноября 1307 года, и хотя в действительности национально-освободительное движение началось намного раньше этой даты, народная традиция считает Вильгельма Телля его вдохновителем.

В тот день Вильгельм Телль со своим маленьким сыном отправился на ярмарку в город Альтдорф, главный город кантона Ури. В Альтдорфе находилась резиденция австрийского наместника — ландфохта Геслера, человека жестокого и глубоко презиравшего швейцарский народ. Чтобы лишний раз напомнить швейцарцам об их унижении, Геслер распорядился установить на центральной площади шест, на верхушке которого красовалась шляпа австрийского герцога, и приказал всем жителям, проходящим мимо, почтительно ей кланяться. За исполнением этого приказа следили два специально приставленных стражника.

Вильгельм Телль знал об издевательском приказе ландфохта, его гордость возмутилась, и он прошел мимо герцогской шляпы, не поклонившись. Стражники тут же схватили его. Однако Вильгельм Телль

был силен и легко отшвырнул стражников от себя. Собравшаяся толпа приветствовала смелого крестьянина радостными криками.

Но вдруг на площади появился сам ландфохт Геслер, ехавший верхом на коне в сопровождении солдат. Притихшая толпа расступилась перед ним, и Вильгельм Телль оказался лицом к лицу с австрийским наместником.

Геслер спросил: «Что здесь происходит?» Стражники, приставленные к шляпе, объяснили, что они задержали смутьяна, пытавшегося пренебречь приказом ландфохта.

Геслер хотел сразу же отправить Вильгельма Телля в тюрьму, но, увидев, что за плечами у крестьянина висит лук и колчан со стрелами, решил прежде доставить себе развлечение. Он спросил: «Правду ли говорят, что швейцарцы — искусные стрелки из лука?» Вильгельм Телль ответил: «Правду. Я попадаю в яблоко с расстояния в сто шагов».

Ландфохтсказал: «Это мы сейчас проверим», — и приказал принести яблоко.

Маленький сын Вильгельма Телля со страхом наблюдал за происходящим. Геслер спросил Вильгельма Телля: «Это твой сын?» — и когда тот ответил утвердительно, распорядился: «Ты собьешь яблоко с его головы».

Мальчика поставили возле липы, росшей на площади, положили ему на голову яблоко и отмерили сто шагов. Вильгельм Телль вынул из колчана две стрелы, одну из них спрятал за пазуху, другую положил на тетиву. Затем мысленно помолился Богу — и выстрелил.

Стрела попала точно в цель, яблоко упало на землю.

Толпа с облегчением вздохнула. Мальчик, целый и невредимый, бросился к отцу.

Но тут ландфохта охватило страшное подозрение. Он спросил: «Почему, прежде, чем стрелять, ты спрятал вторую стрелу за пазуху? Отвечай, не бойся. Если ты скажешь правду, клянусь, отпущу тебя, не причинив никакого вреда».

Вильгельм Телль ответил: «Если бы рука моя дрогнула и я попал в своего сына, то второй стрелой поразил бы тебя. И в этом случае, будь уверен, не промахнулся бы! А теперь отпусти меня, как обещал».

Ландфохт не исполнил клятвы. Он сказал: «Ты — опасный бунтовщик. Я заточу тебя в замке Кюсонахт до конца твоих дней».

Чтобы попасть в замок Кюсонахт, нужно было переправиться через озеро. Вильгельма Телля, закованного в цепи, посадили в лодку. Геслер решил сам сопроводить узника к месту заточения.

Когда лодка была уже далеко от берега, поднялся сильный ветер, налетел ураган и разразилась буря. Лодку швыряло с волны на волну, гребцы не справлялись с веслами.

Один из гребцов сказал Геслеру: «Нам нужна еще одна пара рук. Пусть узник тоже сядет за весла».

Перепуганный ландфохт приказал снять с Вильгельма Телля оковы и закричал: «Греби, что есть силы! Спасай меня и себя!» И вот, среди плеска волн и завывания ветра, лодка достигла берега. Геслер не сразу пришел в себя после пережитого страха. Вильгельм Телль, воспользовавшись этим, выпрыгнул из лодки и бросился бежать по узкой

тропинке, ведущей в горы.

Ландфохт вскочил, выкрикивая проклятья и грозя кулаком, но ярость его была бессильна — Вильгельм Телль скрылся, родные горы спрятали его.

Вскоре он раздобыл лук и стрелы, подстерег Геслера на обрывистой горной дороге и метким выстрелом поразил его в сердце.

Это убийство, как утверждает легенда, послужило сигналом к восстанию всего швейцарского народа.

В1315 году в битве при Моргартене повстанцы разбили австрийские войска и навсегда изгнали врагов из Швейцарии. По преданию, в этой битве принимал участие и Вильгельм Телль.

В Швейцарии Вильгельму Теллю воздвигнуто несколько памятников, а в том месте, где он выпрыгнул из лодки на берег, поставлена часовня.

На сюжет легенды о Вильгельме Телле написал драму Ф. Шиллер и оперу — Дж. Россини.

74. СИД КАМПЕАДОР

«Песнь о Сиде» — всемирно известное произведение испанского героического эпоса. Немецкий писатель Фридрих Шлегель писал: «Одно такое предание, как о Сиде, ценнее для нации, чем целая библиотека литературных произведений, порожденных лишь умом и лишенных национального содержания».

Герой эпоса, Родриго Диазде Бивар, по прозванию Сид — личность историческая. Он жил в XI веке и был одним из виднейших деятелей Реконкисты — национально- освободительного движения испанцев против захвативших их земли арабов (в средние века их чаще называли маврами). Реконкиста началась в VIII веке и продолжалась до конца XV века.

Прозвание «Сид» по-арабски означает «господин, повелитель». Родриго Диазуде Бивару его дали мавры, над которыми он одержал множество блистательных побед. Испанцы называли его «Кампеадор», что значит «воитель».

В 1094 году Родриго Диазде Бивар отвоевал у мавров обширную испанскую область Валенсию и правил ею как самостоятельный государь до самой своей смерти в 1099 году.

«Песнь о Сиде» сложилась в XII веке и дошла до нашего времени в одном- единственном списке, сделанном в начале XIV века. Начало этого списка утрачено, но его содержание можно восстановить на основе исторических хроник.

Известно, что Сид Кампеадор верой и правдой служил королю Кастилии Санчо. (Испания в то время состояла из нескольких королевств — Кастилии, Наварры и других.) Король Санчо погиб при невыясненных обстоятельствах, и на кастильский престол вступил его брат Альфонс VI. Двенадцать знатных рыцарей, и в их числе Сид, потребовали от нового короля клятвы, что он непричастен к смерти брата. Альфонс VI поклялся, но с тех пор затаил злобу против Сида?

Через некоторое время Сид одержал очередную победу над маврами и захватил богатую добычу. Недоброжелатели обвинили Сида в том, что он утаил часть добытых богатств от короля. Альфонс VI воспользовался этой клеветой и в 1087 году приговорил Сида к изгнанию из Кастилии.

Сохранившаяся часть «Песни» начинается с описания того, как Сид покидает родную землю, оставляет свой родовой замок Бивар.

Жгучими слезами так горестно плача,
Назад он обернулся, взглянул на палаты.
Видит, двери без запоров, и ворота все настеж. (…)
Вздохнул мой Сид от великой печали,
Молвил мой Сид разумными словами.
«Господи-Отче, в небесах тебе слава
Вот что учинили лихие супостаты»

(Перевод Б. Ярхо)

Вместе с Сидом Кастилию покидали шестьдесят отважных рыцарей — его верных друзей и вассалов, пожелавших разделить с ним изгнание.

Король Альфонс VI дал Силу всего девять дней сроку, чтобы выехать за пределы кастильской земли, а по всем городам и селениям, через которые должен был проезжать Сид со своими рыцарями, разослал грамоты с печатью и строгим приказом не давать ему ни крова, ни пищи.

Вот въезжает Сид Кампеадор в город Бургос. Горожане попрятались по своим домам, накрепко заперли двери. С охотою приняли бы они благородного Сида, но боятся королевского гнева. Украдкой смотрят горожане из окон на проезжающего по улице Сида и плачут горькими слезами.

Подъехал Сид к одному из домов, выпростал ногу из стремени, ударил в запертую дверь.

Вышла из дома маленькая девочка и сказала: «О, Кампеадор, в добрый час вы меч надели! Если дадим мы вам приют, король покарает нас смертью. Не прибудет вам добра от нашего горя Храни вас Господь со всею силою небесной!» Так сказала девочка и скрылась в доме.

Повернул Сид коня и поехал со всеми, кто ему верно служил, прочь из Бургоса. В поле за городской стеной раскинули они лагерь. Поставили палатки, чтобы не ночевать под открытым небом, но на ужин не было у них ни куска хлеба.

И тут пришел из Бургоса человек по имени Мартин Антолинез и принес вдоволь всякой снеди и вина, и все это было его собственное, а не купленное. Сказал Мартин Антолинез Сиду: «Пусть я впаду в немилость у короля дона Альфонса, но услужу вам, о Сид Кампеадор, в добрый час вы меч надели!» Сид ответил: «Если я буду жив, то дам тебе достойную награду».

На следующее утро, до первого петушиного крика, Сид и те, что верно ему служили, отправились дальше. И Мартин Антолинез ушел вместе с ними.

Держит Сид Кампеадор путь в монастырь Сан-Перо, где нашли приют его супруга, донья Химена, и две малолетние дочери.

День и ночь молила донья Химена Бога: «О, Ты, что правишь миром, помоги Кампеадору!» Настоятель монастыря, аббат дон Санчо, сказал

Сиду: «Оставайтесь, мой Сид, в монастыре Сан-Перо».

Сид ответил: «Спасибо, дон аббат, но я не могу остаться: король повелел мне покинуть Кастилию. Прошу вас, позаботьтесь о донье Химене и моих дочерях, пока я буду в изгнании».

Донья Химена, плача, целовала мужу руки и говорила: «О, горе! Будем мы с вами отныне в разлуке!» Сид прижал к сердцу супругу и дочерей и сам заплакал. Потом сказал:

«Отменная супруга, донья Химена!
Как душу свою, люблюя вас верно. (…)
Я вдаль ухожу, вы останетесь при детях.
Пошли нам Господь и Пресвятая Дева,
Чтоб своими руками обвенчал я этих деток.
Коль будет мне удача и спасусь я от смерти,
Вам, супруга честная, послужить я сумею».

И уж так горевал Сид, расставаясь с доньей Хименой и дочерьми, что один из его рыцарей сказал ему: «Где ваша стойкость, мой Сид? Верьте, придет время и вы свидитесь с вашей супругой!» Слух о том, что Сид Кампеадор отправляется в изгнание, пронесся по всей кастильской земле, и многие кастильцы решили оставить свои дома и уйти вместе с ним. Вскоре собралось у Сида большое войско: триста всадников, а пеших воинов столько, что и не сосчитать.

Вот достиг Сид границы Кастилии. В последний раз ночует он на родной земле. Во сне ему явился архангел Гавриил и сказал: «Скачите, мой Сид, о добрый Кампеадор! Никогда с такой удачей не выезжал никто: Покуда вы живы, все пойдет хорошо».

На другой день Сид со своим войском вступил в земли, завоеванные маврами.

На пути у Сида Кампеадора оказалась крепость Кастежон, в которой засели мавры. Сид захватил крепость и взял богатую добычу. Пятую часть ее, как положено, оставил себе, а остальное по совести разделил между воинами: конным досталось по сто марок, пешим — по пятьдесят, и все были довольны таким дележом.

Вскоре Сид занял еще одну крепость — Алькосер. Узнав об этом, два мавританских царя, Фарис и Гальве, пришли на помощь своим соплеменникам и осадили Сида в Алькосере.

И вот у осажденных кончаются припасы. Спрашивает Сид своих рыцарей: «Что будем делать?» Рыцари ответили: «Велико вражеское войско, но и нас немало. Выйдем им навстречу — и примем бой!» Наутро испанцы покинули крепость и ударили по маврам. Храбро сражается Сид и те, кто верно ему служит. Бой еще только начался, а уже более тысячи мавров полегло мертвыми. Цари Фарис и Гальве бежали. Досталась испанцам победа, досталось великое богатство: пятьсот арабских скакунов, дорогое оружие и доспехи, а золота и серебра столько, что стали богаты все воины в войске Сида, и конные и пешие.

Сид призвал одного из своих верных рыцарей, Альвара Аньеса, и сказал ему:

«Хочу я вас послать в Кастилию с вестью
Об этой битве, где досталась нам победа.
Королю дон Альфонсу, что так сильно разгневан,
Тридцать коней посылаю отменных,
Все под седлом со сбруей драгоценной».

А еще Сид дал Альвару Аньесу сапог, доверху полный золотыми монетами, и велел заказать на родине тысячу месс святой Марии Бургосской, а оставшиеся деньги передать донье Химене.

Альвар Аньес ответил: «Все исполню усердно».

Вот прибыл Альвар Аньес в Кастилию и предстал перед королем Альфонсом. Говорит Альвар Аньес: «Государь! Мой господин Сид Кампеадор — в добрый час надел он свой меч — разбил в жестоком бою двух мавританских царей. Он целует вам руки и ноги, шлет в дар тридцать коней и просит о милости».

Ответил король: «Трех недель не прошло, как Кампеадор навлек на себя мой гнев. Я не могу простить его так скоро. Но коней возьму охотно, ведь они отняты у мавров, врагов христиан».

Альвар Аньес, исполнив остальные поручения своего господина, возвратился к Сиду и сказал ему, что король принял подарок, мессы святой Марии Бургосской заказаны, донья Химена получила деньги и шлет привет от себя и от дочерей. Сид остался доволен.

Прошло немалое время. Много славных сражений выиграл Сид Кампеадор, много отвоевал у мавров земель и, наконец, дошел до самого моря. Там он взял штурмом город Валенсию и стал правителем валенсийских земель.

Снова снаряжает Сид Альвара Аньеса в Кастилию, посылает королю дону Альфонсу сто прекрасных коней, захваченных в последнем бою, и просит, чтобы король разрешил донье Химене с дочерьми покинуть монастырь Сан-Перо и жить отныне в Валенсии вместе с Сидом.

Король принял подарок и сказал: «Я рад, что Сид Кампеадор совершил столько подвигов и отвоевал у мавров столько испанских земель, и охотно приму его подарок. А что до доньи Химены — пусть она едет к мужу».

И вот после долгой разлуки Сид снова соединился с женой и дочерьми, которых любил больше души своей.

Тем временем мавры, желая вернуть себе Валенсию, с несметным войском подошли под ее стены и раскинули свои шатры.

Испугалась донья Химена, увидев, как враги готовятся к бою, но Сид сказал: «Идет к нам в руки богатая добыча, будут вам с дочерьми подарки к приезду!» Он повел донью Химену и дочерей на алькасар — самую высокую крепостную башню и сказал:

«Здесь, на алькасаре, супруга, стойте смело,
Не бойтесь, что иду я на ратное дело:
По милости Бога и святой Приснодевы,
Оттого, что вы — здесь, мое сердце окрепло.

С Божьей помощью в битве одержу я победу».

Когда началось сражение, было у мавров пятьдесят тысяч воинов, когда оно окончилось, из них остались в живых сто четыре человека, и те бежали с поля боя.

Был весел мой Сид и все его вассалы,
Что по милости божьей победа им досталась. (…)
Взяли серебром и златом три тысячи марок,
А прочей поживе нет счета и сказа.

Сид опять отправил королю дону Альфонсу богатые дары. На этот раз король сказал: «Пришло время помиловать Кампеадора. Пусть он предстанет передо мной, когда ему угодно».

Узнав об этом, Сид воскликнул: «Благодарение Богу!» Не мешкая, снарядился он в путь и отправился в Кастилию.

Скачет Сид во весь опор. Следом — его верные рыцари. Все на добрых конях — взяты они в бою, а не подарены; все в богатой одежде, в шелковых плащах, подбитых мехом.

Король дон Альфонс встретил Сида с почетом. Сид упал к ногам короля и заплакал от радости. Король сказал:

«Встаньте немедля, о Сид Кампеадор!
Целуйте мне руки, но ноги — ни за что.
Коль сейчас же не встанете, снимаю с вас любовь».

Он поднял Сида и поцеловал его в уста. И все, кто при этом присутствовали, радовались их примирению.

В свите короля были два инфанта из знатного графского рода де Каррион — дон Дидаго и дон Феррандо, алчные и тщеславные. Они знали, что Сид, воюя с маврами, добыл себе немалое богатство. Теперь же, видя, что король вернул Кампеадору свою милость, они решили посвататься к дочерям Сида, донье Эльвире и донье Соль, к тому времени уже ставшими невестами.

Быть сватом они попросили самого короля.

Дон Альфонс сказал Силу: «Я прошу вас, Кампеадор, отдать своих дочерей в жены молодым графам де Каррион. Породнившись с ними, вы умножите честь и славу своего рода».

Сид ответил: «И я, и мои дочери в полной вашей власти, государь. Вы можете отдать их в жены, кому вам будет угодно».

Дело было слажено, и Сид вернулся в Валенсию к своей семье с женихами для доньи Эльвиры и доньи Соль.

Две недели праздновали двойную свадьбу. Зятья остались жить в Валенсии в доме Кампеадора. Сид относился к инфантам как к родным сыновьям, хотя они и не заслуживали такого отношения.

Прошло немного времени, и мавры снова попытались захватить Валенсию. Испанцы отразили их приступ. Сид не видел в бою своих зятьев, но, полагая, что они сражались не хуже других, после боя похвалил их за храбрость.

Инфанты, которые во время боя трусливо прятались в последних рядах, приняли его похвалу за насмешку и разозлились.

Среди прочих богатств был у Сида ручной лев. Однажды, когда Кампеадор почивал после обеда, зверь вырвался из клетки.

Инфанты де Каррион перепугались до полусмерти. Дон Дидаго спрятался под скамью, на которой спал Сид, дон Феррандо забрался на высокий столб, порвав на себе одежду.

Сид проснулся от львиного рыка, ухватил зверя за косматую гриву и отвел его в клетку.

Когда об этом случае стало известно, все начали потешаться над трусливыми инфантами, пока Сид не пресек насмешек, объявив, что обида его зятьям — обида ему самому. Однако мнительным дону Дидаго и дону Феррандо казалось, что в душе Сид потешается над ними еще больше, чем другие.

И задумали инфанты отомстить Кампеадору — жестоко и коварно.

Они пришли к Силу и сказали: «Пришло время вернуться нам вместе с женами в свои родовые земли. Пусть донья Эльвира и донья Соль готовятся в дорогу».

Не хотелось Силу разлучаться с дочерьми, да делать нечего — раз дочери выданы замуж, обратно их не возьмешь. Сид сказал зятьям: «Берегите своих жен. И знайте, что вместе с ними вы увозите мое сердце».

Он наградил инфантов де Каррион богатыми дарами, дал им золота и серебра, драгоценное оружие и боевых коней, шелковое и суконное платье и другие ценные вещи. Много мулов нагрузили инфанты де Каррион подарками Сида.

Донья Эльвира и донья Соль простились с Сидом и доньей Хименой, со своими подругами и служанками и покинули Валенсию.

Сид послал с дочерьми надежную охрану во главе со своим племянником Фелесом Муньосом, чтобы проводить донью Эльвиру и донью Соль до самого Карриона.

Проезжая через дубовый лес, дон Дидаго и дон Феррандо услали вперед слуги охрану, а сами с женами остались на поляне, посреди которой росли два одиноких дуба.

Инфанты сказали дочерям Сида: «Донья Эльвира и донья Соль, в этом пустынном месте мы предадим вас позорному наказанию, а потом бросим вас здесь, асами уедем».

Злодеи привязали сестер к двум дубам, взяли крепкие плети и принялись хлестать донью Эльвиру и донью Соль без всякой пощады.

Сестры говорят смиренно: «Дон Дидаго и дон Феррандо! Ради Бога на небе, не предавайте нас такому бесчестью. Лучше возьмите острые мечи, что подарил вам наш отец, и отрубите нам головы. Избив нас, вы унизитесь навеки, вас осудят и христиане и мавры!» Но инфанты продолжали хлестать сестер.

Так тяжко их забили, едва не до смерти
Окровавлены рубашки и нижние одежды.
Примахалисьу братьев и руки и плечи:

Ведь тягались друг с дружкой, кто вытянет крепче.

Наконец, утомившись, инфанты сели на своих коней и поскакали догонять свиту, а донья Эльвира и донья Соль остались на растерзание диким зверям, и некому было им помочь.

Так бы и погибли дочери Сида, но — благодарение Богу — Фелес Муньос решил не ехать вперед со всей свитой, а подождать дочерей своего господина на обочине дороги. И вот, не заметив его, мимо проскакали инфанты де Каррион. Были они одни, без жен, и громко похвалялись, как жестоко отомстили Силу.

Понял Фелес Муньос, что с доньей Эльвирой и доньей Соль приключилась беда, и в великой тревоге поспешил на их поиски.

Найдя сестер на поляне, окровавленных и почти бездыханных, Фелес Муньос отвязал их от дубов, дал им напиться, принеся воды из ближнего ручья в своей новой шляпе, а потом отвез донью Эльвиру и донью Соль обратно в Валенсию к их отцу.

Когда Сид узнал о несчастье и позоре, постигшем его дочерей, то поклялся своей бородой, что инфанты де Каррион поплатятся за совершенное ими злодейство.

Он отправился в Кастилию к королю дону Альфонсу и потребовал, чтобы тот учинил суд над виновными.

Король назначил суд в городе Толедо.

Вот стоят инфанты перед судьями. Дон Альфонс говорит:

«…в Толедо прибыл я сегодня
Из почтения к Сиду, рожденному в час добрый,
Чтоб добился он права от инфантов Карриона.
Он ими изобижен, как знаем мы бесспорно».

Судьи, выслушав дело, постановили, что инфанты должны вернуть Сиду три тысячи червонцев, которые он дал в приданое за дочерьми, и все полученные от него подарки.

Взвыли инфанты — ведь они уже порастрясли деньги. Пришлось им отдать Сиду часть своих земель и имущества.

Тогда Сид сказал: «Я получил возмещение за убытки, но не сквитался за обиду. Ответьте мне, дон Дидаго и дон Феррандо, зачем взяли вы в жены моих дочерей, если они не были вам милы? Зачем увезли их из Валенсии и обошлись с ними жестоко и бесчестно? Я ничего не сделал вам дурного, ни в шутку, ни всерьез, ни поступком, ни словом, а вы истерзали мое сердце!» Инфанты де Каррион на это ответили надменно: «Мы оба настолько благородного рода, что могли бы жениться на принцессах, ты же не имеешь знатных предков, и дочери твои — нам не пара. Мы ничуть не жалеем о том, что проучили донью Эльвиру и донью Соль. Пусть они теперь вздыхают и плачут до самой могилы».

Говорит Сид инфантам: «За оскорбление, нанесенное моим дочерям, вы должны расплатиться кровью!» И тут же два рыцаря, что верно служили Сиду, — одного звали Перо Вермудоз, а второго — Мартин Антолинез — вызвали инфантов на поединок.

Перо Вермудоз сказал дону Феррандо:

«Перед королем Альфонсом здесь я биться готов.
За дочерей Кампеадора, донью Эльвиру и донью Соль.
За то, что вы их бросили, цена вам грош.
Хоть женщины они, вы не мужской пол,
Больше вас они стоят везде и во всем»
А Мартин Антолинез сказал дону Дидаго:
«С тобой мы сразимся, не уйдешь ты никуда.
Дочерей Кампеадора ты бросил без стыда,
Больше вас они стоят, вы им не чета.
Под конец поединка признаешь ты сам,
Что вор ты и предатель, и во всем ты солгал».

Король подал знак к началу поединка. Дон Феррандо был побежден и попросил пощады, а дон Дидаго не стал дожидаться поражения и обратился в позорное бегство.

Так были посрамлены надменные инфанты де Каррион — да послужит это уроком всякому, кто задумает обидеть беззащитнуюженщину.

Прошло недолгое время, и к королю дону Альфонсу прибыли послы из соседних королевств — Наварры и Арагона, чтобы просить в жены своим государям дочерей Сида Кампеадора. Донья Эльвира и донья Соль стали королевами, чему король дон Альфонс и сам Сид были очень рады.

«Песнь о Сиде» максимально приближена к исторической действительности. Однако, народная фантазия сделала образ главного героя более цельным, чем это было на самом деле. Реальный Сид Кампеадор был не только воином, но и дипломатом и, в силу дипломатической необходимости, некоторое время находился на службе у мавританского царя — ситуация, немыслимая для Сида-героя эпоса.

Кроме того, в «Песни» Сид предстает как «инфансон» — простой рыцарь, достигший вершины славы лишь благодаря своей личной доблести. В действительности же Родриго Диаз де Бивар принадлежал к высшей испанской знати, его жена донья Химена была двоюродной сестрой короля Альфонса VI. Конфликт Сида с надменными инфантами де Каррион полностью вымышлен (хотя инфанты с такими именами существовали), а дочери Сида стали королевами Наварры и Арагона без предшествующих событий, описанных в «Песни».

75. ДОН ЖУАН

Испанская легенда о Дон Жуане — одна из самых популярных средневековых легенд. К ней обращались крупнейшие поэты и писатели едва ли не всех европейских стран: в Испании — Тирсо де Молина, во Франции — Ж.-Б. Мольер, в Англии — Д.-Г. Байрон, в Германии — Э.-Т.-А. Гофман, в России — А.С. Пушкин, А.К. Толстой, А.А. Блок.

Дон Жуан — личность историческая. Сведения о нем содержатся в одной из хроник его родного города Севильи.

Исторические факты почти полностью совпадают с легендой, за исключением обстоятельств таинственной гибели Дон Жуана, которую легенда приписывает вмешательству потусторонних сил, а хроника объясняет вполне реальными причинами.

Дон Жуан Тенорио жил в XIV веке и принадлежал к одной из двадцати четырех самых знатных фамилий Севильи.

Его отец, Алонзо Тенорио, был боевым адмиралом, участвовал в борьбе с маврами и погиб в морском сражении близ Трафальгара, сжимая в одной руке меч, а в другой — знамя.

Дон Жуан — младший сын отважного адмирала — был сверстником и другом детства сына короля Альфонса XII, Педро. В 1350 году дон Педро вступил на престол и вскоре получил прозвание Педро Жестокий. Дон Жуан, по-прежнему остававшийся его другом, был возведен в звание обер-келлермейстера.

Отличаясь дерзким бесстрашием, презрением к общепринятой морали, сластолюбием и бессердечием, Дон Жуан по малейшему поводу, а иногда и без него, затевал многочисленные дуэли, из которых всегда выходил победителем, обольщал женщин — девиц и замужних дам, навлекая на них позор и принося горе многим почтенным семьям. Благородные севильцы не раз жаловались на Дон Жуана королю, но Педро Жестокий неизменно пренебрегал этими жалобами.

Однажды внимание Дон Жуана привлекла дочь командора Гонсалес де Ульоа донна Анна, и он решил похитить девушку. Ночью Дон Жуан тайно проник в дом командора. Однако Гонсалес де Ульоа в это время еще не спал, между хозяином и незваным гостем произошла схватка, и командор был убит.

Король не мог оставить безнаказанным убийство столь знатного человека, и Дон Жуану пришлось покинуть Севилью.

Командора похоронили в фамильном склепе в монастыре Святого Франциска, а над его могилой поставили каменною статую.

Родичи убитого поклялись отомстить убийце. Чтобы заманить Дон Жуана в Севилью, ему отправили подложное любовное письмо с приглашением на свидание в монастырь Святого Франциска, и, когда Дон Жуан явился в назначенный час, убили его, а тело тайно закопали.

Предполагая, что тайна может быть раскрыта и опасаясь в этом случае королевского гнева, родичи Гонсалеса де Ульоа распустили слух о том, что Дон Жуан ночью пробрался в склеп и оскорбил статую убитого им командора. Но статуя вдруг ожила, схватила дерзкого нечестивца в свои каменные объятья и низвергла его в ад.

Этот слух показался всем весьма правдоподобным, и история жизни Дон Жуана вошла в легенду именно с таким окончанием.

С легендой о Дон Жуане связан обычай, существовавший в Севилье еще в XIX веке. Очевидец описывает его так: «Каждый год на масленицу во вторник устраивается процессия, во время которой несут Дон Жуана, с головы до ног одетого в белое, коленопреклоненного на белой подушке (…). По-видимому, это должно означать, что знаменитый севильский грешник при жизни не успел покаяться в полной мере и доканчивает покаяние всенародно теперь».

Склеп и статуя командора погибли во время пожара в середине XVIII века.

Отношение к образу Дон Жуана в разные времена было различным. Дон Жуан из народной легенды — персонаж безусловно отрицательный,

понесший наказание по заслугам. Таким же предстает он и в наиболее ранней литературной обработке легенды-пьесе испанского драматурга XVII века Тирсо де Молина «Севильский обольститель, или Каменный гость».

В произведениях писателей более позднего времени Дон Жуан приобретает иные черты, превращаясь в трагического героя, стремящегося к недостижимому идеалу. Э. — Т.-А. Гофман в новелле «Дон Жуан» пишет: «Дон Жуан — любимейшее детище природы, и она наделила его всем тем, что роднит человека с божественным началом (…). Но (…) за врагом осталась власть подстерегать человека и расставлять ему коварные ловушки, даже, когда он, повинуясь своей божественной природе, стремится к совершенному. (…) Враг рода человеческого внушил Дон Жуану лукавую мысль, что через любовь, через наслаждение женщиной уже здесь, на земле, может сбыться то, что живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства и порождает неизбывную страстную тоску, связывающую нас с небесами. Без устали стремясь от прекрасной женщины к прекраснейшей (…), неизменно надеясь найти воплощение своего идеала, Дон Жуан дошел до того, что вся земная жизнь стала ему казаться тусклой и мелкой». А.С. Пушкин в «Каменном госте» рисует противоречивый характер: Дон Гуану (так поэтом назван Дон Жуан) свойственны коварство — и правдивость, холодный расчет — и глубокое, искреннее чувство.

Обращаясь к Доне Анне, которую страстно полюбил, Дон Гуан говорит, что он слывет

«Злодеем, извергом. — О, Дона Анна, -
Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет. Так, разврата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю».

Дон Жуан, созданный поэтами-романтиками, хочет видеть идеальным весь мир. В пьесе А.К. Толстого он говорит Доне Анне: «…Да, я враг Всего, что люди чтут и уважают. Но ты пойми меня; взгляни вокруг: Достойны ль их кумиры поклоненья? Как отвечает их поддельный мир Той жажде правды, чувству красоты, Которые живут в нас от рожденья? Везде условья, ханжество, привычка, Общественная ложь и раболепство! Весь этот мир нечистый я отверг. Но я другой хотел соорудить, Светлей и краше видимого мира…» Легенда о Дон Жуане послужила основой одного из величайших творений Моцарта — оперы «Дон Жуан».

76. ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Морская стихия, полная тайн, чудес и опасностей, всегда будоражила воображение человека. Люди издревле населяли морские глубины фантастическими существами — грозными чудовищами и прекрасными морскими девами. Среди моряков ходило много рассказов о

чудесных островах и удивительных народах.

В начале XVII века в Голландии возникла легенда о корабле-призраке, получившим название «Летучий Голландец».

О существовании этого корабля знают моряки всего мира, но о том, откуда взялся Летучий Голландец, почему он осужден вечно скитаться по морям и кто был его капитаном, рассказывают по-разному.

В одном варианте легенды говорится, что голландский капитан по имени Ван Страатен поклялся обогнуть мыс Доброй Надежды против ветра и против течения.

Но стихия оказалась сильнее человека. Сто раз приступал Ван Страатен к выполнению своего дерзкого замысла, и сто раз ветер и волны отбрасывали его корабль назад.

Ослепленный гордыней капитан не пожелал смириться с поражением. Он призвал на помощь самого дьявола и заявил, что готов пожертвовать вечным блаженством, лишь бы достигнуть намеченной цели.

Дьявол услышал роковые слова Ван Страатена. Ветер тут же стих, волны улеглись, и корабль голландского капитана легко и свободно обогнул мыс Доброй Надежды.

Но с того дня Ван Страатен был осужден вечно носиться на своем корабле по морским просторам, без надежды когда-нибудь достигнуть гавани.

Известно, что в Голландии действительно жил капитан по имени Ван Страатен, погибший в море, но основой легенды скорее всего послужила судьба знаменитого португальского мореплавателя Барталомео Диаса, известная морякам всего мира.

Бартоломео Диас жил в XV веке. Именно он открыл и первым обогнул мыс на юге Африки, омываемый водами Атлантического и Индийского океанов и назвал его мысом Бурь. (Впоследствии на мысе Бурь был установлен маяк, и мыс получил название — мыс Доброй Надежды.) Некоторое время спустя, в 1500 году, Бартоломео Диас вновь отправился к мысу Бурь. Плаванье оказалось последним в жизни отважного мореплавателя — Бартоломео Диас и его корабль пропали без вести.

В другом варианте легенды капитаном корабля-призрака называют некоего Ван дер Декена, человека алчного, бесчестного и жестокого. Он занимался торговлей, но не брезговал и морским разбоем. Однажды Ван дер Декен взял на борт своего корабля пассажира, поклявшись благополучно доставить его до места назначения. У пассажира было при себе много денег, Ван дер Декен польстился на золото и, забыв о данной клятве, приказал своим матросам бросить пассажира в море. Перед смертью в морской пучине несчастный проклял жестокого капитана, и Ван дер Декен со своим кораблем был осужден на вечные скитания.

Прообразом Ван дер Декена считают известного голландского корсара Николаса Яарри.

Моряки верили, что любое судно, встретившее Летучего Голландца, обречено на верную и немедленную гибель. Но все же находились очевидцы, рассказывающие о том, как выглядит корабль-призрак.

По большинству свидетельств, он несется под черными парусами, управляемый неведомой силой. Капитан стоит на мостике, устремив в пространство мрачный и полный отчаяния взор. Многие видели на палубе

также матросов, но одни утверждают, что матросы корабля-призрака ничем не отличаются от обычных людей, другие говорят, что они представляют собой скелеты в полуистлевшей матросской одежде.

Свидетельства о встречах с кораблем-призраком не полностью лишены основания. Вероятно, моряки принимали за Летучего Голландца корабли, по тем или иным причинам лишившиеся своего экипажа.

История мореходства знает немало случаев, когда в море оказывались такие корабли. Неуправляемые, без опознавательных знаков, они представляли большую опасность для встречных судов.

В1770 году на одном из парусников вспыхнула эпидемия какой-то болезни. Экипаж хотел высадиться в ближайшем порту на острове Мальта, но местные власти, опасаясь распространения заразной болезни, не разрешили кораблю причалить к берегу. Парусник направился к берегам Италии, затем Англии, но ни один порт не согласился его принять. Лишенные какой-либо помощи, моряки умерли один за другим, а сам корабль с мертвой командой на борту унесло в открытое море и долго носило по волнам.

«Летучими голландцами» не раз становились корабли, потерпевшие аварию. Так, в начале XIX века английский парусник «Дженни» в Антарктических водах был затерт льдами и дрейфовал на протяжении семнадцати лет, пока не был обнаружен китобойным судном.

В1888 году американская шхуна «Леон Уайт» потерпела крушение в Атлантическом океане. Команде удалось спастись, а полузатонувшая шхуна блуждала по океану в течение десяти месяцев и прошла более восьми тысяч миль, дважды проделав путь через всю Атлантику.

Хотя все эти, зафиксированные историей, случаи относятся к относительно поздним временам, но наверняка подобное происходило и раньше, укрепляя веру моряков в существование Летучего Голландца.

77. ПАН ТВАРДОВСКИЙ

Пана Твардовского, героя многих польских легенд, обычно называют польским Фаустом. Время его жизни легенды относят к эпохе правления польского короля Сигизмунда Августа, то есть ко второй половине XVIвека.

Пан Твардовский был сыном небогатого шляхтича и жил в Кракове. Еще в XIX веке краковчане считали одной из достопримечательностей своего города старинный дом с лепными украшениями и стрельчатыми окнами, по преданию, принадлежавший пану Твардовскому.

С ранней юности пан Твардовский был одержим жаждой познания. Он блестяще окончил Краковский университет, изучив богословие, астрономию, естественные науки, историю и искусство врачевания, но, получив диплом и став университетским профессором, продолжал умножать свои познания.

Ученость и красноречие пана Твардовского снискали ему немалую славу. Студенты, слушая его лекции по древней истории, в восхищении говорили, что события, о которых он рассказывал, будто бы въяве проносились перед их глазами. По городу разнесся слух, что пан Твардовский обладает волшебным зеркалом и во время лекций с его помощью вызывает тени давно умерших героев.

Ученому льстили подобные слухи, и постепенно его обуяла такая гордыня, что он и впрямь захотел овладеть знаниями и способностями,

недоступными обычным людям. Когда-то пан Твардовский был благочестив и однажды даже сочинил гимн во славу Девы Марии, но теперь, охваченный дерзким желанием, решил отойти от Бога и предаться дьяволу.

Бурной осенней ночью он тайно вышел за городские ворота и в открытом поле стал творить заклинания, призывая нечистого духа. И вот посланец дьявола — рогатый черт — предстал перед ученым.

Пан Твардовский сказал: «Я хочу обладать великим могуществом, чтобы проникнуть во все тайны бытия, и в обмен на это готов отдать свою бессмертную душу».

«Ладно, — ответил черт. — Я дам тебе то, о чем ты просишь. Семь лет неведомые людям силы будут служить тебе, а когда этот срок завершится, твоя душа отправится в ад».

Они составили договор и под ним, уколов себе палец на левой руке, пан Твардовский подписался кровью, оговорив лишь одно условие: свою душу он вручит черту ни где-нибудь, а только в христианнейшем городе Риме.

Черт согласился, помахал листом, чтобы подпись поскорее высохла, и исчез, а пан Твардовский возвратился в Краков.

Уже светало, когда он шел по улицам города. И вдруг на всех краковских колокольнях зазвучали колокола. Торжественно и заунывно вызванивали они погребальную песнь.

Пан Твардовский стал спрашивать ранних прохожих: «Кого нынче хоронят?» Но никто этого не знал.

Тогда пан Твардовский понял, что колокола звонят по его погибшей душе. В страхе и смятении он воскликнул: «Замолчите!» И тут же наступила тишина — у всех колоколов в городе оборвались веревки.

Так пан Твардовский впервые испробовал свою силу, полученную от нечистого духа.

Последующие годы ученый употребил на научные изыскания. Наделенный сверхъестественными возможностями, он постиг самую глубинную сущность всех вещей и явлений. А когда в природе для него не осталось никаких тайн, он захотел вкусить обычных радостей жизни.

Денег у пана Твардовского, благодаря услужливому черту, было сколько угодно, он стал вести разгульную жизнь, задавая роскошные пиры, на которые приглашал чуть ли не весь город, завел обширные знакомства и не раз тешил себя и своих новых друзей разными забавными выходками.

Однажды, проходя мимо трактира, на вывеске которого был намалеван конь, пан Твардовский магическим словом оживил его — и верхом отправился домой, причем вошел в свой дом не через дверь, а вместе с конем проскакал сквозь стену. Оставшийся после этого пролом пытались заделать, но уложенные кирпичи тут же выпадали, штукатурка осыпалась, и пришлось оставить все как есть.

В другой раз, прогуливаясь с веселой компанией за городом, пан Твардовский перевернул вершиной вниз, а основанием вверх Пяцковую скалу, и она до сих пор стоит в таком виде в окрестностях Кракова. А то еще — приказал он всей серебряной руде, какая есть в недрах польской земли, переместиться в Олькутские копи близ Кракова. Эти копи долгие годы были самыми богатыми в Польше.

Так прошло несколько лет. Разгульная жизнь надоела пану Твардовскому, и он решил жениться. Среди краковчанок славилась своей красотой дочь горшечника. К ней сваталось много женихов, но своенравная девица для каждого придумывала какую-нибудь мудреную загадку, которую невозможно было разгадать, и отказывала всем претендентам на свою руку.

Пан Твардовский посватался к девушке. Она принесла закрытую коробку, в которой что-то жужжало, и спросила: «Что в ней спрятано?» Пан Твардовский, которому было известно все на свете, ответил: «Пчела». И девице пришлось выйти за него замуж.

Однако через недолгое время между супругами начался разлад, и молодая жена, забыв о долге и чести, завела себе милого дружка.

Разгневанный пан Твардовский превратил любовника жены в шелудивого пса, а жену прогнал. Она вернулась к отцу и снова, как в девичестве, стала торговать горшками на базаре, причем пан Твардовский время от времени не отказывал себе в удовольствии завернуть на базар и потоптать конем горшки своей неверной жены.

Меж тем молва о пане Твардовском как о мудреце и чародее дошла до самого короля. Сигизмунд Август пребывал в глубокой печали: недавно умерла его супруга, молодая и прекрасная Барбара Радзивилл.

Король, желая еще хоть раз увидеть незабвенную супругу, послал за паном Твардовским и повелел ему силою своего волшебства вызвать тень покойной королевы.

Пан Твардовский обвел вокруг короля магический круг, предупредив его, чтобы он ни в коем случае не переступал черты, и стал творить заклинания.

Королевский покой наполнился светлым туманом, затем туман сгустился, принял очертания женской фигуры, и вот — перед королем, как живая, стоит Барбара, улыбаясь и сияя пленительной красотой.

Король простер к ней руки и рванулся из магического круга. Но едва он переступил черту, прекрасный образ померк, и там, где только что стояла королева, Сигизмунд Август увидел ужасный скелет в полуистлевших лохмотьях…

Тем временем шесть лет из семи, что были отпущены чертом пану Твардовскому, уже прошли, и пошел седьмой, последний. Видя, что близок час расплаты, Пан Твардовский решил пойти на хитрость.

Он отправился путешествовать по Италии. Переезжая из города в город, он не спеша осматривал достопримечательности, в Венеции познакомился со знаменитым художником Тинторетто, в Падуе посетил университет, древнейший в Европе, и прочел с его кафедры несколько лекций и, наконец, достиг Рима. Там он оставался почти до конца года. Когда же год был уже на исходе, внезапно покинул Вечный Город и вернулся в Краков.

Тотчас по приезде перед ним явился черт и сказал: «Пора тебе, ясновельможный пан, расплатиться с моим господином. Отправляйся-ка, как уговорились, в Рим».

Пан Твардовский ответил: «Мы уговорились, что я вручу тебе свою душу в Риме в конце седьмого года, я и жил там продолжительное время, но мы не уговаривались, что я буду сидеть там до самого последнего дня. Я

только что воротился из Рима и во второй раз, воля твоя, туда не поеду».

Черт не нашелся, что возразить. Со злости он выдернул из земли высокую сосну и швырнул ею в пана Твардовского, перешибив ему ногу, так что тот навсегда охромел, а сам ни с чем убрался в преисподнюю.

Прошло много лет. Пан Твардовский почувствовал, что к нему приближается старость, и решил попытаться отыскать средство, возвращающее молодость. После долгих и упорных трудов ему это удалось. Средство было опасное и требовало участия верного помощника.

У пана Твардовского был слуга, сметливый нерасторопный парень. Сам пан Твардовский утверждал, что вырастил его в реторте посредством волшебства, но люди говорили, что мать парня, вечно пьяная нищенка, младенцем бросила его на церковной паперти, а пан Твардовский подобрал и взял к себе в дом. Так или иначе, парень был предан своему господину душой и телом.

Пан Твардовский сказал слуге: «Возьми острый нож — и убей меня. Положи мое тело в гроб и похорони, но так, чтобы никто об этом не знал. Если будут спрашивать обо мне, говори, что я уехал в далекое путешествие. А когда минет семь лет, раскопай могилу, открой гроб — и увидишь, что будет».

Слуга в точности исполнил приказание своего господина. И семь лет спустя вынул из гроба новорожденного младенца. В считанные часы младенец превратился в отрока, затем — в юношу и, наконец, в пана Твардовского, каким он был в расцвете своих лет.

Пан Твардовский строго настрого запретил ему рассказывать кому-либо о том, что ему известно средство возвращения молодости, но парень нарушил запрет.

Соблазнившись большими деньгами, он пообещал вернуть молодость одному старому магнату так же, как вернул ее своему господину. Однако на сей раз довести дело до конца не удалось: едва слуга вонзил нож в грудь старого магната, в покой, где это происходило, вошел кто-то из домашних. Парня схватили, обвинили в убийстве и приговорили к сожжению на костре.

Пан Твардовский сильно разгневался на ослушавшегося слугу, но все же не оставил его в беде. Когда в темницу, где несчастный сидел, ожидая своей участи, пришли стражники, чтобы вести его на казнь, пан Твардовский отвел всем глаза и вывел незадачливого парня на волю.

Посреди площади был сложен костер. Пан Твардовский и его слуга смешались с толпой, собравшейся посмотреть, как будут сжигать убийцу. И вдруг слуга остолбенел от изумления: он увидел, как из дверей тюрьмы стражники выводят его самого, возводят на костер и привязывают к столбу. Но вот костер подожгли, и тогда стало видно, что в огне горит не человек, а мешок с соломой.

Так пан Твардовский избавил своего слугу от мучительной и позорной смерти, однако сам не простил его и наказал весьма сурово, навсегда превратив в паука.

Пан Твардовский жил, ни в чем не зная недостатка, пользовался славой и всеобщим уважением, и был бы доволен и счастлив, если бы его не тревожила мысль о том, что в преисподней, у дьявола, остался договор, скрепленный его подписью. Пан Твардовский решил проникнуть в

преисподнюю, чтобы завладеть опасным документом.

В царство дьявола вела темная, извилистая дорога. Ветви сухих деревьев, словно острые когти, впивались в тело пана Твардовского, когда он продирался сквозь густые заросли. Камни, подобно молотам, обрушивались на него неизвестно откуда. Злые духи выли так, что кровь стыла в жилах. Но пан Твардовский творил заклинания и шел дальше.

И вот достиг он самых глубин преисподней и узрел дьявола. Однако вид Князя Тьмы был столь грозен и ужасен, что несчастный грешник затрепетал и, не посмев даже приблизиться к нему, покинул подземное царство и вернулся на землю.

Пан Твардовский зажил по-прежнему, стараясь не думать о том, что рано или поздно все же настанет час расплаты.

Однажды пировал пан Твардовский в своем доме с друзьями. Тут пришел какой-то незнакомый человек и стал звать его к больному, который будто бы настолько плох, что спасти его можно лишь силою чар.

Пан Твардовский простился со своими друзьями и последовал за незнакомцем. Тот предупредил, что путь предстоит неблизкий. Они вскочили на коней и пустили их рысью.

Была безлунная, ненастная ночь. В темноте ухал филин, хлопали крыльями летучие мыши, а через дорогу, перед самыми копытами коней, несколько раз перебегал заяц.

Наконец провожатый пана Твардовского сказал: «Приехали».

Они спешились и вошли в одинокий дом, стоящий у самой дороги. Пан Твардовский взглянул на своего провожатого — и узнал в нем черта. Тот расхохотался и промолвил: «Пришло время расплаты, ясновельможный пан».

Пан Твардовский воскликнул: «Ты нарушил уговор! Ведь мы в нескольких верстах от Кракова, а не в Риме!» Черт ответил: «В темноте ты не заметил вывески над входом в дом. Но я скажу тебе, где мы находимся. Это — корчма, а называется она — «Город Рим»!» Нечистый дух протянул к пану Твардовскому свои лапы. Тот в ужасе отступил, едва не задев свисавшую с потолка люльку, в которой спал недавно окрещенный хозяйский младенец. Пан Твардовский схватился за ее край, и черт вынужден был остановиться: нечистая сила бессильна перед невинным ребенком.

Раздосадованный черт сказал: «Послушай, ясновельможный пан! Ты ведь шляхтич, и негоже тебе отрекаться от своего шляхетского слова. Мы уговорились, что ты вручишь мне свою душу в городе Риме, а теперь хочешь уйти от расплаты и прячешься за малого ребенка!» Стыдно стало пану Твардовскому, взыграл в нем шляхетский гонор. Он отпустил люльку и сам шагнул навстречу черту.

За плечами у нечистого духа появились крылья, как у летучей мыши, он подхватил пана Твардовского и через печную трубу взвился в ночное небо.

Жутко и тошно было пану Твардовскому в холодном мраке. Сам не зная как, он запел гимн Деве Марии, сочиненный им в юности, а потом стал читать все молитвы, которым когда-то учила его мать.

Внезапно страшный полет прекратился. Черт куда-то исчез, однако пан Твардовский не упал вниз, а повис между небом и землей. И тут ему

явился ангел, суровый и печальный. Ангел сказал: «Молитвы спасли тебя от адского огня, но по твоим грехам ты не можешь войти в светлый рай. Суждено тебе до Страшного Суда висеть между небом и землей, а там — Господь решит твою участь».

Ангел улетел, а пан Твардовский остался, полный раскаяния инадежды.

Вдруг он заметил на рукаве своего кунтуша паука — и узнал в нем слугу, которого когда-то покарал столь сурово. Верный слуга-паук не таил зла на пана Твардовского, и когда тот отправлялся из дома в свой последний путь, незаметно уцепился за его рукав, предчувствуя, что сможет сослужить службу своему господину.

Несказанно обрадовался пан Твардовский слуге: теперь было кому скрасить его одиночество.

С тех пор так и висит пан Твардовский между небом и землей. Слуга-паук каждое утро спускается по своей паутине на землю, а вечером возвращается к пану Твардовскому и рассказывает ему о том, что происходит на свете.

В полнолуние над рекой Вислой в небе видна темная точка. Старые люди уверяют, что это — пан Твардовский. А паутинки, которые прядет его слуга-паук, в летние дни летают по воздуху.

Легенду о пане Твардовском не раз обрабатывали польские и немецкие писатели и поэты: А. Мицкевич, Ю. Крашевский, К. Вурцбах, И. Фогль.

А.В. Швыров в книге «Легенды европейских народов», изданной в 1904 году, пишет: «Популярность Твардовского (…) достигла громадных размеров не только среди поляков, но также и среди нас, русских, и в деревнях до сих пор нередко на посиделках можно услышать повесть о грешном польском пане Твардовском».

СКАЗАНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Былины

Древнерусские эпические сказания — былины — в отличие от сказок воспринимались как повествования о событиях, действительно происходивших в давние времена.

Термин «былина» ввел в обиход в середине XEK века историк и фольклорист И.П. Сахаров, взяв его из «Слова о полку Игореве» — «по былинам сего времени…». Сами исполнители эпических песен называли их «старинами».

Былины складывались на протяжении длительного времени, с X по XVI век. Наиболее древние из них своими корнями уходят в мифологию. Среди былинных героев есть персонажи, связанные с природными явлениями (Святогор — с горами, Вольга — с лесом, Микула-с землей), есть мифические чудовища (Змей Горыныч, Тугарин Змеевич, Соловей-разбойник).

Былины, созданные во время татаро-монгольского ига (XIII–XV века), принципиально отличаются от более ранних. Их герои борются не с мифическими, а с реальными врагами — татарами. Древние сюжеты в это время переосмысливаются, и мифические чудовища приобретают конкретно-исторические черты. Так Змей Горыныч берет «в полон русских людей», Тугарин Змеевич грозится захватить Киев и т. д.

По мнению многих исследователей, былины возникали в разных частях Руси, но со временем место их действия оказалось сосредоточенным в Киеве. Такая «киевизация» былин произошла в XIV–XV веках, в период формирования централизованного Московского государства. Эпоха Киевской Руси тогда уже воспринималась как отдаленное героическое прошлое, и былинный «Киев-град» — это не столько реальный город, сколько представление об идеальной столице государства, «князь Владимир стольнокиевский» — не конкретный правитель (хотя его зачастую соотносят с киевскими князьями Владимиром Святым, жившим в X веке и с Владимиром Мономахом, жившим в XII веке), а символ княжеской власти.

Главные герои былин — богатыри — отважные и благородные воины, сражающиеся и с мифическими чудовищами, и с врагами своей родины.

Больше всего былин посвящено трем богатырям — Илье Муромцу, Добрыне Никитичу и Алеше Поповичу. Древнейшие былины об этих героях возникли в разное время и первоначально не были связаны между собой, но в былинах более позднего времени Илья, Добрыня и Алеша становятся названными братьями и часто действуют вместе.

На протяжении многих веков былины существовали в устной форме. Записывать их начали в XVIII веке. Первый сборник былин, исторических и лирических песен, скомороший, баллад, духовных стихов был составлен Киршей Даниловым, предположительно, в середине XVIII века, впервые опубликован в 1804 году.

Систематическое собирание и изучение былин началось в XIX век. В это время живое исполнение былин бытовало, главным образом, на севере России. Один из собирателей былин, Н.Е. Ончуков, писал: «День на Печоре осенью и особенно зимой очень короток и, проработав часов 5–6, при наступившей темноте, все принуждены на невольный отдых. (…) Вот тут-то и выступают на сцену сказочники и старинщики».

Былины, как правило, не рассказывались, а пелись. Известный собиратель былин, П.Н. Рыбников, описал, как он впервые услышал былину в живом исполнении. Будучи чиновником в Петрозаводске, по долгу службы он объезжал губернию и однажды, переправляясь через Онежское озеро, заночевал вместе с гребцами у костра на острове Шуй-Наволока. *«Меня разбудили, — пишет Рыбников, — странные звуки: до того я много слыхал и песен и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. (…) Сквозь дрему я рассмотрел, что в шагах трех от меня сидят несколько крестьян, а поет-то седатый* 1 1 Седатый-седой (устар) *старик с окладистою белою бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением в лице, (…) я разобрал, что поется былина о Садко-купце, богатом госте».*

На протяжении XIX–XX веков было собрано и опубликовано большое количество былинных текстов (с учетом вариантов — около двух с половиной тысяч).

Изучение былин идет по двум основным направлениям: исследователи, принадлежащие к так называемой «мифологической школе», выявляют связи былин с мифами; сторонники «исторической

школы» отыскивают реальную основу былин. Былины дают материал для умозаключений в обоих направлениях. Например, былинный Вольга может быть достаточно убедительно истолкован и как древнее божество охоты, и как отражение памяти об историческом князе Вещем Олеге. Тем не менее представители этих двух школ уже более полугора столетий ведут полемику, которая вряд ли когда-нибудь будет завершена.

Исполнители былин, хранители живой былинной традиции, в отличие от исследователей, воспринимали былины непосредственно и цельно. В конце XIX века один из лучших исполнителей былин, крестьянин И.Т. Рябинин, на вопрос, правда ли то, о чем поется в былинах, ответил: «Знамо дело — правда, а то — кака же потреба и петь их?» И добавил: «В те-то времена, поди, чего не было!»

78. МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Микула Селянинович — пахарь-исполин — один из самых монументальных и загадочных образов русского эпоса. Известный писатель и ученый-этнограф Д.М.Балашов пишет: «Образ Микулы Селяниновича, как он дошел до нас, (…) смыт, полузабыт в отдалении веков. Это гигантский осколок некогда бывшего цикла сказаний».

В настоящее время известно лишь два былинных сюжета о Микуле Селяниновиче.

В одном из них Микула противостоит Вольге Святославичу, князю-кудеснику, обученному «хитростям-мудростям», понимающему язык птиц и зверей, умеющему превращаться в различных животных. Однажды князь Вольга поехал со своей дружиной собирать дань с подвластных ему городов. В чистом поле он услышал, как вдалеке «орет» (то есть пашет) «ратай» (пахарь):

Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает.
Омешики (лемеха) по камешкам почиркивают.

Вольга захотел взглянуть на пахаря, но смог доехать до него лишь за трое суток. Его взору предстало величественное зрелище богатырской пахоты:

Орет в поле ратай, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет, другого не видать;
Коренья, каменья вывертывает,
А великие-то все каменья в борозду валит;
Кобылка у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.

Между князем и пахарем завязывается разговор, и пахарь (еще не названный по имени) предупреждает Вольгу, что дорога, по которой тот собирается ехать, небезопасна, поскольку на ней засели разбойники, рассказывает, как сам недавно отбил разбойничье нападение.

Вольга просит пахаря: «Поедем со мною в товарищах».

Пахарь согласился,
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылку из сошки повывернул,
Снял он хомутики с кобылушки.

Отправились они в путь. Вдруг пахарь вспомнил, что он «оставил сошку в бороздочке», а надо было ее

…с земельки повыдернути,
Из омешиков земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитов куст.

Вольга послал на поле пятерых своих дружинников, но «пять молодцов могучих»… сошку за обжи (оглобли) вокруг вертят, Ане могут сошки с земельки повыдернуть.

Вольга послал им в помощь еще десятерых дружинников, затем поехал сам с остальной дружиной, но «повыдернуть сошку» им всем так и не удалось.

Тогда пахарь выдернул ее из земли «одной рукой» и бросил за ракитов куст. Вольга спросил пахаря' «Аи же ты, ратаю-ратаюшко! Как-то тебя именем зовут, Как величают по отечеству?» Пахарь называет свое имя: «Молодой Микулушка Селянинович».

В некоторых вариантах былины рассказ продолжается дальше: на княжий отряд нападают разбойники, Микула обращает их в бегство, и Вольга награждает Микулу «тремя городами со крестьянами».

Но чаще былина заканчивается тем, что Микула Селянинович называет свое имя. Это свидетельствует об особой значительности и изначальной общеизвестности этого образа. По мнению многих исследователей, он принадлежит к древнейшему пласту русского эпоса и первоначально был не просто земледельцем, а богом земледелия.

Не случайно противопоставление Микулы Вольге и явное первого над вторым превосходство. Дело в том, что Вольгу обычно отождествляют с богом охоты. В древнейшие времена охота была для человека основным источником существования, а затем, в конце каменного века, ее сменило земледелие. Таким образом то, что в былине Микула оказывается сильнее Вольга и всей его дружины, верно отражает процесс исторического развития.

Однако со временем образ Микулы стал восприниматься иначе — как олицетворение русского крестьянина-труженика.

В другой былине Микула Селянинович противопоставляется богатырю Святогору. Святогор — также один из древнейших мифологических персонажей русского эпоса. Он олицетворяет абсолютную вселенскую силу. Сильнее него нет никого на свете, он настолько огромен и тяжел, что его «не держит мать сыра земля», и он ездит на своем богатырском коне по горам. В этой былине образ Микулы приобретает космическое звучание.

Однажды Святогор увидел идущего впереди «добра молодца пешего». Святогор пустил своего коня «во всю силу лошадиную», но не смог догнать пешехода.

Проговорит богатырь таковы слова:

«Аи же ты, прохожий человек!
Приостановись немножечко,
Не могу тебя догнать на добром коне».

Прохожий остановился, снял с плеч свою суму и положил ее на землю. Святогор спросил: «А что у тебя в сумочке?» Прохожий ответил: «А вот подыми с земли, так увидишь!» Стал Святогор ее поднимать, да не смог даже позволить, «а сам по колена угряз в землю».

Говорит богатырь таковы слова:
«Что это у тебя в сумочку накладено?
Силы мне не занимать стать,
А я сдвигуть сумочку не могу».
«В сумочке у меня тяга земная».
«Да кто же ты есть,
И как тебя именем зовут,
Величают как по отчине?»
«Я есть Микулушка Селянинович».

79. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Илья Муромец — центральный герой русского героического эпоса. Ему посвящено более десяти былинных сюжетов, каждый из которых известен во множестве записей.

В.Я. Пропп, один из крупнейших ученых-фольклористов XX века, писал: «Образ Ильи — наиболее зрелое и наиболее совершенное создание русского эпоса. (…) Только могучий народ в одну из решающих эпох своей истории мог создать этот монументальный и величественный, но вместе с тем простой в своей человечности образ национального героя».

Былины об Илье Муромце складывались в период с XI по XIV век, в эпоху борьбы русского народа с половцами, совершавшими набеги на Русь, а затем с татаро-монголами, под игом которых Русь находилась более двухсот лет.

Илья Муромец — воин, защитник родины. В одной из былин онговорит:

«У меня сделаны заповеди великий, (…)
Сохранять мне надо стольный Киев-град,
Сберегать я буду церкви Божий,
Сохранять буду веру православную».

В отличие от большинства эпических героев, Илья Муромец наделен не только силой и храбростью, но и вполне определенным мировоззрением. Он отвергает общепринятое в средние века представление о том, что долг воина заключается прежде всего в верной службе своему господину. К князю Владимиру Илья относится критически и определяет смысл своей

жизни следующим образом:

«Я иду служить за веру христианскую,
Да за землю российскую,
Да за славный за Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей (…)».

Был ли у Ильи Муромца исторический прототип или он представляет собой собирательный образ — неизвестно. В летописях имя Ильи Муромца не упоминается ни разу. Но известно, что в XII веке в Киево-Печерской лавре рядом с Нестором- летописцем и первым русским иконописцем Алимпием был погребен некий Илья из Мурома, причисленный клику святых. Германский посланник Эрих Лассота, побывавший в Киеве в конце XVI века, упоминает гробницу Ильи Муромца, «знаменитого героя или богатыря, о котором рассказывают много басен». Правда, Э. Лассота пишет, что гробница эта находилась не в Киево-Печерской лавре, а в киевском соборе Св. Софии и «ныне разрушена». Но, вероятно, он ошибся. В1701 году московский паломник Иоанн Лукьянов, побывавший в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры, сообщает: «Тут же видехом храброго воина Илию Муромца, в нетлении, под покровом златым, ростом яко нынешних крупных людей».

Архиепископ Филарет (Гумилевский) писал в 1892 году: «Мнение, что преподобный Илия есть одно лицо с известным богатырем Ильею Муромцем, встречается и в других (…) памятниках; но за верность его нет никаких ручательств». Однако народное предание отождествляет святого с былинным богатырем. День его памяти — 19 декабря (по старому стилю).

Илья Муромец был известен и за пределами Руси. В германских сказаниях XIII века «Ортнит» помощником главного героя является «Илья Русский». В норвежских сагах XII–XIII веков также действует отважный воин по имени Илья, сводный брат «короля Руси».

I. Обретение силы Былиной

О происхождении Ильи и обретении им силы открывается поэтическая биография Ильи Муромца. Однако эта былина принадлежит к числу поздних — она возникла уже после того, как сложился основной цикл былин об Илье, где лишь упоминается о том, что он — «крестьянский сын» и происходит из села Карачарова близ города Мурома.

Село Карачарово действительно существует, оно находится в двух верстах от Мурома вверх по Оке. По местному преданию, былинный герой погребен в своем родном селе, под часовней возле дороги на Муром. В Муроме в конце XX века Илье Муромцу был поставлен памятник.

Однако иногда Илья в былинах называется Моровлином, или Муравлином, что дало некоторым исследователям основание предполагать, что родиной богатыря был город Карачев близ Моровийска наЧерниговщине.

Высказывалось также предположение, что прозвище «Муромец» происходит не от географического названия, а от слова «муром», что значит «крепость», и указывает на профессию Ильи как строителя оборонительных сооружений. Такое предположение не противоречит содержанию былин: в них часто упоминается о пребывании Ильи на

«заставе богатырской» (то есть в пограничной крепости), а в некоторых былинах о борьбе с татарами. Илья Муромец со знанием дела руководит укреплением Киева. Он говорит князю:

«Заложи-ка ты ворота крепко-накрепко,
Туго-натуго, во стены городовые,
И прикажи засыпать песками рудожелтыми».

Возле славного города Мурома, в селе Карачарове, родился Илья-крестьянский сын. Был он один у батюшки с матушкой, да на беду не владел от рожденья ни руками, ни ногами — сидел сиднем на печи ровно тридцать лет.

Как-то раз ушли отец с матерью в поле крестьянствовать, а Илья Дома остался. Проходили через село трое паломников — калик перехожих. Остановились они под окошком Ильи и говорят: «Вставай-ка, Илья, на резвые ноги, открывай тесовые двери, впусти нас, калик перехожих, в дом отдохнуть».

Отвечает им Илья с печи: «Рад бы я встать на ноги, рад бы открыть двери, да нету меня в ногах хождения, нету руками владения!» А калики снова говорят: «Послушайся нас, Илья, встань да открой дверь». Тут взмахнул Илья руками, пошевелил ногами, соскочил с печи, прошел по избе, открыл дверь, впустил калик в дом.

Калики крест кладут по-писанному, поклон ведут по-ученому. Усадил их Илья на дубовые лавки, принес из погреба еды-питья: «Ешьте, пейте, старцы прохожие».

Наелись, напились калики, говорят Илье: «Сходи-ка, Илюша на Карчагу-речку, принеси воды».

Взял Илья ведро, принес студеной воды. Говорят калики: «Испей, Илья, водицы, сколько захочется». Пьет Илья воду, а калики его спрашивают: «Что чуешь в себе, Илья?» Отвечает Илья: «Чую в себе силушку великую!» Говорят тогда калики: «Будешь ты, Илья, богатырем, и смерть тебе в бою не писана!» Благословили калики Илью, простились с ним и пошли дальше странствовать.

А Илья посидел, посидел в избе, стало ему скучно. Отправился он тогда в поле, где батюшка с матушкой работали — чистили поле от дубья-колодья. К полудню они наработались, притомились, прилегли в холодке отдохнуть, да и заснули.

Тут пришел Илья, не стал их будить, принялся за работу — повырубил дубье- колодье, все поле очистил. Стало оно чистое, для хлебушка удобное, а Илья пошел домой.

Проснулись батюшка с матушкой, удивились: «Что это за чудо поделалось? Кто нам сработал работушку? Мы бы за три дня и три ночи половины бы не сделали!» Возвратились они домой, видят, Илья по избе ходит — обрадовались. Рассказал им Илья, как приходили калики перехожие, как стал он владеть руками и ногами и получил великую силушку.

Решил Илья найти коня себе под стать. Вышел он в чистое поле, навстречу ему идет мужик, ведет в поводу жеребчика, бурого да косматого. Купил Илья того жеребчика — что мужик запросил, то и дал.

Назвал Илья жеребчика Бурушкой-косматушкой, привел домой, стал кормить пшеном белояровым, поить ключевой водой, по ночам в саду поваживать, на заре купать в утренней росе. Прошло поры-времени три месяца — стал Бурушко-косматушко конем на диво.

Оседлал его Илья Муромец, стал просить у батюшки с матушкой благословения:

«Аи же вы, батюшка и матушка!
Дайте мне свое благословеньице.
Я поеду в стольный Киев-град,
Послужить князю Владимиру,
Постоять за святую Русь!»

Отвечает батюшка. «Дам я тебе, Илья, благословение на добрые дела, а на худые — моего благословенья нет!» А матушка говорит: «Аи же ты, чадо милое! Наградил тебя Господь силой великой, так дай зарок не кровить своей сабли понапрасну».

Простился Илья Муромец с родителями, хлестнул Бурушку-косматушку и отправился в путь-дорогу.

II. Илья Муромец и Соловей-разбойник

Первым подвигом Ильи Муромца после того, как он покинул родное село, была победа над Соловьем-разбойником. Эта былина считается наиболее древней в цикле, в ее основе лежит мифологический мотив борьбы героя с чудовищем.

О том, кто такой Соловей-разбойник, высказывались разные предположения. Исследователи XIX века полагали, что он олицетворяет силы природы, в частности, разрушительную силу ветра.

Позже были обнаружены некоторые исторические аналогии. Так, Б.А. Рыбаков считает, что в былине о Соловье отразилась борьба за образование единого государства, которую киевские князья вели с лесными славянскими племенами, желавшими сохранить свою обособленность. Рыбаков пишет: «Сквозь мифологический налет в облике Соловья мы можем разглядеть не столько придорожного грабителя (…), сколько представителя тех косных сил родоплеменного строя, которые были чужды государственности, боролись за свою обособленность, противодействовали «дорогам прямоезжим» через их лесные земли, которые теперь особенно понадобились для связи юга с землями Вятичей и Кривичей».

Со временем образ Соловья-разбойника вобрал в себя черты врага-захватчика. В некоторых вариантах былины он назван по отчеству — Ахматович, или Рахматович. Возможно, это воспоминание о татарском хане Ахмате, совершившем в XIV веке набег на Москву.

Имя «Соловей» в применении к злобному чудовищу кажется довольно странным. Возможно, это слово имело в древности еще какое-то, пока не выясненное, значение. Но не исключено, что оно употреблено и в прямом смысле, отражая способность Соловья-разбойника громко свистеть. В словаре В.И. Даля приводится пословица: «Соловей — птичка-невеличка, а заголосит — лес валит» Скачет Бурушко, словно сокол летит, с горы на

гору перескакивает, широкие реки перемахивает, хвост его по полям расстилается.

Подъезжает Илья к городу Чернигову. А под Черниговым стоит вражья сила. Обложили враги город со всех сторон, хотят они Чернигов разорить, Божьи церкви под конюшни взять.

Как увидел это Илья Муромец, разгорелося его богатырское сердце пуще огня, разыгралось пуще жгучего мороза. Напустился Илья на вражью силу, стал ее конем топтать, копьем колоть, рубить саблей богатырскою.

Видят черниговцы — пришла к ним помощь. Одни говорят: «Знать послал нам Господь с неба ангела!» Адругие говорят: «Не ангела Господь послал, а могучего русского богатыря!» Трое суток Илья не ел, не пил, с коня не сходил — прибил, притоптал вражью силу.

Отворили черниговцы городские ворота, вышли к Илье, низко ему поклонились. Говорят черниговцы: «Аи же ты, славный богатырь! Оставайся у нас в Чернигове. Будь над нами хоть князем, хоть воеводою. Мы дадим тебе без счету золотой казны!» Отвечает Илья: «Аи же вы, мужички черниговские! Не надо мне золотой казны, и не пойду я к вам ни князем, ни воеводою. Укажите вы мне дорогу прямоезжую в стольный Киев-град».

Говорят черниговцы: «Прямоезжая дорога — через Брынские леса — давным-давно заколодела, травой заросла, черный ворон там не пролетывает, серый зверь не прорыскивает. Тридцать лет по ней никто не прохаживал, на добром коне не проезживал. Сидит на дороге Соловей-разбойник, сидит на семи дубах, на девяти суках. Как засвищет соловей по-соловьиному, зарычит он по-звериному да зашипит по-змеиному, так все травушки-муравы заплетаются, лазоревы цветы осыпаются, леса до земли клонятся, а люди — мертвы лежат. По прямоезжей дороге до Киева пятьсот верст, а по окольной — целая тысяча, да путь по ней безопаснее. Поезжай-ка ты, богатырь, по окольной дороге!» Не послушался Илья черниговцев, пустил Бурушку по прямоезжей дороге, поехал через Брынские леса. Доехал до реки Смородины. Нет через реку ни моста, ни перевозчика. Стал Илья дубы с корнем вырывать, построил мост, переехал на ту сторону.

Едет Илья Муромец дальше. Доехал до семи дубов, где на девяти суках сидел Соловей- разбойник.

Увидел Соловей-разбойник богатыря, засвистел по-соловьиному, зарычал по- звериному, зашипел по-змеиному. Содрогнулась мать сыра земля, споткнулся Бурушко-косматушко. Говорит Илья коню: «Али не слыхал ты прежде свисту соловьиного, рыку звериного, шипу змеиного?» Рассердился Бурушко — подскочил выше лесу стоячего, чуть ниже облака ходячего.

Взял Илья свой тугой лук, натянул тетиву шелковую, наложил стрелочку каленую, сам стреле приговаривает: «Лети, стрела, по поднебесью, не падай ни на воду, ни на землю, ни на сырой дуб, а попади Соловью-разбойнику в правый глаз!» Полетела стрела, как Илья ей велел — упал Соловей с дуба на сыру землю.

Поднял Илья Муромец Соловья-разбойника, привязал к своему стремени булатному, повез в стольный Киев-град.

Везет Илья Соловья мимо Соловьева двора. Раскинулся двор на семь верст, вокруг двора — железный тын, а на каждой тынине — по человеческой голове.

Увидела из окна Соловьева жена, что едет Илья, Соловья везет. Разбудила она своих девятерых сыновей и говорит им: «Идите в подвалы глубокие, отмыкайте кованы ларцы, вынимайте золоту казну — надобно вашего отца выкупить».

Сама бросилась навстречу Илье Муромцу: «Гой еси ты, удалый добрый молодец! Бери у нас золотой казны, сколько надобно, отпусти Соловья-разбойника!» Не взял Илья золотой казны, не отпустил Соловья-разбойника.

Обернулись тогда Соловьевы сыновья черными воронами, клювы у них железные, хотят расклевать Илью Муромца, да Соловей-разбойник удержал сыновей. Говорит им Соловей: «Не вводите богатыря в задор, не гневите его сердца богатырского! У меня силушки побольше вашей, и то он меня одолел!» Приехал Илья Муромец в стольный Киев-град. Едет по широкой улице, подъезжает к высокому княжьему терему. Оставил Илья Бурушку на княжьем дворе, сам поднялся в палаты белокаменные.

У князя Владимира был в ту пору почестей пир. Много было на пиру князей да бояр, много сильных, могучих богатырей.

Илья крест кладет по-писанному, поклон ведет по-ученому, кланяется на все четыре стороны, князю со княгиней — во особицу.

Стал Владимир-князь Илью спрашивать: «Кто ты таков, добрый молодец, и откуда прибыл?» Отвечает Илья Муромец: «Я из славного из города из Мурома, из того ли села Карачарова. Зовут меня Илья, сын Иванович».

Спрашивает тогда Владимир: «А давно литы выехал из Мурома? Какой дорогою ехал в стольный Киев-град?» Говорит Илья Муромец: «Выехал я из Мурома нынче утром, ехал дорогой прямоезжею».

Рассердился тут Владимир стольнокиевский: «Аи же ты, мужик, деревенщина! В очах ты, мужик, завираешься, надо мной, князем, насмехаешься! Прямоезжей дорогой уж тридцать лет никто езживал — засел на ней Соловей-разбойник!» Говорит Илья Муромец: «Уж ты, гой еси, Владимир-князь! Ты выйди-ка на свой широкий двор, посмотри на мою удачу богатырскую. Привез я тебе Соловья- разбойника, к булатному стремени привязанного».

Вскочил тут князь Владимир на резвые ноги, накинул кунью шубку на одно плечо, надвинул соболью шапку на одно ухо, пошел на широкий двор. Следом за ним идут князья да бояре, сильные могучие богатыри.

Увидели они Соловья-разбойника, возрадовались — свободна теперь дорога прямоезжая.

Говорит Соловью Владимир-князь: «Хочу я твоего голоса послушать. Засвисти-ка ты по соловьиному, зарычи по-звериному, зашипи по-змениному!» Отвечает Соловей: «Не ты меня взял, не тебе мне приказывать!» Просит князь Илью Муромца: «Вели Соловью голос подать».

Отвечает Илья: «Будь по-твоему. Только не прогневайся, князь, прежде спрячу я тебя с княгиней за пазуху». И приказал он Соловью-разбойнику: «Засвисти-ка ты, Соловей, да в пол-свисту, зарычи-ка ты да в пол-рыку, зашипи-ка ты да в пол-шипу».

Не послушался Соловей Ильи: засвистел, зарычал, зашипел в полную силу. Оттого свисту соловьиного, от того рыку звериного, от того шипу змеиного снесло весь верх у княжьих палат, посыпались окончины стекольчатые, попадали князья и бояре, и все сильные могучие богатыри.

Один Илья Муромец устоял на ногах. Выпустил Илья из-за пазухи князя с княгинею, сел на доброго коня, отвез Соловья-разбойника в чистое поле. Говорил Илья таковы слова: «Тебе полно свистеть по-соловьиному, полно рычать по-звериному, полно шипеть по-змеиному, полно слезить отцов-матерей, полно вдовить жен молодых, полно сиротить малых детушек!» — И срубил Соловью буйну голову.

III. Илья Муромец и Святогор

Илья и Святогор — представители двух поколений героев русского эпоса. Святогор принадлежит к древнейшему, мифологическому пласту. К.С. Аксаков писал о Святогоре: «Это богатырь-стихия. Нельзя не заметить в наших песнях следов предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, где сила, получая очертания человеческого образа, еще остается силою мировою».

Святогор силен настолько, что сила тяготит его самого: «Грузно от силушки, как от тяжкого бремени». Сила Святогора существует сама по себе, не имея ни цели, ни применения.

Илья Муромец — представитель новой, уже исторической «богатырской» эпохи. Его сила качественно иная — человеческая, и он отказывается принять противоречащую его природе стихийную силу Святогора.

Ездил Илья по чистому полю, заехал на Святые горы. Вдруг будто гром загремел. Всколыхнулась мать сыра земля, зашатались темные леса, вышли из берегов глубокие реки. Видит Илья — едет Святогор-богатырь, головой в облака упирается. Везет Святогора могучий конь, сидит на нем Святогор — и крепко спит.

Думает Илья: «Что за диво? Мог бы богатырь и в шатре выспаться!» Подскочил Илья к Святогору, ударил тупым концом копья. Не проснулся Святогор, как ехал, так и едет.

Рассердился Илья, закричал зычным голосом: «Ты что, богатырь, издеваешься? Ты спишь, или притворяешься?» Ударил он Святогора булатной палицей, а тот и не шелохнулся, едет и едет вперед. Призадумался Илья: «Что за сильный богатырь! От моей руки еще никто не мог на коне усидеть».

Отъехал Илья подальше, да с разъезду ударил Святогора палицей что есть силы. Отшиб Илья себе правую руку, а Святогор проснулся. Взял он Илью вместе с конем, сунул себе в карман и дальше поехал.

Вдруг святогоров конь начал спотыкаться. Спрашивает Святогор: «Отчего ты, мой добрый конь, спотыкаешься?» Отвечает конь: «Тяжело мне везти двух богатырей да еще третьего — богатырского коня».

Вытащил Святогор Илью из кармана, поставил на ладонь, стал расспрашивать: «Ты кто таков, добрый молодец? Из какой ты земли?» Назвал себя Илья Муромец. Тогда Святогор спрашивает: «А зачем заехал ты на Святые горы? Как посмел ударить меня, самого Святогора?» Отвечает Илья: «Слыхал я, что нет на свете никого тебя сильнее, вот и

захотел помериться с тобою силой».

Говорит Святогор: «Смелый ты, богатырь, Илья Муромец. Ты меня ударил — я подумал, что комар укусил, а я бы тебя ударил — разлетелись бы в прах твои косточки. За твою смелость буду я тебе старшим братом, а ты мне — братом меньшим».

Побратались богатыри и поехали дальше вместе. Едут они по Святым горам, поднимаются на высокие кручи, спускаются в глубокие ущелья.

Стоит у них на пути каменный гроб. А на гробе надпись написана: «Кому в этом гробу лежать суждено, тому он впору придется».

Говорит Святогор: «Может, кого из нас этот гроб дожидается».

Первым лег в гроб Илья — оказался ему гроб велик и широк. Лег тогда в гроб Святогор — ему гроб впору пришелся, и в длину по мере, и в ширину как раз. Говорит Святогор: «Будто для меня гроб сделан. Возьми-ка, меньшой брат, крышку да закрой меня здесь».

Отвечает Илья Муромец: «Что за шутку задумал ты, большой брат? Негоже живого в гробу закрывать!» Взял тогда Святогор сам крышку гроба и закрылся ею.

Лежит Святогор в гробу, тяжко ему там и душно. Хотел он из гроба встать, а крышка не поднимается. Говорит Святогор Илье Муромцу: «Аи же ты, меньшой мой брат, Илья Муромец! Ты разбей крышку палицей булатною». Стал Илья бить крышку палицей, да там, где ударит, появляется железная полоса. Оковало весь гроб железными обручами.

Говорит Святогор: «Возьми мой меч-кладенец, разруби крышку надвое». Ухватился Илья за святогоров меч, да не может поднять.

Илья говорит Святогору: «Тяжел для меня твой меч».

Тогда Святогор сказал: «Подойди, меньшой брат, поближе ко гробу, припади к щелочке — я вдохну в тебя часть своей силы, станет у тебя сила вдвое против прежнего». Припал Илья к щелочке, вдохнул в него Святогор часть своей силы. Поднял Илья святогоров меч, ударил вдоль по крышке гроба. Не разбилась крышка, а появился на гробе новый железный обруч.

Говорит Святогор: «Видно, настигла меня судьбина, пришла мне, богатырю, кончинушка. Бери моего коня да наклонись в последний раз к моему гробу, я вдохну в тебя всю свою силу».

Отвечает Илья Муромец: «Не надо мне больше силы. Если силы у меня поприбавится — не будет меня носить мать сыра земля. И не надо мне твоего коня богатырского — служит мне верой-правдою мой Бурушко косматенький».

Тут Илья со Святогором простились, и умер Святогор-богатырь. Схоронил его Илья в сырой земле, святогорова коня отпустил на волю, а сам сел на своего Бурушку и поехал в Киев-град.

IV. Илья Муромец и Калин-царь

Былины из цикла «Илья Муромец и Калин-царь» (иначе его называют «Илья Муромец и татарское нашествие») занимают центральное место во всем русском эпосе. В.Я. Пропп пишет: «Песни об отражении татар — самое значительное из того, что в области эпоса создано русским народом. (…) Былины времен татарщины представляют собой качественно иное образование, чем все былины, предшествующие им».

Большинство исследователей считают, что былины этого цикла были созданы во время татаро-монгольского ига, еще до его свержения, и тем не менее в них художественно-убедительно и, как оказалось впоследствии, исторически достоверно изображена победа русского народа и изгнание татар. По мнению В.Я. Проппа, «песня выражала не отдельные факты побед и поражений; в дни бедствий песня выражала несокрушимую волю народа к победе и тем ее подготовляла и способствовала ей».

Туже мысль высказывает В.И. Калугин: «В былине «Илья Муромец и Калин-царь» отражено не отдельное историческое событие, реальное сражение, допустим, на реке Калке в 1223 году или на Куликовом поле в 1380-м, а целый ряд таких сражений, как великих, так и малых. Перед нами эпическая условность — такого сражения не было, и одновременно эпическое обобщение — такие сражения были; верность не факту, а духу истории».

Татарский Калин-царь — обобщенный образ врага, хотя в некоторых вариантах былины он назван историческим именем Мамая или Батыя.

Былинам из цикла «Илья Муромец и Калин-царь» обычно предшествует рассказ о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром. В одних вариантах былины Владимир не оказал Илье Муромцу должного уважения, не позвав его на пир, или позвал, но посадил «в место непочетное», и оскорбленный богатырь ломает лавки в княжьей палате, разгоняет гостей, или выходит на улицу и стреляет из лука по княжьему дворцу, снеся золоченую крышу. В других вариантах Илью оговаривают перед князем «бояре кособрюхие».

Так или иначе, Владимир разгневался на Илью Муромца и велел посадить его в погреба глубокие, запереть решетками железными, не давать ему ни еды, ни питья, сказав: «Пусть помрет он, собака, с голоду!» Узнала про то Владимирова жена, княгиня Апраксия, и подумала: «Ежели помрет Илья Муромец с голоду, кто постоит за Киев-град, за князя Владимира, за меня, княгиню Апраксию?» Велела она сделать поддельные ключи от погреба, приказала верным людям отнести Илье перины пуховые, одеяла теплые и кормить его каждый день досыта. И никто про это не знал, не ведал.

Было при дворе князя Владимира еще двенадцать храбрых богатырей. Обиду, что нанес князь Илье Муромцу, они приняли как свою собственную, отказались отныне служить князю Владимиру, уехали из Киева и раскинули свои шатры в чистом поле.

Меж тем по всем землям, по всем ордам прошел слух, что не стало в Киеве богатырей, а Илья Муромец сидит в погребе.

Как услышал про то Калин-царь, собрал силушку великую и пошел на Русь. Растянулось вражье войско на сотню верст. Прогибается под его тяжестью мать сыра земля, от конского пару померкло красное солнце, потускнел ясный месяц — не видать ни луча белого свету.

Остановился Калин-царь в семи верстах от Киева, послал князю Владимиру ярлык скорописчатый: «Аи же ты, Владимир стольнокиевский! Отдай мне добром стольный Киев-град, без драки великой, без кроволития. А добром не отдашь — с бою возьму, князей, бояр всех повырублю, Божьи церкви огнем спалю, тебя с княгинею в полон угоню!» Читает князь

Владимир тот ярлык — слезами заливается. Не поднимаются у него белые руки, не глядят у него ясные очи. Говорит Владимир: «Кабы был в живых Илья Муромец, не боялись бы мы собаки-Калина-царя! Постоял бы Илья Муромец за Киев- град, за меня, за князя Владимира».

Говорит тут княгиня Апраксия: «Нынче ночью мне мало спалось, да много во сне виделось. Привиделось мне, будто жив Илья Муромец в погребах глубоких, за решетками железными».

Спустился князь Владимир в погреба глубокие, отомкнул решетки железные, видит — сидит там Илья жив-здоров.

Поклонился князь Илье низехонько: «Ты прости меня, Илья Муромец! Выходи из погреба глубокого — надобно постоять за стольный Киев-град, за меня, за князя Владимира!» Ни слова не ответил Илья Муромец, даже не посмотрел на князя.

Тогда спустилась в погреб княгиня Апраксия, просит Илью: «Уж ты постой, Илья, застольный Киев-град, за ласкового князя Владимира!» Говорит Илья княгине: «Аи же ты, княгиня Апраксия! Я иду стоять за веру христианскую, и за землю русскую, за вдов, за сирот, за бедных людей да за тебя, княгиня Апраксия. А ради собаки-князя Владимира и не вышел бы я из погреба!» Седлал Илья Муромец своего коня. Клал седелышко черкасское, подтягивал подпруги шелковые, а шпенечки у подпруг — булатные, пряжечки — красна золота. Все не ради красы, ради крепости: шелковые подпруги тянутся, да не рвутся, булат-железо гнется, да не ломается, красное золото мокнет, да не ржавеет.

Выехал Илья в чистое поле, видит — нагнано вражьей силы черным-черно. От покрику человечьего, от ржания лошадиного приуныло сердце богатырское.

Поехал Илья вдоль вражьей силы — не мог до конца-краю доехать. Думает Илья: «Не одолеть мне этой силы в одиночку!» Поднялся он на высокую гору, посмотрел на все четыре стороны — повысмотрел на восточной стороне белые шатры, а у шатров пасутся кони русских богатырей, тех, что покинули Киев-град, ушли от князя Владимира.

Поскакал Илья к белым шатрам. Пустил своего Бурушку пастись вместе с конями богатырскими, сам вошел в шатер. Сидят там богатыри — обедают.

Увидели богатыри Илью — обрадовались. Усадили с собой за дубовый стол, накормили, напоили.

Говорит им Илья Муромец: «Аи же вы, русские могучие богатыри! Вы садитесь-ка на добрых коней, поедем в чистое поле биться с несметной силой татарскою».

Отвечают богатыри: «Не будем мы седлать добрых коней, не поедем в чистое поле, не станем биться с татарскою силой! И ты не ходи. Пусть бьются князья да бояре. Много их у князя Владимира, он их кормит и поит, и жалует, а нам от князя Владимира — нет ничего».

Не по сердцу пришлась такая речь Илье Муромцу. Вышел он из белого шатра, сел на своего доброго коня, поскакал один в чистое поле.

Не ясен сокол налетел на стаю серых уток — налетел на врагов русский богатырь Илья Муромец. Стал он бить силу татарскую, бьет, словно траву косит.

Вдруг заговорил Бурушко человеческим голосом: «Аи же ты, мой добрый хозяйнушко! Сделаны у Калина-царя под землей три глубоких подкопа. Просядет подо мной земля, и провалимся мы с тобой в те подкопы. Из первых двух подкопов я выскочу и тебя на себе вынесу, а из третьего подкопа вынести не смогу».

Прыгнул Бурушко — провалился в подкоп, да тут же выскочил и Илью на себе вынес. Провалился в другой — снова выскочил и вынес Илью, а провалился в третий — не усидел Илья в седле, Бурушко выскочил, а Илья в подкопе остался.

Бросились татары ловить богатырского коня, да Бурушко им в руки не дался — ускакал в чистое поле.

Вытащили татары Илью из подкопа, сковали оковами железными — ручными, ножными и заплечными, привели к Калину-царю.

Говорит Калин-царь: «Уж ты гой еси, славный богатырь Илья Муромец, послужи-ка мне, как служил князю Владимиру. От князя Владимира тебе нет ничего, а я буду тебя кормить-поить, дам одежу драгоценную и золотой казны по надобью».

Отвечает Илья Муромец: «Аи же ты, собака-Калин-царь! Не надо мне от тебя ни еды- питья, ни одежи драгоценной, ни золотой казны. Положил я себе великую заповедь: стоять за веру христианскую, за землю русскую, за вдов, за сирот, за бедных людей!» Велел тогда Калин-царь вывести Илью на широкий луг и стрелять в него стрелами каленными.

Разорвал тут Илья свои оковы. Не было у него ни сабли, ни копья — так схватил он за ноги татарина, что покрепче да пожиловатее, стал татарином помахивать, стал татар поколачивать. Прошел Илья через силу татарскую, вышел в чистое поле. Свистнул он богатырским посвистом, прибежал к нему верный Бурушко.

Поднялся Илья Муромец на гору, натянул тугой лук, пустил стрелу в ту сторону, где стояли шатры русских богатырей.

Увидели богатыри стрелу и говорят: «Прилетела стрела от Ильи Муромца, верно, мало ему в поле можется».

Оседлали они добрых коней, поехали на помощь Илье.

Скачут русские богатыри, Илья Муромец спустился с горы, поскакал им навстречу.

Налетели на татарскую силу русские богатыри — двенадцать, Илья Муромец тринадцатый. Стали татар бить-топтать. Где проедут — улица, где повернутся — переулочек. Бились они целый день до вечера, бились темную ночь до белого света, побили татар чуть не до единого.

Бежал Калин-царь из русской земли, дал верную клятву никогда на возвращаться на Русь: «Аи не дай Бог больше бывать под Киевом, Ни мне-то бывать, ни детям моим, Ни детям моим, ни внучатам, Ни внучатам моим, ни правнукам».

V. Илья Муромец и Идолище поганое

Эта былина известна в двух вариантах. В одном — действие происходит в Киеве, и Илья Муромец избавляет от Идолища князя Владимира, в другом — действие переносится в Царьград (Константинополь) — столицу Византии, и Илья спасает византийского царя Константина, который в былине назван князем. О том, какой из вариантов является изначальным, мнения исследователей расходятся.

Русь и Византия на протяжении своих многовековых отношений бывали и врагами, и союзниками. По мнению некоторых исследователей, в 1091 году русские войска помогали византийцам в борьбе с печенегами. Возможно, именно этот факт нашел отражение в былине.

Имя Идолище, предположительно, представляет собой искаженное Итларище. Итларь — знатный половчанин, упоминаемый в летописи.

Не случайно имя «царьградского князя» — Константин Боголюбович. Вероятно, в этом образе отразилась память о святом Константине, римском императоре, жившем в III–IV веках, поддерживавшем христианскую церковь и основавшем Константинополь, а также о Константине Мономахе, византийском императоре, при котором в первой половине XI века Византия подвергалась нападению турок.

Ехал Илья Муромец путем-дорогою, повстречал калику перехожую — могучего мужичища Иванища. Идет Иванище, клюкой подпирается, а клюка-то у него в девяносто пудов.

Поздоровался Илья с Иванищем и спрашивает: «Издалека ли бредешь, калика перехожая?» Отвечает богатырю Иванище: «Аи же ты, славный Илья Муромец! Побывал я в святом городе Иерусалиме, поклонился там Гробу Господню, искупался в Иордан-реке, под кипарисовым деревом обсушился. А когда возвращался я обратно, то проходил мимо славного Царыграда. В Царьграде нынче не по-прежнему. Засело там Идолище поганое, со грозой, со страхом со великим, со своею ратью несметною. У того Идолища ножищи — как лыжищи, ручищи — как граблищи, голова — как пивной котел, глазищи — как чашищи, а нос на роже — в локоть длиной. Померкло над Царырадом солнце красное, потускнели звезды поднебесные. Захватили поганые царьградского князя Константина Боголюбовича, сковали крепкими железами его резвые ноги, связали шелковыми опутьями его белые руки. Поставили поганые своих коней в Божьих церквах, порубили топорами святые образа да в черную грязь их потоптали».

Рассердился тут Илья Муромец, разгорелось сердце богатырское. Говорит он калике Иванищу: «Экой ты дурак, Иванище! Силы-то у тебя — с два меня, а смелости да ухватки — половинки нет. Почему не прогнал ты Идолище поганое, не освободил славный Царырад, не вызволил князя Константина Боголюбовича?» Решил Илья сам идти на Идолище. Сошел он с богатырского коня, сказал калике Иванищу: «Оставляю я здесь моего Бурушку. Стереги его, пока я не вернусь. Хочешь, езди на нем, хочешь, в поводу води. Да давай с тобой одежей поменяемся. Ты возьми мое платье богатырское, а мне дай свое, калицкое».

Облекся Илья в платье калицкое, обул лапти лыковые, взял клюку в девяносто пудов и пошел в Царырад.

Идет Илья на клюку опирается, а железная клюка под ним изгибается — знать, не по богатырю она скована.

Вот пришел Илья Муромец в славный Царырад, подошел к Идолищу под окошко, стал просить, как калики просят: «Вы подайте мне, калике перехожей, милостыньку!» От зычного голоса богатырского зашатались терема высокие, потрескались окошки хрустальные, а Идолище поганое удивилося.

Приказало оно привести калику пред свои очи, стало его допрашивать, доведывать: «Ты откуда, калика перехожая?» Отвечает Илья: «Был я в славном городе Киеве, у богатыря у Ильи Муромца».

Спрашивает тогда Идолище: «А каков тот Илья Муромец?» Отвечает Илья Идолищу: «Ростом он не больше меня да и обликом схож. Мы с ним в один день родилися, в одной школе грамоте училися».

Снова спрашивает Идолище: «А помногу ль богатырь хлеба ест, помногу ль пьет пива пьяного?» Отвечает Илья Идолищу: «Хлеба он ест по три калачика, а пива пьет на три медных пятака».

Рассмехнулось Идолище поганое: «Так чего ж у вас на Руси этим Ильей хвастают? Кабы был он сейчас здесь, посадил бы я его на одну ладонь, другою бы прихлопнул — только бы мокро между ладонями и осталось. Я-то ведь ростом в две сажени да в сажень шириной, по семи ведер пива пью, по семи пудов хлеба кушаю, быка съедаю за раз сторублевого».

Говорит тут Илья Муромец: «Была у моего батюшки корова едучая. Тоже много ела- пила, так брюхо у ней и треснуло. Как бы и с тобой такого не случилося».

Идолищу эти речи не полюбилися, пришлись они поганому не в удовольствие.

Схватило оно булатный нож, метнуло в Илью со всею силушкой. Илья в сторону наклонился, от ножа шапкой отмахнулся. Пролетел булатный нож мимо, ударился в дубовую дверь, вышиб ее вместе с ободвериной. Улетела дубовая дверь в сени, двенадцать поганых насмерть убила, того больше покалечила.

А Илья в ту пору схватил свою клюку в девяносто пудов — да стукнул Идолище по темени. Тут поганому и конец пришел.

Взял Илья Идолище за ноги, стал Идолищем помахивать, поганых им охаживать да приговаривать: «Нынче мне оружие по плечу пришлось».

За три часа перебил Илья всю силу несметную, не оставил ни одного поганого.

Освободил Илья князя царьградского, Константина Боголюбовича, расковал его резвые ноги, развязал белые руки.

Сказал князь Константин Боголюбович Илье Муромцу: «Ты, Илья, нынче всех нас повыручил, избавил от напрасной смерти. Оставайся в Царыраде на жительство, я пожалую тебя воеводою».

Отвечает ему Илья Муромец: «Благодарствуй, князь Константин Боголюбович! Служил я тебе три часа — выслужил честь воеводскую. А князю Владимиру служил тридцать лет — не выслужил и слова приветливого. Но не прогневайся, князь, не останусь я в Царыраде на жительство».

Тогда насыпал князь Константин Боголюбович чашу красного золота, другую — светлого серебра, третью — скатного жемчуга.

Пересыпал Илья злато-серебро и скатный жемчуг себе в суму и сказал: «Это ведь мое, заработчее».

Поблагодарил он Константина Боголюбовича и отправился в обратный путь.

Вот подошел Илья к месту, где оставил Бурушку. Водит Иванище богатырского коня в поводу, сесть на него не решается.

Поменялись они снова одежею, надел Илья платье богатырское, обул сапожки сафьяновые, распростился с Иванищем, сел на своего коня и поехал в стольный Киев-град.

А калика пошел, куда ему надобно.

80. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Добрыня Никитич — средний из трех богатырей, основных героев русского героического эпоса.

Его срединное положение обусловлено не только возрастом, но и тем, что в его образе нет крайностей, в нем гармонично сочетаются различные качества: храбрость воина — и мудрость дипломата, светские манеры («вежество») — и образованность. В тех былинах, где Добрыня не является главным героем, он обычно выступает в качестве мудрого помощника, примирителя ссорящихся.

Историческим прототипом Добрыни Никитича часто называют воеводу Добрыню, дядю князя Владимира Святого со стороны матери, видного военного и государственного деятеля. Летопись говорит о нем: «…де Добрыня храбр и наряден муж». Однако историческому Добрыне была свойственна и жестокость, также отмеченная в летописях. В частности, о его участии в установлении христианства в Новгороде в 990 году там говорится, что он крестил новгородцев «огнем». Поэтому многие исследователи не признают исторического Добрыню прототипом былинного богатыря.

Скорее всего, Добрыня Никитич — образ собирательный. Его имя образовано от слова «добро», означающего в древнерусском языке всю совокупность положительных качеств. Один из исследователей былин, В.И. Калугин, пишет: «Русский народный эпос немыслим без героя с таким именем».

I. Добрыня и Змей

Былина «Добрыня и Змей» — центральная и самая древняя в цикле былин о Добрыне. Змееборчество — один из наиболее распространенных сюжетов в фольклоре народов всего мира. Змей — традиционное воплощение зла, и победа героя над змеем знаменует торжество положительного начала во вселенском масштабе.

Борьба героя со змеем часто встречается и в сказках, но сказки с подобным сюжетом обязательно заканчиваются женитьбой героя на спасенной им девушке. Добрыня же предлагает спасенной им от Змея княжьей племяннице «покрестосоваться» — поменяться крестами и тем самым стать названными братом и сестрой, и впоследствии, когда князь говорит: «Дак благословляю тебе ее взять в замужество», отказывается, поскольку она ему «сестра крестовая». Такой поступок Добрыни объясняется тем, что подвиг эпического героя, в отличие от героя сказочного, обязательно должен быть бескорыстным.

Некоторые исследователи соотносят былину о Добрыне и Змее с историческим событием — крещением Руси, полагая, что «Пучай-река» это Почайна, в которой князь Владимир Святой в 988 году крестил киевлян. Змей — воплощение язычества, а Добрыня, победивший Змея при помощи «шапки земли греческой» — символ христианства, пришедшего на Русь из

Византии, бывшей частью Греции. Впрочем, многим такое толкование кажется натянутым, хотя малопонятная «шапка земли греческой» присутствует почти во всех вариантах былины. В одной из записей былины, сделанной в начале XX века, сказитель домысливает, что река унесла Добрыню к берегам Греции, и там он набрал в шапку земли.

В славном городе Киеве жила честна вдова Амелфа Тимофеевна. И было у нее единое чадо — любимый сын Добрынюшка.

Возростила она Добрыню до полного возраста, стал Добрыня на добром коне в чистое поле поезживать.

Как-то раз Добрыня просит у матушки благословения поехать за горы Сорочинские, ко Пучай-реке, пострелять там гусей-лебедей, серых уточек.

Говорит Добрыне матушка: «Не дам я тебе на то благословения! Многие ездили за Сорочинские горы, да никто назад не возвращался».

Отвечает Добрыня: «Аи же ты, родимая матушка! Коли дашь мне благословение — поеду, коли не дашь — все равно поеду!» Видит Амелфа Тимофеевна — делать нечего. Дала она Добрыне благословение и сказала: «Как приедешь за горы Сорочинские, не купайся, дитятко, во Пучай-реке. Пучай-река сердитая: из-за первой струйки огонь сечет, из-за другой струйки — искры сыплются, из-за третьей — дым столбом валит, валит дым да со пламенем».

Быстрехонько Добрыня снарядился, оседлал своего доброго коня и поехал за горы Сорочинские.

Вот приезжает Добрыня на берег Пучай-реки, видит — Пучай-река покойная, будто лужица дождевая. А время было летнее, припекло Добрыню солнышко. Забыл он матушкин наказ, захотел искупаться во Пучай-реке.

Снял он сапожки сафьяновые, скинул шапку греческую, кафтан дорожный, рубаху шелковую, порты семицветные и стал плавать во Пучай-реке серым селезнем.

Вдруг Пучай-река всколыхнулася, налетел невесть откуда крылатый Змей. Закричал Змей зычным голосом: «Старые люди пророчили, что случится Змею смерть принять от молодого Добрыни Никитича, а ныне Добрыня сам в моих руках! Захочу — Добрыню огнем сожгу, захочу — Добрыню живьем сожру!» Доплыл тут Добрыня до крутого бережка, выскочил на желтый песок. Схватил он свою греческую шапку, нагреб в нее песку — и метнул в Змея. Упал Змей на сырую землю, на густую ковыль-траву.

Хотел Добрыня Змею голову срубить, да стал Змей его просить, уговаривать: «Не губи меня, молодой Добрыня, сын Никитьевич! Впредь не буду я летать на святую Русь, не буду брать в полон русских людей, не буду сиротить малых детушек!» Поверил Добрыня Змею, отпустил его в живности. Улетел Змей, да не в свою пещеру, полетел он на святую Русь, в стольный Киев-град, в зеленый сад ласкового князя Владимира. Обманул Добрыню лукавый Змей!

Гуляла в зеленом саду Князева племянница, молодая Забава Путятишна, с мамками да с няньками, с любимыми подружками. Налетел Змей на Забаву Путятишну, подхватил ее, посадил себе на спину и унес за горы Сорочинские.

А Добрыня про то не знал, не ведал. Вернулся он в стольный Киев-град, к своей родимой матушке. Встречает его матушка на высоком крыльце.

Говорит Добрыня: «Ой же ты, родимая матушка! Каково ты живешь, каково здравствуешь?» Отвечает Амелфа Тимофеевна: «Дитятко мое сердечное! Я-то живехонька, здоровехонька. А у ласкового князя Владимира случилось несчастье великое: вечор гуляла Князева племянница, молодая Забава Путятишна, в зеленом саду, налетел на нее лютый Змей и унес за горы Сорочинские».

Пошел Добрыня к князю Владимиру. В княжьей палате пир идет, да сам князь сидит невесел, нерадостен.

Говорит Владимир стольнокиевский: «Аи же вы, мои князья и бояре! Кто из вас сослужит мне службу великую — поедет за горы Сорочинские, вызволит Забаву Путятишну?» Бояре и князья испугалися. Большие хоронятся за средних, средние — за меньших, а от меньших и вовсе ответу нет.

Тут Добрыня и говорит: «Я поеду за горы Сорочинские, вызову Змея на смертный бой, вызволю Забаву Путятишну!» Оседлал Добрыня коня, поехал за горы Сорочинские. Услыхал Змей Добрыню за пятнадцать верст, выслал ему навстречу своих змеенышей. Обвились змееныши вокруг ног Добрынина коня. Стал конь попрыгивать, стал змеенышей потоптывать. Налетел тут на Добрыню лютый Змей: «Ты зачем потоптал моих змеенышей?» Стали они биться — не на живот, а на смерть. Добрыня мечом рубит, Змей Добрыню огнем палит. Бьются они день, бьются другой, на третий — одолел Добрыня, срубил лютому Змею голову.

Пошел Добрыня к змеиной пещере, отпирал железные замки, открывал медные затворы, выпускал всех, кого Змей в плену держал царевичей и королевичей, седых стариков и малых детушек, молодушек и красных девушек, и — молодую Забаву Путятишну.

Посадил Добрыня Забаву Путятишну на своего коня, повез в стольный Киев-град.

По пути говорит Забава: «За твою великую заслугу, Добрыня, назвала бы я тебя любимым другом».

Отвечает ей Добрыня: «Ты, Забава Путятишна, княжья племянница, а я — роду не княжеского, нельзя тебе назвать меня любимым другом. Лучше мы с тобой крестами поменяемся, и будешь ты мне крестовая сестра, а я тебе — крестовый брат».

Приехали они в стольный Киев-град, и была в Киеве радостьвеликая.

II. Добрыня и Дунай Былина

«Добрыня и Дунай» относится к числу поздних, она сложилась в XVI–XVII веках.

Исследователи былин Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий отмечают, что в поздних былинах намечается «отход от эпической монументальности», в этих былинах богатыри бывают подвержены человеческим слабостям, они могут оказаться в смешных ситуациях, но «от всего этого они не становятся менее любимы, а наоборот, делаются человечнее, теплее».

К числу таких былин принадлежит и былина о ссоре Добрыни с Дунаем. (Впрочем, в некоторых вариантах былины сохранен традиционно-героический образ Добрыни: он крушит шатер Дуная не спьяну, а потому, что принимает «чернобархатный» шатер за татарский.) Окончание былины известно в трех вариантах: в одном Добрыня и Дунай мирятся, посчитав, что оба они правы, в другом — что оба не правы, в третьем — отправляются на суд к князю Владимиру, и тот безоговорочно осуждает Дуная и заключает его в темницу. Записи третьего варианта чаще всего встречаются в северных областях России. Объясняется это тем, что в условиях северной природы издревле существовал обычай оставлять в рыбачьих и охотничьих избушках съестные припасы и дрова для других рыбаков и охотников, или для заблудившихся путников. «Надписи», в которых Дунай запрещал что-либо трогать в своем шатре, представлялись северянам нарушением моральных норм.

Выезжал Добрыня в чистое поле, смотрел на все четыре стороны. Там, где солнце на закат идет — растут леса дремучие, на восходе — стоит стольный Киев-град, на полуночной стороне — высятся ледяные горы, на полуденной — степь расстилается, а посреди степи стоит шатер — не из белого полотна, из черного бархата.

Поскакал Добрыня в широкую степь, сошел с коня у чернобархатного шатра. Привязал коня к дубу, а сам вошел в шатер.

Стоит в шатре стол белодубовый, кровать тесовая с пуховой периной, бочка зелена вина, а на бочке висит чарочка серебряная, позолоченная. Ни мала чарочка, ни велика — полтора ведра. А на чарочке надпись вырезана: «Кто из этой чарочки в моем шатре вина изопьет, тому живу не быть, от шатра прочь не уехати».

Говорит Добрынюшка: «Нам ли, молодцам, бояться угроз?» Наливал он чарочку до краев, поднимал одной рукой, выпивал единым духом. Первую чарочку выпил Добрыня для здоровьица, вторую — для весельица, а от третьей чарочки — разбуянился.

Распинал Добрыня бочку зелена вина, растоптал чарочку серебряную, изорвал в клочья шатер чернобархатный. Оставил только тесовую кровать, лег на нее — и уснул.

Подъезжает тут к шатру его хозяин — богатырь Дунай Иванович. Говорит Дунай: «Кажись, не было ни ветру, ни бури, а все мое шатерышко развоевано!» Подъехал он поближе — увидел у дуба Добрынина коня, а на своей кровати — самого Добрыню.

Закипела во Дунае горячая кровь, расходились плечи молодецкие. Вынул он из ножен острую саблю, хотел Добрыне голову снести, да призадумался: «Сонному голову срубить — все равно, что мертвому! То не честь будет богатырская, не хвала будет молодецкая!» Стал Дунай Добрыню будить, закричал Дунай зычным голосом: «Ты вставай, поднимайся, невежа, пьяница!» Пробудился Добрыня с великого похмелья. Говорит ему Дунай: «Ты зачем разорвал мой бархатный шатер, распинал бочку зелена вина, растоптал чарочку серебряную?» Добрыня ему в ответ: «А ты зачем пишешь надписи со угрозами?» Схватились молодцы врукопашную. Сутки дерутся, и другие, и третьи. По колена в землю утоптались, а ни один другого не одолеет.

Проезжал невдалеке Илья Муромец. Чует — земля потряхивается. Говорит Илья: «Борются где-то удалые добрые молодцы. Надобно поехать да посмотреть, если русский с русским — так разнять, если татарин с татарином — так прогнать, а если русский с татарином — так помочь».

Поворотил Илья Муромец коня и поскакал туда, где боролись Дунай с Добрыней.

Говорит им Илья Муромец: «Бог вам на помощь, удалы добры молодцы! Вы о чем деретесь, о чем боретесь? Или на широкой земле вам нынче стало тесно? Или под высоким небом вам стало низко?» Добрые молодцы Илью не слушают, пуще прежнего дерутся-борются.

Сошел тогда Илья со своего коня, схватил обоих в охапочку. Приутихли молодцы, рассказали Илье, отчего началась меж ними драка.

Говорит Илья: «Оба вы, молодцы, не правы! Не надо было тебе, Добрынюшка, пинать бочку зелена вина, топтать чарочку серебряную, рвать шатер черно-бархатный. А тебе, Дунаюшко, не надо было писать надписи с угрозою».

Тут Добрыня с Дунаем и помирилися.

III. Добрыня и Маринка

Образ «чародейницы», колдуньи Маринки, возможно, восходит к образу славянской богини смерти и злых чар Марены. Так что победа Добрыни над Маринкой означает не разрешение личного конфликта, а уничтожение воплощенного зла. В некоторых вариантах былины киевляне благодарят Добрыню зато, что он «очистил» город от Маринки.

В более поздние времена былинная Маринка стала ассоциироваться с исторической Мариной Мнишек, женой Лжедмитрия I, самозванца, занявшего в 1605 году русский престол. После того как он был убит, Марина Мнишек вышла замуж за Лжедмитрия II, выдававшего себя за спасшегося Лжедмитрия I. Второй самозванец также был убит, его войско разгромлено, а Марина Мнишек умерла в заточении. Но народная молва приписывала ей, «Маринке безбожнице», способность к колдовству и утверждала, что она бежала из заточения, обернувшись сорокой.

В былине о Добрыне и Маринке много поэтических описаний, близких к народным песням, колоритных бытовых подробностей. В.Г. Белинский назвал эту былину «одной из интереснейших поэм».

Гулял раз Добрыня по городу Киеву, завернул в малый переулочек, где жила злодейка Маринка Игнатьевна — чародейница, ненавистница.

Терем у Маринки хорош, высок, разными красками расписанный, скатным жемчугом изукрашенный. На окошке сидят два сизых голубя, смотрят вниз, над Добрыней насмехаются. Вскинул Добрыня свой тугой лук — запела шелковая тетива, просвистела каленая стрела, да оступился Добрыня на правую ногу, не попал в сизых голубей, а попал в косящатое окно. Проломила стрела стекольчатую окончину, улетела в Маринкин терем, разбила ее зеркало хрустальное.

Говорит Маринка: «Что за невежа ко мне на двор зашел? Что за невежа в окошко стрелял?» Вышла Маринка на высокое крыльцо, увидела Добрыню, стала ему грозить: «Изведу я тебя, как извела многих молодцев».

Отвечает Добрыня: «Не твой я кус, не тебе меня съесть. А и съешь, так подавишься!» Сказал — и пошел прочь с Маринкина двора.

Тут Маринке за беду стало, за великую обиду показалося. Брала она булатный нож, вынимала землю из Добрыниных следов. Принесла Маринка беремя дров, затопила печку муравленную, бросила в огонь Добрынины следы, сама стала приговаривать:

«Сколь жарко дрова разгораются
Со теми со следами молодецкими,
Разгорелось бы сердце молодецкое
У молода Добрыни Никитича.
Аи Божье-то крепко, а и вражье-то лепко!»

В тот же час взяла Добрыню тоска — пуще булатного ножа. Не ест Добрыня, не пьет, ночью ему не спится — еле дождался белого света.

Хотел Добрыня пойти в Божию церковь к заутрене, да свернул на Маринкин двор. Поднялся на высокое крыльцо, постучал в дубовую дверь.

А Маринка из-за двери отвечает: «Уходи прочь, деревенщина! У меня нынче гость дорогой — мил-сердечный друг Змей Горынище!» Тут Добрыня рассердился, ухватил бревно в обхват толщины, вышиб двери дубовые, вошел в Маринкин терем. Налетел на Добрыню Змей Горынище. Хочет его огнем спалить, хочет хвостом зашибить, да Добрыня не испугался. Поднял острую саблю выше буйной головы, закричал зычным голосом: «Я тебя, Змеище, в куски изрублю да по чистому полю размечу!» Змей хвост поджал да и прочь побежал. Бежит-бежит, а сам думу думает: «Не стану я больше к Маринке ходить! Вон какой у нее друг — посильнее меня».

Маринка высунулась по пояс в окошко, кричит Змею: «Воротись, мил-сердечный друг! Не бойся Добрыни — оберну я его гнедым туром, будет он далече отсюда в поле пастись».

Стала она ворожить — обернула Добрыню гнедым туром. Рога у него золотые, копыта — чистого серебра, шерсть — рытого бархата. Пустила Маринка Добрыню в чистое поле. Паслось там девять туров, Добрыня — десятый.

И не стало в Киеве богатыря, храброго Добрыни Никитича. Горевала по нем его матушка, честна вдова Амелфа Тимофеевна, да не знала, куда он подевался.

Раз пошла она на беседу. Собрались там княгини да боярыни, красные девушки да молодые молодушки. Вдруг, откуда ни возьмись, пришла на беседу Маринка — ненавистница. Сильно Маринка упивалася, голова на плечах не держалася. Стала Маринка похваляться: «Гой еси вы, княгини, боярыни! Нет меня хитрее да мудрее во всем Киеве. Обернула я гнедыми турами девять молодцев, а десятого — Добрыню Никитича».

Вставала тут Амелфа Тимофеевна с дубовой скамьи, наливала чарочку зелена вина, выплеснула Маринке в бесстыжие очи. Ударила Маринку по белой щеке, сбила ее с резвых ног, стала таскать по полу кирпищатому. Таскает, а сама приговаривает: «Не хвастай, Маринка-ненавистница! Я хитрей, мудрей тебя, да не хвастаю! Хочешь, оберну тебя сукой долгохвостою? Будешь ты, Маринка, по городу ходить, будешь ты, Маринка, за собой кобелей водить!» Испугалась Маринка, стала просить Добрынину матушку: «Отпусти меня, Амелфа Тимофеевна! Сделаю

я Добныню по-прежнему». Отпустила ее Амелфа Тимофеевна.

Обернулась Маринка ласточкой-касаточкой, полетела в чистое поле, где гуляли девять туров — десятый Добрыня. Села Маринка Добрыне на правый рог и спрашивает: «Не прискучило ли тебе, Добрынюшка, в поле гулять? Не хочешь ли, Добрынюшка, жениться, меня, Маринку, взять за себя?» Отвечает Добрыня: «Коли возьму я тебя, Маринка, замуж, так отплачу за все твои злодейства!» Маринка тем словам не поверила, обернула Добрыню добрым молодцем по-прежнему.

Воротилися они в Киев, столы столовали да пиры пировали, а как пришло время спать ложиться, взял Добрыня острую саблю — и снес Маринке буйную голову.

Развел Добрыня палящий огонь и сжег Маринкино белое тело. В каждом суставчике у Маринки было по змеенышу, по ядовитому гаденышу.

Киевляне Добрыню благодарили — избавил он Киев от злой чародеицы-ненавистницы.

IV. Женитьба Добрыни

Женой Добрыни становится богатырша Настасья Микулишна. Образ девы-воительницы, состязающейся в воинской доблести со своим будущим мужем, встречается в сказаниях многих народов мира.

Ехал раз Добрыня по прямоезжей дороге, увидал недавний след от копыт. Думает Добрыня: «Не на простом коне здесь проехано, а на богатырском. Надобно догнать того богатыря».

Стал Добрыня своего коня пошевеливать, шелковой плеточкой постегивать, пустил коня вскачь — догнал незнакомого богатыря. Едет богатырь, не торопится, назад не оглядывается, будто и не слышит, что Добрыня за ним скачет.

Закричал Добрыня: «Постой, добрый молодец! Скажи, из какой ты земли, из какой орды, как зовут тебя по имени, по отчеству?» Отвечает незнакомый богатырь: «Скажу тебе, кто я таков, только давай прежде булатом переведаемся!» Разгорелосьу Добрыни сердце богатырское, размахнулся он булатной палицей, да рука у него вдруг в плече застоялася — не опускается палица булатная. Тут Добрыня призадумался: «Смелости-то у Добрынюшки по-прежнему, да, знать, силушки поубавилось!» Отъехал Добрыня скорешенько в сторону, стоял там стародревний дуб толщиной в три обхвата. Ударил Добрыня по дубу палицей — разлетелся дуб на мелкие щепки. Видит Добрыня — силушки у него по-прежнему, думает: «Знать смелости поубавилось!» Поскакал он снова за богатырем, замахнулся палицей, а палица опять не опускается. Бросил тогда Добрыня палицу на землю, сошел с коня, говорит богатырю: «Не могу я с тобой биться-сражаться, скажи мне без бою, как тебя звать-величать».

Отвечает богатырь: «Будь по-твоему. Зовут меня Настасья, дочь Микулишна».

Как услышал это Добрыня, так приужахнулся: «Кабы рука у меня не застоялася, убил бы я Настасьюшку Микулишну!» Говорит Добрыня Настасье: «Ай же ты, молодая Настасья Микулишна! Поди-ка ты, Настасьюшка, заменя замуж».

Отвечает Настасья Микулишна: «Ай же ты, молодой Добрыня, сын Никитьевич! Бывала я в городе Киева, много о тебе слыхала. Пойду за тебя

в замужество».

Сели они вдвоем на Добрынина коня, поехали ко городу Киеву, к старой Добрыниной матушке.

Былина о женитьбе Добрыни известна в двух основных вариантах. В одном — некая сверхъестественная сила удерживает Добрыню от боя с Настасьей Микулишной, которую он сначала принимает за богатыря-мужчину, в другом — он вступает с ней в поединок и терпит позорное поражение. Настасья «ухватила Добрыню за желты кудри, сдернула Добрынюшку со седла долой», а потом поставила ему условие: «Возьмешь ли, Добрыня, во замужество, отпущу тебя, Добрынюшка, во живности». И Добрыня женится.

Жена Добрыни является героиней еще одной былины, которую обычно называют «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича». В этой былине князь Владимир отправляет Добрыню «в орду» со сложным дипломатическим поручением, Настасья верно ждет Добрыню двенадцать лет, но затем приходит ложная весть о гибели Добрыни, и князь Владимир принуждает Настасью выйти замуж за Алешу Поповича. Узнавший об этом Добрыня является на свадьбу, переодетый скоморохом. И все же Настасья Микулишна узнала мужа.

Говорит она да таковы слова:
«Не тот мне муж, кто возле сидит,
А тот мне муж, кто против стоит!»
Не обходит она кругом дубова стола,
А скачет она прямо через дубовый стол.
Пала во ноженьки во резвые,
Целовала во уста его сахарные:
«Аи же ты, моя законная семеюшка,
Молодой Добрыня, сын Никитинец!»

81. АЛЕША ПОПОВИЧ

Алеша Попович — младший из трех богатырей, основных героев русского эпоса.

Имя Алеша в Древней Руси было уменьшительным от Александра. В летописях упоминается несколько Александров Поповичей, живших в разное время. Один из них сражался с половцами и в 1100 году «множество Половец изби, а иных в поле прогна»; другой был дружинником ростовского князя Константина Всеволодовича и в 1216 году участвовал в Липицкой битве против владимирского князя Юрия; третий — погиб в битве с татарами при Калке в 1223 году: «и Александр Попович ту же убиен бысть с инеми семьюдесятью храбрых».

Вопрос о том, послужил ли какой-нибудь из этих героев прообразом Алеши Поповича, или же произошел обратный процесс, и летописцы, составлявшие летописи через несколько веков после описываемых в них событий, наделили реальных персонажей именем былинного богатыря, — остается открытым.

В былинах говорится, что Алеша родился в Ростове Великом и был сыном «ростовского попа», которого называют иногда Левонтием, а иногда Федором. Некоторые исследователи считают, что здесь отразилась память

о двух ростовских святителях. Леонтий жил в X (по другим сведениям — в XI) веке и был первым проповедником христианства в Ростовских землях. Федор был первым Ростовским архиепископом. (Кстати сказать, он приходился племянником Сергею Радонежскому, будучи сыном его старшего брата Стефана.) В разных былинах образ Алеши Поповича поворачивается разными гранями. В более древних он, прежде всего, воин, отважный, хотя и несколько безрассудный — «напуском смелый». Позже Алеша нередко предстает легкомысленным хвастуном и «бабьим прелестником».

I. Алеша Попович и Тугарин

Центральная былина из цикла об Алеше Поповиче рассказывает о его победе над Тугарином Змеевичем.

В своей основе эта былина одна из самых древних. В ней Алеша Попович еще не находится на службе у князя Владимира, а является независимым странствующим воином, разъезжающим по свету со своим товарищем-оруженосцем в поисках подвигов и приключений.

В образе Тугарина слились воедино два персонажа: более древний, мифический — крылатый змей, и более поздний, исторический — половецкий хан Тугор-кан, убитый в Киеве в 1096 году.

О змеиной природе Тугарина говорит его отчество — Змеевич, а также способность летать по воздуху. Но в былине крылья не являются его неотъемлемой принадлежностью: он их «надевает», причем почти во всех вариантах былины указывается, что крылья — «бумажные».

Исторически достоверно упоминание о том, что слуги несут Тугарина «на золотой доске» — такой способ передвижения был характерен для степных владык.

Прообразом неверной жены князя Владимира, княгини Апраксии, академик Б.А. Рыбаков считает Евпраксию Всеволодовну, сестру Владимира Мономаха. Евпраксия была выдана замуж за саксонского графа Штадена, вскоре овдовела и стала женой императора Священной Римской империи Генриха IV. Современники называли Евпраксию «бесстыдной, развратной женщиной». Впоследствии она бежала от мужа, обвинив его во многих злодеяниях, и вернулась в Киев. Народная молва могла приписать ей связь с Тугор-каном, хотя в действительности он был убит за год до ее возвращения в Киев.

Ехали из чиста поля два добрых молодца — Алеша Попович и его верный друг Тороп Иванович. Наехали на бел-горюч камень. Лежит тот камень промеж трех дорог, а на камне надпись написана: «Первая дорога — ко граду Мурому, вторая — ко граду Чернигову, третья — ко граду Киеву, ко ласковому князю Владимиру».

Призадумались молодцы — какую выбрать дорогу?

Говорит Алеша: «Хорош город Муром, да много там хмельного питья, а Мы с тобой, Торопушка, упьянчивы. Зальемся да загуляемся — пойдет о нас слава недобрая. Хорош и Чернигов-град, молодушки там приветливы, красные девушки заманчивы — да не пристало нам, добрым молодцам, на пуховых перина залеживаться. Поедем ка лучше в Киев-град — князю Владимиру на оборону, нам, молодцам, на выхвальбу».

Вот подъезжают молодцы ко Киеву. Навстречу им — калика перехожая. Говорит калика: «Гой вы еси, удалы добры молодцы! Не тихо в

Киеве нынче и не гладко: понаехал злой Тугарин Змеевич. В вышину Тугарин три сажени, в плечах — косая сажень, промеж глаз — калена стрела. Конь под ним, будто лютый зверь — из пасти огонь пышет, из ушей дым валит. Бегут впереди Тугарина два серых волка, позади летят два черных ворона. Едет Тугарин, похваляется: «Уж я город Киев в полон захвачу. Божьи церкви на дым пущу, князю Владимиру голову срублю, княгиню Апраксию себе возьму. Пойдет за меня княгиня не неволей, а охотой». Приехали Алеша с Торопом на княжий двор, поднялись в светлую гриднину. Крест они кладут по-ученому, поклон отдают по-писанному, бьют челом на все четыре стороны, князю с княгиней на особицу.

Спрашивает их Владимир стольнокиевский: «Как вас, молодцев, по имени зовут? Из какой вы земли, из какого города? Какого отца, какой матушки?» Отвечает князю Алеша: «Я — Алеша, сын ростовского попа Левонтия, а это — Тороп Иванович, мой верный друг».

Князь Владимир обрадовался. «Давно, — говорит я о тебе, Алеша. слыхал, а теперь своими глазами увидал. Садись, Алеша, на почетное место: хочешь — рядом со мной, хочешь — против меня».

Не стал Алеша садиться на почетное место, сели они с Торопом Ивановичам в дальнем углу, у печки.

Меж тем солнышко пошло на вечер, собралась у князя беседушка. Княгиня Апраксия по горнице похаживает, крутыми бедрами поворачивает, широкими рукавами помахивает, в косящатое окошко поглядывает — поджидает друга милого, злого Тугарина Змеевича.

И вот зашатались княжие палаты — да не от ветра всколыхнулись, да не от вихря: едет Тугарин Змеевич. Сходит Тугарин со своего коня — лютого зверя, ни к чему коня не привязывает, никому его держать не приказывает.

Вносят Тугарина в горницу двенадцать слуг. Несут его на золотой доске. Тугарин Богу не молится, князю и боярам не кланяется, кланяется лишь княгине Апраксии, берет ее за белые руки, целует в сахарные уста.

Сел Тугарин за дубовый стол, по правую руку посадил княгиню, по левую руку Владимир-князь сидит.

Подали на стол белую лебедь. Тугарин поддел ее на свой булатный нож, да закинул себе в глотку. Со щеки на щеку переметывает, лебяжьи косточки под стол выплевывает.

Говорит тут Алеша Попович из дальнего угла: «Гой еси ты, ласковый Владимир-князь! Что к тебе за болван пришел? Что за дурак неотесанный? Как хозяин, за твоим столом сидит — над тобой, князем, насмехается!» Тугарину такая речь не полюбилася. Метнул он в Алешу булатный нож, да Тороп Иванович, ухватчив был, подхватил булатный нож налету.

Спрашивает Тороп Иванович Алешу: «Сам ножик обратно метнешь или мне велишь?» Отвечает Алеша: «И сам не метну, и тебе не велю. Не хочу кровавить княжью палату. Я с Тугарином лучше в поле переведаюсь». Говорит Алеша Тугарину: «Выходи, Тугарин, завтра в чистое поле, будем мы с тобой биться не на живот, а насмерть». Отвечает Тугарин: «Я хоть сейчас готов!» Подхватился Тугарин Змеевич, вылетел прочь из княжьей палаты. Княгиня Алеше попеняла: «Не дал посидеть другу милому».

Наутро стал Алеша готовиться к бою. Оседлал доброго коня, взял острую саблю, палицу тяжелую, копье долгомерное и поехал в чистое поле.

Вот сошлись Алеша с Тугарином. Алеша — как ясный месяц, Тугарин — как темная ночь.

Надел Тугарин свои бумажные крылья, взвился в поднебесье. Стал Алеша молиться Господу Богу: «Пошли, Господи, частый дождичек, подмочи крылья собаке-Тугарину!» Дошла Алешина молитва до Господа Бога. Послал Господь черную тучу, с частым дождем да с крупным градом. Подмокли Тугариновы крылья, опустился он из поднебесья на сыруюземлю.

Наскочил Тугарин на Алешу, хочет снести ему буйну голову. Да Алеша был верток — увернулся вместе с конем. Промахнулся Тугарин — ушел у него из рук булатный меч, вонзился в землю по самую рукоять. Тут Алеша ударил Тугарина своей палицей — покатилась Тугаринова голова на правую сторону, а тулово повалилось на левую.

Насадил Алеша голову Тугарина на копье и поехал в стольный Киев-град. Сам едет на Тугаринском коне, своего в поводу ведет.

Увидала княгиня Апраксия Алешу в окошко, да издали приняла его за Тугарина. Говорит княгиня Владимиру: «Погляди, князь. Тугарин Алешина коня в поводу ведет, Алешину голову на копье несет».

Опечалился Владимир стольнокиевский. Да случился тут княжий слуга. Молод он был и зорок — узнал Алешу. Говорит княжий слуга княгине: «Ты не ври, княгиня, не обманывай! Едет Алеша на Тугариновом коне, Тугаринову голову на копье несет».

Вот въехал Алеша на княжий двор, бросил посреди двора голову Тугарина, сам поднялся в палату белокаменную.

Говорит Алеша князю Владимиру: «Привезя тебе, князь, подарочек-голову Тугарина Змеевича. Сгодится она вместо котла: хочешь пиво вари, хочешь — рубахи стирай» Тут Алеше славу поют.

А княгине князь Владимир сказал: «Суди тебя Бог, княгиня! Кабы я не любил тебя, так срубил бы тебе буйну голову!»

II. Алеша и татары

Выезжал раз Алеша к синему морю, думал пострелять серых гусей да белых лебедей — могучие плечи прирасправити, молодецкое сердце поутешити. Да не случилось в тот день на синем море ни гуся, ни лебедя, ни малой птицы-утицы.

Вернулся Алеша в широкую степь. Посреди степи стоит высокий дуб, а на дубу сидит ворон — птица вещая.

Снял Алеша с плеча тугой лук, вынул из колчана калену стрелу, положил на шелковую тетиву — хочет подстрелить черного ворона.

Говорит тут ворон, птица вещая: «Ты гой еси, Алеша Попович млад! Не стреляй меня, черного ворона. Моей крови тебе не пить, моего мяса тебе не есть, на мне тебе плечи не расправите, молодецкого сердца не утешити А покажу я тебе добычу богатырскую. Поезжай на высокую гору, посмотри на широкое раздолье, увидишь бел- горюч камень. У того бела-горючего камня сидят под ракитовым кустом три татарина. Полонили они красную девицу, захватили русскую полоняночку, хотят ее в орду увезти, выдать замуж за татарина!» Ухватился Алеша за те слова, не стал стрелять черного ворона, повесил лук обратно на плечо, вложил стрелу обратно в колчан, поехал вызволять девицу- полоняночку.

Наехал Алеша на бел-горюч камень. Сидят под ракитовым кустом три татарина, а перед ними ходит красная девица, красная девица — русская полоняночка.

Плачет девица, причитает: «Ох, горькая моя красота! Злосчастная моя русая коса! Заплетала мне косу родная матушка, расплетать будут татары некрещеные!» Татары девицу утешают: «Не плачь, красавица, не порть своего белого лица! Не продадим мы тебя, девицу, задешево, отвезем тебя, девицу, в Золотую Орду, отдадим замуж за татарина, хорошего и дородного, которому мы все покоряемся».

Как ясный сокол на стаю гусей, налетел Алеша Попович на татар. Одного — конем стоптал, второму голову срубил, третьего — копьем сколол. Освободил Алеша красную девицу.

Соскочил Алеша со своего коня, поклонился ему низко. «Спасибо, — говорит — тебе, верный конь! Добыл я себе красную девицу, обручницу-подвенечницу, отвезу ее в стольный Киев-град и там мы с нею обвенчаемся».

Вот едут они в Киев-град. По пути спрашивает Алеша девушку. «А какого ты, красавица, роду-племени, какого отца, какой матушки?» Отвечает девица: «Я не княжеского роду, не боярского, не купецкого, не крестьянского Сильный богатырь Я — дочь своего батюшки, ростовского попа Алешка Попович Левонтия.»

Остановил тут Алеша коня, соскочил на землю, пал коню в ноги. «Спасибо, — говорит, — тебе, верный конь! Думал я, что добыл себе красную девицу, обручницу-подвенечницу, а спас сестрицу родимую!» Своротил Алеша с киевской дороги и повез сестрицу в Ростов, к батюшке и матушке. Мотив встречи брата с неузнанной им сестрой известен в фольклоре разных народов и, в отличие от былины об Алеше Поповиче, обычно имеет трагическое завершение: брат женится на сестре, но затем, узнав, что совершил кровосмешение, убивает ее и себя.

Действие былины относится ко времени татаро-монгольского ига. Во многих вариантах этой былины ее героем является не Алеша Попович, а другой богатырь — Михайло Казарин. В этом можно видеть отголосок исторического события: в 1106 году воевода Казарин освободил русских пленных, уведенных половцами.

III. Алеша и братья Збродовичи

Эта былина носит не героический, а семейно-бытовой характер. Однако корнями она уходит в глубочайшую древность, в те времена, когда браки могли заключаться лишь внутри одного «рода-племени». Термином «братья» и «сестры» тогда обозначались не только кровные родственники, но и все молодые мужчины и девушки брачного возраста, принадлежавшие к одному племени.

«Братья» строго следили затем, чтобы «сестры» не покидали своего племени. У многих народов известны сказания о девушке, полюбившей чужака, причем заканчиваются они, как правило, трагически: «братья» убивают девушку, а иногда и ее возлюбленного.

В былине об Алеше и братьях Збродовичах этот древний сюжет приобретает черты, свойственные более позднему времени. Братья Збродовичи — родные братья девушки, ревностно оберегающие нравственность сестры.

Значение прозвища «Збродовичи» не выяснено. В некоторых вариантах былины они названы Петровичами или Бородовичами.

Многие исследователи видят в этой былине снижение образа Алеши и отмечают неблаговидность его поведения по отношению к сестре Збродовичей. Однако известный ученый-фольклорист В.Я. Пропп категорически не согласен с такой точкой зрения: он считает, что Алеша с самого начала ставит своей целью освободить девушку от власти братьев-деспотов.

Пропп пишет: «Алеша, совершающий воинские подвиги, и Алеша, добывающий себе невесту-жену, вырывающий ее из пасти не мифологического чудовища, а из пасти не менее страшных человеческих чудовищ, есть один и тот же Алеша — герой русского эпоса».

Жили в Киеве братья Збродовичи. Как-то раз на пиру братья прирасхвастались: «Есть у нас сестрица единая, молодая Олена Збродовишна. Ясные очи у нее, — как у сокола, черные брови — как у соболя, личико — словно белый снег. Сидит она в высоком тереме, заперта девятью замками железными. Буйные ветры ее не обвеют, частые дожди не замочат, добрые молодцы не увидят».

Случился на том пиру Алеша Попович. Встает он с дубовой лавки, говорит братьям Збродовичам: «Напрасно вы, братья, похваляетесь. Не раз видел я Олену Збродовишну, не раз у нее в тереме гащивал».

Показалась братьям та речь за великую досаду. Не поверили они Алеше, разгневались.

Алеша говорит: «Коли на слово мне не верите, так убедитесь сами. Подойдите нынче вечером к сестрину терему, бросьте ей в окошко ком белого снегу и посмотрите, что она будет делать».

Послушались братья Збродовичи. Как стемнело, закатали они ком снега белого, кинули Олене в окошко. Выбежала Олена на высокое крыльцо, сама — в одной рубашке, без пояса, в одних чулочках, без чоботов.

Говорит Олена: «Здравствуй, мил-друг Алешенька! Давно уж тебя поджидаю. Без тебя кушанья призачерствели, питьица медовые застоялися».

Стали братья сестру корить: «Укора ты наша молодецкая! Просмеха ты наша вековечная!» Взял старший брат саблю острую, хотел срубить Олене буйну голову.

Стала Олена братьев просить: «Братья мои любезные! Дайте мне сроку хоть до бела света — смыть с лица белые белильцы, стереть со щек алые румянцы да сходить в церковь Богу помолиться».

Дали братья Олене сроку на малый час.

Вот стоит Олена в Божьей церкви, стоит, Богу молится, горючими слезами умывается.

Вдруг, откуда ни возьмись — Алеша. «Не плачь, — говорит, — Оленушка. Просись у братьев в чистое поле, чтобы там срубили тебе буйную голову».

Воротилась Олена домой, просит братьев: «Братья мои любезные! Исполните мою последнюю просьбу — отвезите меня в чистое поле и там срубите мне буйную голову».

Посадили братья Олену на коня, отвезли в чистое поле. А там их уж поджидал Алеша Попович. Налетел Алеша на братьев Збродовичей, закричал зычным голосом: «Ой вы, братья Збродовичи! Не дам вам сгубить Олену Збродовишну!» Подхватил Олену — и умчал на своем коне в стольный Киев-град. Там они в Божьей церкви повенчалися, золотыми перстнями поменялися.

82. САДКО

Эта былина относится к новгородскому циклу былин. Возникновение новгородских былин исследователи датируют XII веком, времени упадка Киевской Руси и расцвета Новгорода. Новгород был крупнейшим торговым городом, его непосредственно не затронуло татаро-монгольское нашествие. Д.С. Лихачев писал: «Расцвет Киева был в прошлом — и к прошлому Киева прикрепляются эпические сказания о военных подвигах Расцвет же Новгорода был для XII века живой современностью, а темы современности были прежде всего социально-бытовые».

Герой новгородской былины Садко — не воин-богатырь, а купец.

Былина состоит из трех частей, которые встречаются и в качестве самостоятельных былин.

В наиболее древней части былины рассказывается о пребывании Садко в подводном царстве. Этот сюжет восходит к мифам о путешествии героя в «иной мир». Такие мифы встречаются у всех народов. Мифологичен образ морского царя и морских «девиц- красавиц», мифологичен запрет «блуд блудить» в синем море (в шумеро-аккадском мифе подобный запрет получает бог Нергал, спускавшийся в подземное царство).

В мифах многих народов встречается и образ певца-музыканта, завораживающего своей игрой все живое и неживое — таков греческий Орфей, карело-финский Вяйнямейнен.

Позже в былину был включен рассказ о том, как Садко разбогател при помощи золотых рыб, подаренных ему морским царем, услыхавшим его игру на берегу Ильмень- озера. Некоторые сказители в этой части былины говорят не «морской», а «водяной» царь. Это позволяет предположить, что речь идет о двух разных персонажах. Известно, что в русском фольклоре существует представление о трехступенчатой иерархии духов воды: водяные, обитающие в небольших ручьях, реках и озерах, водяные — хозяева более крупных водоемов, и морской царь — владыка мирового океана.

Самой поздней частью былины является колоритный рассказ о том, как Садко пытался «повыкупить все товары новгородские».

Некоторые исследователи считают, что у былинного Садко был реальный прототип — богатый новгородец Садко Сытинич, упомянутый в летописи в связи с тем, что он в 1167 году построил в Новгороде каменную церковь во имя Бориса и Глеба.

Жил Садко в славном городе Новгороде. Не было у Садко золотой казны, были только гусельки яровчатые. Ходил-играл Садко по честным пирам, веселил новгородский люд.

Да случилось как-то раз — не позвали Садко на пир. От такой обиды пошел Садко на берег Ильмень-озера, сел на бел-горюч камень и стал сам для себя играть во гусельки яровчатые.

Вдруг Ильмень-озеро всколыхнулося, от желтого песка замутилося, заходили по нему волны высокие — поднялся из воды царь водяной.

Говорит водяной царь Садко: «Аи же ты, Садко новгородский! Распотешил ты меня в Ильмень-озере, разуважил! Чем же мне тебя за игру твою пожаловать? Пожалую-ка я тебя тремя рыбинами, да не простыми, а с золотыми перьями. Ступай сейчас в Новгород, побейся об заклад с купцами новгородскими, что выловишь таких рыб из озера. Клади в заклад свою буйную голову, а купцы пусть положат по лавке красного товару».

Воротился Садко в Новгород, говорит новгородским купцам: «Аи же вы, купцы новгородские! Знаю я в Ильмень-озере чудо чудное: ходят там три рыбины — золотые перья. И я тех рыб выловлю».

Купцы Садко не поверили, тогда побился он с ними о велик заклад — заложил свою буйну голову против лавок красного товару.

Связал Садко шелковый невод, пошел вместе с купцами к Ильмень-озеру. Закинул Садко невод в воду — добыл рыбину — золото перо. Закинул невод в другой раз — добыл вторую, закинул в третий — добыл третью.

Подивились купцы такому чуду, отдали Садко по лавке красноготовару.

Стал Садко торговать, получать барыши великие. Построил он себе белокаменные палаты. На небе солнце — и в палатах солнце, на небе месяц — и в палатах месяц, на небе звезды — и в палатах звезды. Садко по палатам похаживает, белыми перстами пощелкивает, золотыми перстнями побрякивает, желтыми кудрями потряхивает.

Созвал как-то раз Садко новгородцев на почестей пир. Наедалися гости досыта, напивалися допьяна, стали друг перед другом похваляться. Один хвалится золотой казной, другой — удалью молодецкой, третий — добрым конем.

Тут и Садко прирасхвастался: «Нету счета моей золотой казне. Хотите — повыкуплю на торгу все товары новгородские, не оставлю ни на малую денежку? А если всех товаров не выкуплю, заплачу вам денег тридцать тысячей!» Вставал Садко поутру ранешенько, давал своим слугам без счету золотой казны, посылал их на новгородский торг, велел покупать все товары — и худые, и добрые. К вечеру выкупили садковы слуги все дочиста.

А назавтра пришел Садко на торг, смотрит — вдвойне там товаров против прежнего, ко великой ко славе новгородской.

Снова стал Садко выкупать товары, снова повыкупил все дочиста. А на дру-гойдень видит-втройне товаров принавезено, подоспели товары московские.

Тут Садко призадумался: «Выкуплю товары московские, подоспеют товары заморские. Не выкупить мне товаров со всего белого света. Хоть и богат Садко-купец, да побогаче его славный Новгород».

И пришлось Садко, как обещал, заплатить новгородцам тридцать тысячей.

Поубавилось у него золотой казны. Решил Садко ехать торговать в края заморские. Снарядил тридцать кораблей, погрузил на них товары, что повыкупил на новгородском торгу, набрал дружину корабельщиков.

Вот убрали сходенки дубовые, вынимали якоря булатные, поднимали паруса полотняные — и пошли садковы корабли по реке Волхову, из Волхова — в Ладожское озеро, из озера — в Неву-реку, а из Невы — в синее море.

Продал Садко за морем новгородские товары, получил великие барыши. Насыпал он бочки красного золота, чистого серебра и скатного жемчуга, поехал назад в Новгород.

Вот плывут садковы корабли по синему морю. Вдруг встали корабли, словно на якоре, и с места нейдут. А кругом расходилась непогода — бьет корабли волной, рвет ветром паруса.

Велел Садко корабельщикам щупать в море щупами железными: нет ли под кораблем каких камней или песчаной отмели. Ничего щупами не нащупали. Послал Садко в воду водолащиков. Вернулись водолащики, говорят: «Нет под кораблями ни камней, ни песчаной отмели».

Говорит тогда Садко: «Видно, требует от нас дани морской царь. Долго мы по морю ходили, а дани ему не плачивали».

Приказал Садко прикатить по бочке красного золота, чистого серебра и скатного жемчуга — и бросить в море.

Корабельщики все исполнили, а непогода все равно не унимается, садковы корабли по-прежнему с места нейдут.

Запечалился тут Садко и говорит: «Не хочет морской царь ни злата, ни серебра, ни жемчуга, в хочет в сине море чьей-то живой головы».

Стали корабельщики с Садко жребий бросать — кому идти к морскому царю. Вырезали жеребья из дуба, написали на них свои имена и побросали в море.

У корабельщиков жеребья гоголем плывут, а у Садко — ключом надно.

Делать нечего, попрощался Садко со всей дружиной, попрощался с белым светом, попрощался со славным Новгородом.

Говорит он дружине: «Возьму я с собой в синее море гусельки яровчатые — не так страшно будет мне в синем море смерть принять».

Спустили корабельщики на воду дощечку дубовую. Взял Садко гусли, помолился Николаю Угоднику-защитнику плавающих по морю, и спрыгнул в море на дощечку.

Тут же унялась непогода, сошли с места корабли и поплыли домой, в Новгород.

А Садко остался посреди синего моря. Налетела высокая волна — разлучила его с белым светом. Опустился Садко на морское дно — чуть виднеется сквозь воду красное солнышко.

Пошел Садко в палаты белокаменные к морскому царю.

Сидит царь морской, рядом с ним — царица Водяница, а кругом — бояре да слуги.

Говорит морской царь: «Долго ты, Садко, по морю хаживал, а мне, царю морскому, дани не плачивал! А теперь сам пришел ко мне в подарочек. Отныне будешь играть мне на гусельках яровчатых».

Брал Садко гусельки яровчатые, струночку ко струночке налаживал. Начал Садко играть, а морской царь — плясать. Пляшет морской царь, машет шубой по стенам палаты белокаменной. Царица Водяница с красными девушками хоровод водит, а слуги да бояре вприсядку пошли.

От той пляски море всколебалося, заходили по нему волны великие, стали тонуть в море большие корабли, еще больше потонуло мелких судов.

А Садко про то не ведает — играет да играет.

Вдруг кто-то тронул Садко за правое плечо. Обернулся Садко — стоит за его спиной седой старичок, не простой старичок, а сам Николай Угодник.

Говорит Николай Угодник: «Аи же ты, Садко новгородский! Полно играть в гусельки яровчатые, полно потешать царя морского. От его пляски гибнут в море души неповинные!» Тут Садко оборвал шелковые струны, сломал яровчатые гусли.

Перестал плясать морской царь, успокоилось синее море, перестали тонуть корабли.

Спрашивает морской царь: «Что ж ты не играешь, Садко новгородский?» А Садко отвечает: «Не во что мне больше играть — поломались гусельки яровчатые».

Стал Садко просить морского царя отпустить его обратно вНовгород.

Говорит морской царь: «Оставайся, Садко, навсегда в синем море. Дам я тебе в жены девицу-красавицу. Завтра поутру выберешь себе ту, что посердцу придется».

Лег Садко спать в синем море. Во сне явился ему Николай Угодник и говорит: «Завтра морской царь выведет перед тобой стадо девиц. Ты первые триста девиц пропусти, и вторые триста пропусти, и третьи триста пропусти. А позади всех будет идти девушка-Чернавушка — ее и бери в жены. Да смотри — не твори с молодой женой блуда в синем море, иначе не бывать тебе больше в Новгороде, а останешься ты в синем моренавеки».

Послушался Садко Николая Угодника. Выбрал в жены девушку-Чернавушку. Лег Садко спать с молодой женой, да подальше от нее отодвинулся, руки к сердцу прижал.

Заснул Садко в синем море, проснулся — в Новгороде. Лежит он на крутом кряжу, а рядом речка Чернава течет.

Видит Садко — бегут по Волхову его корабли. Поминает дружина Садко: «Остался Садко в синем море, не бывать ему больше в Новгороде!» Глядь, а Садко встречает их на берегу!

Повыгрузила дружина с Садковых кораблей золотую казну. Построил Садко в Новгороде церковь Николаю Угоднику.

83. СТАВР ГОДИНОВИЧ

В стольном городе Киеве на пиру у князя Владимира расхвастался молодой боярин- новгородец Ставр Годинович: «У меня-де, Ставра-боярина, широкий двор не хуже города Киева. Раскинулся двор на семь верст, палаты у меня из белого дуба, крыша крыта седыми бобрами, потолок-из черных соболей, пол — чистого серебра, засовы у дверей позолочены!» Разгневался князь Владимир на похвальбу Ставра Годиновича, приказал заковать Ставра во тяжкие оковы, посадить его в глубокий погреб.

А была у Ставра молодая жена Василиса Микулишна. Дошла до нее в Новгород нерадостная весть, что сидит Ставр-боярин в глубоком погребе. Погоревала Василиса, а потом решила ехать в Киев вызволять Ставра Годиновича.

Обрезала она свои длинные косы, нарядилась в мужское платье, обула сапожки зеленого сафьяна, назвалась Василием Микуличем, села на коня и поехала в Киев.

По пути встретила Василиса княжьих гонцов. Послал их князь в Новгород запечатать двор Ставра, а жену его в Киев привезти.

Спрашивают княжьи гонцы Василису: «Ай же ты, удалой добрый молодец! Куда ты едешь, куда тебя Бог несет?» Отвечает Василиса: «Еду я из дальней земли, из Золотой Орды, от грозного царя Етмануйла Етмайнуловича, еду ко городу ко Киеву, ко великому князю Владимиру, брать с него дани-невыплаты, ни много ни мало — за двенадцать лет».

Поверили княжьи гонцы Василисе, повернули коней и поспешили в Киев — предупредить князя Владимира, что едет из Золотой Орды грозный посол Василий Микулич.

Испугался, заметался князь Владимир. Велел улицы в городе мести, сам вместе с княгинею вышел к воротам встречать грозного посла.

Вот прибыл посол. Проводили его в княжью палату, усаживали за дубовый стол, угощали яствами сахарными, подносили питьеца медвяные. Ест посол, пьет, на князя с княгиней грозно поглядывает.

Да княгиня была приметчива. Молвила она князю тихохонько: «Не бойся, князь, не печалуйся. Не грозный это посол, а женщина. Она по двору идет, будто уточка плывет, частенько ступает. На лавку садится — коленца жмет. Ручки у нее беленькие, пальчики тоненькие, а на пальчиках — следы от золотых перстней».

Не поверил ей князь, но все же засомневался.

Наелся посол, напился, встал из-за стола.

Предложил Владимир послу позабавиться — побороться на княжьем дворе с семью богатырями. Асам думает: «Если и впрямь не посол он это, а женщина, то не станет он бороться».

Но посол не попятился — вышел бороться с богатырями. Одному руку выдернул, другому ногу выломал, третьего хватил поперек хребта, да ударил оземь посреди двора.

Как увидел это князь Владимир, плюнул да и пошел прочь. Стал он бранить княгиню: «Глупая ты, княгиня, неразумная! У тебя волос долог, а ум короток. Этакого богатыря принять за женщину!» А княгиня знай свое твердит: «Не посол это, а женщина!» Решил князь испытать посла еще раз. Говорит ему: «А не хочешь ли ты пострелять из тугого лука?» Вышли на двор двенадцать княжьих стрелков, стали стрелять по сырому дубу. Один выстрелил — недострелил, другой выстрелил — перестрелял, третий выстрелил — не попал.

Выстрелил посол Василий Микулич — разлетелся сырой дуб на мелкие щепки. Говорит посол: «Не жаль мне сырого дуба, жаль своей стрелы. Улетела она далеко в чистое поле, так что и не найти».

Снова стал Владимир бранить княгиню. А она на своем стоит: «Не посол это, а женщина!» В последний раз решил князь испытать посла — усадил с собой в шахматы играть. Первую заступь посол проиграл, и вторую проиграл, а третью — выиграл.

Говорит посол: «Пора мне возвращаться в Золотую Орду к царю Етмануйлу Етма- нуйловичу. Отдавай мне, князь, дань за двенадцать лет, за каждый год по три тысячи».

Отвечает князь Владимир: «Нечем мне заплатить тебе дань, грозный посол. Бери меня самого головой вместе с княгинею!»

Стал посол собираться в дорогу.

Говорит он князю Владимиру: «Что-то мне нынче невесело. Нет ли у тебя искусного гусельщика, чтобы развеял мою грусть-тоску?» Вспомнил князь Владимир, что Ставр-боярин горазд в гусли играть, послал за ним в глубокий погреб, велел его расковать и привести в княжью палату.

Стал Ставр Годинович в гусли играть.

Развеселился посол, говорит Владимиру: «Ой ты гой еси, Владимир-князь! Не плати ты мне дани-подати, а отдай ты мне этого гуселыцика».

Обрадовался князь Владимир, отдал Ставра обеими руками.

Вот отъехали посол со Ставром от Киева. Посол говорит: «А помнишь, Ставр Годинович, как мы с тобой в свайку игрывали? У тебя была сваечка железная, у меня — колечко позолоченное?» Удивился Ставр, говорит: «Никогда я с тобой, посол, в свайку не игрывал!» Доехали они до белого шатра. Зашел посол в шатер, скинул платье посольское, надел платье женское.

Тут узнал Ставр свою жену, молодую Василису Микулишну.

Поехали они домой в Новгород, стали жить да быть, долго здравствовати.

Былина «Ставр Годинович» по своему сюжету близка к сказке. В фольклоре многих народов встречается сказка об умной жене, которая выдает себя за мужчину и спасает своего незадачливого мужа.

Былина о Ставре известна во множестве записей, но все они сводятся к двум основным вариантам, условно называемым «богатырским» и «новеллистическим».

В богатырском варианте жена Ставра выдает себя за грозного посла, побеждает семерых богатырей, лучше княжеских лучников стреляет из лука.

В новеллистическом варианте она не наделена богатырской силой, а приезжает к княжьему двору под видом жениха, сватающегося к дочери (или племяннице) князя Владимира. Из испытаний, которые устраивает ей князь, Василиса выходит победительницей не при помощи силы, а хитростью.

Некоторые исследователи считают, что эта былина имеет под собой историческую основу. В одной из летописей сообщается, что в 1118 году Владимир Мономах разгневался на новгородских бояр и на сотского Ставра — и заточил его. Б.А. Рыбаков пишет: «Здесь налицо совпадение четырех элементов: 1) имя летописного Ставра и былинного Ставра Годиновича; 2) летописный сотский соответствует былинному боярину-«управителю»; 3) оба Ставра прибыли в Киев из Новгорода; 4) оба боярина Ставра заточены в Киеве князем Владимиром в погреб».

В1960 году на стене Софийского собора в Киеве была обнаружена процарапанная надпись: «Господи помози рабу своему Ставрови недостойному рабу твоему», сделанную почерком XI–XII веков. Б.А. Рыбаков полагает, что это — автограф боярина, послужившего прообразом былинного Ставра, и отмечает, что Ставр «был вполне грамотен и обладал

красивым, выработанным почерком с налетом книжности».

Исторические предания

Исторические предания — особый вид устного народно-поэтического творчества.

По мнению исследователей, исторические предания относятся к одному из первоначальных видов словесного творчества. Наиболее древней формой исторических преданий были родо-племенные сказания о первопредках рода, о переселении племени, о его вождях и героях. Цель таких сказаний — закрепить и сохранить для потомков память о наиболее важных событиях в жизни рода и племени.

С возникновением письменности исторические предания о давних временах стали включаться в летописи. Пересказывая эти предания, летописцы обычно отмечают их изустный, легендарный характер.

В исторических преданиях история представлена с точки зрения народа, в них запечатлелась не только народная память о конкретных исторических событиях, но и отношение к ним, отразились народные идеалы.

Наряду с реальной основой в исторических преданиях почти всегда присутствует доля вымысла, но, по словам В.К. Соколовой, автора монографии «Русские исторические предания», «вымысел, точнее домысел (…) не противоречит исторической правде, а способствует обобщению действительности, выявлению в ней наиболее существенного, «типического».

84. ОСНОВАНИЕ КИЕВА

Археологические раскопки, проводившиеся на территории Киева в XIX–XX веках, показали, что уже во II веке нашей эры там существовали три поселения, впоследствии слившиеся воедино.

В летописях, составленных в XII веке, приводится рассказ о легендарных основателях Киева. Рассказ этот очень краток: «И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек, и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозывается по нему Хоревицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев».

Младшие братья и сестра, по мнению большинства исследователей, являются чисто легендарными персонажами, вымышленными для того, чтобы объяснить названия холмов Щековица и Хоревица и реки Лыбедь. Старший же брат, Кий, вероятно, является личностью исторической.

Академик Б.А. Рыбаков пишет: «Ярко выраженная притяжательная форма названия города Киева («город Кия», «Киев город») заставляет допустить существование человека по имени Кий, владевшего этим городом или построившим его».

Рассказ об основании Киева повторяется почти без изменений в двух летописях — Киевской, известной под названием «Повесть временных лет», и Новгородской. Разница лишь в датировке. Киевский летописец Нестор относит время основания города к VII веку, а новгородский — к IX веку.

Киев и Новгород издавна соперничали между собой. Поэтому новгородский летописец указывает более позднюю дату, не желая

признавать, что Киев древнее Новгорода. Кроме того, он не признает Кия князем, а, ссылаясь на народную молву, называет его лодочником, державшим перевоз через Днепр.

Нестор вступает в полемику с новгородским летописцем и в свою летопись включает дополнительное разъяснение: «Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком: был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, оттого и говорили: «На перевоз на Киев». Однако, если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий этот княжил в роде своем и ходил он к царю, — не знаем только, к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему (…) тот царь».

В этом разъяснении Нестор сообщает новые, очень важные сведения: Царь-градом тогда на Руси называли столицу Византии Константинополь, а царем — византийского императора, значит, Кий посетил Византию и был с почетом принят императором. Б.А. Рыбаков, сопоставив эти сведения с другими летописными данными, выдвинул убедительную гипотезу о времени, к которому относится деятельность Кия. Рыбаков пишет: «Это сказание (…) очень хорошо укладывается в историческую действительность VI века».

Имя Кий, возможно, означает «кузнец». Исследователи славянской мифологии В.В. Иванов и В.Н. Топоров отождествляют Кия с героем древнего предания о создании Змиевых валов — земляных укреплений, протянувшихся вдоль Днепра на сотни километров. Их происхождение и время возведения не установлены. В эпоху Киевской Руси они служили оборонной линией против печенегов.

Предание гласит, что в стародавние времена прилетел из-за моря крылатый змей — и стал пожирать людей. Гибли люди, «как трава под ногами скота, как просо на солнце».

Кузнец — «Божий коваль» — победил змея, запряг его в плуг — и пропахал борозду до самого моря. Борозда, заполнившаяся водой, стала Днепром, а вывороченная земля — Змиевыми валами, существующими и поныне.

Образ кузнеца-змееборца восходит к славянскому богу огня, покровителю кузнечного ремесла Сварогу, и можно утверждать, что легенда об основании Киева имеет не только исторические, но и более глубокие — мифологические — корни.

85. ВЕЩИЙ ОЛЕГ

О Вещем Олеге — древнерусском князе, жившем в IX–X веках, сообщают древние летописи, его имя упоминается в исторических документах, но большинство сведений о его жизни и деятельности дошли до нас в виде народных сказаний, в которых реальные события тесно переплелись с легендарными.

Во многом легендарный характер имеет и рассказ о Вещем Олеге в летописном своде Нестора «Повесть временных лет».

Нестор называет Олега родичем новгородского князя Рюрика. Но из других источников известно, что Олег не имел родственных связей с князем, а был его воеводой и достиг высокого положения лишь благодаря своим личным достоинствам.

Он обладал выдающимся талантом полководца, а его мудрость и предусмотрительность были столь велики, что казались

сверхъестественными. Современники прозвали Олега Вещим.

Возможно, что народная память о Вещем Олеге отразилась в образе былинного князя- кудесника Вольги:

Похотелося Вольге много мудрости:

Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под оболока,
Серым волком рыскать в чистых полях

В 879 году скончался Рюрик. Умирая, он завещал княжение Олегу и оставил на его попечение своего малолетнего сына Игоря.

Три года правил Олег в Новгороде, а затем, собрав сильную дружину и взяв с собой Игоря, отправился покорять новые земли.

В то время обширные пространства Русской земли были заселены многочисленными племенами. Летопись называет более десяти славянских племен: вятичей, кривичей, полян, северян, радимичей и другие. С ними соседствовали племена угро-финские: чудь, весь, меря, мурома.

Олег со своим войском двинулся с севера на юг водным путем. Плыли по Ильмень- озеру, затем по Ловати-реке и Западной Двине, а потом, волоком перетащив ладьи, по Днепру.

По пути Олег завоевал кривичский город Смоленск и северянский Любеч, оставив там своих воевод.

Наконец, прибыл Олег в богатые и плодородные земли полян — и увидел на высоком берегу Днепра большой, красивый город. Назывался тот город — Киев. В Киеве княжили два князя — Аскольд и Дир. Оба они были выходцами из Новгорода и когда- то, как и Олег, служили князю Рюрику.

Решил Олег захватить Киев, но, видя, что город хорошо укреплен, применил не силу, а хитрость.

Он оставил большую часть своего войска позади, а сам, с юным Игорем и малой дружиной, на одной ладье подошел под самые киевские стены и отправил к Аскольду и Диру посланца: «Мы-де варяжские купцы, везем много хороших товаров. Пусть придут киевские князья посмотреть — может, чего купят».

Аскольд и Дир поверили, что в Киев прибыл мирный купеческий караван, и вышли на берег без всякой охраны.

Олег приказал бывшим с ним воинам до поры до времени залечь на дно ладьи. Когда киевские князья подошли близко, он поднялся им навстречу и сказал: «Вы не княжеского рода, а я — князь, и со мною Игорь, сын Рюрика. Мне, а не вам надлежит здесь княжить!» Он подал знак своим воинам — и те мечами вмиг зарубили Аскольда и Дира.

Карамзин, очень высоко оценивая деятельность Олега, этот его поступок безоговорочно осуждал: «Общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного».

Олег победителем вступил в город и повелел: «Да будет Киев матерью городам русским!» Утвердившись на Киевском престоле, он продолжил дело завоевания соседних земель и покорения населяющих их племен. Олег подчинил себе древлян, северян, радимичей и наложил на них дань. Под его властью оказалась огромная территория, на которой он основал множество городов. Так образовалось великое Киевское

княжество — Киевская Русь.

Когда Игорь стал взрослым, Олег выбрал ему жену — Ольгу (по некоторым данным, она была дочерью самого Олега), но княжества не уступил.

В 907 году Олег собрался идти войной на Царьград.

Снарядив две тысячи кораблей и собрав огромное конное войско, Олег выступил в поход. Корабли плыли по Днепру, направляясь к Черному морю (его называли тогда Понтийским, или Русским), а конная рать шла берегом.

Достигнув моря, конница тоже взошла на корабли, и Олегово войско устремилось к Царыраду.

Вот показалась столица Византии — ее белые крепостные стены, золотые купола храмов.

Византийский император Лев Премудрый, увидев корабли с несметным войском, приказал спешно запереть гавань. Через залив протянули крепкие железные цепи, преградившие путь кораблям Олега.

Пришлось Олегу свернуть в сторону и высадиться на берег поодаль от города.

Олеговы воины разорили царьградские предместья, пожгли дома и храмы, поубивали мирных жителей и побросали в море. Летописец, оправдывая жестокость воинов Олега, поясняет: «Так обычно поступают на войне».

Но самого Царырада Олег взять не мог — цепи надежно защищали город от вторжения с моря. Тогда он приказал своим воинам изготовить колеса, поставить на них вытащенные на берег корабли и поднять паруса.

Подул попутный ветер — и корабли понеслись к городу по суше, как по морю.

Карамзин относит этот эпизод к числу легендарных: «Может быть, он (Олег) велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное».

Однако историки более позднего времени признают достоверность этого эпизода. Д.С. Лихачев пишет: «В условиях речного судоходства на севере Руси — корабли и ладьи, поставленные на колеса, были явлением обычным. «Волочение» судов на колесах или катках происходило на Руси (…) в местах водоразделов рек (…). Киевский летописец рассказывает о движении кораблей Олега посуху, как о чем-то удивительном. Это и понятно — «волоков» близ Киева не было.

Однако для «новгородца» Олега и его новгородской дружины в этом не было ничего необычного».

Так это было или иначе, но устрашенные византийцы признали себя побежденными и согласились выплатить Олегу дань, какую он пожелает. Олег потребовал по 12 гривен на каждую пару весел на своих двух тысячах кораблей, а также дань для русских городов — Киева, Чернигова, Полотска, Ростова и прочих.

В знак победы Олег укрепил на воротах Царырада свой щит. Между Русью и Византией был заключен договор о мире и неизменной дружбе. Соблюдать этот договор христиане-византийцы поклялись святым-крестом, а Олег и его воины — славянскими богами Перуном и Велесом.

С честью и великой славой возвратился Олег в Киев.

Олег княжил долгие годы. Однажды он призвал к себе волхвов-прорицателей и спросил: «Отчего суждено мне умереть?» И волхвы ответили: «Примешь ты, князь, смерть от своего любимого коня». Опечалился Олеги сказал: «Если так, то никогда больше не сяду на него». Он приказал увести коня, кормить его и беречь, а себе взял другого.

Прошло немалое время. Как-то раз вспомнил Олег своего старого коня и спросил, где он сейчас и здоров ли. Ответили князю: «Уже три года прошло, как умер твой конь».

Тогда воскликнул Олег: «Солгали волхвы: конь, от которого они сулили мне смерть, умер, а я жив!» Он захотел увидеть кости своего коня и поехал в чистое поле, где лежали они в траве, омытые дождями и выбеленые солнцем.

Князь тронул ногой конский череп и сказал, усмехнувшись: «От этого ли черепа смерть мне принять?» Но тут из конского черепа выползла ядовитая змея — и ужалила Олега в ногу.

И от змеиного яда умер Олег.

По словам летописца, «оплакивали его все люди плачем великим».

Пересказывая в своей «Истории государства Российского» летописное сказание об Олеге, Н.М. Карамзин говорит, что рассказ о его смерти — «народная басня» (то есть легенда), «достойная замечания по своей древности».

Эта легенда вдохновила Пушкина на создание знаменитой «Песни о Вещем Олеге».

86. ГАРАЛЬД ХРАБРЫЙ И ЕЛИЗАВЕТА ЯРОСЛАВНА

В XI столетии в Киеве княжил великий князь Ярослав Владимирович, по прозванию Мудрый. Расцвела и украсилась при князе Ярославе Киевская Русь. Далеко в степи отогнал он печенегов и укрепил русские границы. Построил в Киеве двенадцатиглавый храм во имя Софии Божьей Премудрости, красоты дотоле невиданной, украсил его дивными мозаиками и фресками, а на площади перед храмом поставил привезенную из дальних краев скульптуру, изображающую колесницу, запряженную квадригой коней. Ярослав был великим почитателем книжного знания. «Книгам прилежа, и читал их часто и в ночи, и в дне, и собрал писцы многи, и прекладаше с грек на словенское письмо, и списаша книги многи», — говорил о нем летописец.

Было у Ярослава Мудрого шестеро сыновей и три дочери: старшая Елизавета, средняя — Анна, младшая — Анастасия. Все три были хороши собой, умны и образованы, и Ярослав прочил им в мужья могущественнейших королей Европы.

Но нежданно-негаданно к старшей из княжен, Елизавете Ярославне, посватался молодой варяг, служивший в дружине у Ярослава.

Звали того варяга Гаральдом. Волею судьбы он был вынужден покинуть свое отечество и служить на чужбине как простой наемник.

Однако происходил он из знатного норвежского рода. Старшим — сводным — братом Гаральда был сам Святой Олаф, прославленный конунг, объединивший под своей властью всю Норвегию и обративший норвежцев в христианскую веру. Но проделал он это с такой жестокостью, что вызвал

всеобщую к себе ненависть. Поэтому, когда на Норвегию напали датчане, многие норвежцы перешли на их сторону. Олафу пришлось сражаться с войском, втрое превосходящим его собственное. И во всех сражениях рядом с Олафом был его младший брат — пятнадцатилетний Гаральд. Тяжелый боевой меч он мог поднять лишь двумя руками, но сражался храбро.

В битве при Стиклестаде Святой Олаф погиб. На норвежском престоле утвердился датский король.

Гаральд, спасая сына Олафа, шестилетнего Магнуса, бежал с ним в Гардарику — Страну Городов, как называли тогда скандинавы Киевскую Русь.

Ярослав принял маленького Магнуса, как родного сына, а Гаральд стал начальником сторожевой дружины.

Когда увидел Гаральд молодую княжну, прекрасную Елизавету Ярославну, пленили его ее ясные очи и соболиные брови, тонкий стан и лебединая походка — и полюбил он Елизавету на веки вечные.

Красивый и храбрый, Гаральд искусно владел копьем и мечом, быстро бегал на лыжах и умел управлять кораблем в открытом море, играл на сладкозвучной арфе и обладал бесценным даром слагать стихи. Сердце Елизаветы громко говорило в пользу Гаральда, но он был нищим, бездомным скитальцем — князь Ярослав хотел не такого мужа своей дочери. Строго-настрого запретил он Елизавете даже думать о молодом варяге, и она не посмела ослушаться отца. Приняв гордый вид, но с печалью в сердце Елизавета отказала Гаральду.

Тогда Гаральд покинул двор Ярослава, снарядил корабль, набрал храбрую дружину и отправился в далекие, неведомые страны. Скоро слава его уже гремела по всему свету. Из уст в уста передавались рассказы о необыкновенной храбрости Гаральда, о его удивительных подвигах и приключениях. Он воевал в Сицилии и Африке, штурмовал неприступные крепости на Востоке и служил у византийского императора, сражался с морскими разбойниками и был у Гроба Господня в Иерусалиме.

И каждый раз, захватив богатую добычу, отсылал он в Киев в дар Елизавете Ярославне золото и серебро, украшения тонкой чужеземной работы и узорные ткани.

Но дороже всех подарков, дороже золота и драгоценных каменьев были для Елизаветы привозимые заезжими певцами и сказителями стихи Гаральда, в которых описывал он свои подвиги, свою любовь и свою тоску. Каждая строфа его стихов заканчивалась горестным рефреном: А дева русская Гаральда презирает!

Ежечасно думала Елизавета о Гаральде, трепетала при мысли об опасностях, его окружающих, и молила Богородицу сохранить его от вражеских мечей и от морской пучины.

Шли годы. И однажды корабли Гарольда показались под стенами Киева. Увенчанный славой, добывший богатство, он приехал, чтобы вновь просить руки прекрасной Елизаветы.

О втором сватовстве Гаральда сохранилась память в русскойбылине:

Плыло-выплывало три корабля,

Три корабля, да три черные.
Всем корабли изукрашены.
Нос да корма по-звериному,
А бока те были по-туриному,
Якори все серебряные,
Тонкие паруса дорогой камки.

Радостно вздрогнуло сердце Елизаветы, когда увидела она сходящего на берег Гаральда. Князь Ярослав на сей раз принял его милостиво — и вскоре сыграли пышную свадьбу. Дубовые столы ломились от угощения, рекой текли мед и пиво, гости величали новобрачных:

То не золото с золотом свивалося,
То не жемчуг с жемчугом сокатился,
То князь со княгинею сходилися,
Золотым кольцом обручилися.

Гаральд стал собираться на родину. Много лет прошло с тех пор, как он покинул Норвегию, и о событиях, там происходящих, до него доходили лишь смутные слухи.

Норвежцы свергли датского короля, устав от его притеснений, и призвали на престол юного Магнуса, все еще жившего в Киеве. Вернувшись в Норвегию и став конунгом, Магнус начал мстить бывшим противникам своего отца, а поскольку таких было много, в стране росло недовольство.

Вероятно, Гаральд побоялся подвергать молодую жену опасностям назревающей усобицы. Во всяком случае, известно, что он уехал в Норвегию один.

Теперь пришел черед Елизаветы писать ему приветные письма и посылать подарки, чтобы он не забыл ее и не усомнился в ее любви.

Так в разлуке прошло еще несколько лет. Гаральд правил Норвегией вместе с Магнусом. Но однажды Магнусу приснился сон. Увидел он своего отца, святого Олафа, который спросил: «Хочешь ли ты сейчас уйти со мною на небо, или останешься на земле, будешь жить долго и станешь великим конунгом, но совершишь в своей жизни столько злого, что путь на небо будет тебе закрыт навсегда?» Магнус ответил: «Решай сам, отец». Тогда Снятой Олаф сказал: «Иди со мной». Проснувшись, Магнус рассказал свой сон приближенным, а вскоре заболел и умер.

Гаральд, став единовластным правителем Норвегии, смог, наконец, соединиться с Елизаветой.

В Норвегии Елизавету Ярославну называли Элисавой, она не раз упоминается в сагах. У Гаральда и Елизаветы было две дочери — Ингегерда и Мария.

Гаральд правил страной разумно и справедливо, но он был, прежде всего, воином. А воин, как говорили в то время, рожден не для долгой жизни, а для славных дел. И Гаральд задумал новый поход. Он решил покорить Англию.

В ночь перед началом похода воинам Гаральда снились недобрые сны. Один увидел злую троллиху, которая плясала и корчила рожи, другому приснились черные вороны, облепившие корабль, третьему — огромные

волки, пожирающие людей.

Но Гаральд не внял предостережениям. Он был настолько уверен в своей удаче, доселе ему не изменявшей, что взял в поход Елизавету с дочерьми.

Через несколько дней корабли Гаральда достигли берегов Англии. Гаральд высадил Елизавету и дочерей на маленьком островке, а сам двинулся дальше, навстречу английскому войску.

Битва произошла близ города Йорка. Когда оба войска стояли друг против друга, конь Гаральда споткнулся. И сказал английский король: «Гаральд — красивый и сильный воин, но удача отвернулась от него».

Это оказалось правдой. Едва успел начаться бой, как стрела, пущенная из английского лука, насмерть сразила Гаральда.

Норвежские воины, видя гибель своего конунга, дрогнули, смешались — и были разбиты.

В великой тревоге, полная тяжелых предчувствий, ждала Елизавета вестей об исходе битвы. Предание утверждает, что в тот самый момент, когда был убит Гаральд, его младшая — любимая — дочь Мария неожиданно вскрикнула — и умерла.

С уцелевшими остатками войска, под черными парусами, отплывала от берегов Англии Елизавета Ярославна, оплакивая две смерти и увозя два гроба.

Что было с Елизаветою дальше — доподлинно неизвестно. По одним сведениям, она вскоре умерла, подругам, — вышла замуж за датского короля Свена.

Но вот уже много веков неизменно трогает душу и волнует воображение история гордой красавицы и храброго воина, история, где, по словам поэта Н.А. Львова, переведшего в XVIII веке «Песнь Гаральда» на русский язык, «соединились любовь с воинской добродетелью».

87. СКАЗАНИЕ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

Все мировые исторические столицы, основание которых скрыто во тьме веков, имеют легенды о своем возникновении. Существуют легенды и о начале Москвы.

Первое письменное упоминание о Москве содержится в летописи и относится к 1147 году. Этот год условно считается датой ее основания. Хотя очевидно, что Москва в то время уже существовала и была поселением, достаточно крупным и значительным.

Летопись сообщает, что в 1147 году суздальский князь Юрий Владимирович, по прозвищу Долгорукий, впоследствии ставший Великим князем, возвращаясь из удачного похода на Новгород, сделал остановку на берегу Москвы-реки и послал оттуда своему родственнику и союзнику князю Святославу грамоту, в которой было написано: «Приди ко мне, брате, в Москов», а когда Святослав прибыл со своей дружиной, то устроил для них «обед силен».

Известный русский историк, знаток Москвы И.Е. Забелин, писал: «Приди ко мне в Москву! Приди ко мне на Москву!» В этих немногих словах как бы пророчески обозначилась вся история Москвы… Москва тем и стала сильною и опередила других, что постоянно и неуклонно звала к себе разрозненные русские земли на честный пир народного единства и крепкого государственного союза».

В XVI веке, когда Москва уже была столицей сильного и обширного Российского государства, ее стали воспринимать как духовную наследницу двух великих христианских столиц — Рима и Константинополя. Москву начали называть «третьим Римом, добавляя: «а четвертому — не бывать!» На Руси были хорошо известны легенды о знамениях, бывших при основании Рима и Константинополя. При закладке городской стены Рима нашли человеческую голову, что предвещало ему быть головой многим городам. Когда начали строить Константинополь, то из горы выполз змей, а с неба слетел орел — и они стали сражаться. Это предвещало, что быть Константинополю царем среди городов, как орел — царь среди птиц, и сражаться с врагами.

С возвышением Москвы образованные москвичи занялись изысканиями и обработкой бытовавших в народе легенд о ее основании. В XVII веке появились сразу четыре повести неизвестных авторов, посвященные основанию Москвы. И.Е. Забелин писал: «Они (…) вносили в свои повести ходившие в народе предания и несомненные остатки уже забытых песенных былин».

В одной из повестей основателем Москвы назван некий князь Данило Иванович — лицо вымышленное. (Вероятно, автор назвал его по ассоциации с московским князем Даниилом — сыном Александра Невского. При Данииле Москва стала столицей удельного княжества.) Поехал великий князь Данило Иванович «изыскать место, где ему создати град престольный к великому княжению своему». Оказался князь в темном, непроходимом лесу, и было в том лесу топкое болото. Вдруг посреди болота Данило Иванович увидел пестрого зверя «превелика и пречудна, троеглава и красна зело».

Князь спросил у сопровождавшего его ученого грека Василия: «Что значит это видение?» Ученый грек ответил: «Великий княже! Будет построен на этом месте град треугольный, превеликий, пречудный и прекрасный. А пестрота зверя означает, что будут жить в том городе люди разных племен».

И князь Данило Иванович заложил на том месте город и назвал его Москва.

Другая повесть об основании Москвы своей краткостью напоминает летописную запись. В ней рассказывается об основании Москвы Вещим Олегом «При княжении своем Олег прийде на Москву-реку, в нее же текут Неглинна да Яуза, и поставил тут град и нарече Москва». Автор домыслил летописное свидетельство о том, что Олег был основателем «городов многих», — и назвал среди них Москву.

Утверждение это чисто легендарное, но то, что Москва во времена Олега уже существовала как поселение, подтверждается археологическими данными: на ее территории были найдены украшения и монеты IX–X веков.

Автор третьей повести, самой пространной, создает напряженный, драматичный сюжет. Повесть называется «О зачале Москвы и князе Даниле Суздальском», она известна во многих списках и была популярна в качестве занимательного чтения в XVIII и даже в XIX веках.

Основателем Москвы в этой повести назван князь Владимирский Андрей Александрович. Его историческим прототипом скорее всего был сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский.

В повести рассказывается, что у князя Андрея был брат-князь Суздальский Данило Александрович. Прослышал князь Данило, что в лесной стороне, на берегу Москвы- реки, живет богатый боярин Кучко и есть у него два сына, лучше которых нету во всей Русской земле.

Автор повести в соответствии с терминологией XVII века называет Кучка боярином, тогда как на самом деле он был вождем какого-то местного славянского или угро- финского племени. Историчность Кучка отчасти подтверждается до сих пор сохранившимся в Москве названием «Кучково поле» (территория в районе Чистых прудов и Сретенского бульвара).

Князь Данило Александрович вытребовал молодых Кучковичей у их отца и взял к себе на службу: одного сделал стольником, другого — чашником.

Красивые юноши приглянулись распутной Даниловой жене Улите. Княгиня вступила с ними в любовную связь и подбила на убийство своего мужа.

Во время охоты Кучковичи заманили князя Данилу в чащу и «начали убивать». Но довести злое дело до конца не смогли: конь князя унес своего раненого хозяина. Убийцы пустились в погоню. Князь, оставив коня, пешим скрылся в лесу, и преследователи потеряли его из виду.

Прибежал Данило Александрович к перевозу через Оку и хотел переправиться на другую сторону, чтобы вернее уйти от погони. Денег у него не было, и он предложил перевозчику в уплату свой золотой перстень.

Перевозчик, не узнавши князя, сказал: «Люди-то нынче лихие, обманчивые. Иного перевезешь за реку, а он уйдет, не заплатив перевозного. Положи-ка перстень на весло, а уж потом садись в лодку». И он протянул весло князю.

Данило Александрович исполнил требуемое, но перевозчик, завладев перстнем, тут же отпихнулся от берега и уплыл.

Опасаясь, что убийцы настигнут его, князь Данило снова бежал в лес. Тем временем «уже к вечеру лучилось, к темной ночи осенней приближалось». Страдая от ран, измученный усталостью князь набрел в лесу на «срубец» — бревенчатую могилу, в которой лежал покойник, и, забыв страх от мертвого, залез в этот срубец, лег и уснул.

Темная осенняя ночь, лесная чаща, близость покойника — все это характерные элементы литературного жанра, получившего впоследствии название «готического».

Меж тем молодые Кучковичи вернулись к Улите «в печали, во скорби великой, что упустили князя Данила жива». Испуганные Кучковичи сказали княгине: «Уйдет теперь князь Данило во Владимир, к своему брату князю Андрею Александровичу, явятся они сюда оба с сильной дружиной, и быть нам тогда лютой смертью казненным, а тебе, княгиня, в землю по плечи живою закопанной».

Стала Улита думать, как отыскать и погубить князя Данилу — и надумала.

Был у Данилы Александровича любимый пес. Когда-то говорил князь жене: «Если захватят меня в бою и уведут в полон, или буду я ранен и останусь лежать среди убитых, или убьют, и от кровавых ран образ мой так переиначится, что нельзя будет узнать, и не найдут моего тела, то позовите любимого моего пса, он сыщет меня, и опознает, и даже мертвому мне будет радоваться и руки мои лизать».

Позвала Улита любимого мужнина пса и дала его Кучковичам (Автор повести восклицает. «Какая кровожадная львица, какая свирепая медведиха может содеять такое!») Кучковичи доехали до места, где был давеча ранен князь — и пустили пса по следу. Взяв след, пес быстро отыскал срубец, сунул туда голову и, найдя хозяина, стал ему «радоваться ласково».

Подоспевшие Кучковичи увидели пса, «радующеся и хвостом машуще», подняли крышку срубца — и добили князя.

Оставив тело в том же срубце, они вернулись домой, уверенные, что надежно схоронили свою тайну.

Но все тайное становится явным. Дошла весть о «злоубивствии» до брата князя Данилы — князя Владимирского Андрея Александровича, и он с большой дружиной поспешил в Суздаль.

Узнав об этом, Кучковичи бежали из Суздаля и укрылись у своего отца-боярина Кучка.

Князь Андрей предал смерти княгиню Улиту и отправился в поход, чтобы найти и покарать убийц своего брата. К его дружине присоединились многие суздальцы, желавшие отомстить за своего князя.

Княжеское войско вступило на землю Кучка. Против сильного войска «немного возмог Кучко боярин боем биться». Он был захвачен и казнен вместе с сыновьями.

Князь Андрей в гневе хотел немедля сжечь огнем села и слободы Кучка, но отложил до утра. А утром, встав ото сна, посмотрел окрест — и «вложил Бог в сердце князю Андрею мысль» построить тут город.

Созвал князь со всех концов Русской земли умелых мастеров-строителей: и суздальцев, и владимирцев, и ростовцев, и многих других. Возвели они над Москвой-рекой «все градное устроение» — стены и башни, дома и храмы.

«И оттоле начал именоваться и прославился град тот Москва» — так заканчивает автор свою повесть.

Четвертая повесть об основании Москвы — самая известная. В ней в соответствии и исторической традицией основателем Москвы назван Юрий Долгорукий.

Ехал князь Юрий Владимирович через Русские земли и «прииде на место, идеже ныне царствующий град Москва».

Место это принадлежало Стефану Ивановичу Кучке, который, чувствуя себя полноправным хозяином, «возгордился зело» и не оказал великому князю подобающих почестей. Оскорбленный князь приказал «боярина оного ухватити и смерти придати».

Затем князь Юрий взошел на высокую гору, «и обозрев с нея очами своими семо и овамо по обе страны Москвы-реки и за Неглинною и возлюбил селы оны, и повелел на месте том вскоре сделати мал древян град и прозвал его званием Москва-град по имени реки, текущей под ним».

Эти точные и звучные слова стали классическими, с них теперь начинается едва ли не всякая книга по истории Москвы.

88. СКАЗАНИЕ О НЕВИДИМОМ ГРАДЕ КИТЕЖЕ

В заволжских лесах есть озеро под названием Светлояр.

Озеро невелико, но глубина его — до тридцати метров, и уровень воды всегда одинаковый, что летом, что весной в паводок. Зимой на озере намерзает особый «кружевной» лед. Светлоярская вода необыкновенно чиста, прозрачна и обладает целебными свойствами. Местные жители говорят: «Пей воду прямо из озера — не бойся, неси домой — месяцами будет стоять, не испортится».

М.М. Пришвин, побывав на Светлояре, писал в очерке «Светлое озеро»: «…глянуло на меня из леса спокойное, чистое око. Светлое озеро — чаша святой воды в зеленой зубчатой раме».

Здесь, на берегу озера Светлояр, возникло сказание о невидимом граде Китеже.

В сказании говорится, что в давние времена великий князь Георгий Всеволодович поставил на берегу Волги город Малый Китеж или Городец, а затем, переправившись — через речки Узолу, Санду и Керженец, пришел к реке Людне, берущей начало из озера Светлояр.

Места там были красивые, обжитые, и князь, «по умолению жителей», построил на берегу Светлояра город Китеж Великий, но сам в нем не остался, а вернулся в Малый Китеж.

В это время, «как темные тучи по небу», на Русь двинулись полчища татаро-монгол под предводительством хана Батыя. Враги подошли к Малому Китежу и взяли город приступом, перебив почти всех его защитников.

Князю Георгию Всеволодовичу с остатками войска удалось скрыться в лесах. Тайными тропами ушел он в Китеж Великий, чтобы собрать там новые силы.

Батый не смог отыскать следов князя и стал «примучивать» пленных жителей Малого Китежа, желая узнать дорогу, по которой ушел князь. Один из пленных «не смог мук стерпети» и провел Батыя лесом к Великому Китежу.

Татары осадили город, но вдруг, Божьим соизволением, Китеж стал невидим.

Устрашенные свершившимся чудом, враги бежали.

О том, как именно Господь сберег от врагов Китеж, в народе рассказывают по- разному.

Одни говорят, что город по-прежнему стоит на своем месте, но только никто его не видит, другие — что город скрылся под высокими холмами, окружающими Светлояр. Писатель В.Г. Короленко, побывавший на Светлояре в конце XIX века, записал такой рассказ местного старого рыбака: «(…) наше, брат, место не простое… Не-ет… Не простое… Тебе вот кажет: озеро, болотина, горы… А существо тут совсем другое. На этих вот на горах (он указал на холмы), сказывают, быть церквам. Этто во, где часовня — собор у них стоит Пречистого Спаса. А рядом, на другом-те холме — Благовещение. Тут в стары годы береза стояла, так на са-амой, выходит, на церковной главе».

По третьей версии, город вместе с жителями опустился на дно озера Светлояр. В нем по-прежнему живут люди, и иногда из-под воды доносится звон китежских колоколов.

Сказание о невидимом граде Китеже долгое время существовало в устной форме, передаваясь из поколения в поколение.

В XVII веке в лесах Заволжья стали возникать раскольничьи скиты — тайные поселения приверженцев «старой веры», не признаваемой официальной церковью. Именно раскольники в XVIII веке впервые записали сказание о Китеже в сочинении «Книга, глаголемая Летописец».

В изложении раскольников сказание приобрело ярко выраженный религиозный характер. В их представлении, подводный город — это монастырь, в котором живут праведные старцы, а видеть Китеж и слышать китежские звоны могут только люди, истинно верующие.

Со временем озеро Светлояр стало местом паломничества для верующих. В.Г. Короленко рассказывал: «Сходятся на берегу Светлояра толпы людей, стремящихся хоть на короткое время отряхнуть с себя обманчивую суету суети заглянуть за таинственные грани. Здесь, в тени деревьев, под открытым небом день и ночь слышно пение, звучит (…) чтение нараспев, кипят споры об истинной вере. А на закатных сумерках и в синей тьме летнего вечера мелькают огни между деревьями, по берегам и на воде. Благочестивые люди на коленях трижды ползут кругом озера, потом пускают на щепках остатки свечей на воду, и припадают к земле, и слушают. Усталые, между двумя мирами, при огнях на небе и на воде, они отдаются баюкающему колыханию берегов и невнятному дальнему звону… И порой замирают, ничего уже не видя и не слыша из окружающего. Глаза точно ослепли для нашего мира, но прозрели для мира нездешнего. Лицо прояснилось, на нем «блаженная» блуждающая улыбка и — слезы… А кругом стоят и смотрят с удивлением те, кто стремился, но не удостоился по маловерию… И со страхом качают головами. Значит, он есть, этот другой мир, невидимый, но настоящий. Сами не видели, но видели видящих…»

Вера в реальное существование невидимого града сохранялась в окрестностях Светлояра и в более поздние времена. В1982 году фольклористы записали рассказ местной жительницы: «Люди рассказывают, что где-то на середине озера есть дырка — не очень уж большая — ну вроде как с ковш будет. Только найти ее очень трудно. Зимой лед на Светлояре бывает чистый-чистый. Так надо прийти, разгрести снег, и можно посмотреть, что там на дне делается. А там, говорят, всякие чудеса: дома белокаменные стоят, деревья растут, колокольни, церкви, рубленные терема, люди живые ходят… Только не всякому покажется, не всякий эту дырку найти сможет».

В конце 1930-х годов от некоего старика Маркелова была записана такая история. Жил у них в селе «мужик, смелой такой». Этот смелый мужик заинтересовался норой, которую обнаружил под корнями поваленной березы, — и полез туда. «Лез-лез, потом видит место светлое, и на том месте сидят старцы светлоликие и дела крестьянские разбирают. И он своего деда узнал, а дед ему пригрозил клюкой, не велел больше лезть».

Другой местный житель в 1982 году рассказывал со слов своего отца, как тот «в граде Китиже бывал — накормили его там, денег дали». Отец рассказчика «ходил в извоз», и вот однажды его подрядили с обозом отвезти мешки с зерном. «И тронулся обоз. Только на тракт вышли — стемнело. Уж не знаю, сколько часов ехали и куда, только видят — ворота тесовые. Вроде как монастырь. Въезжают. Темно там, какие-то дома стоят. Пока разгружали обоз, всех провели в дом, накормили, дали денег — и щедро. А перед рассветом ворота отворили, и поехал обоз, уже пустой, назад… Где же они ночью были? (…) Пока судили-рядили, обернулись — а ворот-то уж никаких нет».

Рассказы о том, как китежане покупали у крестьян хлеб, местными жителями воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Один рассказчик уточняет: «Хлеб китежские старцы у вятских покупали». Другой приводит случай «с одним вятичем», который «привез из своего Вятского края на базар в село Воскресенское рожь продавать. И вот (…) подошел к нему старичок седенький, посмотрел зерно, попробовал на зуб и говорит: «Я куплю у тебя весь воз ржи (…). Только я попрошу тебя, добрый человек, отвези хлебец-то к нам во Владимирское. Я тебе за это лишнюю плату за каждый мешок дам». Вятич согласился. Возле Владимирского (ближайшего села от Светлояра) он увидел монастырь. Монахи встретили его, помогли ссыпать зерно в амбар. Получив плату, вятич поехал обратно. «Отъехал сколько-то от озера, остановился и хотел помолиться на монастырь за удачу с продажей. Оглянулся назад — а монастыря-то и нет». (Запись 1974 года.)

Местным жителям, по их словам, известны случаи, когда китежане помогали людям в самых обыденных делах. «Помнится, мне, еще мальцу, бабушка рассказывала про то, что жил тут в деревне у озера — во Владимирском или в Шадрине, что ли, старик один. Так вот, пошел тот старик как-то в лес за грибами. (…) Ходил-ходил, и все без толку — ни одного грибочка нет! Умаялся старик, устал. И вот сел он на пенек, отдохнуть захотелось. (…) Обидно ему, что много обошел, а сбора никакого нет. Тут и подумалось ему что-то: «Хоть бы старички китежские помогли». Не успел подумать, как дремота на него напала. (…) Через какое-то время проснулся старик, открыл глаза, глянул в корзину — и глазам своим не верит: в ней до краев грибы. Да еще какие — один к одному, да все белые!» Сказание о Китеже нередко сравнивают с легендой об Атлантиде. Историчность невидимого града (также, как и Атлантиды) неоднократно пытались доказать или опровергнуть.

С середины XIX века сказание о Китеже стало объектом исследований. Оно вызывало интерес у самых разных специалистов — фольклористов, литературоведов, историков, археологов. На Светлояр не раз снаряжались научные экспедиции. В 50-70-х годах XX века было установлено, что озеро Светлояр образовалось в результате «провала» — внезапного, сильного сдвига почвы, причем это произошло приблизительно в то время, к которому легенда относит исчезновение Китежа. На дне озера была обнаружена некая «аномалия» — полуметровый слой полужидкой породы, в которой во множестве присутствуют обломки древесины. Экспертиза показала, что на этих обломках «имеются следы

режущих орудий», то есть они обработаны руками человека.

Поэтический образ града Китежа вдохновлял многих поэтов, художников, композиторов. О Китеже писали Максимилиан Волошин, Николай Клюев, Сергей Городецкий. Н.А. Римский-Корсаков написал знаменитую оперу «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», Н.К. Рерих создал живописное панно-занавес для этой оперы — «Сеча при Керженце».

Легенда о граде Китеже — чудесно спасенном Богом от разорения врагами, укрываемом и сберегаемом до лучших времен, когда он вновь явится миру, сохранив древний корень, древнюю веру и правду — одна из самых заветных легенд русского народа, в течение веков подвергавшегося нашествиям внешних врагов.

89. СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

8 сентября 1380 года, когда Русь уже более ста лет находилась под татаро-монгольским игом, русские войска под предводительством великого князя московского Дмитрия Ивановича в битве на Куликовом поле разбили орды татаро-монгольского хана Мамая.

Д.С. Лихачев в статье «Мировое значение Куликовской битвы» пишет: «Куликовская победа не означала полного уничтожения ига, но (…) сделала несомненным для всех грядущее полное освобождение от национального порабощения».

Куликовская битва, будучи значительнейшим событием своего времени, послужила темой для нескольких литературных произведений конца XIV–XV веков, известных в истории литературы под названием «Куликовского цикла». Центральное произведение этого цикла — «Сказание о Мамаевом побоище».

Слово «побоище» в то время имело иное значение, нежели теперь «Мамаево побоище» — это «победа над Мамаем».

«Сказание», посвященное реальному историческому событию, тем не менее обретает фольклорно-легендарные черты, по форме и по духу оно тесно связано с традиционньгмипроизведениямирусскогонародно-поэтическоготворчества. Оно получило большое распространение на Руси, до нашего времени дошло большое количество ее списков, больше, чем других произведений древнерусской литературы.

…Задумал безбожный хан Мамай, ненавистник Христовой веры, идти походом на Русь, как сделал это сто лет назад неистовый Батый, пожечь города и села, порушить Божьи церкви, истребить народ православный.

Собрал Мамай несметное войско и сказал своим воинам: «Пойдем на Русскую землю, разбогатеем от русского золота!» И двинулись мамаевы орды на Русь.

О грядущем нашествии первым на Руси узнал рязанский князь Олег. Он был обижен на великого князя московского Дмитрия Ивановича за то, что дед великого князя некогда отобрал у князей рязанских город Коломну и присоединил к Москве. Замыслил Олег Рязанский измену, решив вступить в союз с безбожным Мамаем.

Послал Олег к хану Мамаю большое посольство с богатыми дарами и грамотой. В той грамоте было написано: «Великому хану, вольному

Мамаю, от Олега Рязанского, верного твоего слуги. Слышал я, господин, что ты хочешь идти на Русь, на князя Дмитрия Московского. Хорошо выбрал ты время, полна сейчас Москва золотом и серебром и всяким богатством тебе на потребу. А князь Дмитрий — против тебя не воин. Как услышит он твое грозное имя, так уйдет в свои дальние вотчины — в Новгород Великий, на Белоозеро, или на Двину, а все московские богатства останутся тебе в добычу».

Другую грамоту Олег Рязанский послал князю литовскому Ольгерду: «Великому князю Ольгерду Литовскому-радоватися! Ведомо мне, что издавна желаешь ты, князь, в Москве княжить. Приспело теперь для этого время: грядет на Русь хан Мамай. Если мы с тобой к нему присоединимся, то отдаст он тебе Москву и другие города, а мне — Коломну, Владимир и Муром, которые лежат близко от моего княжества. Я уже послал к Мамаю богатые дары — пошли и ты. И напиши ему грамоту, а как — сам знаешь, ибо больше моего в этом разумеешь».

Ольгерд Литовский послушался совета князя Олега и отправил к Мамаю свое посольство. Оба изменника стали ждать, когда Мамай придет на Русь. Они надеялись, что великий князь Московский, Дмитрий Иванович, устрашенный, бежит из Москвы, и намеревались, дождавшись хана Мамая, встретить его с великими дарами и умолить уйти из русских пределов. Тогда изменники могли бы занять Москву, а Московское княжество поделить между собой.

Тем временем Дмитрий Иванович, узнав, что враги надвигаются на Русскую землю, не устрашился и не покинул Москвы, а стал готовиться к отпору.

Разослал он гонцов во все концы Русской земли, ко всем князьям, воеводам и боярам — и повелел им немедля собраться со своими дружинами в Москве.

Съехались в Москву князья и бояре, привели своих воинов. Пришел двоюродный брат великого князя Владимир Андреевич Серпуховской пришли князья Белозерские — Федор и Семен, пришел Андрей, князь Кемский, и Глеб Каргопольский, и Дмитрий Ростовский, и многие другие князья.

По всем московским улицам было слышно бряцанье доспехов, стук копыт, звон конской сбруи. Так много собралось в Москве войска, что не уместилось оно в городе и заняло окрестности.

Тут узнал Дмитрий Иванович от верных людей, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский заключили союз с Мамаем. Опечалился великий князь и воскликнул со слезами: «Когда враги творят нам всякие пакости, то знаем мы, что так и должно быть — на то они и враги. Но теперь друзья мои, близкие мои восстали на меня! Я им никакого зла не сотворил, любил их и награждал дарами. Пусть будет Господь их судьей!» Князь Дмитрий решил не дожидаться врага в Москве, а идти ему навстречу. Прежде чем выступить в поход, Дмитрий Иванович отправился в монастырь святой Троицы, чтобы испросить благословения у праведного игумена Сергия Радонежского.

Сергий пригласил князя к монастырской трапезе. Во время трапезы прискакал к Дмитрию Ивановичу гонец с известием, что татары двинулись к Москве.

Князь заторопился и стал просить Сергия дать ему благословение Сергий окропил святой водой князя и его воинов и сказал: «Иди на битву с именем Божьим. Господь будет тебе помощником и заступником, и ты победишь врагов!» Двое из монастырской братии, иноки Пересвет и Ослябя, в миру бывшие воинами, испросив благословения у Сергия, присоединились к княжьему войску. Сергий сказал им: «Мир вам, братья! Не щадите жизни за веру православную!» Великий князь вернулся в Москву и встал во главе войска, готового идти на врага.

Проводить воинов вышли их жены. Плакала княгиня Евдокия, жена Дмитрия Ивановича, плакали прочие княгини и боярыни, прощаясь со своими князьями и боярами, плакали жены простых воинов, не зная, увидят ли они своих мужей живыми.

Дмитрий Иванович сказал: «Если Бог за нас, никому нас не одолеть!» Сел великий князь на коня, сели на коней все князья, бояре и воеводы — и русское войско выступило в поход. Выходили воины из Москвы тремя воротами — Фроловскими, Никольскими и Константиновскими. Князь Дмитрий разделил войско на три части и приказал идти по трем дорогам, потому что одна дорога не вместила бы всего войска, так велико оно было.

Из своего высокого терема смотрела княгиня Евдокия, как по зеленому берегу Москвы-реки идет, удаляясь, войско Дмитрия Ивановича.

Местом встречи была назначена Коломна. Там, на широком поле, великий князь сделал смотр войскам, и сердце его исполнилось радостью — велика русская сила!

Двинулись дальше, переправились через Оку и вступили в Рязанские земли — владения изменника Олега Рязанского. Дмитрий Иванович строго-настрого запретил каждому воеводе и всем воинам чинить обиды жителям Рязанской земли.

Меж тем Олег Рязанский узнал, что идет князь Дмитрий против Мамая во главе великой силы, что идут с ним воины со всей Русской земли.

Испугался Олег Рязанский, раскаялся в своей измене: «Горе мне, окаянному! Не только отчину свою я потерял, но и душу погубил. Земля не станет меня носить за то, что вместе с нечестивыми ополчился я на православную веру! Рад бы я сейчас присоединиться к великому князю, да не примет он меня, потому что ведает об измене моей!» И не пошел Олег на помощь Мамаю.

А Ольгерд Литовский, как было уговорено с Олегом, уже шел со своими полками, чтобы присоединиться к мамаеву войску. Но возле города Одоева он получил известие о великой силе, собранной князем Дмитрием, и о том, что Олег Рязанский испугался выступить против этой силы. Сказал Ольгерд в досаде: «Когда нет у человека своего разума, нечего надеяться на чужой. Послушался я Олега, а он и меня с толку сбил, и сам пропал!» Ольгерд решил не двигаться дальше, а оставаться на месте — и выжидать, чья будет победа.

Тем временем русское войско подошло к Дону. Дмитрий Иванович послал в степь двух лазутчиков, и они добыли «языка» — татарина из придворных самого хана Мамая.

Великий князь спросил у пленного: «Много ли силы у хана и скоро ли он прибудет к Дону?» Татарин ответил: «Никому не сосчитать ханских воинов, потому что их многое множество, а будет хан на Дону через три дня».

Стал великий князь держать совет со своими воеводами: «Здесь ли нам ждать Мамая или переправиться через Дон, где впадаете в него Непрядва-река, и встать на том берегу, на Куликовом поле?» Сказали воеводы: «Государь, переправимся через Дон! Если будет у нас за спиной река — накрепко будем стоять, потому что отступать некуда. Победим татар — все честь примем, а погибнем — общую смертную чашу изопьем, все — от князей до простых ратников».

Переправилось русское войско через Дон и встало на том берегу, ожидая врага.

На другой день прискакал из степи разведчик и сказал: «Совсем уже близко татары. За ночь дойдут они до Непрядвы-реки».

Повелел Дмитрий Иванович строиться русским полкам в боевой порядок, чтобы все запомнили, кому где надлежит завтра стоять, а полк брата своего, Владимира Андреевича, отправил вверх по Дону, чтобы укрылся он в засаде, в густой дубраве — и мог неожиданно ударить на врага. Воеводой засадного полка князь назначил мудрого и опытного Дмитрия Боброка-Волынца.

Выехал великий князь на высокий курган, обозрел оттуда русское войско. Колышется оно, как неоглядное море, реют по ветру знамена, словно облака в небе, блистают шлемы, будто солнце в погожий день.

Сказал князь воинам: «Братья мои милые! Близится ночь, а завтра будет грозный день. Мужайтесь и крепитесь, и уповайте на Бога. А меня простите, братья, и в этой жизни, и в будущей, ибо неизвестно, что будет с нами».

Наступила ночь, теплая и тихая. Не спится князю Дмитрию Ивановичу, не спится старому воеводе Боброку-Волынцу. Сказал воевода князю: «Садись, государь, на коня, поедем в поле».

Выехали они на место завтрашней битвы, остановились между двух станов — русского и татарского. С татарской стороны слышен шум и крик, и стук, и скрип колес, словно съезжается народ на торг. Позади татарского стана волки воют, вороны грают, орлы клекочут. На Непрядве-реке гуси-лебеди крыльями плещут, как перед великой грозой. А над русским станом — тишина, и в небе над ним — свет, будто заря занимается.

Сказал Боброк-Волынец: «Доброе это знамение!» Потом старый воевода сошел с коня, припал ухом к земле. Долго слушал, а когда поднялся, то поник головой.

Спросил великий князь: «Что услышал ты, воевода?» Ответил Боброк-Волынец: «Плачет земля на два голоса. Один голос — как у старой матери. Причитает она на чужом языке над детьми своими. Другой голос — девичий. Плачет девица, словно свирель жалобная. Это знамение сулит нам победу, но много русских воинов поляжет в бою».

На восходе солнца пал на землю густой туман. Не видно в тумане ни русского, ни татарского войска. Но вот зареяли над туманом знамена, с обеих сторон взыграли боевые трубы. Вышли оба войска навстречу друг другу. От великой тяжести прогибается поле Куликово, реки выходят из

берегов.

Князь Дмитрий Иванович, облаченный в булатные доспехи, объезжал полки и говорил воинам, ободряя их к бою: «Братья мои милые! Встаньте за веру православную, за святые церкви! Не смерть вы обретете, а жизнь вечную!» Затем вернулся князь к своему знамени, переменил коня, снял княжеское оплечье, надел простое платье — и встал в ряды воинов.

Закричали князья и бояре: «Не подобает тебе, великому князю, самому биться! Тебе, государь, подобает стоять на высоком месте и оттуда смотреть, как мы, слуги твои, свою службу несем».

Дмитрий Иванович ответил: «Братья мои! Не хочу за вашими спинами хорониться. Если погибну — то с вами, если жив останусь — с вами же!» Туман рассеялся, и стало видно поле Куликово от края до края. Двинулись русские полки на врага. Татары навстречу идут, словно темный лес. Негде им развернуться — сами от своей тесноты задыхаются.

Хан Мамай с четырьмя ордынскими князьями с высокого холма наблюдал за началом сражения.

По обычаю, бой подобало начать поединком. Из рядов татарского войска выехал богатырь по имени Челубей и остановился, ожидая противника. Инок Пересвет, что был в передовом полку, воскликнул: «Я готов сразиться с ним! Молитесь за меня, братья!». Он пришпорил коня и устремился к поскакавшему ему навстречу Челубею. Так крепко сшиблись они, что едва не проломилась под ними земля — и оба упали с коней мертвыми.

Закричали русские воины: «С нами Бог!» И началась великая битва.

Поперек поле Куликово — тридцать верст, в длину поле Куликово — сорок верст, но тесно на нем могучим ратям. Сверканье мечей слепило глаза, будто солнце, копья стучали подобно грому небесному. Потекли по полю кровавые реки, встали кровавые озера.

Но вот — за грехи наши — стали одолевать нас поганые. Как скошеная трава, падали русские воины под копыта вражеских коней. Сам великий князь Дмитрий Иванович был тяжко ранен. Отовсюду наступали татарские полки, а русских становилось все меньше и меньше.

Князь Владимир Андреевич и воевода Боброк-Волынец видели это из засады. Вскричал Владимир Андреевич: «Воевода! Чего мы ждем? Скоро не к кому будет идти нам на помощь, ибо все погибнут!» Ответил Боброк-Волынец: «Еще не время, князь! А как придет наш час — всемерно воздадим врагам!» Со слезами молился Владимир Андреевич Господу: «Боже, отец наш! Мало показнив нас, много помилуй! Не дай торжествовать врагам нашим!» Плакали воины засадного полка, глядя, как гибнут их товарищи, и рвались в бой, но Боброк-Волынец удерживал их, говоря: «Немного уж ждать нам осталось!» Наконец, татары стали изнемогать, и тут, по Божьему соизволению, переменился ветер — подул русским в спину, татарам — в лицо.

Сказал Боброк-Волынец: «Приспело время!» Громким голосом воззвал князь Владимир Андреевич: «Братья мои и друзья, князья и бояре и все силы русские! За мною, на битву!» Словно ясные соколы на журавлиное стадо ринулись воины из зеленой дубравы. Падают под их мечами татары, как трава под косой, как лес под налетевшей бурей.

Закричали татары: «Горе нам, горе! До сего часа меньшие с нами бились, а теперь старшие бойцы пришли!» — И обратились татары в бегство.

Увидел хан Мамай, что войско его разбито, вскочил на коня и с четырьмя ордынскими князьями ускакал в степь. Погнались за ним русские воины, да не догнали, потому что у Мамая и его князей кони были свежие, а у русских — уставшие в бою.

Так закончилась великая Куликовская битва.

Владимир Андреевич встал под великокняжеские знамена и велел трубить сбор.

Воины, кто остался жив, начали собираться под знаменами своих полков. Ехали они со всех сторон Куликова поля и пели стихи — мученические и богородичные.

Но ни с какой стороны не приехал к своему знамени князь Дмитрий Иванович. Долго ждал его Владимир Андреевич, потом, рыдая сердцем, отправился искать великого князя, расспрашивая, кто и когда видел его в последний раз.

Сказал один воин: «Я видел князя в пятом часу. Крепко бился он с врагами своей палицей».

Другой воин сказал: «Я видел его в шестом часу. Он один сражался против четырех татар».

Сказал третий: «Я видел Дмитрия Ивановича перед тем, как ударил засадный полк. Был князь пеший, тяжко раненый».

Тогда все, кто мог ходить — и князья, и бояре, и простые воины — разошлись по всему Куликову полю искать среди убитых Дмитрия Ивановича — живого или мертвого.

Два молодых воина спустились к реке — и увидели великого князя, лежащего под иссеченной березой. Тяжко страдал он от раны, но был жив.

Быстро разнеслась радостная весть по полю. Собрались перед Дмитрием Ивановичем князья и бояре, низко ему поклонились и сказали: «Радуйся, государь наш, ибо ты победил врагов!» От такой вести вернулись к великому князю силы. Поднялся он на ноги и возблагодарил Бога: «Велик Господь и чудны дела Его!» Подвели князю коня. Он сел в седло и поехал через поле Куликово. Не видно на поле порожнего места, все оно усеяно телами павших. Множество полегло русских воинов, всемеро больше — татар.

Едет Дмитрий Иванович по полю — и слезы омывают его лицо.

Вот лежат восемь князей Белозерских, а рядом — углицкий князь Роман и четверо его сыновей, вот пятеро князей Ярославских, и князья Догобужские, и Глеб Иванович — князь Брянский, и Михаил Андреевич Бренок, и Тимофей Валуй, с ним — дворецкий его Иван Кожухов, и Троицкий инок Пересвет, а простых воинов — без числа.

Двенадцать дней оставалось русское войско на Дону, двенадцать дней разбирали тела убитых.

Князей, бояр и дворян отвезли в их вотчины к женам и детям, а простых воинов похоронили здесь же, на Куликовом поле. Выкопали для них триста тридцать братских могил, сверху насыпали высокие курганы.

Сказал князь Дмитрий Иванович: «Прощайте, братия! Суждено вам лежать на поле Куликовом, между Доном и Непрядвой-рекой. Сложили вы

головы за святую веру христианскую. Вечная слава вам, и вечная память!» Всего же пало на Куликовом поле русских воинов полтретья от ста тысяч и еще три тысячи, а в живых осталось пятьдесят тысяч.

С великой славой вернулось русское войско в Москву.

Князь Дмитрий Иванович за победу над татарами на берегу Дона получил прозванье — Донской, а его брат Владимир Андреевич — Храбрый.

90. ЧУДО ИЗБАВЛЕНИЯ МОСКВЫ ОТ РАЗОРЕНИЯ ОРДАМИ

Летом 1395 года монгольский хан Тимур, по прозвищу Тамерлан, что значит Железный Хромец, во главе полумиллионного войска переправился через Волгу, прошел приволжские степи, разорил город Елец, пленив тамошнего князя, и устремился на Москву.

Тамерлан гордо заявлял всему миру: «Судьба у меня в руках, и счастье всегда со мной».

На Руси в нем видели второго Батыя и ждали такого же страшного разорения, как сто шестьдесят лет тому назад. По словам автора древнерусского сказания, был Тамерлан «вельми нежалостив, зело немилостив, лют мучитель, зол гонитель, жесток томитель». Ужас и отчаяние овладели москвичами. Все московские церкви были открыты сутра до глубокой ночи, москвичи молились и готовились к неминуемой смерти.

Но Московский князь, восемнадцатилетний Василий Дмитриевич, не поддался всеобщему унынию. Помня славу своего отца, Дмитрия Донского, он стал готовиться к обороне. Собрал большое войско, причем среди воинов было немало тех, кто пятнадцать лет тому назад сражались на Куликовом поле, выступил из Москвы и встал за Коломной на берегу Оки в ожидании неприятеля.

А еще повелел князь митрополиту московскому Киприану послать людей во Владимир и перенести оттуда в Москву старинную русскую святыню — чудотворную икону Божьей Матери, называемую Владимирской по нахождению ее в Успенском соборе города Владимира.

Еще в те времена, когда столицей Руси был Киев и никто не думал, не гадал, что маленькой лесной крепости на берегу Москвы-реки суждено «царством быти, государством слыти». Константинопольский патриарх Лука Хризоверх прислал великому князю киевскому Юрию Долгорукому бесценный дар — чудотворный образ «Умиление»: Богородица держит на руках ласково к ней прильнувшего младенца-Христа. По преданию, написал этот образ святой евангелист Лука, и сама Богородица, увидев образ, сказала: «Благодать Родившегося от Меня и Моя да будет со святой иконой».

Юрий Долгорукий поставил икону в Вышгородском монастыре близ Киева.

Село Вышгород принадлежало сыну Юрия Долгорукого Андрею Юрьевичу. Князь Андрей, человек мужественный и великодушный, был за свое благочестие прозван Боголюбским. Он не любил Киева, раздираемого враждой и ненавистью младших князей, не одобрял алчного честолюбия своего отца и в Вышгороде томился, как в неволе. Андрей родился в Ростово-Суздальской земле, и северная Русь была его сердцу милее, чем южная. В 1155 году он покинул Вышгород и направился в Ростов Великий. Как самую большую драгоценность князь Андрей увез с собой дар

константинопольского патриарха — образ Богородицы.

Не доезжая до Ростова, близ города Владимира, лошади вдруг встали, и никакая сила не могла сдвинуть их с места. Пришлось там заночевать. Во сне князю Андрею явилась Богородица и сказала, что чудотворный образ Ее должен остаться во Владимире.

Князь послушался. Два года спустя, получив после смерти отца во владение Ростово-Суздальскую землю, он сделал Владимир столицей своего княжества, а на высоком берегу протекающей через город реки Клязьмы повелел построить белокаменный храм дивной красоты, посвященный Успению Богородицы — и поставить в нем чудотворную икону. С тех пор и стали ее называть Владимирской иконой БожьейМатери.

За века существования тускнели и осыпались на иконе краски, и не раз приходилось ее поновлять греческим, а потом и русским мастерам, но, наверное, действительно была на ней особая благодать — она оставалась такой же прекрасной и одухотворенной.

При Андрее Боголюбском Владимирское княжество стало первым среди русских княжеств, подчинив себе даже древний Киев. Главная святыня новой столицы — икона Владимирской Божьей Матери — стала почитаться как покровительница и защитница всей русской земли.

В 1164 году, идя в поход на волжских болгар, Андрей Боголюбский взял эту икону с собой. Перед решительным боем воины целовали ее, восклицая: «Всяк уповающий на Тя, Владычица, не погибнет!» А после победы, когда перед иконой прямо на поле сражения служили благодарственный молебен, от иконы заблистал небесный свет, озарив все далеко вокруг.

Андрей Боголюбский княжил почти двадцать лет, но в 1175 году недовольные им бояре составили заговор и в глухую полночь, вломившись в княжескую опочивальню, убили князя.

Поутру, когда весть об убийстве распространилась по городу, вспыхнул мятеж. Лихие люди бросились громить княжеский дворец, грабить казну. Их пример увлек простой народ. Грабежи и убийства начались по всей округе.

Мятеж разрастался — и некому было его унять.

Тогда священники, облачившись в парадные ризы, вынесли из Успенского собора образ Богоматери и торжественно пронесли его по улицам, среди царящего там неистовства. И мятеж утих сам собой.

В 1237 году черною тучей хлынули на Русь свирепые полчища Батыя, сметая все на своем пути и оставляя после себя «токмо дым, землю и пепел». Разорив Рязань и Москву, враги захватили Владимир. Владимирцы укрылись в Успенском соборе, татары обложили его хворостом — и подожгли.

Множество народу погибло в огне, задохнулось в дыму. Собор был разграблен. Батыевы воины унесли церковную утварь и священные облачения, сорвали драгоценную ризу и с чудотворной иконы.

Но сама она, среди пепелища и разорения, была невредима, вселяя в тех, кто остался в живых, мужество и надежду.

Шли годы. Русские земли объединились вокруг новой столицы — Москвы, и русское войско уже могло дать отпор неприятелю. В1380 году московский князь Дмитрий Иванович разбил татар на Куликовом поле.

Казалось, что полное освобождение близко, но вот над Россией нависла новая угроза — нашествие Железного Хромца, жестокого Тамерлана.

Московские послы прибыли во Владимир — за чудотворной иконой. Владимирцы со слезами провожали свою святыню. Почти две недели на руках несли икону Владимирской Богоматери от Владимира до Москвы. По обе стороны дороги стояли толпы народу и, преклоняя колени взывали: «Матерь Божия, спаси землю Русскую!» 26 августа икона прибыла в Москву. Москвичи вышли встречать ее за город, на Кучково поле (нынешний район Сретенского бульвара «Весь град изыде противу иконы на сретенье ея, — говорит летописец. — Мужи и жены, юноши и девы, дети и младенцы, сироты и вдовицы от мала до велика со кресты и со иконы, со псалмы и со песньми духовными».

На Кучковом поле перед иконой отслужили молебен по случаю ее благополучного прибытия в Москву, потом снова подняли на руки, в сопровождении ликующей толпы торжественно понесли в Кремль и установили в Успенском соборе.

Теперь, чувствуя себя под защитой Богородицы, москвичи ободрились — и уже с надеждой ждали вестей из военного лагеря от своего князя.

Наконец, известие пришло. Было оно радостным и удивительным: Тамерлан без боя повернул свои войска к югу — и ушел из российских пределов.

Историки до сих пор не могут точно сказать, что побудило Тамерлана поступить подобным образом. Современники же свято верили, что произошло чудо: говорили, что в тот самый день, когда в Москве встречали икону Владимирской Богоматери, Тамерлану явилась во сне Лучезарная Жена, окруженная сиянием и сонмом ангелов с огненными мечами. Подняли ангелы свои мечи и обратили их против Тамерлана. В ужасе проснувшись, Тамерлан созвал своих мудрецов и гадальщиков и стал спрашивать, что значит сей сон и кто та Лучезарная Жена. Ответили мудрецы и гадальщики: «То мать христианского Бога, заступница русских, и сила ее неодолима». Испугался Тамерлан — и повернул свои несметные войска назад.

«Бежал Тамерлан, гонимый силою Пресвятой Девы!» — записал летописец.

В том же году на Кучковом поле, там, где москвичи встречали чудотворную икону, была поставлена церковь Владимирской Богоматери, а вскоре основан монастырь, названый Сретенским в честь установления в Москве праздника Сретения (встречи) иконы Пресвятой Богородицы Владимирской. С тех пор каждый год 26 августа из Успенского собора Кремля в Сретенский монастырь устраивался торжественный крестныйход.

О чудесном избавлении Москвы от Тамерлана сообщают летописи, а в XV веке об этом событии была написана повесть, имевшая большое распространение по всей Руси и дошедшая до нашего времени в большом количестве списков.

В 1480 году на Русь двинулся хан Ахмет. Он встал лагерем на реке Угре, притоке Оки, в ожидании подкрепления от литовского князя и польского короля. Русское войско стояло напротив, на другом берегу.

В московских храмах служили молебны перед чудотворными иконами и особенно перед Владимирской иконой Божьей Матери.

И вдруг хан Ахмет, как и Тамерлан сто лет тому назад, поднял свое войско и увел его, не принимая боя.

Современники объясняли это новым заступничеством Богородицы, а Угру стали называть «поясом Богоматери».

«Стояние на Угре» положило конец татаро-монгольскому игу. Карамзин писал: «Митрополит установил особенный ежегодный праздник Богоматери и крестный ход июня 23 в память освобождения России от ига монголов: ибо здесь конец нашему рабству».

До 1918 года икона Владимирской Божьей Матери пребывала в Успенском соборе Московского Кремля, после установления советской власти была передана в Исторический музей, а в 1930 году — в Третьяковскую галерею. В1994 году был возвращен верующим и отреставрирован храм Николая в Толмачах (XVII век), находящийся на территории Третьяковской галереи — и в настоящее время чудотворная икона Владимирской Божией Матери находится в этом храме.

Сказания о Святых

Почитание святых пришло на Русь из Византии в X веке — одновременно с принятием христианства.

Описание жизни святых-жития, переведенные с греческого языка, были самыми читаемыми книгами. Образы святых праведников прочно вошли в народное сознание как идеал нравственной силы и чистоты, справедливости и милосердия.

Наряду с каноническими, церковными житиями на Руси стали складываться народные сказания о святых в традициях устного народного творчества. По словам профессора К.С. Шамбинаго византийские жизнеописания святых «обжились в новой среде, превратились в произведения национальные».

Русские сказания о святых бытовали в форме легенд и в форме так называемых «духовных стихов». Этими сказаниями восхищался Пушкин и писал, что они заключают в себе «много истинной поэзии».

Со времени принятия Русью христианства клику святых было причислено немало русских людей — мучеников, пострадавших за веру в период установления христианства и во время татаро-монгольского ига, праведников, просветителей, религиозно-культурных деятелей. Их жития, будучи письменными памятниками и нередко являясь замечательными произведениями древнерусской литературы, по сути близки к историческим преданиям, в их основе лежат местные легенды (как в житии Алимпия Печерского, сказании о Петре и Февронии Муромских), или живые воспоминания людей, лично знавших святого (как в житиях Сергия Радонежского и Стефана Пермского).

91. ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

Святой Георгий — один из самых почитаемых святых во всем христианском мире. Но особенной любовью пользовался он на Руси.

Каноническое житие рассказывает, что святой Георгий родился во второй половине III века в малоазийской провинции Римской империи Каппадокии. Будучи знатного рода, он поступил на военную службу, проявил себя храбрым воином и, несмотря на молодость, получил высокий

чин военного трибуна. Но однажды на него снизошло просветление, он уверовал во Христа и, приняв христианство, покинул службу, раздал свое имущество бедным и стал проповедовать христианскую веру.

По приказу римского императора Диоклетиана — жестокого гонителя христиан — Георгия арестовали и подвергли мучениям, требуя отречься от Христа. Но Георгий остался непоколебим в своей вере — и был казнен. Христианская церковь причислила его к лику святых.

На Руси наряду с каноническим житием святого Георгия издревле бытовали народные сказания о нем — духовные стихи. Духовные стихи были одним из жанров устного народного творчества, их исполняли странствующие певцы-сказители — «калики перехожие». В духовных стихах святые приобретали черты сказочных героев, а иногда и мифологических персонажей, родственных древним языческим богам, повелителям природных сил.

Официальная церковь строго противопоставляла христианство язычеству, но в народном сознании языческие и христианские представления очень долгое время мирно уживались, создавая единый и величественный образ гармонии мира.

В одном из духовных стихов о святом Георгии он как типичное языческое божество упорядочивает хаос и «устраивает» природу, причем природу именно русскую. Делает он это «по Божьему все велению, по Георгиеву все молению».

Едет он, Георгий храбрый,
Ко той земле светло-Русской,
От востока до запада поезжаючи,
Снятую веру утверждаючи.
Георгий «проглаголует»:
«Ой вы леса, леса темные!
Ой вы леса, леса дремучие!
Заростителся, леса темные,
По всей земле светло-Русской,
Раскиньтеся, леса дремучие,
По крутым горам по высокиим».

И все совершается по слову святого. Затем святой распределяет «по всей земле светло-Русской» моря и реки, горы и холмы:

По его ли слову Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению
Рассыпалися горы высокие
По всей земле светло-Русской,
Становилися холмы широкие
По степям, полям зеленыим, (…)
Протекали моря глубокие
По всей земле светло-Русской,
Пробегали реки широкие
От востока да и до запада.

Некоторые ученые склонны считать, что в этом духовном стихе святой Георгий отождествляется с Ярилой — славянским богом производительных сил природы.

Кроме того, святой Георгий принял на себя функции еще одного языческого бога — Белеса — повелителя лесных зверей и покровителя домашней скотины. Один из церковных праздников, посвященных святому Георгию, приходится на 23 апреля (6 мая). На Руси, по традиции, в этот день первый раз после зимы выгоняли скот на пастбище. Это важное в крестьянской жизни событие сопровождалось магическими обрядами, один из которых заключался в том, что пастух обносил вокруг стада икону святого Георгия, чтобы уберечь скотину от хищных зверей.

По народному поверью, святой Георгий в этот день собирал в лесу вокруг себя волков и медведей и брал с них слово не трогать домашнюю скотину без крайней надобности и без его, Георгия, особого разрешения. Это поверье отразилось в народной поговорке. «Что у волка в зубах — то Егорий дал». (Георгия на Руси часто называли просторечной формой его имени — Егорий.) К Георгию обращались и особым «окликаньем»:

Егорий ты наш Храбрый!
Ты спаси нашу скотинку (.)
От волка от хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого

Постоянный эпитет святого Георгия в русском фольклоре — Храбрый — связан с его ролью воина-защитника. Особенно важной эта роль стала в период татаро-монгольского нашествия.

Одним из самых распространенных сюжетов духовных стихов о святом Георгии является его борьба с «царем-басурманищем». В этих стихах часто совсем забывается иноземное происхождение святого, и местом его рождения называется город Чернигов.

Внешность Егория «Свет Храброго» описывается в чисто сказочном ключе:

По колени у него ноги в золоте,
По локти руки в чистом серебре,
Волоса на нем, что ковыль-трава,
Во лбу солнце, во тылу месяц

Напал на Русскую землю царь-басурманище Демьянище (иногда его называют Диаклетианище, как слабый отзвук канонического жития святого Георгия), пожег города и села, Божьи церкви на дым пустил, святые иконы коням под копыта побросал, а Егория Свет Храброго в полон взял и стал уговаривать отречься от веры христианской, поверовать в басурманскую. Но Егорий ответил: «Злодей царище Демьянище, Безбожный пес басурманище! Я умру за веру христианскую!» Царь-басурманище разгневался и приказал мучить Егория «муками разноличными». Стали его топорами рубить — топоры поломались, стали пилой пилить — у пилы зубья

затупились. Привязали Егорию на шею тяжелый камень и бросили в воду — а он не тонет, против теченья гоголем плывет. Стали Егория в кипящей смоле варить — а он не варится, поверх смолы стоит, поет стихи херувимские. А тут еще огонь под котлом погас, выросла травка зеленая, расцвели цветики лазоревые.

Тогда велел Демьянище посадить Егория в яму глубиной в сорок сажен, закрыть досками дубовыми, забить гвоздями железными, засыпать песками рудо-желтыми. Царь-басурманище песок притаптывает, приговаривает: «Не ходить Егорью по белу свету, Не видать солнца красного, месяца ясного, Не бывать на святой Руси, Не слыхать звона колокольного, Пенья церковного!» Но тут налетели ветры буйные, развеяли пески рудожелтые, поломали гвозди железные, разметали доски дубовые. Сошла с небес сама Богородица и вывела Егория на волю.

Пошел Егорий по святой Руси, пришел в свой родной город и увидел его разоренным, выжженым и обезлюдевшим. Уцелела лишь церковь Божия, а в ней молилась Богу Егорьева матушка.

Егорий испросил у нее благословения на бой с царем-басурманищем, добыл себе богатырского коня и меч — и отправился навстречу врагу.

Увидел его царь Демьянище,
Безбожный пес басурманище,
Выходил он из палаты белокаменной,
Кричит он по-звериному,
Визжит он по-змеиному;
Хотел победить Егория Храброго.
Святой Егорий не устрашился,
На добром коне приуправился,
Вынимает меч-саблю вострую,
Он ссек его злодейскую голову.

На иконах святого Георгия чаще всего изображают в образе всадника на белом коне, поражающего копьем страшного змея.

Именно таким он запечатлен на Московском гербе.

Победа Георгия над змеем-людоедом — самое известное из егочудес.

В русском духовном стихе «Чудо Георгия о змие» сюжет обрастает яркими драматическими подробностями, приобретая характер народной сказки.

В некоем «царстве Рахлинском» царствовал нечестивый царь Агапий и была у него дочь-христианка Алексафия (или Олисава). Неподалеку от царской столицы в пещере на берегу моря поселился свирепый змей и стал требовать себе человеческих жертвоприношений. По жребию отправлялись жители царства Рохлинского «лютому змею на съедение, пещерскому на прожрение».

Однажды жребий выпал самому царю Агапию.

Царь закручинился, а его жена-царица, такая же нечестивая, как и он сам, сказала:

У нас есть с тобой, кем заменитися:

У нас есть с тобой дитя единое,
Одна-единая дочь немилая.
Она верует веру все не нашу -
Богу молится она распятому.
Отдадим мы Алексафию змею лютому».

Царь последовал совету жены; призвал к себе царевну и сказал ей «слова обманные»:

Ты, прекрасная Алексафия Агапиевна,
Ты вставай-ка, Алексафия, с утра ранешенько,
Умывайся, девица, белешенько,
И снаряжайся, Алексафия, хорошохонько:
С утра я тебя буду замуж отдавать
За того, который с тобой в одну веру верует.

Царевна, заподозрив неладное, всю ночь не спала-молилась Спасу Пречистому.

Утром ее посадили в черную повозку, которой правил «детина в платье траурном», отвезли на берег моря и оставили одну возле змеиной пещеры.

Села Алексафия на крутой бережок — и стала ждать неминуемой смерти. Но тут Господь послал ей на выручку святого Егория.

Наезжает Егорий на люта змея,
На люта змея, люта огненна.

Ударил Егорий змея копьем «во прожорище», приговаривая: «Так будь, змея, кротка и смирна!» Змей был побежден. Егорий обвязал вокруг его шеи конец пояса — и Алексафия повела чудовище «на поясе, как коровушку будто доеную».

Егорий сказал царевне:

«Поведи-ка, Алексафия, змея лютого
Во свое во царство Рахлинское,
Скажи батюшке царю Агапию,
Пущай поверует в веру христианскую…»

Агапий исполнил повеление Егория, принял христианство и построил три церкви: одну во имя Богоматери, другую — во имя святой Троицы, третью — во имя святого Георгия. А кроме того пообещал: «Я не раз Егорью в году буду праздновать, Я не раз в году — два раза».

Один из праздников памяти святого Георгия — 26 ноября (9 декабря); считается, что именно в этот день произошло сражение Георгия со змеем, другой — 23 апреля (6 мая), этот праздник на Руси называют Егорий вешний.

Святого Георгия почитали как одного из покровителей русского воинства. В 1769 году был учрежден орден Святого Георгия. Этим орденом награждали только за военные подвиги. В статуте ордена было сказано,

что его удостаивается «единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием».

После Октябрьской революции этот орден был упразднен, а недавно — в 2000 году восстановлен вновь.

92. НИКОЛАИ УГОДНИК

Николай Чудотворец, Угодник Божий, на Руси почитался наравне с Иисусом Христом и Богородицей, превыше всех других святых. В народе даже бытовала легенда, что он должен был стать Богом, да отказался.

По убеждению русского человека, святой Николай был его первым помощником во всех делах и защитником от всех бед. В одной из былин говорится: «Господи Владыко свет помилует, и Пресвятая Мать Богородица заступится, и сохранит да ведь Микола Многомилосливый».

На Руси святой Николай был известен еще до принятия христианства. В летописи упоминается, что полулегендарный киевский князь Аскольд, княживший во второй половине IX века, то есть за сто лет до крещения Руси, был христианином, носил христианское имя Николай, и над его могилой в Киеве была поставлена церковь, посвященная святому Николаю.

Каноническое житие сообщает, что святой Николай жил в IV веке, был архиепископом города Миры в Ликии — малоазийской провинции Римской империи и принадлежал к числу святителей — церковных деятелей первых веков христианства.

Во время гонений на христиан, предпринятых римским императором Диоклетианом, святой Николай вместе со своими единоверцами был заключен в тюрьму и пробыл там долгое время, «перенося тяжкие страдания, претерпевая голод и жажду и тюремную тесноту. Своих соузников от питал словом Божьим и напоял сладкими водами благочестия, (…) убеждал быть твердыми в исповедении Христа и усердно страдать за истину».

Когда на римском престоле язычника-Диоклетиана сменил христианин Константин Великий, Николай вышел на свободу и продолжил свою церковную деятельность.

Святой Николай обладал способностью творить чудеса. В житии рассказывается о том, как он словом успокаивал морские бури и спасал тонущие корабли, поэтому его почитали как покровителя всех плавающих и путешествующих. Неоднократно он являлся во сне сильным мира сего, чтобы восстановить справедливость и спасти невинно осужденных. Существует рассказ о том, как он оживил трех юношей, убитых разбойниками.

Но часто помощь святого Николая не носила чудесного характера, а была обычным человеческим милосердием. Однажды он узнал, что некий горожанин до того обнищал, что решил продать в дом терпимости трех своих дочерей. Святой Николай ночью тайком забросил ему в окошко три узелка с золотом. Горожанин поправил свои дела — и все три девушки благополучно вышли замуж. (С этим эпизодом связан существующий до сих пор в Западной Европе обычай тайно подбрасывать детям на Рождество чулок с подарками «от Санта Клауса» — святого Николая.) На Руси образ святого Николая — печальника о людских бедах полностью заслонил образ

Николая — церковного иерарха. В народном сознании Николай превратился в крестьянского — «мужицкого» — святого, мудрого и справедливого, понимающего повседневные человеческие нужды, всегда готового помочь.

Николай Угодник — Никола Милостивый — стал героем множества русских народных легенд, причем в них Николай зачастую противопоставляется другим святым, гордым и недоступным.

Однажды шли по земле святой Касьян и Никола Угодник — и увидели мужика, пытавшегося вытащить увязнувший в грязи воз. Касьян прошел мимо — не захотел марать райского платья, а Никола помог мужику. Когда узнал об этом Господь Бог, то положил Николе два праздника в году, весной и осенью, а Касьяну — лишь один в четыре года, 29 февраля. В другой легенде рассказывается, как Никола шел по земле уже с самим Господом Богом. Повстречали они голодного волка, и Бог разрешил ему съесть пегую корову, принадлежавшую бедной вдове. Как услышал это Никола, забежал вперед волка — и перекрасил пегую корову болотным илом в черный цвет. Волк не узнал ее — и корова осталась жива.

Народный образ святого Николая восходит к языческим верованиям и имеет очевидную связь с древнеславянским богом Белесом. В языческую эпоху Белес был народным, крестьянским богом и противопоставлялся богу-громовержцу Перуну-покровителю княжеской, военной власти. С принятием христианства функции Перуна перешли на святого Илью Пророка и, отчасти, на святого Георгия. Поэтому в легендах очень распространен сюжет о конфликте Николы с Ильей или Егорием, из которого Никола выходит победителем, решив его мирным путем.

Захотели раз Никола и святой Егорий помочь мужику вспахать поле. Никола впрягся в соху вместо коня, а Егорий стал пахать. Вспахали, поблагодарил их мужик. Никола спрашивает. «Скажи, мужичок, кто важней: тот, кто в сохе стоял, или тот, кто за соху держался?» Мужик подумал и ответил: «Конь важней. Без коня пахать не будешь, а с конем и баба вспашет». Разобиделся Егорий, что мужик его с бабой сравнил, призвал к себе на помощь Илью Пророка — и стали они вместе тому мужику всякие козни чинить: то нашлет Илья на мужиково поле бурю-грозу, то сделает Егорий пшеницу неумолотной. Но Никола всякий раз от мужика беду отводил и, наконец, посоветовал: «Поди в воскресенье в церковь, купи две свечки, одну за грош, другую за пятак. Ту, что за грош, вымарай сажей, а ту, что за пятак, не марай. Стань лицом к образу Егория и скажи: «Святой Егорий, вот тебе свечка чистая за пятак, а грошевую да замаранную поставлю Николе-обманщику». Тогда он от тебя отвяжется». Мужик послушался совета — и впредь жил спокойно.

Никола в народных легендах всегда был милосерден, и даже грешников не карал, а вразумлял.

Однажды вор обокрал крестьянский дом, да едва не попался: заметили его, послали погоню — вот-вот настигнут. Взмолился вор святому Николаю: «Батюшка, отец Николай, сокрой меня — я тебе гривенную свечку поставлю!» Вдруг, откуда ни возьмись, появился перед ним старичок — и указал канаву, где можно спрятаться. Да только в той канаве валялась дохлая лошадь и сильно смердела. Но, делать нечего, залез вор в канаву, затаился. Погоня его не заметила, мимо пробежала. Вылез вор из канавы,

стал благодарить старичка, а тот спрашивает: «Каково было тебе в канаве лежать?» Вор отвечает: «Душно, дедушка. Едва не задохся». Тогда старичок (а это был, конечно, сам Никола) говорит: «Вот и святому Николаю было бы также душно от твоей свечки!» Сказал — и скрылся из глаз.

В описании внешности Николы в народных легендах обычно подчеркиваются его простонародные черты: «сивой, сивой древний старичок». Нередко такие же черты видны и в его иконописных изображениях. В руководстве для иконописцев о святом Николае говорится так: «борода невелика, взлыс, плешив, на плеши малокудрецов».

Многие иконы с изображением святого Николая на Руси почитались чудотворными. Наиболее древняя из них — так называемый «Никола Мокрый», находящаяся в храме Святой Софии в Киеве. Чудо, связанное с этой иконой, произошло в XI веке.

Жили в Киеве благочестивые муж с женой, и был у них единственный сын, в то время еще младенец. Однажды они всей семьей отправились в Вышгород, чтобы поклониться мощам святых Бориса и Глеба. Ехали они по Днепру на лодке, и вот, мать задремала, а младенец упал в воду — и утонул. Родители в горести стали; упрекать святого Николая, которого считали своим покровителем: «Для того ли имели мы великую веру к святыне твоей, чтобы ты не сохранил единственного нашего сына?» Но вскоре они одумались и, решив, что Бог наказал их за грехи, перестали роптать, смиренно попросили прощения у святого Николая и вернулись домой в Киев. Николай пожалел несчастных родителей — и совершил чудо. На другой день утонувший младенец, живой и невредимый, оказался в храме святой Софии перед образом святого Николая. С младенца текла вода, поэтому образ был назван «Мокрым».

Одна из самых почитаемых чудотворных икон святого Николая-образ Николы Зарайского.

Первоначально эта икона находилась в греческих владениях, в церкви апостола Иакова в городе Корсуни. Однажды причетнику этой церкви Евстафию явился во сне святой Николай и велел ему, взяв образ, идти с ним на Русь, в Рязанские земли.

Затем святой явился во сне сыну рязанского князя Федору Георгиевичу и сказал: «Иди, княже, встречать мой чудотворный образ Корсунский». В том же сновидении Николай предсказал молодому князю, что он сам, его будущая жена и еще не рожденный сын после смерти обретут «неувядаемые венцы в царствии небесном».

Князь Федор торжественно вышел навстречу Евстафию, принял от него чудотворный образ и поставил в храме своего города, который в то время назывался Красным.

Это произошло в 1225 году. А двенадцать лет спустя на Русь напали полчища Батыя. Рязань была разорена, и рязанский князь Георгий Игоревич вынужден послать своего сына Федора с данью к Батыю. Батый, узнав, что Федор недавно женился и что жена его Евпраксия славится своей красотой, потребовал, чтобы молодую княгиню доставили к нему.

Федор дерзко ответил, что у христиан не в обычае показывать своих жен нечестивым язычникам. Разгневанный Батый приказал убить князя Федора, а его тело бросить на растерзание зверям и хищным птицам.

Евпраксия, узнав о смерти мужа, вместе с новорожденным сыном бросилась с высокой башни — и разбилась (в то время говорили «заразилась») насмерть.

С тех пор город Красный стал называться Зарайском.

Княгиня и ее сын, а позже и князь Федор, останки которого перенесли в город, были похоронены при храме, где находился чудотворный образ Николы Корсунского, получивший теперь название Зарайского.

Ко времени татарского нашествия относится появление еще одного чудотворного образа святого Николая — Николы Можайского.

Враги осадили город Можайск, и защитники его уже теряли последние силы. Но вдруг в воздухе над собором появился святой Николай, державший в одной руке меч, а в другой — изображение храма, обнесенного крепостной стеной. Татары, устрашенные этим видением, сняли осаду — и бежали.

По живому впечатлению, можайские иконописцы создали образ Николая, представив его таким, каким он явился в видении: с мечом и изображением храма.

Прославленный чудотворный образ Николая — Никола Угрешский также связан с борьбой против татар.

Дмитрий Донской, отправляясь на Куликовскую битву, остановился со своим войском на ночлег верстах в пятнадцати от Москвы. И там явился князю образ святого Николая. Образ парил в воздухе над высокой сосной, и его окружали сверкающие звезды. Князь и воины пали на колени и вознесли молитву. Тогда образ сошел с высоты и лег на руки князю. Дмитрий Донской сказал, что дивное это явление «угреша» (то есть согрело) его душу. Образ получил название Угрешского.

Позднее князь на том месте основал Николо-Угрешский монастырь.

Помощник в крестьянском труде, защитник от врагов, покровитель во время путешествий, святой Николай постоянно присутствовал в жизни русского человека. В старинном духовном стихе поется:

Славный во чудесах,
Велик на небесах,
Николае пречудный.
Избавляй от скорбей
И от всех напастей.
Сиротам и вдовам
Богатство удовляй,
Николае пречудный. (…)
Сохрани от рати,
Пленных всех возврати. (…)
Тебе воспеваем
И смиренным сердцем
До тебя взываем,
Николае пречудный.

93. СВЯТОЙ АЛИМПИЙ ИКОНОПИСЕЦ

В давние времена, когда древний город Киев только начал украшаться храмами и монастырями, в княжение великого князя Всеволода Ярославича в Киево-Печерской Лавре была заложена церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Сам Господь указал огненным столбом место, где должна быть построена церковь, а в далекой царьградской земле Богородица явилась четверым тамошним живописцам и велела им идти на Русь, чтобы расписать ту церковь святыми образами.

Царьградские живописцы пустились в дальний, трудный путь и, достигнув Киева, принялись за работу.

В помощники им был дан киевский отрок Алимпий, который сызмала обучался живописному мастерству и был уже довольно искусен.

И вот, когда царьградские мастера расписывали алтарь, а отрок Алимпий им помогал, произошло чудо. Образ Богородицы засиял вдруг светлее солнца, и от него отлетел белый голубь. Стал тот голубь летать по всей церкви, подлетая к образу каждого святого, подлетел к образу Спаса — и исчез. Поняли живописцы, что был это не простой голубь, а Дух Святой, и что Господь благословил их труд.

Прошло несколько лет. Алимпий стал известным иконописцем и принял пострижение в Киево-Печерской Лавре. Он работал не покладая рук, и труд был для него радостью, а иконы, написанные им, сияли небывалой святостью и красотой.

Алимпий писал иконы и для монастырей, и для храмов, и для мирян, а когда не было у него работы, то разыскивал по церквам старые, обветшавшие иконы и поновлял их или переписывал заново.

За свою работу Алимпий или вовсе ничего не брал, или брал самую малость. Полученные деньги он всегда делил на три части: одну раздавал нищим, на другую покупал то, что было нужно ему для иконного писания, и только третью оставлял себе.

Слава об искусстве Алимпия и его святой жизни разнеслась по всей Русской земле.

Однажды пришел к Алимпию человек, которого Господь наказал за грехи жестокой болезнью, так, что все его тело покрылось язвами и струпьями. Горько плача, покаялся он перед Алимпием в своих грехах. Алимпий взял краску, которой писал образа, и замазал ею язвы на теле грешника. Потом велел ему омыться водой, которой умываются священники, и тут же зажили язвы, отпали струпья, и стал тот человек здоров.

Прошли годы. Когда Алимпий был уже старцем, один киевлянин заказал ему икону Богоматери и просил непременно закончить ее к празднику Успения, потому что хотел он в тот день поставить новую икону в церкви.

Алимпий пообещал, но случилось так, что он расхворался и никак не мог приняться за работу.

Накануне праздника заказчик пришел за своей иконой и, увидев, что она еще не начата, стал пенять святому: «Зачем же не сказал ты мне о своей немощи? Я бы дал писать икону другому, а теперь праздник не будет для меня светел и радостен».

Алимпий смиренно ответил: «Сын мой! Разве я по лености не исполнил того, что должен? Бог поможет мне совершить мою работу».

Заказчик ушел.

А поздним вечером в келье Алимпия появился незнакомой юноша. Он молча поклонился святому, взял краски, установил доску и стал писать икону.

Алимпий подумал, что рассерженный заказчик прислал другого живописца. Юноша работал искусано и споро: растирал краски на камне, выкладывал фон золотом. Через три часа икона была окончена. Юноша положил кисти и спросил Алимпия: «Отче! Ненужно ли еще что-нибудь сделать? Не ошибся ли я в чем?» Алимпий сказал: «Ты хорошо поработал. Господь помог тебе так искусно написать икону».

Тут юноша осветился неземным светом и стал невидим. И Алимпий понял, что это был ангел Господень.

Заказчик же провел ночь без сна, печалясь о том, что не будет в церкви к празднику новой иконы. Утром пошел он помолиться и едва переступил церковный порог, как неведомо откуда появилась в церкви икона Богоматери, окруженная сиянием.

Народ дивился такому чуду и поклонялся иконе в веселиидушевном.

Киевлянин поведал игумну, что заказал эту икону Алимпию, но еще вчера она не была даже начата.

После службы все, бывшие в церкви, пошли к Алимпию. Святой лежал на смертном одре, и близок был его последний час.

Игумен спросил его: «Отец мой! Как была написана та икона?» Святой Алимпий ответил: «Ангел Господень написал ее. И вот теперь он стоит возле меня и хочет взять меня с собою».

С этими словами он испустил дух и вознесся ко Господу. Произошло это в 1114 году.

Иконы, написанные Алимпием, были во многих церквах. И не раз случалось так, что церковь сгорала от пожара, или во время войны бывала разорена врагами, но иконы, написанные Алимпием, оставалисьневредимы.

Одна икона его работы — Царь Царем — до сих пор хранится в Успенском соборе Московского Кремля. Иногда святому Алимпию приписывается икона Богородицы, известная под названием Оранта Ярославская, находящаяся сейчас в Третьяковской галерее.

Рассказ о святом Алимпий входит в «Киево-Печерский патерик», — составленный в 20-х годах XIII века, — сборник жизнеописаний наиболее прославленных иноков Киево-Печерского монастыря, он был написан монахом того же монастыря Поликарпом на основе устных преданий.

94. СКАЗАНИЕ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

Муромский князь Петр и его жена Феврония жили, как сообщает летопись, в начале XIII века. Они оставили по себе настолько добрую память, что после смерти их стали почитать как святых. Сначала — только в Муромских землях, а позже — по всей Руси.

К лику общерусских святых Петр и Феврония были причислены в середине XVI века. Тогда же известный церковный писатель Ермолай-Еразм на основе сказаний, бытовавших в народе, написал «Повесть о Петре и Февронии». Заканчивая повествование, Ермолай-Еразм

говорит: «Написал о том, что слышал, не ведая, может быть, и другие о том написали, знающие более меня».

Хотя «Повесть о Петре и Февронии» имеет подзаголовок «житие», она очень отличается от традиционных произведений житийной литературы и напоминает — и по сюжету, и по образному строю — народную сказку. Поэтому митрополит Макарий, крупный церковный и культурный деятель XVI века, составивший Великие Четьи Минеи — собрание житий святых, не включил в них житие муромских святых, а в «Словаре святых, прославленных в Российской церкви», изданном в 1862 году, говорится: «Подробности жития благоверного князя Петра и супруги его неизвестны».

Признавая существование святых Петра и Февронии, церковь отрицала достоверность сказания о них. Но в народе оно было очень популярно, фольклористы записывали его варианты от народных сказителей вплоть до середины XX века.

В сказании говорится, что у князя Петра был старший брат Павел, который княжил в Муроме и имел красавицу-жену.

По дьявольскому наущению повадился летать к молодой княгине крылатый змей и принуждать ее к блуду. Змей был хитер: княгине он являлся в своем истинном обличье, но когда его мог увидеть кто-нибудь другой, принимал облик князя Павла.

Рассказала княгиня о своей беде мужу. Опечалился князь Павел, стал думать, как избавить жену от напасти, как извести проклятого змея. Нелегко было это сделать: ведь в змее был заключен сам нечистый дух. Долго думал князь, да так ничего и не придумал.

Тогда сказал он княгине: «Выведай у змея, какой смертью суждено ему умереть. Если я буду об этом знать, то смогу избавить тебя и от его дыхания, и от шипения, и от прочей мерзости, о которой и говорить-то смрадно».

Княгиня послушалась мужнина совета. Когда прилетел к ней змей, оплела его льстивыми речами и как бы невзначай сказала: «Все-то тебе ведомо! Верно, знаешь ты и о том, какова будет твоя кончина и от чего она приключится?» Змей, великий обманщик, на сей раз сам обманулся и открыл княгине свою тайну: «Будет мне смерть от Петрова плеча, от Агрикова меча».

Крепко запомнила княгиня змеевы слова и пересказала их мужу.

Князь подумал: «Не о брате ли моем Петре говорил змей?» Позвал он брата к себе и поведал ему о своей догадке. Молодой князь Петр был храбр и не усомнился, что именно ему суждено одолеть змея.

Но прежде надо было раздобыть Агриков меч.

Знал князь Петр, что жил некогда на свете Агрик-богатырь, владевший чудесным мечом, но не ведал, где этот меч теперь.

Пошел князь Петр в дальнюю, загородную, церковь, которую особенно любил, и стал там в уединении молиться.

Вдруг явился перед ним ангел в образе отрока и сказал: «Князь, я укажу тебе, где скрыт Агриков меч. Иди вслед за мной».

Привел отрок князя Петра в алтарь этой церкви и показал, что в алтарной стене между камнями есть широкая щель. А в глубине ее лежит меч.

Взял Петр чудесный меч, пошел в дом своего брата и стал ждать дня, когда прилетит змей.

Однажды беседовал князь Петр с братом в его покоях, а потом пошел поклониться княгине. Заходит в княгинин терем и видит: сидит рядом с княгиней князь Павел. Подумал Петр: «Как же успел брат придти сюда раньше меня?» Вернулся он в покои брата — а брат там. Понял Петр, что видел у княгини змея. Сказал Петр князю Павлу: «Никуда отсюда не выходи, а я пойду биться со змеем, и с Божьей помощью одолею его!» Взял он Агриков меч и снова пошел к княгине. Так опять увидел он Павла, но зная, что это не он, а змей, поразил его мечом.

В тот же миг принял змей свое истинное обличье, затрепетал в предсмертных судорогах — и издох, окропив князя Петра своей кровью.

От поганой змеиной крови покрылось тело молодого князя язвами и струпьями, тяжко занедужил князь Петр. Стали лечить его лекари и знахари, но ни один не смог исцелить.

Прослышал князь Петр, что есть искусные лекари в соседней Рязанской земле, и приказал отвезти себя туда.

Вот прибыл недужный князь в Рязанскую землю и послал своих дружинников искать лекарей.

Один молодой дружинник завернул в деревню под названием Ласково. Поднялся на крыльцо крайнего дома, вошел в сени — никого там не встретил. Зашел княжеский дружинник в избу и видит: сидит за ткацким станом девица, ткет полотно, а на полу перед ней заяц пляшет, ее забавляючи.

Увидела девица княжьего дружинника и, смутившись, сказала: «Беда, когда двор без ушей, адом без очей!» Подивился дружинник непонятным речам и сказал: «Выслушал я тебя, девушка, а ни слова не понял».

Усмехнулась девица: «Чего ж тут не понять? Уши двора — собака. Услыхала бы она тебя и залаяла. Очи дому — ребенок. Увидел бы он из окошка, что ты идешь, и мне бы сказал. А так застал ты меня за работой да в будничном платье».

Дружинник спросил девицу, где ее домашние.

Девица ответила: «Отец вместе с матерью ушли взаймы плакать, а брат в лесу под ноги глядит да смерть свою видит».

Того пуще удивился дружинник, а девушка пояснила: «Отец с матерью ушли на похороны, по покойнику плакать. А когда за ними смерть придет, то другие станут оплакивать их. Стало быть, сейчас они плачут взаймы. Брат добывает мед диких пчел из дупел на высоких деревьях, он сейчас в лесу взобрался на дерево и вниз поглядывает, как бы не упасть. А если упадет туда, куда смотрит, то приключится ему верная смерть».

Сказал княжий дружинник: «Вижу я, что премудрая ты девица. А как твое имя?» Ответила девица: «Имя мое Феврония».

Рассказал княжий дружинник Февронии, что прибыл в Рязанские земли недужный князь Петр, надеясь на исцеление, и спросил, не знает ли она, где найти искусного лекаря.

Феврония ответила: «Вели привезти твоего князя сюда. Если он смиренен и мягкосердечен, я исцелю его».

Привезли князя Петра к мудрой деве.

Сказал ей Петр: «Если ты и вправду исцелишь меня, то я награжу тебя великим богатством».

На это Феврония ответила: «Богатства мне не надобно. А лучше пообещай, князь, что, если я тебя исцелю, ты возьмешь меня в жены» Петр подумал про себя: «Не бывало такого, чтобы князь женился на дочери простого мужика!» Но Февронии сказал: «Обещаю исполнить все, что ты хочешь».

Феврония зачерпнула в малую посудину хлебной закваски, подула на нее и велела княжьим слугам: «Истопите для князя баню, и пусть помажет он этим зельем все свои язвы и струпья, все, кроме единого».

Слуги стали топить баню. А князь решил испытать мудрость Февронии. Послал он к ней своего слугу с пучком льна и велел передать, что хочет-де князь, чтобы, пока он моется в бане, девица из того льна соткала полотно и сшила для него рубаху, порты и полотенце.

Выслушала Феврония княжьего слугу, взяла лен, а в обмен дала березовую щепку и сказала: «Пока я буду лен расчесывать, пусть твой князь сделает из этой щепки ткацкий стан, чтобы было мне на чем ткать полотно».

Слуга передал князю ответ Февронии, и князь подумал: «Воистину, мудра эта девица!» Вот пошел князь париться в баню. Смазал свои язвы и струпья хлебной закваской, что дала Феврония, и тут же стал здоров.

Тело его опять было чисто и гладко, как прежде; остался лишь один струп, который он не стал мазать, как велела мудрая дева.

Но князь, исцелившись, не исполнил своего обещания, не захотел взять незнатную девицу в жены. Он вернулся к себе в Муром, а Февронии, вместо сватов, послал богатые подарки.

Однако Феврония подарков не приняла.

Недолго радовался князь своему исцелению: вскоре от того струпа, что остался на теле, пошли во множестве другие язвы — и расхворался князь пуще прежнего.

Со стыдом вернулся Петр к Февронии и стал просить еще раз исцелить его, твердо пообещав взять мудрую деву в жены. Феврония, не держа на князя зла, снова приготовила зелье, и князь исцелился.

Петр тут же обвенчался с Февронией, и они отправились в Муром.

Спустя недолгое время старший брат Петра Павел скончался, и Петр унаследовал княжий престол.

Но неспокойным было его княжение. Муромские бояре невзлюбили молодую княгиню из-за ее низкого рода — и задумали разлучить ее с мужем. Стали они наговаривать Петру на Февронию.

Вот говорят бояре князю: «Государь, твоя княгиня не умеет себя за столом держать: прежде, чем встать из-за стола, собирает хлебные крошки в горсть, будто голодная».

Решил князь проверить, правда ли это. Повелел Февронии обедать с ним за одним столом. Отобедали они, и Феврония, как привыкла в деревне, смахнула крошки со стола себе в горсть. Взял князь ее за руку, разжал пальцы и увидел, что на ладони у Февронии — благовонный ладан.

В другой раз пришли к Петру злокозненные бояре и сказали: «Князь! Всемы хотим верно тебе служить, но не хотим, чтобы наши жены служили твоей низкородной княгине. Если ты желаешь быть нашим господином, то избери себе другую жену, а Февронию награди богатством — и пусть идет она, куда хочет».

Князь Петр говорит боярам: «Скажите об этом Февронии — и послушайте, что она ответит».

Пошли бояре к княгине и сказали: «Госпожа! Не хотят наши жены быть у тебя в подчинении. Возьми себе богатства и иди, куда хочешь!» Ответила Феврония: «Я исполню ваше желание, если дозволите мне взять с собой то, что мне всего дороже».

Бояре не стали перечить, с охотою согласились: «Бери все, что тебе угодно».

И сказала Феврония: «Не нужно мне ничего, кроме моего любимого супруга князя Петра».

Тут бояре подумали, что ежели Петр откажется от княжеского престола, то они изберут другого князя по своему желанию, и говорят Февронии: «Если Петр пожелает уйти с тобой, то пусть уходит».

Когда князь Петр узнал, что надобно ему выбрать между княжеством и женой, то рассудил, что лучше лишиться земной власти, чем пренебречь Божьей заповедью, ибо в Писании сказано, что если кто отошлет от себя безвинную жену и женится на другой, то сотворит он прелюбодеяние.

Петр снарядил корабль, взял с собой верных слуг и вместе с Февронией покинул Муром.

Целый день плыли они по реке Оке, вечером причалили к берегу и расположились на ночлег. Тут князь Петр задумался о том, что же будет с ними дальше. Феврония, угадав его невеселые мысли, сказала: «Не кручинься, князь! Бог нас не оставит».

Меж тем в Муроме бояре между собой перессорились: каждый хотел быть князем. Началась между ними драка, потом схватились за мечи, многих порубили, а те, кто остались в живых, решили просить Петра вернуться на отчий престол. Выбрали они челобитчиков и послали их вслед за Петром.

Вот предстали челобитчики перед князем, низко ему поклонились и сказали: «Вернись, князь! Молим мы тебя и твою княгиню не гневаться и не оставлять нас сиротами».

Возвратились князь Петр и Феврония в Муром и стали жить там в благочестии, соблюдая все Божьи заповеди. Правили они своей вотчиной не яростью, а кротостью, странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, и никто не терпел от них притеснения.

Так прошли многие годы. Петр и Феврония состарились и молили Бога, чтобы дал Он им умереть в один день. Велели они сделать двойную гробницу и завещали похоронить в ней себя вместе.

Когда почувствовали они, что недолго осталось им жить на этом свете, то приняли иноческий чин в разных обителях. Петр был назван в иночестве Давидом, а Феврония — Евфросиньей.

Однажды сидела Феврония в своей обители и вышивала покров для храма. Тут пришло ей послание от Петра: «О, сестра Евфросинья! Хочет

душа моя отойти от тела, и жду я только тебя, чтобы умереть нам вместе».

Ответила Феврония: «Подожди, господин. Дай дошить мне покров для церкви святой». Оставалось ей вышить на покрове лишь ризу одного святого.

Но снова принесли посланье от Петра: «Я умираю, и не могу ждать».

Тогда Феврония воткнула иголку в покров, обернув ее ниткой, которой шила.

Послала она к Петру сказать, что готова к смерти.

Помолившись, в один час предали Петр и Феврония свои души в руки Божьи.

Неразумные люди решили пренебречь их завещанием и похоронить порознь, рассудив, что в монашеском чине не подобает лежать им вместе.

Сделали для них два гроба и поставили на ночь в соборной церкви. Но утром нашли эти гробы пустыми, а тела Петра и Февронии — в двойной гробнице, которую приготовили они для себя сами.

В той гробнице похоронили их вместе возле церкви Рождества Богородицы в Муроме.

В1565 году по распоряжению Ивана Грозного над захоронением Петра и Февронии была построена новая каменная церковь.

95. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский в 1892 году в речи, произнесенной на собрании Московской Духовной Академии, посвященном пятисотлетию со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского, отметил, что личность Сергия со временем превратилась «в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом».

Первое описание жизни Сергия Радонежского — его житие — было составлено в 1418 году, через двадцать шесть лет после смерти святого, известным древнерусским писателем Епифанием Премудрым — учеником Сергия, знавшим его в последние годы жизни. Чтобы составить житие как можно более полно, Епифаний долгое время собирал материалы. Он указывает источники, которыми пользовался: «Что-то я от старцев слышал, что-то своими очами видел, что-то от самого слышал, что-то узнал от тех, кто немалое время был его учеником (…) что-то слышал от его старшего брата Стефана». Таким образом, «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого в значительной степени является документальным повествованием.

Кроме «Жития», составленного Епифанием, сведения о Сергии содержатся в различных исторических документах. Они дополняют образ святого, показывая его не только как религиозного деятеля, но и как гражданина и патриота.

Время, на которое приходится жизнь и деятельность Сергия Радонежского — XIV век. Русские земли находились тогда под татаро-монгольским игом, и духовный, религиозный подвиг становился подвигом патриотическим. Н.М. Карамзин писал: «Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству, то прославим действие Веры, она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести».

XIII веке на Руси появляется новый вид религиозного подвижничества — пустынножительство, уход от мира в «пустыню», уединенное, удаленное от людских поселений место. По словам русского религиозного мыслителя начала XX века Г.П. Федотова, «главою и учителем нового пустынножительного иночества был, бесспорно, Преподобный Сергий, величайший из святых Древней Руси».

Сергий Радонежский родился около 1315 года. До того как стать монахом, он носил имя Варфоломей.

Его родители, Кирилл и Мария, были, как говорится в житии, «всяческими добродетелями украшены». Отец Варфоломея — богатый ростовский боярин — после того как Ростов был присоединен к Московскому княжеству и ростовские жители обложены данью, разорился — «оскудел» — и, покинув Ростов, вместе с семьей поселился в селе Радонеже, в 60 верстах от Москвы.

Кроме Варфоломея, у Кирилла и Марии было еще два сына — старший Стефан и младший Петр. Всех троих родители учили грамоте. Но если Стефану и Петру грамота давалась легко, то Варфоломей, несмотря на все свое прилежание, никак не мог ее одолеть. Родители и учитель бранили его, братья над ним насмехались, а сам он очень горевал и часто со слезами просил Бога: «Господи! Дай же мне грамоту эту, научи и вразуми меня!» Однажды отец послал Варфоломея искать убежавших жеребят. На лугу, возле старого дуба, Варфоломей увидел старца в монашеской одежде, погруженного в усердную молитвы. Отрок подождал, пока старец закончит молитву, и смиренно ему поклонился.

Старец ласково с ним заговорил, стал расспрашивать о его жизни, и Варфоломей поведал ему о своей беде: «Скорбит душа моя о том, что учусь я грамоте, да никак не могу выучиться, — и попросил: — Помолись за меня, святой отец, Богу, чтобы научился я грамоте».

Старец возвел глаза к небу и сотворил молитву. Потом достал из рукава кусок пшеничного хлеба и велел Варфоломею его съесть. Хлеб показался отроку сладким, как мед, а старец сказал: «От сего дня дарует тебе Господь способность к грамоте лучшую, чем у сверстников твоих».

И все случилось по слову старца. Отрок Варфоломей, научившись не от человека, а получив знание как божественный дар, постиг разом всю книжную премудрость.

Прошло несколько лет. Братья Варфоломея женились и обзавелись собственным хозяйством, а сам он, возмужав, хотел уйти в монастырь.

Но родители сказали Варфоломею: «Чадо! Мы сейчас в старости, скудости и болезни, и некому заботиться о нас. Братья твои оженились и пекутся о том, чтобы угодить женам. Ты же хочешь угодить Богу. Благую долю ты избрал, и она не отнимется у тебя. Только подожди, послужи нам немного, а когда проводишь нас до гроба, тогда желание свое исполнишь».

Варфоломей согласился отложить исполнение своего намерения и заботился о родителях до последнего их дня, а они «сына своего блаженного юношу Варфоломея по вся дни многими благословении благословяху и до последнего издыхания». Когда же отец с матерью умерли, Варфоломей со слезами похоронил их в монастыре ближнего села Хотькова. Он отказался от своей доли отцовского наследства, ушел от

мира и посвятил себя служению Богу.

Старший брат Варфоломея Стефан, овдовев, тоже собирался стать монахом. Варфоломей убедил его идти не в многолюдный монастырь, а в пустыню.

Братья покинули село и отправились в лесную чащу. Там нашли они место, которое им полюбилось, построили себе хижину, сложили деревянную церковь во имя святой Троицы и стали жить в полном уединении.

Не было вблизи их обители человеческого жилья, не пролегала мимо проезжая дорога, никто не навещал их и не приносил пищи. Дни их проходили в трудах и молитве.

Стефану такое суровое житье показалось слишком тяжелым, и он, покинув брата, ушел из пустыни в московский Богоявленский монастырь.

Варфоломей остался один. Епифаний Премудрый восклицает: «Невозможно рассказать, какого труда духовного, каких забот стоило ему начало всего, когда жил он один в лесу пустынном!» Иногда Варфоломея одолевали сомнения в правильности выбранного пути. Тогда перед ним являлись бесы и спрашивали: «Что ты ищешь в этой пустыне? Что хочешь обрести на этом месте? Что хорошего, если звери нападут на тебя и растерзают, или ты умрешь какой-нибудь другой безвременной, насильственной смертью?» Варфоломей молился Богу, и Бог укреплял его дух, а искусители исчезали.

Наконец, он убедился, что подвиг пустынножительства ему по силам, и принял монашеский постриг под именем Сергия. Было ему в то время двадцать три года.

Долгое время жил Сергий совсем один. Его окружали лишь дикие звери, но они не трогали святого. Один медведь повадился ходить к его жилищу каждый день, и Сергий из своих рук кормил его хлебом.

Постепенно молва о подвижничестве Сергия распространилась по окрестностям, и к нему стали приходить люди, желающие совершить такой же подвиг, и просили: «Отче, прими нас. Хотим с тобой на этом месте жить и души свои спасти».

Сергий не отказывал никому — ни старому, ни юному, ни богатому, ни нищему; всех принимал и при этом говорил: «Я вас с радостью приму, но если и впрямь хотите здесь жить и служить Богу, то приготовьтесь трудиться, терпеть всякую нужду и недостатки, жить в бескорыстии и бдении».

Так, со временем, в пустыне образовался монастырь, известный впоследствии как Троице-Сергиева Лавра, и братия стала уговаривать Сергия быть игуменом. Сергий не хотел никакой земной власти и долго отказывался, но его упрашивали так усердно, что в конце концов он был вынужден согласиться.

Однако, став игуменом, Сергий по-прежнему жил в бедности, смирении и трудился наравне с простыми монахами.

Однажды в обитель явился некий крестьянин. Он пришел издалека, нарочно, чтобы увидеть святого Сергия, о котором много слышал. Пришедший спросил у монахов, где найти игумена, и те указали ему на Сергия. Сергий в то время работал в огороде. Увидев святого в бедной залатанной одежде, копающего огородные грядки, крестьянин решил, что

монахи посмеялись над ним, и стал им пенять: «Я пришел посмотреть на пророка, а вы мне бедняка показали. Я надеялся увидеть святого Сергия в чести, в славе и величии. На том, кого вы указали, ничего не вижу, ни чести, ни величия, ни одежд многоцветных, ни слуг поспешных, служащих ему и честь воздающих, но все худостно, все нищетно, все сиротинско».

Монахи рассердились и хотели прогнать крестьянина как невежду и нечестивца, но Сергий, окончив к тому времени свою работу и узнав, в чем дело, сказал: «Братие, не делайте этого, ибо не к вам, а ко мне он пришел».

Святой не стал убеждать крестьянина, что перед ним — Сергий, а низко ему поклонился и пригласил откушать вместе с братией. Крестьянин сидел за столом печальный и говорил себе: «Потрудился я прийти сюда, чтобы увидеть Сергия, но не получил желаемого».

Тут приехал посетить обитель некий князь, со свитой, воинами и слугами. Князь до земли поклонился Сергию, а тот благословил его и усадил рядом с собой.

Тогда понял крестьянин свою ошибку и устыдился. Дождавшись отъезда князя, он смиренно сказал Сергию: «Отче! Прости меня и помоги моему неверию». Сергий простил его, утешил душеспасительной беседой и, благословив, отпустил.

Наступил 1380 год-год Куликовской битвы. Великий князь Дмитрий Иванович, прозванный впоследствии Донским, отправился в обитель к Сергию, чтобы испросить у него благословения на бой с ханом Мамаем.

Сергий сказал князю: «С Божьей помощью ты победишь и вернешься в свое отечество невредимым и с великими почестями!» В это время, среди братии, жили в Троице два монаха — Пересвет и Ослябя, до пострижения — бояре и славные воины.

Князь Дмитрий обратился к Сергию: «Преподобный отче Сергий, отпусти с нами этих иноков».

Сергий повелел Пересвету и Ослябе снаряжаться в поход, надел на них поверх доспехов кресты и сказал: «Мир вам, братия! Постойте за веру православную». А потом благословил все войско князя Дмитрия.

Русские дружины прибыли на поле боя. Но, увидев несметные татарские полчища, в смятении остановились, и страх охватил многих.

И тут от святого Сергия прискакал гонец и вручил князю письмо: «Господин мой, смело вступай в бой со свирепым врагом, не сомневаясь и не страшась его, помощь Божия будет во всем с тобою».

Русские воины, воодушевленные словами святого, устремились на врагов.

Все время, пока продолжалась Куликовская битва, Сергий усердно молился. Внутренним взором он видел то, что происходило на поле боя, называл по именам павших русских воинов и за каждого возносил молитву.

В конце концов татары были разбиты и обратились в бегство, а князь Дмитрий Иванович с почестями вернулся в Москву. Прежде всего, он снова посетил Сергия в его обители и с сердечной радостью благодарил святого за благой совет и молитвы.

Слава о святом Сергии разнеслась по всей Руси. Московский митрополит Алексий, глава русской церкви, решил назначить его епископом и завещать ему митрополичий престол. Он призвал Сергия в Москву. Во время беседы Алексий приказал принести золотой, украшенный

драгоценными каменьями крест и хотел подарить его Сергию, но тот отказался, сказав: «Прости меня, владыко, ибо от юности не был я златоносец, в старости же тем более хочу в нищете пребывать». Также решительно отказался он и от митрополичьего престола. Алексий долго уговаривал его, но, увидев, что Сергий непоколебим, отпустил его, и святой вернулся в свою обитель.

Хотя Сергий отказался от официального высокого поста, его нравственное влияние на жизнь общества, в том числе и на государственных деятелей, было чрезвычайно велико. Так, тихими и кроткими речами ему удалось отговорить рязанского князя Олега от войны с Москвой и тем самым предотвратить новую усобицу. В другой раз он примирил рассорившихся между собой нижегородских князей.

Учеников и последователей Сергия становилось все больше.

Однажды поздним вечером святой молился в своей келье и вдруг услышал голос, зовущий его по имени. Сергий выглянул в оконце, чтобы посмотреть, кто его зовет. Тут же с неба просиял чудесный свет, разогнавший вечернюю тьму. Сергий увидел множество прекрасных птиц, круживших над монастырем и вокруг него. А неведомый голос сказал: «Также многочисленны, как эти птицы, будут твои ученики, и после тебя будут следовать они по стопам твоим».

Число монахов в Сергиевом монастыре так умножилось, что им стало не хватать воды. Ее носили ведрами издалека, и некоторые начали сетовать, зачем Сергий устроил обитель так далеко от источника.

Сергий сказал недовольным: «Молитесь и не унывайте. Бог не оставит нас». Он распустил монахов по их кельям, а сам, взяв с собой лишь одного инока, вышел из монастыря и спустился в лесной овраг. Там нашел он ямку с застоявшейся дождевой водой, преклонил возле нее колени и стал молиться Богу. И вдруг там, где стояла дождевая вода, забил полноводный источник.

Сначала этот источник называли Сергеевым, но святой, слыша такое название, говорил: «Не я дал вам воду, а Господь даровал ее всем нам». (Источник этот и поныне существует близ Троице-Сергиевой Лавры. Вода из него обладает целебными свойствами. Сейчас над ним воздвигнута Пятницкая часовня.) За несколько лет до смерти Сергию было чудесное видение. Он молился перед образом Богоматери, говоря: «Пречистая Мати Господа нашего Иисуса Христа, печальница и заступница, крепкая помощница роду человеческому! Будь нам, недостойным, Покровительницей и молись Сыну своему, Богу нашему, чтобы призрел он это святое место».

И вдруг великий свет, сияющий ярче солнечного, осенил святого. Сергию явилась сама Богородица в сопровождении двух апостолов, Петра и Иоанна.

Сергий пал ниц. Богородица коснулась его рукой и сказала: «Услышана была молитва твоя об учениках и об обители твоей. Не печалься о них, ибо отныне буду я беречь и сохранять эту обитель, не только при жизни твоей, но и после твоего отшествия ко Господу». Сказав так, Богородица стала невидима.

В келье Сергия был в это время один из его учеников по имени Михей. Узрев небесный свет, Михей в страхе упал на пол и лежал, как

мертвый. Когда виденье минуло, Сергий поднял Михея и привел его в чувство. Михей спросил. «Отче, что это было? Дух мой едва не разлучился с плотью». Сергий сказал: «И во мне дух трепещет от чудного виденья».

Он призвал братию и рассказал о том, что видел и слышал. И все исполнились неизреченной радости.

Пятьдесят лет провел Сергий в иночестве и благочестивых трудах. Когда святой пришел в глубокую старость и почувствовал, что скоро отойдет ко Господу, он призвал к себе монахов Троице-Сергиевой Лавры и завещал им непрестанно пребывать в православии, хранить дружеское единомыслие и чистоту душевную, быть смиренными и милосердными, не стремиться к земной славе, а лишь к царствию небесному.

Сергий скончался 25 сентября 1392 года.

Заканчивая описание жития Сергия, Епифаний Премудрый говорит: «Не будем слишком многоречивы. Ибо кто может по достоинству святого прославить?» Через пятьсот лет после смерти Сергия Радонежского В.О. Ключевский так определил его значение для русского народа: «При имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение (…) и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады преподобного Сергия, (…) положенные в живую душу народа».

96. СТЕФАН ПЕРМСКИЙ

Святой Стефан Пермский — просветитель народа коми, населяющего Северное Предуралье. Свою землю коми называли Пермь, или Парма, что значит Лесная страна.

Стефан родился около 1345 года в семье дьячка в городе Великом Устюге, там, где северо-русские земли соседствуют с Пермью. Отец Стефана был русским, а мать происходила из Перми, поэтому Стефан с детства знал пермский язык и мог общаться с пермянами (так называли тогда народ коми), которые нередко приезжали в Устюг Великий из своей лесной стороны, привозя на продажу меха.

Семи лет Стефан начал учиться грамоте. Обладая острым умом и хорошей памятью, он легко освоил книжную премудрость и пристрастился к чтению.

Когда Стефану было двадцать лет, он постригся в монахи. Автор «Жития Стефана Пермского» Епифаний Премудрый утверждает, что Стефан ушел в монастырь, потому что уже в ранней юности понял тщету жизни — «житие света сего маловременное и скороминующее, и мимоходящее, аки речная быстрина, или аки травный цвет».

Однако, скорее всего, Стефан руководствовался не мыслью о тщете земного бытия, а стремлением к познанию. Монастыри в то время были центрами культуры, а многие монахи — образованными, «книжными» людьми.

Стефан принял постриг в монастыре Григория Богослова в Ростове Великом. Епифаний Премудрый пишет, что Стефан избрал именно этот монастырь, потому что там была очень хорошая библиотека: «много книг ему на потребу прочтения ради».

В монастыре Стефан усердно пополнял свои знания — изучил греческий язык, много и вдумчиво читал, «умедливая» чтение, чтобы «до

конца поистине уразуметь» прочитанное, размышлял, беседовал с учеными старцами, становясь им «совопросником и собеседником». Он подружился с монахом того же монастыря Епифанием, своим ровесником, и таким же любителем учености. Они подолгу спорили по различным философским и богословским вопросам, причем Епифаний, по его собственным словам, нередко бывал «досадителем» Стефану.

(Впоследствии Епифаний получил прозвание Премудрого, стал известным писателем, автором многих произведений, в том числе, как уже было сказано, «Жития Стефана Пермского».) В свободное от молитв время монахи обычно занимались каким-нибудь ремеслом. Стефан стал переписчиком книг, писал «гораздо и борзо», а кроме того, освоил иконописное дело.

Благочестие, трудолюбие, незаурядные способности снискали Стефану известность и среди монахов, и среди мирян. Через некоторое время он был произведен в дьяконы, потом в священники. Перед ним открывалась церковная карьера.

Однако Стефан стремился к подвижнической и просветительской деятельности. Он решил покинуть монастырь и отправиться в Пермскую землю — глухой, лесной край, населенный языческими племенами, чтобы проповедовать там христианскую веру.

Стефан понимал, что для просвещения пермян нужны книги на пермском языке. У пермян не было письменности, и Стефан создал особую пермскую азбуку, взяв за основу не русский и не греческий алфавит, а исконно пермские знаки родовой и семейной принадлежности — «пасы» Такие пасы до сих пор встречаются в народных орнаментах коми — в вышивке, ткачестве, деревянной резьбе.

По словам Епифания, Стефан «вельми печаловался» о том, что пермяне, будучи, как и все люди, сотворены Богом, поклоняются идолам, приносят им жертвы и верят «в чарование и в кудесы».

Система языческих верований племен, населявших Пермские земли, была очень развитой и сложной. На территории Пермской земли археологами обнаружены остатки более тридцати языческих святилищ и множество бронзовых и железных фигурок, относящихся ко времени с VIII века до н. э. по VII век новой эры, изображающих священных животных и птиц, фантастических человеко-лосей, птиц с человеческими ликами, крылатых псов. Фигурки эти исполнены такой художественной силы и выразительности, что искусствоведы выделяют их в особый «пермский звериный стиль».

Стефан испросил у наместника московского митрополита благословения и отправился с христианской проповедью к язычникам.

Поначалу пермяне встретили Стефана недоверчиво и даже враждебно, чинили ему всяческое «хуление, укорение, досаждение, поношение и пакость», однажды обступили его «с ослопы, смерть ему нанести хотяше», в другой раз обложили сухой соломой, «умысливша огнем немилостиво в смерть вогнать его».

Епифаний Премудрый не рассказывает, каким образом удалось Стефану выйти живым из этих критических ситуаций. Возможно, миролюбивые по натуре пермяне были обезоружены неизменной кротостью Стефана. Епифаний вкладывает в их уста рассуждение о том, что если бы

Стефан первым «дерзнул творити начало бьения», то его бы растерзали, но поскольку он «долготерпелив», они не знают, что можно «сотворити ему».

Постепенно мужество и добросердечие Стефана привлекли к нему сердца пермян. Они поверили в его благие намерения, стали слушать его проповеди, и некоторые согласились принять крещение. Так среди пермян появились первые христиане.

В Усть-Выми, месте, где река Вымь впадает в Вычегду, Стефан построил первую в Пермской земле христианскую церковь — «высоку и хорошу, красну и добру, чюдну вправду и дивну». Красота этой церкви немало способствовала делу обращения пермян в христианство. Некрещеные пермяне приходили к ней вместе с принявшими христианство «не молитвы ради, но видети хотяше красоты здания церковного». Любуясь церковью, они слушали проповеди Стефана и постепенно тоже проникались христианским духом.

Стефан полагал, что для успешного насаждения христианства необходимо уничтожить все принадлежности языческого культа. И он принялся разрушать древние языческие святилища. «Без боязни и без ужасти» ходил Стефан со своими новыми учениками по полям и лесам, отыскивал изображения древних богов, сделанные из дерева, «и обухом в лоб бьяше идола, и по ногам сокрушаше, и секирою ссечаше, и на поление раздробляйте, идо конца искореняше, и огнем сжегаше, и в пламени испепеляше».

Конечно, сейчас об этом остается только пожалеть. Один из исследователей фольклора коми, А.А. Попов, писал в 1930-х годах: «Вследствие такой ретивой его деятельности, мы не имеем никаких материальных памятников для воссоздания картины дохристианской религии коми». (К счастью, исследователь ошибся. В последующие годы археологами было найдено довольно много материальных памятников пермского язычества, в том числе так называемый «Гайнский идол». Вот как он описывается в книге Л.С. Грибовой «Декоративно-прикладное искусство народов коми»: «Мастер умело использовал свойства самого материала: два срезанных сука изображают круглые, как у филина, глаза. Они окружены кругами древесных волокон, создающих впечатление складок вокруг глаз, и, продолжаясь вверх и вниз, являются как бы морщинами старого лица. (…) впечатляющий образ идола свидетельствует о незаурядном мастерстве резчика, его несомненном художественном таланте».) Стефан же не думал, что разрушаемые им святилища имеют историко-культурную ценность, он действовал с верою и бескорыстно, считая, что совершает благое дело.

Как-то раз Стефан сжег и сравнял с землей очередную кумирницу — деревянное строение, в котором помещался идол. Епифаний особо отмечает, что никого при этом не было, но Стефан, «сотворив победу, не отбежал от места того», а сел и стал ждать, когда появятся язычники, «грядущие против него». Язычники явились, вооруженные топорами и кольями, и набросились на Стефана, но тот смог их успокоить разумными речами и даже произнес проповедь.

По языческому обычаю, пермяне приносили идолам богатые дары. В кумирницах было сложено много золотых и серебряных украшений, посуды, драгоценных мехов. Все это богатство Стефан, не жалея, предавал огню.

Пермяне удивлялись: «Како не приимаше себе всего того в корысть?» Лишь однажды Стефан сохранил пелену, которой был украшен один из идолов, и отдал ее своему служке, принявшему христианство пермянину Матвейке. Стефан поступил так «не прибытка ради», а чтобы наглядно продемонстрировать бессилие языческих богов. Матвейка сшил себе из пелены штаны и ноговицы, остаток пустил на онучи и все это износил «без пакости и вреда для себя».

Из всех пермских языческих жрецов особым авторитетом у пермян пользовался волхв по имени Пам. Пермяне называли его своим учителем и считали, что его волхованием «управляется Пермская земля». Пам, «ненавидя веру христианскую», оказывал сильное противодействие Стефану, запрещая пермянам креститься, а уже окрестившихся убеждал снова вернуться к языческой вере.

Пам говорил пермянам: «Братья, мужи пермские! Не оставляйте отеческих богов, не покидайте старых обычаев, давней веры не забывайте! Слушайте меня, а не Стефана. Он пришел к нам из Москвы и для вас чужой, я же — вашего рода, одного с вами племени и языка и добра вам желаю. Больше подобает вам слушать меня, вашего старого учителя, а не пришлого чужеверца, который годится мне в сыновья, а то и во внуки!» Многим речи старого волхва казались убедительными. Стефан сокрушался: «Сколько я строю — столько он разоряет!» Стефан и Пам неоднократно спорили между собой, отстаивая преимущества своей веры, но каждый из них оставался непоколебимо уверен в собственной правоте и спор ни к чему не приводил, лишь распаляя обоих спорщиков. Епифаний Премудрый, безусловно разделяет точку зрения Стефана, тем не менее вполне объективно замечает: «Друг друга они не слушали, и один другого именовал неразумным».

Однажды зимой Стефан и Пам вели диспут о вере на берегу замерзшей реки Вычегды при большом стечении народа.

Стефан вопрошал Пама: «Скажи мне, окаянный, суемудрый старец, почему ты хулишь веру христианскую, благодаря которой темные были просвещены, заблудшие — разысканы, погибшие — спасены, и десятки тысяч благ сотворились? Что может быть лучше, чем служить живому Богу? Небо и земля полны славой Его! Он все привел из небытия в бытие! В Него веровать подобает и Ему служить, а не вашим богам — бездушным идолам, бессловесным болванам!» Пам, в свою очередь, вопрошал Стефана: «Кто привел тебя в нашу землю? Кто дал тебе власть ругаться над нашими богами, разрушать их храмы и жечь огнем? Ты хочешь искоренить нашу веру, а нас одолеть и сделать подобными себе. Но берегись — отомстят наши боги за наших людей, которых ты ввел в заблуждение!»

Стефан отвечал: «Ваши боги уже погибли! Побиты они обухом, посечены топором, пожжены огнем. Ты сам видишь, что немощны они и бессильны».

Пам возражал Стефану: «Наши боги не погубили тебя лишь по своему милосердию, а могли бы сокрушить и изломать. А вера наша лучше вашей, потому что у вас только один бог, а у нас — много. И все они нам помощники, все нам защитники. Дают нам наши боги улов в наших реках и добычу в наших лесах, белок и соболей, куниц и рысей. В тех мехах, что мы добываем, величаются ваши князья и бояре, наши меха посылают и в Орду,

и в Царьград, и в Литву, и в прочие города и страны, ко многим дальним народам. Потому что помогают нам наши боги, ходим мы на медведя в одиночку или вдвоем и, победив его, приносим домой медвежью шкуру. У вас же за одним медведем отправляется сотня, а то и две охотников. Иногда медведя привезут, а иногда возвращаются без добычи, напрасно потрудившись!» На эту речь Стефан отвечал: «Ты похваляешься тем, что веришь во многих богов, тогда как подобало бы этого стыдиться. Твои боги — на самом деле бесы, а идолы их — дело рук человеческих. Имеют идолы уста, а не говорят, имеют очи, а не видят, имеют уши, а не слышат. Подобны им и те, кто им поклоняется А истинный Бог един, и нет другого Бога ни на небесах, ни на земле!» Так спорили Стефан и старый волхв весь день и всю ночь без еды и без сна.

Наконец, как пишет Епифаний, «иссякли все словеса их», и они решили испытать свою веру наделе.

Испытание Стефан и Пам назначили себе такое: «Пойдем и зажжем огонь, и войдем в него вместе, взявшись за руки. Кто останется цел и невредим — того вера правильна».

А для пущей верности придумали и второе испытание: нырнуть в прорубь на Вычегде и, пройдя подо льдом, вынырнуть из другой проруби на один плес ниже. Народ, утомленный затянувшимся теоретическим спором, одобрил такое намерение: «Воистину хорошо то, что сказали вы сейчас!» Тут же принесли огня и подожгли пустующий дом, стоявший на краю селения.

Пока огонь разгорался, Стефан усердно молился Богу, а когда гудящее пламя охватило весь дом, протянул руку волхву и сказал: «Пойдем, взявшись за руки, как обещали!» Но волхв, устрашенный, попятился. Тогда Стефан ухватил его за одежду и потянул к огню.

Пам закричал: «Не трогай меня!» Стефан удивился: «Ты же сам предложил испытать наши веры! А теперь противишься и не хочешь исполнить обещанное».

Пам упал на колени и возопил: «Не могу я войти в огонь, потому что сгорю в нем, как сухая трава!» Народ потребовал второго испытания. Святой и волхв подошли к Вычегде, где уже были приготовлены для них две проруби. Но Пам отказался нырять под лед: «И этого не могу я сделать, хоть тысячу раз обвиняйте меня!» Посрамленный волхв объяснил, почему давеча он сам предложил испытания, от которых теперь отказывается: «Многим хитростям научился я за свою жизнь — умею чары творить, и заговоры, и потворы, и насылать видения, но не умею покорять ни огонь, ни воду. Как-то спросил я у Стефана, умеет ли он это делать. Стефан ответил, что не умеет и никогда такому не учился. Тогда я сказал самому себе: «Раз Стефан не может покорять огонь и воду, то напугаю его. Ведь он не знает, что я тоже не могу. И вот теперь я сам попал в яму, которую приготовил для него. Куда мне бежать от такого стыда?» Стефан спросил Пама: «Хочешь ли теперь уверовать в истинного Бога и окреститься?» Пам ответил: «Не хочу! В какой вере я родился, жил и состарился — в той и умру!» Некоторые из новообращенных схватили старого волхва и предложили его казнить Но Стефан сказал: «Христос послал меня не бить, но благовестить, не мучить, а учить, не казнить, а наставлять с милостью!» И приказал отпустить Пама. Тот «скакнул от них, яко олень».

Епифаний пишет: «О волхве слово сократим и здесь окончим». Однако из других источников известна дальнейшая судьба Пама: со своим родом он ушел в Сибирь и там основал селение Алтым.

А Стефан продолжал свою миссионерскую деятельность. Он переводил на пермский язык Священное Писание и богослужебные книги, обучал грамоте детей и взрослых. В Пермской земле появились первые священники и дьяконы из числа самих пермян.

Со временем христианство распространилось почти по всей Пермской земле, и возникла необходимость в создании церковной организации.

Стефан отправился в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу и митрополиту Пимену просить, чтобы в Пермскую землю назначили епископа. Великий князь и митрополит, «рассудив, и подумав, и порассмотрев», решили, что сана епископа Пермского более, чем кто бы то ни был, достоин сам Стефан.

Епифаний особо подчеркивает, что Стефан получил сан епископа исключительно за свои заслуги, не дав никому «ни дара, ни посула, ни мзды». Впрочем, добавляет Епифаний, «нечего было и дати ему», так как богатства он не стяжал.

Стефан вернулся в Пермскую землю, «радуяся, благодаря Бога, устроившего все добре зело».

Долгие годы прожил Стефан среди пермян, пользуясь их любовью и уважением, был им не только наставником, но и заступником. Когда жители Вятки совершили грабительский набегна пермян, Стефан организовал отпор. Во время голода он хлопотал о доставке хлеба из Вологды. Ездил в Новгород увещевать новгородских старейшин, чтобы они не разрешали своим ушкуйникам бесчинствовать на Пермской земле.

Характерно, что в житии Стефана Пермского совершенно отсутствуют какие-либо чудесные явления. Его святость проявлялась не в чудесах, а в самой его подвижнической жизни.

Единственный рассказ о чуде, связанном с именем Стефана, содержится не в его житии, а в житии Сергия Радонежского.

По делам церкви Стефану время от времени приходилось ездить в Москву. Обычно по пути он заезжал в Троице-Сергиеву Лавру к Сергию Радонежскому, с которым был в дружеских отношениях. Но однажды, торопясь, он не смог навестить Сергия и лишь, проезжая мимо, издалека, с расстояния в несколько верст, с молитвою его поприветствовал.

Сергий в это время сидел со своими учениками за трапезой. Духовным взором он увидел Стефана и, встав, поклонился ему в ответ. Ученики Сергия удивились. Он объяснил им причину своего поступка, указав место, где сейчас находится Стефан. Несколько недоверчивых учеников побежали туда, нагнали Стефана и убедились, что все было так, как сказал Сергий.

Впоследствии на этом месте был поставлен крест, разрушенный при советской власти. Сейчас он восстановлен.

В один из своих приездов в Москву Стефан внезапно заболел и 26 апреля 1396 года скончался. Похоронен он был в Московском Кремле, в церкви Спаса на Бору.

Пермяне горестно его оплакивали: «Учитель наш добрый! Куда ты ушел от нас, сиротами нас оставив? Если бы потеряли мы золото или серебро, то нашли бы другое, а тебя потеряв — другого не найдем!»

97. ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ

Во второй половине пятнадцатого столетия от Рождества Христова, а от сотворения мира на исходе седьмой тысячи лет, в России с ужасом ждали конца света. Тому были знамения: в мае месяце выпал глубокий снег, озеро Неро, на котором стоит Ростов Великий, две недели страшно выло по ночам, затмевались луна и солнце. Мысль о скором конце, пишет Карамзин в «Истории Государства Российского», «вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества, менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслью независимости, думая, что все ненадолго».

Но уже близко было и окончательное освобождение от Золотой Орды, и объединение русских земель, расцвет и украшение Москвы.

В то время в подмосковном селе Елохове жили сельские обыватели — муж с женой, Яков и Анна. Долго у них не было детей, о чем они очень горевали и неустанно молились Богу. И вот в 1464 году Бог дал им сына, нареченного Василием. Яков и Анна, сами люди благочестивые, изумлялись благочестию и приверженности к Богу их маленького сына. Когда Василий подрос, отец отвел его в Москву и определил в учение к сапожнику.

Мастерская сапожника, учеником которого стал Василий, находилась в Китай-городе, близ Кремля. Сапожное ремесло было в Москве делом почтенным и прибыльным. Только самые последние бедняки ходили по-крестьянски в лаптях, а остальные горожане заказывали обувь сапожнику. Шил сапожник мягкие туфли-поршни из одного куска кожи, собранного по краю на ремешок и стянутого вокруг щиколотки, шил башмаки-чоботы, шил щегольские сапоги на каблучке, сделанном из нескольких слоев толстой воловьей кожи и подбитом железной подковкой. Правый и левый сапог шились одинаковыми, и заказчик уже сам обтаптывал их по ноге.

Василий оказался учеником прилежным, понятливым и трудолюбивым, но прожил у сапожника недолго, и сам сапожником нестал.

Однажды (Василию было в то время шестнадцать лет) в лавку зашел посадский человек и попросил сделать ему сапоги попрочнее, чтобы хватило надолго. Сапожник заверил заказчика, что сошьет сапоги, которые прослужат несколько лет. Василий при этих словах печально усмехнулся. Когда заказчик ушел, хозяин спросил Василия, чему он усмехнулся. Василий долго отговаривался, мол, если он откроет причину, то вынужден будет хозяина покинуть, но любопытный сапожник не отставал. Наконец, Василий уступил и сказал: «Мне вдруг открылось, что не нужны посадскому ни прочные, ни какие другие сапоги — он завтра умрет».

Так и случилось.

Василий понял, что Бог дал ему особый дар предвидения будущего и что вся его жизнь отныне должна быть посвящена одному Богу. Он распростился с хозяином, который очень о том сожалел, и начал вести подвижническую жизнь юродивого Христа ради.

До конца дней своих не имел он никакого пристанища, зимой и летом ходил по Москве нагим, а когда его спрашивали, не холодно ли ему,

отвечал: «Если люта зима, то сладок рай». Телесные его очи всегда были возведены к небу, а духовные — к Богу.

День Василий Блаженный проводил на московских улицах и площадях, среди калек и нищих, а ночевал на церковных папертях или в башне Китай-города у Варварских ворот.

Центром городской общественной жизни в Москве того времени была торговая площадь у стены Кремля перед Спасскими воротами. С раннего утра была она полна народу. Пирожники и золотых дел мастера, сапожники и шапочники, портные и седельники торговали своим товаром каждый в своем ряду, а всего этих рядов было более сотни. Из подмосковных сел и деревень привозили зерно и овощи, молоко и мясо, с Волги везли мед, соленую рыбу и икру, с Севера — меха и ловчих соколов, с Востока — узорные ткани и расписную посуду, из Италии — украшения и бумагу для переписывания книг, из совсем дальних, неведомых стран — драгоценности и благовония, вина и заморские фрукты. Торговали в лавках и шалашах, с лотков и вразнос.

На торгу самый разный народ встречался, обменивался новостями, ссорился и мирился. Здесь же глашатаи-бирючи трубили в рог и выкликали то, что нужно было знать всем горожанам. Пели и плясали скоморохи, водили медведя и показывали кукольные представления. Совершались публичные наказания и проходили праздничные процессии.

В этой шумной, пестрой толпе москвичи привыкли с утра до позднего вечера видеть Василия Блаженного. Одни смеялись над его наготой и непонятными речами, другие удивлялись странной его жизни, третьи благоговейно преклонялись, видя в его жизни подвиг, угодный Богу.

Однажды шел Василий Блаженный через рыночную площадь. Девушки, продававшие свое рукоделие, стали смеяться над ним — и тут же все ослепли. Одна из девушек, самая разумная, поняла причину внезапного несчастья, бросилась следом за Василием и стала просить у него прощения за себя и своих подруг. Блаженный ответил: «Если больше не будешь так делать, то прозришь». Он дунул ей в глаза, и девушка прозрела. Василий же вернулся и исцелил остальных.

Часто, идучи по улице, Василий Блаженный, к изумлению прохожих, вдруг начинал целовать углы одних домов и бросать камни в другие. Когда же его спрашивали, зачем он это делает, говорил, что целует он ангелов, а камни бросает в бесов. В тех домах, где люди живут праведно и благочестиво, бесам места нет, и приходится им сидеть на углах снаружи. А там, где пьянствуют, поют непотребные песни и творят всякое безобразие, бесов полон дом, а ангелы, скорбные и унылые, сидят на улице. Тут уж всякий москвич призадумывался о том, как он сам живет в своем доме.

Бывало, заходил Василий Блаженный и в кабаки, с тем, чтобы образумить пьяниц. Один кабатчик, злой и спесивый человек, подавая какому-то бедняку вино, сказал: «Черт бы побрал тебя, пьяницу!» Бедняк в страхе перекрестился. Бывший при этом Василий Блаженный радостно засмеялся и захлопал в ладоши. А когда его спросили, чему он так радуется, ответил: «Я видел, как черт вскочил в стакан, но когда этот человек перекрестился, в ужасе выскочил и убежал прочь из кабака. Этому я и радуюсь. Хорошо делает тот, кто имеет привычку творить крестное знамение».

Один богатый боярин, почитавший и любивший Василия, как-то в лютый мороз уговорил Блаженного принять от него в подарок шубу.

Василий, чтобы не обижать доброго боярина, согласился. И вот, вышел он на улицу в лисьей шубе, крытой алым сукном. Увидели его в дорогой шубе три мошенника и решили, что им нетрудно будет обмануть Блаженного и выманить у него шубу. Один из них лег на землю и притворился мертвым, а остальные стали плакать и причитать, что им не на что похоронить товарища. Они знали добросердечие Василия Блаженного и рассчитывали, что он отдаст им шубу. Василий трижды спрашивал обманщиков: «Действительно ли умер ваш товарищ?», надеясь, что они устыдяться своего обмана и раскаются. Но они всякий раз отвечали: «Да, он только что умер». Тогда святой, тяжело вздохнув, покрыл мнимо умершего своей шубой и сказал: «Будь отныне мертв вовеки за твое лукавство». Когда Василий ушел, мошенники стали подымать своего товарища и увидели, что он по-настоящему умер.

В 1521 году москвичи в тревоге ожидали нападения на город крымского хана Магмет- Гирея. С огромным войском, в котором были и нагайцы, и татары, и литовские отряды, хан стоял уже у Коломны. А на соединение с ним с другой стороны шел со своим войском казанский хан.

Поздней ночью перед запертой дверью Успенского собора в Кремле Василий Блаженный с несколькими благочестивыми людьми горячо молился об избавлении отечества от опасности. Вдруг внутри собора раздался страшный шум, церковные двери сами собой распахнулись, показались языки пламени, и все увидели, что чудотворный образ Владимирской Божьей Матери, по словам летописца, «подвижеся от места своего», а некий голос, обличивший жителей Москвы в беззакониях, изрек, что икона хочет уйти из города.

Прихожане, увидев и услышав ужасные знамения, впали в отчаяние, не зная, что и делать, а Василий, со слезами и несокрушимой верою, продолжал свою молитву. Какое-то время спустя шум умолк, огонь погас. Чудотворная икона осталась на своем месте.

Вскоре враги осадили Москву. Они разорили и выжгли посады, захватили множество пленных, но сам город взять не смогли. Народная молва утверждала, что врагам чудесным образом явилось видение несметного войска, вставшего на защиту Москвы, и они, устрашенные, бежали.

В 1547 году венчался на царство царь Иван IV. В том же году в Москве случился страшный пожар. Накануне москвичи видели Василия Блаженного возле Воздвиженской церкви. Он неотрывно смотрел на нее и горько плакал. А наутро эта церковь загорелась. Огонь перекинулся на соседние улицы, в Кремль, в Китай-город, и скоро вся Москва была полна ревущего огня и черного дыма. Горели деревянные дома и храмы, рассыпались от жара каменные, плавились медь и железо. В Кремле начали взрываться пороховые склады. Горели царские палаты, казна, книги, драгоценности, иконы… К ночи сгорело все, что могло сгореть, и огонь утих. Весь город сделался огромным пепелищем. Потрясенные москвичи бродили среди дымящихся развалин, отыскивая погибших и остатки имущества. Царь с вельможами уехал в село Воробьево. В народе

пошел слух, что пожар был вызван колдовством бабки государя, княгини Анны Глинской. Слух пустили бояре, враждующие сродственниками царя — Глинскими. Говорили, будто старая княгиня вынимала из мертвых сердца, клала их в воду и кропила ею улицы Москвы, оттого, де, и сделался пожар. Простой народ, оставшийся без крова, поверил навету — и восстал против Глинских. Вспыхнул мятеж, начались убийства и грабежи. Толпа народу окружила царский дворец в Воробьеве и стала требовать выдачи княгини Анны. Царь велел стрелять в бунтовщиков. Многих схватили, последовали казни. Мятеж был усмирен. Среди всех этих бедствий люди не раз вспоминали Василия Блаженного, оплакивавшего их заранее.

Василия Блаженного в Москве знали все — от самого царя Ивана Грозного до последнего нищего.

Царь не раз беседовал с юродивым, выслушивал его обличительные речи.

Однажды царь молился в храме, но думал в это время о строительстве нового дворца на Воробьевых горах. После службы Блаженный подошел к Ивану Грозному и завел с ним разговор: «Видел я тебя сейчас, государь, в храме и в другом месте». Царь удивился: «Ни в каком другом месте, кроме храма, я не был». Тогда юродивый сказал: «Только телом ты был в храме, а мыслями ходил по Воробьевым горам и строил дворец». И царь согласился: «Правда в твоих словах».

Внутреннему взору Блаженного были открыты не только мысли других людей, он чудесным образом видел то, что происходило в большом отдалении. Как-то раз Иван Грозный пригласил Блаженного к себе во дворец на пир. Царские слуги с поклоном поднесли Василию заздравную чашу от самого царя. Но Василий, вместо того чтобы поблагодарить и выпить с добрым пожеланием царю, выплеснул вино в окошко. Царь разгневался, Василий же ему сказал: «Не гневайся, государь. Этой чашей я загасил огонь, которым только что был объят весь город Новгород». Сказав так, Василий поспешно выбежал из царских палат. Несколько слуг погнались за ним, но не догнали: добежав до Москвы-реки, юродивый перешел через нее по воде, словно посуху, и исчез. Иван Грозный тут же снарядил гонцов в Новгород, и новгородцы рассказали царским гонцам, что начался в их городе большой пожар, но неизвестно откуда появился нагой человек с водоносным ушатом-и потушил пожар.

Василий мог оказаться и в совсем далеких, чужих краях. Однажды плыл по Каспийскому морю персидский корабль. Поднялась буря, корабль начал тонуть. Среди моряков было несколько русских.

Зная о чудесах Василия Блаженного, они в своих молитвах просили и его о помощи. Блаженный подошел к кораблю по морю, как по суше, усмирил бурю, а когда опасность миновала, стал невидим. Весть о чуде вскоре дошла до самого шаха персидского, и тот с благодарностью известил об этом Ивана Грозного.

Шли годы. Василий Блаженный, по описанию современника, был «подобием стар и сед, власы с ушей кудреваты, и брада курчевата и седа, невелика».

Летом 1552 года по Москве разнеслась печальная весть, что Василий Блаженный тяжело болен и лежит при смерти. Было ему в то время восемьдесят восемь лет. Опечаленные москвичи приходили к

Блаженному проститься и испросить благословения. Пришел и сам Иван Грозный с царицей Анастасией и малолетними царевичами — Иоанном и Федором.

Скончался Василий Блаженный 2 августа. Вся Москва вышла хоронить его. Сам Иван Грозный с боярами несли гроб. Все проливали слезы, скорбные и радостные. Скорбные, что лишились подвижника, радостные — что приобщился он к лику святых. Похороны сопровождались чудесами: больные, прикоснувшись ко гробу Блаженного, получали исцеление, по городу разлилось дивное благоухание.

С великой честью был погребен Василий Блаженный на кладбище церкви Троицы, что на Рву.

Могилу Василия Блаженного почитали как чудотворную. К ней стали приходить больные и из Москвы, и из дальних мест, и многие получали исцеление.

Прошло несколько лет. В память о блестящей победе над Казанским ханством Иван Грозный приказал построить на месте старой церкви на Рву новый великолепный храм. Так на Красной площади встал знаменитый Покровский собор. Могила Василия Блаженного — у самой его стены.

2 августа 1588 года, в 36-ю годовщину смерти Василия Блаженного, у его могилы было великое стечение народа, и 120 человек исцелились чудесным образом.

Царствовавший в то время Федор Иоаннович счел это знамением и приказал построить над могилой Василия Блаженного придел Покровского собора.

Народ стал называть весь многоглавый Покровский собор Храмом Василия Блаженного, называет так по сие время.

МИФОЛОГИЯ ИНДЕЙЦЕВ

Коренное население Америки — многочисленные и значительно отличающиеся друг от друга индейские племена. Каждое племя создавало свою мифологию, по-своему рассказывало о сотворении мира и людей, о богах и героях.

В мифах племени ирокезов рассказывается, что в изначальные времена существовали животные. Ондатра нырнула на дно мирового океана, добыла горсть земли и насыпала ее не спину черепахи. Так образовалась земная твердь. На земле появились два брата-близнеца: Иоскеха — олицетворение весны, и Тавискарон — олицетворение зимы. Иоскеха создал плодородные долины, реки, изобилующие рыбой, леса, полные дичи. Он желал сделать землю как можно более удобной для жизни, но Тавискарон, в противоположность своему доброму брату, стал создавать разрушительные ураганы, страшных чудовищ и тому подобное. Тогда Иоскеха вызвал злого Тавискарона на поединок — и победил его. После этого он создал людей, поселил их на земле, научил добывать огонь и выращивать кукурузу.

Кукуруза занимает важное место в индейской мифологии. У индейцев племени хопи люди происходят от отца-неба и матери-кукурузы.

У ряда индейских племен Центральной Америки (ацтеков, тольтеков, майя и других) в качестве верховного божества почиталась так называемая «богиня с косами», известная по многочисленным глиняным статуэткам и каменным печатям-штампам с ее изображением. «Богиня с

косами» олицетворяла всю совокупность явлений: небо и землю, жизнь и смерть. Иногда ее изображали с двумя головами. Ее сын — «толстый бог» — был посредником между богами и людьми, он олицетворял солнце и кукурузу.

В мифах северо-американских индейцев часто рассказывается о происхождении племен, их переселениях и о приобретении ими различных священных реликвий. Иногда такие рассказы носят полностью фантастический характер (так, например, индейцы племени оседж считали, что их предки спустились на землю со звезд), а иногда отражают реальные события, как в мифе делаваров о переселении их племени с северо-запада на юго-восток континента. В североамериканских мифах часто упоминаются имена индейских вождей, многие из которых — исторические личности.

Для мифологии южноамериканских индейцев характерно отсутствие мифов о сотворении мира из хаоса. Точкой отсчета у них является великая катастрофа (потоп или пожар), во время которой погибает прежний, уже существовавший мир, и возникает новый — нынешний. Прежний мир был населен фантастическими существами: у индейцев племени чоко — великанами, тупари — волшебниками-шаманами, у карибов Гвианы — людьми-животными.

Обычные люди появляются уже после катастрофы. В мифах индейцев племени мундуруку бог Карускайбе опускает веревку в расщелину земли, и по этой веревке из земных недр поднимаются люди. В мифах племени пиароа люди зарождаются на дереве, племени тупари — происходят от рыб.

С течением времени мифологические представления индейцев претерпевали значительные изменения. Особенно заметен этот процесс в мифологии племен Центральной Америки. В период первых веков до н. э. — IX века новой эры в Центральной Америке у племен майя, ацтеков и других складываются могущественные города-государства. Древние верования упорядочиваются в мифологические системы, формируются сложые пантеоны.

Верховным божеством индейцев майя становится Ициана. Первоначально его изображали в виде каймана, и он был спутником древней «богини с косами». Но в более поздние времена Ицмана превращается в бога — творца мира, изобретателя письменности, основателя жречества. Жена Ицманы Иш-Чель считалась богиней луны, покровительницей медицинских знаний и деторождения.

Одним из наиболее почитаемых богов в пантеоне майя был Кукулькан — бог дождя и ветра. Впоследствии его стали считать родоначальником нескольких царских династий, основателем крупных городов.

Майя и ацтеки приносили своим богам человеческие жертвы, полагая, что иначе боги могут умереть — и мир погибнет.

Одно из верховных божеств ацтеков — Тлоке-Науоке. Его имя означает «тот, кто содержит все в себе», он был воплощением универсального творческого начала.

Значительное место в мифологических представлениях индейцев Центральной Америки занимал культ солнца. Как солнечные божества

почитались Тона-тиу, Уицилопочтли и другие, иногда они выступали как верховные божества.

98. РОЖДЕНИЕ УИЦИЛОПОЧТЛИ

Уицилопочтли — один из верховных божеств индейцев племени ацтеков.

Его матерью была богиня смерти Коатликуэ, что значит «она в платье из змей». Коатликуэ почиталась также в качестве богини земли, поскольку в землю рано или поздно уходит все живое.

У богини было четыреста сыновей, общее имя которых — Сенцон Уицнауа — что значит «четыреста южных звезд», и дочь Койольшауки — богиня луны.

Каждый день Коатликуэ поднималась на священную гору Коатепек, что значит «змеиная гора», и приносила там жертву в храме.

В поздних записях мифа Коатликуэ предстает не богиней, а некой благочестивой вдовой, в обязанности которой входило ежедневно подметать храм на горе Коатепек.

Однажды, когда богиня Коатликуэ поднялась на гору, с неба упал шар из перьев колибри. Коатликуэ подняла его и спрятала за пазуху, но потом, когда хотела его достать, с удивлением обнаружила, что шар исчез.

С этого дня в ее чреве стал расти Уицилопочтли. Его имя означает «колибри левша». Колибри у ацтеков был олицетворением солнца.

Сыновья Коатликуэ, узнав, что она беременна, пришли в ярость, и ее дочь Койольшауки посоветовала братьям убить опозорившую себя мать.

Коатликуэ в страхе укрылась на вершине священной горы, когда поняла, что ей грозит.

Четыреста ее сыновей сделали себе воинственные прически, украсились ожерельями из раковин, взяли острые копья и стали взбираться на гору. Койольшауки шла впереди.

И тут Уицилопочтли, будучи еще в утробе матери, вдруг заговорил. Он сказал: «Не бойся, матушка, я буду твоим защитником».

Коатликуэ перестала бояться, страх и печаль покинули ее.

Сенцон Уицнауа и Койольшауки поднялись на гору. Сыновья, потрясая копьями, приблизились к матери.

И в эту самую минуту Уицилопочтли родился!

На голове у него был шлем в виде птицы-колибри, в руках — синий щит, украшенный пятью пуховыми шариками, и синее копье. Лицо было расписано желтыми полосами, а руки и ноги раскрашены синей краской.

Испустив боевой клич, Уицилопочтли устремился на братьев и сестру и обратил их в бегство.

Уицилопочтли выступает здесь как солнечный бог, прогоняющий с неба звезды и луну. Это его древнейшая функция.

В более поздние времена его почитали как бога войны и покровителя ацтекской знати. Есть сведения, что ему приносили человеческие жертвы.

Дважды в год в честь Уицилопочтли устраивались праздники, для которых изготавливали его изображение из теста с медом. В конце праздника эту фигуру разламывали на куски и торжественно съедали, приобщаясь таким образом к божеству.

99. КЕЦАЛЬКОАТЛЬ

Кецалькоатль — одно из главных божеств в мифологии индейцев племени тольтеков Центральной Америки. Его имя означает «Пернатый змей». Он почитался как творец мира и создатель человека, как владыка стихий, покровитель жречества и науки. Наиболее древние скульптурные изображения Кецалькоатля относятся к VIII–V векам до н. э.

Много веков спустя образ Кецалькоатля соединился в народном сознании с образом реального исторического лица — Топильцина. Он был правителем индейского племени тольтеков в конце IX — начале X веков новой эры. В то время у индейцев сложился обычай обожествлять правителей, и обожествленный Топильцин принял имя Кецалькоатля.

В народных сказаниях Топильцин уже полностью отождествляется с богом Кецалькоатлем, а столица тольтеков, город Толлан, что значит «Место тростников», предстает воплощением изобилия, средоточием счастливой, безмятежной жизни.

Легенда рассказывает, что в те времена, когда тольтеками правил бог Кецалькоатль, стебли съедобного тростника были высокими и толстыми, как стволы деревьев, один початок кукурузы человек едва мог унести на спине, тыквы вырастали во много раз больше нынешних, а хлопок родился цветным — красным, желтым, зеленым, синим и оранжевым, так что его не надо было красить. Кецалькоатль научил тольтеков строительному мастерству и разным ремеслам, они стали плавить золото и серебро и делать из них разные вещи, обрабатывать изумруды и другие камни зеленого цвета — любимого цвета Кецалькоатля.

Тольтеки построили храм Кецалькоатля небывалой высоты, на его вершину вела лестница со множеством ступеней, таких узких, что на них едва можно было поставить ногу. Они возвели для Кецалькоатля много домов, одни были сооружены из драгоценных камней, другие — из золота и серебра, третьи — из морских раковин, четвертые — из ярких птичьих перьев.

Слава Кецалькоатля разнеслась по всему миру.

Вероятно, во время правления Топильцина-Кецалькоатля город Толлан действительно достиг своего наивысшего расцвета. О том, где находился древний Толлан, существуют разные мнения. Наиболее вероятным считается, что он стоял на месте современного города Тулы, в 80 км от столицы Мексики — Мехико. Там археологами были обнаружены остатки храма Кецалькоатля с лестницей, состоящей из узких крутых ступеней, с колоннами и барельефами, изображающими людей в пернатых головных уборах.

Однако правление Топильцина не было спокойным. Не все тольтеки признавали его право на престол, поскольку он был незаконнорожденным, а кроме того, введя в качестве основного культа культ Кецалькоатля, он вступил в конфликт со жрецами Тескатлипоки — бога войны, ночи и землетрясений.

Тескатлипока был одним из самых древних в почитаемых богов. Его постоянные эпитеты — «тот, кто распоряжается по своему усмотрению», «тот, рабами которого мы все являемся». В мифахТескатлипока часто выступает противником Кецалькоатля.

Топильцин-Кецалькоатль проиграл борьбу со жрецами Тескатлипоки и вместе с немногими, сохранившими ему верность, тольтеками был изгнан из Толлана.

По преданию, Кецалькоатль уплыл по океану в волшебную страну.

В действительности Топильцын поселился среди кочевых племен и вскоре стал их вождем. Сформировав из подвластных ему кочевников сильное войско, Топильцин- Кецалькоатль предпринял победоносный поход против могущественных городов- государств на полуострове Юкатан и в горной Гватемале, основанных индейцами племени майа.

В отличие от большинства древних завоевателей Топильцин бережно отнесся к культуре завоеванного им народа. В истории цивилизации майя наступил новый этап, получивший название майя-тольтекской эпохи.

Майя приняли культ Кецалькоатля и стали почитать этого бога под именем Кукулькана, что на их языке также означает «Пернатый змей».

На скале Серро-де-ла-Малинче при жизни Топильцына было сделано его изображение в образе Кецалькоатля, подписанное полным именем: «Се Акатль Топильцин Кецалькоатль». Изображение довольно хорошо сохранилось до нашего времени — все, кроме лица. Разрушилось ли оно по естественным причинам или было уничтожено противниками свергнутого правителя — неизвестно.

Легенда утверждает, что Кецалькоатль был высокого роста, с длинной головой, бородатый и — белокожий. Это дает основание предполагать, что Топильцин был европейцем, скорее всего норманом.

Известно, что скандинавские викинги доходили до берегов Америки. Своей внешностью они сильно отличались от невысоких, смуглых и безбородых индейцев Центральной Америки и, естественно, должны были казаться им пришельцами из иного, потустороннего, мира. В легенде прямо говорится, что лицо Кецалькоатля «безобразно». По индейским представлениям о красоте, линии лба и носа должны были составлять между собой почти прямой угол. Для достиженния такого эффекта головы младенцев заключали в специальное приспособление из досок, которое нужным образом деформировало череп. (Автор книги «Тайна жрецов майя» В. Кузьмищев замечает: «Судя по тому, что майя достигли в науках, искусстве, архитектуре и других сферах деятельности, такая деформация черепа в младенческом возрасте не сказывается в дальнейшем на умственных способностях».) Лицо Топильцина-Кецалькоатля, если он действительно был европейцем и не подвергся в детстве подобной операции, должно было представляться индейцам безобразным.

Легенда о том, что Кецалькоатль, покидая Толлан, пообещал вернуться и обрушить на индейцев свой гнев, сыграла роковую роль во время завоевания Америки испанцами в XVI веке. Когда к берегам Америки причалили испанские корабли и с них сошли высокие, белокожие, бородатые люди, индейцы приняли их за спутников разгневанного бога, а их предводителя Кортеса — за самого Кецалькоатля. Это повергло индейцев в священный ужас и в значительной степени лишило способности активно противостоять завоевателям.

100. ДЕГАНАВИДА И ГАИАВАТА

Легенда о Деганавиде и Гайавате была создана североамериканскими индейцами- ирокезами. В ней нашло отражение реальное историческое событие — создание в конце XVI века так называемой Ирокезской лиги — союза пяти ирокезских племен: сенека, каюга, онондага, онейда, могауки. Многие историки считают героев легенды историческими личностями.

К северу от озера Онтарио, в селении индейцев-гуронов, у одной девушки родился сын. Мать девушки стала бранить ее и спрашивать, кто отец ребенка, но девушка поклялась, что сама не знает, как такое могло случиться, поскольку она еще никогда не знала мужчины.

Тогда старуха сказала: «Надо избавиться от ребенка, чтобы никто не узнал о твоем позоре».

Она потихоньку вынесла младенца из дома и бросила его в воду. Но вернувшись домой, увидела, что он живой и невредимый лежит на коленях у матери. Еще дважды пыталась старуха утопить ребенка, но он чудесным образом оказывался жив-здоров.

И старуха сказала: «Он рожден не от человека. Мы должны его вырастить».

Ребенка назвали Деганавида, что значит «два речных потока, слившихся вместе».

Когда Деганавида стал юношей, предсказатели объявили, что он принесет несчастье племени гуронов, и ему пришлось покинуть родное селение. Он долго странствовал по свету, повидал многие племена, и сердце его опечалилось, потому что все они враждовали между собой, неразумно полагая, что это хорошо.

Однажды Деганавиде было видение: он увидел огромное дерево, под широкой кроной которого в мире и дружбе живут разные народы, и Деганавида понял, что ему суждено взрастить такое Древо Мира.

Случилось так, что власть над племенем индейцев-онондага захватил колдун по имени Атотархо, что значит «Тот, чей дом преграждает тропу». Атотархо обитал в болоте возле селения, его тело было скручено от злобы в семь узлов, а черные мысли шевелились на голове в виде ядовитых змей. Он был людоедом и заставлял онондага вести непрерывные войны с соседними, родственными им племенам.

И вот старейшины онондага собрались на совет в доме мудрого вождя племени Гайаваты и стали думать, как избавиться от власти злобного Атотархо. Они решили вооружиться, всем племенем окружить жилище Атотархо и убить колдуна.

С двух сторон приближались ойондага к болоту: одни — по воде, другие — по суше. Но Атотархо перевернул лодки тех, кто плыл по воде, а на пути тех, кто шел по дороге, раскидал пестрые птичьи перья. Люди бросились их подбирать, перессорились между собой и забыли о своей цели.

Вскоре шаману племени онондага привиделся вещий сон и он объявил: «Мне открылось, что победитель Атотархо явится к нам, пройдя с севера на восток. Гайавата должен встретить его в чужой земле, для этого ему нужно уйти от своего народа».

У Гайаваты было семь дочерей, которых он любил больше жизни. Гайавата сказал: «Как же я могу уйти — и покинуть своих дочерей?» Тогда

шаман сделал так, что все семь девушек умерли одна за другой. Горе Гайаваты было так велико, что никто не осмеливался приблизиться к нему.

И сказал Гайавата: «Нет человека, равного мне в печали. Ничто меня здесь теперь не удерживает».

Гайавата пошел в направлении, указанном шаманом, и шел много дней. По пути он увидел озеро, а на нем — стаю уток. Утки взлетели на небо, унеся на крыльях всю воду, и Гайавата подобрал с сухого дна много красных и белых раковин. Он нанизал их на длинные нити и сделал вампум — волшебный талисман. Перемещая раковины вампума по нити, можно было передавать слова и мысли.

На двадцать третий день Гайавата встретил Деганавиду. Тот увидел, что Гайавата печален, взял у него из рук вампум и сказал: «Смотри, эти раковины станут словами утешения». И он изобразил на чудесном вампуме такую речь: «Я утираю твои слезы белой оленьей шкурой сострадания. Я заставляю солнце светить над твоей головой. Я освобождаю твое сердце от горя, что его сжимает. Я даю воды, чтобы смыть твои заботы. Я очищаю для тебя горизонт, и ты не увидишь на небе ни облачка. Разум твой обретает радость».

Гайавата сказал: «Теперь мой разум просветлел, и печаль оставила меня».

Они вместе вернулись к онондага. Деганавида велел разослать гонцов к соседним племенам с предложением мира и дружбы. Пять племен вступили в союз сонандага.

Деганавида сказал: «Теперь, все вместе, мы можем победитьАтотархо».

Он обучил индейцев Гимну Мира и священной песне, которая называлась: «Вместе с тобой я улучшаю Землю».

Индейцы достигла жилища Атотархо и шесть раз спели ему священную песню. Затем Деганавида коснулся колдуна волшебным вампумом. И сразу же исчезла злоба из сердца Атотархо, очистились его мысли, тело распрямилось, и змеи пропали с его головы.

Деганавида сказал: «Теперь нет препятствий для создания Великого мира. Атотархо, который был сеятелем раздоров, отныне станет хранителем ваших очагов, примирителем в спорах и разногласиях. А мое дело завершено, и больше нет во мне нужды ни одному человеку. Я удаляюсь в страну Вечной Жизни».

Он пошел к берегу озера, где его ждала белоснежная лодка, и уплыл на ней на закат солнца.

А Гайавата остался со своим народом и правил им мудро и справедливо. Он создал законы и научил людей жить мирным трудом.

Историю создания Союза племен Гайавата приказал изобразить на нитях вампуа, чтобы память о ней сохранилась навеки.

В 1855 году американский поэт Г. Лонгфелло выпустил в свет свою знаменитую поэму «Песнь о Гайавате». Лонгфелло говорил: «Я написал ее на основании легенд, господствующих среди североамериканских индейцев. В них говорится о человеке, (…) который был послан к ним расчистить их реки, леса и рыболовные места и научить народы мирным искусствам (…). В это старое предание я вплел и другие интересные индейские легенды».

«Песнь о Гайавате» пользовалась огромной популярностью, способствовала пробуждению всеобщего интереса к индейскому фольклору. По словам современника, Лонгфелло «открыл американцам Америку в поэзии».

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ИМЕН СТАРЫХ БОГОВ И

ШУМЕРО-АККАДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Адад — бог грома, дождя и бури

Анзуд — мифический орел, олицетворяющий грозу и ветер.

Ану — бог неба.

Апсу — «Бездна», одно из воплощений первобытного хаоса.

Атрахасис — «весьма премудрый», праведник, переживший всемирный потоп.

Гильгамеш — герой, победитель чудовищ, побывавший в загробном мире.

Думузи (или Таммуз) — бог весеннего плодородия, покровитель скотоводов.

Инанна (или Иштар) — богиня плодородия и любви.

Иштар — см. Инанна.

Кингу — чудовище, убитое богами.

Лахаму и Лахму — древнейшая пара богов, порожденных первобытным хаосом.

Мардук — первоначально бог города Вавилон, впоследствии — верховное божество, «владыка богов»

Набу — бог, покровитель наук.

Намтар — «судьба», бог, являющийся умирающему и уводящий его в царство мертвых.

Нанна — бог Луны.

Нергал — владыка царства мертвых, супруг богини Эрешкигаль.

Нишу — богиня, сотворившая людей, покровительница рожениц.

Нинурта — бог войны.

Таммуз — см. Думузи.

Тиамат — «Море», одно из воплощений первобытного хаоса.

Шамаш — бог Солнца.

Эйа (или Энки) — бог мировых пресных вод, мудрости, покровитель людей.

Энки — см. Эйа.

Эллиль (или Энлиль) — бог воздуха и земли.

Энлиль — см. Эллиль.

Эрешкигаль — владычица царства мертвых.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Амон — бог вечернего Солнца.

Анубис — бог мертвых.

Бастет — богиня радости и веселья, изображалась в виде кошки.

Геб — бог земли.

Гор — бог света и Солнца, покровитель власти фараона, сын Осириса и Исиды.

Исида — богиня плодородия, супруга Осириса.
Маат — богиня справедливости.
Нут — богиня неба.
Осирис — бог умирающей и возрождающейся природы, судья в загробном мире.
Пта — бог-творец.
Ра — бог Солнца.
Себек — бог водной пучины.
Сет — олицетворение пустыни, убивающей все живое, брат и антагонист Осириса.
Сохмет — богиня войны.
Тефнут — богиня влаги.
Тот — бог мудрости.
Хапи — бог, воплощение реки Нил.
Хатор — богиня красоты и любви.
Хепри — бог утреннего Солнца.
Шу — бог воздуха, разделяющий землю и небо.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ Агни — бог огня.
Брахма — бог-творец.
Вальмики — мудрец, легендарный автор эпической поэмы«Рамаяна»
Варуна — бог вод, хранитель мирового порядка, истины и справедливости.
Ваю — бог ветра.
Вишну — одно из верховных божеств, его имя толкуется как «всеобъемлющий»
Дьяус — бог, олицетворение неба.
Индра — бог-громовержец.
Кауравы — герои эпоса «Махабхарата», братья-царевичи. Их вражда с братьями Пандавами составляет содержание эпоса.
Кришна — одно из воплощений бога Вишну.
Лакшми — богиня красоты и любви, супруга Вишну.
Пандавы — см. Кауравы.
Притхиви — богиня, олицетворение земли.
Раванна — злой демон, персонаж поэмы «Рамаяна»
Рама — царевич, герой поэмы «Рамаяна». Впоследствии почитался как одно из воплощений бога Вишну.
Рудра — бог разрушительных сил.
Сита — жена Рамы, героиня поэмы «Рамаяна». Впоследствии почиталась как воплощение богини Лакшми.
Сома — бог Луны.
Сугрива — царь обезьян, персонаж поэмы «Рамаяна»
Сурья — бог Солнца.
Хануман — советник царя обезьян Сугривы, персонаж поэмы«Рамаяна»
Яма — бог смерти.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ Гун-гун — дух огня.
Диму-няннян — богиня, олицетворение земли.
Ди-цзюнь — бог, отец небесных светил.
Лэй-шень — бог грома.

Нюй-ва — богиня, создательница человечества.

Пань-гу — первосущество, отделившее землю от неба и послужившее первоосновой всего сущего.

Си-ванму — богиня, владычица страны бессмертия.

Тянь-ди — бог неба.

Фу-си — первопредок людей.

Хоу-И — небесный стрелок, герой, спасший землю от катастрофы.

Хуан-ди — «владыка Центра», верховное божество.

Чжуань-сюй — бог вод.

Янь-ди — бог Солнца и огня.

ЯПОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ Аматэрасу — богиня Солнца.

Дзимму — мифич. первый император Японии, потомок богов.

Идзанаки — бог, создатель земли и людей.

Идзанами — богиня, супруга Идзанаки, впоследствии — владычица царства мертвых.

Ниниги — потомок богини Аматэрасу, посланный ею на землю, предок японских императоров.

О-Куни-Нуси — бог, взрастивший на земле траву и деревья, научивший людей исцелять болезни.

Сусаноо — бог ветра и водной стихии, позже — герой, избавивший людей от восьмиглавого змея.

Цукиеми — бог Луны.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ Агамемнон — царь, предводитель греков в Троянской войне.

Аид — владыка царства мертвых.

Аполлон — бог Солнца, покровитель поэзии.

Арес — бог войны.

Артемида — богиня охоты, покровительница целомудрия.

Асклепий — бог врачевания.

Афина-богиня мудрости, покровительница ремесел.

Афродита — богиня любви и красоты.

Ахилл — отважный воин, герой Троянской войны.

Геба — богиня вечной юности.

Геката — богиня колдовских чар.

Гектор — сын царя Трои Приама, герой Троянской войны.

Гелиос — бог Солнца.

Гера — царица богов, супруга Зевса, покровительница брака и семейной жизни.

Геракл — герой, победитель чудовищ Сын Зевса и смертнойженщины.

Гермес — бог путешествий и торговли, вестник богов.

Гефест — бог огня и кузнечного ремесла.

Гея — богиня земли.

Дедал — мифический мастер-изобретатель и архитектор.

Деметра — богиня земледелия.

Дионис (или Вакх) — бог виноделия.

Елена — жена спартанского царя Менелая, из-за похищения которой сыном царя Трои Парисом началась Троянская война.

Зевс — царь богов, бог-громовержец.
Крон — отец Зевса, олицетворение хода времени.
Медея — волшебница, жена Ясона, героя мифа об аргонавтах.
Менелай — спартанский царь, муж Елены, участник Троянскойвойны.
Немезида — богиня возмездия.
Одиссей — царь Итаки, участник Троянской войны, герой многих приключений.
Орфей — мифический поэт и певец.
Парис — см. Елена.
Персей — герой, победитель горгоны Медузы Сын Зевса и смертной женщины.
Прометей — создатель и покровитель людей, добывший для них небесный огонь.
Рея — мать Зевса.
Селена — богиня Луны.
Тезей — царь Афин, победитель быкоголового чудовищаМинотавра.
Уран — бог неба.
Фемида — богиня правосудия.
Эрот — бог любви.
Язон (или Ясон) — герой, предводитель похода аргонавтов за золотым руном.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО РИМА Амур — бог любви.
Венера — богиня любви.
Веста — богиня домашнего очага.
Диана — богиня Луны, покровительница охоты.
Марс — бог войны.
Меркурий — бог торговли.
Минерва — богиня мудрости.
Ромул и Рем — мифические основатели Рима, сыновья Марса.
Юнона — супруга Юпитера, покровительница женщин.
Юпитер — царь богов, бог-громовержец.
Янус — бог начинаний.

МИФОЛОГИЯ ИНДЕЙЦЕВ Иоскеха (ирокезы) — олицетворение весны, бог — создатель людей.
Ицмана (майя) — бог — творец мира.
Иш-Чель (майя) — богиня Луны, покровительница медицины и деторождения.
Карускайбе (племя мундуруку) — бог-создатель людей.
Кецалькоатль (тольтеки) — бог-творец, владыка стихий, создатель людей.
Коатликуэ (ацтеки) — богиня земли и смерти.
Койольшауки (ацтеки) — богиня Луны.
Кукулькан (майя) — бог дождя и ветра.
Тавискарон (ирокезы) — брат Иоскехи, олицетворение зимы.
Тескатлипока (тольтеки) — бог войны и ночи.
Тлоке-Науоке (ацтеки) — верховное божество, воплощение творческого начала.
Уицилопочтли (ацтеки) — бог Солнца.

СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ Асы — общее наименование богов.

Бальдр — бог весны.

Браги — бог поэзии.

Валькирии — божественные девы-воительницы.

Ермунганд — Мировая змея.

Иггдрасиль — ясень, Мировое древо.

Идунн — богиня вечной молодости.

Имир — великан, первое живое существо в мире.

Йорд — богиня земли.

Локи — бог огня.

Норны — вещие девы.

Один — верховное божество.

Сив — богиня плодородия.

Тор — бог грома.

Улль — покровитель стрелков из лука и лыжников.

Фенрир — сын Локи, огромный волк.

Фрейя — богиня красоты и любви.

Фригг — первая среди богинь, супруга Одина.

Хель — владычица царства мертвых

Эйр — богиня, дарующая любовь

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андреева Екатерина. В поисках затерянного мира (Атлантида). Л.: Детская литература, 1961.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1972.

Арутюнов С.А., Светлов Г.Е. Старые и новые боги Японии. М.: Наука, 1968.

Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде. М.: Художественная литература, 1955.

Библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. М., 1691.

Библия. М.: Издание Московской Патриархии, 1956.

Былины. М.: Художественная литература, 1958.

Вергилий. Энеида. М.-Л.: Academia, 1933.

Волкова З.Н. Эпос Франции. М.: Наука, 1984.

Волшебные повести. М.: Художественная литература, 1962.

В стране легенд. М.: Детская литература, 1972.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984.

Град Китеж. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1969.

Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979.

Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974.

Древне-русские предания. М.: Советская Россия, 1982.

Древний Рим. М.: Учпедгиз, 1956.

Житие и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», Свято-Троицкая Сергеева лавра, 1997.

Житие и чудеса св. Николая Чудотворца. Минск, Харвест, М.: АСТ,2000.

Забелин И.Е. История города Москвы. М.: 1905.

Зееманн О. Мифология греков и римлян. М.: 1893.
Илья Муромец. М.-Л.: Наука, 1958.
Ирасек А Сочинения в восьми томах. Том первый. Старинные чешские сказания. М.: Художественная литература, 1955.
Ирландские саги. М.-Л.: Художественная литература, 1961.
Калевала. М.: Художественная литература, 1956.
Калугин В.И. Герои русского эпоса. М.: Современник, 1983.
Керам К. Боги, гробницы, ученые. М.: Иностранная литература, 1960.
Козьма Пражский. Чешская хроника. М.: Наука, 1962.
Комарович ВЛ. Китежская легенда. М. — Л.: Наука, 1936.
Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М: Наука, 1976.
Косидовский З. Библейские сказания. М: Издательство политической литературы, 1975.
Краткая история литературы Японии. Курс лекций. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975.
Кузьмищев В.А. Тайна жрецов майя. М.: Молодая гвардия, 1968.
Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. М.-Л.: Художественная литература, 1962.
Легенда о докторе Фаусте. М.-Л.: Наука, 1958.
Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. М.: Искусство, 1983.
Мертлик Р. Античные легенды и сказания. М.: Республика, 1992.
Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия,1982.
Мишин АИ. Путешествие в «Калевалу». Петрозаводск: Карелия,1988.
Младшая Эдда. Л.: Наука. 1970.
Музеус И.-К.-А. Сказки и легенды. М.: Художественная литература,1960.
Муравьев В.Б. Московские слова и словечки. М.: Изограф, 1997.
Нарайан Р.К. Боги, демоны и другие. М.: Наука, 1975. Новгородские былины. М.: Наука, 1978.
О Томасе Лермонте, шотландском предке русского поэта /Авторы текста Л. Овчининская, Т. Королева, И. Воронцов. М.: Лермонтовское наследие, 1993.
Парандовский Я. Мифология. М.: Детская литература, 1971.
Песнь о Роланде. М.: Художественная литература, 1958.
Плутарх. Избранные жизнеописания. М.: Правда, 1990.
Повести о начале Москвы. М.-Л.: Наука, 1964.
Похищение быка из Куальнге. М.: Наука, 1985.
Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Художественная литература, 1958.
Путешествия Элиаса Леннрота. Петрозаводск: Карелия, 1985.
Русские повести XV–XVI веков. М.-Л.: Художественная литература,1958.
Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Наука, 1963.
Сахарный Н. Гомеровский эпос. М.: Художественная литература,1976.
Сказания и Повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982.
Сказания Красного дракона. Волшебные сказки и предания кельтов. М.: Менеджер, 1996.
Сказки попугая. Индийские сказки и легенды. Минск: Дружба народов, Полифакт, 1992.

Словарь исторический о русских святых. С.-Пб., 1862.
Соколова В.К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970.
Старшая Эдда. М.-Л.: Наука, 1963.
Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л.: Наука, 1976.
Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М.: Наука, 1982.
Троянская война и ее герои. Л.: Детская литература, 1964.
Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Издательство МГУ, 1982.
Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: 1990.
Фрезер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М.: Издательство политической литературы, 1989.
Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. М.: Учпедгиз, 1953.
Христа ради юродивые. М.: 1902.
Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М.: Художественная литература, 1957.
Швыров А.В. Легенды европейских народов. С.-Пб., 1904.
Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир. М.: Издательство политической литературы, 1987.
Шотландские народные сказки и предания. М.: Художественная литература, 1967.
Энциклопедический словарь. Издатели: ФА Брокгауз, И А. Ефрон. С.-Пб.: 1890.
Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1987.
Я открою тебе сокровенное слово. М.: Художественная литература, 1981.